

Вильям Федорович Козлов

Время любить

Серия «Андреевский кавалер», книга 3

Scan, OCR, SpellCheck, Чернов Сергей (z.Orel) chernov@orel.ru

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=139040

В.Козлов Андреевский кавалер: С-П., АО «ВИС»; Санкт-Петербург;

1995

ISBN 5—7451—0028—1

Аннотация

Заключительная часть трилогии Вильяма Козлова. В романе продолжены сюжетные линии и темы, заявленные в двух предыдущих романах – “Андреевский кавалер” (1986) и “Когда боги глухи” (1987).

Содержание

Часть первая	7
Глава первая	7
1	7
2	25
3	47
4	69
Глава вторая	81
1	81
2	99
3	115
4	131
Глава третья	148
1	148
2	166
3	177
4	186
Глава четвертая	208
1	208
2	219
3	226
4	240
Глава пятая	246
1	246

2	266
3	286
4	293
Глава шестая	301
1	301
2	319
3	342
4	349
Глава седьмая	360
1	360
2	374
3	387
4	395
Глава восьмая	410
1	410
2	416
3	429
4	435
Часть вторая	453
Глава девятая	453
1	453
2	462
3	472
4	494
Глава десятая	512
1	512

2	532
3	550
Глава одиннадцатая	560
1	560
2	570
3	589
Глава двенадцатая	605
1	605
2	624
3	634
4	642
Глава тринадцатая	659
1	659
2	666
Глава четырнадцатая	686
1	686
2	704
3	718
Глава пятнадцатая	729
1	729
2	753
Часть третья	774
Глава шестнадцатая	774
1	774
2	780
3	795

Глава семнадцатая	806
1	806
2	819
3	840
Глава восемнадцатая	864
1	864
2	882
3	893
4	913
Без позолоченных рам...	932

Вильям Козлов

Время любить

Часть первая

Возвращение Андрея

*Да, верю, верю я, что все пред ним равны...
Но люди не для мук – для счастья рождены!
И сами создали себе они мученья,
Забыв, что на кресте пророк им завещал
Свободы, равенства и братства идеал
И за него велел переносить гоненья.*

А. Н. Плещеев

Глава первая

1

Июнь 1983 года порадовал ленинградцев теплом и солнцем. Каменные громады зданий еще не раскалились настолько, чтобы излучать постоянный жар, переходящий в неподвижную духоту. Легкий ветер с Невы обдувал лица прохожих. Было жарко, но не душно. На Средней Рогатке, отку-

да начинается шоссейная дорога на Москву, стояла высокая большеглазая девушка в темно-синих вельветовых джинсах и клетчатой ковбойке с засученными рукавами. Лучи яркого июньского солнца позолотили ее длинные каштановые волосы, свободно спускающиеся на узкие плечи, заставляли прищуривать светлые, с небесной голубизной глаза. У ног девушки на асфальте стояла спортивная сумка. Синие, с белыми полосами кроссовки припорошила пыль. Сворачивающие с площади Победы машины не очень быстро проезжали мимо. Водители бросали на девушку любопытные взгляды, но она никак не реагировала на это. Стоило бы ей поднять руку – и любой, наверное, остановится. Иногда девушка бросала взгляд на часы, что синим огнем вспыхивали на ее тонком запястье, досадливо качала головой, недовольно поджимала подкрашенные губы. Она кого-то ждала, и этот кто-то явно опаздывал.

Вишневые «Жигули» с визгом остановились рядом, девушка встрепенулась, выпрямилась, провела узкой ладонью по гладкой щеке, будто отгоняя назойливую муху, нагнулась за сумкой. Стекло с шорохом опустилось, и показалась круглая голова с загорелым лбом и глубокими залысинами.

– Куда вас подбросить, красавица? – улыбаясь, спросил водитель.

В машине, кроме него, никого не было. Девушка разочарованно опустила руку с сумкой, переступила с ноги на ногу, небрежно уронила:

– Спасибо, я никуда не еду.

– Чем же вам не понравилась моя «ласточка»? – любовно похлопал водитель рукой по огненно сверкающей дверце.

Ему пришлось перегнуться через сиденье, и короткая шея побагровела от напряжения. Однако водитель лучезарно улыбался, не отрывая заинтересованного взгляда от девушки; он небрежно нажал на какую-то кнопку, и из кабины выплеснулась мощная красивая мелодия.

– С ветерком и великолепной стереомузыкой помчу я вас в туманную даль! – балагурил он, пожирая ее глазами.

– Вы поэт, – улыбнулась девушка. – Все это заманчиво, но я жду другого, кто помчит меня, как вы сказали, в туманную даль.

– Он, другой, конечно, на белой «Волге»? – насмешливо сказал водитель, приглушая музыку.

– На «мерседесе», – в тон ему ответила девушка.

Ожидающие поодаль попутного транспорта два парня с громоздкими рюкзаками и толстушка в малиновом спортивном костюме с белой окантовкой, видя, что произошла какая-то заминка, направились к «Жигулям».

– Ну, с «мерседесом» я не могу тягаться, – пробурчал водитель и, подняв стекло, резко тронул машину, даже не взглянув на махавших ему руками парней. Толстушка в спортивном костюме показала язык и погрозила вслед кулаком.

– Не кипятись, Мила, он, видно, любит высоких, длинно-

ногих, – насмешливо проговорил один из парней, бросив на девушку в вельветовых джинсах оценивающий взгляд.

– Без вас я бы уже давно уехала, – не осталась в долгу Мила.

Девушка отвернулась и стала смотреть на площадь Победы. Два высоченных башенных здания и посередине сорокавосьмиметровый обелиск из гранита величественно открывали въезд на Московский проспект. Отсюда не очень отчетливо просматривались на площади скульптурные группы, установленные по обеим сторонам обелиска на массивных гранитных пьедесталах-пилонах. Солнечный луч рельефно высветил у основания обелиска победителей – бронзовых солдата и рабочего. Над площадью белым сугробом застыло облако, внизу по огромному кругу огибали памятник автомашины.

Девушка больше не смотрела на часы. Достав из сумки розовые солнцезащитные очки с большими круглыми стеклами, она надела их. Не обращая внимания на машины, прямо стояла, подставив солнцу нахмуренное лицо. Розовые очки с выпуклыми стеклами придавали ей вызывающий, неприступный вид. Парни и толстушка уехали на фургоне, покрытом выгоревшим брезентом. Уезжали на легковых и грузовых попутках и другие, а девушка все стояла у обочины и безучастно смотрела прямо перед собой. Пухлые губы ее сердито сжались, круглый подбородок выдвинулся вперед. Вся неподвижная фигура девушки выражала непоколеби-

мую решимость ждать. Ждать сколько угодно.

Когда, немного не доезжая до нее, остановился зеленый, с брезентовым тентом грузовик «ГАЗ-66-01», девушка даже головы не повернула. От солнца ее нос и выпуклые скулы порозовели.

– Ты меня, Мария, извини, пришлось задержаться, – выскочив из кабины, сказал рослый широкоплечий парень с густыми темно-русыми, спадающими на лоб волосами.

Девушка перевела взгляд с него на грузовик, машинально сняла очки, глаза ее расширились.

– Мы поедem на этой... этом чудовище? – воскликнула она.

– Замечательная машина, – улыбнулся парень. – Даже с вентилятором. И скорость вполне приличная.

– Господи, Андрей! Ты не перестаешь меня удивлять... Я ждала тебя, гм... на «мерседесе»... – Она взглянула на часы: – Мало того, что на час двадцать опоздал, так еще прикатил на каком-то паршивом грузовике! Ты что, издеваешься надо мной?

– Надежный аппарат, – двинул ногой в скат Андрей. – А «жигуленок», понимаешь, меня подвел: на нем отец, оказывается, проехал без масла в картере, и вот мотор заклинило. Ремонту месяц, а нам нужно быть завтра в Андреевке.

– Где ты его взял? Угнал? Нас будет милиция догонять? Или теперь на вертолетах преследуют?

– У меня много, Мария, недостатков, но угонщиком ма-

шин я никогда не был.

– А мне тут один симпатичный толстячок предлагал поехать с ним в туманную даль на новеньких «Жигулях», – сказала она. – И с музыкой.

– Я бы его догнал и протаранил, – сделал зверское лицо Андрей. – Ты разве не знала, что я в гневе страшен?

– Ты умеешь сердиться? Что-то я этого не замечала.

– Чаще всего я сержусь на себя, – улыбнулся Андрей.

– Послушай, мне не хочется ехать на этом монстре, – плачущим голосом произнесла Мария. – К нему даже страшно подойти.

Грузовик как раз в этот момент, будто обидевшись, громко выстрелил из выхлопной трубы.

– Ты недооцениваешь мой «газон», – заметил Андрей. – Сиденья мягкие, есть даже подвесная койка...

– Где ты его взял? Пока не скажешь правду, не сяду.

– Меня попросил один мой хороший знакомый отогнать его после капиталки в Климово. Не мог же я отказать приятелю? И все равно ведь на чем-то нам нужно было добираться до Андреевки.

– Твой хороший знакомый не мог предложить чего-нибудь получше? Например, автобус «Икарус» или, на худой конец, вертолет?

Андрей нагнулся, подхватил девушку и вместе с сумкой понес к распахнутой дверце пофыркивающего грузовика.

– Мой знакомый пока еще не министр, а всего-навсего

главный инженер авторемонтного завода, но, если ты хочешь, я познакомлюсь с министром гражданской авиации.

– Я не люблю на самолетах летать, – обхватив его за крепкую шею, проговорила Мария. Она улыбалась, покачиваясь на его руках.

Когда они миновали пост ГАИ на Московском шоссе и Андрей прибавил скорость, Мария заметила:

– А здесь и вправду хорошо... Такое ощущение, будто паришь в воздухе над всеми другими машинами.

– Ты что, никогда не ездила на грузовиках? – покосился он на нее.

– У папы «Волга», у моих знакомых – «Жигули», да и ты ко мне раньше приезжал, по-моему, не на грузовике...

– Я все забываю, что твой папа – шишка! – усмехнулся он.

– Не шишка, а известный филолог, – сделала вид, что обиделась, Мария. – Ясно, товарищ водитель грузовика?

– Как правило, громкими именами родителей дети прикрывают собственное ничтожество, – заметил он.

– Если ты имеешь в виду меня, то я еще просто-напросто никто, – не обиделась Мария. – Я студентка второго курса Ленинградского университета. И получится из меня филолог или нет, не знает никто, в том числе и я сама.

– Папа знает, – продолжал Андрей. И непонятно было, всерьез он или разыгрывает ее. – Он же устроил тебя в университет? И именно на филологический факультет?

– Представь себе, сама прошла по конкурсу, – с вызовом

сказала Мария.

– Ты ведь не знаешь, какие меры предпринял твой папочка. Надавил на какие надо пружины – и ты прошла. Не прошла, а пролетела!

– Ты думаешь? – вдруг опечалилась она. – А я-то полагала, что я сама.

– Ладно, я треплюсь, – смилостивился Андрей. – Может, твой отец честный, справедливый, принципиальный... Как мой.

– Ты любишь своего отца?

– Я восхищаюсь им. Он никогда меня пальцем не тронул, не тыкал никуда носом, не поучал, не читал нотаций, а теперь с гордостью утверждает, что воспитал себе достойную смену. А я как-то не заметил, чтобы он меня воспитывал.

– Действительно, твой отец – замечательная личность! – сказала она. – Если ты в детстве не замечаешь, что тебя воспитывают, так это и есть самое умное, тонкое воспитание...

– Надо же! – покосился Андрей на девушку. – Какие вы там, в университете, все вумные...

– А ты разве не там, не в университете?

– Я забыл тебе сказать – я ушел с четвертого курса, – небрежно уронил он. – Перешел на заочное отделение... Решил поездить, осмотреться, так сказать, пощупать все, что нас окружает, руками...

– Ты опять меня разыгрываешь? – надула она пухлые губы, отчего лицо у нее стало совсем как у маленькой обижен-

ной девочки.

– Точно так же мне сказала и мать, когда я ей сообщил об этом.

– А твой мудрый, тонкий, умный отец?

– Он ничего не сказал.

– Ничего-ничего?

– Он спешил как раз туда, куда мы сейчас с тобой едем, и произнес лишь одну-единственную фразу: «Павлинами рядиться медведям не годится». Второй день ломаю голову: что он этим хотел сказать?

– «Павлинами рядиться медведям не годится...» – раздумчиво повторила Мария. – Очевидно, пословица, а как вот ее к твоему дурацкому поступку применить, я в толк не могу взять.

– Дурацкому?

– Разве умно уходить из университета накануне его окончания?

– Не повторяй слова моей матери, а то я в тебе разочаруюсь, – сказал Андрей.

– Тогда скажи, куда мы все-таки едем на этой замечательной громадине с подвесной койкой и зачем.

– Ты же сама говорила, что со мной в огонь и в воду, – улыбнулся он.

Когда Андрей улыбался, лицо его становилось мягким, добрым, а серые глаза сияли. В самом центре зрачка вспыхивал острый огонек, от которого разбегались зеленоватые

лучики.

– Секрет?

– Никакого секрета нет. Просто каждый год все мы из клана Абросимовых по традиции собираемся в Андреевке седьмого июня.

– Чем же знаменательна сия дата?

– У моей бабушки, у тети Гали и у полковника в отставке Дерюгина седьмого июня день рождения. Кстати, я тоже родился в июне, только не седьмого, а десятого. Правда, свой день рождения я никогда не праздную...

– Почему?

– Я еще не уверен, что мне вообще следовало родиться, – ответил он и даже не улыбнулся.

Мария скосила на него свои большие глаза, они у нее были прозрачными, с голубизной. Иногда в гневе темнели, а голубизна превращалась в синеву.

– Я и не знала, что ты так строг к себе, – после паузы сказала она. – Ты мне всегда казался самоуверенным, сильным, умным...

– Все мы кому-то кем-то кажемся, а на самом деле даже себя как следует не знаем.

– Ты действительно сын своего отца – оба говорите загадками.

– Может, мне следовало поступить на философский факультет? – думая о своем, обронил Андрей. – Правда, философов, подобных древним грекам, нынче не стало...

– Ты хочешь заполнить собой этот пробел?

– Я даже не знаю, чего я хочу, – с горечью вырвалось у него.

– В этом отношении ты не одинок...

– И ты, дорогая, комплексуешь? – покосился он на нее.

– Какое противное слово!

– Извини, я забыл – ты же у нас фи-ло-ло-гиня! – Последнее слово он произнес по складам.

– А что? Звучит! – рассмеялась она. – Почти гра-фи-ня!

– У тебя еще и мания величия, – поддел он.

– Потому я и разъезжаю на задрипанных грузовиках, – не осталась она в долгу.

Яркая зелень обочин, листва придорожных деревьев, низкие пышные белые облака, нависшие над поблескивающей сталью лентой асфальта, – все это радовало взгляд, отвыкший в городе от природы, простора. Шоссе то горбато вздымалось на холм, то, прогибаясь, скатывалось в зеленую низину, по обеим сторонам еще виднелись многоэтажные здания в лесах, позже пошли длинные сельскохозяйственные постройки, серебристые силосные башни, цветущие яблоневые сады. Дорожные рабочие, сбросив свои оранжевые куртки, ремонтировали кусок шоссе. Запах горячего асфальта ударил в нос. На обочинах неспешно разгуливали грачи, кося блестящими глазами на проезжающие совсем близко автомашины.

– Когда я выезжаю за городскую черту, у меня такое ощу-

щение, будто я навсегда обрываю нить, связывающую меня с городом, – заговорил Андрей. – Все мои дела, заботы, неприятности остаются позади, а впереди – другая, интересная жизнь... Я понимаю, все это самообман, но ощущение приятное.

– Я редко покидаю Ленинград и потому ничего подобного не испытываю, – сказала Мария. – Да, Андрей, как же я покажусь у твоих родственников в таком наряде? Что они обо мне подумают? Скажут, хиппи какая-то!

– Тебя это очень волнует?

– В общем-то нет, но... А тебя не волнует?

– Меня уже давно не волнует, что обо мне люди подумают или скажут, – усмехнулся он. – Стоит ли на это обращать внимание?

– Боже! Какие мы непонятые, гордые, разочарованные в жизни... – насмешливо произнесла Мария. – Мы этикие Чайльд Гарольды, Печорины, Евгении Онегины...

– Почему все это во множественном числе? Ты обижаешь наших классиков.

– Мне так нравится.

– Каждый из них вошел в историю.

– Ты хочешь сказать – классики обессмертили имена своих героев?

– И себя, между прочим, – заметил Андрей. Наморщив лоб, он мучительно вспоминал понравившийся ему отрывок из знаменитой поэмы Байрона. Начал он неуверенно, оста-

навливаясь и снова возвращаясь к началу, но затем голос его окреп и он с выражением прочел:

... И в мире был он одинок. Хоть многих
Поил он щедро за столом своим,
Он знал их, прихлебателей убогих,
Друзей на час, – он ведал цену им.
И женщинами не был он любим.
Но боже мой, какая не сдается,
Когда мы блеск и роскошь ей сулим!
Так мотылек на яркий свет несется,
И плачет ангел там, где сатана смеется...

– А я не помню наизусть почти ни одного стихотворения, кроме тех, что в школе заучивали наизусть... Ну вроде: «Буря мглою небо кроет, вихри снежные крутя, то как зверь она завоет, то заплачет, как дитя...» Или: «Плакала Саша, как лес вырубали, ей и теперь его жалко до слез...»

– Стихи я запоминаю, а вот ни одного телефонного номера не помню, – улыбнулся Андрей.

Он уверенно обхватил ладонями черную ребристую баранку, мощная большая машина бежала легко, теплый ветер завывал в ветровом приоткрытом окне. Больше восьмидесяти километров Андрей не мог выжать: все-таки машина из капитального ремонта, наверное, поставлен ограничитель скорости. Еще вчера он и не предполагал, что ему предстоит трястись в такую даль на грузовике. Он собирался отпра-

виться с отцом на «Жигулях». За два дня до этого позвонил приятель отца – Николай Петрович Ушков – и попросил отвезти его с семьей на дачу на Карельский перешеек. Отец отвез, а вот назад «Жигули» пришлось тащить на буксире: почему-то вытекло из картера масло и, естественно, заклинило мотор. Подъезда к даче не было, но дотошный Ушков посоветовал поехать через каменистое поле с рытвинами. Там, очевидно, отец и повредил картер.

Отец поставил «Жигули» на ремонт и укатил в Андреевку на поезде. А тут как раз кстати позвонил знакомый отца – главный инженер авторемонтного завода – и попал на Андрея. Отец обещал у них выступить на читательской конференции. Узнав, что Казаков уехал в Андреевку, главный инженер рассказал, что приехавший из Климова за машиной шофер загулял в Ленинграде, попал в вытрезвитель и за все свои художества схлопотал пятнадцать суток. Из Климовской райзаготконторы шлюет телеграммы: мол, скорее присылайте из капремонта машину, ко всем чертям летит план, без машины они там как без рук... Андреевка ведь Климовского района?..

Быстро смекнувший, что к чему, Андрей сообщил главному инженеру, что он шофер второго класса и готов отогнать в Климово грузовик. Обрадованный главный инженер пообещал тут же оформить путевку, прогонные документы и даже оплатить командировочные за двое суток. Андрей помчался на завод, быстро все оформил, нацепил спереди и сзади

транзитные номера и с опозданием на один час двадцать минут предстал перед Марией у Средней Рогатки...

– Андрей, что это такое? – воскликнула Мария. – Что он делает?!

Он уже сам заметил, что идущие впереди вишневые «Жигули», выйдя на обгон, вдруг завиляли, прижались к боку «КамАЗа» с прицепом, потом развернулись поперек дороги и перед самым столкновением с мчащейся навстречу «Волгой» резко выскочили на обочину, перемахнули через придорожную канаву и, несколько раз перевернувшись на травянистой лужайке, замерли кверху днищем. Передние колеса продолжали бешено вращаться. «КамАЗ» ушел вперед, – наверное, водитель ничего не заметил, – а «Волга», не остановившись, прошелестела мимо. Все это произошло за считанные секунды.

Андрей нажал на завизжавший, как поросенок, тормоз, свернул на обочину, вымахнул из кабины и помчался к опрокинутым «Жигулям». Лобовое стекло разлетелось вдребезги, лишь в одном углу изморозью белели его остатки, верх был сильно помят, как раз над местом водителя крыша особенно сильно прогнулась, на сгибах отлупилась краска. Motor заглох, но колеса все еще продолжали вертеться. Остро пахло бензином, в наступившей тишине слышалось негромкое зловещее потрескивание, бульканье. Невысокие березы отгораживали место катастрофы от шоссе, которое вдруг стало пустынным. Над головой сверкали на солнце телеграф-

ные провода. Пожелтевший бумажный змей вяло трепыхался на них, зацепившись веревочным хвостом. Человек в машине не подавал признаков жизни. Солнце ярко светило, облака плыли над головой, в кустах чирикали воробьи. Заметив тоненькую струйку дыма, пробивавшуюся через вспученный капот, Андрей рванул дверцу на себя – она на удивление легко открылась, и на траву мешком вывалился тучный пожилой человек с закрытыми глазами. Лоб с залысинами был глубоко рассечен, но кровь почему-то не сочилась. Лицо будто присыпано мукой, под глазами обозначились синие мешки. Из-под капота уже не дымок тянул, а выползли длинные языки пламени. Подхватив раненого под мышки, Андрей потащил его подальше от машины. И только сейчас заметил, что рубашка сбоку вся красная от крови. Каблуки желтых полуботинок пробороzdили две узкие дорожки в траве.

– Это он, Андрюша! – услышал он испуганный голос Марии. – Господи, он жив?!

Взглянув на лизавшее капот пламя, Андрей грубо крикнул:

– Беги к обочине, слышишь?!

Девушка удивленно взглянула на него и послушно побежала к шоссе. Андрей поднял раненого, как ребенка, на руки и торопливо зашагал за ней. Круглая голова на короткой шее безвольно покачивалась, кровь из раны в предплечье капала на зеленую траву, испачкала Андрею синие потертые джин-

сы, рубашку. Он осторожно опустил человека на землю, нагнулся и стал слушать сердце.

– Живой, – пробормотал он негромко и бросил взгляд на машину, почти не видимую за смятыми кустами.

Кажется, пламя стало меньше, однако немного погодя раздался взрыв, и черная копоть с огненным всплеском взметнулась над кустами. Пламя достигло телеграфных проводов, и бумажный змей вспыхнул и рассыпался в прах. На зеленую траву плавно опустились черные клочки.

– Я всегда считал, что машина взрывается при аварии только в кино. Это так эффектно, – негромко произнес Андрей, глядя на бушующее пламя. Запахло горячей обшивкой, резиной. Андрей резко повернулся к побледневшей девушке: – Вот что, Мария, ты сядешь в кузов вместе с ним, ну поддержишь его за голову, а я погоню в ближайший медпункт. По-моему, впереди большой поселок, там наверняка ГАИ и медпункт.

– Он... не умрет, Андрюша?

Но тот уже не слышал, он подбежал к своей машине, откинул задний металлический борт, бегом вернулся и, снова взяв на руки раненого, понес к машине. Мария шла за ним.

– Лезь в кузов, – командовал Андрей. – Подсунь ладони под голову! Да не бойся, не укусит!

Устроив раненого на металлическом полу, он достал из кабины свою светлую куртку, подложил под голову. Девушка смотрела на него расширившимися потемневшими глазами,

нижняя пухлая губа у нее чуть заметно дрожала.

– А ведь я могла быть в этой машине... – потерянными голосом произнесла она. – Этот самый дядечка уговаривал меня поехать с ним. Говорит, с музыкой прокачу. И вот прокачу... .

– Я поеду быстро, ты смотри, чтобы он не стукнулся обо что-нибудь, – подавая девушке сумку, говорил Андрей. – Сядь рядом на этот чертов бак и придерживай его.

Мария, однако, уселась прямо на пол, вытянула почти до борта свои длинные ноги и осторожно положила голову человека на колени. Губы раненого искривились, он издал негромкий стон.

– Слава богу, живой, – прошептала Мария.

– Может быть, я все-таки не зря родился, если спас одного человека от верной смерти? – задумчиво глядя на дымящуюся за кустами машину, проговорил Андрей.

– А что бы делала тогда я? – тихо произнесла Мария.

– Ты? – перевел на нее недоуменный взгляд Андрей.

– Как бы я жила на белом свете, если бы не было тебя, дорогой?..

– Жизнь и смерть ходят совсем рядом, – сказал он. – Как влюбленные, рука об руку.

– Я никогда о смерти не думала...

– А зачем о ней думать? Я где-то прочел: смерти не нужно бояться, пока мы живы – ее нет, а когда она придет – нас не будет.

– Мрачная цитата, – заметила Мария.

Андрей откинул рукой волосы с глаз и пошел к кабине.

Грузовик свирепо взревел, рванулся с места.

Над горящей машиной на большой высоте совершал свои плавные круги облитый солнцем золотистый ястреб.

2

Большой абросимовский дом смотрел на дорогу пятью окнами. Наверху балкончик с застекленной дверью в верхнюю пристройку. Невысокие яблони стояли между грядками ровными рядами, как солдаты в строю, у палисадника густо разрослись пахучая черная смородина и колючий крыжовник. На грядках вызревала крупная клубника. Рядом с калиткой большие высокие ворота, которые подпирались дубовой перекладиной и запирались на висячий замок. Зацементированная узкая тропинка вела к покрашенному зеленой краской крыльцу. Вдоль забора, отделяющего участок Абросимовых от детсада, росли вишни. Кто бы ни проходил мимо, обращал внимание на тщательно и любовно ухоженный участок. Здесь все было спланировано продуманно: грядки по бокам залиты цементом, ни одного сорняка не заметишь на них, стволы яблонь выбелены известью, забор свежевыкрашен, под водостоком стоит красная бочка, на коньке железной крыши вытянул длинную шею с розовым гребнем на голове жестяной петух. В непогоду петух бесшумно поворачи-

вался, указывая клювом, в какую сторону дует ветер. И во дворе был идеальный порядок: стройматериалы сложены под навесом сарая и покрыты рубероидом, железобетонный колодец накрыт круглой деревянной крышкой с ручкой, цинковое ведро подвешено на специальный крюк. Рядом с колодцем большая бочка для воды. На зеленой лужайке перед картофельным полем ни одна травинка не смята, на отцветших одуванчиках еще белели редкие пушинки.

Когда-то перед домом стояли четыре красавицы сосны, теперь сохранились лишь две. Советская Армия освобождала Андреевку в 1943 году, снаряд угодил в крайнюю сосну и расщепил ее пополам. Две оставшиеся сосны могуче развернули свои огромные ветви по сторонам, толстые, в лепешках серой коры стволы и вдвоем не обхватить. В просвете между соснами виднелась белая оцинкованная крыша железнодорожного вокзала с конусной башенкой. Вокзал в войну не пострадал, хотя немало на путях взорвалось фугасных бомб.

В доме Абросимовых в это июньское лето собралось пятнадцать близких родственников, не считая Марию Знаменскую, приехавшую с Андреем Абросимовым. Взрослые оживленно хлопотали по хозяйству, готовились к семейному празднику, молодежь с утра ушла на Лысуху купаться, самые маленькие Абросимовы, Казаковы, Дерюгины шныряли по дому, комнатам, залезали на чердак покопаться в старых вещах и книгах. За ними зорко следил Григорий Елисеевич Дерюгин. То и дело слышался его негромкий укоряющий го-

лос:

– Ой-я-я! Ты зачем, Сережа, надел соломенную шляпу? Повесь на место. А ты, Оля, опять топталась на траве? Шли бы лучше за ворота, там и гуляли, а то крутятся под ногами, мешают, одна от вас морока!..

– Папа, ну куда ты их гонишь? – возражала его дочь Нина Григорьевна. – Выбегут на дорогу, а там машины... Пусть поиграют на лужайке.

– Ой-я-я! – ворчал Дерюгин. – Мы тут с Федором Федоровичем каждую травинку бережем, а они все затопчут.

– Для кого бережете? – вступала в разговор полная русоволосая сестра Вадима, Галина Федоровна. – На то и трава, чтобы по ней ходить.

– Это тимофеевка, мы с Федором Федоровичем за семенами в колхоз ходили, – отвечал Григорий Елисеевич. – Скосим, отнесем соседке, а она нас молоком обеспечивает.

– Приехали на природу! – негромко, чтобы не услышал Дерюгин, говорила чернявая жена брата Вадима, Геннадия Федоровича Казакова. – Ступить на траву нельзя, сорвать ягоду – упаси бог! Это же дети...

– Папа, я тебе привезла мемуары Рокоссовского, – переводила разговор на другое младшая дочь Дерюгина, Надежда Григорьевна. – А книгу маршала Штеменко не достала.

– Штеменко был генералом армии, – солидно поправлял Григорий Елисеевич.

Федор Федорович Казаков, худой, морщинистый, с седо-

ватыми жидкими волосами, сидя во дворе на низкой скамейке, чистил картошку. На узкой спине, обтянутой выгоревшим железнодорожным кителем, выступали острые лопатки. Очищенные клубни он бросал в эмалированную миску. У ног его на траве пристроилась десятилетняя внучка Марина. Она с увлечением читала книжку. Когда на страницу попали капли от брошенной в миску картофелины, девочка вскинула на старика темные глаза и недовольно произнесла:

– Дедушка, ты меня обрызгал! И книжку – тоже.

– Не стыдно, дед чистит картошку, а ты расселась на траве и нос уткнула в книжку? – тут же заметил Григорий Елисеич.

– Дедушка мне не разрешил, – ответила острая на язычок Марина. – Сказал, что я слишком много шелухи срезаю.

Этот аргумент безотказно подействовал на скупого Дерюгина. Отстав от девочки, он подошел к другому внуку Казакова – шестнадцатилетнему Саше, склонившемуся у допотопного мотороллера «Вятка». Свесив длинные желтые волосы на глаза, тот подтягивал ключами трос сцепления. Прямой абросимовский нос юноши был запачкан солидолом, руки в масле. На круглых, с белым пушком щеках высыпали веснушки. Саша был молчаливым, стеснительным паренком. Он увлекался сначала французской борьбой, а когда до Великополя докатилась мода на дзюдо, занялся этим видом спорта. Говорить о своих успехах не любил, как и показывать приемы.

– Давно выбросить надо эту ржавую развалину на свалку, – ворчливо заметил Григорий Елисеевич. – Ника кого толку от нее не будет.

– Налажу, – коротко ответил Саша, не отрываясь от дела. Дерюгин только рукой махнул.

Мотороллер «Вятка» был выпуска 1965 года, на нем откаталось в Андреевке не одно поколение подрастающих Абросимовых. Привез его сюда из Ленинграда Вадим Федорович Казаков. Учились ездить на нем все кому не лень. Даже Григорий Елисеевич попробовал, но после того, как выломал в заборе две жердины и вывихнул мизинец на левой руке, остыл к мотороллеру. На нем ездили на рыбалку, даже приспособили тачку на велосипедных колесах, гоняли за грибами, ягодами.

Годами стоял он в темной кладовке без движения, потом находился какой-нибудь энтузиаст, доставал запасные части, ремонтировал, и снова «Вятка» весело урчала на лесных дорогах, возя на себе рыбаков, грибников, ягодников. Последний раз «Вятку» отремонтировал Андрей Абросимов – он поставил новые колеса, тормоза, систему зажигания. Мотороллер два сезона побегал и снова вышел из строя. А теперь вот Саша занялся им.

– Вывел бы ты его, горе-мастер, за ворота и там ковыряйся, – не мог успокоиться Григорий Елисеевич. – Накапаешь тут масла, да и бензином воняет.

– Бак пустой, – буркнул Саша.

Выпрямился во весь свой внушительный рост, отвел испачканной рукой длинные желтые волосы с глаз, собрал в брезентовую сумку инструмент и молча повел мотороллер со двора. Плечи у него широкие, но еще спортивной крепости юноша далеко не достиг. Впрочем, утверждают, что для овладения приемами дзюдо необязательно быть очень сильным, тут необходимы ловкость, увертливость, хорошая реакция. Андрей Абросимов и Саша Казаков вчера померились силами на берегу речки. Андрей владел боксом, самбо, в армии был в десантных войсках, да и на вид богатырь – недаром все Абросимовы говорят, что он пошел в своего могучего прадеда Андрея Ивановича Абросимова, похороненного в Андреевке.

Прочитав в детстве книгу отца, в которой рассказывалось о подвиге Абросимова, Андрей решил взять себе фамилию прадеда. Написал заявление, сходил куда надо и получил паспорт на фамилию Абросимов. Матери все это не очень понравилось, а отец по этому поводу ничего не сказал. Андрей Иванович и для него был легендарной личностью. Андрей собрал редкие старинные фотографии прадеда, пожелтевшие вырезки из газет с его портретом. Пожалуй, это был его первый архив. Папка с бумагами Абросимова лежала с самыми дорогими для Андрея предметами – спортивными значками, воинскими благодарностями, стихами.

Андрей без труда справился с Сашей, раскритиковал его тренера. Кстати, в этом модном виде спорта подвизалось

немало деляг и ловкачей, которые аккуратно взимали с учеников пятерки и десятки, а преподавали приемы как бог на душу положит. Саша ничего не сказал своему двоюродному брату, но сомнения насчет тренера запали ему в душу. Говорит тот красиво, сулит сделать всех великими бойцами, а Андрей одной рукой с ним, Сашей, справился... Когда зашел разговор о разных стилях борьбы, Андрей сказал, что каратэ в переводе с японского – «пустая рука». Саша об этом впервые услышал, да и каратэ он знал понаслышке.

К ужину во дворе Абросимовых появился Миша Супронович. Дерюгин, увидев его, сморщился, как от зубной боли, и демонстративно ушел на свою половину. Мишу это ничуть не смутило. Подойдя к Нине и Наде Дерюгиным – они чистили скользких окуней у колодца, – присел на лужайку, снизу вверх взглянул на молодых женщин.

– Опять подшофе, Миша? – добродушно осведомилась Нина Григорьевна.

– Тут у вас писатели-поэты, – растянул толстые губы в ухмылке Супронович. – Рабочему классу нет никакого внимания.

– Где ты работаешь, Миша? – спросила Надя.

– На промкомбинате слесарю, – ответил он.

– Вроде бы в прошлом году ты работал на железной дороге?

– Я не папа Карла, чтобы рельсы да шпалы таскать на своем горбу, – заметил Миша. – Мне в слесарке непыльно... –

Он бросил взгляд на крыльцо, где появился Григорий Елисеевич: – Чего это отставной полковник на меня косится, как на врага народа?

«Ты и есть враг! – чуть было не вырвалось у Нади. – Хоть помолчал бы!»

Миша Супронович каким-то образом разнюхал, что Нина Дерюгина вовсе не родная дочь Григория Елисеевича. Настоящий отец Нины бросил ее мать, когда Нина еще и на свет не появилась. Девочка выросла, ничего не зная об этом. А несколько лет назад, когда Нине уже было шестнадцать, Миша взял и все ей рассказал. Конечно, для девушки это было потрясением. Родителям пришлось рассказать ей всю правду. Жив ее отец, Рыбин, или его уже давно на свете нет – этого никто не знал. Он уехал из этих краев за полгода до рождения Нины и больше здесь не появлялся. Дерюгин не мог простить Мишу Супроновича и за глаза называл его змеиным выкормышем.

Миша был внуком Леонида Супроновича. Правда, он этим не хвастал. Внешне он совсем не походил на бывшего бургомистра: невысокий, кривоногий, с острым лицом, глаза маленькие, неопределенного цвета, губы толстые, вечно кривятся в непонятной усмешке. Он рано начал выпивать, сменил в Андреевке уже несколько мест работы. Когда появлялся у Абросимовых, Дерюгин ходил по двору мрачнее тучи, бросал на него испепеляющие взгляды, но этим его негодование и ограничивалось. В общем-то Миша открыл Ни-

не правду о ее родном отце. Удивительно лишь, откуда он про это пронюхал. Никто в Андреевке не знал, что Нина – не родная дочь Григория Елисеевича. Но у Миши Супроновича было какое-то собачье чутье на чужие тайны. Выведав что-либо неприятное про односельчан, он при удобном случае ставил их в самое неловкое положение. Мишу Супроновича не любили в Андреевке. Здесь-то все знали, кем был в годы войны его дед. Была в Мише какая-то подлинка, она сидела у него внутри, как червоточина в яблоке. Ко всему прочему он еще был завистлив. Когда Васька Петухов, монтер радиотрансляционной сети, выиграл по лотерее «Запорожец», Миша Супронович весь извелся от зависти. Накупил на всю зарплату лотерейных билетов, хвастался, что выиграет «Волгу», но выиграл лишь пылесос да электробритву «Харьков»... Зато как он радовался, когда Васька врезался на машине в телеграфный столб, своротил набок капот и выбил стекло.

– Ты только неприятные вещи говоришь, – неприязненно посмотрела на него Надя, бросая вычищенного окуня в эмалированный таз.

– А папашка ваш ходит по поселку как нищий, – скривил рот в улыбке Миша. – Говорят, денег куры не клюют, большая пенсия, а все еще донашивает свои военные галифе да кителя...

– Не задевай отца, – оборвала Надя.

– Миша, у тебя голова болит? – участливо взглянула на

него Нина.

Она была добродушной, склонной к полноте женщиной. Зла на Мишу не помнила, относилась к нему как к родственнику, не раз давала деньги, когда он заявлялся с утра с тяжелой головой.

– Разве меня за стол позовут! – вздохнул Миша, кивнув на крыльцо, где курили мужчины. – Родственники называются! Кто я? Рабочая косточка, вон у меня какие руки... – Он выставил перед собой огрубевшие, все в трещинах ладони. – А они интеллигенты! Ничего, я еще тоже свое последнее слово не сказал... Обо мне еще многие услышат...

Все знали, что Миша пишет какие-то стихи, но вслух он их никому не читал.

Нина пошла в дом, а немного погодя вышла, что-то пряча под наброшенной на плечи вязаной кофтой. Миша проворно вскочил с травы, мигнул, мол, зайдем за колодец, там ему Нина отдала бутылку вермута и кусок красной рыбы с хлебом.

– Как нищему подают Христа ради на паперти, – пробурчал он, проходя к калитке мимо женщин.

– Наглец! – сказала Надя, провожая его сердитым взглядом. – Никогда ничем не бывает довольный. А пусти его в дом – так всем со своей мерзкой ухмылочкой наговорит гадостей!

– Родственник он нам как-никак, – ответила Нина.

– От таких родственников лучше держаться подальше...

– Какой есть, такой уж и есть, – вздохнула Нина.

– Вспомни про его деда, Леньку Супроновича, – взглянула на сестру Надя. – Фашист! Родного отца не пощадил и чуть брата не повесил.

– Ну, Миши-то тогда и на белом свете не было, – добродушно заметила Нина.

– Противный он, – сказала Надя и, стряхнув с платья рыбью чешую, встала и пошла в дом. У крыльца обернулась. – А ты у нас добренькая, Нина, тебе гадости делают, а ты по головке гладишь!

– Он ведь правду сказал... – ответила Нина, сообразив, что имела в виду сестра, однако по полному лицу ее скользнула тень.

* * *

– Ну как тебе моя Андреевка? – спросил Андрей, шагая по узкой песчаной тропинке вдоль путей. Он даже не отдал себе отчета в том, что назвал поселок «моя Андреевка».

– Тихо здесь и немного печально, – ответила Мария, покусывая зеленый стебелек.

– Печально? – удивился Андрей. – Скорее – торжественно.

– Я завидую: вы все такие дружные, каждый год тут собираетесь вместе, а я почти не знаю своих родственников. Приезжают откуда-то, ночуют у нас, набивают сумки и чемоданы

покупками и уезжают. Не все имена даже помню. А мы к ним вообще не ездим. У нас дача в Репине.

Рельсы серебристо блестели впереди, фонарь светофора просвечивал насквозь, и не понять было, какого он цвета. Над лесом плыли облака, солнце клонилось к закату, окрест колыхалась прозрачная предвечерняя тишина. С зеленых низин по обе стороны откоса плыли запахи цветущих трав, из бора доносилось приглушенное кукование кукушки. Нет-нет в промежутках вскрикивала птица. Голос у нее звучный, басистый. «Бум-там! Бум-там!» – возвещала птица. Иногда из-под ног выскакивал маленький камень и звонко цокал по рельсу. И этот тонкий мелодичный звон будил в душе Андрея далекие воспоминания о том, как он здесь зимой чуть не заблудился в бору. Его там в сумерках разыскали Лариса Абросимова и Иван Александров, ее дружок... Интересно, поженились они или нет? Вряд ли, Лариса, говорят, уехала в Москву, к отцу... Они ведь тоже нынче должны были приехать в Андреевку, но почему-то не приехали. Павел Дмитриевич стал большим человеком – заместителем министра народного образования республики. С отцом они часто встречаются, когда тот ездит в Москву. Зимой Павел Дмитриевич приезжал в Ленинград, ночевал у них. Кажется, тогда он говорил, что Лариса закончила МГУ и вышла замуж... А вот за кого – Андрей постеснялся спросить. В Андреевке он после возвращения из армии не был, так что никаких местных новостей не знает.

Народу в доме собралось много – приехали из самых разных городов России. У всех свои новости. Мельком видел старика Семена Яковлевича, он пришел с палочкой. Лысый, лишь на висках седые клочки, а говорили, у него в молодости была пышная шевелюра. А тетя Варя пережила своих младших сестер – Тоню и Алену. Сначала умерла от сердечной недостаточности жена Дерюгина – Алена Андреевна, а через несколько лет бабушка Андрея – Антонина Андреевна. Андрей на похоронах не был. И бабушка и тетя в его воспоминаниях представляли живыми, заботливыми. Для себя он сделал вывод, что так оно, пожалуй, и лучше – помнить близких людей не в гробу, а живыми, веселыми. И старался на похоронах не бывать, хотя и понимал, что это не по-родственному. Ближе со смертью ему еще не приходилось соприкоснуться в своей жизни. И вот авария на шоссе. Жив ли будет этот автомобилист? Они с Марией довезли его до ближайшей больницы, потом Андрей объяснялся с инспектором ГАИ...

– Я все думаю о том человеке... – сказала Мария. – Как ты думаешь, выживет ли он?

– Выкарабкается, – ответил он. – Врач сказал, что раны опасные, но жить будет.

– У чего такое белое лицо было, – вспоминала Мария. – Вот говорят – в лице ни кровинки... Я думала, это фраза, а на самом деле так бывает... Его жене сообщили?

– Если он женат...

– Все нормальные люди бывают женаты, – очень серьезно

произнесла девушка.

– А мы с тобой нормальные? – с улыбкой посмотрел на нее Андрей.

– Ты на что намекаешь? – помолчав, спросила она.

– Мы ведь еще не женаты...

– Андрей, уж не скрываешь ли ты от меня – человек этот умер?

– Жив, жив он, – убежденно сказал Андрей.

Он и сам не мог понять, почему не рассказал Марии про то, что отдал двести граммов своей крови неизвестному автомобилисту. Потребовалось срочное переливание крови, и в маленькой поселковой больнице не оказалось нужной группы, а у Андрея как раз такая в паспорте записана. Отдала свою кровь и медсестра. Врач порекомендовал ему после переливания крови не ехать в этот день на грузовике, но разве мог он пропустить семейное торжество в Андреевке? Да и грузовик ждали в Климове...

– Ты что-то от меня скрываешь? – пытливо заглядывала ему в глаза Мария.

– Пока у меня нет от тебя никаких тайн, – улыбнулся он, решив попозже все же рассказать ей о случае в сельской больнице.

– Хорошо, чтобы у нас никогда не было тайн друг от друга, – вздохнула девушка.

– Аминь, – обнял ее за плечи Андрей.

За светофором они повернули и пошли обратно в посе-

лок. Кукушка замолчала, зато над головами засновали ласточки, а выше над ними носились стрижи. От деревьев на откосы упали длинные неровные тени, пчелы перелетали через насыпь, спеша в ульи с последним взятком. Бесшумно мельтешили в солнечных лучах большие сиреневые стрекозы. Мария с наслаждением вдыхала чистый лесной воздух, светлые глаза ее были такого же цвета, как вода в Лысухе, на губах – задумчивая улыбка. Андрей сбоку смотрел на нее и тоже улыбался: девушка нравилась ему, только поэтому он и решил взять ее с собой в Андреевку. Он знал, что отец ничего не скажет, – Вадима Федоровича вряд ли чем удивишь, а вот Дерюгин и Федор Федорович – овдовев, они вдвоем теперь жили каждое лето в доме – обязательно привяжутся: кто она и откуда? В доме и так не повернуться... Андрей первым делом договорился с Супроновичами, что Мария переночует у них. Ей отвели маленькую комнату наверху, но Мария попросилась на душистый сеновал...

У Марии овальное лицо с маленьким пухлым ртом, длинные черные ресницы, которые не нужно удлинять, белая высокая шея. Пожалуй, самое красивое в ней – это глаза. Огромные, очень выразительные, чистые. Человек с такими глазами не может солгать, обмануть. Не очень-то уж большой был у Андрея Абросимова жизненный опыт в его двадцать четыре года, но в Марии он почему-то был уверен, как в себе самом. Встретились они в университете на литературном вечере, где Андрей читал свои стихи. Он еще со сцены

заметил глазастую девушку с длинными каштановыми волосами. Так часто бывает, когда выступаешь с трибуны, – выберешь кого-нибудь в зале и смотришь только на него. Андрей смотрел на девушку, а она на него... Потом, когда они ближе познакомились, оказалось, что она тоже сочиняет стихи, только стесняется их читать перед другими. Андрею она их почитала. Он честно высказал ей свое мнение: стихи слабые, подражательные – что-то от Марины Цветаевой и что-то от Анны Ахматовой. Тут, он думал, и закончится их знакомство, но девушка мужественно восприняла критику. Он ожидал, что уж сейчас-то она, в свою очередь, на него обрушится, но Мария сказала, что читала стихи Андрея в газете «Смена», в университетской многотиражке – они ей очень нравятся. В тот самый вечер Андрей еще раз огорошил Марию, заявив ей, что больше никогда писать стихи не будет. Поэтов в стране пруд пруди, все пишут грамотно, но почему-то книги некоторых кипами лежат на полках в книжных магазинах и их не покупают. А он, Андрей, не хочет множить ряды средних поэтов, уж лучше всерьез займется журналистикой и прозой... К тому времени у него были написаны шесть рассказов. Два он опубликовал, еще будучи в армии: один – в журнале «Пограничник», второй – в «Сельской молодежи», хотя рассказ был о городе. Восемь журналов завернули рукописи обратно, а вот два напечатали... И никто из знакомых даже не подозревал, что автор – Андрей. Сейчас ему и самому себе трудно объяснить, почему он взял фами-

лию прадеда – Абросимов. Только ли потому, что с детства восхищался его силой, подвигом? Потому что из книги отца по-настоящему узнал о своем прадеде? Или потому, что подсознательно чувствовал – и сам будет писать и печататься, а подписываться фамилией Казаков показалось неудобно: все сразу сообразят, что он сын известного писателя Вадима Казакова...

– ... Ты меня слышишь? – дошли до него слова Марии. Ее голос журчал рядом, будто лесной хрустальный ручеек. Это только здесь, в Андреевке, воспоминания так обступают его, что даже не понял, о чем Мария толкует!..

– Я не слышу тебя, – с улыбкой признался он. – Прости.

– Я спросила тебя, почему ты Абросимов, а твой родной отец – Казаков.

Значит, все-таки уловил смысл ее вопроса... Только ответил не ей, а себе самому...

– Два писателя с одинаковой фамилией...

– Ты собираешься стать писателем?

– Пока я, Маша, всего-навсего шофер Климовской заготовочной «Рога и копыта».

– Тебе покоя не дают лавры Остапа Бендера? – подковырнула она.

– Остап Бендер – мой шеф, – улыбнулся Андрей. – А я на подхвате.

– Это и будет началом твоего писательского пути? – серьезно спросила она.

– Кто знает, где начало, а где конец?

– Лермонтов в твоём возрасте был известным в России поэтом, – поддела Мария.

– Я ведь собираюсь прозу писать, – ответил Андрей. – Настоящий прозаик – это мудрый старый ворон, который триста лет живет и творит до глубокой старости...

– Насчет шофера ты пошутил? – спросила Мария.

– На два месяца завербовался в заготконтору, – сказал Андрей. – Понимаешь, им нужен шофер как раз на этот самый «газон», на котором мы сюда лихо прикатали. Такая выпала мне возможность поехать по району, побывать в самых отдаленных деревнях... Мог я отказаться? И знаешь, кто будет у меня начальником? Околыч!

– Я такой фамилии никогда не слышала...

– Я даже не знаю, фамилия ли это, – продолжал Андрей. – Просто его все зовут Околычем. Колоритнейшая личность: огромный, толстый, как цистерна, и сразу берет быка за рога. Знаешь, что он мне сказал? «Андрюша, зарплата – это чепуха! Ты каждый день будешь получать в клюв по червонцу, только во всем, милай, слушайся меня и поменьше суй нос туда, куда тебя не спрашивают. Усек?» Я ответил: «Да, усек». Представляешь, за два месяца я заработаю кроме зарплаты шестьсот рублей!

– Не из своего же кармана он будет тебе по десять рублей в этот... клюв давать?

– Меня это тоже здорово заинтриговало! – рассмеялся

Андрей. – Деньги ведь не манна, с неба не падают. В общем, я прикинулся желторотым птенцом...

– С раскрытым клювом, – вставила Мария.

– Я много читал и слышал о любителях наживы, но в глаза ни одного еще не видел... Уж не сам ли господь бог послал мне Околыча? Может, он для меня – находка? Такую статью про него накатаю!..

– Ну вот, человек тебя собирается облагодетельствовать, а ты уже ему яму роешь...

– Я – журналист, – сказал Андрей. – И яму я вырою, если все будет так, как я предполагаю, не Околычу, а этому отвратительному явлению в нашей жизни...

– Явление или видение Андрею Абросимову... – рассмеялась девушка. – А вам помощник не нужен? Я бы тоже поехала с тобой и Околычем. И полюбовалась бы на это явление.

– Вот тебя бы он уж точно не зачислил в свою команду!

– Почему? Мне ведь в клюв ничего не надо. Я буду на общественных началах.

– Твои глаза, Мария, будут смущать его, если вообще возможно эту гору мяса и жира чем-либо смутить.

– И что же, мы два месяца с тобой не увидимся? – погрустнела девушка.

– При таких заработках я к тебе на самолете буду на выходные прилетать, – беспечно заметил Андрей.

– Да нет, твой Околыч запряжет тебя и на выходные, –

сказала она.

– Ты так думаешь?

– Вот увидишь.

Подходя к дому, они увидели у ворот светло-бежевую «Волгу» с московским номером.

– Дядя Павел приехал, – сказал Андрей.

– Тут все его вспоминали... Кто он такой?

– Абросимов, – улыбнулся Андрей – Хранитель семейных традиций. Он всегда в этот день приезжает в Андреевку.

Павел Дмитриевич встретил их у калитки, расцеловался с племянником, галантно поцеловал руку Марии. Он ничего не спросил, но бросил на Андрея выразительный взгляд: дескать, подруга у тебя, великолепная! Высокий, в хорошо сшитом светло-сером костюме, белой рубашке с галстуком он выглядел очень представительно. Густые серебряные волосы на крупной голове, чисто выбритые загорелые щеки чуть отливали синевой.

– Один ты, Андрюша, в нашу абросимовскую породу вышел, остальные что-то все ростом мелковаты, – улыбаясь, густым голосом заговорил Павел Дмитриевич.

И действительно, дядя и племянник были почти одного роста, пожалуй, самые высокие здесь. Павел Дмитриевич склонен к полноте, хотя живот и не особенно заметен, а Андрей – узкобедный, тонкий в талии, лишь в широких плечах да выпуклой груди ощущалась большая физическая сила. Крупное лицо у него продолговатое, серые глаза удлинен-

ные, как у отца, абросимовский прямой широкий кос, густые темно-русые волосы.

– Появился тут у нас один акселерат, – сказал Андрей. – Генкин сынишка... Сашка Казаков!

– Покажите мне его! – загремел Павел Дмитриевич, оглядывая собравшихся во дворе родичей.

– Укатил куда-то на мотороллере, – сообщила тоненькая синеглазая Таня, двоюродная сестра Андрея, приехавшая из Калуги. Тане шестнадцать лет, у нее тонкие черты лица, белозубая улыбка, ямочки на розовых щеках.

– А ты кто, такая раскосая? – улыбаясь, спросил Павел Дмитриевич, глядя на невысокую полную блондинку с восточным разрезом светлых глаз и выпуклыми скулами. – Вроде бы азиатов в нашем роду не было.

– Эх, Паша! – засмеялась Нина Григорьевна. – Ты же Ольгу на руках носил тут двадцать лет назад.

– Я совсем забыл, что у тебя муж татарин!

– Не татарин, а узбек, – сказала Оля.

– Подождите... у нас, я смотрю, все национальности перемешались: у тебя муж узбек, а у моей Лариски – грузин, у Гали, по-моему, украинец...

– Все быстро к столу! – позвала с крыльца Галина Федоровна. – Взрослые – в большую комнату, дети – на кухню!

Черноглазая Галя спросила сестру:

– А мне куда идти – в большую комнату или на кухню?

Четырнадцатилетняя девочка была выше своей шестна-

дцатилетней сестры почти на голову.

– В кино со мной ходишь на сеансы для взрослых? – сказала Таня. – Пойдем в комнату!

Андрей с Машей задержались во дворе. В этот момент слышался треск мотора, и к калитке подкатил на сером запыленном мотороллере Саша.

– Не опоздал? – глаза на «Волгу», спросил он Андрея. – Дядя Павел приехал?

– Иди, он на тебя хочет посмотреть, – сказал Андрей.

Саша провел ладонью по сверкающей дверце «Волги», уселся на мотороллер.

– Там и так народу много, – сказал он. – Я потом поем.

Крутнул откидную рукоятку стартера и, поднимая желтую пыль на дороге, снова куда-то укатил.

– Твой дядя, наверно, академик? – спросила Мария. – Такой представительный.

– Да нет, он заместитель министра, – ответил Андрей.

– Андрюша, тут собрались все свои, мне как-то неудобно, – сказала девушка.

– А разве ты чужая? – засмеялся он и, обняв ее за плечи, повел к крыльцу.

Послышался нарастающий металлический шум – мимо станции без остановки прогрохотал товарняк. Утих вдали железный грохот, отстучали колеса по рельсам, скрылся дежурный в станционном помещении, а две высоченные сосны на лужайке кивали друг другу заостренными зелеными

головами, будто о чем-то беседа.

3

«Волга» осторожно выползла из зеленого лесного тоннеля на большую лужайку, в центре которой выделялась крытая березовыми жердинами землянка. К ней вела примятая травяная тропинка. Лужайку окаймлял негустой кустарник, за ним угадывалось большое, розовое в эту пору от цветов болото. Сразу несколько коршунов парили над ним. Павел Дмитриевич заглушил мотор, вылез из машины, вслед за ним выбрался Вадим Федорович. Некоторое время они молча стояли рядом, глядя на болото, над которым веером раскинулись высокие перистые облака. С болота плыл хмельной запах багульника. Посвистывали синие пищухи, тренькали синицы. Они то и дело пролетали над лужайкой с насекомыми в маленьких клювах. Наверное, вылупились птенцы, вот и таскают им корм. Вершины огромных сосен мерно шумели, иногда раздавался негромкий треск.

– Помнишь, так же трещало над головой ночами и тогда? – сказал Вадим Федорович. – Осенью как зарядит дождь, заберешься в землянку, ляжешь на нары я слушаешь стук капель и треск старых ветвей в лесу.

– Хочешь, покажу тебе осколок в сосне? – взглянул на него Павел Дмитриевич. – Сколько лет прошло, а он торчит в ране...

– Сорок лет...

– А ребята молодцы, поддерживают здесь порядок, – заметил Павел Дмитриевич. – Посмотри, даже ржавый штык воткнут в ствол, а на нем – немецкая каска!

– Далековато от Андреевки, – сказал Вадим Федорович. – По дороге видно, что редко сюда наведываются.

– Я разговорился с молодежью вчера вечером, – стал рассказывать Павел Дмитриевич. – Не очень-то их интересует война. Все больше спрашивали про последний московский фестиваль, про театры, известных артистов. А война для них – это уже история.

– Григория Елисеевича это злит, заметил? – сказал Вадим Федорович. – Начнет рассказывать про сражение под Москвой, про то, как его дивизия сбивала «юнкеры», а молодежь не очень-то хочет слушать.

– Пока он одну историю расскажет, можно уснуть, – улыбнулся Абросимов. – Не трибун Дерюгин.

– А Надя, вторая дочь Григория Елисеевича, закончила докторскую диссертацию, теперь живет в Ленинграде, – продолжал Вадим Федорович. – Толковая женщина, вот только почему-то замуж не вышла.

– Потому и доктором наук будет, что не замужем, – вставил Павел Дмитриевич. – У ее сестры Нины – две дочки, семья, так ей не до ученой степени.

– А ты-то доволен семейной жизнью? – поинтересовался Вадим Федорович.

– Клянусь себя до сих пор, что раньше не женился, – сказал Абросимов. – Лена у меня – золото, на дочь не нарадуюсь! Ей уже девятый. Перешла в третий класс, болтает по-английски... – Он бросил взгляд на друга: – А у тебя-то как с Ириной?

– Я сейчас работаю над романом о любви, – сказал Вадим Федорович. – Ищу идеальную женщину, которая приносит счастье мужчине... То есть ищу то, чего не нашел в своей жизни.

– Не развелись?

– Зачем? – пожал плечами Казаков. – Мы друг другу не мешаем. Я, наверное, больше не женюсь, да и она, по-моему, к этому не стремится. А впрочем, не знаю, отделились мы. Проклятая работа украла все мои человеческие чувства... Знаешь, как Ирина меня однажды назвала? Инопланетянином, ходящим по земле, за всем наблюдающим и записывающим сведения на магнитофонную ленту, хитроумно спрятанную в голове... И ты знаешь, она в чем-то права. Привычка все пропускать через себя, переживать, проживать жизнь своих героев выпотрошила меня... Ведь я даже не веду записных книжек, не копаюсь в архивах, не ищу днем с огнем прототипов: жизнь вливается в меня и, чуть видоизменившись, снова выливается на бумагу. И этот дьявольский водоворот никогда не прекращается. Пожалуй, лишь Ирина по-настоящему разгадала меня: никто мне не нужен, и я никому из близких радости не доставляю. Правда, с Андреем и Оль-

гой мне повезло: лишь одни они мне по-настоящему нужны и близки.

– А ты им? – спросил Павел Дмитриевич.

– Тут у нас полная гармония, – улыбнулся Казаков.

– Ну и не корчи из себя отшельника! «Мне никто не нужен, я никому не нужен...» Так не бывает. Вернее, не должно быть!

– Помнишь, я рассказывал тебе, давно это было, – будто не слыша друга, продолжал Казаков, – ведь почти все, что я тогда пережил, вошло в роман. Вошло в роман и насовсем ушло из меня. Не осталось ни гнева, ни сожаления.

– Ты теперь знаменит, Вадим, за твоими книгами охотятся, в библиотеках очереди...

– Значит, скоро кто-нибудь лягнет копытом, – улыбнулся Казаков. – Чужой успех мало кого из литераторов радует.

– И что же, у тебя никакой сейчас женщины нет?

– Есть, – улыбнулся Вадим Федорович. – Героиня моего романа, честное слово, я в нее влюблен! Жаль, что она вся придуманная.

– Вот я тебя, Вадим, знаю, как говорится, с молодых ногтей, а вот до сих пор не могу взять в толк, как в тебе родился писатель. Как все это у тебя началось? Помнится, сразу после войны ты пошел в летное училище, потом сменил несколько профессий... Честно говоря, я считал тебя неудачником.

– Не ты один так считал, – вставил Вадим Федорович.

– Откуда это все у тебя берется? Читаю твою книгу и диву

даюсь: как ты все это заметил? Как это все у тебя в голове образуется?

– Не знаю, – честно ответил Казаков.

Он действительно не знал, как и когда зарождается у него желание написать роман. Материал он не собирает, специально ни за кем не подсматривает, он просто живет среди людей и пишет об этих людях. Но садится за письменный стол лишь тогда, когда что-то очень сильно его взволнует, упадет в душу, берedit ее, не дает спокойно ночами спать. А что в наш век волнует человека? Война и мир. Семья, любовь, природа, перемены, счастье – несчастье. Хочется и самому разобраться в своем времени и другим о том, что понял, рассказать. А уж как рождаются в нем образы, характеры, какая с ними происходит в его голове метаморфоза – это он и сам бы не смог объяснить. Наверное, это настолько для каждого индивидуально, лично, непостижимо, что и не расскажешь никому, даже, пожалуй, и самому себе. Почему художник картину пишет? Почему композитор музыку сочиняет? Попробуй это объясни! Искусство, как песня, рождается в глубине твоего сознания, а потом мощно выливается наружу...

– Ты хоть знаешь, что у тебя будет за новая книга? – настаивал Павел Дмитриевич. – Ты видишь ее, когда садишься за стол?

– Да нет, – улыбнулся Вадим Федорович. – Это происходит как-то само собой. Я никогда не знаю, что выкинут мои

герои, куда меня приведут. Не знаю, когда поставлю точку. Все совершается само собой. Вдруг мне становится ясно, что это последняя глава... Кстати, мне интереснее писать, когда я чего-то жду от своих героев, а как только начинаю их подталкивать, навязывать им свои мысли, они сопротивляются...

– Но что-то происходит в тебе? Что-то наталкивает тебя на мысль написать именно эту книгу, а не другую?

– Что-то происходит, а что – я не могу тебе объяснить... – Казаков вдруг повернул голову и посмотрел другу в глаза: – Знаешь, что меня одно время занимало: почему ты так быстро пошел в гору? С директора школы – в обком партии, а позднее стал заместителем министра.

– Все ведь как-то растут по службе... – неуверенно начал Павел Дмитриевич. – Руководителями сразу не рождаются...

– А все-таки? – настаивал Вадим Федорович.

– Когда работал в обкоме партии, выступил на ответственном совещании, там был замминистра. Видно, ему понравилось мое выступление. Ну а после совещания был банкет, финская баня... Посидели за деревянным столом, рассказал ему про Андреевку, про наши леса, дичь... Дал мне какое-то поручение – я его выполнил. Пригласил меня раз в Москву на конференцию, другой...

– Значит, чтобы вырасти по службе, нужно понравиться начальству?

– И это тоже, – рассмеялся Павел Дмитриевич. – Ну а мои

способности к руководящей работе? Наверное, их тоже не стоит сбрасывать со счетов?

– Написать роман про тебя? – предложил Вадим Федорович. – Только боюсь, ты не потянешь на интересный положительный персонаж...

– Хорошего же ты мнения обо мне!

– Понравится начальству... Тоже наука! – задумчиво продолжал Казаков. – Сколько угодников, подхалимов, бюрократов избрали этот путь наверх! И ведь срабатывает! Высокое начальство любит покорных да ласковых... Вот и растут, как грибы-поганки, горе-начальники, которые не о деле думают, а о карьере!

– Полагаешь, и я такой? – пытливо взглянул на него Павел Дмитриевич.

– Ты знаешь, почему твой отец ушел с партийной работы? – спросил Вадим Федорович. – Ему не нравилось, что творилось вокруг, а он ничего не смог поделать. Воровство, взяточничество, кумовство, открытое разбазаривание государственных средств. Не смог он с этим примириться. Даже ездил домой к первому секретарю обкома и все начистоту ему выложил...

– Знаю я эту историю... – перебил Павел Дмитриевич. – Отец не смог смириться, а я вот могу... Ты это хочешь сказать? Может, мне тоже надо было прийти в ЦК и заявить, что мне не нравится творящееся сверху донизу лихоимство?

– Ты не пошел бы, – усмехнулся Вадим Федорович.

– Не пошел, потому что меня за дурака приняли бы, – вспыхнул Павел Дмитриевич. – Вот ты меня критикуешь, а сам? Что ты сам-то сделал?

– Я книгу пишу, – устало сказал Вадим Федорович. – И не молчу о наших недостатках, уж ты-то должен это знать.

– Поэтому, наверное, дорогой Вадик, тебе и премий не дают, по телевизору не показывают, в газетах-журналах о тебе не пишут... А тех, кто хвалит руководителей, кланяется им, награждают, они в лауреатах ходят, при должностях... Вспомни, какие песни они запели, когда у нашего вождя вышла первая брошюрка. Этот ваш Михаил Монастырский назвал ее книгой века, нашей Библией, которую еще потомки изучать будут...

– Я верю, что многим приспособленцам и подхалимам еще стыдно станет за эти награды и премии!

– Правдолюбам-то, Вадик, ох как трудно в наше время живет, – вздохнул Павел Дмитриевич. – Мешают они, путаются под ногами. Их стараются поскорее убрать, сплавить на пенсию... А вот славословам и приспособленцам живет вольготно! Им все! Бери, ничего не жалко!

– Наверное, я несовременен... Славить рвачей и вельмож я никогда не стану; угодничать – тоже. Неужели тебе было бы приятно, если бы я тоже пел в этом хоре деяг и подхалимов?

– Но если жизнь такова!

– Значит, ее нужно переделывать, Паша! – резко вырвалось у Казакова. – Не бывает так, чтобы все время черное

называли белым, и наоборот! Нельзя же всех обмануть! Да и оглупить теперь уже трудно. И уж кто-кто, а ты в Москве больше других видишь и слышишь...

– Вижу, слышу и... молчу, – понурил голову Павел Дмитриевич. – И если бы кто-либо услышал сейчас мои слова, я бы отрекся от них, Вадим.

– А знаешь почему? – усмехнулся Казаков. – Вырождаются Абросимовы. Вспомни нашего деда Андрея, твоего отца – Дмитрия Андреевича, наконец, моего родного бату – Ивана Васильевича Кузнецова. Какие люди были, а? И времена ведь были тогда жестокие. Они же выстояли, не согнулись в войну, да и после... Почему же ты держишься за свое кресло и снизу вверх смотришь на начальство? Где же твоя абросимовская гордость, прямота, честность?

– Ты перехватил, Вадим, – осадил его Павел Дмитриевич. – Давай прекратим этот разговор. То, что происходит сейчас, дорогой, от нас с тобой не зависит...

– От кого же тогда? От лизоблюдов, подхалимов, славословов?

– Почему же ты не напишешь в газету или журнал? – подковырнул Павел Дмитриевич. – Выскажись...

– Пытался, – сказал Вадим Федорович. – И в газету писал, и в ЦК партии, и на собраниях выступал...

– И чего добился? Ладно, читатели тебя любят, а официально ты не признан. Выходит, не ко двору ты пришелся, Вадим!

– Выходит, – устало согласился тот.

– По-прежнему критикам книг не даришь?

– И не буду! Критики, Паша, славят начальство, а кто я для них? Что они с меня будут иметь? Издание своей монографии? Поездку за рубеж? Должность в издательстве или журнале?

– Что же тебя волнует?

– Признание читателей, для которых я пишу. Вот его-то я ощущаю все время. Этим, Паша, и счастлив... Давай о чем-нибудь другом лучше поговорим, все это давно уже мне осточертело!

– И все-таки поверь, Вадим, нельзя замыкаться только в себе. Ты в Москве-то бываешь в два года раз! А ведь в столице все решается. Ты хоть в Союзе писателей-то бываешь?

– Был несколько раз в ЦДЛ, в ресторане... Там великолепно можно пообедать.

– А твой творческий вечер...

Казаков положил руку на плечо друга:

– Хватит, Паша!.. Если не замолчишь, ей-богу, спрячусь от тебя в землянку!

Снова по лесу разнесся протяжный скрип. И будто это был сигнал – на болоте дружно заквакали лягушки. Если поначалу их нестройный концерт раздражал, то скоро в нем появилась какая-то своя неповторимая стройность, мелодия, что ли. Приторный запах какого-то пахучего растения щекотал ноздри. В кваканье вплелось комариное зудение. Скоро

целые полчища комаров окружили их. Сначала они терпели, то и дело награждая себя по лицу звонкими шлепками, потом побежали спасаться в машину, но и туда ухитрились пробраться несколько штук.

– Чертовщина! – рассмеялся Павел Дмитриевич. – Когда здесь жили в землянках, не замечали комаров, а сейчас страшно даже представить, что можно здесь один на один с ними ночь провести! Изнежились мы, что ли? Или комары стали злее?

– А может, Паша, жирком обросли? Аппетитными стали для комариков? Тогда мы с тобой были кожа да кости. – Казаков кивнул на раздвоенную сосну: – Вот здесь я большущую змею увидел – красивая, с бронзовым блеском, этак спокойненько себе ползла к болоту.

– И ты, конечно, палкой убил ее?

– Зачем палкой? Прикладом карабина... – Вадим Федорович грустно улыбнулся. – И до сих пор стыдно: зачем я это сделал?

– А я залез в грачиное гнездо, собрал яички и испек в золе, – вспомнил Абросимов. – И даже тебя не угостил.

– У нас, оказывается, и тогда уже были свои маленькие тайны, – усмехнулся Вадим Федорович.

Павел Дмитриевич задумчиво посмотрел на друга:

– Ты вот сказал, что вставил бы меня в очередной роман, но, дескать, не вытягиваю я на положительного героя... Зря ты, Вадим, так на всех ополчился. Разве мало работает на

ответственных должностях честных, порядочных людей? И что могут, они делают, но, как говорится, плетью обуха не перешибешь. Надеюсь, ты веришь, что я честно выполняю свою работу?

– В этом я не сомневаюсь... Работу ты свою выполняешь честно и хорошо, но вот свой долг коммуниста...

– Да пойми ты, правдолюб! – взорвался Павел Дмитриевич. – Кому охота сейчас быть Дон Кихотом? Пытались некоторые, повыше меня, возмущаться, протестовать... Где они сейчас? На пенсии? Не видно их и не слышно. Чего же деревянным копьём-то махать перед громадной мельницей? Заденет крылом – и нет тебя!

– Есть у меня желание написать роман про все это, – сказал Вадим Федорович. – Даже начал...

– Не напечатают, – вставил Павел Дмитриевич.

– Пока я об этом не думаю, – продолжал тот. – Великая у нас страна, великий народ. Верю я, что придет время, когда все, что сейчас происходит, покажется абсурдом, дурным сном... Не знаю, закончу я этот роман или нет, но все мои мысли сейчас об этом. – Вадим Федорович взглянул на друга: – Положительный герой должен бороться за справедливость, обличать зло, ложь, а ты, Паша, что делаешь? Угождаешь и из кожи лезешь, чтобы начальству понравиться?

– Вот ты помянул деда Андрея, наших отцов, – помолчав, угрюмо проговорил Павел Дмитриевич. – Тогда все было ясно. А сейчас? Кто враг, а кто друг? Поди разберись... С три-

бун и в печати звучат красивые слова, вроде бы радеют за лучшую жизнь, за народ, прогресс, а на самом деле? Воровство, жульничество, приписки, обман, нетерпимость к правде.

– Все ты понимаешь! – усмехнулся Вадим Федорович.

– Многие понимают, но молчат, – ответил Павел Дмитриевич. – Еще раз тебе повторю: плетью обуха не перешибешь!

– Где же я, Паша, возьму в свой роман о нашем времени положительного героя, если даже ты, Абросимов, приспособливаешься к жизни, а не борешься за правду?

– А роман ты пиши, – сказал Павел Дмитриевич. – Не сейчас, так потом напечатают. Вот и прослывешь правдолюбом, принципиальным, современным...

– Ты знаешь, почему я люблю Андреевку? – вдруг спросил Вадим Федорович. – Здесь все проще и откровеннее: если кто украл, так его видно, всегда можно за руку схватить, кто негодяй, подлец – тоже от людей не скроешься... Тут нет замаскированной лжи, очковтирательства, никто не прикрывается громкими фразами... Мне здесь легче дышится, Павел!

– А это не бегство ли от суровой действительности?

– Разве от нее убежишь! – усмехнулся Вадим Федорович. – У меня ведь все всегда с собой... Вот ты, Павел, приспособился, живешь, работаешь, растешь даже по службе. А я вот так не могу. Или у меня какое-то обостренное чувство справедливости, или я белая ворона?

– И ты плюнул на все и укатил в Андреевку?

– А что мне оставалось делать? Зато на всю жизнь усвоил известную поговорку: не плюй против ветра! Правда, мне дали понять, что есть один выход...

– Какой же? – заинтересованно спросил Павел Дмитриевич.

– Смирным стать, покладистым, как другие. Не задираться, не критиковать литературное начальство... Короче, не высовываться из строя, а идти со всеми в ногу...

– Ты, конечно, отказался...

– Ну, этого ты мог бы и не говорить. Я еще никогда не отказывался от своих убеждений. И уравниловку в литературе не признаю. И не хочу идти в одном строю со случайными в литературе людьми.

– Пожалуй, Вадим, сиди ты пока в Андреевке и... пиши свой серьезный роман! – покачал головой Павел Дмитриевич. – А говоришь, Абросимовы выродились! Что бы сейчас ни происходило, Вадим, наша партия всегда найдет разумный выход и, поверь мне, очистится от всего наносного, случайного, я бы даже сказал, парадоксального... В это-то хоть ты веришь?

– В это верю, – твердо сказал Вадим Федорович. – Иначе и жить не было бы смысла...

У сельпо им перегородил дорогу пьяный. Павел Дмитриевич объехал его, остановил «Волгу» возле ворот. Пошатываясь, человек с копной выющихся золотистых волос подо-

шел к ним. На нем серый, в полоску пиджак, мятые, в пятнах брюки, рубашка расстегнута до пупа. Глаза воспаленные, на загорелой скуле – царапина.

– На машинах-лимузинах разъезжаете, землячки, вошь ты укуси! А простому человеку выпить не на что, – сказал он, с ухмылкой глядя на них.

– Привет, Борис Васильевич, – поздоровался Вадим Федорович. – Я думаю, тебе уже вполне достаточно. Нагрузился по самую завязку.

– А этого никто не знает, вошь ты укуси, – словоохотливо заговорил Борис Александров. – Горе вином не зальешь, а радость пропьешь... Ба-а, какие люди-то к нам, грешным, пожаловали в Андреевку! Писатель и большой начальник из столицы нашей Родины Москвы! Небось, Паша, и не помнишь меня?

– Жалко мне тебя, Борис, – сказал, закуривая, Павел Дмитриевич. – Всякий раз ты мне одно и то же говоришь: не помнишь, не признаешь... Я удивляюсь, как ты-то еще людей узнаешь. Сколько раз здесь был и ни разу тебя трезвым не видел... А ведь лучший в поселке был токарь!

– Ты все на выходные приезжаешь, – нашелся Александров. – В будние дни я тверезый, укуси ты вошь!

– Где сейчас работаешь-то? – спросил Абросимов. – Или тунеядствуешь? Кому нужен пьяница-то?

– Мы – земля, Паша, – куражился Борис Васильевич. – На таких, как я, Расея-матушка держится. Были бы руки, а

работа всегда найдется.

– А голова, выходит, ни к чему? – вставил Казаков.

– Это тебе, Вадя, голову нельзя травмировать – куска хлеба лишишься, а мне башка для равновесия нужна. Мои думы короткие, как мышинные хвостики: бутылку бы да приятеля для душевной беседы...

– Из промкомбината-то прогнали?

– Вот ты попрекаешь меня водкой, Павел Дмитриевич, – обиделся Александров. – А не спросил, почему я горькую пью. Душа свербит: женка от меня ушла, дочка гоже за версту обходит... Тут и святой с горя горького запьет!

– Потому и ушли, что пьешь, – заметил Абросимов. – Красивый мужик был, а на кого сейчас похож? Глаза белые, нос красный...

– Рано ты меня хоронишь! – хорохорился Борис Васильевич. – Нынче пью, а завтра брошу!

– И это я не раз от тебя слышал, – обронил Абросимов. – Не бросишь ты, Боря, крепко тебя бутылка за горло взяла!

– Это я ее за горлышко держу! – пьяно рассмеялся Александров.

Вадим Федорович молчал. Он присел на скамейку и прислушивался к разговору. Когда он здесь зимой жил, Александров частенько заходил к нему стрельнуть на бутылку красного, а то и просто почесать язык. Он не обижался, если ему и отказывали, садился на порог – стул отодвигал в сторону – и, встряхивая кудрявой головой, будто отгоняя назойливого

муху, принимался философствовать: почему, дескать, русский мужик пьет? Да потому, что ему наливают. Хорошего продукта в магазине не найдешь, а водка-вино всегда стоят на полках, бери и пей сколько душа пожелает... А душа желает до отказа, пока ноги держат. Ведь ежели разобраться, то пить – это еще потяжелее, чем у станка вкалывать. Водка, она много сил от человека отнимает. Радости – на час, а горя – на неделю. Послушаешь Александрова, так он все понимает. Все понимает, правильно оценивает, а все равно пьет.

Вот и сейчас Борис Васильевич, найдя слушателя в лице Павла Дмитриевича, принялся распространяться о тяжелой мужицкой доле в наше время...

– ... Баба, она теперь на мужика плюет с высокой колокольни! Чихать на него хотела, на мужика. Чуть что – забрала детишек и вон из дома. А то и самого хозяина на порог не пустит. А наша власть за бабу горой! Попробуй поучи ее маленько, тут же участковый на мотоцикле с коляской подскочит – и в Климово. А там разговор короткий: получай, сердешный, десять или пятнадцать суток и чини милицейский гараж или печь в отделении перекладывай. А то двор подметай. Там завсегда работенка найдется... Не боится баба мужика, а отсюда и все неприятности наши! Забыла церковную заповедь: да убоится жена мужа своего! Поругаешься с женкой, душа распалится – ну и куда идти? Чтобы остудить душу-то. Ноги, глядишь, сами собой ведут в магазин, а там завсегда найдется добрый человек, который бутылку ку-

пит, ежели у самого в кармане пусто... Вот куда мне нынче податься? Сын давно уже служит на стороне. Летчик он, на реактивных летает. В год раз наведается, и то спасибо. Ваня-то не в меня: в рот не берет проклятую! Но меня понимает, сочувствует... Надо, мужики, душу мою понять, а душа горит-пылает! Выпить просит... Я уж бутылку и не прошу, а стаканчик поднесете?

Павел Дмитриевич взглянул на Казакова: дескать, как быть?

– Нет, Боря, не поднесем мы тебе стаканчик, – сказал Владимир Федорович. – Во-первых, хватит тебе, а во-вторых, преступление это – подносить тебе. Я поднесу, другой, третий... Напьешься ты как свинья, а наутро меня же проклинать будешь.

– Это верно, – ничуть не обидевшись, согласился Александров. – Лучше бы оно, это утро, и не наступало... Коли денег нет, не опохмелишься. А лежать на полу и глядеть в плывущий потолок ох как тяжело, братцы!

– Иди проспись, Борис, – посоветовал Абросимов.

– Жалеете, значит? – вдруг заартачился Борис Васильевич. – А вы всех пьяниц пожалейте! И поломайте головы, почему их так стало много на Руси. Раньше-то так люди не пили! Да и дурачков было мало – на две деревни один, а сейчас только у нас, в Андреевке, четыре...

– А ты умный? – усмехнулся Павел Дмитриевич.

– Умом меня бог не обидел, а вот глотку луженую опреде-

лил мне, значит, пью я сразу за троих... За вас обоих, братцы Абросимовы! Как Христос, страдаю за народ! Понимать надо, а вы... Эх, да что толковать. Воробей торопился, да невелик родился... Видно, каждому из нас на роду свое написано: тебе, Вадим, книжки писать, тебе, Павел Дмитриевич, людьми командовать, а мне – быть горьким пьяницей... Когда тверезый, я есть земля, а как напьюсь, так над ней, землей, воспаряю, и тогда мне сам черт не брат!

Подал каждому руку, взъерошил на голове волосы и твердо зашагал в противоположную от своего дома сторону. Постепенно его шаги замедлились, он остановился, ругнулся себе под нос и снова вернулся к ним.

– Пойду ночевать в будку путевого обходчика... – сказал он. – Когда-то твой дед Андрей Иванович там дежурил, а теперь, как поставили светофоры, будка пустует...

Борис Васильевич зашагал через лужайку к станции. У двух сосен он остановился, с хитрой усмешкой посмотрел на них, погрозил корявым пальцем:

– Я – земля! Пришел из земли и уйду в землю. – Захихикал и снова пошел своей дорогой.

– Глубокая мысль! – рассмеялся Павел Дмитриевич.

– И ты и я вроде бы осуждаем пьянство, а пришел человек, попросил, и мы уже готовы ему вынести бутылку, – сказал Вадим Федорович. – Потому пьяницам и вольготно живет у нас, что их жалеют. Есть у Бориса деньги, постучит в окошко продавщице, и она тут же ему бутылку протянет. Специ-

ально под кроватью ящик держит, чтобы всегда выпивка была под рукой. За перевыполнение плана еще и премию получает.

– Ты проявил твердость, – вздохнул Абросимов. – А я ведь дрогнул, хотел угостить старого приятеля.

– И я, как приехал сюда, дрогнул, – признался Вадим Федорович. – А потом решил твердо: никого не угощать, не давать на водку денег. И ходить последнее время стали меньше.

– Хороший мужик-то, – с горечью вырвалось у Павла Дмитриевича. – Ведь золотые руки у него. Помню, шахматные фигурки из металла выточил – хоть в музей ставь под стекло.

– А сколько таких умельцев в России! Закопали свои таланты в землю... Вернее, утопили в вине.

– И за это возьмутся, Вадим, – сказал Абросимов. – Такое не может долго продолжаться.

– Поскорее бы, – сказал Казаков. – А то ведь и опоздать можно: от пьяниц родителей рождаются дефективные дети. Этак нам в России и выродиться недолго! И вот ведь какая штука – многие даже интеллигентные люди толкуют: мол, русский мужик всегда пил на Руси... А ведь это большое заблуждение! И как это крепко всем въелось в память, На Руси мало пили, Паша, да что я тебе толкую, ты сам историк! Пили много в большие религиозные праздники. А кто распространил эти досужие байки про Петра Первого с банькой и белишком, которое надо продать, а выпить? Пей, мужик,

живем снова... Большие негодяи все это придумали, чтобы народ спаивать. Видно, кому-то было на руку, чтобы русский мужик пил горькую.. Потому ее и полно везде, как говорится, залейся... Вот над чем всем надо задуматься, товарищ заместитель министра!

– Кому же это на руку, товарищ писатель?

– Государственная проблема, – сказал Вадим Федорович. – И решать ее надо по-государственному.

Солнце давно спряталось за бором, но было еще светло. Над водонапорной башней наподобие лилии распустилось, раскрыв лепестки, облако, со станции доносилось мелодичное постукивание молотка о рельс. И этот унылый звук будил в душе далекие воспоминания о детстве, прогулках с Андреем Ивановичем по путям. У него тоже был такой же молоток...

В доме Абросимовых старики уже легли спать, а молодежь ушла в клуб. Он теперь находился рядом с автобусной остановкой, чуть наискосок от дома Семена Яковлевича Супроновича. В клубе закончился фильм. Вспыхнули прожекторы на летней танцплощадке, динамик закричал, послышался громкий писк. Парни и девушки прямо из зала потянулись на площадку. На автобусной остановке замерцали огоньки папирос, послышался глухой говор, смех.

– Помнишь, как мы с тобой лихо отплясывали тут? – кивнул в сторону танцплощадки Вадим Федорович.

– Это ты отплясывал, а я столбом стоял в углу, – улыбнулся

ся Павел Дмитриевич.

– И выстоял – самую хорошенькую девушку увел, – поддел Казаков.

– Нашла же Лида Добычина свое счастье, – сказал Абросимов. – Живут себе с Иваном Широковым, еще двоих детей народили. Видел я Лиду... Хорошо сохранилась.

– А Иван на сердце жалуется, – ответил Вадим Федорович. – Врачи предлагают ему операцию сделать.

– Неужели так серьезно?

– Митральный клапан у него барахлит, а в Ленинграде, говорят, сейчас искусственные клапаны вставляют.

– Ну и что же он?

– Он готов, да вот Лида опасается, – ответил Казаков. – Все-таки операция на сердце. Бывают и неудачи.

– Надо бы зайти к Ивану, – уронил Павел Дмитриевич.

– Он в Климовской больнице. Лида говорила, только к концу месяца выпишут.

– Бывает ли в жизни так, чтобы все было хорошо? – задумчиво произнес Павел Дмитриевич.

– И тут комары, – сказал Вадим Федорович. – Пошли спать. Сам же говорил, что завтра рано выезжать.

– Эта Мария – что, невеста Андрея? – спросил по пути к дому Абросимов. – Очень интересная девушка. Глаза, фигура... И смотрит на него такими влюбленными глазами.

– Я буду рад, если он на ней женится, – ответил Казаков.

Мария лежала на свежем душистом сене и смотрела на крышу, сквозь щели которой пробивались тоненькие голубые лучики далеких звезд. Где-то внизу скреблась мышь, слышно было, как с гортанным криком ночная птица опустилась на конек, ее острые когти царапнули дранку. В огороде мяукнула кошка, ей ответила другая. Мяуканье становилось все противнее, будто кошки на своем кошачьем языке нехорошо обзывали друг дружку. Хотя девушка была здесь одна, ей не было страшно. Темнота сменилась рассеянным сумраком, она видела прямо перед собой щелястый прямоугольник чердачной двери. Внизу она набросила на входную дверь большой ржавый крючок. Чтобы забраться вверх на сено, нужно было лезть по лестнице. Сухие травинки кололись, щекотали тело...

Тоненький голубой лучик чуть сместился, и теперь в щель заглядывала голубоватая звезда. Казалось, она все увеличивается и увеличивается. А что, если на ней тоже живут люди? И где-то в деревушке на сеновале тоже лежит девушка и смотрит сквозь щель на крыше на планету Земля? Наверное, такой же голубой звездочкой с тоненькими лучиками кажется она оттуда. Видела же Мария снимки Земли из космоса. Красивый голубой шар, будто опоясанный разноцветными шарфами...

Мысли из космоса снова перескочили на Андрея Абросимова. Он не походил ни на одного ее знакомого. Тогда, в актовом зале университета, ей понравились его стихи. Голос у него хоть и чуть глуховатый, но проникновенный. На поэта Андрей совсем не похож, скорее – на профессионального спортсмена. Движения у него плавные, мышцы под тонкой рубашкой перекачиваются, на продолговатом лице густые темные брови и миндалевидные умные серые глаза. Она и раньше видела его в университетских коридорах, но он совершенно не обращал на нее внимания. Не прояви она тогда на литературном вечере инициативу, они вряд ли познакомились бы. Андрей, как ей тогда показалось, мало обращал внимания на девушек. На лекции он приходил с коричневой полевой сумкой через плечо. В кармашках джинсовой рубашки торчали головки трех или четырех шариковых ручек. Кстати, он их часто терял. Когда они стали встречаться, он иногда вел себя довольно странно: идут по улице, разговаривают, и вдруг перестает отвечать на вопросы. Лицо становится отчужденным, рассеянным. Серые глаза бесцельно блуждают по лицам прохожих, ни на ком в отдельности не останавливаясь. Уйди она в этот момент, он бы, наверное, и не заметил. Раз она так и сделала: стала отставать на Невском, потом вообще потеряла его из виду. На другой день он как ни в чем не бывало, подошел, о чем-то заговорил, но даже не вспомнил, что они потерялись в толпе. Не похож он на других и в том, что ни разу не признался ей в любви, никогда

не настаивал на свидании, когда она отказывалась, а стоило бы ему попросить, и она, конечно же, пришла бы. Но он никогда не просил. И вообще, не обижался на нее, что порой злило девушку... Если она оказывалась в компании парней, он издали махал ей рукой, добродушно улыбался и проходил мимо, явно не желая ей мешать. Разве какой другой парень стерпел бы, когда Мария назло ему ушла на день рождения к однокурснику, который был влюблен в нее? И она сама об этом сказала Андрею. Он посоветовал ей подарить парню кубик Рубика, который сам ей и вручил, сказав, что именинник будет очень доволен... Так оно и было: кубики Рубика тогда еще были большой редкостью. Ими увлекались многие. Именинник-то был в восторге, а вот Марию это задело за живое... Она даже потом всплакнула. Андрей и не подумал пойти на день рождения, хотя его тоже пригласили. Во-первых, он мало знал ее однокурсника, во-вторых, в рот не брал спиртного, даже с гордостью именовал себя абстинентом. Марии пришлось заглянуть в энциклопедию, чтобы точно узнать, что это такое. Оказывается, человек абсолютно непьющий. Мария с удовольствием могла посидеть в кафе или мороженице, немного выпить, а с Андреем не выпьешь. Парень пьет апельсиновый сок, а девушка, сидящая с ним за одним столом, – вино?..

Раздался шорох – наверное, кошка... Сон не шел, а одиночество стало угнетать. Наверное, она очень любит Андрея, иначе разве поехала бы с ним в такую даль – подумать толь-

ко! – на грузовике?

Кажется, прошелестела у стены трава, что-то негромко треснуло. А вот будто бы кто-то украдкой вздохнул... Неужели всю ночь будут продолжаться эти непонятные звуки? В городе засыпаешь под шум машин за окном, звон трамваев, а тут всякое незначительное шуршание, шорох, скрип настораживают... Сердце ее начинает стучать громче, дыхание прерывается, она вся превращается в слух, но ничего не слышит, кроме громкого ровного стука своего сердца. Эта тоже что-то новое: сердца своего она никогда не ощущала.

Теперь уже явно слышались царапанье о дерево, скрип досок, прерывистое дыхание... и как раз напротив нее вдруг широко распахнулась чердачная дверь, и в темном звездном проеме показалась всклокоченная голова...

– Андрей! – шепотом произнесла девушка. – Есть ведь дверь.

– Ты от меня закрылась? – Он тихо рассмеялся и спрыгнул вниз, на сено.

– Я думала, ты не придешь... – Она обвила его крепкую шею руками, прижалась пылающим лицом к нему. – Тут кто-то ходит, вздыхает, шуршит... Ты хоть чувствовал, что я думала о тебе?

– Я тоже думал о тебе, – ответил он, целуя ее щеки, глаза, шею. – Представлял себе, как ты одна лежишь на колком сене, смотришь в прореху на крыше на голубую звезду... и

думаешь обо мне.

– Какой ты самоуверенный!

– А я сидел с отцом и дядей, слушал их умные разговоры, а сам мысленно бежал по ночной улице мимо забора к тебе на сеновал.

– Долго же ты бежал...

– Ты очень понравилась моим родственникам, – улыбнулся в темноте он. – По крайней мере мужской половине.

– А женской – не понравилась? – ревниво осведомилась она, расстегивая пуговицы на его тонкой рубашке.

– Мои милые родственницы считают, что ты дылда, ноги у тебя хоть и стройные и длинные, но большие... Какой, кстати, размер ты носишь? Сорок первый?

Она больно ущипнула его за ухо:

– Тридцать восьмой, дурачок! А еще что они говорили?

– Что у тебя глазищи злые, как у тигрицы...

– У тигрицы глаза желтые, а у меня светло-зеленые...

– Голубые...

Она схватила его руку и прижала к своей упругой груди.

– Один мой знакомый художник утверждал, что у меня грудь, как у богини Дианы, – похвасталась она.

– Ты ему позировала?

– У него в мастерской на Московском проспекте хранится мой незаконченный портрет...

– Портрет незнакомки... Художник стал к тебе приставать, и ты послала его к черту... – поддразнивал он. – А наше

искусство осталось без шедевра.

– Ты меня совсем не ревнуешь?

– Искусство принадлежит народу...

– Уходи, Андрей! – отодвинулась Мария от него. Глаза ее отражали две крошечные звезды, темные волосы рассыпались на подушке. – Я так ждала тебя, а сейчас не могу тебя видеть!

– Я тоже тебя не вижу – ни светло-зеленых глаз, ни божественной груди...

Ей показалось, что он улыбается, и это еще больше ее подхлестнуло: за кого он ее принимает? Уж в такой-то момент мог бы оставить при себе свои шуточки! Никогда не поймешь, всерьез он говорит или разыгрывает... Эта черта в его характере часто выводила из себя девушку.

Некоторое время они лежали молча, отодвинувшись друг от друга. Марии хотелось протянуть руку и прикоснуться к нему, но она сдержалась: почему она должна это сделать первой, а не он? Что думает он, не знала. В этом отношении он тоже был для нее загадкой. Но то, что он умеет обуздывать свои чувства, она хорошо знала. Если она действительно хочет, чтобы он вот сейчас встал и ушел, он встанет и уйдет. Просить, умолять он не умеет. А завтра даже виду не подаст, что обиделся. Будет такой же ровный, приветливый. Может, для мужа это и хорошо, но они пока не женаты. Иногда ей хотелось бы увидеть его разгневанным, ревнивым... Он такой спокойный на самом деле или умеет держать себя

в руках? Случалось, в серых глазах его вспыхивали гневные огоньки, но голос по-прежнему был ровным, движения спокойными. Пожалуй, таким сильным людям, как Андрей, и не стоит быть гневливыми. Она чувствовала, что нравится ему, но этого ей было мало.

– Андрей, скажи только честно: ты любишь меня? – первой нарушила затянувшееся молчание Мария.

– Разве я когда-нибудь тебя обманывал? – спросил он.

Нет, он никогда ни ее, ни других не обманывал. Да и зачем ему это? Он ведь никого не боится, ни перед кем не заискивает. Лгут чаще всего трусливые люди, которые всегда чего-то боятся или скрывают. А может, просто из-за подлости натуры.

– И все-таки, любишь ты меня или нет?

Спросила и затаила дыхание: он ведь не станет кривить душой, скажет правду. А так ли уж нужна эта правда Марии? Вот сейчас одним своим жестоким словом, произнесенным спокойным тоном, он сразу разрушит все то, на чем держится их взаимное чувство. Убьет надежду, ее любовь...

Он пошевелился во тьме, кашлянул, видно, хотел что-то ответить, но Мария положила ладонь ему на губы:

– Молчи, Андрей! Ничего не говори!

– Кто в верности не клялся никогда, тот никогда ее и не нарушит... – продекламировал он.

Она была уверена, что он улыбается. Вспомнила, как однажды Андрей откровенно высказал свое отношение к ней,

Марии, и к жизни вообще. Это было на пляже в Репине, куда как-то они выбрались покататься. Они только что вышли из воды, легли рядом на песок и, слушая шуршание накатывающих волн, смотрели на высокое небо. Андрей неожиданно заговорил о том, что он сейчас на перепутье: учеба его не удовлетворяет, спортсменом на всю жизнь он не хочет становиться, потому что культ мышц притупляет ум. Культуристы с наработанными тяжелыми бицепсами почему-то напоминают ему бизонов или зубров. Им, культуристам, мышцы нужны для показа, демонстрации, а не для борьбы... Ему очень нравится литература, но все, что он сейчас делает за письменным столом, почерпнуто скорее из чужого опыта жизни, описанного классиками мировой литературы, а не из своего. О любви он все знает только из книг, та жизнь, которая течет рядом, не совсем ему понятна. Живут люди, любят, ненавидят друг друга, чем-то увлекаются, борются со своими страстями и пороками, лучшие из рода человеческого что-то создают, творят, фантазируют... Большинство же живут и никогда не задумываются: зачем они родились на белый свет? Зачем живут? Что оставят после себя? Или, наоборот, уничтожат и то, что было создано на земле до них?.. И вечером и утром приходят ему в голову эти мысли, как иным мысли о смерти, которой никому не суждено избежать...

Он много говорил такого, что было непонятно и чуждо Марии, упоминал философов – таких, как Платон, Сократ, Анаксагор, Цицерон, Кант, и других... Запомнились ей и его

слова о любви: он говорил, что любовь слепа – именно так ее изображали древние, – отнимает у человека свободу, делает его рабом женщины и чувств. И любовь не бывает вечной, у нее всегда есть конец, какой бы пламенной она ни была. Поэтому он в любви за равенство, понимание и уважение друг к другу. Эгоистичная любовь, когда люди считают любимого человека принадлежащим только им; претит ему, Андрею...

Мария не понимала его: она могла любить только всем сердцем, принадлежать одному любимому человеку, каждый день видеть его, обнимать, чувствовать рядом. Для любимого она была готова на все... Разумеется, такого она требовала и от него, Андрея. А он будто бы боялся ее чувства и, когда оно проявлялось особенно сильно, сознательно или бессознательно охлаждал его то ли шутливыми замечаниями, то ли отвлеченными мудрствованиями... Много ли ей, Марии, от него нужно? Чтобы иногда говорил ей, что любит, был рядом, восхищался ею, ласкал... А он лежит рядом, такой желанный, сильный, и вместо того, чтобы целовать ее, снова рассуждает о смысле жизни...

Андрей же, лежа рядом с девушкой, думал о другом: что за парадоксальные создания мужчина и женщина?.. Так уж природа устроила, что они друг без друга жить не могут, но тогда почему они такие разные? Как два полюса. Как бы близки они с Марией ни были, а все равно нет полного понимания друг друга. Ему нужно все время быть начеку, чтобы не обидеть ее. Рассказываешь ей любопытные вещи, делишь-

ся самым сокровенным, а в ее глазах – пустота. Иной раз ему кажется, что Мария не слушает, ее мысли витают где-то далеко. Любовь, любовь... Это значит молиться на девушку? Создавать из нее идола, которому нужно все время поклоняться и принести себя в жертву? А как же свобода? Свобода личности! Независимость. Не сотвори себе кумира... Да, он, Андрей, не хочет быть идолопоклонником, жертвой любви...

Почему желание и разум несовместимы? Сначала желание, страсть, а потом размышления, анализ, критика. Почему в какие-то мгновения бывает полная гармония с женщиной, как бы наступает вершина понимания друг друга и откровение, а потом все снова исчезает?.. И таких «почему» тысяча, как у несмышленного ребенка, открывающего окружающий его мир. Много прекрасных страниц написано про любовь. Классическая любовь Наташи Ростовой к Андрею Болконскому, Анны Карениной к Вронскому, Ромео к Джульетте, Дафниса к Хлое и так далее. И все равно ни одна любовь на другую не похожа. Существуют какие-то черточки, свойственные только двум любящим людям, у других уже свои отличия... Одинаково лишь одно – начало и конец любви. Вечной она бывает только в литературе и легендах, и то лишь потому, что начинается романтически, а кончается трагически и, как правило, в юном возрасте возлюбленных...

Да, Мария ему нравится, но может ли он обещать ей ту

любовь, которую она, наверное, заслуживает? Пылкую, преданную, самозабвенную... Он этого не знает. Разве он виноват, что его чувство к ней совсем иное, чем у нее к нему? Может, у них темпераменты разные?.. И вот тут-то начинаются сложности! Разве он не понимает, что девушка сейчас злится на него, ее чувства преобладают над разумом, и он тянется к ней, но вместе с тем она еще требует от него того, чего он не может отдать ей, – это полного отрешения от себя самого, от своих мыслей, принципов... Очевидно, в ее любви он боится потерять себя... А надо ли этого бояться? Андрей не знал, но уже сама мысль, что он не принадлежит себе, заставляла его противиться охватившему его чувству... Тонкая, почти невидимая перегородка, но она разъединяла их. Он то ее хоть ощущал, эту преграду, а Мария не замечала и оттого злилась и страдала... А помочь ей он не мог. Какой смысл слепому рассказывать про волшебные краски летнего заката?.

– Андрей, кто между нами? – проницательно спросила Мария.

– Скорее уж «что», – усмехнулся он про себя, вспомнив про свои рассуждения о невидимой тонкой перегородке, разделяющей их. А может, он ее выдумал, эту перегородку?

Она придвинулась к нему, стала гладить его лицо, перебирать мягкие волосы, в глазах ее уже не мерцали две звездочки: головой она загородила щель в крыше. От ее ладоней пахло горьковатой полынью, длинные волосы щекотали ще-

ки, нос, лезли в глаза. И постепенно все мысли о сложностях отношений с женщиной сами по себе исчезли из головы. Его руки стали отвечать, губы искали ее губы. Каждое ее движение было преисполнено извечного смысла бытия, радости, наслаждения. И уже не существовало сомнений, терзаний, мировых проблем, да и сам огромный мир вдруг сузился для них в этот пахучий сеновал с щелястой крышей, кошачьими голосами, мышинным шуршанием, царапаньем яблоневого ветки о доски.

Если бы она сейчас спросила: «Любишь?» – он крикнул бы на весь мир: «Да! Да! Да! Люблю-ю-ю!..»

Глава вторая

1

Вадим Федорович саженками плыл в море. Если не вертеть головой и смотреть лишь вперед, то создается ощущение, что на свете сейчас есть лишь ты, море и небо – первобытный мир, в котором нет места цивилизации, городам, людям... Зеленоватая, с легкой голубизной вода легко держала, небольшие волны качали, как в колыбели. Даже не верилось, что в море можно утонуть, казалось, упругая ласковая вода никогда не даст тебе опуститься на желтое, с бликами дно, если ты даже не будешь шевелить руками и ногами. Впереди в голубой горизонт барельефно врезался большой белый пароход – цивилизация безжалостно разрушала придуманный мир, – с правой стороны его плавно огибали две парусные яхты. На одной из них пускал в глаза зайчики какой-то начищенный медный предмет. Красный буй остался позади, и тут раздался резкий голос спасателя, потребовавший «гражданина» вернуться назад.

Не очень широкая полоса пляжа была забита загорающими. Они лежали на деревянных реечных лежаках, на разноцветных одеялах, полотенцах, а некоторые и прямо на гальке, подложив под головы одежду и сумки. Солнца и моря

хватало на всех. У самого берега плескались крикливые голозадые детишки, слышался общий гул, в котором невозможно разобрать отдельные голоса. Когда заплываешь далеко от пляжа, то как бы отрываешься от человеческого муравейника и снова начинаешь ощущать себя отдельной личностью, но стоит ступить босой ногой на берег, влиться в коричнево-золотистую шевелящуюся массу – и ты будто сам превращаешься в незаметную песчинку огромного пляжа. Ноги твои сами собой выбирают меж плотно лежащих тел пустые места; нечаянно задев кого-нибудь, механически извиняешься, безразличные, сонные взгляды скользят по тебе, да и ты смотришь на всех равнодушно. И потом, редко чьи глаза увидишь, потому что все в солнцезащитных очках – роговых, металлических, пластмассовых.

Вадим Федорович не без труда отыскал свой лежак, он бы прошел мимо, но в изголовье заметил свою спортивную сумку с торчащей из нее корешком вверх книгой. На лежаке расположилась рослая блондинка. Белые руки заложены под голову, золотистые волосы ручьем спускались с лежака до самой гальки. Грудь с глубокой ложбинкой едва сдерживала узкая синяя полоска бюстгальтера, столь же узкие плавки на высоких бедрах. Круглый живот, тонкая талия. Прямо-таки красотка с журнальной обложки! Казаков мог сколько угодно разглядывать незнакомку, занявшую его лежак, потому что глаза и почти все лицо ее до самого подбородка были прикрыты махровым полотенцем. Девушка, видно, не завсе-

гдотай пляжа: нежный загар едва тронул ее белую кожу. Вадим Федорович усмехнулся, подумав, что иногда природа любит жестоко подшутить: наградив женщину великолепной фигурой, придаст ей облик уродливой бабы-яги.

Каждый человек, если на него долго смотреть, рано или поздно почувствует взгляд – девушка плавным движением руки сняла с лица полотенце. Овальное, с чистым выпуклым лбом и светло-кариими глазами лицо девушки было если не классически красивым, то довольно-таки приятным. Может, чуть портила толстоватая нижняя губа, отчего ее лицо показалось Казакову в первый момент равнодушно-презрительным. Да и взгляд был довольно жестковат.

– Чего вы на меня уставились? – грубовато сказала низким, чуть хриловатым голосом блондинка.

– Мне приятно на вас смотреть, – улынулся Вадим Федорович.

Чуть раскосые глаза девушки внимательно его осмотрели снизу доверху – ей это было удобно с лежака: Казаков стоял на гальке как раз у ее ног. Невольно он чуть выпятил грудь, подтянулся. В свои пятьдесят три года он выглядел совсем неплохо: фигура прямая, живота нет, плечи широко развернуты, в мускулистых руках чувствуется сила. В отличие от девушки, он уже хорошо загорел, на его несколько аскетическом скуластом лице выделялись продолговатые, будто посветлевшие после купания серые глаза. В темных, коротко постриженных волосах почти не заметна седина. Никто ему

больше тридцати пяти – сорока не давал, хотя он и не прилагал никаких усилий, чтобы выглядеть моложе. Разве что по давно выработавшейся привычке каждое утро делал получасовую зарядку.

– Вы загораживаете солнце, – заметила девушка.

– Историческая фраза! – развеселился Казаков. – Ее еще до нашей эры произнес философ Диоген в ответ на предложение всех благ мира Александром Македонским.

– Это ваш лежак? – Девушка стала было приподниматься, но он остановил ее:

– Ради бога, загорайте, а я схожу на набережную за мороженым. Пломбир или фруктовое?

– Здесь столько народу, что я подумала: чего эта лежак пустует?

– Вы правильно подумали, – рассмеялся он. – На меня загар уже не действует, а вы, по-видимому, только что приехали?

– Прилетела, – равнодушно сказала она.

– А я приплыл... оттуда, – кивнул он на море, а про себя подумал, что фраза не очень-то умно прозвучала...

Девушка снова откинулась на лежак, посмотрела на него долгим изучающим взглядом, улыбнулась, отчего стала симпатичнее, и снова положила полотенце на лицо. Отвернув уголок, так что стали видны только губы, небрежно произнесла:

– У меня никакого желания нет ни с кем знакомиться...

И потом, мороженое я терпеть не могу.

С трудом пробираясь по каменной лестнице, ведущей на набережную, Казаков подумал, что зря, пожалуй, он ляпнул про Диогена... И почему человеческий ум хватается за первое попавшееся? Пусть Диоген когда-то и произнес эту фразу у моря Александру Македонскому, как утверждают древние историки, но показывать свою эрудицию незнакомой девушке как-то мелко, что ли... И все равно у него было хорошее настроение. Вот уже скоро полмесяца, как он в Ялте, но лишь сегодня в первый раз заговорил с незнакомой девушкой... Может, сама судьба посылает ее ему?

Июль – жаркий месяц на юге, и он, пожалуй, с большим бы удовольствием провел это время в Андреевке, но вдруг неудержимо потянуло к морю... Все-таки море не сравнишь ни с какой речкой или озером. И есть в нем что-то притягательное... Даже ночью приснился Коктебель – набережная с пляжем внизу, шум накатывающихся волн, крики чаек, стрекотание цикад за окном коттеджа, в котором он года четыре назад прожил целый месяц.

С двумя шоколадными пломбирами в руке – за ними пришлось на солнце простоять, наверное, с полчаса – он пробирался к своему месту. Лежак был пуст. Еще сохранились на рейках влажные пятна от ее тела, даже, кажется, остался легкий запах хороших духов. Присев на лежак, Казаков решил подождать ее. Наверное, пошла купаться, но тогда где ее одежда, сумка?

Когда второй пломбир полностью растаял, он понял, что девушка не придет. Сама пришла, из сотни пустующих лежаков выбрала именно его – это ли не перст судьбы! – и так же таинственно исчезла, а он даже не догадался спросить, как ее зовут. Зато распространялся про Диогена и Александра Македонского. Вот болван!..

Еще раз выкупавшись, он натянул белые парусиновые джинсы, тенниску, надел на босые ноги сандалии, сунул в сумку мокрые плавки и, лавируя, как конькобежец на льду, направился к выходу. На набережной сразу окунулся в раскаленный зной, захотелось стащить тенниску, и вообще, зря он не надел шорты. У киоска с минеральной водой толпились люди. Очередей он не любил и пошел дальше. Представил себе, как придется сейчас подниматься по гористой тропинке наверх в Дом творчества, и машинально оглянулся, не идет ли туда машина. Обычно, если идешь по серпантину, огибающему гору, на которой сквозь парковые деревья белет трехэтажное здание Дома творчества, можешь остановить попутную машину, она подбросит. Но есть и другой путь – это через сады и огороды местных жителей. Узкая каменистая тропинка круто поднимается в гору, нужно преодолевать террасы, деревянные лестницы, проходить мимо гаражей, белых каменных домов, причудливо пристроившихся на ступенчатом боку огромной горы, несколько раз пересекать и асфальтовое шоссе, идущее к Дому творчества. Вадим Федорович обычно ходил каменистой тропинкой, под-

нимался к себе в комнату весь мокрый, лез под душ, который на этой верхотуре работал с перебоями. Зато после обеда приятно вернуться к себе на второй этаж и растянуться на большой кровати с книжкой в руках...

Страхивая со лба крупный пот, Казаков поднимался по каменным ступенькам вверх, вот уже за спиной осталась последняя белая хата с буйно разросшимся садом и железной крышей, засыпанной желтыми листьями, асфальтовое шоссе вывело к длинной широкой каменной лестнице, пересекающей гористый парк. На каждом пролете – скамьи, чтобы можно было пожилым людям передохнуть. Высоковато все же расположен Дом творчества! Иной раз в тридцатипятиградусную жару подумает: стоило ли спускаться к морю, чтобы потом преодолевать такой подъем? Иногда отдыхающие обедали внизу и возвращались в Дом творчества лишь вечером, когда приходила долгожданная прохлада.

Незнакомка с длинными золотистыми волосами и карими глазами – редкое сочетание – не выходила из головы. Зачем он кинулся за этим дурацким мороженым?! Нужно будет вечером спуститься на набережную и побродить в толпе отдыхающих. Каждый вечер тысячи их прогуливаются от морского вокзала до живописного ресторана, устроенного на палубе старинного парусника. Не может быть, чтобы он ее не встретил...

Присев у круглого бассейна, в котором плавали золотые рыбки, Вадим Федорович задумчиво стал смотреть на них.

Вода была малахитового цвета, на дне росли бледные водоросли, меж ними величаво плавали рыбки. Хотя их и называли «золотыми», были они мутно-красного цвета, переходящего в белый внизу. Пробравшийся сквозь ветви деревьев солнечный луч припек голову. Казаков лишь на пляже иногда надевал купленную здесь шапочку с целлулоидным козырьком, на котором было написано: «Крым».

Глядя на плывущую по кругу самую крупную рыбку, он вдруг отчетливо увидел овальное лицо девушки с нижней толстой губой... Тоскливо заныло внутри: все-таки, как он ни успокаивал себя, что главное для писателя это свобода от семьи, тоска по женщине вдруг неистово всколыхнулась в нем, главным сейчас было снова увидеть ее, поговорить, узнать, что она за человек. Ведь золотоволосая незнакомка принадлежит к тому самому не очень-то знакомому для него поколению. Ей, наверное, двадцать пять – двадцать семь лет. Столько же и главной героине его нового романа... Он по опыту знал, как трудно создавать образ, не имея перед глазами прототипа. Пока его героиня была лишь негативом, а вот блондинка на пляже – яркая цветная фотография! И как она отчетливо отпечаталась в его памяти! Он мог, закрыв глаза, увидеть ее овальное лицо со всеми его штрихами: черные ресницы у нее длинные, на губах совсем мало помады, у небольшого, чуть вздернутого носа – коричневая родинка, немного меньше родинка на раковине маленького розового уха, которое выглянуло из-под колечек золотистых волос...

Художникам и режиссерам легче: подошел и предложил позировать или участвовать в киносъемках, а как быть писателю? «Милая девушка, вы мне чем-то напоминаете героиню моего ненаписанного романа, не желаете ли...» Ну а дальше? Что можно ей предложить? Сказать, что захотелось бы заглянуть в глубь ее таинственной души, покопаться в ней? Кто же на это согласится? Скорее всего, девушка позовет милиционера и гневно заявит, что какой-то сумасшедший пристает...

Вадим Федорович опустил палец в воду, и тотчас большая рыбка, взмахивая многочисленными плавниками, подплыла и стала в него тыкаться тупым носом, глаза ее равнодушно ворочались в орбитах.

«Ее, наверное, звать Василиса...» – вдруг подумал Казаков, поднимаясь по лестнице к зданию. И только сейчас он сообразил, что девушка и впрямь чем-то похожа на Василису Прекрасную, которую любил его отец. Только глаза у них разные.

На каменистой площадке напротив столовой мужчина в шортах и девушка в купальнике играли в настольный теннис. Маленький белый мячик с треском стучался о деревянный стол. Играли неумело, пластмассовый мячик то и дело падал на землю. Пожилой мужчина был полноват, на голове просвечивала плешь. Однако перед худощавой светловолосой девушкой он молодился, прыгал козлом, отчего белый живот трясся, как холодец, громко комментировал каждый

свой удар ракеткой.

Вадим Федорович несколько раз видел его в столовой – тот сидел у окна с московскими литераторами. Обычно в домах творчества люди быстро сходятся, по Казаков старался уклоняться от знакомств. Он приехал сюда поработать, а знакомства мешали этому: то стихийно соберется у кого-нибудь в номере веселая компания и тебя тащат туда, то зовут на прогулку в горы, поиграть в настольный теннис, шахматы, бильярд. В общем, не успеешь и оглянуться, как уже оказывается, что сам себе не принадлежишь...

Проходя мимо, Вадим Федорович стал вспоминать, здороваются они с этим толстяком или нет. Вроде бы их не представляли друг другу. Светловолосая девушка проводила его взглядом, а когда он скрылся в парадной, спросила мужчину:

– Очень знакомое лицо... Кто это?

– Какой-то Казаков из Ленинграда, – небрежно ответил тот, удачно послав мяч, который девушка не успела достать ракеткой. – Семь два в мою пользу! – торжествующе прибавил он.

– Писатель Вадим Казаков? – не нагибаясь за мячом, спросила девушка. Она опустила ракетку и во все глаза смотрела на своего партнера.

– Вы сказали так, будто он по меньшей мере Лев Толстой! – рассмеялся мужчина. На его одутловатом лице бисером выступил пот.

– Это мой любимый писатель! – сказала девушка, – Нико-

лай Евгеньевич, познакомьте меня, пожалуйста, с ним!

– Здесь сейчас живет поэт Роботов, – снисходительно заметил Николай Евгеньевич. – Он мой друг.

– Да я его терпеть не могу!

– Странные у вас вкусы, – сказал мужчина, похлопывая себя ракеткой по толстой ляжке. – К Роботову очередь за автографами, он известный поэт, а вашего Казакова я даже не читал.

– Вы с ним не знакомы? – разочарованно протянула девушка. – Фу как жарко, пожалуй, пойду купаться.

– Но мы же партию не доиграли, – возразил Николай Евгеньевич.

– Я признаю себя побежденной, – улыбнулась девушка и положила ракетку на стол. – Называете себя критиком и не читали Казакова? Да у нас в институте очередь в библиотеке за его книгами. Их даже на «черном рынке» не достать.

– Этот ленинградец в журналах не печатается, книг, как вы говорите, не достать, наверное, поэтому я и не читал их, – заметил Николай Евгеньевич. Хотя он говорил примирительно, в голосе его прозвучала скрытая насмешка.

– А вы почитайте, – посоветовала девушка.

– Сегодня же возьму в библиотеке его книгу, – пообещал критик. – Зина, подождите пять минут, я переоденусь и провожу вас.

Поднимаясь к себе в комнату на третий этаж, Николай Евгеньевич Луков увидел в холле второго этажа Казакова, раз-

говаривающего с писателем Виктором Викторовичем Маляровым, круглолицым коренастым мужчиной в светлом костюме и даже при галстукe в этакую-то жару! Малярова Луков знал – о нем лет десять назад много писали как о талантливом писателе-фантасте. Здесь, в Ялте, они как-то сыграли пару партий в бильярд. Самоуверенный Маляров дал три шара форы и с треском проиграл, доставив Лукову немалое удовольствие. Виктор Викторович был из тех, кто не любит проигрывать.

Николай Евгеньевич подошел к ним, кивнул Малярову и, уставившись в упор маленькими холодными глазками на Казакова, с насмешливыми нотками в голосе сказал:

– Моей знакомой девушке почему-то очень нравятся ваши, гм... романы. Мечтает познакомиться с вами.

– Я думал, старичок, тебя только в Ленинграде одолевают поклонники, – улыбнулся Маляров. – А тебя и здесь ущучили! Скоро будешь знаменитым, как Роботов.

– Ну, с Роботовым в популярности трудно соревноваться, – заметил Луков.

– Такие стихи, какие он кропает, можно пудами писать, – усмехнулся Маляров.

Казаков изучающе рассматривал Лукова. Самоуверенное лицо, небольшие голубые глаза, ресниц и бровей почти не заметно. А каким тоном сказал о знакомой: дескать, она глупая, наивная, потому и нравятся ей ваши книги...

– Вы о той милой девушке, с которой играли в теннис? –

спросил Вадим Федорович.

– Дали бы что-нибудь мне посмотреть, – все тем же снисходительным тоном продолжал Николай Евгеньевич, не отвечая на вопрос. – Честно говоря, я ничего вашего не читал.

– Ты, Никколо Макиавелли, читаешь в журналах только высокое начальство и лауреатов, – добродушно заметил Малларов. Он ко всем обращался на «ты». – И пишешь хвалебные статьи лишь об известных. Сколько ты статей накатал о Роботове?

– Не считал, – буркнул Луков.

Его покорило столь фамильярное обращение. Он печатается в толстых московских журналах и привык к уважительному отношению к себе со стороны пишущей братии. Москвичи и провинциальные литераторы сами присылали ему свои книги с теплыми дарственными надписями на титульном листе. Каждому лестно, чтобы о нем упомянули в периодической печати... А эти оба ленинградца, кажется, носы задирают перед ним?..

– Я не вожу с собой свои книги, – сказал Казаков.

– Я все-таки критик... – многозначительно заметил Луков.

– Как ваша фамилия? – спросил Вадим Федорович. Николай Евгеньевич небрежно достал из заднего кармана шорт глянцевитую визитную карточку, точно такую же он на пляже вручил Зине, с которой несколько дней назад познакомился. Девушка оказалась аспиранткой-филологом из Вол-

гограда. Луков в их институте несколько лет назад читал лекцию о творчестве Горького. И лекция московского ученого понравилась студентам. Николай Евгеньевич снисходительно слушал аспирантку, а Зина хорошо знала современную литературу, иногда спорил с ней. Дело в том, что ее вкусы не совпадали со взглядами Лукова на современную литературу, но чтобы не испортить отношений – девушка ему нравилась, – он даже в чем-то соглашался с нею.

– Никогда про вас ничего не слышал, – изучив визитку, сказал Казаков.

– Ты, старичок, извини, – вмешался Маляров, – твою тягомотину ведь дочитать до конца невозможно: ты хвалишь тех, кого все хвалят и кто имеет власть, а ругаешь того, кто не может тебе дать сдачи. Не помню, чтобы ты хоть раз на секретаря Союза писателей замахнулся...

– Я вообще мало кого знаю из критиков, – нашел нужным добавить Вадим Федорович.

– У нас критики-то настоящей нет, – вставил Маляров. – Пишут про дружков-приятелей...

Луков уже клял себя на чем свет стоит, что подошел к ним: эти ленинградцы уж больно много мнят о себе...

– Я о вас тоже ничего не слышал, – сварливо заметил он Казакову. – Но обещаю вам – вы обо мне еще услышите!

– Берегись, Вадим, Макиавелли теперь напишет про тебя какую-нибудь гадость! – хихикнул Маляров.

– Моя фамилия – Луков, – с достоинством заметил Нико-

лай Евгеньевич, окинув Виктора Викторовича неприязненным взглядом.

– Макиавелли был великим человеком, – поддразнивал Маляров.

Виктор Викторович давно нравился Казакову, они и в Ленинграде поддерживали добрые отношения. Маляров никогда не боялся, мог любому все, что думает о нем, сказать в глаза. И тем не менее все его терпели, не обижались даже на резкие шутки. В Доме творчества отдыхал и драматург Славин. При встрече с Вадимом Федоровичем он едва кивал тому, помня, как в свое время тот открыто критиковал его за одну из конъюнктурных пьес. Леонид Ефимович никому не прощал нападок на него. В Доме творчества Славин, Роботов, еще несколько литераторов и Луков держались обособленно.

Сидели за одним столом у окна. Иногда за ними приезжала черная «Волга» и увозила на встречи с читателями лучших здравниц в курортной зоне. Конечно, Славин высказал Лукову свое мнение о Казакове. Леонид Ефимович назвал Вадима Федоровича способным писателем, но посоветовал держаться от него подальше: мол, это человек «не наш»... Ну а что это такое, Лукову было понятно. «Не наш» – это, значит, враг Славина и его друзей. А Николай Евгеньевич считал себя если не другом Леонида Ефимовича, то по крайней мере соратником. Они не раз встречались в Ленинграде, Москве, и Луков знал вес и авторитет в литературном мире

Славина. А с могущественными людьми Николай Евгеньевич всегда считался, уважал их, ценил. И писал на их книги рецензии, упоминал в каждой своей журнальной статье. И здесь, в Ялте, Славин дал понять ему, что тоже ценит Лукова и, случись что, не оставит в беде... Лично Казаков не вызывал у Николая Евгеньевича недобрых чувств, правда, восторги Зиночки по поводу его книг несколько озадачили его. Конечно, он слышал фамилию Казакова, изредка встречал ее в литературных изданиях, но книги этого писателя действительно как-то прошли мимо него...

Все эти мысли промелькнули в его голове, пока он слушал болтовню здоровяка Малярова. Кстати, Славин к фантасту относился терпимо, даже обмолвился в разговоре на ужине, что Виктор Викторович – талантливый человек, но вот без царя в голове... Что он этим хотел подчеркнуть, Луков не понял.

– ... В Ленинграде провалилась последняя пьеса Славина, – разглагольствовал Маляров. – Возьми и напиши про это, Луков? Ведь не напишешь! Я видел, как ты Славину партию в настольный теннис проиграл... Я тогда вволю посмеялся!

– Я тоже люблю посмеяться, – мрачно уронил Луков. – Только последним...

И тут Казаков совершил большую ошибку, с невинным видом спросив:

– А эта девушка случайно не ваша дочь?

Луков действительно выглядел рядом с молоденькой аспиранткой почтенным папашей, его бесили насмешливые взгляды знакомых литераторов из Дома творчества, когда он приводил Зину сюда. Он успокаивал себя, что ему просто завидуют.

– А вы что, хотите к ней посвататься? – вспыхнув, сказал Луков.

– Породниться с вами? – улыбнулся Вадим Федорович. – Нет уж, увольте...

– Зря отказываешься от такого родства, Вадим, – подлил масла в огонь Маляров. – Макиавелли тогда прославил бы тебя на всю Россию... Вставил бы в «обойму» рядом со Славиным и Роботовым. Он за своих готов в огонь и в воду!

– Я бы не хотел быть в этой «обойме», – усмехнулся Казаков. – Она стреляет холостыми патронами...

– Смелые вы ребята, – покачал головой Луков.

– Смелого штык не берет, смелого пуля боится... – фальшиво пропел Маляров. – А ты, Макиавелли, не пугай нас...

– Я уже вам сказал, – багровея, процедил Николай Евгеньевич. – Моя фамилия – Луков! – И произнес по слогам: – Лу-ков!

Повернулся и ушел по красной ковровой дорожке на свой этаж.

– Лысый, а за молоденькими девушками бегаёт, как резвый козлик, – сказал Маляров.

– И что это за манера у критиков – на всех писателей смот-

реть свысока? – произнес Казаков.

У него от беседы остался неприятный осадок. Правда, вскоре он забыл про это и, возможно, никогда больше и не вспомнил бы Лукова, если бы тот гораздо позже сам не напомнил о себе...

Вадим Федорович не знал, что в этот злополучный день, переодевшись, Николай Евгеньевич быстро спустился вниз, но девушки в парке не обнаружил. Несмотря на жару, отправился в город, обошел все центральные пляжи, часа два бродил по набережной, надеясь встретить Зину, но все было тщетно.

До отъезда в Москву он разыскал в библиотеке журнальный вариант первого романа Казакова, остальных книг писателя в библиотеке Дома творчества не было. Он не обнаружил даже их на специальной полке, где были выставлены книги, подаренные писателями этой библиотеке. Поинтересовался у библиотекаря, почему нет книг Казакова, та ответила, что они обычно на руках, но последние два романа пропали. За них были внесены деньги.

Николай Евгеньевич назойливо расспрашивал всех знакомых писателей, не избирался ли когда-либо Казаков членом правления писательской организации. Говорили, вроде бы нет.

«С таким характером, дорогой романист, вряд ли ты нашёл себе влиятельных друзей, которые за тебя бы вступились... – подумал он, раскрывая у себя на веранде потре-

панный московский журнал пятнадцатилетней давности. — Чем же ты мог понравиться этой провинциальной дурочке Зине?..»

2

В Ленинграде было очень жарко. На раскаленном небе ни облака. Каменные громады зданий ощутимо источали из себя набранное за неделю жары тяжелое тепло. Никогда еще толпа прохожих на Невском не двигалась так медленно. Особенно туго приходилось приезжим, которые были в костюмах, с сумками в руках, плащами через плечо. Давно капризная погода не дарила ленинградцам подряд столько теплых дней. Когда моросит холодный дождик, люди мечтают о солнце, тепле, а когда долгожданное тепло заполнило весь город, раскалило камни, памятники, гранит набережных, расплавил асфальт, ленинградцы хлынули за город, на Финский залив. Жара всем осточертела, окна в домах распахнуты, в них не дрогнет ни одна штора, голуби сидят на карнизах, раскрыв маленькие клювы. Даже чаек не видно над Невой. Машины начинали выползать на Приморское шоссе после трех часов дня. И тянулись плотным потоком до самого вечера. Рассказывали, что какой-то чудаков солдатиком махнул с Дворцового моста в Неву. Его бросились вылавливать на катере, а он уцепился за канат проходящего мимо речного трамвая, забрался на палубу и уплыл в Фин-

ский залив.

Оля Казакова стояла в тени арки кинотеатра «Аврора» и смотрела на раскаленный Невский. В карманчике модной рубашки лежал билет на французский кинофильм «Чудовище» с участием Жан-Поля Бельмондо, любимого ее артиста. Здесь, в тени, жарко, а какая духота в зале! Она уже видела этот фильм, все кинокартины с Бельмондо она смотрела по нескольку раз.

На девушке короткая юбка, открывающая длинные ноги в белых босоножках. В девятнадцать лет девушке с ее стройной фигурой и маленькой твердой грудью не нужно надевать на себя ничего лишнего, как говорила лучшая подруга – Ася Цветкова. Где она сейчас? Вместо юга, как мечтала зимой, укатила до экзаменов на машине с компанией в Прибалтику. Хорошо она там подготовится... Приглашали и ее, Олю, да разве мать отпустит? Оля в этом году закончила первый курс Института театра, музыки и кинематографии на Моховой. Как мать ни уговаривала ее поступать в художественный институт имени Репина, Оля не послушалась. Почему она должна учиться на художника, если у нее нет к этому призвания? Отец ведь не настаивал, чтобы она пошла на филфак университета? Он и Андрея не уговаривал, тот сам выбрал журналистику.

В десятом классе ее пригласили на киностудию «Ленфильм» – помощник режиссера по всему городу искал девочку на главную роль, и она удачно снялась. Пробы, кино-

съемки, направленные на тебя юпитеры, гримеры, на ходу накладывающие на лицо румяна, щелканье трещотки с титрами, павильоны и натура – все это с головой захватило девочку и определило ее выбор на будущее. Мать убеждала, что случайный успех – это еще не все, кинозвезды вспыхивают и тут же гаснут, а у нее, Оли, явные способности художника-графика. Не надо, мол, ловить журавля в небе, если синица в руках... Брат Андрей, наоборот, поддержал ее желание подавать документы в театральный. Вспомнился тот давний разговор с ним.

– Тебе очень хочется стать артисткой? – спросил он.

– Я ни о чем другом больше не могу думать, – ответила она.

– Джульеттой Мазина ты никогда не станешь, – улыбнулся брат. – Для этого у тебя просто не хватит таланта... Но испытать всю эту киношную дребедень на себе, наверное, стоит... Если бы я и пошел в кино, то только каскадером. Эти ребята действительно интересным делом занимаются... А все остальное – мираж!

– Так иди, – подзадорила она. – Будешь с крыш прыгать, на лошадях скакать, переворачиваться на автомашинах...

– Понимаешь, в этом есть какая-то бессмыслица, – противореча сам себе, сказал Андрей. – Я готов все это делать, но не для зрителей...

– Для себя?

– Наверное, – после продолжительной паузы произнес

он. – А ты поступай туда, куда тянет. Может, и в самом деле проявится талант. У тебя, правда, есть один недостаток, – улыбнулся он. – Ты красивая. А в мировом кино сейчас мода на некрасивых.

Оля очень считалась с мнением брата. В своей жизни пока ей встретились три по-настоящему умных человека – это отец, Николай Петрович Ушков и брат Андрей. Остальные знакомые, конечно, тоже не дураки, но эти трое были с детства для нее непререкаемыми авторитетами.

И вот сейчас, стоя на Невском, Оля размышляла, что лучше сделать – пойти в душный зал и полтора часа смотреть на великолепного Бельмондо или позвонить Михаилу Ильичу Бобрикову?

Когда Ася Цветкова впервые увидела их вместе на просмотре в «Ленфильме», она в ужас пришла. Это было видно по ее выпученным глазам и выражению лица. Воспользовавшись минуткой, когда они остались в буфете наедине, она спросила:

– Это твой... мужчина?

– Мой хороший друг, – улыбнулась Оля.

– Господи, Олька, он ведь старик! – захохала подруга. – Да я постеснялась бы с ним вдвоем на людях показываться!

– Кому что, дорогая... – беспечно отвечала Оля. – Тебе нравятся бармены и официанты, а мне – умные, интересные люди. Михаил Ильич знает в городе всех знаменитых людей. И знаешь, как его называют? «Великий маг»! Он делает лю-

дям добро и даже взятки не берет.

– Ученый? Академик?

– Начальник станции техобслуживания, – улыбнулась Оля. – У него свой «мерседес», и он на нем гоняет – никому не угнаться! Его даже милиционеры не останавливают.

– А он и вправду ничего, – оттаяла Ася. – Познакомь меня с ним. Я еще ни разу на «мерседесе» не каталась...

– Прокатишься, – пообещала Оля.

– У тебя с ним... роман? – вкрадчиво спросила подруга, округлив красивые глаза, которые с ума сводили ее поклонников.

– Не болтай глупостей! – одернула ее Оля. – Это у тебя романы! Просто мы друзья...

– Рассказывай... – не поверила Ася Цветкова. – Такие люди, как твой знакомый, просто так не дружат. По лицу видно, что он деловой человек.

Познакомилась Оля с Михаилом Ильичом на даче у Савицких. Весной этого года. Мать позвонила ей и предложила провести майские праздники на даче ее близкой подруги в Комарове. Вместе со своим бородатым сослуживцем Федичевым она заехала за ней в институт. Оле не очень-то и хотелось в эту взрослую компанию, но не посмела отказаться. И потом, Комарове ей нравилось, можно будет побродить по берегу залива, подышать свежим сосновым воздухом. Мать, занятая своим художником, предоставила ей полную свободу.

Туда и прикатил на своем темно-сером «мерседесе» Михаил Ильич Бобриков. Он сразу обратил внимание на девушку, вызвался проводить ее к заливу. Невысокий, коренастый, с коротко постриженными волосами неопределенного цвета, он сначала не понравился Оле. Слишком уж был самоуверенным, говорил короткими рублеными фразами, будто отдавал приказания. Узнав, что она учится в театральном институте, похвастал, что у него на «Ленфильме» много знакомых, а режиссер Беззубов – лучший друг. Он бы тоже приехал сюда, но снимает в Норвегии свой новый фильм. Про Беззубова Оля слышала. Ася Цветкова даже снялась в небольшой эпизодической роли в одном из его фильмов. Бобриков называл его Сашей, рассказал забавную историю, как они с Сашей на Вуоксе поймали полупудовую щуку, но вытащить не смогли. Беззубов в рыбацком азарте шарахнул с лодки в ледяную воду, но щука, ударив его на прощание скользким хвостом, все равно ушла...

Рассказывал он интересно, со смешными подробностями, и улыбка у него была приятной. Девушке льстило, что такой солидный дядечка уделяет ей столько внимания. Она видела, как он запросто ведет себя с художниками, артистами, учеными, приходившими к Савицким поздравить с праздником. Да и муж Вики Савицкой смотрел Бобрикову в рот. И окончательно покорила ее Михаил Ильич, когда «с ветерком» прокатил на роскошном «мерседесе» до Выборга – там они пообедали в ресторане – и даже дал три километра са-

мой проехать. Оля немного водила «Жигули», этой осенью собиралась поступить на курсы шоферов-любителей. И тут Михаил Ильич пообещал ей свое содействие, сообщив, что в ГАИ у него уйма приятелей.

Несколько раз он подъезжал к институту и вез ее на Приморское шоссе. Из стереомагнитофона лилась красивая мелодия. «Мерседес» Бобриков водил мастерски. Казалось, он не крутил баранку, а нежно ласкал ее своими короткими пальцами, поросшими золотистыми волосками. И выглядел Михаил Ильич довольно моложаво. Сколько ему лет, Оля не знала, но уж, наверное, пятый десяток разменял. Такого солидного поклонника у нее еще не было. Вон даже легкомысленная Ася Цветкова позавидовала...

Продолжавшееся с мая знакомство их чуть было не оборвалось. А случилось вот что. Михаил Ильич как-то предложил ей зайти в мастерскую к его знакомому художнику на Суворовский проспект. Стал расхваливать его последние работы, мол, редкий талант и все такое. Оле и в голову не пришло, что это ловушка. Три или четыре встречи у нее было с Бобриковым, и он даже ни разу не попытался ее поцеловать. Это тоже поднимало его в глазах девушки.

Мастерская оказалась крохотной комнаткой в подвальном помещении. Правда, потолки были очень высокие. На стенах висела какая-то мазня, много примитивных икон. Художника на месте не оказалось, Михаил Ильич извлек из щели под дверью ключ. Расхаживая по мастерской, он что-то

говорил, движения его были суетливыми, он то и дело бросал быстрый взгляд на низкую тахту у окна, застеленную красным пледом. Пряча от нее глаза, сказал, что с женой у него нелады, сейчас живет у приятеля, но скоро получит прекрасную квартиру, в этом году закончит строить свою дачу в Приозерске с газовым отоплением и сауной в подвале... Оля ему понравилась с первого взгляда, и он сказал себе, что вот девушка, которую он мечтал встретить...

Оле все это надоело, она было направилась к выходу, но Михаил Ильич вдруг обхватил ее и потащил к тахте. Не вырываясь и не сопротивляясь, спокойно глядя ему в глаза, девушка произнесла:

– Сейчас же отпустите меня. И больше никогда этого не делайте.

Он отпустил. Молча наблюдал, как она причесала волосы и, окинув его презрительным взглядом, пошла к двери.

– Дура! – больно толкнуло ее в спину бранное слово.

Однако выйдя на дождливую улицу – это было ранней весной, – она не выдержала и громко рассмеялась, вызывая недоумение у прохожих.

Потом он по телефону извинился, просил его простить, – обычно он никогда не срывается. Это она знала: Бобриков был всегда очень выдержанным, не терял самообладания. Но грубое слово «Дура!» до сих пор звучит в ее ушах.

Наверное, не надо было ему этого ей говорить...

Михаил Ильич все сделал, чтобы загладить свой промах:

звонил ей, приезжал на Моховую к институту, клялся, что на него невеста что накатило, мол, больше такого не повторится... Однажды заявился к ней домой, когда никого, кроме нее, не было. Она предложила кофе, он охотно согласился, даже не спросив, скоро ли придут родители. Снова завел длинный разговор о своей семейной жизни: дескать, он давно не любит жену, большую часть времени живет на даче или у приятеля, дома ему тошно. У жены своя жизнь, друзья, его она не понимает, да никогда и не старалась понять... Потом переключился на тему «свободной любви», мол, нужно доверять своему чувству, не прятать его в себе: нравится тебе человек – значит, сходи с ним, разонравится – уйди от него. И совсем ни к чему все эти семейные дразни, проблемы, мучения... Как только он, Бобриков, начинает чувствовать себя дома неуютно, он уходит. На этом и держится их брак. Жили бы они вместе, давно развелись. Есть ли у жены любовник, он этого не знает и знать не желает. Это ее личное дело. Они друг перед другом не отчитываются. Связывает их лишь дочь. Можно было бы и разойтись с женой – он уже испытал это «счастье», слава богу, второй раз женат! – но не видит в разводе смысла. Так можно постоянно сходить и расходиться, что некоторые глупцы и делают, а он считает, что, и не разрушая семьи, можно быть счастливым, конечно при условии, что тебе встретится девушка, понимающая тебя и ничего от тебя не требующая... Любовь без ярма и обязательств и есть самая настоящая...

Оля про себя усмехнулась: значит, она и есть та самая девушка, которая создана для него... Нравился ли ей Бобриков? Девушка и сама себе не смогла бы однозначно ответить на этот, казалось бы, простой вопрос. Иногда нравился, особенно когда сидел за рулем «мерседеса» и в профиль подходил на майора Знаменского. Мужественным и сильным показался ей Михаил Ильич, когда у Дома кино – они были там на просмотре американского фильма – без лишних слов скрутил руки пьяному верзиле, ударившему женщину. Он так и не отпустил притихшего хулигана, пока не подъехала дежурная милицейская машина, которую вызвала вахтер Дома кино. Ей приятно было услышать слова пожилой женщины: «Если бы все мужчины вот так поступали, у нас в городе не было бы хулиганов». А там, в мастерской на Суворовском, он был ей очень неприятен. По натуре Оля, как ее отец и брат, не была злопамятной, но она никак не могла забыть его сузившихся светлых глаз, тяжелого прерывистого дыхания, когда он схватил ее на руки... Таким она его больше никогда не видела и не хотела бы видеть... Михаил Ильич возбуждал в ней любопытство. Этот человек, привыкший командовать целым коллективом своей станции, готов был выполнить любой ее каприз. Вот сейчас захочет она покататься на «мерседесе» – и Бобриков все бросит и примчится к ней через полчаса...

Но вот чего ей больше хочется – покататься на комфортабельной машине или увидеть ее хозяина, она не знала. По-

сле случая в мастерской художника Михаил Ильич вел себя очень осмотрительно. Даже не сделал ни одной попытки поцеловать ее, а она чувствовала, как ему этого хочется. Был такой момент, когда она бы и не оттолкнула его, – это там, у Дома кино, после схватки с пьяницей...

И все-таки девушка понимала, что так вечно продолжаться не может. От Аси Цветковой она слышала, что теперь романы внезапно начинаются и быстро кончаются... По крайней мере, у самой Аси. Сколько уже подруга сменила поклонников? Не сосчитать! И честно ли со стороны Оли, как говорится, морочить голову Бобрикову? Ведь она не любит его. Кстати, и он ни разу не признался ей в любви. Наверное, чувствовал, что она рассмеется ему в лицо... На что же он тогда надеется? Умный ведь, должен понимать, что Оля совсем не разделяет его взгляды на «свободную любовь». Вот она сказала Асе, что они с Бобриковым друзья, а так ли это на самом деле? Не напоминает ли их дружба преследование волком зайца, как в известной серии «Ну, погоди!»? Бобриков – волк, а она – заяц?..

Эти мысли завели девушку в тупик. Пусть все пока идет так, как есть. В конце концов, с Михаилом Ильичом ей интересно, он обещал к осени научить ее водить машину. Да и что говорить, какой девушке не приятно, что за ней ухаживает солидный и серьезный человек?

В будке телефона-автомата неподалеку от Елисеевского магазина Оля опустила в щель две копейки, набрала номер и,

услышав его ровный невозмутимый голос, – он всегда протяжно и чуть вкрадчиво, с таким горловым накатом произносил: «А-а-лë-ë?» – медленно повесила трубку. Монета глухо провалилась в серебристое чрево аппарата. Выйдя из будки, девушка влилась в медленную толпу и пошла в сторону Дворцовой площади. В такую жару ни одной путной мысли в голове нет. Хочется выкупаться, но ехать одной на залив лень, тем более завтра – первый экзамен по истории театра. В общем-то она подготовилась, но вечером на сон грядущий нужно прочесть еще конспект.. Пожалуй, пойдет на Петропавловку. Там, на узкой полоске серого пляжа, можно позагорать и даже выкупаться в Неве, но тут она вспомнила, что она же без купальника.

На Дворцовой площади блестели отполированные камни; Александровская колонна воткнулась в блекло-голубое высокое небо; казалось, ангел с крестом от жары сгорбился, опустил голову, мечтая с высоты своего пьедестала вспорхнуть и чайкой опуститься в прохладную Неву. По площади гуляли туристы, щелкали фотоаппараты, звучала чужая речь. К Оле подошел высокий и худой парень в потертых джинсах и желтой майке с мрачным Челентано на груди и спине.

– Такая красивая девушка – и одна! – улыбаясь во весь свой широкий рот, произнес он самую наипошлейшую фразу, что сразу восстановило девушку против него.

– Я не такая важная особа, чтобы ходить с телохраните-

лем, – смерив его уничтожающим взглядом, ответила девушка.

И тут же пожалела об этом, потому что парень будто и ждал от нее этих слов. Пристроился рядом и жизнерадостно предложил:

– Хотите, я буду вашим телохранителем?

Ноги-циркули в узких штанинах с заплатками на коленях делали мелкие шажки, чтобы идти с ней в ногу. Рыжеволосая голова у парня была маленькой, черты лица незапоминающиеся, а вот настырности, видно, хоть отбавляй.

– Я, вообще-то, приезжий, – тараторил он. – Из Перми. Слышали про такой город на Урале? Мы сюда приехали группой. Вообще-то, я чертежник с машиностроительного, а в Ленинграде впервые. Вы не покажете мне этот замечательный город? Вообще-то, у меня есть карманный путеводитель, но вы – это другое дело. Вы и есть Ленинград!

– Вам никогда не говорили, что вы нахал?

– Вообще-то, говорили, – обезоруживающе улыбнулся он. – Но это неправда: я не нахал, я просто любопытный. А вам разве неинтересно познакомиться с человеком с Урала?

– Саша с «Уралмаша», – рассмеялась Оля.

– Вообще-то, меня зовут...

Но Оля отвернулась и, увидев группу туристов, направлявшихся в Эрмитаж, помахала рукой, крикнула: «Володя! Я здесь!..» – и чуть ли не бегом припустила от Настырного пермяка.

– Вообще-то, я тоже хотел в Эрмитаж... – услышала она сзади, но не оглянулась.

И потом в прохладных залах Эрмитажа она всякий раз в испуге шарахалась от часто мелькавших перед глазами голубых джинсов, но, к счастью, они принадлежали не чертежнику из Перми. Как и всегда, попав в Эрмитаж, Оля скоро позабыла обо всем на свете, переходила из зала в зал, подолгу стояла перед шедеврами эпохи Возрождения. Иная эпоха, иное искусство. Картины великих мастеров будили в ней какие-то странные чувства, иногда ей казалось, что она очень близка к той эпохе; вглядываясь в картину, мысленно переносилась в тот прекрасный романтический мир, который изобразил на полотне художник. Она уже не слышала приглушенных голосов, шарканья многих ног по полированному паркету. Время для нее будто остановилось. Отец как-то рассказывал ей, что каждому человеку близка какая-либо из минувших эпох; наверное, ей ближе всего пятнадцатый – семнадцатый, века, когда творили Микеланджело, Боттичелли, Леонардо да Винчи, Рафаэль. Можно бесконечно смотреть на «Мадонну Литта» Леонардо, на «Кающуюся Марию Магдалину» Тициана, «Юдифь» Джорджоне или «Даная» Рембрандта... Здесь, в Эрмитаже, она впервые постигла, что гениальная картина больше расскажет тебе о той эпохе, ее современниках, чем иной увлекательный роман... Картины современных художников казались ей написанными небрежно, особенно полотна модернистов. Она проходила мимо,

почти не задерживаясь. Она недавно была на выставке молодых ленинградских художников. Приятель Андрея Петр Викторов выставил три картины, возле них все время толпились зрители. Петя писал Север – с полярным сиянием, китами, моржами, белыми медведями. Много написал картин о первопроходцах-полярниках – завоевателях Северного полюса. По многу месяцев там жил и всякий раз привозил ворох картин, эскизов набросков. Андрей утверждал, что Петя один из самых талантливых молодых художников в Ленинграде. А ведь он еще только начинает...

Как всегда, Оля надолго застряла у картины Гейнсборо «Портрет герцогини де Бофор». Петя Викторов в прошлом году сказал, что если Оля сделает такую же прическу, то будет вылитая герцогиня... Его слова запали в душу девушки. Как-то дома она соорудила на голове высокую прическу, повязала на шею черную ленту, накинула на плечи оренбургский платок и долго смотрела на себя в зеркало... Середина семнадцатого века, герцогиня позирует знаменитому портретисту Англии, о чем она думает, что вспоминает, глядя чуть в сторону от мольберта?.. И верно заметил Викторов, у Оли Казаковой и герцогини де Бофор есть что-то общее. Наверное, удлиненное лицо, маленький припухлый рот, черные брови, белозубая улыбка...

– Вообще-то, сходство есть, – услышала она рядом знакомый глуховатый голос, – надень на вас костюм конца семнадцатого века, и вы – вылитая герцогиня де Бофор.

Оля перевела отрешенный взор с картины на долговязого пермяка. Здесь, в зале искусства Англии, он не показался таким уж примитивным, как у Александровской колонны. Подумать только – и он обнаружил ее сходство с герцогиней де Бофор!

– Меня зовут Андриан, – с улыбкой протянул он большую руку. – Ваш Эрмитаж – это самое прекрасное, что я видел в своей жизни... – Он выдержал выразительную паузу и многозначительно закончил: – А в герцогиню де Бофор я просто влюблен!

– Ваша взяла, Андриан, – вздохнула Оля и взглянула на часы: – У меня два часа свободного времени...

– В наш космический век за два часа можно несколько раз облететь вокруг Земли, – расплылся он в широкой улыбке.

– Не повторяйте избитых истин, – оборвала Оля. – Пойдемте выпьем по чашке кофе внизу в буфете, а потом, так и быть, я вам покажу Летний сад с мраморными богами и богинями... Только заранее предупреждаю: если скажете, что я похожа на какую-нибудь из них, я сразу же сбегу от вас!

– Я ваш покорный слуга, очаровательная герцогиня.

– Вы опять за свое? – нахмурилась она.

– Но вы не сказали, как вас зовут.

– Разве? – улыбнулась она. – Зовите меня Олей.

Всякий раз, подолгу купаясь в море, Вадим Федорович с надеждой поглядывал на свой лежак: а вдруг таинственная блондинка объявится на пляже и снова уляжется на него? Он даже свою синюю сумку клал на подголовник, а на нее – книжку. И сам над собой смеялся: разве можно надеяться на то, что незнакомка из тысячи лежаков снова выберет именно твой? Вот уже неделю он тщетно ищет ее в Ялте. Каждый вечер гуляет по набережной, меряет ее из конца в конец, пока не стемнеет, но девушку так ни разу и не встретил. Куда она подевалась? Ялта не Москва или Ленинград, здесь все на виду. Многие уже примелькались, вечерами все отдыхающие прогуливаются по набережной. Все, кроме нее...

До конца срока еще оставалось пять дней, но жара вконец доконала. И что это за жизнь – с раннего утра уже начинаешь мечтать о вечере, когда наконец с моря придет долгожданная прохлада. Казаков плохо переносил жару. Работа тоже продвигалась медленно. Солнце весь день заливало его комнату с видом на море. От него никуда нельзя было спрятаться. В голове постоянно стоял легкий неприятный звон, во рту пересыхало, аппетит пропал. Он уже клял себя, что поехал на море в июле. Тут можно свободно дышать только ранней весной или осенью, а летом для него не отдых, а одно мучение. И эти толпы отдыхающих! Ему надоело, поднявшись в

Дом творчества, сдирать с себя прилипшее к потному телу белье, бежать в душ, который, будто автомат с газировкой, выдавал стакан тепловатой воды и отключался.

Как ни странно, легко переносил жару толстяк Виктор Маляров, хотя при его комплекции и весе это было удивительным. Когда Вадим Федорович посетовал, что погибает от жары и хоть бы завтра уехал из Ялты, если бы не заказал заранее билет на самолет, Виктор Викторович предложил ему сходить в авиакасса и обменяться билетами – он должен был уехать раньше, – Маляров с удовольствием проживет здесь еще неделю... Так они и поступили.

* * *

Сидя за письменным столом и изредка ударяя по клавишам пишущей машинки, Вадим Федорович понял, что роман не идет, что-то застопорилось. Он слышал дробный стук клавиш из других номеров и завидовал коллегам, у которых так легко идет работа.

Каждое утро после завтрака он садился за машинку – иногда за час-два не получалось и одной страницы. Тогда он шел на пляж, гулял по набережной, а в голове продолжалась работа, спор героев и героинь, возникали перед глазами совсем другие пейзажи, где нет моря, коричневых гор, криков чаек и трубных гудков пароходов. Его герои жили и действовали в средней полосе России. Какого же черта его понесло на юг?

Моря давно не видел! А разве на озере хуже? И нет этой толпы, мелькания голов в море...

Почему так тяжел и мучителен труд писателя? Почему он не может спокойно отдыхать, как все на этом гигантском пляже? Почему и днем и ночью в его голове происходят какие-то длительные, непонятные процессы, которыми он не может управлять? Лежит на пляже, слушает шум волн, голоса купающихся, а в голове разворачиваются какие-то события с его героями. Кажется, что-то сложилось, выстроилось, а придешь в номер, сядешь за письменный стол – и все расплывается... Иногда пишущая машинка кажется врагом! Взял бы ее и трахнул об пол. Машинка ни при чем, все дело в словах – это они не выстраиваются, насмеваются над ним, кажутся корявыми, нелепыми, ненужными на странице... Иногда вроде бы и работа идет, и нужные слова находятся, а закончишь главу, перечитаешь и... в корзину!

И снова бродишь по набережной, и снова в голове что-то происходит, герои спорят с ним, тянут в свою сторону. Случалось, он ловил удивленные взгляды встречающих людей – неужели в эти минуты у него что-то отражается на лице?

Несмотря на жару, на звон в голове, он снова садился за машинку. В корзине росла кипа разорванных страниц, машинка скалила белые зубы-клавиши, будто смеялась над ним. Не получалось утром – работал после обеда, потом вечером, иногда даже ночью, когда приходила долгожданная прохлада, но роман не двигался. А может, дело вовсе не в

жаре? На встречах с читателями он иногда слышит: мол, ваши книги легко читаются... Легко читаются, да трудно пишутся! Эта легкость не так-то просто дается. Сколько раз он повертит в голове каждое слово, прежде чем поставит его в строку...

Будто два человека сидят в нем: один – писатель, другой – критик. Писатель старательно стучит на машинке, радуется каждой странице, а чертов критик потом все забраковывает, разрушает с таким трудом воздвигнутый дом... Наверное, нужно не подходить больше к пишущей машинке, пока само собой не придет вдохновение... Нет, это слишком уж высокопарное слово! Безусловно, вдохновение бывает, правда, редко, Вадим Федорович это осознает, но чаще всего в нем живет неудовлетворенность. Вроде бы все получилось, ничего не летит в корзинку, а встанешь из-за письменного стола – и тебя грызет тревога: мол, слишком уж все быстро и гладко!

И снова раздирают сомнения, снова перечитываешь, что-то правишь, что-то выкидываешь, что-то вписываешь. Очень редко писатель и критик ладят в тебе... А есть еще и свой внутренний редактор! Этот, пожалуй, похуже критика! Он все написанное ставит под сомнение... К счастью, редактор не так уж часто возникает, терпеливо ждет своего часа, он потом свое возьмет...

Услышав голоса, Казаков встал из-за стола и вышел на балкон: внизу по тропинке, огибавшей Дом творчества, про-

гуливались Леонид Ефимович Славин и критик Луков. Славин был ниже Николая Евгеньевича, лицо у него полное, круглое, маленькие глаза острые, умные. Походка медлительная, да и весь он медлительный, даже когда говорит, делает большие паузы, будто знает цену каждому слову. А Луков, наоборот, семенил рядом, вертел круглой массивной головой, почтительно заглядывал Леониду Ефимовичу в лицо. Он чем-то напомнил лакея из старинной пьесы, ему бы в руки поднос с полотенцем, а лицо его и так выражает: «Чего изволите-с?»

В последний вечер в Ялте Казаков опять столкнулся с Луковым. Критик демонстративно отвернулся от него, что Казакова только насмешило: ну чего из-за пустяков дуется? Все и всех знающий Маляров рассказал про Николая Евгеньевича – тот преподавал современную литературу в сельхозтехникуме на периферии, потом перешел в пединститут, там защитил кандидатскую диссертацию о раннем Горьком, благодаря завязавшимся связям перебрался в Москву, где несколько лет работал в университете, с третьей попытки защитил докторскую о позднем Горьком. ВАК еще два года не утверждал, но и тут пронирующий Луков при помощи приятелей все-таки пробил свою диссертацию. Он в это время уже работал редактором в каком-то специализированном издательстве, где напропалую печатал филологические труды своих покровителей.

– Липовый доктор, – заключил свой рассказ Маляров. –

Таких сейчас много расплодилось! Защищают докторские на Пушкине, Лермонтове, Достоевском, Шолохове и двух-трех других советских именитых писателях... Каждый состоит при каком-либо журнале и заправляет там критикой: хвалит, кого прикажут, ругает, кого велют... В журналах ведь тоже свои группы и группки. Тронь кого-либо из своих – тут же на тебя набросятся, как псы цепные: «Бьют наших!» – Повернув к Вадиму Федоровичу круглое лицо со светло-голубыми глазами, Виктор Викторович посмотрел на земляка: – Луков – опасный и мстительный тип! Он в библиотеке спрашивал твой последний роман. Правда, не нашел.

– Мне повезло, – усмехнулся Казаков.

– В библиотеке кто-то из писателей тоже интересовался тобой, вернее, твоими книгами, – вспомнил Виктор Викторович. – Там и Славин был. Ну зашел разговор о тебе, он и говорит: «Такого писателя не знаю».

– Думаю, он хорошо позаботился о том, чтобы и другие меня не знали... – сказал Вадим Федорович.

– Славин все может, – заметил Маляров. – Умный мужик! С ним ссориться нельзя: съест с потрохами!

– Не боюсь я его.

Они сидели после ужина в парке Дома творчества. К вечеру здесь становилось оживленно: прогуливались пожилые парочки, на спортивной площадке играли в настольный теннис, бросали резиновые круги на наклонную доску с зубьями. На другой скамейке сидел известный литературовед

и негромким хрипловатым голосом рассказывал обступившим скамью молодым людям что-то смешное. То и дело слышались громкие взрывы смеха.

– Участник взятия Зимнего дворца в семнадцатом, – кивнул на маленького, плешивого, розовощекого старичка Маляров. – Восемьдесят пять лет, а еще не утратил чувство юмора! Послушаешь его, так это он совершил революцию.

– Действительно брал Зимний?

– Врет, – отмахнулся Маляров. – Маразматические байки травит... Не удивлюсь, если однажды заявит, что он папа римский.

И тут они увидели Лукова с той самой худощавой девушкой, с которой тот сражался в настольный теннис. Невысокий, грузноватый критик изрядно вспотел, белая тенниска под мышками пошла мокрыми кругами, блестел круглый лоб, посверкивали капельки на лысине. В кармашке его тенниски розовел цветок. Увидев их, девушка замедлила шаги, что-то тихо произнесла. Луков недовольно ответил, тогда девушка резко повернулась и зашагала прочь. Критик тут же трусцой припустил за ней. С минуту они стояли у фонтана с золотыми рыбками и, по-видимому, препирались, а затем прямиком направились к Казакову и Малярову. Девушка на ходу вынула из полиэтиленового пакета толстую книгу в коричневом переплете.

– Вадим Федорович, познакомьтесь с поклонницей вашего таланта... – любезно проговорил Луков. Чувствовалось,

как ему трудно было выдать это из себя. И смотрел он чуть в сторону.

Девушка, явно смущаясь, протянула Казакову книгу. Это был его роман, написанный несколько лет назад. Под своим портретом он коротко написал размашистым почерком несколько слов, предварительно попросив девушку повторить имя и фамилию. Ее звали Зинаида Иванова. Во время этой процедуры Николай Луков со скучающим видом смотрел на играющих в настольный теннис.

– Я еще студенткой вам написала, Вадим Федорович, когда прочла ваш роман, – произнесла она. – Это было мое первое в жизни письмо писателю.

– Я вам ответил? – спросил Казаков.

Он не всегда имел возможность ответить, хотя и старался это делать. В конце концов, читательские отклики – это было, пожалуй, единственное, что всегда его поддерживало, вселяло уверенность в себе, он всегда ценил их и считался с мнением читателей.

– Я и не ждала от вас ответа, – улыбнулась Зина. – Я прочла очень много разных книг, а вот написать захотелось только вам. Большое вам спасибо за ваши романы... Мои подружки умрут от зависти, когда я покажу им ваш автограф!..

Маляров добродушно проговорил:

– Фолкнер получал письма со всех концов света и никогда никому не отвечал. Когда он умер, в его доме нашли большую комнату, всю забитую нераспечатанными письмами...

И знаете, почему он их не читал? – Виктор Викторович обвел присутствующих хитрыми глазами. – В детстве он работал почтальоном и с тех пор возненавидел письма!

– Вы тоже подражаете Фолкнеру? – усмехнулся Луков.

– Я никому не подражаю, – ответил Вадим Федорович. –

И не терплю эпигонов.

– Вадим Федорович, в пединституте моя курсовая была посвящена вашему творчеству, – сказала девушка.

– Зина учится в аспирантуре, – вставил Николай Евгеньевич.

– В моей будущей диссертации я целый раздел отвела вам, – продолжала Зина. – Но, к сожалению, я почти не нашла в библиографии материалов о вас.

– Сколько книг написали, а о вас почему-то критики не пишут, – проговорил Луков. – Как вы думаете, почему?

Казакову следовало бы промолчать: он-то отлично знал, почему о нем не пишут.

Когда Вадим Федорович все это напрямик выложил критику, тот, багровея, долго молчал, а потом взорвался:

– Не я один про них пишу! В любой газете, журнале можно встретить их имена. А почему? Потому что эти писатели сейчас самые видные в стране...

– Именно сейчас... – усмехнулся Казаков. – И вы искренне верите, что эти писатели и завтра, – он подчеркнул это слово, – будут видными и знаменитыми?

– Я уже говорил: Луков и подобные ему хвалят лишь тех,

у кого власть и сила, – вставил Маляров. – Будь ты, Вадим, начальником, он и тебя бы хвалил.

– Придворный критик! – сказал Вадим Федорович. – А не боитесь, что потом вам за все, что вы написали, станет очень стыдно?

– Кто теперь читает критические статьи? – рассмеялся Виктор Викторович. – И потом, наши славословы-критики – закаленный народ! Сегодня хвалят, а завтра могут и отречься от своих кумиров... Если они зашатаются!

– Я напишу о вас, – с натугой улыбнулся Луков. У него даже пот выступил на лбу. – Обязательно напишу...

– Лучше не надо, – сказал Вадим Федорович. – Я вам, как критику, не верю.

Луков, кипя от злости, ушел с Зиной. Даже круглая спина его выражала возмущение.

– Кажется, ты нажил, Вадик, заклятого врага, – заметил Виктор Викторович. – Перед девчонкой выставил его дураком и приспособленцем.

– Да ну его к черту! – беспечно отмахнулся Казаков. – Никакой он не критик. Перепевает других, а своих мыслей нет.

С пристани донесся длинный басистый гудок, где-то в горах глухо громыхнуло, будто в пропасть скатился гигантский камень. Может, к ночи грозу натянет.

– Видел, как Лукова перекосило, когда ты книжку его цыпочке подписывал? – балагурил Виктор Викторович. – Взял

бы, старичок, да и отбил ее у него? Как она на тебя смотрела! Мне даже завидно стало!

– Тебе, «гениальному» писателю? – не удержался и съехидничал Казаков. – На тебя это не похоже, Витя.

– Я ведь пишу фантастику, – добродушно заметил Маляров.

– Встретил я тут, Витя, одну девушку... – вдруг потянуло на откровенность Казакова. – Мелькнула, как то самое чудное мгновенье, и исчезла. До сих пор помню запах ее духов...

– А ты, старичок, романтик! – удивленно покосился на него Маляров.

– И чего она мне так запала в душу? – продолжал Вадим Федорович. – И видел-то ее минут пять, а вот забыть не могу.

– Так монахом и проходил тут в Ялте один?

– Что-то трудно я стал сходиться с женщинами, – вздохнул Казаков.

– Это мне трудно... – хихикнул Маляров, – Толстый, неповоротливый, нос расплющенный, а ты еще хоть куда! Я бы на твоём месте знаешь как развернулся! Этого вонючего Лукова заткнул бы за пояс!

– У меня роман, Витя, с романом... – не мог остановиться Вадим Федорович, удивляясь самому себе: ведь он не любил говорить о своей работе. – Как увидел ту девушку на пляже, так и забуксовал на одном месте. Веришь, за неделю – ни строчки! Потому и удираю отсюда.

– А я не люблю работать, – признался Маляров. – Дома

жена заставляет, а здесь купаюсь, пью пиво, играю в бильярд, поухаживал бы за девушками, да они, стервы, нос от меня воротят!

– У тебя жена хорошая, – с ноткой грусти произнес Вадим Федорович.

– Если бы не она, я бы весь день сидел и смотрел телевизор, – рассмеялся Виктор Викторович. – Жена не дает мне лодырничать. А здесь я отдыхаю, пишу машину даже из чехла не достал.

– Я каждый день работаю, даже тогда, когда и страницы не напишу, – сказал Казаков. – Вставлю чистый лист в машинку, гляжу на него и вижу огромный кукиш. Или высунутый изо рта красный язык. У тебя такого не бывает?

– На такой жаре мне мерещится кружка холодного пива, – улыбнулся Маляров. – Для чего стараться-то, Вадим? – вдруг посерьезнел он. – Сколько у нас сейчас случайных писателей развелось? Союз наш добрый, принимает всех без разбора.

– Мне завтра рано вставать, – поднялся Вадим Федорович. Не хотелось ему на эту тему говорить.

– Привет, старичок, Ленинграду, – пожал ему руку Маляров. – Я еще буду спать, когда ты отчалишь. Посижу да посмотрю на звезды. Ты не обратил внимания, что они здесь кажутся ниже и ярче?..

Когда «Ту-134» поднялся в воздух и погасла табличка: «Не курить! Пристегнитесь ремнями!», из служебного отсека в пассажирский салон вышла рослая стюардесса с пышными соломенными волосами и заученно звучным голосом произнесла:

– Вас приветствует на борту лайнера экипаж «Ту-134», командиром которого...

Дальше Казаков ничего не слышал, он видел, как шевелятся полные губы девушки, крупные карие глаза ее остановились на нем – он сидел напротив, – выпуклый лоб перечеркнула тонкая морщинка, влажно сверкнула белая полоска ровных зубов... Это была она, та самая незнакомка, о которой он думал столько дней. Девушка, которую он искал на набережной. Вот почему он не мог ее найти: прямо с пляжа она укатила на аэродром, по-видимому, и вырвалась-то в Ялту всего на один день, возможно, даже на несколько часов. Как ей идет серая форма стюардессы с нашивками на рукавах и золотистым крылатым значком на отвороте пиджака!

– ... Меня зовут Виолеттой Соболевой, – сладкой музыкой ворвался ему в уши голос стюардессы.

Глаза ее смеялись. Теперь он не сомневался, что она его тоже узнала. Когда девушка умолкла, Вадим Федорович встал и подошел к ней. Чуть наклонив пышноволосяную голо-

ву, она удивленно смотрела на него.

– Здравствуйте, Виолетта Соболева, – произнес он. – Наконец-то я нашел вас!

– Вы меня искали? – удивилась она. Однако глаза ее продолжали смеяться. Пухлая нижняя губа придавала ее лицу задорное выражение.

– Я каждое утро приходил на Солнечный пляж, ставил лежак на то же самое место, – вдохновенно фантазировал он. – И ждал вас, а мороженое в моей руке таяло...

– Я не люблю мороженого, – сказала она.

– Кажется, я без ума от вас, Виолетта Соболева, – поражаясь своей смелости, сказал Казаков.

– До конца рейса мне признаются в любви еще трое, – весело проговорила она. – Сегодня вы уже второй... Почему же вы не даете мне свою визитку?

– Кто же успел меня опередить?

Виолетта извлекла из кармана глянцевую карточку и прочла:

– Начальник отдела НИИ, кандидат технических наук Пухов Лев Анатольевич, телефоны домашний и служебный. На русском и английском... Домашний телефон зачеркнут!

– У меня нет визитки, – сокрушенно развел руками Вадим Федорович.

Он никогда их не заказывал и, наверное, не закажет. Понимает, что это удобно: сунул в руки – и дело с концом, но почему-то претит ему заводить визитные карточки. А поче-

му – и сам бы себе не смог толком объяснить.

Стоять столбом у двери в служебное помещение было неудобно, и так уже некоторые пассажиры с любопытством посматривали в их сторону.

– Виолетта, я подожду вас в аэропорту, – сказал он.

– Зачем?

– Задавать вопросы всегда легче, чем отвечать на них, – улыбнулся он. – Зачем я ждал вас на пляже? Зачем улетел на неделю раньше из Ялты? Зачем думал о вас? И встретил, когда уже решил, что никогда больше вас не увижу... А раз уж встретил, то хотелось бы получить на все эти вопросы хотя бы один ответ.

– Какой? – Она улыбалась, и, по-видимому, ей еще не надоело с ним болтать. – Какой бы вы хотели получить от меня ответ?

– Я буду ждать вас у стоянки такси.

– Вы хотя бы поинтересовались, замужем я или нет.

– Нет, – сказал он.

Раздался негромкий писк радиации. Виолетта взглянула ему в глаза:

– Меня вызывает командир... Гражданин, сядьте, пожалуйста, на свое место...

– ...и пристегнитесь ремнем, – в тон ей продолжил он.

– Это пока делать необязательно. – Она повернулась к нему спиной, открыла ключом дверь и исчезла за светлой пластмассовой, с никелированной окантовкой, узкой две-

рью.

Он уселся на свое место и отрешенно стал смотреть в иллюминатор. Внизу клубились белые облака, совсем непохожие на те, которые мы видим с земли. Сверху они казались стремительными, легкими, прозрачными – волшебные ковры-самолеты, сотканые из белой пряжи. Ослепительное желтое солнце без лучей одиноко висело в голубоватой прозрачности Вселенной. Вадим Федорович думал: до чего же прекрасна жизнь! Сколько в ней неожиданных потерь и счастливых находок! В глубине души у него постоянно тлела надежда, что он отыщет блондинку с пляжа. И вот нашел. И опять непостижимое стечение обстоятельств: он вдруг затосковал по Андреевке, поменялся билетами с Маляровым, сел в самолет и... увидел свою таинственную незнакомку! Разве это не чудо?

Неожиданно ворвался в уши гул турбин.

– А в Ленинграде дождь... – донесся до него скучный голос соседа, которого он толком еще и не разглядел.

– Замечательно, – сказал Казаков.

– Дождь – замечательно? – удивился сосед.

– Все замечательно, товарищ! – с улыбкой сказал Вадим Федорович и бросил взгляд на дверь, за которой исчезла Виолетта Соболева.

– Вы, наверное, по лотерее выиграли «Волгу»? – насмешливо заметил сосед.

– Я выиграл надежду, – ответил Казаков.

Андрей Абросимов пешком возвращался из города Климова в Андреевну. Можно было подождать автобус – он отправлялся через три часа, – но вдруг захотелось прогуляться на своих двоих. Подумаешь, каких-то двадцать три километра! День стоял теплый, по небу не спеша плыли громоздкие белые облака, прохладный ветер освежал лицо. Сразу за Климовом, выйдя на асфальтовое шоссе, Андрей свернул к небольшому озерку, окаймленному пышным кустарником, и с удовольствием выкупался. Сверху вода была как парное молоко, а на глубине прихватывала ноги холодом. В камышовой загубине крякали невидимые утки, изящные сиреневые стрекозы отдыхали на круглых, с разрезом посередине листьях кувшинок. На середине озерка сидел в резиновой лодке рыболов в выгоревшей фетровой шляпе. Неподалеку от него плавали четыре белых кружка на щук. Больше никого на озере не было, если не считать еще гагару, бесстрашно плавающую на виду у другого берега. Гагара иногда будто проваливалась в воронку, а потом снова выныривала на поверхность на значительном расстоянии от прежнего места.

Рыболов не очень-то приветливым взглядом окинул Андрея, бухнувшего прямо с берега в глубокую коричневатую воду, но ничего не сказал. Не было заметно, чтобы у него здорово клевало. Когда Андрей, раздвинув кусты, увидел его,

ему показалось, что рыбак дремлет в лодке, спрятавшись под своей старой шляпой.

Синие стрекозы слетали с зеленых кувшинок, мельтешили над головой Андрея, в камышах чмокали лещи, но, видно, на удочку не брались. Не зря же рыболов заякорился на плесе. В темной, спокойной у берегов воде отчетливо отражались купы кустов и тонкие, почти прозрачные березы. Андрею вдруг тоже захотелось посидеть на таком тихом озере с удочкой...

Натянув джинсы, футболку, зашнуровав кроссовки, он снова вышел на шоссе. Пахло разогретым асфальтом и хвоей. Машин здесь было немного, да он и не останавливал их. Раз решил пройтись пешком, значит, иди себе, не оглядывайся и не маши рукой. Его вояжи по району с Околычем сорвались: заготовитель вдруг решил с семьей поехать к морю. Андрею он так объяснил столь неожиданный поворот в своих планах: лето – мертвое время для заготовителя, все произрастающее еще находится в земле-матушке и только к осени вылезет наружу. Это и грибы, и картошка, и клюква, и брусника... А сейчас можно только заготавливать в зверосовхозах вонючие кости да скупать у населения полугодовалых телят... Много ли на этом зарабатываешь? Уговор их остается в силе: в начале сентября Околыч ждет Андрея из Питера... Машину угнали в зверосовхоз, где выращивают норку, осенью «ГАЗ-66-01» снова поступит в распоряжение Околыча и Андрея. Начальник райзаготконторы сказал, что они

на Абросимова надеются и другого шофера приглашать не будут – так распорядился Околыч. Этот Околыч, пожалуй, поважнее самого начальника!..

Неширокое, местами выбитое шоссе часто виляло, огибая озера, зеленые поля, развороченные песчаные карьеры. Легкие тени от облаков скользили по земле, умиротворяюще шумели по обеим сторонам деревья. Чем дальше от Климова, тем больше вокруг сосен и елей, а сначала был сплошной осинник и березняк. Деревень почти не попадалось, иногда с шоссе сворачивала в лес песчаная ненаезженная дорога – наверное, она и вела в деревню. Сороки и вороны нехотя отлетали в сторону с обочин при его приближении. Трясогузки, пританцовывая и кланяясь, косили на него блестящими глазами-горошинами и отходили в сторону на своих тонких ножках-пружинках. В высокой зеленой траве весело стрекотали кузнечики, над полями звенели жаворонки. Один раз через шоссе низко пролетела цапля – наверное, направлялась к своему гнезду на болоте.

Андрей был доволен, что пошел пешком. В травах то голубым огнем, то сиреневым сполохом вспыхивали на солнце дикие цветы, с цветущих полей тянуло волнующим медвяным ароматом, стоит на миг остановиться – и начинаешь слышать над полем пчелиный гул. Облюбовав зеленую лужайку между двумя серыми валунами, Андрей улегся и стал смотреть на облачное небо. И скоро уже трудно было понять, небо движется над ним или он сам летит в неизвестность, а

небо стоит на месте... Живет человек на земле и редко-редко задумывается, что ведь планета Земля, на которой он обосновался, вращаясь, с огромной скоростью мчится в бесконечность. Пожалуй, только глядя в небо, это можно себе с трудом представить. Все в мире движется, куда-то летит, к чему-то стремится, а есть ли конец всему существу? Да и было ли начало?..

Ученые предполагают, что существуют во Вселенной галактики, населенные разумными существами, фантасты уже давно «заселили» планеты с красивыми названиями похожими на нас людьми, чудовищами и монстрами, ни на кого не похожими. В космос направлены мощнейшие антенны, передатчики посылают туда хитроумные сигналы с информацией, а миры загадочно молчат. Неужели никого во Вселенной не интересует планета Земля? Хочется верить, что когда-то в древности космонавты с далеких планет посетили нас, до сих пор многие находки вызывают в ученном мире яростные споры: одни утверждают, что найденные предметы не могли сделать наши далекие предки со своими примитивными орудиями, другие доказывают, что в древности народы были ничуть не менее цивилизованными, чем мы сейчас...

Верит ли он, Андрей, что далекие миры заселены, а на Земле побывали инопланетяне? Может, они и сейчас здесь, рядом, да люди не видят их, не догадываются? Почему нам снятся странные, нереальные сны, которые невозможно объяснить? В них происходит иногда такое, что в нашей жизни

невозможно. Может, инопланетяне ночью вторгаются в наше сознание, что-то выспрашивают и что-то нам рассказывают и показывают?..

И еще одна мысль поразила Андрея: все живые существа на планете не имеют постоянного дома, обстановки, вещей. Даже самый разумный после гомо сапиенс дельфин, как говорится, гол как сокол, а человек строит города, все тащит в свои квартиры, накапливает вещи, безделушки, драгоценности. Человеку, в отличие от всего живого, необходимы одежда, обувь, разнообразная еда... Если подумать, то получается, что человек, мнящий себя царем природы, совершенно неприспособлен к жизни на Земле. Любая зверь, птица, рыба, козявка все свое носят в себе и на себе. Им ничего не нужно. Они дети Земли, а человек, выходит, гость? Все сущее, живое, помогает извечному кругообороту природы, обновляет ее, а человек губит, разрушает.

Не потому ли он все тащит нужное и ненужное в свой домнору, что чужой он на этой Земле? Может, предки жили в ином мире и передали по наследству человеку тягу к вещам? Отними все, что дала современному человеку цивилизация, оставь его голого один на один с природой, и он погибнет...

Ну а первобытные люди, которые ходили в шкурах и с дубинками охотились на мамонтов и пещерных медведей? И они были гостями на Земле, иначе обходились бы, как и все земные создания, тем, с чем появились на свет...

А над головой плывут и плывут белые облака. На вид та-

кие тяжелые, громоздкие, ничто их там, в небе, не держит, а вот не падают? Сколько удивительного вокруг! Вон ползет по изогнутому стеблю цветка квадратный изумрудный жук. Сколько в нем всего заложено! Один его знакомый, молодой ученый, сказал, что любая двигающаяся козявка гораздо сложнее устроена, чем самая умная машина, когда-либо созданная человеком. Обычно говорят, мол, это природа потрудилась, чтобы создать совершенный организм. А как она его создала? Ведь у природы нет ни мозга, ни рук-ног. И все-таки она за миллионы лет сумела создать такое множество уникальных организмов, что и подумать страшно... Да и часто ли над этим задумываются? Думали ли они, мальчишки, когда разоряли в лесу муравейники? Для насекомых это было стихийным бедствием: как они суетились, вытаскивали из кладовых желтоватые яйца, куда-то тащили их – так во время пожара и люди хватают в горящем доме самое ценное и тащат наружу...

Для муравьев разорение их дома – катастрофа, а для них, ребят, это было развлечением. Ладно, муравейник разорили они, еще несмышленыши, а сейчас сами люди хотят разорить всю Землю. Каждый день пишут в газетах, показывают по телевидению, как накапливают империалисты разрушительное современное оружие. Одни люди накапливают, а другие всячески противятся этому. Сейчас все знают, даже дети, что в третьей – атомной – мировой войне ни победителей, ни побежденных не будет. Будут гигантская радиоак-

тивная пустыня, руины, мрак и холод. Человеческая цивилизация погибнет.

От этих тяжелых мыслей Андрея даже озноб прошиб, он поднялся с лужайки, отряхнул с джинсов травинки и вышел на дорогу. Не прошел он и двух километров, как снова увидел плавно сворачивающую с шоссе проселочную дорогу. Видно, по ней редко ездили – колеи заросли высокой травой и вездесущим осотом, ветви берез и осин сцепились над ней, кустарник с обочин карабкался на самую середину. Андрей зашагал по старой дороге, – может, снова выведет к озеру и можно будет выкупаться. Но дорога привела не к воде, а в покинутую людьми небольшую деревню. Еще крепкие дома с заколоченными окнами и дверями выглядели уныло, как могилы на кладбище. Плетни опрокинулись, калитки распахнуты, некоторые гнили на земле. Зеленая травянистая стена надвигалась на деревню, собираясь ее поглотить. От бора тянули свои колючие ветви молодые елки, березняк, а ольховые кусты уже упирались в полусгнившие ступеньки крылец. Что Андрея поразило, так это крапива – она вольно разрослась вокруг домов, забила другие растения, тянулась вдоль покосившихся, с проломами заборов, даже вскарабкивалась на ступеньки. Помнится, в Андреевке он утром просыпался от журчащих песен скворцов, а здесь тихо. Кое-где на деревьях видны черные скворечники, но не заметно, что они заняты. Вот так штука! Даже птицы предпочитают селиться в скворечниках рядом с живыми людьми... Андрей

зашел в один дом без дверей. Сразу бросилась в глаза огромная русская печь с заслонками и с застарелой копотью над черным зевом. С потолка свисал матерчатый шнур с засиженной мухами электрической лампочкой... Андрей подошел к бревенчатой стене, щелкнул черным выключателем, но свет не загорелся. Щелястый кухонный стол в углу, на полу клочки пакли и мышиный помет, на подоконниках будто кто-то рассыпал металлическую стружку – это валялись мертвые мухи. У печи хват и длинная кочерга с деревянной отполированной ручкой. Удручающее впечатление производит брошенный дом, нежилой дух витает в помещении, в углах – пыльная паутина без пауков, на гвозде в кухне желтеет забытое сито.

Андрей поднял с пола букварь, сдул пыль, полистал. Над картинкой расплылось чернильное пятно. Ребенок держал эту книжку в руках, старательно заучивал буквы... Почему жители покинули деревню? Старики умерли, а молодые не пожелали сюда возвращаться? Скорее всего так и было. Андрей много слышал про заколоченные дома в дальних деревнях, но вот своими глазами увидел впервые...

Захотелось поскорее уйти отсюда. Незримые тени витали над брошенными избами, пахло тленом и запустением.

* * *

В Андреевку он пришел к вечеру. Над вокзалом разлил-

ся розовый закат, вершины сосен и елей пылали огнем, за широкой багровой полосой спряталось солнце. На скамейке под вишней сидел Федор Федорович и читал «Известия». Округлая пластмассовая коробка от очков лежала на худых коленях. Увидев внука, он снял очки с большого, с горбинкой носа, отложил газету.

– Вот пишут про свадьбу в Грузии, – кивнул на газету Казаков. – Богатые родственнички подарили жениху и невесте «Жигули» и двухэтажную дачу из шести комнат с дорогой обстановкой. Что у них, денег как грязи?

– Цветы возят на продажу, сейчас некоторые разбогатели, как крезы, – заметил Андрей.

– Кто же это такие – крезы? – полюбопытствовал Федор Федорович. Хотя он и многое знал, но не считал для себя зазорным спросить, что ему неизвестно.

– Был такой царь в Лидии, пятьсот с лишним лет до нашей эры, – богатейший властитель того времени.

– Тоже торговал чем-нибудь?

– Скорее завоевывал и грабил другие страны, – улыбнулся Андрей. – Дед, проголодался я.

– Сейчас я тебе сварганю ужин, – поднялся со скамейки Федор Федорович. – С обеда осталась тушеная картошка с мясом, в холодильнике банка с огурцами моего приготовления.

Пока Андрей ел, Федор Федорович рассказал про Бориса Александрова: после работы где-то успел набраться, пришел

к ним просить в долг бутылку красного, Казаков не дал, а Дерюгин – пьянчужка пообещал ему принести новую велосипедную камеру – выставил бутылку. Борис выпил прямо из горлышка, зачем-то полез через колодец на территорию детсада да и ухнул вниз! Хорошо, что цепь крепкая, Федор Федорович вытащил его оттуда. Упади другой – калекой мог бы остаться, а этому хоть бы что, а колодец – пять метров глубины! Попил из ведра, прихватил с собой пустую бутылку и ушел как ни в чем не бывало.

Григорий Елисеевич Дерюгин уже спал в соседней комнате, оттуда слышалось негромкое посапывание. После двух кружек хорошо заваренного чая Андрей разомлел, глаза стали слипаться. Он с трудом сдерживал зевоту. Ноги приятно ломило, – давно он таких больших переходов не совершал, пожалуй, только в армии...

– Двадцать три километра – это чепуха, – говорил Казаков. – Помню, я раз за ночь прошел пятьдесят километров, когда работал мастером на железной дороге... Да и сейчас, когда пойдут грибы, двадцать – тридцать километров для меня пустяк!

Федор Федорович не хвастал. В лес он ходил каждый день, даже когда грибов-ягод еще не было. Говорил, что в бору ему хорошо дышится. Он знал многие лекарственные травы, в его комнате в углах и над печкой полно наторкано пучков. Изучил повадки многих птиц; когда в огороде завелся червяк трубочник и стал точить картофельные клубни в зем-

ле, он стал приносить из леса в спичечном коробке жужелиц и пускать в огород. Дерюгин ворчал на него, не верил, что длинные противные жуки помогут. Однако осенью, когда выкопали картошку, к своему удивлению, убедился, что проточин в клубнях почти не было.

Старики в основном жили мирно, но иногда за столом вспыхивали мелкие ссоры: полковник в отставке любил подтрунить над бывшим начальником дистанции пути. Сам он в лес ходил, лишь когда поспевали грибы, а ежедневные лесные прогулки Казакова почему-то выводили его из себя.

– Ходит и ходит как заведенный... – ворчал он. – Ну чего в лесу летом делать? Ладно бы охотник был, глядишь, зайца или рябчика в сумке принес бы, а то идет в лес пустой и возвращается пустой. Одна трата времени.

– Ходите и вы, – усмеялся Федор Федорович. Он до сих пор называл полковника в отставке на «вы». – В лесу столько всего удивительного! А как пахнут на солнце сосны!

– Деревья да вороны там, – хмыкал Григорий Елисеевич. – А лес лесом и пахнет.

– Для вас все птицы – вороны, – парировал Казаков. – Вы воробья не отличите от овсянки.

– Птица, она и есть птица, – возражал Дерюгин. – Вредная тварь! Я бы их всех пугнул отсюда, да не знаю как... Вишню клюют, яблоки на деревьях портят, семена из грядок выковыривают. Ну чего жмутся к человеку? Лесов да полей им мало.

– Напрасно вы так! – вступался за пернатых Федор Федорович. – Скворцы склевывают в огороде вредителей, синицы – тоже, даже серый воробышек уничтожает разную ползучую дрянь.

– Что-то я не замечал.

– Они это делают, когда мы не видим, – улыбался Казаков.

За лето они изрядно надоедали друг другу; уж на что терпеливый и покладистый Казаков, а и тот иногда жаловался Вадиму Федоровичу, что больше в Андреевку не поедет, возьмет путевку в дом отдыха железнодорожников «Голубые озера» – ему предлагают даже бесплатно... Но уже зимой начинали оба скучать по Андреевке, писали друг другу теплые письма, поздравляли с праздником, днем рождения. А ранней весной снова съезжались вместе.

– Андрей, кто тебе будет эта... Мария? – осторожно осведомился Федор Федорович.

Андрей давно заметил, что дед гораздо деликатнее Дерюгина – тот вообще ко всем молодым родственникам относился несколько свысока.

– Хорошая знакомая, – с улыбкой ответил Андрей.

– В наше время...

– А в наше время, – не совсем вежливо перебил Андрей, – знакомая может поехать с тобой хоть на краб света, и ничего тут удивительного нет.

– Но ты же спал с ней на сеновале! – вырвалось у Казакова.

– Я думал, никто этого не заметил...

– Мне кажется, Мария – хорошая девушка, – мягко проговорил Федор Федорович. – Ты не обижай ее, Андрей. Тебе скоро двадцать четыре, пора и жениться... По-моему, вы с ней подходящая пара.

– Женюсь на Марии, привезу ее сюда, – стал фантазировать Андрей. – Кстати, когда я шел из Климова в Андреевку, на полдороге обнаружил в лесочке небольшую брошенную деревню. Вот мы с Машей и оседем там капитально. Заведем коров, лошадей, боровов, птицу всякую и будем жить себе поживать да в город на своей лошадке возить солонину в кадушках, битую птицу и мед, если я ко всему прочему и пасечником заделаюсь...

– Захотел, приехал, завел... Думаешь, все это так просто? – усмехнулся Федор Федорович. – Смешно некоторые люди рассуждают: случись неприятность какая в жизни – и начинают мечтать, что поедут в деревню, обзаведутся хозяйством и все такое... А ведь деды наши и прадеды, что Россию хлебом кормили, потом землю поливали, чтобы вырастить урожай, сбереечь скотину... Сельский труд, Андрюша, не отдых от шума городского, а тонкая и сложная профессия, которой нужно учиться и учиться... Пасечником заделаюсь! Пчелы – это целый мир! Чтобы стать пасечником, тоже нужен, внучок, немалый талант. Так что не относись с такой легкостью к сельскохозяйственному труду. Это самый древний и благородный труд... Ты стихи пишешь...

– Уже не пишу, – вставил Андрей, заинтересованно слу-

шая деда. – Перешел на прозу.

– Трудно дается? Я в молодости сочинял всякие прибаутки... Был мастером-путейцем, начальником дистанции пути, а вот дай мне сейчас на руки колхоз или совхоз – я бы отказался. Не потому, что не любя мне эта профессия, а потому, что не справился бы. Любовь к земле должна быть с малолетства заложена в человеке, тут нахрапом да наскоком ничего не сделаешь. Помню, после войны посылали председателями колхозов руководителей городских организаций, партийных работников... Ну тогда люди в деревнях нужны были, так что польза от этого несомненная, но навсегда на селе остались только те, у кого была в крови крестьянская жилка... Остальные рано или поздно вернулись в город. Некоторые не подняли разрушенное войной хозяйство, а окончательно его загубили... Читал, наверное, в кино видел, как жили после войны колхозники? Как менялись председатели? Так что, Андрюша, никогда в таком тоне не говори о деревне... Все в этот век кинулись в город, но дай срок, и снова вернутся в деревню. И снова она будет кормить русским хлебушком всю Европу. Машины машинами, а людям хлеб, мясо нужны. Может, и додумаются делать еду из ничего, но химия есть химия и выросший на земле хлеб никакой химией не заменишь...

– Скажи, дедушка, ты, наверное, думаешь: вот, мол, в наше время были молодые люди! – заговорил Андрей. – Не чета нынешним! Так ведь?

– Я не думаю так, Андрей, – серьезно ответил Федор Федорович. – И в наше время были и хорошие, и плохие люди, и сейчас такая же штука наблюдается. Это верно, старики ворчат: вот-де мы были молодцами, а теперешняя молодежь – тьфу!

– Григорий Елисеевич так думает?

– Ваше поколение раньше взрослеет, больше знает нашего, а случись беда – я думаю, не подведет и на поле брани, – продолжал Федор Федорович. – Вам жить, а нам умирать... Обидно, конечно, чувствовать себя лишним на земле... Я где-то читал, что есть такие племена, где молодые своих стариков отводят в лес и оставляют там с запасом еды на несколько дней, а были и такие дикари, которые убивали дряхлых стариков и старух, чтобы не обременяли...

– Зачем такие страшные истории на ночь, дед?

– Знаешь, почему я себя не чувствую лишним? – засмеялся Казаков. – Потому что все делаю сам: еду варю, белье стираю, в квартире убираюсь, пенсии мне хватает, живу отдельно от сыновей. А вот Дерюгин без помощи не может, он, видно, избалован жизнью... За ним в Петрозаводске дочь ухаживает, внучки, дома чисто, обед всегда готов. Он может и покапризничать, поворчать, а я этого не люблю... Мне приятнее быть нужным другим.

– Дед, да ты философ! – с искренним восхищением заметил Андрей.

– Не мы ездим по родственникам, а к нам со всего света

приезжают в Андреевку, – заключил Федор Федорович, поднимаясь из-за стола. – Ложись наверху в бабкиной комнате, я тебе там постелил.

– Мне нравится в Андреевке, – сказал Андрей. – И этот наш старый дом, баня, сосны на лужайке... Это правда, что первый дом здесь построил мой прадед Андрей Иванович Абросимов?

– Ты разве не знал, что и поселок назван его именем?

– Знал, но не верил, – признался Андрей. – Чем так знаменит мой прадед?

– Твой отец написал хорошую книжку про своего родного отца – Ивана Васильевича Кузнецова, – сказал дед. – А ты напиши книгу об Андрее Ивановиче. Он действительно был замечательным человеком! В этом самом доме он в сорок втором немало фашистов положил... А до чего здоров был! Уже в годах, в войну победил в рукопашной какого-то немецкого чемпиона по борьбе. И еще здесь была одна примечательная личность – дед Тимаш. Наш андреевский Щукарь... Непросто же так на кладбище поставили памятник из мрамора Андрею Ивановичу. Кстати, тебе не говорили, что ты и ростом и обличем похож на своего прадеда? Правда, он всю жизнь с бородой ходил.

– Может, и мне отпустить, дед? – улыбнулся Андрей.

Ночью ему приснился Андрей Иванович Абросимов, который бросил вызов здоровенному рыжему немцу. На лужайке, огороженной, как ринг, канатами, они схватились бо-

роться... Могучий, с длинной, как у Черномора, бородой, Абросимов поднатужился и, как Геркулес Антея, оторвал немца от земли и задушил могучими руками... Потом вдруг откуда-то взялся огромный черный бык и, опустив рогатую голову, бросился на Марию. Он, Андрей, оттолкнул девушку и схватил быка за рога. Совсем близко увидел свирепый, налитый кровью глаз, тугие колечки черной шерсти между рогами... Неожиданно бык улыбнулся и человеческим голо- сом проговорил: «Я – лидийский царь Крез!..»

Глава третья

1

Оля Казакова выскочила из сумрачного подъезда института на залитую солнцем Моховую. Ей захотелось присоединиться к маленьким девочкам, играющим на асфальте в классы, и попрыгать на одной ноге вместе с ними. Когда-то она любила эту девчоночью игру... Оля получила первую пятерку. Начало было прекрасное, теперь нужно и дальше выдержать этот темп. А ее подружка Ася Цветкова схватила тройку. Зато хорошо повеселилась в Таллине... Она так расстроилась, что даже не подождала в вестибюле Олю, хотя они договорились пойти в кинотеатр «Спартак» на Салтыкова-Щедрина, где демонстрировались старые ленты. Сегодня шел фильм с Бельмондо «Кто есть кто». Что ж, она и одна сходит. В июне в Ленинграде не так уж много народу в кинотеатрах. И потом, в «Спартаке» зал большой, высокий, не то что в «Молодежном», где теснота и душно.

Если сначала она шла по тротуару чуть ли не вприпрыжку, стараясь сдерживать счастливую улыбку, то на Литейном проспекте шаги ее замедлились, захотелось сбросить с себя рубашку, вельветовые джинсы и остаться в одних плавках. На эту мысль ее навела высокая белокурая девушка в коротень-

ких шортах и розовой майке, на ногах резиновые шлепанцы, которые носят в банях и на пляже. Услышав немецкую речь, Оля улыбнулась: иностранцам можно и так ходить по городу, а вот ленинградцев в шортах и шлепанцах она ни разу не видела на улице.

На углу Литейного и Пестеля, где она собиралась повернуть к высокому белому собору и переулком выйти к кинотеатру, ее догнал Бобриков. Оказывается, он шел сзади от самого института, но почему-то не решался окликнуть.

– Можно поздравить с пятеркой? – поздоровавшись, сказал он.

– Вы любите Жан-Поля Бельмондо? – весело взглянула Оля на него.

В светло-карих глазах ее мельтешат яркие искорки. Возле прямого носа высыпали коричневые веснушки. Тоненькая, стройная, в темно-синих джинсах в обтяжку и белых босноножках, девушка выглядела совсем, школьницей. Длинные светлые волосы собраны на затылке в узел, в котором белела высокая гребенка. В маленьких ушах – каплевидные золотые серьги. Оля сама их купила на первый в своей жизни гонорар за сыгранную ею роль в телефильме.

– Я никого не люблю, – ответил он и, помолчав, прибавил: – Кроме тебя...

– Надо же как мне повезло! – рассмеялась девушка.

– Оля, нам нужно серьезно поговорить...

– Пойдемте в «Спартак», там идет замечательный

фильм...

– ...где в главной роли губошлеп Бельмондо, – ирониче-ски закончил Михаил Ильич.

– Если не хотите со мной поссориться, не обзывайте при-знанную звезду мирового экрана... – строго посмотрела на него Оля, но не смогла сдержать улыбку: – Вы знаете, что Бельмондо все трюки выполняет сам, без каскадеров и дуб-леров? Он в одном интервью так сказал: «Настоящий кино-артист должен уметь водить грузовики, самолеты, управлять бульдозером, прыгать в воду с вышки, болтать на разных языках...» И Бельмондо всем этим великолепно владеет.

– Ладно, пошли в кино, – согласился Бобриков. – Оля, ты из меня веревки вьешь!

– После кино мы отправимся в ближайшую мороженицу и съедим по десять порций мороженого с орехами, малиновым вареньем, сиропом и... еще с чем?

– Я бы выпил кружку холодного пива, – заметил Бобри-ков.

– В «Спартаке» есть бар. – Оля сбоку взглянула на него: – О чем же вы хотите со мной поговорить?

– Сколько раз тебя просить – называй меня на «ты»!

– Язык не поворачивается, Михаил Ильич, – улыбнулась она. – Во-первых, вы старше меня в два раза, во-вторых, большой начальник, а кто я?

– Ты – прелесть, – улыбнулся Михаил Ильич.

– Первый раз слышу от вас комплимент... Не скажу, что

он очень уж оригинален, но...

– Оля, не делай из меня идиота, – оборвал он. – Я бегу как сумасшедший на Моховую, жду у подъезда, обрываю телефон, а ты...

– Что я? – невинно взглянула она ему в глаза, для чего ей пришлось обогнать его и почти остановиться.

– Ты уже не маленькая и все отлично понимаешь.

– Мне скоро двадцать, – вздохнула девушка. – А когда закончу институт, будет двадцать четыре... Вы говорите, я все понимаю? А вот зачем вы потащили меня в эту мастерскую? Бр-р! Не могу без ужаса вспомнить этот каменный гроб с примитивной мазней на стенах... – Она не выдержала и громко рассмеялась.

Михаил Ильич завертел коротко остриженной головой, озираясь, крепко взял ее за локоть.

– Я тебя просил не вспоминать про это, – сдерживая раздражение, сказал он. – Да, я вел себя как дурак, но я ведь мужчина!

– И зачем вы связались с наивной девчонкой? – усмехнулась Оля. – Зачем я вам?

– Если бы я знал! – вырвалось у него.

Бобриков не лгал, когда сказал ей, что она ему понравилась с первого взгляда там, на даче у Савицких. Но вряд ли он стал бы тратить время на нее – Михаил Ильич привык тратить свое время на работу и другие занятия, приносящие ему неплохой доход. Однако, узнав, что Оля – дочь Казако-

ва, он задумался... Этот чертов писака немало попортил ему крови, написав фельетон про его станцию техобслуживания, и хотя в общем-то все обошлось, нашлись влиятельные люди, которые защитили Михаила Ильича, но ненависть к Казакову осталась. И было бы недурно отомстить ему, тем более представился такой редкостный случай! Главным образом поэтому он и занялся его дочерью, но девчонка оказалась крепким орешком! Не так-то просто было с ней. И чем больше он встречался с ней, тем больше она ему нравилась. Об ее отце они никогда не говорили – слава богу, Оля ничего не знала про тот давнишний фельетон, да и никто про него теперь не вспоминает, столько лет прошло! Вспоминает лишь он сам, Бобриков. И до самой смерти не простит этого Казакову! Михаил Ильич не привык ничего прощать своим врагам, а Вадим Федорович стал его заклятым врагом. И он, идиот, еще помогал писаке с его паршивой машиной, ремонтировал ее! Знакомые старались при нем не вспоминать про Казакова, сам Бобриков не прочел ни одной его книги.

Если бы все произошло так, как он тогда задумал в Комарове, прогуливаясь с Олей по берегу Финского залива, он почувствовал бы себя отмытым. Хотелось бы ему увидеть лицо Казакова, когда бы тот узнал про бурный роман Бобрикова с его любимой дочерью! Но бурного романа не получилось, девчонка не походила на тех современных девиц, которые сами к нему липли... К жажде мести теперь примешалось и уязвленное мужское самолюбие: он должен во что бы

то ни стало добиться своего!

– А где ваша машина? Ваш роскошный «мерседес»?

– Какой-то кретин на грузовике помял крыло, – ответил Бобриков. – Мои ребята, конечно, сделают все как надо, а пока придется поездить на «Жигулях»... – Он взглянул на нее и с ноткой превосходства прибавил: – Мне ведь любой рад отдать свою машину хоть на месяц!

– Ценный вы человек!

– У меня много друзей, – скромно заметил он.

– Уж скорее – клиентов!

– Я думал о тебе, Оля, – сказал он. – Вот как-нибудь приеду к твоему институту, а тебя встречает другой...

– В прошлое воскресенье ко мне на Дворцовой площади привязался длинный парень из Перми, – стала рассказывать Оля. – Парень оказался умным, прекрасно разбирающимся в живописи... Мы с ним пообедали, потом поехали в Зеленогорск и купались до самого вечера...

– Ну и дальше? – мрачно спросил Бобриков.

– Он проводил меня пешком с Финляндского до дома...

– Зачем ты мне все это рассказываешь?

– Не знаю, – улыбнулась она. – Парень поцеловал мне руку и сказал, что я – вылитая герцогиня де Бофор с картины Гейнсборо. Прямо на стене в парадной нацарапал ручкой свой адрес и сказал: дескать, если мне станет совсем плохо, то я могу в любое время приехать в Пермь, где у меня есть теперь настоящий верный друг... Странно, в наш век – и та-

кой старомодный, прямо-таки средневековый рыцарь-кавалер.

– Очень милая история... – усмехнулся Михаил Ильич.

– Я запомнила его адрес, – задумчиво продолжала девушка. – Может, когда-нибудь и приеду к нему в Пермь.

– Когда будет плохо?

– Я не люблю свои невзгоды перекладывать на близких и знакомых, – ответила Оля. – Если я и поеду к нему, то скорее всего тогда, когда мне будет хорошо.

За билетами не было очереди. До начала фильма посидели наверху в баре. Выпили апельсинового напитка с мороженым. Потом спустились в зал. Впотымах он взял узкую ладонь девушки в свою и не отпускал до конца сеанса. У него была дурная привычка – наперед рассказывать действие фильма, на них шикали сзади и спереди, не нравилось это и Оле. Ладонь вспотела в его руке, но вытащить ее так и не удалось. Хорошо еще, что фильм захватил девушку и она про все забыла. Умный человек, а ведет себя как школьник... Если раньше Оля не замечала за ним промахов, ей казалось, что Михаил Ильич – идеальный мужчина, то теперь многое в нем раздражало ее. Не зря ведь мудрецы утверждают, что влюбленный глупеет. Разве умный человек, которому нравится девушка, стал бы вести себя так? Ведь он только отталкивает ее от себя... И странно, что он этого не замечает.

– Ну и что твой хваленый Бельмондо? Играет каких-то кретинов... Фильм-то глупый. Большие артисты отказыва-

ются в таких фильмах сниматься.

И этого ему не следовало бы говорить, ведь знает, как она любит Бельмондо... Хорошее настроение было испорчено. И когда Михаил Ильич предложил поехать на речном трамвае искупаться на залив, она отказалась, а окунуться в воду ей очень хотелось. Он все-таки увлек ее в Летний сад, там выбрал уединенную скамью. Ничего нового Бобриков ей не сказал, все то же: он без нее больше не может, Оля уже вполне взрослый человек, ей повезло, что она встретила именно его, потому что лучше уж набраться опыта жизни от искушенного и умудренного человека, чем суетиться в компании легкомысленных молодых людей. Мол, она еще не в том возрасте, когда ей будут нравиться молокососы...

– А вы уже достигли этого возраста? – поддела она его.

– В любви возраст не играет никакой роли, – солидно заметил он. – Чарли Чаплин – ему было за пятьдесят – нашел свое счастье с восемнадцатилетней. В восьмидесятилетнем возрасте Виктор Гюго влюбился в юную девушку... А Гёте, Вольтер?

– Вы все приводите примеры из мира искусства...

– Это наш мир.

– Ваш?

– Оля, я не понимаю твоей иронии, – обиделся Бобриков.

– А я вовсе не иронизирую, – усмехнулась девушка.

В Летнем саду гуляли люди, скорее всего приезжие, они останавливались у мраморных скульптур, читали надписи.

Старые огромные деревья задерживали солнечные лучи, и в тени было прохладно. У памятника Крылову молодая черноголовая воспитательница оживленно рассказывала окружившим ее ребяташкам про дедушку Крылова и зверюшек, изображенных на памятнике.

– Утром пришла ко мне в кабинет одна дамочка, – вспомнил Михаил Ильич. – Уселась на диван, нога на ногу, а замшевая юбка выше колен... И говорит таким медоточивым голоском: «Мне нужно к вечеру получить от вас мой „жигуленок“, там что-то с мотором... Мастер заявил, что нет каких-то деталей, найдите их, пожалуйста.» Я не успел рта раскрыть, как она меня к себе в гости пригласила – мол, муж в командировке, у нее роскошный бар...

– Вы, конечно, не отказали дамочке?

– Я ведь джентльмен.

– Что вы говорите? – нарочито удивилась Оля. – Кстати, некоторые студентки тоже надевают короткие юбки на экзамены... И глазки строят преподавателям. Но это уж самые отчаянные! Как моя подружка Ася Цветкова.

– И помогает?

– Асе не помогло на зимней сессии: двойку схлопотала. И преподаватель был молодой и симпатичный, Ася была уверена, что соблазнит его.

– Я ведь не преподаватель, – усмехнулся Бобриков. – Хотя меня не так уж легко соблазнить... – Он с улыбкой взглянул на девушку: – Имея такую красивую знакомую... мне на

других и смотреть не хочется!

– Надо же как мне повезло! – насмешливо воскликнула Оля. – Вот только жаль, у меня машины нет...

– Зачем тебе машина? Стоит тебе остановиться и окинуть улицу взглядом – и транспорт остановится. Выбирай любой лимузин и садись!

– Надо попробовать, – рассмеялась девушка. – Сколько комплиментов за какой-то час!

Мимо прошли юноша и девушка. Оба высокие, с сияющими глазами, в джинсах и одинаковых футболках. Парень обнял девушку за широкие плечи, а она его за талию. Когда они миновали их, Бобриков, посмотрев вслед, уронил:

– Сзади ни за что не отличишь, кто парень, а кто девушка... Ты знаешь, что я заметил? Современные парни стали женственнее, что ли, а девушки, наоборот, мужественнее. Курят, носят короткие прически, одеваются во все мужское. Посмотри, какие у нее плечи. А талии у них одинаковые. Тебе повезло, что ты уродилась в мать. У Ирины Тихоновны плечи уже бедер, как и положено настоящей женщине. Обрати внимание на классических мраморных богинь. Какие пропорции, гармония! А современные девицы? Плечи шире бедер! Ноги хоть и длинные, да тонкие. Куда это годится?

– Кому что нравится, – украдкой зевнула Оля. Ей надоели пустые разговоры, захотелось домой под холодный душ. Но от Бобрикова не так-то просто отделаться, вцепится, как паук в муху! Чего-чего, а настырности у него хоть отбавляй!

Михаил Ильич чертил носком узкой туфли параллельные полосы на красноватой песчаной тропинке. Оля обратила внимание, что у него нездоровый цвет лица: на скулах и щеках какие-то белесые пятна, тонкие губы с синевой, под глазами тени, разглядела она в его коротких пегих волосах и седые нити. И в профиль он сейчас не похож на мужественного майора уголовного розыска. Ася Цветкова много слышала от своих знакомых про Бобрикова: мол, он имеет пропуск в любой кинотеатр, свой человек в Доме кино, ходит на просмотры на «Ленфильм», со всеми крупными режиссерами на «ты». Беззубов даже съемку прекращает в павильоне, когда к нему приезжает Михаил Ильич. Перед ним все заискивают, каждому хочется поближе познакомиться с начальником станции техобслуживания, чтобы быть спокойным на счет запчастей и ремонта своего автомобиля. А автолюбителей в Ленинграде пруд пруди! Что же у нее, Оли, за натура такая? Ухаживания однокурсников отвергает, а вот с пожилым человеком встречается? Неужели ей льстит, что «великий маг», как мальчишка, бегает за ней? Иногда в глазах его загорается нечто такое, что волнует ее. Но любовницей Бобрикова она никогда не будет, как и вообще чьей-нибудь любовницей. Ей противно даже мысленно произносить это слово. Почему же она тогда не оборвет эту странную связь?..

На этот вопрос она не могла ответить. Конечно, ее не привлекали связи Бобрикова, знакомства, вес в среде автолюбителей, скорее, привлекало другое – любопытство! Мужчина,

который ненамного моложе ее отца, влюблен в нее, разговаривает как с равной, если она захочет, может помыкать им, командовать... Про такое она только в книжках читала. А может, он вовсе и не влюблен в нее, просто добивается своего, и все? Почему же тогда она чувствует себя перед ним в чем-то виноватой? Скорее всего потому, что не может ответить ему взаимностью. Любопытство и любовь, наверное, разные вещи. С книжной, театральной и киношной любовью Оля была знакома, но вот сама еще никого в жизни не любила, по крайней мере так, как об этом пишут, показывают. Это ее не тяготило. У нее – институт, который нужно закончить, а любовь... Впрочем, что она по-настоящему знает про любовь? И чего голову ломать? Все само собой произойдет. Принц ли это будет, однокурсник или вообще какая-нибудь таинственная личность, которая еще скрывается во мраке неизвестности, она не знает... Но знает точно, что это не Бобриков. Он не ее принц. И наверное, было бы честно ему об этом прямо сказать...

– Оля, куда ты поедешь на каникулы? – спросил Бобриков, закуривая.

Когда он втягивал дым, бледные щеки его некрасиво проваливались. Курил одну сигарету за другой, что тоже девушку раздражало. Тем более что он выдыхал дым чуть ли не ей в лицо. Андрей – он не курил – после ухода гостей в любую погоду распахивал в квартире форточки. Однажды даже сказал, что заядлых курильщиков, как и алкоголиков, в об-

щественные места нельзя допускать...

– Я записалась в стройотряд, – ответила она. Действительно, такой отряд организовывался в институте, но она еще для себя не решила. Мать предлагала ей поехать к дедушке на дачу под Вышний Волочек, а отец звал в Андреевку. Кстати, оба поселка не так уж и далеко друг от друга, каких-то тридцать километров.

– У меня на Псковщине, на берегу реки Великой, живет хороший приятель, – заговорил Михаил Ильич. – Он уезжает за границу, а ключи от дачи отдал мне. Поедем? Начнется грибной сезон, там боровики можно косой косить и Пушкинские Горы близко. Ты ведь не была там?

– Была. Положила на могилу поэта в Святогорском монастыре большой букет васильков, – вспомнила Оля. – Мы с отцом и Андреем как-то три дня прожили в Михайловском. Даже ловили рыбу в Сороти.

Пронесшийся вверху ветер заставил вековые деревья зашуметь, вниз слетело несколько зеленых листьев. Один спланировал прямо Оле на колени. С Невы донесся протяжный вздох, будто кто-то огромный вылез из воды на набережную напротив решетки Летнего сада. Бобриков теперь чертил туплей вертикальные полосы, Воробьи, бегающие рядом по тропинке, неодобрительно косились на него.

«Почему он решил, что я могу поехать с ним? – размышляла Оля. – И в роли кого? Молодой любовницы? Да, я глупая девчонка, встречаюсь с ним, а зачем? И что скажет отец,

если узнает? Может, Бобриков и ухаживает за мной, чтобы досадить отцу?..» А вслух она произнесла:

– Как вам в голову могла прийти такая мысль, Михаил Ильич? Сломя голову помчаться с вами на Псковщину... Что я скажу родителям?

– Я считал, что ты современная и уже совершеннолетняя девушка и сама можешь решать, как тебе поступить, – занудливым тоном проговорил он. – Слава богу, я знаю твою мать! Она считает тебя разумной девушкой и полностью доверяет тебе.

– А отец? Андрей? Что они скажут?

– Надо быть идиоткой, чтобы их ставить об этом в известность, – ответил он, и на лице его промелькнула тень. – Надеюсь, ты не сказала им, что мы встречаемся?

Он подошвой нервно загладил на тропинке полосы, в светлых глазах его появилось беспокойство. Все рухнет, если Оля расскажет о них Казакову! С тех пор как был опубликован фельетон о Бобрикове, они всего один раз встретились у Савицких и даже не поздоровались. Вадим Федорович долго там не задержался. Видно, ему тоже было неприятно видеть Бобрикова...

– Вам не кажется, что во всем этом есть что-то некрасивое, мягко выражаясь? – заметила Оля. – Наверное, нам пора расстаться...

– Я надоел тебе?

– Не в этом дело...

– Пойми, ты мне нравишься... Очень! Может, я впервые что-то такое почувствовал... – Сказать «люблю» язык у него не повернулся.

– Вы сами не верите в это, – с грустью в голосе произнесла она. – Вы никого не любите.

– Никого?

– Может, только себя, – безжалостно заявила девушка.

Он долго молчал, что было для него несвойственно: Бобриков на все быстро находил готовый ответ. И в железной логике ему не откажешь. А тут он растерялся. Признаться, не ожидал, что совсем юная девчонка смогла его так точно раскусить. Да, Михаил Ильич любил себя, верил в свое предназначение, ждал его... А предназначение свое он видел в накопительстве, красивой жизни, обеспеченном будущем. Сейчас у него много друзей, пока им от него что-то нужно, а потом, когда, допустим, он уйдет с этой должности, все деловые друзья отвернутся – в этом отношении он не обманывался: вымогая с них, он знал, что и они ему платили бы той же монетой, будь на его месте. А вот для того, чтобы быть независимым, потом не обращаться к знакомым, он должен иметь деньги, много денег! Пока есть связи, нужно их использовать, случись что – и связи оборвутся. Слава богу, дача почти готова. Такой дачи и у академика нет! Вот тут нужные люди помогли: привезли лучшие стройматериалы, оборудование для газового отопления, одна сауна чего стоит! И все это обошлось не так уж дорого... Вот девиз его, Бобри-

кова, и его так называемых деловых друзей: «Ты – мне, я – тебе!» Кажется, есть даже такой фильм...

Все у него рассчитано, все предусмотрено, кроме этой чертовой девчонки, которая занозой вошла в сердце... Теперь он уже не знал, что больше его привлекало в ней – месть ее папеньке или чувства к ней? Расскажи кому – не поверят: он даже ни разу ее не поцеловал! После ссор с ней несколько раз давал себе слово больше не приезжать на Моховую – дел-то у него невпроворот, – но проходило время, и он снова мчался туда кратчайшей дорогой. И что-то вспыхивало у него внутри, когда видел, как из подъезда показывается ее тонкая стройная фигурка с золотыми волосами в солнечных лучах...

Михаил Ильич не торопил события, был уверен, что Оля никуда от него не денется. Ему уже за пятьдесят, а выглядит он на тридцать пять, седину в волосах, пожалуй, можно только в лупу разглядеть. Оле он не лгал: с женой действительно были плохие отношения. Да и вообще они разные люди: он – стремителен, энергичен, весь в делах, а она – медлительна, тягуча, как патока...

Одно время Михаил Ильич убедил себя, что нравится Оле, эти поездки на «мерседесе» не могли оставить ее равнодушной, да и сам он был с ней веселым, остроумным, видел, как внимательно слушает она его. А вот сейчас уверенность эта сильно поколебалась.

– Михаил Ильич, вот что я вам скажу, – негромко и очень

спокойно заговорила девушка. – Я сейчас встану и уйду – ни в коем случае не преследуйте меня... Не приходите на Моховую, не звоните... Я не знаю, что произошло, но мне не хочется вас видеть. Осенью, когда начнутся в институте занятия, я сама вам позвоню... когда жены не будет дома.

– Оля, это нечестно, – попытался было он возражать, но она уже встала.

– Как раз, Михаил Ильич, это честнее, чем если бы я стала обманывать, темнить, прятаться от вас.

– Ты спутала все мои планы! – с отчаянием вырвалось у него.

Она пристально посмотрела ему в глаза. Невысокая, с пышной прической и маленьким алым ртом, она была неотразима. Схватить за тонкую руку, рвануть на себя и целовать, целовать этот пухлый рот, блестящие глаза, нежные щеки...

– Ваши планы... – произнесла она, переступив с ноги на ногу. – А вы подумали о моих планах? Или они чепуха по сравнению с вашими?

– Сядь, пожалуйста, – попросил он. – Оля, ты не права...

– Время покажет, – безжалостно оборвала она. – Если не хотите, чтобы я вас возненавидела, не идите за мной...

– Что все-таки произошло?

– Ничего, – спокойно сказала она. – Земля вращается, солнце светит, птицы поют... До свидания, Михаил Ильич.

Повернулась и легкой девичьей походкой зашагала по тропинке к выходу, где ослепительно сияли на солнце остроко-

нечные бронзовые пики чугунной решетки Летнего сада.

Он ошарашенно смотрел ей вслед. И у него было такое ощущение, будто он только что получил мощнейший удар кулаком в солнечное сплетение. Неужели это конец? Она сейчас уйдет, и он потеряет ее. Встать, догнать? Но он понимал, что этого делать не следует, тогда и надежды на встречу осенью не останется... И почему осенью? До осени еще долго, а девичье настроение изменчиво... Он считал себя тонким психологом и решил, что, пожалуй, не стоит форсировать события, пусть успокоится, как следует подумает... Неужели ее этот хмырь из Перми сбил с панталыку?

У Бобрикова было еще одно немаловажное достоинство: даже самые неожиданные удары судьбы он переносил с достоинством Слишком был уверен в себе, чтобы допустить мысль, что он сам в чем-либо виноват или допустил промахи...

Порыв ветра снова заставил залопотать деревья, подхватил с тропинки листья и отшвырнул их на газон с подстриженной травой. Мимо прошла девушка в длинном розовом платье, на ногах черные лакированные туфли на шпильках. Если ей набросить на плечи фату – невеста и невеста. Оля ушла, но жизнь, как она справедливо заметила, не остановилась. Все так же веет прохладой с Невы, шумят деревья над головой. Деревья, под которыми гулял Александр Сергеевич Пушкин... Бобриков перехватил рассеянный взгляд девушки в розовом, глянул вдоль аллеи – никто за ней не

идет. Сквозь просвечивающее на солнце легкое платье видны длинные ноги... Запах дорогих духов перебил запах млеющих на солнце старых лип, свежей травы. Бобриков поднялся со скамьи, наступил на решетку, нацарапанную туфлей, и решительно пошел вслед за блондинкой в розовом прозрачном платье.

2

Поднимаясь к себе домой на третий этаж, Андрей опять наткнулся на парней, расположившихся на широком подоконнике между вторым и третьим этажами. Эта теплая компания уже не первый раз околачивается здесь. Иногда с ними бывают и развязные хихикающие девицы. Вряд ли кому-либо из них больше шестнадцати. Приносят с собой бутылки красного, сигареты и торчат по несколько часов. Случается, и гитару прихватывают. Тогда по этажам разносятся блатные песни из репертуара эмигрантов. Сосед Казаковых, музыкант Сергей Ильич Носков, как-то в гневе выскочил из квартиры и потребовал, чтобы молокососы немедленно убрались, не то, мол, вызовет милицию. Уже ночь, а они пьют, горланят дикие песни... Скоро Сергей Ильич обнаружил в опаленном почтовом ящике обгоревшие обрывки письма и газеты, которую он выписывал. Да и крышка ящика была отломана. Звонили в милицию, но дежурный, уточнив, что ничего серьезного не произошло, предложил связаться с

участковым или дружинниками. Чаще всего компания собиралась весной и осенью, когда на улице непогода, но сейчас ведь лето, охота им торчать в сумраке у подоконника? Мало того, что курили, распивали вино, так еще мочились в парадной у почтовых ящиков. Андрей слышал от матери, что Сергей Ильич подал заявление от имени жильцов дома, чтобы им установили вторую дверь с электронным кодом, как это уже сделано во многих домах в Ленинграде, но жилищное управление пока ничего не сделало.

Парни были в одинаковых джинсах, футболках и кроссовках, в полусумраке их трудно и отличить друг от друга. Как ни неприятно было видеть их, Андрей, скорее всего, прошел бы мимо, но тут зеленая бутылка из-под портвейна выкатилась прямо ему под ноги. Парни нагло глядели на него и ухмылялись. Время позднее, хотя сейчас в Ленинграде и пора белых ночей, на лестничной площадке было сумрачно. Широкое окно выходило в каменный колодец, а электрическая лампочка на этом этаже не горела. Андрей отодвинул ногой бутылку, но тут вторая, кем-то незаметно пущенная, выкатилась на середину площадки. Парни дружно прыснули. Один из них издал неприличный звук, громкий хохот разнесся по этажам.

– По домам, ребята, – спокойно сказал Андрей. – Люди спят, а вы ржете на весь дом, как жеребцы.

– Гога, спусти-ка приемчиком этого дылду с лестницы, – заметил один из них. – Эй ты, длинный лопух, Гога – кара-

тист, он одним пальцем может тебя проткнуть насквозь!

От них отделился плечистый юноша с длинными руками, в кепочке с целлулоидным козырьком, на котором было что-то написано не по-русски.

– Кто это жеребцы? – хрипло начал он, распаяя себя. – Кто это ржет? Мы интеллигентно отдыхаем, а тут всякие гнусные типы...

От него разило вином и еще чем-то сладковатым, будто он закусывал губной помадой.

– Ребята, вы свидетели – он первый нас оскорбил! – повернул он голову в кепочке к своим. – А теперь смотрите, как он будет ступеньки считать...

Гога растопырил руки, помахал ребрами ладоней перед носом Андрея, тонко взвизгнул, подпрыгнул и... отлетел к подоконнику, головой чуть не выбив стекло. Не сговариваясь, они гурьбой бросились на Андрея. Один вцепился в воротник куртки и до половины оторвал его, другой кулаком задел по уху... Больше они ничего не успели сделать, потому что один за другим закувыркались по каменным ступенькам вниз. Последним, получив могучий пинок в обтянутый джинсами зад, полетел, растопырив руки, Гога.

– Еще раз увижу здесь ваши поганые рожи – не так отделаю! – пригрозил Андрей. – Вшивые каратисты!

Они что-то бубнили внизу, поднимаясь на ноги. Кто-то длинно выругался, помянув мать, бога и еще кого-то.

– Нарвались на мастера... – узнал он голос Гоги. – Иначе

я его бы запросто сделал...

– «Пальцем насквозь проткну...» – хмыкнул другой голос. – Сколько ты тренеру червонцев перекидал, а ничему путному он тебя не научил!

– Почему ничему? – насмешливо возразил кто-то. – Наш Гога научился визжать, как поросенок! И прыгает, что тебе кенгуру!

– Красиво ты летел вниз...

– Эй ты, хмырь! – крикнули с первого этажа. – Мы тебя еще встретим... Не помогут тогда и приемчики!

Андрей быстро сделал несколько шагов вниз – они шаркнулись к двери и один за другим выскочили на тротуар.

Открыв дверь своим ключом, Андрей глянул на себя в прихожей в зеркало, потрогал оторванный воротник голубой куртки, пощупал красное распухшее ухо. Он не чувствовал возбуждения, вызванного дракой, злости. Да и какая это была драка? Подвыпивших подростков разогнал... Этот Гога кичится знанием каратэ, а сам даже стойку правильно принять не смог. Действительно, настоящий каратист способен пальцем или ребром ладони повергнуть своего противника в бессознательное состояние, а в древности встречались бойцы, которые голыми руками способны были без особенного труда убить вооруженного человека. Есть еще более древняя китайская борьба – конфу. Человек, владеющий приемами этой борьбы, почти неуязвим для любого противника. Конфу учились с детства в специальных школах по многу лет.

Послышалось шлепанье босых ног, в прихожую вышла в длинной ночной рубашке с распущенными волосами заспанная Ольга.

– Мне приснился сон: я плыву на огромном крокодиле по морю, – зевнув, стала она рассказывать.

– Крокодилы в морях-океанах не водятся, – вставил Андрей.

– Это же сон! – капризно возразила она. – Ну вот плыву по морю на спине крокодила, а навстречу будто из-под воды поднимается красавец белый корабль, и на нем толпятся на палубах молодые мужчины в смокингах и фраках, наверху играет духовой оркестр. Ты пришел, и я проснулась, а теперь так и не узнаю никогда, чем же все это кончилось.

– Как второй экзамен? – полюбопытствовал брат.

– Четверка, – вздохнула Оля. – По-моему, эта ведьма по театральному искусству ненавидит меня. Могла бы поставить и пятерку.

– Мне не звонили?..

– Маша Знаменская сегодня тебе не звонила, – сказала Оля. – Правда, домой я пришла в девять вечера. – Она взглянула на брата: – Ты голоден? В холодильнике колбаса, котлеты, сыр... Ну чего ты торчишь в прихожей?..

Он прошел в кухню, сестра пошла за ним. Уселась на деревянную табуретку, пылливо посмотрела на брата.

– Боже, что у тебя с курткой? И ухо красное? Опять подрался?

– Можно подумать, что я каждый день дерусь...

– У тебя вид какой-то смущенный, будто ты перед кем-то провинился. С Машей поругался?

– Мы никогда не ругаемся.

– Чего же ты не женишься на ней? Глядишь, у меня появилась бы под боком близкая подруга.

– Ради этого, наверное, стоит жениться, – улыбнулся Андрей.

– А я, наверное, никогда замуж не выйду: со сверстниками мне скучно, а умные взрослые мужчины женаты.

– Я думаю, ради тебя Бобриков жену бросит, – заметил брат. – Не надоело тебе еще на «мерседесе» кататься?

– Мне все надоело... – вырвалось у нее.

Он хотел было шуткой ответить, но в глазах сестры была такая печаль, что он раздумал и заговорил серьезно:

– Ну тебя-то я еще могу понять: тебе все это интересно, а тут еще подружка твоя Ася от зависти умирает... Солидный, всем нужный человек ухаживает за тобой! Катает на «мерседесе»... У какой девчонки голова не закружится! Но он-то, Бобриков, на что рассчитывает?

«Хорошо, что я ему еще не рассказала про мастерскую...» – подумала Оля. Она почти все рассказывала брату. И он от нее ничего не скрывал.

– ... Любовницей ты его никогда не станешь, для жены ты слишком молода для него. Ведь он, сестренка, деловой человек, а деловые люди не привыкли вкладывать свою энергию

в проигрышные дела.

– Ты не можешь допустить мысли, что он просто в меня влюблен?

– Я же тебе говорю: он – делец. Я не верю, что Бобриков может в кого бы то ни было влюбиться.

– То же самое и я ему сказала... – задумчиво заметила Оля. – Он меня пригласил на Псковщину, а когда я сказала про отца, мне показалось, он чего-то испугался.

– Отец с такими людьми не поддерживает отношений, – сказал Андрей. – Вряд ли они даже знакомы.

– Бобрикова все автолюбители в Ленинграде знают, – возразила сестра.

– Я вот впервые от тебя о нем услышал. В Ленинграде полно теперь этих станций техобслуживания.

– Он все-таки личность, – думая о своем, продолжала Оля.

– А я думал, тебя больше привлек его «мерседес», – подковырнул брат.

– При чем тут «мерседес»? – отмахнулась Оля. – Я сегодня дала ему полную отставку...

– Bravo, сестричка! – рассмеялся Андрей. – Давно это надо было сделать.

– Ну, не совсем полную... Понимаешь, Андрюша, мне вдруг жалко его стало. Деловой-деловой, а что-то у него внутри дрогнуло, оборвалось. И глаза у него стали такие несчастные...

– И все-таки я не верю, что Бобриков или его дружок,

муж Виктории Савицкой Вася Попков, могли в кого бы то ни было влюбиться... Понимаешь, Олька, у них совсем другая мораль, чем у нормальных людей! Они ценят лишь выгоду, деньги, дачи, машины, заграничные штучки... А любовь в глазах этих людей не имеет большой цены. Любовь они покупают, как кассеты для магнитофона или американские сигареты. Мне отец много рассказывал о таких... делягах.

– А почему ты считаешь, что быть деловым человеком – это плохо?

– Быть деловым человеком прекрасно! Вот быть дельцом, жуликом – это отвратительно! А их становится все больше и больше. Вон даже ты с одним из них познакомилась!

– Ты думаешь, он жулик?

– Я кое у кого поинтересовался о нем – хитрый, говорят, умный, ловкий и умеет концы в воду прятать. Взятки не берет от клиентов, но живет, как нувориш, или проще – катается как сыр в масле. Да не один он такой! Жулья расплодилось много... И им, конечно, приятнее называть себя деловыми людьми. А дела их темные и все направлены на то, чтобы хапать, деньги делать, проворачивать разные хитроумные операции ради этого. Твой Бобриков ни разу ни на чем таком подозрительном не попался, но, как говорится, сколько веревочка ни вейся...

Над головой послышался громкий топот, с потолка посыпалась белая пыль.

– Ну сколько мы будем терпеть эту пытку? – взглянула на

потолок Оля. – По-моему, они научили свою девчонку специально прыгать со стула на пол, чтобы нам досадить! Отец не может дома работать, сколько раз ходил к ним, даже написал заявление в жилконтору, а они еще больше стали пакостить... Посмотри, что делается в ванной, на потолке кухни! Каждый год заливают нас водой, меня эти потеки раздражают! И мы ничего не можем поделать...

Снова глухой удар, и над головами закачалась люстра.

– Я вчера позвонил им, открыла дверь беленькая такая девочка, смотрит на меня чистыми глазами. «Это ты, – спрашиваю, – прыгаешь нам на головы?» Шмыгает носом, улыбается: «Я прыгаю на пол, мне мама разрешает». Спрашиваю: «Воду на кухне и в ванной тоже ты льешь?» Говорит: «Нет, это мама...»

– Над нами двадцатая квартира? – спросила Оля, вздрогнув от нового удара. – Честное слово, какнибудь потолок рухнет, а уж медная люстра точно упадет кому-нибудь на голову.

– Я даже не знаю, что страшнее – хамство или воровство, – сказал Андрей, морщась от грохота и криков над головой.

– Постучи железякой по батарее.

– Сейчас девочка прыгает, а постучу – мама начнет прыгать, – улыбнулся брат. – Я как-то сказал соседке, что у нас люстра раскачивается над головой, когда ее дочь прыгает... Знаешь, что мне мама сказала? «А у нас нет люстры». Ухмыльнулась и ушла наверх.

Сколько Казаковы здесь живут, столько шумят наверху соседи. Дом после капитального ремонта, и слышимость, особенно сверху, редкостная. Отец не может работать, когда соседская девчонка начинает прыгать над головой. Он все чаще и чаще уезжает из дому. На днях сообщил, что в августе вместе с Павлом Дмитриевичем Абросимовым едут на месяц на озеро Белое, где раньше был детдом, а теперь школа-интернат. Там до сих пор работает учительницей Василиса Красавина, с которой отец и Павел Дмитриевич воевали в партизанском отряде...

Прыжки над головой прекратились, зато басисто, так что в ушах загудело, запел водопроводный кран. Это опять они, соседи из двадцатой квартиры... Наверное, им доставляет удовольствие доводить до белого каления Казаковых! Сколько раз при встрече у лифта с соседкой Оля замечала подленькую улыбочку на ее толстом круглом лице. И видно, соответственно настроенная дочь – как ее звать, Оля не знала – не здоровалась и смотрела враждебно. Отчего бывает такая ненависть одних соседей к другим? Отец ведь даже в лицо не запомнил никого из двадцатой квартиры, словом с ними не перемолвился, пока не вынудили обстоятельства, а вот уже годы продолжается это издевательство. И никто ничего поделать не может. Родители даже поговаривали, мол, нужно бы сменить квартиру, но кто этим будет заниматься?..

Кран скоро захлебнулся, но чуть погода с новой силой заскрежетал. Гнусные соседи могли специально его на всю

ночь оставить открытым, лишь бы досадить Казаковым.

– Кто хоть они? – кивнула на потолок Оля.

– Люди...

– Нет, это не люди, это подонки! – со злостью сказала она и демонстративно зажала уши ладонями.

Андрей взял медный пестик от ступки и стукнул по водопроводной трубе. Немного погодя в ответ раздался такой же стук. Минуту или две они перестукивались, в эту азбуку Морзе включился еще кто-то из соседей. Но скоро, к огромному облегчению брата и сестры, вопль крана прекратился.

– Мне иногда хочется придумать какую-нибудь сирену, чтобы она тоже ревела у них в ушах, – сказала Оля. – Где бы такую достать, а?

– Чем же ты тогда лучше их? – улыбнулся Андрей.

– Ну а как тогда с хамством бороться? Как? – выкрикнула она.

– Не знаю... – ответил брат. – Вот что, я об этом подумаю, а ты иди, сестричка, досматривай свой дурацкий сон с крокодиллом, я же пойду в ванну.

– Кто же тебе новую куртку порвал и в ухо заехал? – прищурилась на него Оля. – Кто этот смельчак?

– Послушай, Олька, – вдруг осенило его. – А что, если я съезжу на станцию и... потолкую с этим дельцом?

– Я бы тебе этого никогда не простила, – сердито ответила она и ушла в свою комнату, хлопнув дверью.

Немного погодя дверь приоткрылась, и оттуда высунулась

ее растрепанная голова.

– Я считала тебя умнее, Андрей! Может быть, тебя стукнули по голове и ты поглупел?

– Может быть...

Он снял с плиты закипевший чайник, налил в кружку, открыл холодильник, достал эмалированную миску с котлетами. Положил одну на ломоть хлеба, посыпал солью и с удовольствием откусил. Пожевав, отхлебнул чаю и взвыл: кипятки обжег нёбо.

– И все-таки я твоему Бобру с удовольствием заехал бы в физиономию... – пробормотал он, снова принимаясь за бутерброд. – Тот, кто много говорит, слов не понимает...

– Запиши этот убогий афоризм, может, для рассказа пригодится... – послышался из-за двери насмешливый голос сестры.

3

Николай Евгеньевич Луков медленно поднимался по бетонным ступенькам на пятый этаж. Лифт испортился, и в такую жару тащиться наверх было тяжело. Остановившись на лестничной площадке, он достал платок, вытер вспотевший лоб, лысину. Здесь чуть не налетел на него спускающийся вниз Колымагин – редактор издательства. Поздоровавшись, он сказал, чтобы Луков зашел за рукописью.

Николай Евгеньевич заглянул к заведующей редакцией

художественной литературы Ирине Николаевне Липкиной. Худощавая, с красивой седой прической, заведующая сидела за письменным столом, заваленным папками, и разговаривала по телефону. Кивнув Лукову, показала глазами на стул, придвинутый к столу.

– ... Он уже прислал с курьером расклейку, – негромко говорила она в трубку. – На будущий год? Вы же знаете, что уже план послан на утверждение в комитет... Автор – член этого самого комитета? Придется двоих выбрасывать из плана... Я даже не знаю кого. Алферов ведь выходил у нас в прошлом году... Неужели не может год подождать? Хорошо, я выброшу из плана двух авторов с периферии, но объясняться с ними будете вы сами.

Ирина Николаевна бросила трубку на рычаг, невидяще уставилась на Лукова.

– Ну разве можно так? – пожаловалась она. – План сверстан, отпечатан на ротаторе, и вот теперь придется вставлять туда Алферова! Да он и так во всех издательствах каждый год издается...

– Ирина Николаевна, Алферов купил за баснословные деньги дачу в Красной Пахре, теперь строит баню по эстонскому проекту. Ему сейчас деньги позарез нужны... – добродушно сообщил Николай Евгеньевич.

– Да, с ним не стоит ссориться, – заметила Липкина. – Очень влиятельный человек. Главный редактор сказал, что был звонок и чтобы мы Алферова немедленно вставили в

план.

– Алферов – друг секретаря правления, – подхватил Луков. – Они вместе в университете учились.

– То-то его снова выдвинули на Государственную премию, – сказала Ирина Николаевна. – Этот раз на всесоюзную. Ведь в книжке всего одна новая повестушка, а так все переиздания... Кстати, взгляните на наш план. Книжка Алферова – тридцать листов, нужно минимум двух авторов выбросить. – Она достала из ящика письменного стола сброшюрованную книжку и протянула Лукову.

Тот быстро отыскал художественную редакцию, внимательно прочел несколько страниц с аннотациями на новинки и переиздания.

– Зачем вам двух авторов выбрасывать? – сказал он. – Перенесите на будущий год какой-нибудь альманах или коллективный сборник. Например, вот этот, про экспедицию на Северный полюс.

– Главный не согласится, – вздохнула Ирина Николаевна. – Придется молодыми пожертвовать... Они хоть жаловаться не станут... – Она достала с полки две толстые папки: – Возьмите на рецензию новый роман Казакова.

– Казакова? – переспросил Луков. На губах его появилась легкая улыбка. – Наш пострел везде поспел...

– Что вы сказали?

– Я возьму роман, – проговорил он, взвешивая в руке рукопись.

– Только не тяните с рецензией. Еще главный редактор хотел прочесть.

– Главному-то зачем читать? – удивился Николай Евгеньевич. – Он что, вам не доверяет?

– Уж скорее вам, критикам, – улыбнулась Липкина. – Главный у нас новый, он почти все читает.

– А вы знакомы с Казаковым? – поинтересовался Луков.

– Да нет, он рукопись по почте прислал. Я думаю, он с главным редактором и директором тоже незнаком.

– Колымагин сказал, что у вас для меня что-то есть, – напомнил Николай Евгеньевич.

– Я и имела в виду рукопись Казакова, – ответила Ирина Николаевна.

– Вас понял, – улыбнулся в ответ Луков. – По такой жаре тащить на себе две пухлые папки! Цените мою любовь к вам, Ирина Николаевна.

– А вы встречались с Казаковым? – уже в дверях остановила его Липкина. – Я слышала, он не очень-то покладистый автор.

– Шапочное знакомство, – пожал плечами Николай Евгеньевич. – В Ялте перебросились парой слов, и все.

– Мне показалось, что вы против него что-то имеете.

– Когда мне со всех сторон говорят, вот, мол, появился талантливый, популярный писатель, я всегда настораживаюсь... Кстати, в Ялте я полистал его первый роман, и он мне активно не понравился. Пишет Казаков в традиционной ма-

нере, безусловно он владеет сюжетом, интригой, отражает современность, но в его писанине легко найти уязвимые места. Он довольно откровенно описывает любовные приключения своих героев и героинь... Это ли не повод уличить в пошлости, натурализме? А ведь это чуждо законам социалистического реализма. Нас призывают к созданию образа положительного героя, достойного подражания молодого поколения... Нам нужны Павки Корчагины, Тимуры, Александры Матросовы... А нам писатели подсовывают рефлексующих типов, которые носятся со своими мелкими, заземленными страстишками и идейками.

– Так всех сваливать в одну кучу нельзя... – мягко возразила Ирина Николаевна. – Есть же и талантливые писатели...

– Есть писатели, Ирина Николаевна, которых можно ругать, и такие, которых нельзя, – авторитетно заявил Николай Евгеньевич. – На Алферова бы я никогда не замахнулся, понимаете, он вне критики. Я имею в виду именно критику, а не комплиментарные рецензии на всякую его даже легковесную публикацию. А Казаков – это другое дело...

– Я слышала, он в Калининской области большую часть времени живет, – вставила Липкина. – В обыкновенной крестьянской избе, которую построил еще его дед. Где-то я читала об этом... Так что писатели бывают разные: одни каждый день бегают в издательства, проталкивают свои рукописи, а другие...

– Казаков не бегают... – улыбнулся Николай Евгеньевич. –

Для него же хуже...

– Не тяните с рецензией, – повторила Липкина.

– Мне недели хватит, – похлопал пухлой ладонью по двум толстым папкам Николай Евгеньевич. – Надеюсь, вы мне за оперативность заплатите по высшей ставке за лист?

– Не обидим, – нахмурилась Липкина.

Она не любила, когда ей напоминали об оплате за рецензии. И вообще не терпела разговоров об авторском гонораре – есть бухгалтерия, там авторы пусть и справляются.

– Вы не забыли – у нас в пятницу небольшое торжество в редакции? – напомнила Ирина Николаевна. – Будут главный и Алферов. Он будет вручать издательству Почетную грамоту Союза писателей. Может, и вы скажете пару слов? – Она улыбнулась. – О вашей извечной тоске по положительному герою нашего времени...

Возвращаясь вечером домой на улицу Воровского, Луков заглянул в почтовое отделение. Девушка вручила ему письмо из Волгограда от Зинаиды Ивановой. Ялтинская приятельница, с которой он недурно провел неделю на море, сообщала, что после первой же бани южный загар поблек, повседневность затянула в свой водоворот, от Черного моря осталось лишь светлое воспоминание... В конце Зина просила его поискать в Москве в букинистических магазинах последний роман Вадима Казакова... Он, мол, ей необходим для диссертации...

Он сердито скомкал письмо, потом разорвал вместе с кон-

вертом на мелкие клочки и выбросил в урну. Над ним чуть слышно шумела листвой старая липа, мимо сквера с шелестом проносились машины. Солнце зашло за облако, и стало чуть прохладнее. Где-то неподалеку резко скрежетнули тормоза, немного погодя послышался пронзительный милицкий свисток, но Луков даже не повернул тяжелую голову в ту сторону, он думал о том, что глупая все-таки эта Зина! Почему бы ей не написать диссертацию о Роботове, Монастырском, Славине, так нет – подавай ей Казакова! Подумаешь, с детства увлекалась его книгами... Аспирантка, а ориентируется в современной литературе слабо... Они даже поскандалили на этой почве. Зина заявила, что он сам не понимает литературу, тем более что в начале знакомства он в шутку ей сказал, что стал критиком потому, что ненавидит литературу... Конечно, в какой-то степени он, критик, иначе воспринимает современную литературу, чем рядовой читатель. Он уже не помнит, когда ему чье-либо произведение, даже «великих», доставило бы истинное удовольствие. Берясь за рукопись или журнальную публикацию – книги Николай Евгеньевич редко читал, – он держит в руке остро отточенный карандаш, чтобы подчеркивать неудачные места. Ведь ему приходится большинство прочитанного рецензировать, а грош цена твоей рецензии, если ты напишешь: «Дерьмо!» – или: «Гениально!» Нужно разобрать произведение по косточкам, отметить достоинства и пройти по недостаткам... Последнее больше доставляло Лукову удовольствия. А недо-

статки можно найти у любого! В институте они, филологи, забавлялись тем, что переписывали из сочинений классиков отдельные места и, выдавая за свое, посылали в журналы и газеты... И редко кто уличал их в плагиате, чаще возвращали рукопись с рецензией, в которой классика разделявали в пух и прах... Зина Иванова много читала и, надо признаться, неплохо разбиралась в литературе, некоторые замечания ее были глубокими, однако восхищение ее творчеством Казакова Луков не разделял. Будь бы ленинградец на Олимпе, Николай Евгеньевич, так и быть, написал бы на него рецензию, чтобы порадовать Зиночку... Но Славин недвусмысленно дал понять, что Вадим Казаков не тот человек, которого нужно поддерживать.

Впрочем, Николай Евгеньевич не хотел ломать голову над ленинградскими проблемами. Славин пообещал дать рекомендацию в Союз писателей – это главное. Леонид Ефимович – влиятельный человек, и с его мнением считаются. Его рекомендация – это гарантия успеха! Кстати, Славин как бы между прочим обмолвился, что в престижном журнале скоро появится его новая пьеса... На пьесы Николай Евгеньевич еще не писал рецензий, но тут придется постараться. Ведь если пьеса будет прославлена, ее поставят многие театры, а это даст драматургу колоссальный заработок. Нужно будет зайти в редакцию журнала и ознакомиться с гранками пьесы, чтобы быть во всеоружии: как выйдет из печати – сразу нужно будет тиснуть в еженедельник рецензию.

Угрызения совести никогда не мучили Лукова: он жил в литературном мире, видел, как создаются авторитеты. Стоило появиться произведению известного, влиятельного в литературном мире писателя, как критики договаривались с журналами, чтобы сразу же опубликовать свои рецензии. Это было нормой жизни, никого не удивляло и не настораживало. И Николай Евгеньевич не хотел бы быть тем самым солдатом в строю, который шагает не в ногу со всеми...

Тип известного, признанного писателя был ему со студенческой скамьи ясен. Об этих писателях в любой литературной газете найдешь упоминание, ни одна проблемная статья не обойдет их молчанием. Эти писатели появляются на телевидении, по их произведениям ставятся спектакли, теле- и кинофильмы. Тут все ясно, не надо голову ломать. Одна фамилия за себя говорит. И надо быть полным идиотом, чтобы опровергнуть официально сложившееся мнение о писателе в каком-нибудь печатном органе!

Шагая по улице Воровского, Луков раздумывал: зайти в Центральный Дом литераторов или нет? Жена уехала с дочерью к своим родителям в Клязьму, он свободен, как сокол... Эх, Зина! А ведь он подумывал о том, как после аспирантуры перетащить ее из Волгограда в столицу... Обещала ведь приехать в конце июля в Москву, он и жену-то поторопился отправить, чтобы не вернулась к этому сроку. Но Зина написала, что сможет приехать только в августе: на работе что-то переменялось и ей отпуск передвинули на две недели... А в

августе может здесь появиться жена. Она больше месяца без Москвы не выдерживает.

«Значит, тебе нужен роман Казакова? – размышлял Николай Евгеньевич, проходя мимо Дома литераторов, или ЦДЛ, как все его называют. – А я, как мальчик, должен бегать по букинистическим магазинам и спрашивать? Не многого ли ты от меня хочешь, девочка?» И тут он вспомнил, что в огромном портфеле, что оттягивал его правую руку, лежит еще не опубликованный роман Казакова, рядом с отданной «на заруб» рукописью неизвестного литератора, с незапоминающейся фамилией. В общем, обе рукописи потянут на двести – двести пятьдесят рублей – столько примерно он должен получить за рецензирование...

Будто споткнувшись, Луков остановился, потер свободной рукой вдруг зачесавшийся толстый нос и решительно зашагал в ЦДЛ. В издательстве говорили, что после обеда в ресторан привезли отличных раков и бутылочное чешское пиво.

4

Вадим Федорович стоял у металлической решетки, отгораживающей летное поле от аэровокзала, и смотрел на широкую бетонную полосу, с которой взлетал длинный серебристый «Ил-62». Незаметно оторвавшись от земли, турбореактивный лайнер, задрал длинный заостренный нос, плава-

но пошел вверх. Одно за другим убралась спаренные шасси, уши плотно заткнул мощный рев двигателей. Самолет, влоча за собой дымный след, на глазах уменьшался, вот его крылья коснулись пышных кучевых облаков, ослепительно вспыхнули плоскости, и «Ил-62» исчез в белом айсберге, лишь замирающий гул еще какое-то время напоминал о лайнере.

Там, в вышине, солнце еще светит, а на летном поле с каждой минутой становится все сумрачнее: с Пулковских высот напоздает огромная синяя туча, нацеленная тупым носом на город, это от нее резво убегают кучевые облака, чуть ли не задевая за шпиль аэропорта. Надвигается гроза, уже зеленоватые скелеты молний то и дело негативом отпечатываются на темном боку тучи. Гром еще не набрал силу, добродушно погромыхивает вдали.

Вадим Федорович взглянул на часы: без четверти восемь. Самолет с Виолеттой Соболевой должен приземлиться в восемь ноль-ноль. Пока по радио не объявили, что рейс задерживается. Встречающие ждут в зале, куда, будто из другого мира, по конвейеру приплывает багаж. Сумки и чемоданы вздрагивают, поскрипывают, а бесконечный конвейер ползет и ползет. Если кто не взял с него свою поклажу, то она снова исчезнет в черном тоннеле. Некоторые, как и Казаков, вышли наружу. Где-то в вышине слышен шум двигателей, но самолета не видно. Может, он пережидает над тучей грозу? Сильный порыв ветра с редкими каплями стегнул по лицу,

с ворчанием гром прокатился вдоль здания аэропорта с высокими зеркальными окнами. Зеленый кленовый лист, совершив немислимую спираль, опустился на крышу зеленой «Нивы», приткнувшись к ограде. Здесь стоянка запрещена; наверное, машина принадлежит кому-нибудь из пилотов.

Сверкнула яркая молния, и скоро донесся оглушающий удар грома – значит, гроза приближается и скоро пройдет над аэродромом. Еще в детстве от бабушки Вадим Федорович слышал, что в грозу самый опасный период – это когда землю гвоздят молнии, грохочет гром, а дождя нет, а как только ударит ливень, тогда уже неопасно. Значит, центр тучи переместился, дождь туча прячет в своем хвосте. Ефимья Андреевна в молодости сама была поражена молнией на ржаном поле. Ее закапывали в землю, потом долго приводили в чувство. Наверное, пережитый страх она передала и своим детям: Алена Андреевна и мать Вадима – Антонина Андреевна – тоже очень боялись грозы. Закрывали поскорее в доме все двери и окна, занавешивали полотенцами зеркала, даже накрывали медный самовар, а сами прятались в комнаты и тряслись там от страха.

Вадима Федоровича гроза будто и самого заряжала электричеством, он жадно смотрел на темное небо со всполохами молний, мучительно ждал, что вот сейчас появится шаровая молния и он наконец-то воочию увидит ее. Читал он про это чудо природы много, но вот самому еще не доводилось его увидеть. Он не представляет себе, что бы стал делать, если

бы огненный мячик полетел в его сторону. Побежать бы от него не побежал, наверное, чуть отступил бы и внимательно рассмотрел шаровую молнию.

В разрыве облаков блеснул яркий луч и, будто испугавшись синего мрака, тут же исчез, оставив розоватый след. Ветер все сильнее дул, по асфальту наперегонки летели листья, сорванные с деревьев, резво прокатился кремовый стаканчик из-под мороженого, последнее облако пугливо скрылось за крышей аэропорта. Синие тревожные сумерки плотно окутывали все вокруг, бок тяжелой тучи набухал, вблизи был не таким уж темным, скорее серебристо-свинцовым. И вот прямо над летным полем туча раскололась, послав на землю сразу три ослепительные вспышки. Не зеленоватые, как ранее, а голубовато-белые, как при газовой сварке. Пушечный гул прокатился над головой, и сразу стало тихо, будто природа сама испугалась своей неуправляемой мощи. Умолк ветер, перестали гнуться у ограды молодые деревца, звенеть – стекла в рамах. И в эту тишину неожиданно вклинился негромкий робкий гул приближающегося самолета. Только сейчас, вглядываясь в клубящееся свирепое небо, Казаков отчетливо осознал всю опасность профессии Виолетты Соболевой. Здесь, на земле-то, жутковато видеть разбушевавшуюся стихию, а каково там, чуть ли не в центре грозной тучи? Протяни руку, и можно пощупать огненную стрелу великого громовержца Зевса...

Самолет совершил посадку в самый разгар ливня. Длин-

ные серебристые струи с остервенением хлестали в асфальт, немного стало светлее, грохот ушел за здание аэровокзала, но еще на чисто вымытых стеклах полыхали отсветы вспышек молний, казалось, земля каждый раз вздрагивала от удара грома. На краю взлетной полосы, вынырнув почти у самой земли, показался серебристый самолет с растопыренными шасси, вспыхивающими мигалками и бледно-желтыми иллюминаторами. Окутанный туманным облаком дождя и пара, лайнер, замедляя ход, с шипением понесся по полосе, из-под толстых колес в стороны летели фонтаны. Вот он остановился, заглушил двигатели, но еще долго раздавался какой-то тоненький, пронзительный свист. К неподвижной громаде самолета уже подкатывал похожий на игрушечный трамвайчик с десятком оранжевых вагонов. Откуда-то, будто из-под земли, появилась белая самоходная лестница с крупной надписью: «Аэрофлот». Прикрыв русоволосую голову полиэтиленовой пленкой, Виолетта, с небольшой сумкой через плечо, отделилась от трапа и пошла прямо к нему. В серой форме, длинноногая, улыбающаяся, она обвила его шею руками, прижалась губами к мокрой щеке.

– Бедненький, ты так и стоял под дождем? – улыбалась она бледно-розовыми губами. – Тебя можно выжимать.

– Я ждал шаровую молнию, – проговорил он, стряхивая с волос капли.

– Я думала, меня...

– Черт с ней, с молнией... Я уж думал, вас здесь не при-

мут.

– Мы и так десять минут ждали посадки.

– Страшно там было? – кивнул на низкое лохматое небо

Вадим Федорович.

– Мы вошли в зону грозы под самым Ленинградом, – беспечно ответила Виолетта, поправляя прическу. – Поднялись над тучей и стали любоваться на грозу... Один мужчина надел на голову полиэтиленовый пакет – так и просидел в кресле до самой посадки... Зачем он это сделал?

– Страус тоже прячет голову в песок...

– Я потом спросила у него – он сказал, что это помогает ему сосредоточиться... на смысле жизни.

– А ты о чем думала, когда подлетала к грозовому Ленинграду?

– О тебе, дорогой, – улыбнулась Виолетта. – Представила себе, как ты мокнешь на дожде и тарачишься на тучу.

– А ты видела когда-нибудь шаровую молнию? – спросил он.

– Я тебе как-нибудь ее подарю...

– Лучше не надо, – серьезно сказал он. – Она проникает сквозь стены, а уж если попадет в салон самолета...

– Без билета? – рассмеялась девушка. – Не пущу!

– А этот гражданин с пакетом на голове не признался тебе в любви? – ревниво спросил Казаков.

– Я трусов презираю.

– Куда мы все-таки с тобой завтра поедем? – помолчав,

спросил Вадим Федорович.

Он знал, что с сегодняшнего дня у Соболевой отпуск. Это был ее последний рейс. И надо же попасть в грозу! Они много толковали, как проведут ее отпуск, но конкретно так ничего и не решили.

Виолетта остановилась – дождь уже не так лил с неба, – посмотрела ему в глаза и сказала:

– Давай не будем больше об этом думать, а? Завтра утром встанем, сядем в твои «Жигули» и поедем куда глаза глядят.

– А куда они глядят?

– На тебя, дорогой! – рассмеялась девушка.

* * *

Встать рано утром, позавтракать, отключить холодильник, сесть в машину и поехать куда глаза глядят, пожалуй, могут лишь очень счастливые люди. С тех пор как Казаков встретил Виолетту в самолете, совершающем рейс Симферополь – Ленинград, он искренне считал себя счастливым человеком. Целый месяц он встречал Виолетту в аэропорту «Пулково», ездил с ней купаться на Финский залив, – благо, лето выдалось теплым, солнечным, – вечерами ходили в кино, иногда ужинали в ресторане «Универсаль». Несколько раз Виолетта говорила, что не прочь бы сходить в кафе писателей на улицу Воинова, но Казаков не любил это кафе и так и не привел ее туда ни разу. Кормили там отвратительно,

знакомые бесцеремонно подсаживались к столику, а незнакомые громкоголосые бородатые молодые люди раздражали. Кто они, Вадим Федорович не знал, но, судя по разговорам, мнили себя писателями.

Соболева жила в однокомнатной квартире на Московском проспекте, неподалеку от Фрунзенского универмага. Вадим Федорович исправно подвозил ее к парадной большого здания, здесь девушка протягивала ему узкую ладонь, и они расставались. Она не приглашала к себе, а он тоже в гости не набивался. Ему приятно было знать, что она есть, видеть, как она спускается по трапу и, улыбающаяся, идет навстречу ему... Так продолжалось целый месяц. Кареглазая, женственная Виолетта обладала довольно решительным и твердым характером. Это он понял, когда она рассказала о своем коротком замужестве... Молодой женщине было не двадцать пять лет, как на ялтинском пляже определил Вадим Федорович, а двадцать восемь. Замуж она вышла в двадцать лет, родила сына, а через два года сама развелась с мужем... Помнится, Вадим Федорович тогда спросил: дескать, муж попался пьющий? Обычно это является главной причиной развода. И Соболева удивила:

– В рот не брал даже пива.

– В чем же причина?

– Это был не человек, а кибернетическая машина, – невесело пошутила Виолетта. – Он убил всю мою любовь, да и любовь ли это была? Педантичностью, мелочностью, режи-

мом, скупостью. Он вставал в шесть утра, полчаса занимался зарядкой, накачивая мускулы на руках, ровно в семь завтракал, полвосьмого ходил в туалет, до половины девятого читал утренние газеты, журналы, потом уходил на работу – он работал в научно-исследовательском институте программистом, – возвращался в семь вечера, ужинал, смотрел по телевизору программу «Время», кинофильм, перед сном требовал от меня письменный отчет об истраченных за день деньгах, делал выговор, если я выходила из определенного им бюджета, и ровно в одиннадцать засыпал сном праведника. Каждое утро он оставлял на кухонном столе листок в клеточку, там было написано, что и сколько мне купить из продуктов. Проставлены были калории... До замужества я и не знала, что каждый продукт имеет столько-то калорий, а всего в день нужно употреблять столько-то... Кажется, три тысячи калорий... Свои мужские обязанности он исполнял два раза в неделю – в субботу и четверг. И тоже точно по часам... И так изо дня в день два ужасных года. Сыном он совсем не занимался, по-моему, даже не любил его. Пришлось малышку отдать на воспитание родителям. Я лишь в выходные навещаю Алешку.

– Как же суд вас развел? – поинтересовался Казаков. – По нынешним временам тебе попался просто идеальный муж!

– Точно так же рассуждал и судья.

– Ну и как он?

– Кто? Мой муж или Алешка?

– Твой кибер...

– Он в порядке, – холодно ответила Виолетта. – Женился через год, а я получаю каждый месяц двадцать восьмого числа перевод с алиментами. Первого и пятнадцатого каждого месяца мой бывший муж в девятнадцать ноль-ноль приходит к моим родителям и приносит Алешке подарок из расчета трех – пяти рублей. Как правило, это механические игрушки.

В общем, как понял Вадим Федорович, Виолетта разочаровалась в мужчинах и стала строить жизнь по-своему, больше не надеясь ни на кого. Еще в школе она мечтала стать стюардессой, а родители настояли, чтобы она поступила в Институт культуры имени Крупской. Она закончила библиотечно-библиографический факультет, до развода работала в технической библиотеке. После развода ушла оттуда и вот стала стюардессой. Работа ей нравится, она усиленно занимается английским – в институте разве по-настоящему выучишь язык? Когда сдаст экзамен, будет летать на международных линиях. Это ее голубая мечта! Так хочется посмотреть мир! А какая еще профессия даст такую великолепную возможность?..

– Жизнь с кибернетическим мужем не прошла для тебя бесследно... – заметил Вадим Федорович.

Он долго потом раздумывал о ее муже: это совершенно новый тип современного молодого человека! Неужели век технической революции сказывается и на характере челове-

ка? Программист ведь тесно, как никто другой, связан с машинами, компьютерами...

В начале августа, когда он, как обычно, проводил Виолетту, прилетевшую из Ташкента, к парадной ее дома, Соболева как-то странно посмотрела ему в глаза и будничным голосом произнесла:

– Я привезла из Ташкента потрясающую дыню... Ты любишь дыни?

– Я тебя люблю, Виолетта, – вырвалось у него.

– Повтори еще раз, – попросила она, прислонившись спиной к двери.

Карие глаза ее стали черными, как уголь, полная нижняя губа дрогнула, в вороте форменного пиджака беззащитно белела шея. Прежде чем ответить, он потянулся к ней и коснулся губами нежной белой полоски над воротником.

Позже он удивлялся, как легко сорвались с его губ эти редкостные для него слова! Она долго смотрела ему в глаза, Виолетта вообще никогда первой не отводила взгляд. У Вадима громко стучало сердце, захотелось схватить ее на руки и бегом донести до квартиры на пятом этаже...

С того памятного вечера ощущение полного счастья не покидало Казакова. Он просыпался и засыпал с ним. Вся его жизнь превратилась в ожидание ее возвращения из рейсов. Он изучил все маршруты. Случайная встреча на улице с девушкой, одетой в летнюю форму, заставляла его сердце учащенно биться. Кстати, и работать в городе стало легче. Ма-

шинка стучала в его кабинете как заведенная, а раньше ведь не мог себя заставить в городе работать! Даже тяга к Андреевке как-то заглохла. Он не мыслил теперь быть далеко от Виолетты. К ощущению счастья последнее время стало примешиваться дотоле неизвестное ему чувство тревоги: как бы чего с ней в воздухе не случилось! Не так уж редко пресса сообщала о воздушных катастрофах, угонах самолетов с заложниками, взрывах в международных аэропортах...

Серебряная сигара вырुливалась на площадку, подкатывал напоминающий стремянку трап, и после пассажиров по нему спускалась Виолетта. Это были самые счастливые часы в его жизни. Он жадно смотрел, как она идет к нему в летной форме с нашивкой на высокой груди. Узкая серая юбка открывает ее высокие загорелые ноги. Из-под серой пилотки норовят вывалиться на спину ее тяжелые золотистые волосы. Она никогда издали не улыбалась ему, а он был уверен, что его губы всякий раз растягиваются в глупую счастливую улыбку. Запах французских духов, самолетной обшивки, южных фруктов окутывал его, когда он обнимал свою воздушную женщину.

Один раз у него сорвалось с языка:

– Лучше бы ты не летала!

Ее глаза всякий раз чернели, когда в них вспыхивало какое-либо чувство, будь то страсть, волнение или раздражение.

– Больше никогда так не говори, – помолчав, сказала она.

И еще долго чернота не уходила из ее крупных красивых глаз.

Был конец августа, когда голубые «Жигули» Казакова вырулили на Среднюю Рогатку. Виолетта сказала: «Поедем куда глаза глядят...» Глаза Вадима Федоровича снова видели лишь его любимую Андреевку. Как говорят, от добра добра не ищут! Виолетте все равно куда ехать, а его манят, зовут родные края. Хотелось ему показать родину и Виолетте – может, и ей понравятся Андреевка, сосновый бор, речка Лысуха... Небо над городом пронзительно синее – так всегда бывает после ночной грозы, – солнце рельефно высвечивает каждый вымытый лист на дереве, каждую высокую былинку на обочине. Влажно блестит чистый асфальт. Осень – это любимая пора Казакова. Но осень еще прячется за бабьим летом, лишь редкие желтые листья, высверкивая из еще густой зеленой листвы, напоминают, что она не за горами. Осенью хорошо работается, приходят в голову философские мысли. А до чего приятно прогуляться вдоль путей до железнодорожного моста, окинуть сверху взглядом пожелтевший лес, вдохнуть напоенный хвоей и запахом сухого сена воздух, послушать тоскливые крики птиц, собирающихся в стаи для отлета в теплые края...

Виолетта сидит рядом. Чаще всего Вадиму Федоровичу приходилось видеть ее в форме, а сейчас девушка в тонком белом шерстяном свитере, в синих вельветовых джинсах, потертых на сгибах. Волосы ее свободной золотой копной спус-

каются на узкую спину. Казакову хочется взять в горсть тяжелую прохладную прядь или положить ладонь на выпуклое бедро, но Соболева не терпит с его стороны вольностей за рулем. В глазах ее плещется расплавленный янтарь, губы складываются в задумчивую улыбку. Сегодня она такая близкая, домашняя...

Впереди у них целый месяц свободной отпускной жизни. Правда, Вадим Федорович захватил с собой портативную пишущую машинку, новый роман то и дело напоминает о себе, приглашает за письменный стол... Виолетта мечтает, если сохранится теплая погода, как следует покататься в озере и загореть, хотя она и так вся золотистого цвета. В этом отношении все женщины одинаковы: отдых у них всегда ассоциируется с солнцем и водой. В багажнике у них палатка, надувные матрасы, консервы, термос с горячим кофе, посуда, рыбацкий котелок и даже бензиновый примус «Шмель» в овальной алюминиевой коробке, не считая шашлычницы. Все взято и для рыбалки. Виолетта заранее приготовила в миске мясо с луком, перцем и уксусом. Так что они могут в любой момент остановиться в подходящем месте и организовать царский обед на лоне природы.

– Я давно мечтала так куда-нибудь поехать, – сказала Виолетта. – Два года назад мы компанией решили спуститься по реке в Ладожское озеро. Все шло так замечательно, а потом случилось несчастье: утонул один парень. Все были в спасательных жилетах, а он в тот раз не надел. Плот перевернулся,

мы полетели в воду, а течение там было сильное, его ударило о камни и затянуло под корягу... Мы его сутки тащили на самодельных носилках до железной дороги. С тех пор я больше в туристские походы на байдарках и плотах не хожу.

Вадим Федорович представил себе эту печальную процессию... Нынешняя молодежь любит туристские походы, да и женатые люди, объединившись в свои компании, путешествуют с огромными рюкзаками за плечами по стране. Наверное, это интересно, но почему-то случаются с ними разные, даже вот и такие трагические, происшествия... Подготовки не хватает или обыкновенная беспечность?..

– А все-таки куда мы едем? – уже за городом поинтересовалась Виолетта.

– Есть на земле поселок Андреевка, – стал рассказывать Казаков. – Там мы сегодня переночуем, а потом, если ты захочешь, дальше...

– Куда глаза глядят...

– Мы могли бы и твоего сына взять, – вспомнил Казаков.

– Я, наверное, плохая мать, – вздохнула она. – Бывший муж рано отдал Алешку своим родителям, я не успела к нему привыкнуть... Он бабушку и дедушку называет папой и мамой, а меня – тетей. Его ругают за это, а он упорно бурчит: «Тетя Виола...» Может, он разительно напоминает бывшего мужа – Бориса, после того как я с Алешкой пообщаюсь, у меня почему-то портится настроение...

– Сыр «Виола», – заметил Казаков.

– Так меня Борис называл, – нахмурилась молодая женщина. – Хотя и знал, что мне это не нравится...

– Намек понял, – улыбнулся Вадим Федорович.

Он мог сейчас и не смотреть на Виолетту, и так знал, что январь ушел из ее глаз, а пришла чернота. Что же все-таки на самом деле произошло у нее в семье? В то, что она рассказала, верилось с трудом. Ее Борис, хотя и обрисовала его в черно-серых тонах, не похож был на самовлюбленного идиота. Программист, увлечен своей работой, следит за собой, выдерживает режим. Скупердяй, говорит она... А может, копил деньги на машину или видеомаягнитофон... Нет, видно, что-то другое оттолкнуло Виолетту от него. Была, была какая-то история, а вот какая – об этом он, Казаков, вряд ли узнает...

А в Соболевой есть что-то еще детское, может, чуть оттопыренная губа придает ей сходство с обиженным ребенком? Нравилось Вадиму Федоровичу, что Виолетта всегда естественна, если ей было весело – смеялась, дурачилась, а грустно – молчала и хмуро смотрела на мир своими темными глазами. К счастью, грусть-тоска не так уж часто посещала ее, да и быстро уходила.

Виолетта Соболева была для Казакова открытием. Все в ней для него было внове. Она принадлежала к тому же поколению, что и сын его, Андрей. В ней не было ничего похожего на его давно отдалившуюся жену Ирину или на Вику Савицкую с ее рационализмом. Разве что женственность чуть

роднила Соболеву с Ириной Головиной.

Вадим Федорович был убежден, что нынешнее поколение разительно отличается от всех прочих. Как бы произошел качественный скачок, и появились новые люди, которым и строить новый мир, тоже разительно отличный от старого... Он жадно слушал Виолетту, пытался выяснить, о чем она думает, что приходит ей в голову, чего хочется, что ее смущает, раздражает, возмущает, а что радует, веселит. Ему было, как никогда, с ней интересно и днем и ночью. И эта поездка «куда глаза глядят» была для него праздником.

А перед ними открывалась живописная дорога, убегающая вдаль, подернутая сиреневой дымкой, по обеим сторонам ее стояли притихшие высокие березы. Казалось, едешь по аллее. Встречные машины везли на лобовых стеклах по кусочку оранжевого солнца, из стереомагнитофона лилась неназойливая мелодия. Пробравшаяся в салон муха раз за разом упорно садилась Казакову на нос, он вертел головой, отмахивался, но назойливое насекомое не отставало. Тогда он опустил стекло, отогнул наружу «ветровик», и чертову муху унесло с потоком шумно ворвавшегося в кабину воздуха. Волосы Виолетты разлетелись за плечами, одна прядь жгутом обвила ее шею.

Миновав большой поселок, они увидели на пригорке белую, с позолоченными куполами церковь. Она стояла на старом, огороженном палисадником кладбище, сплошь заросшем кустарником. Высоченные сосны отбрасывали на белую

стену густую кудрявую тень. Привязанный на лужайке к колу теленок меланхолично смотрел на них, пуская прозрачную слюну с отвисшей губы.

– Ты всегда так быстро едешь? – нарушила затянувшееся молчание Виолетта.

Вадим Федорович бросил взгляд на спидометр: сто десять километров! Когда шоссе пустынное, машина незаметно сама набирает скорость, а теперь за превышение строго наказывают. Где-нибудь в распадке, за кустами, прячется искусно замаскированная милицейская машина с радаром...

– Я думал, после самолета ты вообще на машине скорость не ощущаешь, – сказал он.

– Почему ты не любишь летать на самолетах? – спросила она.

– Наверное, я слишком земной человек, – улыбнулся он. – Это ты – небесная дива!

– Странно, на борту самолета ничего не ощущаю, а здесь при виде каждой встречной машины у меня замирает сердце... А вдруг шофер заснул? И врежется прямо в нас.

– Такое тоже случается, – равнодушно заметил Казаков. – Видишь ли, на земле все катастрофы происходят мгновенно, а в воздухе, на высоте десять тысяч метров, случись авария, человек умирает долго, пока самолет не рухнет на землю. Это сколько продолжается? Пять, десять минут? За это время можно сто раз умереть и воскреснуть.

– Я никогда об этом не думала, – сказала Виолетта.

– Поставить что-нибудь повеселее? – спросил он.

– Поставь Рафаэлла Карра.

Он достал из коробки кассету, но Виолетта отобрала.

– Я сама, – сказала она. – А ты смотри на дорогу, милый.

Популярная итальянская певица низким голосом запела знакомую песню на английском. Виолетта, наклонив набок голову, внимательно вслушивалась.

– Она поет о Венеции, стройном красивом матросе, который ведет по каналу гондолу, а в ней обнимается с другим девушка, и ему очень грустно.

– Виолетта, ты любила своего мужа? – думая о другом, спросил Казаков.

– Разве иначе я вышла бы замуж? – удивилась она. – А впрочем, не знаю... Может, это была совсем не любовь. Он очень красиво ухаживал за мной, каждый раз приходя в библиотеку, где я работала, приносил букетик мимозы, плитку шоколада... Рассказывал про свой институт, счетно-вычислительные машины, раз похвастал, что и сам изобрел кое-что... Он высокий, подтянутый и, что мне понравилось, не пил. И терпеть не мог пьяниц. Потом, кажется через полгода, он сделал мне предложение, я согласилась. Борис всем моим подругам понравился. Откуда мне было знать, что после загса он окажется совсем не таким, каким приходил на свидания? И потом, я тогда не очень-то разбиралась, что такое любовь...

– А теперь разбираешься?

– Подружки в один голос толковали: мол, выходи замуж, где еще такого мужа сыщешь? Парни теперь пошли капризные, многие пьют, скандалят, от них и дети ненормальные рождаются... А Борис был не таким, казалось, в нем нет никаких недостатков. Кругом положительный. Мне все завидовали, когда мы поженились.

– А потом?

– А потом все и началось...

– Что именно? – настаивал Казаков.

Виолетта сбоку посмотрела на него. Глаза у нее были янтарные, на губах легкая улыбка.

– Я тебе говорила: зануда он! Думает только о себе... И еще оказался ревнивым. За каждый лишний час мурыжил меня, пытался, где была. Один раз даже заметила, что следил за мной, шел следом, прячась за прохожих...

– Наверное, были у него основания? – закинул удочку Владимир Федорович. – Как говорится, нет дыма без огня.

– Следить за женщиной – это последнее дело, – сердито вырвалось у Виолетты.

– Ты права, – согласился он. – Это унижает и вызывает лишь обратный результат.

– За мной ухаживали, когда я еще училась в девятом классе.

– И тебе это нравилось?

– Мне и сейчас проходу не дают... – Она сбоку взглянула на него. – Если ты тоже ревнивый, то лучше не влюбляйся

В меня...

– Поздно, – вздохнул он. – Кажется, я влюбился в тебя с первого взгляда... Разве это не судьба, Виола?

– Не называй меня так! – резко заметила она. – Я из-за этого возненавидела и сыр «Виола». После развода я смотреть не могла на мужчин... Знаешь, как меня прозвали в аэропорту?

– Воздушная амазонка?

– Юдифь, – улыбнулась она. – Помнишь эту картину из Эрмитажа?

– Еще бы! Молодая красивая женщина стоит с мечом в руках и наступает одной ногой на отрубленную голову Олоферна. Знаменитая картина Джорджоне, пятнадцатый век. – Вадим Федорович взглянул на нее. – А ты, пожалуй, и впрямь немного похожа на библейскую героиню. Только глаза у тебя больше и волосы пышнее. И похоже, Юдифь была брюнеткой, а ты – яркая блондинка. И мне ты нравишься больше, чем знаменитая Юдифь.

– Когда ты подошел тогда в Ялте к лежаку, я подумала, что...

– ...надо отрубить мне голову! – пошутил Казаков.

– У тебя было такое глупое лицо, когда ты смотрел на меня, а потом побежал за мороженым... – рассмеялась она.

– Я же говорю, что влюбился в тебя с первого взгляда. Только у влюбленных бывают глупые лица.

– Не думала, что мы еще когда-нибудь встретимся...

– А я знал, что найду тебя, – сказал он и на секунду прижал ее к себе.

Шофер встречного «КамАЗа» высунул белую голову из окна своей высокой кабины, широко улыбнулся и показал им большой палец.

– Чего это он? У нас что-нибудь не в порядке? – спросила Виолетта.

– Наоборот, все просто замечательно! – рассмеялся Вадим Федорович.

Тяжелая золотистая прядь качалась у порозовевшей щеки Виолетты, нижняя полная губа чуть оттопырилась, глаза еще больше посветлели. Уже не янтарные тигриные, а кошачьи. Казакову снова захотелось сказать, что он любит ее. Сейчас ему трудно представить себе, как он до сих пор жил без этой женщины... Пусть она еще ни разу не сказала ему, что любит его, пусть даже когда-нибудь уйдет от него... Но сейчас она рядом, он может дотронуться до нее, поцеловать, остановить машину и на руках унести на луг...

– Мне хорошо с тобой, Вадим, – негромко грудным голосом произнесла Виолетта.

Глава четвертая

1

Без стука широко распахнулась дверь, и в проеме появилась грузная, на слоновьих ногах фигура Васильевны, как все тут звали жену заведующего турбазой «Медок» Захара Галкина. Круглое, как жирный блин, невыразительное лицо с белыми кудряшками вокруг низкого лба было, как всегда, воинственным, крошечный, вдавленный в пухлые белые щеки нос смотрел вверх двумя черными дырками, а белесые с голубизной глаза сверливались буравчиками в каждого, с кем она разговаривала. Вернее, лаялась, потому что по-другому она с приезжими не умела обращаться.

– Мой Захарка был тут? – грозно спросила она.

– Вы бы постучались, – заметил Казаков, откладывая на тумбочку книжку, которую читал. Он уже лежал под одеялом на кровати. Виолетта свернулась клубком на своей, что была напротив.

– Я тут хозяйка! – повысила голос Васильевна. – Куды хочу, туды и захожу, а вы – посторонние, вас мой непутевый Захарка небось за бутылку пустил? Захочу – завтра же выпишу вас отсюда.

Виолетта пошевелилась на скрипучей деревянной кроватке.

ти, но, кажется, не проснулась.

– Насчет «завтрева» мы посмотрим, а сейчас будьте добры выйти отсюда, – спокойно произнес Вадим Федорович. – И не хлопайте дверью, а то девушку разбудите.

– Знаем мы этих девушек... – сморщила свой крошечный нос Васильевна, отчего сразу стала похожа на мопса. – Ездют тут всякие и мово Захарку спаивают, чтоб вам ни дна ни покрывки! Найду у ково пьяницу в домике – завтрева же вон с турбазы!

Она все-таки хлопнула дверью. С кровати Виолетты слышался тихий смех.

– Разбудила? – покосился на нее Казаков.

– Мне на работе часто приходится сталкиваться с хамством, – заговорила Соболева. – Иного так бы подносом и огрела, а приходится терпеть и каждому улыбаться. Ведь хам с хамом старается не связываться – тут же получит отпор, ему, хаму, подавай интеллигентного человека, которого можно безнаказанно оскорблять. Ведь воспитанный человек не опустится до мордобоя или оскорблений? Она тебе: «Завтрева выгоню!», а ты ей: «Будьте добры выйти отсюда...»

– Рассказывают, от нее вся турбаза стонет, – сказал Вадим Федорович. – И никто ничего поделать не может: ходит по домикам, заглядывает чуть ли не под одеяла – ищет своего Захарку. А кто скажет слово поперек – того облает, как собака! Да что собака, хуже! А шуплый красноносый Захарка только ухмыляется и качает головой: мол, Васильевна-то,

глядите, как любит меня, ревнует... Обратила внимание – на слове «ревнует» он делает ударение на первом слоге?

Турбаза «Медок», принадлежащая промкомбинату, изготавливавшему пчелиные домики для совхозов и колхозов, была настоящей жемчужиной в этом краю. Кроме главного корпуса меж высоких сосен стояли полтора десятка разноцветных финских домиков с пластиковыми крышами. Эти четырехместные домики расположились на небольшом бугристом сосновом пятачке, окруженном с трех сторон озерами. По первоначальному плану все было идеально целесообразным, но у любого человека – хозяйственника вскоре появляется, если так можно выразиться, зуд расширения – человек начинает строить гаражи, кладовые, сараи, подсобные помещения, клетушки и так далее. Так, под настырным руководством Васильевны Захар Галкин вскоре опутал всю турбазу своими пристройками, в которых стал разводить кроликов, кур, уток, гусей и даже норок, про поросят уж и говорить не приходится. Меж аккуратных финских домиков стала деловито разгуливать вся эта пестрая живность. Лишь норки скучали в клетках. А где процветает подсобное хозяйство, там вскоре появляются кошки, бродячие собаки. Два «матроса», каждое лето придаваемые Галкину, с утра до ночи трудились на подсобном хозяйстве заведующего, хотя это и не входило в их обязанности, – «матросы» должны были загорать на берегу и наблюдать за отдыхающими, чтобы они далеко не заплывали. На причале всегда наготове стояла

красивая голубая лодка с флажком ДОСААФ. Захар и Васильевна посчитали, что жить на турбазе со сладким названием «Медок» и не развести пчел – это по меньшей мере глупо, тем более что домики можно получить с промкомбината бесплатно. Правда, Захар, говорят, полгода противился настояниям жены, толковал, что с пчелами хлопот полон рот: нужно на курсы ехать, книжки читать... На что Васильевна резонно отвечала:

– Займешься, непутевый, пчелами, может, будешь меньше водку жрать.

Недаром же говорят, что ночная кукушка кого хочешь перекукует, – зимой Галкин поехал в областной центр на курсы пчеловодов, вернулся оттуда полный воодушевления: там ему рассказали, что пчелы в умелых руках – это золотое дно! Один из инструкторов похвастался, что только за один сезон продал со своей пасеки меду на двадцать тысяч рублей! Этот аргумент посильнее лекций и книжек сделал Захара заядлым пчеловодом. Теперь к курам, кроликам, пороссятам, уткам и норкам прибавились и пчелы. «Матросы» ходили с раздутыми лицами, дымили направо-налево дымокурами, загоняя рои в ловушки, а Васильевна, сидя на широком крыльце главного корпуса – там они жили с мужем, – зорко следила за порядком в своем обширном хозяйстве. Ее сварливый голос с ударением на «о» разносился по всей турбазе. Бедные отдыхающие – а на турбазу каждую пятницу и субботу приезжали промкомбинатовские работники – прятались от раз-

волновавшихся пчел, уходили в лес, уплывали на лодках по-
дальше от берега. Но случилось, пчелы и там доставали их.

Казаков и Виолетта совершенно случайно наткнулись на
эту турбазу в Новгородской области. Их привлекло ласковое
название «Медок». Но капель дегтя в бочке меда вскоре ока-
залась колченогая, бесформенная Васильевна.

Не успел Захар, встретивший их довольно приветливо,
устроить в пустующем домике, как тут же заявила жена и
стала дотошно выяснять, кто они, откуда и на сколько прие-
хали. А уходя, строго предупредила, что ежели они хоть раз
поднесут стакан «еённому Захарке», то она выпишет их с
турбазы.

Неприятный осадок, оставленный хамоватой женщиной,
быстро выветрился, когда они спустились вниз к длинному,
заросшему по берегам молодыми соснами озеру. Оно было в
тот вечер на удивление тихое и синее. Над ним парили крас-
ноклювые чайки, в сумерках, тяжело взмахивая крыльями,
пролетала большая цапля. Захар отомкнул на причале лодку
и выдал им весла. До самого заката плавали они по вытяну-
тому в длину озеру. Прямо с лодки прыгали в воду, хотя за-
ведующий и предупредил, что этого делать не положено: де-
скать, пять лет назад тут утонула девушка с промкомбината
– нырнула и больше не вынырнула. Нашли только на следу-
ющий день. Были разные комиссии, вот с тех пор и стали на
летний сезон прикреплять «матросов», только какой толк-
то от них? Сидят на берегу с отдыхающими и лясы точат...

Позже Вадим Федорович убедился, что толк для Галкина от «матросов» был большой: не хуже его пчелок трудятся они на огороде и участке, принадлежащем лично заведующему.

Казаков и Виолетта – она радовалась природе, как дитя, – решили здесь остановиться на несколько дней, тем более что стояла теплынь и солнце светило с раннего утра до вечера. Ночью в домиках было прохладно, но Галкин дал им еще два теплых одеяла. Изрытое оспинами бугристое лицо его с кривым носом было всегда багровым, так что никогда не поймешь, пьяный он или трезвый. С пятницы по воскресенье он, как говорится, не просыхал: наезжали отдыхающие, в каждый домик приглашали знакомые – как тут отказаться? Залпом хватив стакан и закусив долькой чеснока, который он всегда носил в кармане брезентовой куртки с капюшоном, Галкин усаживался на край кровати и начинал философские разговоры. Если он уже был на взводе, то обычно начинал так:

– Зачем ты живешь, Федорыч? Ну ты скажи мне, необразованному мужику, зачем ты живешь на белом свете?

Первое время Казаков «покупался» на такой глобальный вопрос, начинал толковать о смысле жизни, о предназначении человека, но скоро понял, что Захар не слушает его: задав вопрос, он углублялся в свои собственные мысли – пьян-пьян, а прекрасно знал, что на такой вопрос нет однозначного ответа...

Этот вопрос подвыпивший Галкин задавал каждому ново-

му отдыхающему, иных ставя в тупик. Причем спрашивал с таким глубокомысленным видом, что каждому было понятно, что он-то, Захар, как раз и знает, зачем живет на свете... Любил он поговорить и на тему пьянства: свое пристрастие к спиртному объяснял тем, что работа у него такая «трудная». Люди приезжают на турбазу отдохнуть, некоторые привозят с собой выпивку, накроют стол, по старинному русскому обычаю приглашают хозяина турбазы... Не может ведь он, Галкин, обидеть гостей? Ну и присаживается за стол, а вот жена этого не понимает... Вообще-то, за вредность его работы ему должны бы платить повышенную зарплату. Ведь он здоровье свое губит с отдыхающими...

Утром Вадим Федорович и Виолетта уходили в лес, начинающийся сразу за высокими деревянными воротами турбазы. Это был сосновый бор, перемежающийся в низинах и распадках смешанным лесом. Местами он был чистый и звонкий от птичьих голосов, а местами захламленный старыми завалами, неубранными ветвями от срубленных деревьев. В эту августовскую пору птицы собирались со своими подросшими птенцами на лужайках и полянках, видно, готовились к отлету в теплые края. Один раз видели ворона. Лениво взмахивая черными с блеском крыльями, он низко пролетел над кустарником, огибая по кривой большую поляну. Красивая величавая птица даже не обратила внимания на людей. Вадим Федорович вспомнил, что в подаренной ему Павлом Дмитриевичем Абросимовым цветной книжке есть

фотография ворона, вцепившегося серыми мощными когтями в хребет водяной крысы с длинным голым хвостом... Зря Павел бросил охотиться с фоторужьем, у него явно есть талант натуралиста. Друг сетовал, что теперь только в отпуске снимает, а так времени нет. Еще бы, замминистра! Единственный из рода Абросимовых, достигший такого высокого поста...

Шагая по бору, Вадим Федорович и Виолетта чаще всего молчали, иногда нагибались за сыроежками, попадались и подосиновики, а чаще всего – черные грузди, которых они не брали. Бабушка Казакова, Ефимья Андреевна, не считала их за грибы, вот белый груздь – это другое дело! Белый груздь она называла царским грибом. Попадались они редко, потому что прятались в палой листве и мху очень хитроумно. Пройдешь мимо и ни за что не заметишь. Чтобы грузди собирать, нужен особенный нюх на них.

Виолетте нравилось собирать грибы, случалось, она клала в полиэтиленовую сумку и роскошные веснушчатые мухоморы, а потом выставляла их в ряд у домика на турбазе, вызывая нарекания Васильевны. И не лень же ей было всякий раз, когда они уплывали на лодке к другому берегу, приходиться к их домику и опухшими, с синими венами ногами в труху растаптывать под окном мухоморы.

На турбазе была общая кухня с газовой плитой, так что можно было поджарить грибы. Этим делом занимался Казаков. Виолетта с грибами раньше дела не имела. Вернувшись

из бора и пообедав под соснами, где стоял квадратный металлический стол с пластиковой столешницей, они отдыхали в домике с час, а потом брали удочки и ехали на лодке рыбачить. Рыбалка здесь была не ахти какая, видно, всю рыбу сетями выловили. Казаков видел, как Галкин вечером с «матросами» выставял у камышового берега сети. Один только раз Виолетте попалась на удочку приличная щука, но у самой лодки оборвала леску и ушла. Обычно часа за два-три они налавливали на уху или на сковородку жаренки. Рыбу жарила на постном масле Виолетта. Казакову нравилось смотреть, как она стояла у газовой плиты под навесом в своих джинсах и черной рубашке с закатанными рукавами, голова немного наклонена набок, гибкий стан изогнулся. У нее тонкая талия и высокие полные бедра, маленькое розовое ухо с золотой сережкой в виде полумесяца выглядывает сквозь волнистые золотые пряди. Перед отъездом из Ленинграда Виолетта хотела укоротить волосы, но Вадим Федорович взмолился, чтобы она этого не делала. Ему нравилось перебирать ее жестковатые и вместе с тем такие теплые и приятные на ощупь волосы. И как красиво они спускаются на спину! В Виолетте столько было женственности и грации, что Вадим Федорович мог часами смотреть на нее. Когда она одета, то кажется тоненькой, даже худощавой, но на пляже Виолетта другая – статная, с длинными полными ногами, крепкой грудью. Казаков ревниво перехватывал восхищенные взгляды мужчин. Виолетта ходила прямо, высоко держа голову, чуть

покачивая бедрами. Если она спешила, то создавалось впечатление, что вот-вот оторвется от земли и, раскинув руки, полетит... В лесу, спрятавшись за толстой сосной, он окликал ее. Виолетта сначала вертела головой, щурила глаза, потом выпрямлялась и, все убыстряя шаг и не глядя под ноги, спешила на его голос. А он не выдерживал и радостно смеялся.

– Тебе бы крылья, и ты не ходила, а парила бы над толпой, – как-то сказал он.

– Мне часто снятся сны, что я летаю над большим зеленым лугом, – ответила она. – И мне не хочется садиться на землю.

– Такие сны многим снятся, – сказал он. – Мне – обычно когда заканчиваю новую книгу. Только я летаю не над лугом, а почему-то над морем... И не всегда вижу вдали берег.

– И летчики летают во сне, – сказала она.

Они не устанавливали себе никаких сроков – до конца отпуска Виолетты еще далеко! – в любой момент могли собрать свои вещи, сесть в машину и уехать дальше; они наметили еще посетить Прибалтику и вернуться по Таллинскому шоссе в Ленинград. Но, поднявшись утром с кровати и увидев сквозь толстые сосны свежее синее озеро, бежали к нему умываться, потом шли в бор, обедали, отдыхали, садились в лодку и ехали в камышовую заводь рыбачить...

Так они прожили на турбазе «Медок» две недели. Дни стояли погожие, ни разу тучи не заволокли голубое безоблачное небо, вода в озере была теплой, а песок на пляже

чистый, золотистый, как волосы Виолетты. На третий день Казаков затосковал, сразу даже не мог сообразить, с чего бы это. Вдруг от безоблачного счастья без всякого перехода и хандра? И скоро понял: работа позвала! Когда Виолетта ушла на пляж с книжкой, Вадим Федорович вытащил пишущую машинку из чехла, поставил на шаткий металлический стол под соснами, вставил чистый лист бумаги и глубоко задумался. С дерева неслышно опустилась на стол раздвоенная сосновая иголка, с пляжа донесся чей-то громкий смех, потом шлепанье весел по воде. Знакомое состояние отрешенности от всего постепенно завладело Казаковым, он уже не слышал голосов, шороха ветвей над головой, щебетания синиц, кудахтанья кур в огороде – он видел перед собой глинистую дорогу с коричневыми засохшими лужами, по обеим сторонам скошенные поля, невысокие стога сена, зеленую, с оранжевой окаемкой кромку дальнего леса, волнующиеся на легком ветру кусты ольшаника, желтую с розовым полоску неба и тонкие пласты разноцветных облаков. По этой дороге они гуляли с Виолеттой. Как описать всю эту вечернюю предзакатную тишину? Как изобразить огромный ярко-красный шар усталого солнца, раскрасившего полнеба в разные цвета? И это состояние человека, созерцающего такую редкую красоту? Дома на пригорке, приткнувшись к стогу косилку с задранными вверх белыми зубьями? Раздвоенную одинокую березу, стоявшую посреди убранного поля? На березе сидит ворона и задумчиво смотрит на них. Другая бы пти-

да улетела при их приближении, но умная птица знает, что ей ничего не грозит. И Вадим, придерживая Виолетту за локоть, замедляет шаги, чтобы продемонстрировать перед птицей свое миролюбие. И вдруг в эту благословенную тишину врывается такой неуместный гулкой выстрел. Взрыв птичьего гомона, раскатистое эхо. Неужели кто-то выстрелил в молодых уток, гнездящихся в тростнике у противоположного берега?..

Все это так живо прошло перед глазами Вадима Федоровича, что он даже почувствовал запах пороха...

А в машинке торчал девственно-белый лист бумаги. Он по опыту знал: если надолго прервал работу, то снова войти в колею будет не так-то просто. А эту прогулку с Виолеттой по извилистой дороге меж убранных ржаных полей он обязательно опишет. И это изумрудное, с разноцветными шлейфами небо, и это набухшее красное, будто собравшееся расколоться, солнце, и причудливые облака, и предвечернюю тишину.

2

Николай Евгеньевич Луков шагал по навощенному паркету своего домашнего кабинета, на его полных, синеватых после бритья щеках вздувались желваки, бледно-голубые глаза превратились в колючие щелки. Кабинет был просторный – под него Луков оборудовал самую большую комнату в своей

трехкомнатной квартире. Один огромный письменный стол занимал весь угол у окна, выходящего в тихий каменный двор. На столе – гигантская, хрустальная с бронзой чернильница, купленная в комиссионном. Статьи Николай Евгеньевич шпарил сразу на пишущей машинке, правил шариковой ручкой. Похожую чернильницу он видел на столе у знакомого членкора. И не успокоился, пока подобную не приобрел себе. В чернильницу он складывал почтовые марки и скрепки.

Настроение Лукову с утра испортила заведующая Ирина Николаевна Липкина. Она позвонила и недовольным голосом сообщила, что главный редактор издательства устроил ей большой нагоняй и снова поставил в план роман Вадима Казакова. Оказывается, ленинградский писатель, получив отказ, написал директору письмо. Начальство ознакомилось с рецензией Лукова и признало ее тенденциозной и необъективной. Наверное, с полгода ему не стоит больше брать в издательстве рукописи на рецензирование...

Николай Евгеньевич сгоряча набрал номер телефона главного редактора и стал горячо отстаивать свою точку зрения, мешая роман Казакова с грязью, но главный, даже не дослушав, заявил, мол, и он и директор прочли рукопись и находят ее удачной: современная тема, молодежь, любовь, напряженный сюжет. Решили даже увеличить тираж...

Будто плюнули в лицо Лукову. Он не нашел, что возразить, и повесил трубку. Теперь, пока в издательстве будет

сидеть этот главный редактор, Луков не получит на рецензирование ни одной рукописи. Может, на главного куда-нибудь капнуть?..

Николай Евгеньевич подошел к окну, отодвинул нейлоновую занавеску. Мальчишки опять гоняют во дворе мяч. Однажды выбили на первом этаже стекло. Он машинально взглянул на телефон: позвонить участковому? Дурацкие вопли мальчишек раздражали. С верха пятого этажа они казались гномами, бессмысленно гоняющимися друг за дружкой. Луков вспомнил, как в детстве, в Клязьме, он с шестого этажа брызгал на прохожих тушью. И когда на белой рубашке или платье появлялись черные безобразные пятна, он радовался: тушь ведь ничем не выведешь! Один раз к ним пришел милиционер, которому пожаловались пострадавшие, но мать маленького Николаши даже расплакалась от такого чудовищного обвинения. Чтобы ее тихоня сын сделал такое? Да разве мало в доме живет хулиганов? А Николенька – отличник, имеет юношеский разряд по шахматам, дважды участвовал в областных соревнованиях... Милиционер извинился и пошел в другие квартиры, окна и балконы которых выходили на улицу...

Мяч с шорохом прыгал по асфальту, мальчишки вопили как ненормальные, а мысли Николая Евгеньевича приняли другое направление: он схватил со стола телефонный блокнот, нашел нужный номер и, усевшись в вертящееся финское кресло, набрал номер.

– Здравствуйте, Надежда Анатольевна, – мягким баритонном пророкотал он в трубку. – Вас беспокоит Луков... Статья? Да почти готова... Думаю, в четверг-пятницу принесу. Ну, может, чуть больше листа, вы ведь меня не ограничивали в размерах... Надежда Анатольевна, мне пришла в голову одна мысль: ну что я все хвалю и хвалю Роботова, «деревенщиков»... Может, стоит кого-нибудь и критикнуть для сравнения? Тут я читал рукопись... Вадима Казакова. Да нет, роман еще не вышел...

Заведующая отделом критики журнала резонно заметила, что если книга не вышла, как же ее можно критиковать? На это Луков сказал, что он читал ранее написанные романы Казакова и считает, что по ним смело можно пройтись...

Заведующая редакцией, кстати, старая знакомая Лукова, не возражала. Она слышала о Казакове, но ничего не читала ни о нем, ни его.

Повесив трубку, Николай Евгеньевич впервые за сегодняшний день улыбнулся. Открыл папку, где у него хранились ранее сделанные наброски, нашел заметки о старом романе Казакова, присоединил к ним копию рецензии, с которой не посчиталось издательство, поставил на стол портативную пишущую машинку, стоявшую на тумбочке в углу. Это удачная идея – вставить в почти готовую статью о выдающихся, на его взгляд, современных писателях критический разбор хотя бы двух книг Вадима Казакова... Так сказать, взлеты и падения в нашей прозе! Может, и дать такое назва-

ние? Полистав заметки, Николай Евгеньевич – а у него руки чесались сразу сесть за машинку – решил сходить в районную библиотеку и взять еще что-нибудь из произведений Казакова.

Библиотекарша, хорошо знавшая Лукова, заявила, что все книги Вадима Казакова на руках. А на последний роман – запись. Чертыхнувшись про себя, Николай Евгеньевич отправился в библиотеку при Доме литераторов на улицу Воровского. Небо было серое, затянутое дымчатыми облаками, вот-вот зарядит дождь. Из сумок и портфелей прохожих торчали ручки зонтов. Многие в плащах, лишь юноши и девушки еще щеголяли в летней одежде. Луков тоже надел синий плащ с блестящими пуговицами. На голове у него светлая мохнатая кепка. Из-за все увеличивающейся плешки приходится носить головные уборы даже в теплую погоду. На улице Воровского библиотекарша принесла ему единственную книгу Казакова. Она с интересом посмотрела на Лукова:

– А вы знакомы с Вадимом Казаковым?

– Вот знакомлюсь... – буркнул Николай Евгеньевич и, не попрощавшись, вышел из библиотеки.

На углу, на стоянке такси, он увидел чернобородого прозаика Вячеслава Ильича Шубина в модной куртке с капюшоном и молниями.

– А-а, Макиавелли! – заулыбался в бороду Шубин. – Я слышал, ты подал документы в приемную комиссию? Захотелось на вольные хлеба? Не рановато, Никколо?

Вячеслав Шубин был в приятельских отношениях с Алферовым, Монастырским, состоял членом многих литературных комиссий. От него многое зависело...

– Привет нашему классику, – улыбнулся и Луков, обеими руками пожимая пухлую короткопалую руку Шубина. – Читал в журнале вашу повесть. Глубоко вы копнули в Сибири! Какой колорит... В своей статье для журнала я упомянул вашу повесть. Язык – как у Вячеслава Шишкова...

– Я не хотел бы быть на кого-либо похожим, – помрачнел Вячеслав Ильич.

Луков, до этой встречи и не думавший упомянуть в статье Шубина, – признаться, повесть ему не понравилась, слишком уж раздражительна, не случайно с языка сорвался Вячеслав Шишков: именно ему бессовестно и подражал Шубин, – теперь решил во что бы то ни стало вставить похвальный абзац...

– Я ведь вас сравнил с классиком, а не с каким-то, например, Вадимом Казаковым, – осторожно вставил Луков. Он не знал, как тот относится к писателю.

– Носятся с этим Казаковым! – с досадой вырвалось у Шубина. – Куда ни приедешь на периферию, все спрашивают: почему Казаков не приезжает с вами на творческие встречи? А откуда я знаю, почему он прячется от читателей и писателей? Может, ты знаешь?

– Набивает себе цену?

– Цену себе набивают не так, дорогой Макиавелли, – рас-

смеялся Шубин. – Кому и знать, как не тебе. У нас ведь как? Если писателя ругают, значит, хороший, острый! Вас, критиков, теперь никто и в грош не ставит. Да и кто сейчас хорошо пишет о современной прозе? Назови мне фамилии! А-а, то-то и оно... Один мой хороший знакомый знаешь каким образом прослыл умным и проницательным человеком? Он обо всех без исключения говорил только плохое... И почти никогда не ошибался! Рано или поздно, как говорится, и ангел согрешит.

– Не умный он, ваш знакомый, а дурак, – возразил Луков. – Ругать всех без разбору глупо, и идиоту известно, что начальство не следует дразнить: оно больно клюется.

– Ты, конечно, дразнить не будешь...

Подошло такси, Шубин сунул ему пухлую ладонь и уселся рядом с водителем. В черной бороде его поблескивали серебряные нити, карие глаза хитро прищурились.

– Только смотри не сравнивай меня с Шишковым в своей статье... Уже один карикатурист нарисовал меня в «Литературке» вылитым автором «Угрюм-реки»... Разве я похож на Шишкова?

– Внешне или... вообще? – растерялся Луков.

– Я против тебя выступать не буду, – засмеялся Шубин. – Может, и пройдешь в Союз писателей... Только вот у тебя ни одной солидной монографии нет, могут и забодать... – Он остро взглянул в глаза критику: – А чего бы тебе, Никколо, не написать книжку обо мне, а? Сам знаешь, охотники

найдутся, я ведь тоже сейчас в силе... Ты подумай, старик! – Рассмеялся, помахал рукой, и такси уехало.

«А ведь он прав, черт бородатый! – глядя на высотный дом напротив, подумал Луков. – Провалят на приемной комиссии – все равно придется за книжку засесть... И почему бы не написать о Шубине?..»

Николай Евгеньевич повернулся и снова зашагал в библиотеку: нужно на всякий случай захватить и книги Шубина. Мужик он пробивной, член двух или трех редсоветов крупных издательств, поможет быстренько протолкнуть книжку о себе.

Библиотекарь за несколько минут подобрала ему все вышедшие за последние десять лет книги Вячеслава Шубина. И были они в отличном состоянии, потому что рука читателя почти не касалась их.

3

Обойдя кругом «ГАЗ-66-01», Андрей Абросимов покачал головой: за лето крепенько ему досталось! Правое крыло помято, краска на капоте местами содрана, одна фара разбита, не работает и задний фонарь. Видно, где-то колючей проволокой сбоку разодрало у стойки брезент. Работавший на машине паренек два дня назад был призван в армию. Чувствуется, что за машиной особенно не следил, вон сколько засохшей грязи налипло под крыльями! И как он ездил ночью с

разбитой фарой и без заднего фонаря?

Климовская райзаготконтора находилась на берегу большого, с пологими берегами озера. Прямо из окон видны были лодки с рыбаками, на другом берегу раскинулся садово-ягодный кооператив. Маленькие, похожие на скворечники, разноцветные домики карабкались на зеленый, с кустами смородины холм, повсюду – кучи песка, кирпича, необрезных досок. Андрей только подивился: чего это горожане вздумали так близко от дома строить крошечные дачки? Некоторым, очевидно, из окон многоэтажных домов можно увидеть как на ладони свой участок.

В Климове пожелтели старые липы на улицах, трава на берегу еще всю зеленела, а в камышах и тростнике у берегов бархатисто темнели шишки. Говорили, что на озере хорошо щука берет. Андрей особенно рыбалкой не увлекался, но, если бы попался подходящий компаньон с лодкой, не отказался бы на вечерней зорьке спиннинг покидать. В Климово он прибыл сегодня утром. Околыч – настоящая фамилия его была Гирькин – определил своего шофера на постой к старушке, жившей неподалеку от конторы. Ее неогороженный огород спускался прямо к озеру. Была и маленькая черная банька с поленницей дров. К старушке иногда забегала внучка Ксения, жившая с родителями в пятиэтажном доме в центре. Помогала по хозяйству, в субботу топила баню. Об этом рассказала новому постояльцу Мавра Егоровна – так звали хозяйку. В деревянном старом доме она отвела Андрею ма-

ленькую комнату с окном на озеро. Наверное, по утрам его будут будить утки, которые по тропинке сами ходят к озеру.

В конторе Андрея оформили на два месяца. Неделю они с Околычем поработают в Климове, а потом отправятся по районам области. Вот-вот начнется заготовка картофеля, поспевают и другие овощи, так что, как сказал Околыч, успевай только поворачиваться! Когда Андрей показал ему машину, Околыч тут же позвонил знакомому в «Сельхозтехнику» – тот пообещал все, что надо, сделать.

– Валяй к Новикову, – распорядился Околыч. – Возьми запчасти, которые смогут тебе понадобиться в командировке. Да не стесняйся – бери побольше.

– А документ?

– Это не твоя забота, – ухмыльнулся Околыч. – Потом все оформлю. Мы с кладовщиком Новиковым знакомы не первый год!

И действительно, завскладом без всяких возражений выдал Андрею все, что тот попросил, даже комплект инструмента. Подогнав «газон» к берегу, Андрей принялся за ремонт. Покопаться в технике он любил, да и опыт был изрядный – как-никак он шофер второго класса. На любительское удостоверение он сдал еще в десятом классе, а профессиональные права получил в армии – там он научился водить танк, вездеход, многотонный тягач.

День стоял пасмурный, но дождя не было. С озера тянул ветер, он рябил свинцовую воду, шуршал в тростнике. Шиш-

ки просыпали коричневый пух в воду. Домашние утки плескались у самого берега. Слышно было, как на том берегу визжала электрическая пила, стучал топор. И всякий раз ему откликалось эхо. Волна негромко плескалась в травянистый берег. Рыболовы замерли на плесе, их черные лодки оцетинились бамбуковыми удочками. Низко пролетела чайка, за ней две вороны. Неожиданно они одновременно спикировали на воду и пропали за камышом.

Андрей вынул из гнезда помятый рефlector, отсоединил контакты, винты и гайки аккуратно складывал в банку изпод салаки, которую предварительно вымыл.

Прилаживая новую фару, вспомнил свой разговор с заведующим кафедрой журналистики Владимовым Петром Осиповичем. Он зашел к нему за справкой, что является студентом последнего курса.

– Не мог еще год потерпеть? – упрекнул завкафедрой, еще нестарый человек с короткой прической, молодившей его. Он повертел в руках заявление Абросимова о переводе его на заочное отделение, медленно порвал на четыре части и обрывки бросил в плетеную корзину в углу кабинета. – Так и быть, я разрешаю тебе пройти практику в климовской районной газете...

– Я зачислен в райзаготконтору, – вставил Андрей. – Что-то напоминающее «Рога и копыта».

– Ладно, пойду на преступление: дам тебе направление на практику досрочно – наши студенты поедут в феврале, а ты

уж постарайся, напиши несколько очерков. А после практики не за горами и диплом... Как тебе в голову-то пришло соваться ко мне с этим дурацким заявлением? Не буду же я из-за блажи, ударившей тебе в голову, отчислять с последнего курса своего лучшего студента?

– Я напишу несколько очерков о райзаготконторе! – осенило Андрея. – Только бы напечатали.

– Только не в стихах, – улыбнулся завкафедрой.

Все устроилось самым наилучшим образом: Андрей остается на курсе, проходит журналистскую практику в Климове, потом защита диплома, госэкзамены, и прощай, университет! Когда он сообщил об этом родителям, отец ничего не сказал, а мать даже расплакалась от радости. Она считала, что диплом заочника меньше стоит, чем диплом студента дневного отделения...

Перед отъездом Андрея в Климове отец сказал:

– Почему бы тебе не поехать на Байкал или в Антарктику? Твой друг Петя Викторов влюблен в север.

– Так это Петя, – улыбнулся Андрей.

– Райзаготконтора... – помолчав, заметил отец. – Может, ты и прав. Мы чаще всего рвемся куда-нибудь вдаль, а то, что у нас под носом, не замечаем.

– Моим начальником будет некий Околыч, – рассказал Андрей. – Он мне показался на редкость интересным типом. Он заявил, что деньги, мол, валяются у нас под ногами, но не каждый умеет их увидеть и подобрать.

– А он, Околыч, видит?

– И на земле, и под землей... Он ведь заготовитель. Его интересует все, что растет наверху и в земле.

– Жулик?

– Держится уверенно, все в Климове его знают, говорят, с ним не пропадешь.

– Вот только на кого он работает? – сказал отец. – На себя или на государство?

– Я это и постараюсь выяснить, – пообещал Андрей.

– Боюсь, сын, тебя надолго не хватит... – напоследок сказал отец. – Расстанется с тобой Околыч!

– Почему? – удивился Андрей.

– Видишь ли, почти всем Абросимовым свойственно чувство обостренной справедливости, отчего многие твои родственники и пострадали. А этот Околыч, судя по всему, дедец... Сможешь ли ты стерпеть обман, несправедливость, воровство?

– Я – журналист, – ответил Андрей. – И чтобы понять истоки зла, наверное, стоит и самому залезть в эту выгребную яму по уши.

– Я бы сейчас не смог, – сказал отец.

– Я попробую, – улыбнулся Андрей.

Привинтив фару и поставив задний фонарь, Андрей при помощи молотка и нескольких чурок из поленицы, как смог, выровнял вмятину на крыле, потом подкрасил зеленой краской, которую тоже прихватил на складе. Бабка Мавра

дала ему дратвы, сапожную иглу и шило – покойный муж ее сапожничал, – и Андрей наложил на разодранный брезент квадратную заплатку. Теперь машина выглядела нормально. Хорошо, что паренька-шофера призвали в армию, – там его быстро научат порядку, – еще бы полгода, и он окончательно доконал бы «газон».

Услышав какое-то звяканье, Андрей поднял голову и оглянулся: мимо по тропинке к озеру с пустыми ведрами на коромысле прошла невысокая пухленькая девушка в коротких брючках и синей водолазке. В рыжих волосах у нее черная лента, завязанная смешным бантиком. За девушкой бежал кривоногий щенок с лохматыми ушами. Набрал воды, она понесла ведра к бане Мавры Егоровны. Андрей сообразил, что это и есть ее внучка Ксения. На вид лет шестнадцать. Чуть сгибаясь под тяжестью коромысла, она мелко семенила короткими ножками, не глядя себе под ноги. Когда она прошла мимо, наверное, в пятый раз, Андрей сказал:

– Может, помочь?

– Раньше надо было, – бойко ответила она. – Да вы и не сумеете на коромысле.

– Давай попробую. – Андрей подошел к ней, снял с плеч коромысло с ведрами.

Действительно, с непривычки половину ведер он выплеснул себе на брюки и туфли, пока донес до бани. Девчонка шла рядом и поучала:

– Нужно ногами-то семенить и чуть нагнуться вперед, то-

гда не будет брызгать.

«Вот, значит, почему она крутила задом! – улыбнулся про себя Андрей. – Тут, оказывается, тоже есть свои секреты...»

Он попробовал пройти так же, как ходила с коромыслом она, и вода сразу перестала выплескиваться. Девчонка засмеялась:

– Как смешно вы ходите! Как моя бабушка, когда уток загоняет с озера домой.

В черной продымленной бане в печь был вмазан широкий, луженный изнутри чан, в углу стояла выщербленная, проржавевшая по краям ванна, в которую заливали холодную воду. Ксения ловко затопила печку, подложив к поленьям свернувшуюся в трубку бересту. В бане пахло дымом и сухими березовыми вениками. Андрей представил себе горячий сухой жар, шумный выхлоп из жерла каменки, когда туда подбросишь полковшика кипятка, и себя на черном дощатом полке с размоченным веником в руках...

– Пустишь помыться-то? – спросил он сидевшую на корточках перед печкой девчонку.

– Мойтись, жалко, что ли. – Она пожала плечами. – Воды хватит. Можно еще в ведрах оставить в предбаннике.

– А веники есть?

– На чердаке, – кивнула на черный потолок Ксения.

Когда пламя забушевало в печке, они вышли из дымной бани. Андрей присел на ступеньках, а девушка прислонилась к высокой березе, широко раскинувшей свои ветви над кры-

шей. К стволу был приколот сенокосившимся скворечником.

– Наша баня вот-вот развалится, – заговорила Ксения. – Вот у Околыча баня! Не баня, а дворец! Там и русская, и сауна, и холл, где отдохнуть можно. Даже медный самовар есть. Как кто из начальства приезжает в Климово, так их привозят попариться к Околычу.

– Где же его баня? – окидывая взглядом берег, поинтересовался Андрей.

– На даче, это отсюда пятнадцать километров. Там красивое лесное озеро и народу мало.

– И он ездит каждую субботу? – удивился Андрей.

– А чего ему! – улыбнулась Ксения. – У Околыча две дачи, две машины и даже есть собственный трактор...

– Ты что мне сказки рассказываешь? – не поверил Андрей. – Он ведь не падишах какой-нибудь, а всего-навсего обыкновенный заготовитель.

– Дача его на озере, дача тещи в Никулине, «Жигули» дочери Розы и его собственная «Волга»... А вы видели его дом на том берегу? Два этажа, семь комнат и самая лучшая в Климове голубятня.

– Как же ему все это удалось-то?

– Надо уметь жить... – явно повторила чьи-то слова Ксения.

– Может, он и меня научит? – с улыбкой взглянул на нее Андрей.

– Мой-то Васька ничему у него не научился, – вздохнула девушка. – Разве что пить...

– Околыч еще и пьет?

– У него норма – полтора стакана, и больше ни капли, а Ваське только дай... Не знает меры, дурачок!

– Васька – это мой предшественник? – кивнув на машину, стоявшую на берегу, спросил Андрей.

– До работы в райзаготконторе выпивал, но никогда не терял головы, – рассудительно продолжала Ксения. – А как стал ездить по району с Околычем, явилась лишняя деньга – и пошло-поехало!

– То-то он машину запустил, – посетовал Андрей. – А мне теперь на ней до самой зимы пахать!

– Когда ему было машиной заниматься? – усмехнулась девушка. – С утра продерет глаза – и за руль, а к вечеру уже пьяный.

– Как же Околыч его держал?

– Другого-то не было. Они ведь по месяцу мотались в глубинке. А Вася – хороший шофер, когда трезвый. Вообще-то, Околыч его не раз строго отчитывал, но у них такая работа, что без бутылки никак... Да сами скоро увидите!

Ксения пошла в баню, подложила поленьев, в березовых ветвях запутался густой пахучий дым, с недовольным криком сорвалась с дерева сизоворонка. Над головой, оглушительно грохоча, низко прошел желто-голубой вертолет, длинная раскоряченная тень летела впереди. С озера слы-

шались гулкие шлепки валька о белье – там на дощатых кладях согнулась полная женщина в белой кофте и высоко подвёрнутой юбке. Солнечный луч, растолкав серые комки, вырвался на волю, рассек озерную гладь на две засеребрившиеся половины, розовым высветил на том берегу стволы сосен.

– Как вас звать-то? – спросила девушка. – Меня – Ксения.

Но руки не протянула. Андрей сказал.

– Скажите, Андрей, – глядя на него небольшими светлыми глазами, спросила девушка, – его там отучат пить?

– В армии-то? – рассмеялся Андрей. – Как пить дать отучат... – Сказал и поймал себя на том, что, пожалуй, нехстати употребил фразу «как пить дать».

Затуманившиеся грустью глаза Ксении повеселели. Она куснула мелкими острыми зубами нижнюю губу. Только сейчас Андрей заметил на ее белом лбу и пухлых щеках множество маленьких веснушек. Нос у нее был широковат книзу, а на круглом подбородке – ямочка. Только что познакомились, а ему казалось, что он давно ее знает. Отчего это? От обычной ее облика? Он вспомнил Марию Знаменскую... Вот она ни на кого не похожа! В ее глаза можно смотреть и читать мысли. И они у девушки чистые, возвышенные. На Марию можно во всем положиться, она не обманет, не предаст, а что может быть ценнее этого качества? Мария проводила его на поезд, не обращая ни на кого внимания, крепко поцеловала и потом шла рядом с вагоном, пока пассажирский не набрал скорость... Всего несколько дней, как они расстались, а он

уже скучает...

Андрей в двадцать лет, несколько раз обжегшись на девушках, не то чтобы охладел к ним, но стал относиться с некоторой настороженностью. Поначалу он видел их в навеянном книгами романтическом ореоле. Относился как к существам нежным, слабым, нуждающимся в мужской защите. Он и в школе не раз вступался за одноклассниц перед мальчишками, из-за чего и прозвали Арамисом. Ребята почему-то считали, что из всех мушкетеров лишь Арамис был рыцарем в отношении женского пола. Однако, повзрослев, Андрей понял, что действительность несколько иная, чем он предполагал: современные девушки не считали себя слабыми существами, а, наоборот, проявляли в жизни скорее мужские качества – твердость характера, целеустремленность, напор и даже нахальство. Конечно, в силу прошлых традиций, если это было выгодно, девушка могла и прикинуться слабой, беззащитной, как мадам Щукина из чеховского рассказа «Беззащитное существо». В наше время девушки в большинстве случаев сами выбирают себе парней, а если ошибаются, то не колеблясь отвергают их. А эта мода одеваться в мужское, коротко стричься, пить вино, курить? Да и крепкое словечко запросто может сорваться с языка. Поняв, что современные девушки ничего общего не имеют с воспетыми воздушными героинями Вальтера Скотта, Фенимора Купера, Андрей стал и относиться к ним по-другому.

Мария Знаменская... Возможно, романтизма в ее натуре

и не было, но вот женственности, понимания его, Андрея, искренности и способности к самопожертвованию он ни у кого больше из знакомых не встречал, разве что у сестры Ольги... Не зря же многие – Оля и Мария сами в этом признавались – считают их несовременными. А Андрею как раз это больше всего в них и нравилось...

Что-то было общее в характерах Марии Знаменской и вот этой веснушчатой Ксении... Может, искреннее переживание за близкого человека? Желание помочь ему? Почему ему, незнакомому парню, девушка вдруг открылась, поведала о своей тревоге за любимого человека? Другая могла бы и скрыть все это в себе, а встретившись с другим парнем, и вида не подать, что у нее кто-то есть, тем более что этот кто-то уехал за тридевять земель... И он, Андрей, обычно трудно вступающий в контакт с девушками, так непринужденно заговорил с ней...

– У Околыча в ходу такая фраза: «Сам живи и давай жить другим...» – прервала его размышления девушка. – Сам-то он хорошо устроился, катается как сыр в масле, говорит моя бабушка... А вот другим почему-то плохо! Вася никогда столько не зарабатывал, как с Околычем, а деньги не пошли ему впрок: все пропил, да и неприятности были с ГАИ – чуть прав не лишили.

– Вернется твой Вася из армии другим человеком, – сказал Андрей.

– Я тоже в это верю.

Сейчас, присмотревшись вблизи к девушке, Андрей подумал, что ей, пожалуй, уже восемнадцать, не меньше.

– Мы решили пожениться, когда он демобилизуется, – сказала Ксения. – Он предлагал прямо сейчас, но я решила, что лучше потом...

– Правильно решила.

– Вы думаете, он не вернется? – взглянула она ему в глаза.

– Я так не думаю, – ответил он..

– В будущем году я заканчиваю училище кулинарии, – продолжала девушка. – Зимой будут распределять, я попрошусь в ту местность, где служит Вася. Может, даже к ним в часть устраюсь... – Она поднялась со ступенек: – Надо еще дров подложить! Знаете, сколько нужно баню топить, чтобы была парной? Два-три часа, а зимой – четыре.

Решив, что нитролак на крыле и капоте подсох и теперь пыль не пристанет, Андрей тоже поднялся: ему еще нужно в контору за путевками и авансом. Надо заскочить в спортмаг и купить спальный мешок – мало ли где придется ночевать. Выезжают завтра в шесть утра – так сказал Околыч.

– Приходите, Андрей, через два часа! – высунувшись из бани, крикнула Ксения. – Первый пар – ваш!

– Не забудь в шайке замочить березовый веник, – улыбнулся Андрей.

Вадим Федорович и Виолетта завтракали у своего домика, когда к ним подошел Захар Галкин. Присев на чурбачок, почесал корявым пальцем бугристый нос, пожелал приятного аппетита. Роста он был невысокого, но под ситцевой, с растянутым воротником рубашкой угадывались крепкие мускулы. Галкин рассказывал, что когда-то был нападающим футбольной команды.

– Беда у меня, – понурился, сообщил он.

– С женой поругался? – улыбнулся Вадим Федорович.

– Я с ней каждый день ругаюсь, вернее, она меня, как жучок-древоточец, точит и точит... А тут вон чего придумала: взяла и отравила мою любимую собаку. Сначала я думал, заболел мой Байкал: не ест, только воду лакает да траву щиплет, как овца. Потом гляжу, все хуже и хуже, а ночью залез в сарай к поросятам и околел на полу. Я бы и не знал, что это дело рук Васильевны, да из чашки Байкала петух поклевал остатки и тоже в одночасье загнулся. Вот какие дела творит моя сволота Васильевна!

Байкал был крупный лохматый пес из породы терьеров. С ним любили фотографироваться отдыхающие. Из черной курчавой шерсти весело поблескивали умные коричневые глаза, лай у Байкала был раскатистый, басистый. Обычно он сидел на привязи у скотника, за которым начиналась пасека,

а когда спускали, то не спеша обходил все домики, как бы приветствуя гостей, и каждый находил для него угощение. Огромный пес аккуратно брал из рук, кивал лохматой головой и удалялся под ближайший куст, чтобы там спокойно закусить. Спускала его с цепи Васильевна два раза в день – в обед и вечером, когда отдыхающие готовили ужин. Дело в том, что жадная женщина летом не кормила собаку, рассчитывая, что той всегда перепадет от отдыхающих. Вот почему породистому псу приходилось дважды в день совершать обход домиков. Просить подачку, как это свойственно дворняжкам, он не умел: подходил к порогу, негромко рычал и, помахивая обрубком хвоста, весело смотрел из курчавых зарослей в глаза, будто приглашал поиграть. Пес очень понравился Виолетте, да и Вадим Федорович подружился с ним, несколько раз брал с собой в лес. Байкал понимал все команды, охотно приносил брошенную палку, лез за ней даже в воду, по команде лаял, ложился, садился. Галкин рассказывал, что черного терьера оставил ему артист, отдохавший несколько лет назад на турбазе. Артист разошелся с женой, нужно было уезжать на юг на съемки нового фильма, вот и согласился отдать собаку Захару. Каждый год приезжал на турбазу навестить своего любимца Байкала. Должен приехать и в этом году...

– Почему вы решили, что Васильевна отравила его? – спросила расстроенная Виолетта.

– Мне совхозный зоотехник недавно привез крысиной

отравы, – стал рассказывать Захар. – Крысы завелись в хлеву и крольчатнике, до чего обнаглели! Двух крольчат сожрали ночью! Ну я и стал подсыпать отраву по углам, а банку Васильевна подальше спрятала, чтобы ненароком куры не склевали... А вчера она понесла ведро с помоями пороссятам, да что-то замешкалась у огорода, а Байкал все и сожрал. Ну Васильевна тут и взвилась: мол, жрешь, как свинья, а толку от тебя ни на грош! Как от козла, ни шерсти, ни молока. Она и раньше на него косилась: дескать, накладно такую громадину держать, особенно зимой, когда народу тут мало... Взяла отравы из банки и подсыпала Байкалу в миску... – Галкин всхлипнул, вытер заслезившийся глаз. – Жалко пса... И потом, что я теперь скажу артисту? Он ведь деньги Васильевне давал на содержание собаки, да и всякий раз привозил с собой еду для него.

– Как же это она смогла такое? – покачал головой Казаков.

Много он разных людей повидал на своем веку, но таких, как Васильевна, вроде бы не встречал. Из-за ведра помоев отравить породистую, причем чужую, собаку, на кормежку которой даже деньги даны.

– Убивается тоже, – заметил Галкин.

– По Байкалу? – спросила Виолетта.

– По петуху, – ответил Захар. – Сама его мясо боится есть, заставляет меня кому-нибудь продать из отдыхающих...

– Спасибо, что предупредили... – усмехнулся Вадим Федорович.

– Разведуся с ей! – вдруг взорвался Галкин. – Дети взрослые, у них у самих уже семьи, ну что я буду мучиться с такой стерьвой? Давеча Байкала отравила, а потом, чего доброго, и меня? Не раз уже грозилась спровадить на тот свет!

– Ты и сам подохнешь, ежели будешь так пить, – произнесла появившаяся из-за домика Васильевна. – У кролей пустые кормушки, а он тут расселся... – Она перевела взгляд на Казакова: – Опять налили ему? Сейчас же убирайтесь отсюда, покуда сама ваши вещи не выкинула из домика! И права вы тут не имеете никакого проживать.

– Дождешься, Васильевна, что я тебя заместо отравленного Байкала посажу в будку на цепь! – храбро заявил Захар. И даже с чурбака вскочил. – И что у тебя за вредная привычка из-за угла подслушивать? Раз мылись с мужиками в бане, тут в деревне рядом, так час торчала под окном и подслушивала, про что мы там толкуем! И ноги больные, а тут держат...

– Чья бы корова мычала, а твоя молчала, – прошипела Васильевна и, неожиданно проворно шагнув вперед на своих толстых ногах-бревнах, наотмашь хлестнула жирной ладонью мужа по лицу. И раз, и другой.

Тот пошатнулся, схватился за щеку, глаза его побелели от бешенства, Казаков думал, что он сейчас разъяренным вепрем кинется на жену, но он только смачно сплюнул и хрипло уронил:

– Да разве ты баба? Правильно сказал один отдыхающий: ты есть «оно». Злоба и жадность родились раньше тебя. И

зачем ты живешь на белом свете? Эх ты, ошибка природы! –
Еще раз сплюнул и ушел.

Васильевна, будто окаменев, таращила на Вадима Федоровича и Виолетту тусклые злобные глаза, беззвучно шлепала толстыми красными губами. Вся ее расплывшаяся, бесформенная фигура выражала сильнейшее негодование.

– «Оно»... – задумчиво произнесла Виолетта. – Довольно метко, ты не находишь, милый?

Это было сказано таким тоном, словно они были вдвоем. Виолетта, не опускаясь до ругани, нашла, как откровенно выразить свое полное презрение к этой чудовищной бабе.

– Пойдем искупаемся, дорогая, – поддерживая ее игру, ответил Казаков.

– Выпишу! Убирайтесь, чтобы вашего духу... – визгливо неслось им в спину.

Но они, обнявшись и смеясь, быстро стали спускаться к озеру. Уже отплыв от берега на середину, Виолетта повернула к Вадиму загорелое, с блестящими глазами лицо:

– Говорят: хороший человек, плохой человек, но Васильевна – это чудовище! Отравить такую замечательную собаку! И из-за чего? Из-за ведра помоев!

– Чудовище – это среднего рода, как и «оно», – ответил Вадим Федорович. – Знаешь, девочка, мне захотелось отсюда уехать... И сегодня же.

– Мне тоже... – эхом откликнулась Виолетта и, быстро заработав руками, поплыла к берегу. Длинные золотистые

волосы облепили ее шею, плечи, будто водоросли на течении извивались рядом.

Глава пятая

1

«ГАЗ-66-01» медленно ползет по выбитому, с блестящими лужами проселку. На убранных полях скирды соломы, иногда попадаются ровно подстриженные, будто под гребенку, поля. Посередине возвышаются сложенные кипы спрессованного сена. Здесь поработала специальная техника, которая косит траву, сама прессует в ровные кипы и связывает вдоль и поперек проволокой. А потом из этих блоков и составляются гигантские пирамиды.

Середина октября. Почти все деревья желто-розовые, да и лес поредел, стал просвечивать насквозь. В нем полно грибов – волнушек, сыроежек, подберезовиков, в бору встречаются и белые, но Андрею Абросимову и Околычу, который сидит рядом с ним в кабине, не до грибов: сейчас самый разгар заготовки картофеля, клюквы. Конечно, если кто предложит сушеных грибов, Околыч с удовольствием возьмет, а сырые и соленые его не интересуют: с ними много мороки, нужны крепкие бочки с доньшками, да и доставлять их в райцентр нужно как можно быстрее, а картофель и клюква не испортятся. За полтора месяца Андрей хорошо изучил все методы и приемы своего начальника. Конечно, Околыч в

своём деле виртуоз! Тут уж ничего не скажешь! Любого обведет вокруг пальца, но в общем-то на него не обижаются. Одно дело – самому везти в распутицу картофель на заготовпункт, другое – прямо из подвала ссыпай ведрами в кузов машины. Ну а если что лишнего и перепадет заготовителю, так это не беда! Урожай нынче хороший, свой картофель с огородов все сельские жители охотно продают государству. Щедро женщины сыплют на весы клюкву... Когда кузов полный, Андрей везет сельхозпродукты в Климово. Там разгрузятся на приемном пункте, переночуют – и снова в путь. Околыч говорит, нужно ковать железо, пока горячо, и еще любит повторять, что дорога ложка к обеду... И надо отдать ему должное, работает от зари до потемок. Совсем Андрея загонял. А шофер у него и за грузчика, и за помощника, и за виночерпия, потому что при покупке у населения продуктов всегда может понадобиться спиртное. Для таких случаев Околыч в Климове берет у знакомой продавщицы сразу пару ящичков можжевелевой настойки. Она дешевле водки, а ударяет в голову ничуть не хуже. И одно дело – поднести знакомому колхознику стакан подорожавшей водки – этак разоришься! – а другое – стакан дешевой можжевелевки.

Околыч в синем костюме, при галстуке, вот только брюки заправлены в резиновые болотные сапоги: в туфлях тут не походишь! Каждое утро бреется, от него и сейчас пахнет одеколоном. Волосы у Околыча напоминают терновый венец на голове: вокруг выющиеся кустики, а посередине плешь с

хорошее блюдо. Синие выбритые щеки немного наползают на тугой воротник накрахмаленного воротника светлой, в полоску рубашки, крупный нос расширяется книзу, толстые красные губы часто складываются в добродушную улыбку. Когда Околыч разговаривает с народом, он всегда улыбается, густой голос его приветливо и убеждающе рокошет. Обычно почти никто с ним не спорит, что он скажет, то и делают. А уговаривает Околыч мастерски! Один мужик в глухой деревне ни за что не хотел продавать картошку, ссылаясь на старуху, которая велела придержать до зимы, а потом, дескать, на колхозном рынке они возьмут за нее в три-четыре раза больше. Околыч мигнул Андрею, мол, тащи бутылку, и принялся толковать мужику с ословелыми глазами и помятым лицом, – как оказалось, тот вчера на поминках у соседа перебрал, – что до осени картошка может сгнить в яме или померзнуть, прогноз обещает суровую зиму, и потом нужно везти ее куда-то, значит, за доставку шоферу платить, да и на рынке еще неизвестно, какая сложится конъюнктура, картошки-то нынче завались...

Мужик слушал, согласно кивал и клевал носом, но сразу оживился и даже в глазах появился блеск, когда Андрей поставил на стол бутылку. Околыч налил мужику полный стакан, себе плеснул самую малость. Андрею и предлагать не стал: уже убедился, что того и под расстрелом не заставишь выпить. Скоро разговор принял желательный для Околыча поворот: мужик после второго стакана согласился продать

не четыре мешка, как просил Околыч, а двенадцать... Старуха пару раз заглянула в избу, где они сидели за столом, но, услышав громкий голос мужа: «Хто тут хозяин? Я иль ктой-то другой?! Бери, Околыч, двенадцать мехов, и никаких гвоздей!» – ушла и больше не появлялась.

Мешки хозяева не отдавали, и картошку мерили ведрами, которые одно за другим опрокидывали в весело грохочущий кузов. Ведра у Околыча были особенные, скорее всего сделанные на заказ, потому что в каждое влезало картофеля на два килограмма больше, чем в обычное. Случалось, сдатчики ошибались в количестве высыпанных ведер, тогда Околыч, стоявший с блокнотом у машины, быстро подсказывал цифру – этак ведер на пяток в свою пользу. С ним не спорили. При такой его солидной внешности разве мог кто подумать, что заготовитель мухлюет? Андрей вскоре убедился, что сельские жители очень доверчивые и во всем полагались на солидного представительного Гирькина, олицетворявшего собой саму государственность. И Околыч пользовался этим вовсю. Многих он знал, а его просто все знали. В какую бы деревню они ни приехали, тотчас мужчины и женщины выходили из домов и приветствовали заготовителя, уважительно называя его Околыч.

За полтора месяца работы только один раз у шофера произошла короткая стычка со своим начальником. Первая и последняя. Уже на пути в Климово Гирькин велел остановить машину у убранного картофельного поля. Это было в

дождливый серый день, когда дорогу развезло, а холодный ветер швырял в лобовое стекло мокрые красные листья.

– Доставай лопаты! – скомандовал Околыч, вылезая из кабины. Он был в зеленом дождевике с капюшоном.

– Кажется, мы не застряли? – удивился Андрей.

– Надо малость разогреться, – ухмыльнулся Гирькин, беря лопату в руки. – Заверни сзади брезент.

Андрей привязал ремнем брезент, а Гирькин стал швырять лопатой в кузов прямо на картофель мокрую черную землю с поля. Видя, что шофер тарачит на него непонимающие глаза, весело сказал:

– С полчасика поработаем – и дальше!

– Мы же возем картошку на приемный пункт, – все еще туго соображая, что происходит, заметил Андрей. – Что нам там скажут?

– Ничего не скажут, – хохотнул Околыч. – Приемщик свой человек. Давай-давай поработай!

– Пойду лучше посмотрю, нет ли поблизости грибов, – буркнул Андрей и зашагал прочь от машины.

Бродя по сквозному перелеску и не глядя под ноги, он размышлял: может, стоит сегодня же заявить в милицию, что за штучки выкидывает Околыч? Ладно, обмалывает людей со своими ведрами, а тут ведь не пять – десять килограммов, пожалуй, не меньше тонны накидает песку! И все это на весы. По дороге от тряски земля перемешается с картошкой – никто и не заметит. Не обязан ведь заготовитель мыть

картошку? Или принимать только чистой? Какую сдают, ту и берет...

Когда Андрей вернулся, Гирькин работал в одной рубашке, на лбу и лысине выступил крупный пот. На краю поля образовалась порядочная яма. Воткнув лопату в землю, Околыч отер со лба пот рукавом, изучающе посмотрел на шофера. И во взгляде его не было злости или раздражения, скорее – сожаление.

– Зеленый ты еще, ленинградец, – сказал он. – Поживешь на нашей грешной земле с мое – поумнеешь!

– Помогать вам в таких делах я не буду, – твердо ответил Андрей. – Я ведь говорил вам, что заканчиваю в будущем году университет... Отделение журналистики. И вы не бойтесь, что я напишу фельетон про вас?

– Не боюсь, Андрюша, – улыбнулся Околыч, отчего толстая нижняя губа отвисла треугольником. – Во-первых, никто твой фельетон не напечатает, во-вторых, фактов у тебя маловато. Ну кто подтвердит, что я набросал в кузов землю? Свидетелей-то нет? То-то и оно, борзописец! И потом, я есть мелочь. У нас сейчас есть умельцы, которые миллионы хапают! Вот тут на днях писали, как в одном южном городке поймали с поличным крупную шишку, читал? Так на двух дачах и в гаражах нашли столько всякого добра, что и внукам бы на всю жизнь хватило! Одних денег больше миллиона... Вот получишь диплом, ленинградец, и валяй разоблачай вору и расхитителей народного добра, которые куда рангом

повыше нас, грешных!

Отдохнув и выговорившись, Гирькин еще несколько минут кидал землю в кузов. Потом заглянул туда, удовлетворенно хмыкнул и швырнул поверх лопату.

– Сегодня ты, Андрюша, работаешь со мной последний день, – добродушно сообщил он, когда они тронулись. – Я к тебе всей душой, а ты вон как обошелся со мной! «Фельетон напишу...» Сам понимаешь, зачем мне на машине согляда-тай? Я люблю работать без оглядки...

– Воровать, – ввернул Андрей.

– Делать деньги, – поправил Околыч, ничуть не обидевшись. – Вот сколько ты за фельетон получишь, если вдруг напечатают? Червонец? Двадцатник? А у меня ты бы еще за месяц заработал четыре куска. Такие-то дела, правдолюбец! Не за тот ты конец, парень, хотел ухватиться. Надо брать повыше, чем я, а повыше – силенок у тебя не хватит! Думаешь, мало журналистов-зубров хотели бы прославиться? Да вот что-то не пишут про тех, кто хапает у нас больше всех. А ты подумал – почему?

– Почему же?

– Сверху стали сквозь пальцы смотреть на все наши безобразия... – философствовал Гирькин. – А где образовалась дырка, туда и лезут крысы и грызуны помельче. А тут не дырка образовалась, а взяли да самую дверь в закрома распахнули: хватай, кто хочет! Налетай, не робей, ничего не будет! И хватают все кому не лень. Рабочие тягают с предприятий,

даже название им придумали – «несуны», кто повыше – хватают прямо из банка, как тот самый начальничек, что деньги называет бумагой. А они и есть для него бумага, потому что он их не зарабатывает, как я, трудом и потом, – вон лопаткой помахать не брезгую, – а просто берет сколько нужно, и вся недолга... Так что, Андрей Абросимов, лучше закрой свой клюв и не каркай на меня... Ты думаешь, весь навар идет мне в карман? Куда там! С замначальника надо поделиться, инспектору тоже на лапу положить, да вот даже шофера не желаю обидеть... А сколько коньяку приходится выставлять на даче, когда отцы-кормильцы отдохнуть ко мне пожалуют! И каждому нужно угодить, каждый должен быть довольный, а вкусы у всех разные, и потребности, и запросы... Пока в силе – не дадут меня в обиду, а погорит кто – нового нужно заново обрабатывать... Хлопотливая у меня работенка, Андрей! Говорю, я есть мелочь пузатая... – Он хохотнул и похлопал себя по объемному животу: – Брюхо-то у меня и впрямь солидное, а делами вот занимаюсь мелкими, ничтожными...

«И грязными!» – подумал Андрей, глядя на поблескивающую мутными лужами разбитую дорогу. За спиной, в прыгающем кузове, земля с шорохом просыпалась на дно. Он вспомнил, как они неделю назад с Околычем приехали в норковый зверосовхоз. Еще за километр потянуло зловонным запахом гниющих отходов животного происхождения. Директор совхоза встретил их как дорогих гостей, распорядился, чтобы накормили обедом, и христом богом просил Гирь-

кина вывезти горы костей с территории совхоза. Даже в закрытое помещение проникал дурной запах.

– Шкурку норки дашь? – то ли в шутку, то ли всерьез сказал Околыч, но, заметив, что директор сразу помрачнел, рассмеялся: – Да я шучу, Анисим Иванович, знаю, что у тебя не выпросишь ни одного хвоста! А кости нынче же вывезем, не сомневайся!

Два рейса сделали они в совхоз за костями, которые, воротя нос в сторону, загружали в кузов рабочие. Директор жал им руки, благодарил, а Околыч на этой операции положил в карман триста рублей. Еще не опасаясь Андрея, он сам похвастался ему...

Нагревал Гирькин и женщин, сдававших ему клюкву. Старые ободранные весы, которые они возили с собой, «грешили» по желанию хозяина от трехсот граммов до килограмма. А клюква стоила недешево! Расплачивался Околыч наличными, сдатчики расписывались в составленных им ведомостях. Деньги брал по разрешению районного банка из магазинов, как он говорил, «снял кассу». За можжевелевую настойку платил из собственного кармана, сокрушаясь, что нет в его ведомостях такой статьи дохода или расхода, по которой можно было бы ее списать...

При окончательном расчете в конторе Гирькин протянул в коридоре Андрею две полусотенные сверху.

– Бери-бери, Андрей, пригодятся, – улыбнулся он. – Поживешь с мое – поймешь, что пока у нас деньги – сила. А

туалеты из золота будем строить при коммунизме, если доживем...

– Я вам и так благодарен за науку, – в ответ улыбнулся тот. – Вы сами говорили, что наука стоит дороже денег.

– Моя наука тебе, гляжу, не впрок, – покачал большой головой заготовитель.

– Как сказать...

Деньги он не взял, чем искренне удивил Гирькина.

– Я ведь от чистого сердца, – сказал он. – Поработали мы неплохо, и вообще ты мне приглянулся, а то, что мы не сошлись во взглядах на некоторые вещи, так это ерунда на постном масле... Я уже стар, чтобы меняться, а ты...

– Я, пожалуй, сообщу в милицию про ваши дела, – решил-ся Андрей. – Думаю, вас по головке не погладят!

– Иди сообщай, – кивнул головой Околыч, и ничто в его лице не дрогнуло, разве что в глазах появился холодный блеск. – Иди прямо к начальнику, выложи ему всю подноготную... Такой, мол, Гирькин, этакий! Очень начальник удивится...

Начальник милиции не удивился, он, сидя за письменным столом, угрюмо смотрел на Андрея и молчал, пока тот рассказывал про злоупотребления Околыча. Иногда поглаживал трубку черного телефонного аппарата и кивал кудрявой головой, будто соглашаясь. Но первый вопрос, который он задал Андрею, поставил того в тупик.

– А какие у вас, молодой человек, доказательства? – спро-

сил он.

– Весы, ведра, картошка в кузове...

– Гирькин – третий калач, и, пока вы мне тут рассказывали, он весы привел в порядок, ведра заменил, а для того, чтобы перебрать на складе картошку и отделить ее от земли, наверное, нужно объявить общегородской субботник...

– Так что же, все так и сойдет ему с рук?

– Вы первый, кто заявил на Гирькина, – продолжал начальник милиции. – Ни одной жалобы к нам не поступало от колхозников и деревенских жителей.

Андрей подумал, что разоблачить Околыча и впрямь было бы не так-то просто. Когда он подал машину на весы, приемщик даже не заглянул в кузов, а груз потянул на тонну больше, чем было на самом деле картофеля. Две бутылки можжевелевой быстро перекочевали в карманы приемщика. Когда стали ссыпать картошку в бункер, то песок уже не так сильно бросался в глаза. А потом, очень удивив Андрея, приемщик и сам взобрался в кузов и стал лопатой сбрасывать слежавшийся песок в бункер. Приемщику тоже нужен был такой вес, который обозначен в квитанции. Сдавая машину, Андрей обнаружил в инструментальном ящике под бортом машины двухпудовую чугунную болванку. Он и не заметил, как ее туда подложил хитроумный Околыч...

– Я напишу про него в вашу газету, – сказал Андрей.

– Думаете, в газете не потребуют от вас доказательств? – заметил начальник милиции. – Наш редактор – человек осто-

рожный...

Наверное, начальник милиции позвонил в редакцию, потому что редактор районной газеты, хотя и сделал заинтересованное лицо, явно знал, зачем пожаловал Андрей Абросимов.

– Пишите, – сказал он, выслушав того. – Это будет фельетон или статья?

– Еще не знаю, – ответил Андрей.

Глядя в ускользящие глаза редактора, он подумал, что вряд ли его фельетон увидит свет. Или редактор ему не верил, или не хотел связываться с Гирькиным. Да и начальник милиции, видно, настроил его против, заявив, что доказательств у Андрея нет.

– А не кажется вам, что фактики-то очень уж мелкие? – провожая его до дверей кабинета, сказал редактор. – Ну, заденем мы Гирькина, а другой на его месте, думаете, будет лучше работать? Люди-то не жалуется на Околыча? Наоборот, довольны, благодарят его... Возьмите хоть директора норкового совхоза.

– Надо вагонами воровать, чтобы были крупные факты? – не выдержал Андрей, вспомнив про рассказы Околыча о жуликах.

– О чем сейчас говорить? – пожал плечами редактор. – Вот напишете фельетон или корреспонденцию...

– А вы не напечатаете, – прервал его Андрей. – Вот потому околычам и вольготно живет на белом свете, что их никто

не трогает!

Нехороший у него остался осадок от разговора как с начальником милиции, так и с редактором. Чужой он для них, а Гирькин свой, климовский... И наверное, они хорошо знакомы, может, тоже бывают с приезжим начальством у него на даче, млеют в сауне и наслаждаются пивом и раками в холле...

* * *

Как и в день приезда его в Климово, была суббота, и Ксения таскала на коромыслах в баню ведра с водой. Моросил мелкий дождь, девушка была в куртке и резиновых ботах. Андрей уже собрал в сумку вещи, уехать в Ленинград из Климова было нетрудно: тут часто ходили поезда, даже скоростные. Русская баня ему нравилась, он решил перед отъездом попариться. Отобрал у девушки ведра, наносил в баки воды, а она тем временем затопила печку. У крыльца лежала куча напиленных дров, он взял колун и принялся колоть сосновые и березовые поленья. Ксения, моргая заслезившимися глазами, вышла из бани, оттуда потянул едкий дым.

– Когда дождь, сразу никогда не затапливается, – пожаловалась девушка. – Пока разгорится, все глаза дымом выест.

Андрей взял почерневшую мокрую фанерку, открыл дверцу с тлевшими поленьями и стал махать, раздувая огонь. Защищало глаза, но пламя скоро загудело.

– Ура-а! Пробило пробку! – крикнула Ксения. – Дым из трубы повалил...

С ветхого крыльца было видно неприветливое озеро, над ним колыхался разреженный туман. Несколько рыбацких лодок смутно чернели вдали. Рыболовы были в плащах с капюшонами на головах. На деревянных кладях блестело кем-то забытое цинковое ведро. Рядом плавали утки. То одна, то другая ныряли, и тогда казалось, что в воду воткнулся большой белый поплавок.

– Василий прислал, – с улыбкой протянула Андрею фотографию девушка.

Рядовой Василий был снят во весь рост в новенькой форме. Высокий стройный парень с задорно вздернутым носом и самоуверенным взглядом.

– Орел, – улыбнулся Андрей, возвращая фотографию. – Что пишет?

– Сначала было очень трудно, а теперь ничего, даже получил от командира благодарность за отличную стрельбу.

– Ну вот видишь, – заметил Андрей.

– У меня отпуск через месяц, – продолжала Ксения. – Поеду к нему. Как раз у них и карантин кончится.

– Артиллерист?

– Ракетчик, – с гордостью сказала девушка. – Может, и правда в армии человеком станет... – Она сбоку посмотрела на Андрея: – А чего вы уезжаете? Обычно Околыч с шофером ездит до ноябрьских праздников.

– Не сошлись характерами...

– Гирькин шоферов не обижает, – заметила девушка. – Если бы мой Васька не пил, мог бы заработать на мотоцикл. Он так мечтал купить «Яву».

– Ксения, Василий ничего тебе не рассказывал про дела-делишки Околыча? – спросил Андрей.

– Он в дела не вникал, делал все, что Гирькин говорил, а за это каждый вечер получал бутылку можжевеловой...

– Гляжу, у Околыча слабость к можжевеловке! – усмеялся Андрей.

– Это водка или вино?

– Настойка, но довольно крепкая.

– Вася сказал, что Гирькин за сезон выколачивает для себя до десяти тысяч рублей... Врет, наверное?

– Один лишь Околыч знает, сколько положил в свой карман.

– Когда в ноябре составляет отчет для заготконторы, всех из дому прогоняет и сидит в своей комнате по трое-четыре суток со счетами и бумагами. К нему никто тогда не заходит. А как составит отчет, так потом никакая ОБХСС не придерется! У него все по полочкам разложено, все подписи собраны, квитанции подшиты, как говорил Вася, комар носа не подточит.

– Да-а, землю, которую он лопатами накидал в кузов, к отчету не пришьешь... – задумчиво заметил Андрей.

– Какую землю? – вскинула на него удивленные глаза де-

вушка. – Про землю Вася ничего не говорил.

– Это я так... – не стал вдаваться в подробности Андрей. – Вовремя твой Вася в армию ушел...

– А что? Мог бы погореть?

– Сколько веревочка ни вейся, а быть концу, – сказал Андрей.

– А кто сейчас не ворует? – пожала плечами Ксения. – Мой отец – он работает на мебельной фабрике – рассказывал, что со склада целую стенку украли... А книжные полки почти в открытую под мышкой через проходную несут домой.

– Все смешалось в доме Облонских... – думая о своем, проговорил Андрей.

– Чего это вы вспомнили «Анну Каренину»?

– Читала?

Ксения обидчиво надула губы, посчитав такой вопрос оскорбительным, однако долго сердиться не умела – подложив в печку дров, снова уселась на шаткое крылечко и стала смотреть, как Андрей ловко раскалывал чурбаки. Он ставил кругляк на серую, иссеченную топором плаху, с размаху одной рукой раскалывал, не давая упасть, подхватывал свободной рукой две половинки, соединял их и снова опускал колун. За два маха он раскалывал чурку на четыре равные части.

– Городской, а дрова вон как здорово колете! – подивилась Ксения. – У вас ведь там паровое отопление?

– По-твоему, если появилась машина, то зачем человеку ноги? – усмехнулся Андрей, с треском раскалывая очередную березовую чурку.

– Полтора месяца прожили у нас и не завели девушку? – любопытствовала Ксения.

– Откуда ты знаешь? – покосился на нее Андрей.

– Околыч говорил, что первый раз ему попался такой странный шофер: не пьет, не курит и за девушками не бегает...

– Хорошо это или плохо?

– Не знаю... – задумчиво покачала головой девушка. – Конечно, хорошо, когда у человека нет недостатков, но с другой стороны...

– Что же с другой стороны? – подначил Андрей.

– Жить рядом с таким человеком – это то же самое, что пить дистиллированную воду...

Андрей опустил поднятый колун, внимательно посмотрел на Ксению:

– Это ты сама придумала?

– А что, я произвожу впечатление провинциальной дурочки?

– Да нет, в твоих словах что-то есть... Выходит, если человек правильно живет, он уже и неинтересен?

– Я что-то слишком уж правильных давно у нас не видела, – вздохнула Ксения. – Может, они все живут в больших городах?

– Каждый человек должен быть таким, каков он есть, а не подражать другим, не перенимать чужие недостатки, – горячо заговорил Андрей. – Мне не нравится пить, и те люди, которые меня упрекают, мол, не компанейский ты парень, мне противны. Примитивны они, Ксения, как амебы... И потом, дурное перенимается гораздо легче, чем хорошее. Ведь куда легче быть середнячком, чем передовиком на производстве. Одно дело – с трудом вытягивать норму, а другое – выдать за смену две! И не верь, когда осуждают в школе отличников: мол, зубрили и все такое. Это говорят лентяи, которые неспособны себя заставить по-настоящему заниматься...

– У нас в училище кулинарии тоже не любят отличников, – улыбнулась девушка.

– Околыч говорит, мол, все воруют, теперь ты об этом же... Почему все? Я не ворую. Думаю, что и ты не воруеть. А твой отец? Твоя бабка?

– Мой отец – секретарь парторганизации мебельной фабрики, – с гордостью сказала Ксения. – Он как раз борется с этим злом.

– А говоришь, все воруют...

Расколов толстую чурку, Андрей присел рядом с Ксенией на верхнюю ступеньку. Черные брови его сдвинулись на переносице, серые глаза потемнели.

– Я читал, что в средние века даже за мелкое воровство человеку отрубали руку, да и у нас было время, когда за килограмм украденного зерна или муки людей надолго сажа-

ли... – задумчиво заговорил он. – Я был в северных деревнях – там и сейчас дома не запирают. Прислоняют палку к двери, дескать, хозяина нет дома... Воруют-то ведь государственное! Упаси бог, в квартиру залезут воры! Шуму на весь город, всю милицию поднимают на ноги, возмущаются, плачут... Как же, украли-то свое, собственное. Выходит, свое воровать нельзя, а государственное можно? Судя по тому, как рассуждает Околыч, воровство у государства и за воровство-то считать нельзя?

– Мой папа так же, как ты, говорит, – сказала Ксения.

– Говорит... – зло вырвалось у Андрея. – И я говорю, а наверное, нужно что-то делать. Околыч тоже осуждает бесхозяйственность, был бы, говорит, в стране порядок – не было бы и воровства. И потом ссылается на каких-то жуликов, которые у государства миллионами хапают...

– Папа требовал, чтобы директор мебельной фабрики отдал под суд троих воругов, но тот перевел их в другой цех, сказал, что не стоит из-за пустяка поднимать шум на весь город... – вспомнила девушка.

– А если бы у вашего директора эти люди квартиру ограбили? – глянул на нее гневными глазами Андрей. – Сам за шиворот приволок бы их в милицию. Потребовал бы сурового суда и немедленного возмещения ущерба!

– У нас в Климове квартиры не грабят... – улыбнулась Ксения.

– До чего же въелась в сознание людей эта чудовищная мо-

раль: хватай государственное, тащи домой, продавай за полцены – все одно никому до этого нет никакого дела! – разошелся Андрей. – И все это от безнаказанности! Я мог бы Околыча к стенке припереть, так у него здесь уйма защитников! В обиду не дадут, а меня на смех поднимут, мол, молокосос порочит нашего заслуженного хозяйственника... Околыч это знает и потому никого не боится...

– Все хотят жить спокойно... – вставила девушка.

– За государственный счет, да? Закрывай глаза на воровство, тебя тоже не обидят? Тот же твой Околыч толкует: мол, не все деньги пойдут ему – нужно и с начальством поделиться...

– Почему мой Околыч? – обиделась Ксения.

– Да ну его к дьяволу!

Андрей вскочил со ступеньки, схватил колун и принялся с остервенением колоть дрова. Девушка какое-то время наблюдала за ним: высокий, широкоплечий, он держал в руках тяжелый колун как пушинку. Толстые чурбаки разлетались с первого удара, больше он их не подхватывал рукой. Темная прядь волос спустилась на бровь, твердые губы сжаты, глаза сузились.

«Странный парень, – подумала девушка. – Рассердился, будто у него у самого что-то украли...»

Она не ошиблась: у Андрея и впрямь было такое чувство, будто его нынче обокрали и вываляли в грязи.

«Негодяй! Подонок! Как он смел?! – стуча каблуками модных сапожек по тротуару, гневно размышляла Оля Казакова. – Лысый губошлеп! Сначала посмотрел бы на себя в зеркало, а потом руки распускал!..»

Прохожие оглядывались на стройную девушку в темно-коричневом кожаном пальто с блестками дождевых капель на пышных, льняного цвета волосах, спускающихся на плечи. Ее карие глаза сердито сверкали, пухлый рот сжался, стал совсем маленьким, а круглый упрямый подбородок воинственно выдавался вперед. Острые каблуки высоких сапожек выбивали частую дробь на асфальте. Оля с пунцовыми щеками пулей выскочила из киностудии и, даже не застегнув верхнюю пуговицу длинного пальто, поспешила прочь. На улице стояла обычная в это время года ленинградская погода: низкое серое небо, холодный ветер с Финского залива. По мокрому асфальту с шипением проносились машины, слышалось журчание тощих струек из водосточных труб. Вроде бы и дождя нет, а лицо, волосы, одежда – все влажное.

Кировский проспект в городе один из самых оживленных, машины идут сплошным потоком, прохожие скапливаются у переходов, чтобы, когда загорится зеленый светофор, перейти на другую сторону. Повсюду на перекрестках и площадях стоят милиционеры в белых ремнях и перчатках. Приучают

беспокойных и нетерпеливых ленинградцев к переходу улиц только по сигналу зеленого светофора.

Немного остыв на улице, Оля снова прокрутила в голове все то, что только что произошло в павильоне, где маститый кинорежиссер Александр Семенович Беззубов снимал какой-то эпизод своего нового фильма...

Все началось со звонка Михаила Ильича Бобрикова. Он мягким, ласково рокочущим баритоном пожурил, что она совсем его позабыла, обещала осенью позвонить, но увы... А вот он помнит ее, даже больше того, договорился со своим старым приятелем кинорежиссером Беззубовым, чтобы он попробовал Олю на главную роль в фильме, сценарий для которого написал его друг – известный писатель. Бобриков дал понять, что раз кругом приятели, то для Оли получить главную роль не представит большого труда. О встрече Михаил Ильич не заикнулся, дал домашний телефон Беззубова – Оля несколько раз видела его в институте, куда часто заглядывали кинорежиссеры и другие киношники, подыскивая нужные им типажи, – и велел немедленно позвонить ему. Оля позвонила, и режиссер назначил на сегодняшнее утро встречу в павильоне. Ради этого она сбежала с занятий. Пропуск забыли выписать, пришлось звонить с проходной, спрашивать, как найти Беззубова. Скоро появился и он сам. Грузный, седой, правда, волос у него не так уж и много осталось, лишь одни кустики над ушами да серебряные колечки на шее. Розоволицый, толстогубый, улыбающийся, он, оки-

нув помещение зорким взглядом, сразу направился к ней, взял под руку и спокойно провел мимо охранника, даже не взглянув в его сторону.

Пока снимался эпизод, шел один дубль за другим, Оля скромно сидела в сторонке и внимательно смотрела на декорации и актеров, выполняющих одно и то же, наверное, в десятый раз. Беззубову что-то не нравилось, он покрикивал на помощников, подбегал к актерам и, жестикулируя, что-то вдалбливал им. Артисты тупо его слушали, чувствовалось, что все устали и всем надоело делать одно и то же. Один раз у Беззубова сорвалось с языка крепкое словечко, но никто и ухом не повел, будто так и нужно, лишь молодой помреж с длинными вьющимися волосами метнул на Олю веселый взгляд.

Наконец Беззубов объявил перерыв, мотор умолк, погасли юпитеры, артисты и остальной персонал потянулись к высокой двери павильона. Беззубов еще минут пять что-то негромко втолковывал оператору, похлопал его пухлой рукой по плечу и тоже отпустил. Только после этого повернулся к девушке.

– Поля? – с улыбкой спросил он.

– Оля, – ответила та.

– Никогда с первого раза не запоминаю имена, – добродушно развел он руками.

Оля вспомнила, что точно такую же фразу, произнесенную таким же тоном, она слышала от преподавателя театро-

ведения. Он часто это повторял первокурсникам, путая их имена.

– Вы давно знаете Михаила Ильича? – спросил он.

«Какое это имеет значение?» – подумала Оля.

– Я хотела бы узнать, что за роль... – начала было она, но Беззубов замахал руками, заулыбался:

– Сразу и роль... погоди, голубушка, дай посмотреть на тебя, познакомиться... Кажется, он прав, Михаил Ильич, в тебе... – Беззубов легко перешел на «ты», наверное, даже этого и не заметил, – есть что-то, бесспорно есть, но... Пройдись-ка, голубушка, вон до той декорации! – кивнул он на дальнюю стенку. – Держись свободно, как это говорится, раскрепостись, ты же будущая актриса... Ну что ж, походка у тебя плавная, ноги красивые, шейка лебединая... – В его голосе появились бархатные нотки. – Вот грудь только малость подкачала... Маленькая, девичья, а моя героиня уже знает, почему фунт лиха... – Он жирно хохотнул.

– Грудь? – растерянно произнесла Оля, глядя на него. Впервые с ней так вольно обращались, будто на собачьей выставке...

– М-да-а, – оттопырил толстые красные губы Александр Семенович, – а у Михаила Ильича губа не дура...

– Я не понимаю, о чем вы! – вырвалось у девушки. Беззубов все больше и больше ей не нравился. Она вспомнила, что Ася Цветкова, снявшаяся уже в двух кинокартинах, правда в маленьких ролях, говорила, что режиссер на площадке царь

и бог, все смотрят ему в рот и упаси бог, если кто не выполнит его указания или возразит! Такое позволялось лишь самым знаменитым, заслуженным...

– Ты, конечно, поешь, танцуешь, играешь на каком-нибудь инструменте? – будто не слыша ее, спрашивал Беззубов.

– На пианино, – ответила Оля. А пояснять, что она училась в музыкальной школе с пятого класса, не стала.

– Роль, Полечка, в моем новом фильме очень даже выигрышная, после нее можно и в дамки прыгнуть, то есть стать известной...

– Меня звать Оля, – сказала она, покусывая нижнюю губу, что у нее являлось признаком закипавшего гнева.

«Чертов боров! – подумала она. – Имя запомнить не может... А что, если он просто надо мной издевается? К чему-то все время приплетает Бобрикова...»

– Хочешь стать знаменитой артисткой? Чтобы твои цветные фотографии юноши на стенки наклеивали? – продолжал Беззубое. – Кино – великая штука! Из г... может сделать конфетку!

– Я не люблю, когда при мне такие слова произносят, – сказала Оля.

– А ты мне нравишься! – расхохотался он. – Молодец, не лезешь в карман за словом! Уж прости меня, пожилого человека...

«Старика толстогубого...» – подумала она.

– За день так тут намаешься, что не до прекрасной сло-

весности. Кстати, доктора утверждают, что сдерживать в себе в нашем возрасте отрицательные эмоции опасно, лучше почаще отпускать клапан... – Он снова басисто хохотнул и вдруг посерьезнел: – Я, конечно, могу попытаться из тебя сделать если, скажем, не звезду кинематографа, то хотя бы звездочку... Но для этого нам обоим нужно будет очень и очень постараться!

Оля подумала, что не слишком уважает Михаила Ильича режиссер, если позволяет себе с ней такой тон. И приходится терпеть, ведь пришла сюда по протекции... Два года назад, когда к ней, школьнице, на улице подошел помощник кинорежиссера и пригласил на телефильм, никто так с ней не разговаривал, наоборот, относились с вниманием, терпеливо учили свободно держаться под яркими лампами осветительных приборов, благодарили за каждую съемку. И часто отвозили на киносъёмочной машине домой. А сейчас этот губастый старик смотрит на нее, как барышник на лошадь: улыбнись, повернись, пройдись...

– Я в одном телефильме уже снялась, – сочла нужным сообщить Оля. Назвала фильм и режиссера.

– Дерьмовый режиссер, – презрительно скривил толстые губы Беззубое. – И фильм дерьмовый... Ему у нас не доверяют снимать художественные картины, вот он и подхалтуривает на телефильме.

Фильм действительно получился серым, но услышать об этом от Беззубова было неприятно. Тем более так отозвался

о своем коллеге – режиссере. Кстати, все отмечали, что Оле роль удалась, об этом даже в рецензии написали, хотя в общем фильм разругали.

– Ты в лесу совершенно одна, – вдруг понизив голос, крадчиво заговорил Александр Семенович. – Собираешь грибы, кругом высокие сосны, под ногами седой мох, в котором прячутся боровички... – Он развел руки, будто отстранил от себя ветви, и шагнул к Оле. – Неожиданно перед тобой появляется мужчина. Он явно под хмельком, в глазах у него похоть... Мужчина неумолимо приближается к тебе... Тебе страшно, никого рядом не видно, сердце стучит в груди, ноги слабеют... Что ты будешь делать? Только соображай быстрее – ну что ты чувствуешь? Какое твое первое движение? Убежать ты не можешь, кричать бесполезно... Ну, ну?!

Беззубое еще сделал два крупных шага к девушке, неожиданно облапил ее толстыми руками, прижал к себе – Оля почувствовала запах одеколона и пота – и впился в ее губы своими горячими мокрыми губами. В следующее мгновение Оля, сжав кулачки, больно толкнула его в жирную грудь, потом изо всей силы наотмашь ударила ладонью по лицу.

– Ублюдок! Негодяй! – выкрикнула она.

– Это ты мне? – опешил он.

Вытерев рукавом рубашки губы и глядя с отвращением на Беззубова, она сказала:

– Первая реакция... А если бы этот подонок продолжал и дальше, я ему оба глаза бы выцарапала...

– Это же игра... – озадаченно пробормотал режиссер, потирая покрасневшую щеку.

– Конечно, – улыбнулась Оля. – Иначе бы я закричала, и вся бы студия сюда сбежалась.

– Реакция у тебя, конечно, хорошая, а вот грудь, голубушка, маловата для героини моего фильма, – с мстительной ноткой в голосе произнес Беззубое.

– Надеюсь, Михаил Ильич подберет вам подходящую телку, – сказала Оля и, не попрощавшись, с горящим лицом и сверкающими от гнева глазами выскочила из павильона.

Минут десять она плутала в длинных коридорах студии, пока не добралась до гардероба. Сначала ей стало смешно, когда она вспомнила круглое, с багровой щекой лицо режиссера, потом еще больше разозлилась. И на себя, что пошла на студию, и на Бобрикова, пославшего ее туда, и на жирного Беззубова. Ее передернуло от отвращения, она достала из сумочки платок, побрызгала на него из флакона духами и тщательно вытерла лицо... Да, собственно, ничего особенного и не произошло: режиссер экспромтом провел с ней сцену встречи подонка с девушкой в лесу... Но она-то видела, какие у него при этом были глаза, как его толстые волосатые лапы ощупывали ее тело, а эти мокрые губы... Бр-р! Ася Цветкова рассказывала о своих любовных приключениях с юмором, как будто в этом ничего особенного нет. А приключений у нее хватало.

В институт Оля успела на последние две лекции. Староста

выразительно посмотрел на нее, но ничего сказать не успел, так как зазвенел звонок. Делая вид, что внимательно слушает преподавателя, Оля машинально чертила в конспекте профили Немировича-Данченко, Станиславского и самого лектора в коричневых роговых очках. Сидящая рядом Ася Цветкова с любопытством поглядывала на подругу, у нее так и вертелся на языке вопрос: мол, как там, на студии? Оля упорно делала вид, что не замечает ее красноречивых взглядов. Ася выше Оли, у нее короткая прическа, широко поставленные, чуть раскосые глаза с покрашенными ресницами, большой чувственный рот, всегда ярко напомаженный. Она принадлежала как раз к тому типу современных девушек, который не нравился Бобрикову: плечи шире бедер, какая-то мальчишеская угловатость во всей фигуре. И вместе с тем Ася симпатичная, особенно обаятельная у нее улыбка. Киношники говорили, что у нее очень характерное, фотогеничное лицо. И давали ей маленькие эпизодические роли простушек.

После лекции они зашли на Литейном в маленькое кафе «Гном». Народу в это время здесь было мало.

– Не томи душу, Олька, рассказывай, – не выдержала Ася. – Дали тебе главную роль? Пригласили на пробы?

– Режиссер сказал, что у меня маленькая грудь, – улыбнулась Оля.

– Кретин! Где у него глаза? – рассердилась Ася. – У тебя классическая грудь... Я слышала, что этот боров обожает

толстух.

– Пять минут поговорили, и он полез, толстогубый урод, целоваться, – продолжала Оля. – Как для дурочки разыграл какой-то детский эпизод: встреча в лесу с насильником...

– Это на него похоже!..

– Я залепила ему по толстой физиономии пощечину...

– Ну ты даешь, Олька!

– Но каков Бобриков-то? – думая о другом, сказала Оля. – Не знаю, что он наговорил про меня этому Беззубову... Кстати, что бросается в глаза в его лице, так это губы: красные, толстые, мокрые... Фу! Гадость!

– Оленька, с твоим характером не сниматься тебе в кино, – заметила Ася, отхлебывая из маленькой фарфоровой чашечки горячий кофе.

– По-твоему, я должна была изобразить покорную селянку? Опуститься на мох?.. Тьфу! На пол?..

– Кинорежиссера по физиономии... – покачала головой подруга. – Я такого еще не слышала!

– Реакцию мою он похвалил... – улыбнулась Оля.

– Беззубов – очень влиятельный человек на студии...

В окно ударил порыв ветра, задребезжало стекло. Буфетчица из стеклянной банки засыпала в кофейный агрегат зерна. Машина с чавканьем поглощала их, от нее поднимался к потолку легкий пар. Приятный запах молотого кофе вдруг напомнил Оле жаркое лето, колышущиеся и гудящие от пчелиного звона зеленые поля, над которыми медленно плыли

белые облака... Из всех времен года она больше всего любила лето.

– Я стояла перед ним в павильоне, а он рассматривал меня... – стала рассказывать Оля. – И мне вдруг пришло на ум, что он хозяин, а я раба на невольничьем рынке, которую покупают... Очень, я тебе скажу, неприятное ощущение.

– Начинать, Олька, всегда трудно, об этом пишут в своих мемуарах все знаменитые артисты театра и кино. Зато потом, став популярной звездой, актриса диктует свои условия...

– Ты имеешь в виду на Западе?

– Не думаю, чтобы Беззубов, например, разговаривал с Гурченко или с Симоновой так же, как с тобой.

– Знаешь, я впервые пожалела, что выбрала эту профессию, – призналась Оля.

– Не принимай все так близко к сердцу, – сказала Ася. – Ты – актриса, и тебе всю жизнь придется играть...

– И в жизни, и на сцене? – улыбнулась Оля. – Я как-то над этим не задумывалась.

– А как твой роман с дядей Мишей Бобриковым? – припомнила подруга. – Разве это не игра? Не строила бы ему глазки, не поощряла его интерес к себе, он бы не решился приударить за тобой. Это была игра в жизни. Впрочем, все мы, девчонки, со школьной скамьи играем в придуманную нами любовь, о которой не имеем никакого представления... Сколько у меня было романов! Но по-настоящему я еще не любила никого. Понимаешь, Олька, нет у меня уважения к

мужчинам. Они тоже артисты – играют с нами, чего-то придумывают, пудрят мозги, добиваются своего и скоро охлаждаются. Извечная игра мужчин и женщин. И я даже не знаю, кто выигрывает. По-моему, и мы и они в конечном счете остаемся в проигрыше.

– От твоей философии хочется волком выть, – вздохнула Оля.

Она вспомнила свои разговоры на эту тему с братом. Он тоже не очень-то верил в большую красивую любовь... до встречи со Знаменской. Что бы Ася ни толковала, а у Андрея и Марии – настоящая любовь. Стоит брату пальцем поманить – и Мария хоть на край света прибежит к нему. И он на все готов ради нее. Домой ни одного письма не прислал из Климова, а Марии – четыре! Вернувшись оттуда – он всего и побыл-то дома две недели, – снова подрядился в какое-то автомобильное агентство по дальним перевозкам грузов. Получил огромную машину с серебристым прицепом-холодильником. Туда грузят продукты, овощи, вешают пломбы, и кати по стране в другую республику. Он уже два рейса сделал. Говорил, что работа интересная, как журналист он тут много чего для себя почерпнет...

Мария Знаменская, пропустив неделю в университете, была с ним в одной поездке. Оказывается, в машине есть даже подвесная кровать для отдыха. После той поездки на грузовике в Андреевку Мария полюбила ездить на тяжелых машинах. А рефрижератор, который получил Андрей, по

комфортабельности мало чем уступает «Жигулям». Там есть приемник, Андрей с собой взял портативный магнитофон. В общем, Мария вернулась из длительной поездки довольная, хотя ей здорово влетело от родителей...

За соседний стол уселись два парня в модных финских куртках. У одного на безымянном пальце посверкивает красивый золотой перстень, у второго на руке японские часы с зеленоватым циферблатом. Они заказали кофе, по бокалу шампанского. Пока буфетчица щелкала блестящими рукоятками, готовя напиток, парни осмотрелись и, не найдя более достойного объекта, принялись глазеть на девушек.

– Крутые мальчики, – улыбнулась Ася. – Сейчас предложат и нам шампанского...

И действительно, тот, что с перстнем, поднял согнутую в локте руку и сказал:

– Привет, девочки! На улице дождь, а здесь уют и праздник... У моего приятеля сегодня день рождения, не поднимете с нами по бокалу в честь столь радостного события?

– Язык у малого хорошо подвешен, – негромко проговорила Ася. – А именинник будто воды в рот набрал!

– Не улыбайся им! – ущипнула подругу за ногу Оля. – У меня нет никакого настроения еще с кем то сегодня знакомиться.

Но говорливый парень уже попросил буфетчицу, чтобы она принесла бутылку шампанского и апельсинов. И показал на стол девушек.

– Ты как хочешь, а я выпью, – заявила Ася. – Все-таки у человека праздник, и нечего его омрачать твоим кислым видом. Беззубов – дерьмо, но нельзя же и всех других мужчин считать барахлом?

Парни пересели за их стол, представились: говорливого звали Валерием, именинника – Никитой. Первый сразу же стал проявлять знаки внимания Асе, а Оля и Никита помалкивали.

– Сама судьба нас направила сюда, – болтал Валерий. – Идем по Литейному, и вдруг будто что-то меня толкнуло в бок: мол, ребята, зайдите в «Гном»! Мы зашли и видим двух прекрасных девушек... Никита, скажи хоть слово! – повернулся он к приятелю.

– Мне двадцать семь, – сказал Никита и боязливо посмотрел на Олю.

– Двадцать семь! – воскликнул приятель. – И до сих пор трепещет перед девушками, как осенний лист на ветру.

– Зато вы, Валера, чересчур смелый, – заметила Ася Цветкова. – И говорите красиво.

– У вас такой вид, будто вы что-то потеряли, – в упор посмотрел Валера на Олю.

– Вы недалеко от истины, – помимо своей воли улыбнулась та.

– Моя подруга потеряла веру в мужчин, – сказала Ася.

– А я – в женщин, – неожиданно громко произнес Никита и отвернулся к окну. В отличие от приятеля, он мало обра-

щал внимания на новых знакомых.

– Выходит, вы два сапога – пара, – рассмеялся Валерий.

– Оля, тебя сравнили с сапогом, – пыталась расшевелить подругу Ася. – Сейчас же потребуй, чтобы Валера извинился.

– Меня сравнивали кое с чем и похуже... – снова вспомнила о Беззубове Оля.

– Оленька, вы – чудо! – подарил ей веселый взгляд Валера. – Я могу и на колени перед вами встать.

Оля решила, что выпьет свой кофе и уйдет. Асе вроде бы по душе пришлась эта компания, но ей тут сидеть надоело. Болтовня Валеры утомляет, а в глазах мрачного Никиты и впрямь разочарование и пустота. Наверное, от него девушка ушла... Не радуется парня и день рождения.

Валера выложил, что он работает в «Интуристе», правда, не уточнил кем, а Никита – автослесарем на станции технического обслуживания. Сегодня у обоих выходной, да еще такое событие...

Валера – невысокий брюнет с короткой челкой над серыми улыбчивыми глазами. Лицо у него острое, треугольная челюсть, на самом кончике носа – красное пятнышко, будто сосудик лопнул. Никита выше его, шире в плечах, волосы у него длинные, налезают на уши и сзади на воротник черной куртки. Подбородок тяжелый, с ямкой посередине, глаза светлые с голубизной, рыжеватые ресницы короткие. Когда говорил Валерий, он поворачивал к нему голову и вни-

мательно смотрел тому в рот, будто изумляясь, как оттуда могут так легко и свободно высыпаться слова. Сам Никита был на редкость немногословным, что понравилось Оле.

Валера рассказал, что у него однокомнатная квартира в Купчине, стереомагнитофон с самыми последними записями популярных итальянцев, приличный бар, в холодильнике – севрюга горячего копчения и шашлык в маринаде, который можно в любую минуту поджарить на специальном мангале, ну а о выпивке уж говорить не приходится... И он, Валера, и Никита – убежденные холостяки, так что если девочки не против, то можно в хорошей компании сегодня от души повеселиться...

Услышав, что девочки против, Валера утроил свои усилия и красноречие. Даже немного пофилософствовал на тему человеческого доверия и отношений: мол, если кому не понравится у них, всегда можно уйти – метро напротив, рядом стоянка такси. У них, разумеется, есть свои «тачки», но сегодня такой день, что лучше обойтись без машин...

Оля не понимала свою подружку: Ася мило улыбалась Валере и как будто склонялась поехать к ним. Такое уже случилось с ней и раньше. Оле она так объясняла свои опрометчивые поступки: дескать, по натуре она добрая, ей трудно людям отказывать, и потом, она оптимистка – верит, что хороших людей на свете гораздо больше, чем плохих... Оля же считала, что в характере Аси есть что-то авантюристическое, ей нравилось рисковать, испытывать судьбу. Она запросто

могла с малознакомыми людьми поехать на дачу за город, как тогда в Прибалтику. И надо сказать, что в общем-то с ней ничего такого не случилось: никто ее силой ни к чему не принуждал; как правило, люди, с которыми она была в компаниях, относились к ней прилично, ну а если что и происходило, так она об этом не жалеет...

– Никита, почему не приглашаешь девочек на свой день рождения? – напустился Валера на приятеля. – Сидишь как сыч и молчишь.

– А мне как-то все равно, – честно заявил Никита, потягивая из фужера шампанское.

– Ты что, ослеп? – театрально развел руками Валера и даже закатил вверх глаза. – Нам с тобой впервые в жизни повезло, встретили чудесных девушек, красавиц, а ты будто язык проглотил!

– Поедемте к Валере, – вяло сказал Никита. – Музыка там обалденная. Этот...

– Челентано, Тото Кутуньо, – подсказал Валера.

– Джо Дассен, – вспомнил Никита.

– Никита, поздравляю вас с днем рождения, будьте счастливы, – произнесла Оля и поднялась. – Мне пора.

Валера тоже вскочил со стула, стал уговаривать, пригрозил, что вот сейчас всенародно бухнется на колени...

Поднялась из-за стола и Ася.

– В другой раз, мальчики, – сказала она. – У нас завтра в институте трудный день.

– Хоть телефон-то оставьте, – умолял Валера, заглядывая им поочередно в глаза. А Никита спокойно сидел и посматривал на всех немного повеселевшими глазами, будто рад был, что они отказываются.

– Эх, с таким приятелем только быков за хвост тягать! – бросил недовольный взгляд на Никиту Валера.

– Почему за хвост? – удивилась Оля.

– А за что же еще? – рассмеялся неунывающий Валера. – Поедем, девочки, не пожалеете...

Телефон ему, конечно, никто свой не дал, тогда Валера выхватил из кармана записную книжку, записал свой телефон, вырвал страницу и почему-то протянул Оле.

– Не могу поверить, что мы больше никогда не увидимся, – состроил он печальное лицо.

– Мне действительно двадцать семь... стукнет через полгода, – насмешливо сообщил Никита, проигнорировав отчаянный взгляд приятеля. – Считайте, что я вас пригласил...

Выйдя на Литейный, – Валера и Никита остались в кафе, – Оля насмешливо взглянула на подругу:

– Ты, кажется, уже готова была поехать с ними?

– Валера так красиво расписал: бар, холодильник... А на улице дождь, слякоть, тоска...

– У этого болтуна Валеры на лбу написано, что он включит магнитофон и сразу же будет приставать. Заметила, как у него шныряют глаза? Как две серые мышки.

– А как, Оля, узнать того, единственного? – с грустью в

голосе произнесла подруга. – Где он, мой принц? Или они только в старых сказках встречаются?

– Чего захотела – принца!

– Ну тогда Аладдина с волшебной лампой, – рассмеялась Ася. – Или – сейчас модно – с дачей и «Жигулями»...

– А мне никто не нужен, – вздохнула Оля.

Рядом с ними остановились синие «Жигули». Белобрысый парень в кожаном пиджаке распахнул дверцу и любезно предложил:

– Девушки, зачем на дожде мокнуть? Садитесь в мой лимужин, подвезу!

– Нам в Париж, – бросила на него оценивающий взгляд Ася.

– Хоть в Рио-де-Жанейро, – весело откликнулся парень.

«Неужели у нас такой легкомысленный вид, что каждый считает своим долгом заговорить с нами?» – подумала Оля.

Ася с улыбкой поблагодарила парня за проявленную галантность, и они пошли дальше, к Невскому. Парень еще какое-то время медленно тащился на машине сзади, потом ему стали сигналить, и он с огорченным видом укатил.

– Не грусти, подружка! – рассмеялась Ася. – Транспорт останавливается при виде нас... Мы не будем ждать сказочных принцев – сами их выберем по своему вкусу.

– Куда мы идем? – спохватилась Оля. – Мне ведь в другую сторону!

– Я сто лет не гуляла по Невскому, – сказала Ася. – А что

дождь? Прически мы все равно испортили... А Ленинград осенью прекрасен. Как это у Пушкина?

Люблю тебя, Петра творенье,
Люблю твой строгий, стройный вид,
Невы державное течение.
Береговой ее гранит,
Твоих оград узор чугунный,
Твоих задумчивых ночей
Прозрачный сумрак, блеск безлунный...

– Пойдем, – улыбнулась Оля, подумав, что какая бы Ася ни была, а с ней легко и весело. Она никогда не унывает и щедро передает свой заряд бодрости другим. Злость на Беззубова прошла, а если Бобриков позвонит, она все ему выскажет... Нашел к кому посылать!

– Красивая ты, Олька, – сказала Ася. – Вон как на тебя мужики оглядываются...

– Ладно, не прибедняйся... – рассмеялась та. – Тоже мне золушка!

– Да-а, дай мне телефон Валеры, – вдруг вспомнила Ася.

– Зачем? – удивилась Оля.

– На всякий случай, – улыбнулась подруга. – А вдруг пригодится?..

Вадим Федорович никак не мог начать новую главу: сидел за пишущую машинку, сосредоточенно смотрел на чистый лист, где сверху было отпечатано: «Глава тринадцатая», вставал и начинал расхаживать по маленькой комнате, где, кроме письменного стола, стула, узкого дивана и стеллажей с книгами, больше ничего не было. Три шага к окну и столько же к двери. Под ногами пушистый ковер, скорее напоминающий дорожку. Из окна был виден горбатый мост через Фонтанку и краешек Летнего сада. На мост взлетали легковые машины и тут же исчезали в глубокой впадине на асфальте, будто проваливались в преисподнюю. Вроде бы с утра моросил дождь, а сейчас с неба сыпался мелкий снег. Падая на асфальт, он сразу таял. Однако крыши зданий уже побелели. Вот оно, одно из чудес природы: дождь на глазах превращается в снег. Конец ноября, может быть, к Новому году в городе будет белым-бело? Надоели дождливые зимы, когда вместо снега даже за городом лужи.

Работал Казаков с утра до обеда. В это время в квартире никого не было. Оля в институте, сын в отъезде, жена, Ирина Тихоновна Головина, в мастерской. Самое удобное время для работы. Он даже телефон отключал до двух часов. И все равно в Ленинграде работалось плохо, не то что в Андреевке. Здесь невозможно полностью отрешиться от всех проблем.

Вчера звонили из бюро пропаганды художественной литературы и просили выступить в пединституте имени Герцена; в Союзе писателей организуется писательская бригада для поездки по области, предложили поехать и ему; редакторша из издательства просила на новую книгу написать аннотацию, позвонили, чтобы зашел в отделение ВААП... И тысяча еще всяких дел и делишек! А в Андреевке ты полностью отрезан от всего, там даже телефона нет. Для работы над крупной книгой, конечно, необходимо быть один на один с ней.

Под ноги попалась кожаная тапка с отгрызенным задником. Жена летом завела сеттера – это его работа. Вадим любил собак, но было жалко видеть, как закисает и жиреет в квартире юркая охотничья собака, которой бегать по болотам да поднимать на озерах уток. Ирина Тихоновна души не чаяла в своем сеттере и даже брала его в мастерскую...

После того случая, когда Вадим Федорович застал ее с чернобородым художником Ильей Федичевым, по-настоящему жизнь не наладилась. Вот уже лет десять они живут каждый своей жизнью, не мешая друг другу. До развода дело так в не дошло, оба решили, что ради детей не стоит этого делать... Но дети уже взрослые, а они продолжают жить под одной крышей... Это не совсем верно: Вадим Федорович больше живет в Андреевке, домах творчества, а теперь вот еще и у Виолетты Соболевой. Странно, в пятьдесят лет с хвостиком он все время в бегах? В Андреевке, где лучше всего себя чувствует и где великолепно работается, он тоже не

хозяин. Григорий Елисеевич Дерюгин во все сует свой нос, иногда дело доходит до ругани. Федор Федорович Казаков всячески спешит примирить их... Дерюгин не разрешает на участке с машиной повозиться, упаси бог, если кто приедет с Казаковым! Ходит надутый как индюк. К глубокой старости стал ехидным, пользуется каждым случаем, чтобы чем-нибудь уколоть, подковырнуть. Только из за отчима Вадим Федорович не покупает в Андреевке другой дом – тот смертельно обидится, если он уйдет из абросимовского дома. Раз дело дошло до того, что Вадим Федорович перешел жить к Супроновичам, так допек его Дерюгин...

И все равно эти мелочи ничто по сравнению с тем, что дает ему Андреевка. Ну а быть собственником чего-либо, видно, у Вадима Федоровича на роду не написано. Не имел никакой собственности и его родной отец – Иван Васильевич Кузнецов. Случалось, что Казаков уезжал пожить на озеро Белое, где так и прижилась Василиса Степановна Красавина. Она вот уже много лет учит русскому языку и литературе детдомовских ребятишек.. Недавно в газете был опубликован указ о награждении учителей Калининской области, в их числе была и фамилия Красавиной...

Снова мысли Вадима Федоровича перескочили на жену. Ирина Тихоновна еще больше располнела, лицо ее округлилось. Однако следила за своей внешностью, модно одевалась, в прошлом году ездила с компанией художников в Ялту. Их отношения друг к другу можно было бы считать идеальны-

ми, если бы за всем этим не стояла звенящая пустота. Ирина держалась непринужденно, никогда не спрашивала, где муж был или куда едет. О прошлом они никогда не говорили, больше ни в чем не упрекали друг друга. Казаков даже не знал, догадывается ли жена о его любви к Виолетте. А есть ли кто у Ирины, его уже давно не волновало. И самое странное в их жизни было то, что они могли сосуществовать друг с другом, у них был общий дом, здесь жили его дети, а их он очень любил. Признаться, только из-за них он тогда не ушел от жены. Предпочтения он никому не отдавал, но за Олю переживал всегда больше, может, потому, что Андрей как-то рано стал самостоятельным, проявил свой сильный характер. Короче говоря, за сына он мог быть спокоен, а вот дочь была иной: у нее женский ум, женская логика. С Андреем Вадим Федорович мог говорить о чем угодно, а с Олей – нет. Он знал, что нынешние поколения рано созревают, десятиклассницы выглядят взрослыми девушками, а у дочери не было ни одного постоянного парня. А ведь ей скоро девятнадцать! Когда Вадим Федорович в шутку заводил разговор, что она уже невеста и ему хотелось бы взглянуть на ее жениха, дочь обрывала эти разговоры. К ним приходили ее однокурсники и однокурсницы, но чтобы Оля выделяла кого-нибудь из парней – этого не замечал. Не раз она заявляла, что для нее главное – институт, мол, до окончания его никаких серьезных романов у нее не будет. А несерьезных? Как бы там ни было, но Вадим Федорович не смог бы

упрекнуть свою дочь в легкомысленности, она еще ни разу для этого не дала повода. Но, с другой стороны, Оля – интересная девушка, и на нее наверняка мужчины обращают внимание. И женское сердце не камень, как говорится, рано или поздно Оля полюбит... И какое счастье, если достойного, а если вертопраха, какое-нибудь ничтожество?..

Впрочем, стоило ли ломать над этим голову: все свершится так, как и должно свершиться. Придется уповать лишь на ее добропорядочность, благоразумие. Вряд ли ей понадобится совет отца в выборе мужа, да он и не решился бы давать такие советы. Разве когда он задумал жениться, спрашивал совета своих родителей?..

Ему, Казакову, очень не хотелось, чтобы сын стал писателем. Приводил ему примеры, как неудачно складывалась жизнь людей, возомнивших себя писателями.

На все это сын спокойно заметил ему:

– Какое мне дело до Союза писателей? До его проблем? Если мне хочется на бумаге выразить свои чувства, я это буду делать для себя... Перестал же я писать стихи? Понял, что мой голос потерялся в хоре других голосов. Меня пока совсем не тянет печататься, знакомиться с литераторами – я и так многих знаю, разве мало их было у нас дома? – а тем более вникать в их интриги... Для того чтобы быть независимым, я, отец, приобрету какую-нибудь профессию, а там видно будет... – Улыбнулся и прибавил: – Разве я виноват, что ко мне перешли твои творческие гены? Ты ведь тоже в

мои годы не собирался стать писателем?

– А журналистику ты, что же, не считаешь профессией? – спросил Вадим Федорович.

– У тебя ведь много было разных профессий, прежде чем ты стал писателем? – уклонился от прямого ответа Андрей. – Вот и я хочу сначала повидать жизнь, приложить руки к чему-либо, прежде чем сделаю свой окончательный выбор.

– Ты рассуждаешь, как умудренный жизненным опытом человек... – подивился отец.

– Я ведь читаю твои книги, да и не только твои...

И вот сын приобретает другую профессию: задумал к концу года сдать на права шофера первого класса, а для этого нужен стаж. Укатил на рефрижераторе в Узбекистан... Стихи у него были действительно слабоваты, а несколько рассказов, которые он дал почитать, безусловно талантливые. Как говорится, это видно и невооруженным глазом. Отец – писатель, сын – писатель... Найдутся ведь люди, которые наверняка скажут, что отец толкает в литературу и сына. А ведь и такое случается...

Связи, знакомства... Образовалась целая прослойка литераторов-дельцов! И думают они не о том, как помочь писателям, избравшим их на посты, а как устроить свои собственные дела. И мало того, что устраивают их, обогащаются, они еще требуют признания, славы, рекламы!..

И самое ужасное, что некоторые молодые литераторы, на словах осуждающие подобную практику, на деле тоже начи-

нают рваться к власти, к постам. И устоять перед этим соблазном не так-то просто! Конечно, много писателей, которые честно занимаются своим литературным делом и не лезут в дразги и интриги.

Не хотелось Вадиму Федоровичу, чтобы сын столкнулся, так сказать, с изнанкой литературной жизни. Но, увы, это теперь от него не зависело...

За окном кружился снег. Теперь он отвесно падал пушистыми хлопьями, покрыл белой пеленой перила моста, облепил ветви черных притихших деревьев. Лишь машины без устали наматывали грязь на колеса, оставляя асфальт по-прежнему мокрым и серым. На раскрытую форточку вспорхнула синица, бесстрашно посмотрела на человека блестящими бусинками глаз, приветливо цвикнула и улетела, оставив на тонкой белой фрамуге два вдавленных крестика своих коготков.

Вадим Федорович снова уселся перед пишущей машинкой, напечатал двумя пальцами три фразы, с отвращением выхватил лист из каретки, скомкал и бросил в корзинку для бумаги. После этого быстро натянул на себя плащ с теплой подкладкой, надел на голову серую кепку и, заперев за собой дверь, чуть ли не бегом спустился по бетонным ступенькам вниз. К его удивлению, никто до сей минуты не нарушил снежную белизну на дворе. Он первый проложил свой размашистый след от парадной до тротуара. Деревья в сквере побелели, на чугунной решетке образовались круглые белые

шишечки. По улице Чайковского двигалась колонна грузовых машин, «дворники» смахивали со стекол мокрые хлопья. Зеленый светофор мигал из снежной круговерти, негулко хлопнула на Неве сигнальная пушка. Вадим Федорович взглянул на часы: ровно двенадцать. А в час прилетает из Тбилиси Виолетта Соболева. Может, потому сегодня и не работалось, что он мысленно давно уже встречал ее? Вот она, воздушная жизнь стюардессы! Только что грелась на жарком тбилисском солнце, а сейчас в Пулковке прямо с трапа шагнет в неожиданную ленинградскую зиму.

4

В Андреевке впервые за все время ее существования ограбили единственный магазин. Воры проникли туда ночью, они выставили двойные рамы, унесли два югославских набора хрустальных стаканов, десять пар наручных часов, ящик водки и пять бутылок коньяка. Сторожа Бориса Александрова рано утром обнаружили в бессознательном состоянии на полу в гастрономическом отделе среди десятка распитых бутылок разных марок вин. На его затылке зияла неглубокая рана с запекшейся кровью. Прибывший на место происшествия участковый сказал, что, похоже, Александров откуда-то свалился и ударился головой об угол прилавка. Незадачливого сторожа отправили на «скорой помощи» в Климовскую районную больницу. Следовательно, приехавший из

райцентра, утверждал другое: Александрова кто-то ударил бутылкой по голове. В больнице сразу определили, что сторож находился в сильнейшей стадии опьянения. Удивительно, что он еще не замерз: на улице стоял двадцатиградусный мороз, а одно окно в магазине было выставлено. Участковый, хорошо знавший Бориса Александрова, утверждал, что тот не мог ограбить магазин, скорее всего, он проник туда через окно после того, как грабители ушли. Да и все односельчане склонялись к тому, что, хотя Александров и был пьянчужкой, сам на воровство никогда бы не пошел. И потом; куда бы он дел украденное, если без сознания валялся на полу? В карманах его обнаружили лишь одну бутылку водки.

Событие это наделало много шума в Андреевке. Одни переживали за Бориса, говорили, что кто-то воспользовался его склонностью к алкоголю, затащил в магазин, напоил, а потом бутылкой ударил по голове. И вряд ли сторож теперь что-либо вспомнит. Другие, наоборот, говорили, что это пьянство толкнуло его на столь дикий поступок, мол, известны такие случаи, когда даже самые честные люди в сильнейшем запое выбивали витрины в магазинах, хватали с полки бутылку и убегали, чтобы прямо из горла тут же ее опорожнить...

Федор Федорович Казаков, приехавший в Андреевку из Великополя, чтобы перебраться в подполе загнившую картошку, хорошо знал Александрова, не раз давал ему в долг рубль, трешку – тот рано или поздно всегда возвращал долг, – был

уверен, что Борис не способен на преступление. Его, если так можно выразиться, подставили следствию, чтобы спрятаться за его спину.

Казаков и Иван Степанович Широков сидели за столом в большой светлой кухне абросимовского дома и пили чай с земляничным вареньем. Федор Федорович был в старом железнодорожном кителе, в серых разношенных валенках, Иван Степанович – в расстегнутом синем ватнике.

– И во всем виновата эта проклятая водка, – рассуждал Казаков, намазывая на булку сливочное масло. – Я не исключаю, что Борис сдуру полез в окно, увидел ящики с водкой и вином, ну и соблазнился. Налакался как тютя...

– По голове-то его ударили, – резонно вставил Иван Степанович. – Может, он вместе с ворами пил? А когда отрубился, они ему бутылку в карман засунули и по черепушке бутылей огрели.

– Возьмите жену моего сына Геннадия, – продолжал Федор Федорович. – Спилась ведь вконец. А начала с маленького: один праздник надо отметить, другой, третий, а потом и без всякого повода жрала эту треклятую водку... Докатилась до того, что стала все из дому тащить и продавать за полцены. Даже простыни из шкафа пропила.

– Это Нюрка, что ли? – спросил Иван Степанович. – Твой Генка-то, кажется, на нашенской, из Андреевки, женился?

– Как теперь женятся? – усмехнулся Федор Федорович. – Увидел на танцах, проводил домой – он только институт за-

кончил и приехал в Андреевку отдохнуть, – потом пригласил в Великополь... Она через неделю к нам и прикатила. Пошли в загс и расписались. Сначала вроде бы все у них было путно, двое детей родились, Нюра поступила на заочное отделение в железнодорожный техникум, в кандидаты партии ее приняли, получили двухкомнатную квартиру – как говорится, живи и радуйся.

– А Генка-то куда глядел?

– Туда же, – невесело рассмеялся Казаков, – в рюмку!

– Выходит, они один другого стоят?

– Мужик пьет – худо, а уж если и баба начала, то это настоящая беда. Я думаю, и моя Тоня-то раньше времени умерла из-за них... Она ведь все так близко к сердцу принимала...

Худошавое, изрезанное морщинами лицо Казакова стало скорбным, выцветшие голубоватые глаза увлажнились. Всю жизнь Федор Федорович хотел поправиться, но видно, и в гроб ляжет костлявым. Не пристаёт к нему жир. Правда, весной и летом он по-прежнему своими длинными ногами-циркулями отмеряет по окрестным лесам по двадцать – тридцать километров за день. А ему уже семьдесят восемь лет. На аппетит не жалуется, желудок после серьезной операции не беспокоит, а вот поправиться хотя бы на пяток килограммов никак не получается. До сих пор, когда летом тут все приехавшие к ним фотографируются, Федор Федорович надувает впалые щеки, чтобы казаться дороднее. Наверное, поэтому на фотокарточках получается сердитым...

На стене тикают большие часы в деревянном ящике, окна затянуты изморозью, слышно, как на дворе Широкова лает собака, иногда снежная крупа с шорохом ударяется в стекло, домовито гудит ветер в печной трубе. Казаков встает из-за стола, подкладывает в печку сосновые поленья. Скоро сверху оттаивает стекло, и видна огромная белая береза, что напротив окон дома Широкова. Каждая ветка кудрявится изморозью, кажется, береза окутана прозрачным покрывалом с блестками. Метель намела белый сугроб вровень с изгородью, на коньке крыши сидит нахохлившаяся сорока.

– Лида-то не жалеет, что ушла к тебе от Павла? – неожиданно задает Федор Федорович вопрос Ивану Степановичу. Наверное, к старости иные люди перестают замечать, что их вопросы могут больно ударить по собеседнику.

Иван Степанович ничем не выдал своего огорчения, поставил фарфоровую кружку с отколотой кромкой на стол, потер бритый подбородок. Волосы у него на голове пегие, седины почти не видно. Невозмутимое лицо его то ли сохранило еще летний загар, то ли побагровело от горячего чая, только оно было кирпичного цвета.

– Павел Дмитриевич-то высоко в гору пошел, – продолжал Казаков. – Заместитель министра, чем черт не шутит, и министром станет.

– Разве дело в должности? – заговорил Широков. – Павел, конечно, голова, а жизни у них с Лидой все одно бы не было... Не жалеет она, Федор Федорович, что ушла от него.

Да вы сами спросите... Дети его давно взрослые: Валентин уже капитан на флоте, а Лариса пошла по отцовскому пути – завуч средней школы. Историк. Каждое лето приезжала в Андреевку, а в этом году чего-то не была.

– Павел Дмитриевич толковал, что послали ее со школьниками в Англию, обмен какой-то, что ли? Те – к нам, наши – к ним.

– Помню, сын-то Бориса Александрова – Иваном вроде звали его? – до рассвета простаивал с Лариской у вашей калитки, – продолжал Федор Федорович. – А вот судьба не свела их вместе. Где он сейчас, Иван-то?

– Как и Валентин, офицер. Тот на подводных лодках плавает, а этот на реактивных самолетах летает.

– Какой батька и какой сын! – покачал головой Казаков.

– Пока Борис не пил запойно, лучшим токарем на стеклозаводе считался, – заметил Иван Степанович. – Любую деталь мог выточить... Я раз попросил сделать мне спусковой механизм к охотничьему ружью, так он лучше заводского смастерил. До сих пор стоит.

– Охотишься?

– Наверное, старею, – усмехнулся Широков. – Жалко стало живую тварь губить.

– Это ты правильно решил, – одобрительно закивал Казаков. – Зверье и птиц беречь надо – об этом сейчас и в газетах и в книжках пишут. Сколько уже всяких редких видов свели на нет. Ты смотришь по телевизору программу «В мире

животных»?

– Кошка котят принесла целое лукошко, пошел летом топить и не смог, – сказал Иван Степанович. – Пустил живыми в лес. Не знаю, как они там...

– А это зря, – осудил Федор Федорович. – Одичают и будут лесную живность изводить. Кошек и собак я не люблю. И голубей еще тоже, под ногами путаются. Вот почтовые – это другое дело! От них хоть какая польза есть.

Иван Степанович поблагодарил за хлеб-соль, поднялся из-за стола, надел протершуюся на сгибах кроличью шапку.

– А насчет Лиды вы, Федор Федорович, не сомневайтесь, – обернулся он у порога. – Хоть я и не вышел в большие люди, а семейным счастьем бог меня не обидел.

Он ушел, а Федор Федорович, прихлебывая из высокой кружки слабо заваренный чай, подумал, что, пожалуй, в голосе соседа прозвучала скрытая обида. А чего обижаться? Живут хорошо с Лидой, так и людям смотреть на них приятно... В Великополе года четыре назад соседка сама предложила ему жить вместе, так он руками и ногами замахал: дескать, как такое можно? А в газете читал, что один долгожитель Абхазии, овдовев, женился на сорокапятилетней женщине и еще двух детей сотворил, а ему – ни много ни мало – сто шесть лет! Ни он, Казаков, ни Дерюгин, похоронив жен, вторично не женились и никогда не женятся... Редкую ночь ему не снится Тоня, да и Григорий Елисеевич толковал, что часто видит во сне свою Алену. В городе один и другой каж-

дую неделю ходят на кладбище поклониться дорогим могилам...

В дверь без стука снова ввалился сосед. Сняв шапку, мрачно уставился на Казакова.

– Встретил на дороге участкового, тот сообщил: только что в поселковый позвонили из больницы – Борис Александров, очухавшись и узнав, что он натворил в магазине, сиганул прямо из окна палаты – это на четвертом этаже – головой вниз. И надо ж такое! Не в сугроб угодил, а прямо в оставленные с осени строителями бетонные плиты.

– Белая горячка, – констатировал Казаков. – Вот до чего доводит человека треклятая водка!

– Зачем же ее продают?! – гневно вырвалось у Широкова. – Если от нее такой вред и человеку, и государству!

– А вот этого, Иван Степанович, и я не знаю, – развел руками Казаков, уверенный, что за свои семьдесят восемь лет он все на белом свете перевидал и испытал.

Глава шестая

1

Андрей вел грузовик по неширокой заасфальтированной улице Андижана. Солнце раскалило металлический верх кабины, отражалось от окон белых зданий, бамперов легковых машин. Удивительный город Андижан! На улицах рядом с современными «Жигулями» можно увидеть узбека в поло-сатом халате и тюбетейке верхом на ишаке. К двух- и трех-этажным зданиям из кирпича примыкали дома с плоскими крышами и длинными по фасаду верандами, на которых играли ребятишки и сушилось белье. Вдоль тротуаров тянулся узкий арык с мутной зеленоватой водой. Говорили, что в неглубоких азиатских речках можно поймать крупных рыб.

В Ленинграде всего пять градусов тепла, а здесь в тени плюс сорок два. Люди ходили в легких одеждах, пряча лицо от ослепительного солнца, в чайханах важно сидели седобородые старцы в халатах и пили из пиал зеленый чай.

Андрей с напарником только что разгрузились на складе облпотребсоюза, сдали по ведомости ящики со сгущенным молоком, мясными консервами, связки копченых колбас, замороженных цыплят. Всего восемь тонн груза. Документы

оформлял напарник Эдик Баблюян, круглолицый, склонный к полноте армянин. Он старше Андрея на десять лет, работает на дальних внутренних перевозках уже два года. В свое время закончил эксплуатационный факультет Ленинградского института инженеров железнодорожного транспорта, но работа по специальности не вдохновила его, и он вскоре деятельно принялся «эксплуатировать» грунтовые дороги... За долгие часы дороги Баблюян много чего порассказал Андрею Абросимову. Говорил он почти без акцента, с юмором. На лоснящемся от жары круглом лице то и дело появлялась веселая улыбка. Глаза у него большие, черные, с влажным блеском. Особенно они становились выразительными, когда он рассказывал о женщинах, с которыми ему довелось встретиться на дальних трассах. Если его послушать, то ему попадались лишь одни красавицы, у которых ноги – «во-о!», талия – «вва-а!», бюст – «ввах-х!» Огонь, а не женщины! Эдик даже о самых сокровенных вещах рассказывал без тени смущения. Андрея коробили подробности, он начинал насвистывать, но увлеченный приятными воспоминаниями Баблюян ничего не замечал и заливался соловьем.

– Ты, Андрейчик (он почему-то именно так называл своего напарника), мне нравишься, – как-то признался Эдик. – Хорошо, что сразу сказал, что ты журналист! Это по-честному... Ну, а напишешь про меня, так это, Андрейчик, слава. Обо мне сразу все узнают, знаешь, как это приятно? А то живешь, и никто о тебе, кроме мамы-папы, не вспоминает,

разве это порядок?

– А женщины? – не удержался и спросил Андрей.

– Нынешние женщины лишь о себе думают, – с грустью протянул Баблюян. – Я их люблю, и они себя любят...

– Странный каламбур...

Старшим водителем был Баблюян, а Андрей его сменщиком. Их фургон не был оборудован спальным местом, и по дороге они останавливались в гостиницах. Баблюян мгновенно вступал в контакт с самыми неприступными и хмурыми администраторами, и им всегда давали места. Эдик совершал по этой трассе уже не первый рейс. Его мечта была перейти в «Совавтотранс», на зарубежные поездки. «Вот где можно делать большую деньги! – загорался Эдик. – Мало того, что там хорошая зарплата, так ведь можно законным путем привезти массу дефицитных товаров... Шоферы привозят оттуда стереомагнитофоны, приемники, даже „видики“!»!

Голубой мечтой Эдика было приобрести видеомагнитофон и смотреть дома, в Ленинграде, со своей семьей разные фильмы. Он рассказывал, что у одного его приятеля есть «видик», так он, Эдик, не слезая со стула, шесть часов смотрел приключенческие фильмы! После этого просмотра он и загорелся желанием приобрести видеомагнитофон. Отечественный покупать не хочется, а японский стоит ого-го! Вместе с цветным телевизором столько же, сколько последняя модель «Жигулей». Это не считая кассет. Получается, что

каждый фильм на дому обойдется дороже ста рублей!..

Андрей слышал про видеотехнику, кассеты с зарубежными фильмами, но пока еще не видел ни одного фильма: в квартирах его знакомых не было видеомагнитофонов. Они только что входили в быт. Обыкновенные стереомагнитофоны с музыкальными кассетами у многих появились, а такая модная новинка, как видеотехника, еще редкость. Эдик сказал, что одна четырехчасовая кассета с фильмами стоит сто – сто двадцать рублей! А в кинотеатре, где тоже идут зарубежные фильмы, самый дорогой билет стоит семьдесят копеек...

– Притормози, Андрейчик! – сказал Баблюян, жмурясь от бьющего в лобовое стекло солнца.

Они ехали по узкой улице старого города, справа остался указатель на аэропорт. Здесь почти все дома были одноэтажные, азиатского стиля. Машин тут было меньше, чем в центре, зато маленьких ишаков с большими повозками и седоками хоть отбавляй. Пегие, серые с желтым, черные длинноухие животные с отрешенными белыми и седыми мордами неторопливо трусили, чаще всего даже не трусили, а семенили из конца в конец. На машины они не обращали внимания, не уступали дороги.

Андрей остановился возле глиняного серого забора, который здесь называют дувалом, Эдик нажал на клаксон. Тотчас из незаметной в стене калитки выкатился малорослый мужчина в тенниске и джинсах, на ногах – белые, с синими полосами, заграничные кроссовки, на голове – тубетейка. Ее

можно сложить и засунуть в карман. Андрей купил пару таких.

Эдик проворно выпрыгнул из кабины, долго тряс пухлую руку мужчины, кивнув на напарника, что-то сказал, узбек закивал Андрею, заулыбался. Андрей вылез из кабины и пожал ему руку.

– Тимур, – представился мужчина. Черные узкие глаза у него с хитринкой. – Чичас будет готов плов из молодого барашка. А к нему красное сухое вино...

– Пить на такой жаре? – покачал головой Баблоян. – Не искушай, Тимур... Сам знаешь, в ночь по холодку нам выезжать отсюда.

– Работа – это главное, – закивал Тимур. – Тогда шампанского? Оно, как квас, через два часа все выйдет пузырьками...

Пока они во внутреннем, огороженном дувалом дворе, где росли фруктовые деревья и тянулись заросли винограда, ели из высоких мисок горячий душистый плов, запивая его охлажденной водой, в рефрижератор четыре узбека в белых рубашках с закатанными рукавами грузили ящики, картонные коробки. Андрей это увидел, когда вышел на улицу, чтобы взять из кабины свою сумку. Он поставил об этом в известность своего напарника.

– Это наш с тобой небольшой попутный бизнес... – улыбнулся Эдик. – Почему бы нам не помочь хорошему человеку?

– Нам ведь должны загрузить машину на первом же погрузочном пункте, – заметил Андрей. Об этом им говорил диспетчер еще при отъезде из Ленинграда.

– Документы в порядке, – похлопал себя по карману Баблоян. – Не имей, Андрейчик, сто рублей, а имей трех друзей... Много не надо – рано или поздно продадут.

– Кушайте плов, кушайте, – любезно предлагал, сидя на ковре на корточках, Тимур. И совсем другим, требовательным голосом кричал в темный проем двери: – Мизида, носи дыню, виноград, груши!

– В Ленинграде холодно, дождь, – продолжал Эдик. – А мы нашим дорогим ленинградцам привезем солнечный привет из знойной Азии!

– Очень хорошие фрукты, – согласно кивал Тимур. – Ваши земляки будут довольны. Таких дынь, как у нас, нигде не сыщешь!

Узбечка в полосатом национальном платье принесла огромный поднос с фруктами и янтарной дыней. Над низким столом, за которым сидели Андрей и Эдик, поплыл приятный аромат. Таких дынь Андрей действительно никогда в жизни не ел, сочные желтоватые ломти прямо таяли во рту, гроздья белого и сизого винограда будто запотели, а наливные груши, казалось, вот-вот лопнут. Удивительная все же азиатская земля! Такая серая, растрескавшаяся, неприглядная на вид, а родит такое чудо. Здесь, конечно, главное – это вода. Без воды земля ничего не родит. Там, где не протека-

ют арыки, нет речек и озер, земля напоминает заброшенный растрескавшийся асфальт. Хилые, искривленные деревья с тусклой листвой, чахлые кустики колючих растений, перека-ти-поле – вот и все, что встречалось им по дороге в пустыне.

Выехали они из старого города во втором часу ночи. Если днем хотелось поскорее спрятаться в тень, то после захода солнца сразу с пепельных гор повеяло прохладой, а к двенадцати ночи уже хотелось на себя натянуть пиджак. Эдик долго о чем-то шептался с Тимуром, Андрей – он уже сидел за рулем заведенной машины – видел, как из одних рук в другие перекидывал пухлый пакет, перетянутый резинкой. Если это деньги, то их не пересчитывали. Тимур по-хозяйски обошел грузовик кругом, попинал в задние спаренные скаты, погладил ладонью серебристый бок изотермического кузова.

– Я буду ждать вас в Купчине в условленное время, – сказал он Баблюяну, когда тот уселся рядом с Андреем. – Машина не подведет? Не развалится по дороге?

– Ты шутишь, Тимур! – рассмеялся Эдик. – Автослесари перед каждым дальним рейсом по полдня сидят под ней... Не подмажешь – не поедешь!

За последним городским постом ГАИ их перегнала милицейская «Волга» и посигналила, чтобы они остановились. Баблюян замысловато выругался и, выскочив из машины, пошел к «Волге». На круглом лице его играла широкая улыбка. Отворилась желтая дверца, и рука поманила шофера в кабину. В тусклом свете подфарников Андрей видел, как Эдик

жестикულიровал обеими руками, сидящий рядом с ним человек сидел спокойно. Минут через пять Баблюян вышел из машины, забрался в кабину рефрижератора, достал из-под сиденья пакет, стянутый черной резинкой, и снова мрачно отправился к «Волге». Улыбку его будто корова языком слизнула. В ответ на удивленный взгляд напарника махнул рукой и тяжело вздохнул.

«Волга» с мигалкой рванулась вперед, а Баблюян сам сел за руль. Некоторое время он молчал, потом повернул к Андрею расстроенное лицо.

– Ну и прохиндей этот капитан! – вырвалось у него. – Второй раз, сучий сын, накалывает меня!

Хитрый Эдик не посвящал напарника в свои темные дела, но тут, видно, крепко его допекли. Он рассказал, как зарабатывает деньги на обратных рейсах. С Тимуром он встречается уже второй раз. За первый рейс из Андижана в Ленинград Баблюян «заработал» три тысячи рублей. Как это случилось? Однажды к нему подошел Тимур и сделал на первый взгляд довольно странное предложение: дескать, он немедленно выкладывает Эдику четыре тысячи рублей за то, что тот полностью загрузит свой восьмитонный фургон свежими фруктами и срочно доставит их в Ленинград, где его встретит Тимур по такому-то адресу. Если груз будет доставлен в срок и без потерь, то четыре тысячи остаются шоферу, а если что-либо случится по дороге, например авария или груз конфискуют, то Баблюян обязан по приезде в Ленинград в

течение суток вернуть Тимуру восемь тысяч рублей...

Соглашение джентльменское, потому что рискуют оба: Тимур – потерей груза, который, безусловно, после реализации на городских рынках будет стоить в несколько раз больше гарантийных четырех тысяч, а Баблюян – личными четырьмя тысячами, которые в случае провала всей операции нужно будет вернуть хозяину вместе с его четырьмя тысячами.

Баблюян согласился. Разгрузившись на складе, он подъехал к дому Тимура, где рефрижератор быстренько загрузили ящиками и коробками те же самые молодцы, что и в этот раз... Ночью он выехал из города, а вскоре его остановил сотрудник ГАИ. Разговор был коротким: пятьсот рублей, или возвращаемся в город и разгружаемся во дворе милиции...

На этот раз капитан содрал тысячу, правда, пообещал лично проводить через все посты до границы области. Причем точно знает, сколько тонн погрузили у Тимура.

– Уж не в сговоре ли он с ним? – вслух рассуждал Эдик, глядя на красные огни идущей впереди «Волги». Капитан выключил мигалку. – Не похоже... Но то, что он следил за нами, – это точно. Не исключено, что он и с Тимура берет мзду... Ну и жулик!

– А ты? – насмешливо посмотрел на него Андрей.

– Во-первых, Андрейчик, я все-таки за баранкой, во-вторых, рискую собственными деньгами... Тимур в курсе, что у меня свой «жигуленок». Не отдам деньги – заберет маши-

ну... А этот гад? Чем он рискует? Я попытался его припугнуть: дескать, приедем к прокурору, я скажу ему, что ты требовал с меня тысячу рублей, – так он засмеялся: мол, кто тебе, хапуге, поверит? Свидетелей-то нет при этом!.. И ведь, наверное, не с одного меня отстегивает! Разве мало сюда рефрижераторов приходит? А таких дельцов, как Тимур, тут хватает... Знаешь, сколько он получит за свои фрукты? Нам с тобой такие деньги и не снились...

Южная ночь темна, как глубокий колодец, звезды здесь низкие и яркие, а вот луны не видно. Темные вершины далеких гор, казалось, упираются в небо. Нет-нет светляком мелькнет впереди огонек и погаснет. Неширокая лента асфальта убегает в свете фар, на обочинах возникают то искривленный куст, то длинный хвост рыжей травы, деревьев тут нет. Иногда с дороги нехотя слетают ночные птицы. Глаза их отражают желтый свет. Два раза перебежали шоссе тонконогие степные косули. Красные огни впереди идущей машины то удалялись, то снова приближались. Дорога была ровной, прямой, усыпляющей. Лучше всего ездить по холмистой дороге – в сон не клонит. Впрочем, Эдику было не до сна. Потеря тысячи рублей вызвала у него прилив злости. Он пытался Андрею втолковать, что его левый рейс не наносит никакого ущерба государству, а вот люди, злоупотребляющие служебным положением, подрывают все наши устои. Уж если в милиции есть типы, берущие взятки, да не просто берущие, а вымогающие, то как же требовать честности от

обыкновенных людей? Какой дурак в наше время откажется от легкого заработка? Хочешь хорошо есть-пить, иметь заграничную технику, красиво одеваться, любить хороших женщин – крутись, человеке, вынюхивай, где левыми деньгами пахнет! Ну что он, Баблюян, имел бы на железной дороге? Зарплату инженера – и все. А на дальних перевозках он заработал на кооперативную квартиру, купил «Жигули», модно одет... Он ведь только наполовину армянин – мама у него русская и родом из Ленинграда. Сколько его знакомых, закончивших институт, ушли продавцами в торговлю, автослесарями на станции технического обслуживания, стали «шабашниками»... Когда не было в продаже красивых вещей, транзисторной техники, легковых машин, люди ходили в широких брюках и одинаковых пальто, тогда и не было стимула деньги зарабатывать. Тогда героями нашего времени были метростроевцы, военные, инженеры, а теперь многое изменилось: люди, живущие на одну зарплату, считаются неудачниками, про таких говорят: «Не умеют жить!» А кто умеет? Тот, кто делает «бабки», хоть на макулатуре, стеклянной таре, в магазинах «Мясо-рыба», в коммиссионках, или, как их теперь называют, «комках». На кого сейчас обратит внимание красивая девушка? На инженера с крупного завода или на бармена за стойкой? Или продавца магазина, который, выйдя из-за прилавка, переоденется в шикарный костюм, сядет в сверкающие «Жигули», а то и в «мерседес», оснащенный стереомагнитофоном с колонками, и повезет ее

«на юга» или на модный прибалтийский курорт...

Андрей мучительно думал: откуда все это пошло? Он хорошо знает историю нашей страны: были нэп, первые сталинские пятилетки, когда трудовой подъем советских людей изумлял весь мир, была страшная война с фашизмом, и опять советские люди показали всему миру чудеса героизма и освободили человечество от коричневой чумы, были тяжелые послевоенные годы, когда нужно было поднимать города и села из руин и пепла, и все было по плечу советскому человеку, будь то освоение целины или завоевание космического пространства... И вот люди стали жить лучше, выбрались из тесных коммуналок, появились в стране красивые товары, вещи, миллионы людей приобрели автомобили... И вот в это самое время, будто зеленая плесень в углу, появилась прослойка деляг, тунеядцев, фарцовщиков, спекулянтов... Но что именно вызвало эту плесень? Кто создал для ее появления благоприятные условия, говоря научным термином – питательную среду? И если поначалу плесень таилась по темным углам, то теперь широко выплеснулась наружу... За одну только поездку из Ленинграда в Андижан Андрей столкнулся с тремя махровыми жуликами: Баблюном, Тимуром, капитаном ГАИ... А сколько их осталось в тени? Ведь кто-то оформил Эдику фиктивную квитанцию, что в холодильнике находится государственный груз, кто-то поставил пломбы на оцинкованную дверь? И перед кем-то в Ленинграде Эдик должен будет отчитаться за то, что не

взял на обратном пути попутный груз, который обязан был взять на первом же погрузочном пункте?.. И наверное, все это делается не за красивые глаза? Кому-то Эдик «отстеги-вает» от суммы, выданной ему Тимуром...

Говорил ему и климовский воротила Околыч, что от его доходов немалая толика идет и тем, от кого он зависит и кто смотрит на его дела сквозь пальцы, а также и тем, кто помогает ему...

Иногда в центральных газетах появляются статьи об очень крупных хищниках, схваченных за руку с поличным. И вскрываются такие дикие факты, что нормальному человеку трудно поверить: как это можно столько денег украсть у государства? Сотни тысяч, миллионы... А ведь не сразу этот высокопоставленный жулик стал вором. Совершая свои крупные махинации, он не мог остаться незамеченным. Значит, знали, но не трогали... Почему? Уж не потому ли, что он, как и Околыч, «отстегивал» и вышестоящим начальникам часть наворованного?..

Жулик, вор... В этих словах таится нечто зловещее, противоестественное. Разве не у жулика сидел на ковре и ел жирный плов Андрей? Разве не жулик вот сейчас сидит рядом с ним в кабине? Окончил институт, государство пять лет бесплатно учило этого человека, а он и года не проработал по специальности, «слинял», как он выразился... Разве он не ограбил государство? И вместе с тем это неглупый, остроумный, живой человек, он учился в советской школе, был пио-

нером, потом комсомольцем... Когда же плесень успела коснуться его? И ведь Эдуард Баблоян отнюдь не считает себя жуликом, так же как и Околыч. Они просто считают себя умнее других, которые вкалывают на предприятии за зарплату и не понимают, что вокруг такие удивительные возможности делать деньги... Возможности! Откуда они появились, кто дал им зеленую улицу?..

– Знаешь, как я первый раз еще студентом заработал на мотоцикл «Ява»? – вдруг разоткровенничался Баблоян. – Я учился уже на третьем курсе. Тогда уже были огромные очереди на автомашины, например старая «Волга-21», отмахавшая по дорогам сто тысяч километров, на рынке стоила десять – двенадцать тысяч рублей... Потолкался я у Апраксина двора с недельку, понаблюдал за торговлей и смекнул: если пошевелить мозгами, то завтра же «Ява», как говорится, будет у меня в кармане... И пошевелил! Вижу, подъехал к ряду машин интеллигентный человек, явно не в курсе всех торговых дел, подхожу к нему, спрашиваю, сколько хочет за «Волгу». Он говорит, его приятель недавно продал за девять, ну и он столько бы хотел... Машина в авариях не была, содержалась в теплом гараже. Я и сам вижу, что «Волга» в порядке. Хорошо, говорю, завтра все провернем, а сейчас поезжайте в гараж и ждите меня... Ну, он дал телефон и уехал. А я еще с час потолкался среди «купцов», кстати, попался мне узбек. Толкую ему, что есть приличная «Волга», сто тысяч пробег – это для нее не километраж! – вид хоть на выстав-

ку, стоит одиннадцать «кусков»... Узбек торговаться не стал, лишь сказал, что хотел бы еще десяток ковров прикупить... Но с коврами я, конечно, не стал связываться, привез его в гараж, показал «Волгу». Проехал мой купец на ней – машина в порядке... А еще до этого я позвонил хозяину и сказал, что плачу за «Волгу» десять тысяч, только к нему просьба: ни во что не вмешиваться, все предоставить мне, мол, беру не себе, а для близкого родственника... Дядечка-то, видно, лопух, он армянина от узбека не отличит... Короче говоря, провернул я всю эту операцию «Ы» за полдня. Чистоганом положил себе в карман шестьсот рублей – как раз на двухцилиндровую «Яву». Купец доволен, дядечка в восторге, что вместо девяти получил десять, ну, конечно, и я ни на кого не в обиде... Кстати, и государство не пострадало, получило свои семь процентов комиссионных... После этого я и подумал: стоит ли мне вкалывать инженером-эксплуатационником на стальных магистралях, когда можно вот так легко и изящно зарабатывать деньги? Надо жить, Андрейчик, по принципу: живи сам и давай жить другим...

– Гнусный принцип, – вырвалось у Андрея. Это же самое он слышал от Околыча.

– Придумай другой, – улыбнулся Бабляян.

– Придумаем... – заметил Андрей. Этим «придумаем» он как бы подсознательно отделил себя от таких, как Околыч, Бабляян.

– Тогда тебе надо было идти, Андрейчик, в милицию, –

балагурил Эдик. – Так ведь и милиция грешит... Сам видел, как капитан увел у меня «кусок»!.. В милиции-то тоже работают люди, хотят сладко пить и кушать. Найдется такой, которого можно купить за наличные...

– Всех не купишь, – буркнул Андрей.

– А всех и не надо, – сказал Баблюян. – На всех у нас денег не хватит.

Андрей верил, что рано или поздно всему этому стяжательству придет конец. Отец много об этом писал, еще когда работал в АПН. И позже выступал со статьями в газетах и журналах, обличая мелкобуржуазную прослойку, появившуюся в нашем обществе.

Вот уже второй раз Андрей, как говорится, нос к носу сталкивается с откровенным делягой, пытается спорить с ним, но ни Околыч, ни Баблюян всерьез не воспринимают его слова. Считают его наивным, а может, и дураком... Но что он может им противопоставить? Слова? Плевать они на них хотели! Фельетон он все-таки написал и послал из Ленинграда в климовскую районную газету. Ответ был коротким: «Мы проверили ваш материал, факты не подтвердились...» Тогда Андрей послал фельетон в «Известия», оттуда сообщили, что материал не представляет для них интереса...

Конечно, по сравнению с крупными расхитителями и валютчиками Околыч – мелочь, он и сам себя так называл. В Ленинграде состоялось несколько открытых судебных процессов над спекулянтами и скупщиками произведений ис-

кусства, которые они переправляли за рубеж. По телевидению показывали судебный процесс над целой группой валютных воротил и махинаторов. Жулики заворачивали сотнями тысяч рублей. У одного из них в тайнике нашли на миллион рублей старинных икон, картин, изделий из бронзы, серебра и золота...

«Волга» с мигалкой остановилась у поста ГАИ, из открытого окна высунулась рука и махнула: мол, счастливого пути...

– Кончилась наша «охрана», – сказал Эдик, закуривая. – Ну а дальше, как говорится, бог не выдаст – свинья не съест! Документы хоть в лупу разглядывай – не подкопаешься. Ну а если какой формалист придерется и захочет в кузов заглянуть, ему придется тоже дать в лапу... Но это уже мелочи. Больше никто не обложит такой тяжелой данью, как этот хан в милицейской форме...

– А меня ты не боишься? – спросил Андрей. – Вдруг я заявлю, что ты везешь левый товар?

– Не шути так, Андрейчик! – скосил на него черный веселый глаз Баблюян. – От таких шуток у человека жизнь сразу на три года укорачивается...

«Почему на три? – вяло подумал Андрей, его понемногу тянуло в сон. – Что он имеет в виду? Три года отсидки?»

– Хотя ты ничем и не рискуешь, я тебе полтысчонки подкину, – продолжал Эдик. – Так что моли бога, чтобы у нас не было до самого Питера никаких неприятностей!

– Денег я от тебя не возьму, ты и так уже потерпел убыток... – сказал Андрей. – И ездить с тобой больше не буду.

– Ну и дурак, – добродушно рассмеялся Эдик. – Другой тебя и сам не возьмет в такую поездку. Я сам был студентом, знаю, как перебиваться с хлеба на квас... На первом курсе в морском порту вечерами подрабатывал, ящики таскал на своем горбу, зарабатывал на ресторан, девочек... – Он повернул круглое лицо и с интересом посмотрел на напарника: – А ты, часом, не того? Не чокнутый?

– Ну тебя к черту! – отмахнулся Андрей. – Попробую заснуть, разбуди, когда устанешь.

– Может, у тебя бабушка – миллионерша? – не мог успокоиться Эдик. – Богатое наследство тебе оставила? От таких денег отказывается! Вот это напарничек мне попался!

– Найдешь другого.

– Большой рейс – это как дальнее плавание, Андрейчик, надо ой как притереться к напарнику! И потом, не каждого возьмешь... Попадется такой, как ты... А зачем мне лишние хлопоты?..

– Я сплю, – зевнул Андрей и зажмурил глаза: хитрый Эдик, а вот напарников по себе выбирать не умеет; Андрей твердо решил про себя, что когда они вернутся в Ленинград, он обо всем расскажет на первом же производственном собрании шоферов. И еще одно: если Околыч для центральной прессы – мелочь, то, может, дельцы из Узбекистана и шоферы дальних перевозок, сотрудничающие с ними, представят

интерес?..

Пусть это будет не фельетон, а статья с фамилиями и фактами. Вот только придется еще раз побывать в Андижане, чтобы узнать фамилии дельцов и этих вымогателей из милиции... Уж если появится статья, то наверняка жуликам не поздоровится! В Ленинграде есть корреспондентские пункты центральных газет, вот туда сразу по приезду и ходит Андрей...

С этой мыслью он и задремал под ровный шум мотора и мелодичный мотив популярной песни, которую негромко напевал Баблоян.

2

Вадим Федорович проснулся в своей квартире с ощущением счастья. Снился какой-то радостный светлый сон; как это обычно бывает, от него остались в памяти лишь обрывки, короткие эпизоды – кажется, он и Виолетта Соболева летели над океаном, потом приземлились на зеленом острове с кокосовыми пальмами, обезьяны бросали им сверху орехи, каждый с футбольный мяч... Он еще некоторое время лежал с закрытыми глазами на кушетке в кабинете, стараясь сохранить это довольно редкое ощущение полного, отстраненного от всего, житейского счастья, однако яркие цветные картины сна бледнели, таяли, смазывались... Он открыл глаза, немного повернул голову к высокому окну и увидел, что

за незадернутой шторой идет снег. Бесшумно вдоль стекла скользили вниз крупные пушистые хлопья. А сон ему приснился летний – с жарким солнцем и синим-синим морем. Электронные часы показывали девять утра. Уже много лет он просыпался именно в это время без будильника. Правда, последние годы приходилось весной переводить часы вперед, а осенью – назад, но это не очень влияло на его установившийся режим. Сейчас он встанет, поставит на газовую плиту чайник, нальет в эмалированную миску воды и тоже поставит на огонь; пока чай не закипит и не сварится яйцо, будет делать зарядку. Форточка у него в кабинете круглые сутки открыта, поэтому на подоконнике очень быстро накапливается черная пыль. В квартире он один: Оля уже ушла в институт, Андрей – в дальней поездке на рефрижераторе.

«А что, если не делать зарядку, не готовить себе завтрак, а вот так, как Обломов, нежиться в постели и ни о чем не думать? – подумал он. – Есть же на свете люди, которые именно так поступают?»

Пружинисто вскочил, надел тапочки и отправился в большую комнату делать зарядку. Дочь предусмотрительно открыла и там форточку. Сделав зарядку, умывшись и позавтракав, Вадим Федорович, сев за письменный стол, стал заставлять себя думать о продолжении новой главы... Но в голову лезли всякие посторонние мысли: услышал, что в туалете бурчит бачок, бодро вскочил с кресла и отправился исправлять его. По пути в кабинет заметил, что возле дверцы

стенного шкафа отстали обои, полез в шкафчик, достал клей «Момент» и приклеил. И снова перед ним наполовину отпечатанный на портативной машинке лист бумаги. Краем глаза заметил, что на бронзовой шкатулке с лежащим в свободной позе охотником на крышке пыль. Сходил на кухню, намочил тряпку и протер шкатулку, а заодно и все остальное, вплоть до книжных полок.

Почему так мучительно работается? Всякий раз нужно делать невероятные усилия, чтобы дотронуться до клавиш машинки... А вот, кажется, мелькнула интересная мысль! Отпечатав два предложения, снова уперся взглядом в стену. Между двумя книжными полками ему язвительно улыбалась с портрета жена. Вернее, бывшая жена. Еще два месяца назад они числились мужем и женой, а теперь он – холостяк Ирина ушла к тому самому бородатому художнику Илье Федичеву, с которым он ее много лет назад застукал в мастерской, вернувшись из Калинина. Раньше он был чернобородый, а теперь, наверное, сивобородый... Интересно, Федичев написал этот портрет?

Вспомнился до мельчайших подробностей последний разговор с Ириной. Вадим Федорович только что вернулся в отличном настроении из Андреевки, где хорошо поработал. Андрея дома не было, надо сказать, что сын – великий непоседа! Хватается за любую работу, лишь бы не торчать в городе. Впрочем, Андрей знает, чего хочет. Он молод, ему не терпится увидеть дальние города, новых людей – набирается

опыта... Оля занималась в его кабинете. Почему-то и она и Андрей в его отсутствие всегда занимались именно тут. Вадим Федорович не упрекал их за это, лишь просил не трогать его папки, записи, не переставлять книги. Дочь проворно вскочила с кресла, повисла у него на шее. От нее пахло приятными духами. Теперь все помешаны на французских духах! В помещении ли, на Невском – везде витает этот сладковатый душистый аромат...

– Папочка, ты еще на пять лет помолодел в своей Андреевке! – весело затрещала она. – Дай бог, чтобы я уродилась в тебя. Долго буду молодая и красивая...

– Куда уж больше! – улыбнулся Вадим Федорович. – Наверное, и так от кавалеров нет отбоя?

– Папа, современные люди не говорят «кавалеры»!

– Современные люди говорят: «хахали», «твой мужик»? По-моему, «кавалер» звучит куда благороднее.

Оля пошла на кухню готовить ужин – Вадим Федорович приехал на машине в восьмом часу, – и он вдруг подумал, что в доме что-то произошло. Оля не умела лгать – в ее глазах глубоко прятались то ли печаль, то ли сожаление, а может, даже жалость к нему, ее отцу. Последнее большее всего задевало Казакова. Если тебя начинают жалеть, значит, ты слабый человек, а он себя в душе таким никогда не считал...

Пока он с аппетитом ел, дочь рассказывала про Андрея: дескать, вернулся из дальней поездки мужественный, загорелый, побыл в городе неделю, взбаламутил всю свою авто-

транспортную контору – кого-то там разоблачил в крупных махинациях, всю ночь писал про это в газету, а потом снова укатил с корреспондентом, кажется теперь в Молдавию...

– Ты можешь гордиться своим братом!

– Я братом горжусь, тобой, а когда же мною будут гордиться?

– Я и сейчас тобой горжусь, – серьезно заметил Вадим Федорович. – Умная, красивая, не умеющая скрывать своих чувств... Ну ладно, рассказывай, – сказал он, уплетая котлеты с картошкой. Про себя он заметил, что Оля и словом не упомянула о матери.

– Что еще рассказывать? – округлила свои подведенные светло-карие глаза дочь. – Я и так тебя новостями засыпала! Да, вспомнила: Миша Дерюгин звонил, спрашивал, когда приедешь...

– Где твоя мать? – прихлебывая крепкий чай из своей любимой большой кружки с синим цветком, равнодушно спросил он.

– Разве моя мать, – сделав упор на слове «мать», произнесла Оля, – не твоя жена?

– Не хочешь – не рассказывай, – пожал он плечами.

Не то чтобы он вдруг запереживал – они уже несколько лет не поддерживали с Ириной супружеских отношений, – просто вдруг почувствовал, что привычное течение жизни в этом доме нарушилось. Вот только к лучшему или худшему – он этого еще не знал.

– Она сама тебе все расскажет, – вздохнула дочь.

И действительно, Ирина, вернувшись в одиннадцатом часу, все ему выложила. Причем в не свойственной ей форме. Последние годы они избегали портить друг другу настроение. Держались как хорошие квартиранты, у которых все общее: квартира, дети... Пожалуй, и все. Остальное принадлежало каждому в отдельности – это свобода, независимость, работа.

Ирина Тихоновна выглядела сегодня на диво помолодешей, правда, и косметики на ее полном круглом лице было наложено больше, чем обычно. Чувствовалось, что она стала еще тщательнее следить за собой, молодиться, даже вроде немного похудела, что явно пошло ей на пользу. Однажды вечером, столкнувшись с женой в ванной комнате, Вадим Федорович ужаснулся: на ее лице была наложена маска из сметаны и огурцов. Про такое он и не слыхивал. Не так уж часто вспоминая жену, он почему-то чаще всего мысленно видел ее в сметанно-огуречной маске с дикими вытаращенными глазами...

Оля деликатно оставила их вдвоем на кухне, даже прикрыла дверь. Ирина Тихоновна села напротив, налила в чашку чай, однако пить не стала, зато раздражающе помешивала сахар мельхиоровой ложечкой. Вадим Федорович косился, но молчал... Впрочем, скоро он забыл про эту мелочь.

– Я не хотела тебе писать в Андреевку, – начала жена, – тебе там так хорошо работается...

– Не хотела выбивать из колеи? – вставил Вадим Федорович.

– Я не знаю, может, та жизнь, которую ты ведешь, тебя и устраивает, – продолжала Ирина Тихоновна. – Мы с тобой давно не любим друг друга, стали чужими, не интересуемся делами... Ты, наверное, даже не знаешь, что я получила премию Союза художников РСФСР за рисунки к детской повести?

– Поздравляю, – сказал он. Он действительно об этом не знал.

– Я не читаю твои книги не потому, что ты плохо пишешь, просто твой голос звучит в моих ушах, раздражает...

– Спасибо за откровенность!

– Моей откровенности тебе сейчас с избытком хватит, – нервно хохотнула она. – Хватит на целый роман...

– Давай не будем задевать наши профессиональные дела, – попросил он.

– Мы с тобой вырастили детей, – в том же тоне говорила она. – Они на нас не могут быть в обиде: ни ты, ни я ничего для них не жалели... Ну а то, что они больше любят тебя, не моя вина. Как же, ты – яркая личность! Писатель!

– Я же тебя просил!

– Кто там у тебя есть, на это мне наплевать. Женишься ли ты или нет, – я думаю, что нет, – это мне тоже безразлично. Но я должна была подумать и о себе. Не оставаться же мне на старости лет соломенной вдовой? Дети – взрослые, не сего-

дня завтра разлетятся, обзаведутся собственными семьями. Андрей, по моему, скоро женится. А мой бабий век недолог. Короче, милый муженек, я ухожу от тебя. Кажется, мне выпал последний шанс устроить свою жизнь... Еще немного – и будет поздно. У Федичева год назад умерла жена, недавно он сделал мне предложение. Ну, кто такой Федичев, надеюсь, тебе не надо говорить?

– У него борода синяя? – поинтересовался Казаков.

– Синяя? О чем ты? – непонимающе уставилась на него Ирина Тихоновна. На миг лицо ее стало растерянным. – Ты вечно шутишь! Если бы ты знал, как я ненавижу твои дурацкие шуточки!

– На роман это не потянет, даже на захудалую повесть, разве что на коротенький рассказ, – сказал Вадим Федорович, ругнув себя за то, что и сам коснулся своей профессиональной темы.

– С Андреем и Олей я уже переговорила: они остаются с тобой. В квартире я не нуждаюсь, у Федичева – прекрасная жилплощадь, у него и у меня – мастерские, так что твои квартирные интересы ничуть не пострадают... Впрочем, ты почти и не живешь в городе. О разводе я уже позаботилась: тебе нужно только подписать заявление. Надеюсь, ты не станешь чинить никаких препятствий?

– Я могу лишь поблагодарить тебя за активность и бурную деятельность, – помолчав, серьезно ответил он. – Не ты – я так бы до скончания века и жил между небом и землей.

– Это твоё привычное состояние, – не удержалась и подковырнула Ирина Тихоновна. Она достала из сумочки сигареты в красивой красной коробке, цилиндрическую электронную зажигалку и закурила.

– Вроде бы ты раньше не курила? – удивился он, отводя руками дым от лица. Он сам не курил и не любил, когда рядом дымили другие.

Глаза Ирины Тихоновны вдруг повлажнели, нижняя губа мелко задрожала, но она справилась с собой и сквозь слезы ослепительно улыбнулась. Её улыбку тоже показалась ему новой, незнакомой. Так натренированно улыбаются кинозвезды с экрана. Черт возьми; действительно, он помнил Ирину прежней, мягкой, уступчивой, скромной, а сейчас перед ним сидела решительная, напористая женщина, которая за своё бабье счастье готова глотку перегрызть! Когда все это пришло к ней? И от кого? Уж не от Федичева ли? Тогда они воистину достойная пара! Так круто повернуть свою судьбу может только человек с сильной волей. Помнится, когда он уезжал в Андреевку, Ирина заботливо сложила ему в сумку выглаженные рубашки, приготовила в дорогу еду, даже проводила до машины...

– Знаешь, что тебя ждет в будущем? – спокойно сказала она, выпуская голубой дым немного в сторону.

– Ко всему прочему ты еще стала и гадалкой? – усмехнулся он.

– Одиночество. Быть тебе до конца своей жизни одино-

ким бирюком, – безжалостно заявила она. – Тебе не нужна семья, дом, забота – ты все умеешь сам.

– Разве это плохо?

– Я ведь помню, каким ты был, когда мы познакомились у Вики Савицкой на даче: веселым, остроумным, компанейским... А потом твои романы, повести высосали тебя без остатка. Ты превратился в машину для написания книг. Я знаю, что твои книги нравятся людям, за ними гоняются, – наверное, тебе это льстит, – но ведь о тебе не пишут в газетах-журналах, у нас дома не было ни одного критика-литературоведа, кроме Ушкова... О тех, кто начинал вместе с тобой, уже книги написаны, лауреатами стали, а вокруг тебя заговор молчания. Ты почти не встречаешься с писателями, артистами, кинорежиссерами, а ведь многое решается при личном общении, за столом, в кругу друзей, а у тебя и друзей-то почти нет... Не делай такие глаза, есть у тебя один друг... замминистра! А что он сделал для тебя? Помог выпустить в Москве книгу в подарочном издании? Или несколько томов избранного? Как же, вы с ним на эту тему даже не разговариваете! Вы выше житейских благ, вас волнуют лишь проблемы мироздания... Ты, как волк в лесу, сидишь в своей Андреевке и пишешь, пишешь...

– Может, ты и права, – вздохнул он, удивляясь ее красноречию. Давно не слышал он от Ирины таких длинных речей.

– Права, дорогой, ой как права! Не умеешь ты жить. Ну и чего ты в конце концов добьешься? Умрешь, а потомки тебя

прославят? Но другие-то, кто поумнее тебя, хотят красиво и богато жить сейчас, их мало волнует то, что будет потом...

– Потом для них ничего не будет, – прервал ее, задетый за живое, Вадим Федорович. – Всегда так было, есть и будет: одни живут сегодняшним днем, обжираются у своих кормушек, мнят себя классиками, а на поверку оказываются ничем, пустым местом. А другие сами себе творят памятник. И потомки будут как раз познавать нашу эпоху по их книгам, а не по конъюнктурным однодневкам раздутых мыльных пузырей!

– Нельзя быть таким гордым и самонадеянным, – вдруг сникла Ирина Тихоновна и тонкими пальцами с розовыми ногтями смяла длинный мундштук сигареты. – Все, Вадим, летит мимо тебя, а ты уже этого и не замечаешь...

– Я замечаю все, – резко сказал он. – Иначе грош цена была бы мне как писателю! Но я не хочу уподобляться телевизионным кликушам, никогда не унижусь до того, чтобы кому-то угождать, кланяться и ждать за это, как некрасовские крестьяне у парадного подъезда, милостей от барина...

– Что это на меня нашло? – кисло улыбнулась Ирина Тихоновна и даже провела ладонью по лбу. – Я учу, как жить, великого знатока нашей современной жизни! Непризнанного классика!

– Что еще ты хотела мне сказать? – холодно спросил Казаков. Ему надоело это бесполезное препирательство. И он тоже удивлялся: чего это на нее сегодня нашло?

– Ты не возражаешь, если я завтра увезу отсюда стереосистему «Сони»? – отводя глаза в сторону, спросила она. – У тебя все-таки остается машина.

– Бери из дома все, что хочешь, – равнодушно заметил он. Ему вдруг стало скучно; если до сей поры ее слова не то чтобы его больно ранили, но, по крайней мере, задевали за живое, то сейчас все скользило мимо.

– Оля будет против, но ты, пожалуйста, скажи ей, что с первого же гонорара купишь другую, более современную... Сейчас в моде такие переносные комбайны.

– Скажу...

– И еще одно... – Ирина Тихоновна замялась. – Ты не дашь мне четыре тысячи? Мы с Ильей решили поменять его «Москвич» на последнюю модель «Жигулей»? «Семерка», что ли? Ну, знаешь, такие, с пластмассовым бампером?

– Не знаю... Деньги я смогу тебе дать лишь после Нового года.

– Ну вот и все, – сказала она с явным облегчением. – Хорошо, что мы понимаем друг друга с полуслова... Я думаю, мы сможем остаться хорошими друзьями...

– Я так не думаю, – резко ответил он.

Она повертела пачку сигарет в руках, хотела закурить, но, взглянув на Вадима Федоровича, снова убрала ее в сумочку. Чай она так и не выпила, молча смотрела в окно, за которым колыхалась осенняя ленинградская ночь с тусклыми огнями за Фонтанкой. И он вдруг как бы по-новому увидел свою

бывшую жену: женственность еще сохранилась в ее фигуре, осанке, но лицо приобрело новые, жесткие черты. Уголки губ опустились, отчего выражение круглого лица сделалось усталым, недовольным, в глазах появился не свойственный ей раньше холодный блеск. Былая женственная мягкость, которая больше всего привлекала Казакова в жене, уступила место мужскому волевому началу. Вспоминая Илью Федичева, стоявшего полураздетым, с подсвечником в руке на подоконнике в мастерской на Литейном, его отвислую безвольную нижнюю губу, женственную округлость расплывшейся фигуры, Вадим Федорович подумал, что в новой, по-видимому Ириной созданной, семье главой будет она сама. Это для Казакова был самый ненавистный тип семьи: глупая активная жена и муж-подкаблучник, смотрящий ей в рот...

– Ты сам понимаешь, оставаться мне здесь неудобно... – поднимаясь с желтой деревянной табуретки, сказала Ирина Тихоновна.

– Как будто я тебя задерживаю...

Скрипнула дверь, и показалась растрепанная светловолосая голова дочери.

– Милые родители, – пропела она, – а как нас, своих бедных деток, будете делить?

– Вы с Андреем уже выбрали, с кем вам быть, – сухо сказала Ирина Тихоновна.

– Для Андрея это будет такой удар! – притворно закатила вверх глаза Оля. – Он не поверил, что ты на это всерьез

решилась...

– Не придуривайся! – грубо заметила мать. – И тебе и Андрею наплевать на меня.

– Зачем ты так, мама? – укоризненно посмотрела на нее Оля. – Мы тебя тоже любим...

– Тоже... – покачала головой Ирина Тихоновна.

– А этот твой толстячок... Федичев не будет нас с Андрюшей обижать, если мы приедем к вам в гости? – детским голоском спросила Оля. Вадим Федорович с трудом сдержался, чтобы не прыснуть: очень уж у нее была при этом уморительная рожица.

– Чуть не забыла, – метнув на нее сердитый взгляд, вспомнила Ирина Тихоновна и полезла в кожаную сумочку. – Вот, подпиши заявление. И еще вот эту бумагу...

Вадим Федорович пошел в кабинет и, не читая, – он даже очки не надел, – подмахнул оба отпечатанных на машинке листка.

Ирина Тихоновна аккуратно сложила их, спрятала в сумочку, потом повернулась к дочери:

– Ты думаешь, я была счастлива с твоим отцом? Это вам нравилось, что он не влезает в ваши ребячьи дела, а каково было мне? Он и моими делами никогда не интересовался...

– Папа очень много работает... – вставила дочь.

– Я хочу хотя бы чуточку обыкновенного бабьего счастья, – продолжала Ирина Тихоновна. – И не вам меня осуждать за это... – Она все-таки не выдержала и заплакала.

Оля подошла к матери, достала из кармана ситцевого халатика платок, протянула ей.

– Мама, будь счастлива, – совсем другим, проникновенным голосом произнесла дочь.

Ирина Тихоновна привлекла ее к себе и еще сильнее зарыдала. Оля молча гладила мать по пепельным волосам, вытирала тыльной стороной ладони слезы на ее щеках.

– Боже, сейчас вся краска потечет! – спохватилась Ирина Тихоновна и, отстранив дочь, принялась в прихожей у овального зеркала приводить себя в порядок.

Вадим Федорович ушел в свой кабинет и осторожно притворил за собой дверь...

Вот так, без скандала и трагедии, окончательно ушла из его жизни Ирина Тихоновна Головина...

А за окном падал и падал крупный снег, уже не видно улицы, домов, деревьев – сплошная мохнатая шевелящаяся белая масса. И такое ощущение, будто ты один в этом белом мире. В этом медленном снежном падении растаяли герои романа, движение хлопьев приковало к себе все его внимание. Неумолимое упорядоченное движение. Так, наверное, двигались на завоевание мира полчища Александра Македонского, так катились на Русь татаро-монгольские орды. Одна снежинка сама по себе – ничто, а когда их несчетное множество – это лавина, способная покрыть собой все окрест...

Будто издалека донесся телефонный звонок. В городе долго один на один с собой и природой не останешься... Это в Андреевке нет телефона, всегда можно пойти в лес и окунуться в одиночество... Одинокий волк... Так назвала его бывшая жена. А известно ли ей, что одиночество просто иногда необходимо ему? Книги рождаются, когда ты один. А более высокой задачи в своей жизни, чем писать книги, Казаков не видел. Отними у него талант, и он просто станет никем. Не нужным людям и самому себе...

Длинные назойливые гудки, он насчитал их больше десяти, – так настойчиво мог звонить лишь один человек... Хотя и не хотелось снимать трубку, Вадим Федорович все-таки со вздохом снял ее. Как он и предполагал, это был Николай Петрович Ушков.

– Долго же ты спишь, дружище! – бодро, с веселыми нотками в голосе, заговорил старый приятель. – Ты выгляни в окно – что творится! Есть у нас белые ночи, а теперь – белое утро!

Вадим Федорович подумал, что Ушков к природе равнодушен, чего это он разошелся: белая ночь, белое утро! И тут Николай Петрович сообщил, что в январском номере московского журнала появилась большая статья Николая Лукова, в которой он, делая обзор современной литературы, гнев-

но обрушился на творчество Вадима Казакова... Непонятно только, почему он не «лягнул» последний роман, вышедший в прошлом году, а раздраконил две книги, вышедшие пятнадцать лет назад.

– Ты, старина, не расстраивайся, – рокочущим баритоном говорил в трубку Ушков. – Статья серая, как и сам автор, бездоказательная. Вначале он взახлеб хвалит именитых, причем вопреки здравому смыслу за их последние слабые произведения, пресмыкается перед литературными авторитетами, ну а в середине – надо же показать свою смелость! – пытается вымазать в дерьме тебя... Вообще-то статья подлая, за такие публикации бьют по морде. Приводит, глупец, отрывки из твоих романов, так они настолько ярче и образнее его статьи, что бьют самого автора наповал... Думаю, что если кто прочтет эту писанину, а я глубоко сомневаюсь, что Луков для кого-либо представляет интерес, то это только прибавит тебе популярности...

– Ты же прочел, – вставил Казаков.

– Я все читаю, – весомо заметил Николай Петрович. – Такая уж моя профессия.

Журнал вышел два месяца назад, а Вадим Федорович впервые услышал о статье Лукова. По видимому, Ушков прав, подобную критику почти никто не читает. Настроение ему, конечно, испортили, но особенной тревоги он не ощутил. Он попытался вспомнить Лукова, с которым однажды повстречался в Ялте, но, кроме розовой плеши и жирных

щечек, ничего не вырисовывалось. Кажется, он тогда грозился, что Казаков о нем еще услышит... Вот и услышал! Надо бы статью прочесть, но журнал столь непопулярный в стране, что его вряд ли кто из знакомых выписывает. Ушков прочел статью на работе, в читальном зале.

Николай Петрович заговорил о другом, спросил про Андрея – он читал в молодежном журнале его рассказ... Главное, что сын не подражает отцу.

– Не боишься, что отрок окажется талантливее тебя? – ехидно спросил он.

– Гораздо обиднее, когда говорят, что отец – бездарь, а сын еще хуже, – ответил Вадим Федорович.

Он читал рассказы сына и убедился, что парень действительно талантлив. У него вырабатывается свой стиль, свое поколение он знает лучше Казакова, чувствует его и наверняка будет близок и понятен молодежи. Пока в его прозе много вычурности, если так можно сказать, пижонства, но все это болезнь роста. Нет никаких сомнений, что Андрей скоро найдет себя, как нашел свою тему.

– Я шучу, старина, – говорил Николай Петрович. – Был Дюма-отец, был Дюма-сын...

Повесив трубку, Вадим Федорович задумался о судьбе писателя в наше время. Двадцать пять лет он работает в литературе, издал двадцать оригинальных книг, и вот нашелся злобный хорек, который взял и публично заявил, что ты не писатель. Ладно, ему не нравятся книги Казакова, но ведь

кто-то предоставил ему место в журнале, значит, кто-то согласен с ним в оценке писателя? А читатель? Читатель, который разыскивает книги Казакова, что он значит для критика? Читатель, конечно, не прочтет эту статейку, да и не его дело отвечать критику, но почему же Николай Петрович, высмеяв статью, не сказал, что даст достойную отповедь Лукову? И другой не даст. Выходит, писателю нужно самому защищаться? В бытность свою журналистом Вадим Федорович побывал в некоторых научно-исследовательских институтах, дотошно вникал в их сущность и сделал для себя удивительное открытие: есть институты, которые десятилетиями работают в убыток государству. Разрабатывают никому не нужные проблемы, расширяют штаты, научные сотрудники защищают кандидатские и докторские диссертации, а пользы от них – ноль! Неискушенный человек, походив по лабораториям и познакомившись с дорогим оборудованием, подумает, что здесь по меньшей мере решаются мировые проблемы современной науки. А книга? Ее любой может взять с полки и прочесть или, полистав, отложить. Может запросто заявить, что книга – дрянь, и никто не сочтет такого человека невеждой. Судить и рядить о современной литературе может всякий. Когда-то в седой древности у греческих и римских философов считалось венцом искусства риторики одинаково красноречиво произносить речи «за» и «против». Сопровождавший Александра Македонского в его походах философ Каллисфен поплатился головой за свое риториче-

ское искусство: Александр предложил ему на большом пиру произнести похвальную речь о македонянах, а затем царь коварно заставил философа раскритиковать тех же самых македонян, что, к возмущению последних, и сделал с блеском Каллисфен... Так и в печати, желая создать рекламу писателю, двое маститых критиков с одинаковым пылом выступают «за» и «против».

И еще одна мысль глубоко уязвила Казакова: в любой профессии человек растет снизу вверх, от рабочего до инженера, потом до директора предприятия, так же как солдат может прийти до маршала, а вот писателя, бывает, поначалу осыпают похвалами, называют явлением в литературе, чуть ли не классиком, а жизнь свою нередко кончает он в неизвестности. А что может быть более жалким, чем престарелый человек, с чьей-то недоброй помощью написавший в молодости одну-единственную книжку и проживший при литературе вечной приживалкой? А сколько бездарностей сделало литературу своим ремеслом и кует деньги на закрытых рецензиях, выступлениях, поездках на декады и месячники литературы в республиках...

Вот почему Вадим Федорович очень не хотел, чтобы сын стал писателем. Литература, как настоящее искусство, вечна, но всегда вокруг нее будут тучным роем виться кусачая мошкара, осы, даже шершни, которые больше всего жалят...

Казаков набросил на пишущую машинку чехол, встал из-за стола и подошел к окну. Снег все еще валил, но вроде

бы хлопья стали меньше, а просветы между ними больше. Уже сквозь белую мглу, как на пленке, стали проявляться кроны залепленных снегом деревьев, пышные белые крыши зданий. Глядя прямо перед собой, он подумал, что двух вещей своей статьей Луков уже добился – это испортил светлое утреннее настроение и начисто отбил на сегодня охоту работать.

Перед самым обедом – Казаков сам готовил для себя и дочери – позвонил знакомый филолог, доктор наук.

– Ты читал статью Лукова? – с места в карьер начал он. – Раскритиковал две твои лучшие книги!

А потом заговорил точь-в-точь как Ушков: дескать, он читает все журналы по долгу своей службы и вот наткнулся на эту гниль... Он так и выразился – «гниль», но опять так же, как и Ушков, не выразил желания опровергнуть в печати Лукова. Впрочем, под конец разговора сказал:

– Вадим Федорович, ты, главное, не принимай близко к сердцу. Статья явно тенденциозная, это прет из каждой строчки, и потом, вряд ли кто ее до конца прочтет: очень уж скучно и бездарно написано.

Больше звонков не было, а желание прочесть статью все больше возрастало. Без всякого аппетита пообедав, Вадим Федорович оделся и вышел из дома. Снег еще падал, но здесь, на улице, он не казался сплошной стеной. Дворники широкими лопатами сгребали его с тротуаров, от Литейного проспекта к набережной Мойки медленно двигалась снего-

уборочная машина. Ее растопыренные металлические руки плавно сгребали снег на транспортер. Три грузовика двигались за машиной. На подножке переднего стояла девушка в меховой шапке с длинными ушами и что-то весело говорила шоферу.

В киоске «Союзпечати» знакомая пожилая женщина – она тут работает годы – сказала, что не помнит, был журнал в продаже или нет. Она и получает-то два-три экземпляра, потому что никто его не спрашивает.

– Возьмите «Экран», – предложила женщина. – Тут в конце интересная статья о Бельмондо.

Вспомнив об увлечении дочери этим актером, Казаков взял экземпляр. С обложки на него печально смотрел артист Владислав Дворжецкий. Направляясь к следующему киоску, Вадим Федорович подумал, что странная судьба и у артистов: человека давно нет на свете, а он как ни в чем не бывало появляется на экранах, смеется, шутит, любит, страдает... Как бы проживает вторую жизнь.

Не купив журнал и в другом киоске, Казаков вдруг от души рассмеялся: ну чего он бегаёт по улице? Чего ищет? Почему в нем появилась неуверенность в себе? Незащищенность от суда людского? Так это даже не суд, а обыкновенная травля озлобленного неудачника. Перед глазами отчетливо всплыло жирное, толстогубое лицо Лукова. Да на этом лице было написано, что он всем завидует, лезет из кожи, чтобы заставить обратить на себя внимание...

Что-то мягкое, влажное мазнуло его по уху, ударило в плечо – с крыши сорвался ком снега. В редеющей снежной пелене проплывали автобусы, автомашины, их шины уже слизали на асфальте снег, лишь по краям вспучились белые холмики. Казаков взглянул на часы: через три часа прилетает из Минеральных Вод Виолетта Соболева. Она по-прежнему обслуживает южные линии. Луков, статья в журнале – все это ненастоящее, преходящее и исчезающее, а вот Виолетта – это сама жизнь. Ирина назвала его «одиноким волком»... Но пока у него есть Соболева, он не одинок. Даже когда ее нет рядом, он постоянно ощущает ее присутствие. О чем бы ни думал, Виолетта всегда рядом. И ее незримое присутствие не мешает работать, наоборот, вселяет в него спокойствие, уверенность в себе. А это постоянное ожидание встречи? Пожалуй, даже хорошо, что они так часто расстаются, не успевают наесть друг друга...

Во дворе ребяташки лепили снежную бабу. На широкое туловище прилаживали маленькую голову. Голова то кособочилась, то запрокидывалась назад. Вадим Федорович подошел к ним, прокатил ком по снежной целине, отчего он сразу стал в два раза больше, и крепко насадил на туловище.

– Дяденька, приделайте снеговику нос, – попросила розовощекая девчушка в короткой белой шубке. – Нам не достать.

– Какой нос – длинный или короткий? – серьезно спросил он.

– Длинный, длинный! – хором закричали ребяташки.

Он встал на спинку скамьи и, дотянувшись, отломил от старой липы сухой сук. Тот как нельзя впору пришелся снеговика. Пришлось сделать и глаза, вставив два кусочка черной коры. Отойдя назад, любовался на дело рук своих и остался доволен. У парадной еще раз оглянулся и, немало озадачив ребяташек, громко рассмеялся: снеговик вдруг разительно напомнил ему плешивого Лукова...

3

Поздно вечером в квартире Лукова пронзительно зазвонил телефон – так могла звонить только междугородная. Трубку подняла жена: Луков чистил на ночь зубы в ванной.

– Тебя из Волгограда, – позвала жена. – Приятный женский голос...

– Кто бы это мог быть? – пробормотал Николай Евгеньевич, подходя к аппарату. На подбородке белело пятнышко от зубной пасты.

Звонила Зина Иванова. Голос у нее действительно был приятным.

– Я только что прочла в журнале вашу статью, – говорила она. И слышимость была на удивление хорошей. Жена стояла в дверях кабинета и смотрела на него. – Мы не согласны с ней, Николай Евгеньевич!

– Кто это мы?

– В институте была читательская конференция по книгам Вадима Казакова, выступали студенты, аспиранты, преподаватели – и все хвалили их... И вдруг такая статья!

– Вы уж простите меня, что не погладил его по головке...
– добродушно заметил Луков.

Он уже и думать больше не хотел о Казакове. Ему приятнее было вспоминать телефонный разговор с Леонидом Ефимовичем, который одобрительно отозвался о статье и сообщил, что уже кое с кем переговорил насчет приема Лукова в Союз писателей...

– Я всю ночь писала отчет об этой конференции... – звенел в трубке голос Зиночки. – Один экземпляр – в нашу газету, а другой вам пошлю, ладно?

– Присылайте, – усмехнулся Николай Евгеньевич, а про себя подумал: «И охота ей такой ерундой заниматься?» – Да, а зачем она мне... ваша... корреспонденция?

– Мы ведь не согласны с вами!

– И ты думаешь, твоя статья заставит меня изменить мнение о Казакове?

– Там будет много подписей...

Повесив трубку, он проворчал:

– Дура! – Но, увидев, как дрогнули губы жены, небрежно бросил: – Да не тебе я... Провинциальная глупышка позволила, видите ли, ей не понравилась моя статья...

– Про Вадима Казакова? – уточнила жена. Она все статьи мужа читала. – Я тоже от кого-то слышала...

– Что ты слышала? – вскинулся он. – Надоел мне этот Казаков и разговоры о нем!

– Мало ли что люди болтают...

– Я не хочу о нем говорить! – повысил голос Луков.

Жена надулась и ушла, а он долго еще сидел в кабинете и смотрел в окно на сверкающую переливчатыми огнями ночную Москву... Его шеф в институте вчера сказал, что он не разделяет мнения Лукова о Казакове, и очень лестно отозвался о ленинградце. А шеф – членкор! Заведующая отделом критики журнала тоже позвонила и сообщила, что пришло несколько писем от читателей, которые не согласны с оценкой творчества Казакова...

Но были люди, которые хвалили его статью... Вот их мнение много значило для Николая Евгеньевича! Эти люди поддержат его, помогут вступить в Союз писателей. Чем же все-таки насолил им Казаков?..

И все-таки что-то терзало Лукова. Может, звонок этой девчонки из Волгограда? Или неодобрение шефа?..

Луков достал из ящика письменного стола трубку, марочный табак в красивой круглой коробке, набил ее и закурил. Вообще-то он не курил, так, изредка в гостях баловался, а трубка и табак остались из прошлого... Он подражал руководителю своей научной работы, который курил трубку и имел к ней разные хитроумные приспособления для набивки табака и чистки от никотина. Защитившись, он сразу перестал курить трубку: от кого-то услышал, что немудрено приобре-

сти рак губы или языка... Дым щекотал ноздри, Николай Евгеньевич старался не вдыхать его в себя. Видно, запах быстро распространился по квартире, потому что скоро в кабинет снова заглянула жена и ахнула:

– Коля, ты с ума сошел! Прекрати сейчас же дымить! У тебя совсем недавно был бронхит. Забыл, как я тебя отпаивала горячим молоком с содой?

– Подумать только, звонит домой и выговаривает... – не мог успокоиться Николай Евгеньевич.

– Кто она? – осторожно спросила жена.

– Ничтожество, – отмахнулся он. – Была в Ялте, где я вел семинар начинающих писателей.

– Понятно...

– Что тебе понятно? – отмахнулся он. – Сколько я провел этих самых семинаров...

– Но никто из студентов не звонит тебе так поздно... – ввернула жена. – И откуда ей известен наш телефон?

– Послушай, я устал, а мне еще надо немного поработать, – сказал он, кивнув на пухлую рукопись книги о Вячеславе Шубине. – Откуда я знаю, чего этой дурочке – я уж не помню, кто это, – взбрело звонить мне по поводу статьи о Казакове? Видно, его ярая почитательница, раз наговорила мне столько гадостей...

– Не задерживайся долго, – заботливо сказала жена. – Потом не уснешь.

Монография о Шубине уже стояла в плане московского

издательства, летом уйдет в производство. Вячеслав Ильич Шубин завалил его разными материалами о себе и вообще проявлял большую заботу о книге. Пробыл ее в издательский план на ближайший год. Шубин посоветовал подавать документы в приемную комиссию, он уже кое с кем переговорил, так что к осени его заявление разберут, он, Шубин, не сомневается, что Лукова примут к Новому году в Союз писателей...

Познакомившись с творчеством Шубина, Луков пришел к выводу, что тот довольно слабый писатель, в своих книгах он повторяется, более-менее ничего у него обстоит дело с рассказами, повести слабые, а до романа ему вообще не подняться. И тем не менее Николай Евгеньевич поставил на верную лошадку. Во первых, книга выходит без всяких хлопот – уже и рецензенты подобраны, – во-вторых, Шубин в благодарность за монографию обеспечивает стопроцентное прохождение Лукова через приемную комиссию. И с секретарями правления – последней инстанцией – у Шубина самые наилучшие отношения. Так что, как говорится, дело в шляпе...

Эти мысли немного развеяли дурное настроение, возникшее после разговора с Зиной Ивановой из Волгограда... Немного беспокоило отношение самого Казакова к критике. Обычно после таких нападков – а Луков не жалел желчи – писатель обращался в «Литературку» или другой печатный орган с опровержением на несправедливую критику, бывает,

кто-то вступает за него, естественно, если он попросит... Казаков же упорно молчит, никуда не пишет, не жалуется... По крайней мере, он, Николай Евгеньевич, об этом ни от кого не слышал.

Пожалуй, это его единственная статья, которая привлекла хоть чье-то внимание, – остальные не вызывали никаких разговоров, тем более споров. Значит, все-таки он правильно рассчитал свой удар: имя Казакова привлечет внимание литературной общественности и к его имени...

Трубка давно погасла. Все меньше становилось огней и за окном. Москва завалена снегом, в этом году настоящая зима с морозами и выюгами... Шубин приглашал на выходные к себе на дачу в Переделкино, Николай Евгеньевич там бывал, даже парился в русской бане, что построена на участке Вячеслава Ильича. Шубин сейчас, как никогда, ласков с Луковым, готов его на руках носить. Все, что о нем пишет Николай Евгеньевич, ему нравится... Еще бы, кто другой взялся бы за такую неблагодарную работу?..

Николай Евгеньевич самодовольно усмехнулся и убрал трубку и табак в средний ящик письменного стола. По пути в спальню остановился перед зеркалом в прихожей, внимательно посмотрел на себя: еще ничего, вот только плешь растет и ничем ее не остановишь, а у этого бездаря Шубина дурной волос прет даже из ушей... Почему такая несправедливость? Николай Евгеньевич лелеял мечту, что лишь вступит в Союз писателей, сразу уйдет с надоевшей, никчемной

работы, которая только время отнимает, а ничего не дает. Впрочем, в институте можно и остаться: две лекции в неделю его не обременят, а видимость, что он, Луков, еще и служит, только сыграет ему на руку. Вот тогда он покажет, кто такой Николай Луков! Все сетуют, что мало пишут о современных писателях, так вот он и будет им судьей! Одного – убивать, другого – миловать...

– Коля, ты уже идешь? – спросила жена, отрываясь от книги и приподнимая голову от подушки. На ночь она всегда читала.

– Я, наверное, в пятницу на выходные съезжу к Шубину в Переделкино, – раздеваясь и зевая, сообщил Николай Евгеньевич. Жenu он с собой к писателю ни разу не брал.

– Ты знаешь, твоего Шубина невозможно читать – я сразу засыпаю, – сказала жена. – Предложения длинные, а мыслей нет...

– Тоже мне ценительница... – зевнул Николай Евгеньевич.

Укладываясь рядом, он бросил рассеянный взгляд на обложку книги, которую читала жена, и обомлел: это был роман Вадима Казакова, который он взял в библиотеке.

– И охота тебе читать эту муть? – вырвалось у него. Решительно отобрал книгу и швырнул на ковер. Отвернувшись к стене, натянул на голову одеяло.

– А ты знаешь, Коля, Вадим Казаков неплохо пишет, – сказала жена, выключая торшер. – Не чета твоему Шубину.

По-видимому, они заметили ее еще в фойе кинотеатра «Художественный» на Невском. Оля Казакова пришла за полчаса. В фойе была выставка молодых художников. Оля обнаружила среди других работ две картины Пети Викторова: «Экспедиция Беринга» и «Охота на кита». Романтические картины Викторова заметно выделялись своим мастерством среди других полотен, написанных в модернистской манере. Оля еще раз порадовалась за друга Андрея. Все детали тщательно выписаны, ощущается романтика севера, любовь к его суровой природе. А если и есть некоторая условность, особенно в картине «Охота на кита», то это лишь усиливает романтичность обстановки. И киты великолепны, а от могилы полярника будто бы исходит северное сияние.

Оля так увлеклась рассматриванием картин, что не услышала звонка. И лишь когда зрители потянулись в зал, вспомнила, зачем она здесь. Нужно будет позвонить Пете и поздравить с успехом. Он подолгу пропадал на своем любимом севере, всякий раз привозил оттуда десятки новых картин. Мог работать на лютом морозе, в темную полярную ночь, освещаемую лишь северным сиянием. Викторов был ни на кого не похож. Поначалу Оле показалось, что в его письме чувствуется некоторое влияние Рокуэлла Кента, но позже это прошло. Наверное, просто киты и ледяные торосы вызвали

у нее это ощущение.

Фильм Оле не понравился, обыкновенная сентиментальная история о двух влюбленных. Говорят друг с другом, как на дипломатическом приеме; корчат из себя эдаких незаурядных, а все кончается свадьбой... А вот Асе Цветковой картина понравилась, говорит, два раза смотрела. Как тут было не пойти?..

Выбравшись с толпой зрителей из подворотни на Невский, – в Ленинграде во многих кинотеатрах заходишь в зал с центральной улицы, а выбираешься какими-то темными дворами в узкий переулок, о существовании которого и не подозревал, – Оля не стала дожидаться автобуса и пошла домой по улице Маяковского. Было около двенадцати ночи. Снег белел на обочинах, на крышах зданий, а проезжая часть и тротуар были чистыми. Уличные фонари горели вполнакала, от домов и деревьев в скверах падали на асфальт густые тени. Из амбразур подвальных помещений серыми призраками выходили бездомные кошки, но, увидев людей, снова ныряли в черные проемы. Впрочем, людей в этот час на улице было немного. Выплеснувшаяся из «Художественного» толпа зрителей как-то быстро рассосалась. Не доходя до улицы Жуковского, Оля услышала позади шаги. Обернулась и увидела трех парней в капроновых куртках и одинаковых шерстяных шапочках, которые называют «петушками». А впереди, с сумкой через плечо, шагал высокий парень в пушистой шапке и коротком «пуховике» с круглым

воротником. Эти стеганные заграничные куртки на гагачьем пуху были очень модными. Издали казалось, что куртка тяжелая, будто выложена из кирпичей, а на самом деле была легкой, как пушинка. Кстати, у Пети Викторова тоже была такая. Оля еще обратила внимание, что ноги у парня длинные, как циркули. Шагов парня не слышно было. Скоро она забыла про него: шаги сзади стали чаще, она уже слышала дыхание парней. Нет, она не испугалась – и раньше к ней приставали на улице не только в вечернее время, но и днем.

– Девушка, куда вы так торопитесь? – слышался хриловатый голос.

Умнее никто из этих «приставал» ничего еще не придумал. «Девушка, куда вы торопитесь? Девушка, не страшно вам, такой красивой, одной ходить по улице?..»

Она не сочла нужным даже отвечать на эту банальность. И вдруг почувствовала, как кто-то крепко ухватил ее за плечо и резко развернул к себе. Она была в своем любимом кожаном пальто, высоких мягких сапогах и круглой шерстяной шапочке с помпоном В руке маленькая замшевая сумочка. Встретившись глазами с парнем в капроновой куртке, она поняла, что эти «приставалы» совсем иного рода, чем те, с которыми довольно часто имела дело. Парень нагло ухмылялся и не отпускал. У него были близко посаженные глаза и выдающийся вперед подбородок. В верхнем ряду зубов – черная щербинка. Лица остальных двух парней, окруживших ее, почему-то не запомнились. Все они слились в од-

ну большую ухмыляющуюся наглую рожу, дышащую перегаром.

– Отпустите меня сейчас же! – не узнавая своего голоса, сказала она. Нет, тогда она еще по-настоящему не испугалась, думала, что все сейчас закончится дурацкими шуточками и она, отчитав их как полагается, пойдет дальше.

– Нам как раз не хватало такой смазливой цыпочки, – произнес тот, со щербинкой, и вдруг, приблизив к ней лицо, прошипел: – Будешь, курва, орать – ножа схлопочешь! Понятно?!

Они стали подталкивать ее к темной арке, возле которой остановили. Со стороны Невского вспыхнули фары машины и сразу же погасли. Мимо промчалось такси с зеленым огоньком. Как назло, никого на улице не видно. Прямо перед глазами маячила на белом фоне нарисованная синим посылка. Окно почтового отделения тускло светилось. Наверное, она все-таки изо всей мочи закричала, когда переступила черную тень, отделяющую арку от тротуара, потому что чья-то грубая рука с запахом вареной колбасы зажала ей рот. Этот отчаянный крик и услышал парень с ногами-циркулями...

– Там направо столярка, – проговорил тащивший ее в темноту парень. – Стукни чем-нибудь по замку, и он отскочит...

Они втащили ее в каменный двор, окруженный высокими стенами без окон, краем глаза она заметила над головой медленно ползущий по желтой стене, маленький, едва осве-

ценный лифт. Будто кто-то прямо в небо возносился. Она стала изо всех сил вырываться, тогда другой парень сгреб ее в охапку и поднял в воздух. И вдруг что-то произошло: руки парня разжались, и она шмякнулась на истоптанный снег, а вокруг слышались сдавленные крики, ругань, утробные вздохи, глухие удары. Кто-то над ней грязно выматерился, затем послышался удаляющийся топот. Лежа на снегу, она видела, как неподалеку поднимались со снега двое, скоро они исчезли из ее поля зрения.

– Вы не ушиблись? – услышала она спокойный голос.

В следующую секунду сильная рука подняла ее с земли и осторожно поставила на ноги. Это был тот самый парень в «пуховике», только шапки не было на его голове. Русые волосы спустились на лоб. Оле пришлось задрать голову, чтобы увидеть его лицо.

– У вас шапку украли, – растерянно произнесла она первые пришедшие на ум слова.

– И верно, – пощупав длинной рукой голову, сказал парень, однако в его голосе не было большого сожаления. – А я и не заметил.

– Боже, меня всю колотит, – вдруг всхлипнула она. Только сейчас пришел настоящий страх, даже ноги ослабели, и она невольно ухватилась за руку высокого парня. – Какие она мерзкие, и все на одно лицо... Бр-р! – Ее передернуло от отвращения.

– Грабители или... – посмотрев на нее, произнес парень.

– Ограбили они вас, – сквозь слезы улыбнулась Оля. – А меня до смерти напугали.

– Надо было хотя бы одного обездвигнуть... – вырвалось у парня.

– Как это... обездвигнуть? – переспросила девушка.

– Тут темно, я боялся, что не рассчитаю и... – Парень рассмеялся. – Сдали бы его в милицию, там он назвал бы своих дружков, да и шапку бы мне вернули... – Он снова внимательно посмотрел на девушку: – По-моему, я где-то вас видел.

– Все так говорят...

– Но я действительно вас где-то видел, – упорствовал он. – Я редко ошибаюсь.

Оля обошла замкнутый каменный двор, но шапки нигде не было. Они вышли на улицу, ветер растрепал парню волосы, защелкал кожаными полами Олиного пальто. Улица была пустынна, вроде бы фонари стали светить еще слабее. Фасады многоэтажных зданий напоминали шахматные доски – черные и желтые квадраты. В одном окне свет, в другом – темень.

– По-моему, милиция на улице Чехова, – вспомнила Оля.

– После драки кулаками не машут, – усмехнулся парень.

– А как же ваша шапка?

– Вы думаете, милиция будет искать ее? – Парень улыбнулся. Улыбка у него приятная, белозубая. – Черт с ней! Это у меня уже третья шапка, которую я теряю...

– И все при таких обстоятельствах?

– При разных... – уклончиво ответил он.

Она еще дрожала, все случившееся начинало ей казаться сценой из только что увиденного фильма – там тоже два подонка напали на девушку, только выручил ее знакомый парень, с которым она поссорилась...

– Я все еще не могу во все это поверить, – поежилась Оля. – Будто это случилось не со мной...

– Наверное, надо познакомиться? – улыбнулся он. – Меня зовут Глеб. Глеб Иванович Андреев.

Оля тоже назвалась, но руку протянуть не догадалась. Он тоже не сделал такой попытки.

– Вспомнил, где я вас видел, – сказал Глеб. – Вы играете в теннис.

– Красивый вид спорта... Только я даже ракетку в руках не держала.

– И все-таки я вас где-то видел, – настаивал он.

«Надо же какой настырный!» – подумала девушка. Однако чувство благодарности к нему вытеснило эту промелькнувшую мысль.

– Такое со мной впервые, – сказала она. – Сначала я даже не очень испугалась, думала, они просто так... Я громко закричала?

– Я думал, кого-то режут, – улыбнулся Глеб.

– Ас вами подобного не случалось?

– Со мной? – произнес он удивленно. – Да нет... ко мне

почему-то не пристают.

Они шагали рядом по пустынному тротуару. Пересекли улицу Некрасова, затем Салтыкова-Щедрина. Здесь было оживленно, по-видимому, в Доме офицеров закончилось какое-то мероприятие: от здания отъезжали черные «волги» и «газики», шли военные, моряки, девушки.

Оля сбоку рассматривала Андреева. Высокий, почти такой же, как ее брат. И очевидно, такой же сильный. Как он разбросал по двору этих подонков! И совсем не переживает, что такую хорошую шапку из-за нее потерял... Лоб чистый, высокий, красивый разрез светлых глаз. Интересно, кто он по профессии? Военный? Или спортсмен? Баскетболист? Или самбист?

– Не ломайте голову, – улыбнулся он, перехватив ее взгляд. – У меня самая обычная профессия: я – инженер-конструктор одного НИИ.

– Как вы узнали, что я думаю? – поразилась она.

– Тут не надо быть телепатом, у вас все на лице написано.

– Хорошо, теперь я вам скажу, почему вы оказались рядом... – начала она. – Вы были в кинотеатре «Художественный», смотрели этот скучный фильм, потом шли по улице и про себя ругали режиссера...

– Я был у приятеля на Марата, мы с ним прокручиваем одну интересную идею... В общем, засиделись у чертежной доски, пока его жена меня не прогнала.

– Почему я такая бездарная! – воскликнула Оля.

– Вы артистка?

– Я не волшебник, я еще учусь... – впервые улыбнулась Оля. – У вас просто дар все отгадывать!

– Вас обязательно будут снимать, – помолчав, серьезно сказал Глеб.

– Вряд ли, – вздохнула она, вспомнив Беззубова. – Я не умею ладить с режиссерами.

Он проводил ее до дома, она ожидала, что спросит телефон, но он не спросил. Прощаясь, не подал руки, лишь наклонил немного свою простоволосую голову со взъерошенными волосами и ушел, даже ни разу не оглянувшись. Поднимаясь к себе на третий этаж, Оля с досады кусала губы: странный парень! Другой бы на его месте... Даже не поинтересовался, где она учится... Она даже сама себе не хотела признаться, что ей очень хотелось бы, чтобы он позвонил и они встретились. Может, рассердился из-за шапки?.. Вряд ли, не похоже, чтобы он вообще о ней помнил, пока они шли. И что за странная штука эта жизнь! Подумав так, она улыбнулась: сколько раз люди произносят эту банальную фразу! И в жизни, и на сцене.

Дверь открыл Андрей.

– Андрюшка! Когда ты приехал? – прислонившись к стене, спросила она.

– Я уже хотел идти тебя разыскивать...

– На меня напали какие-то подонки... – всхлипнула Оля. – Они затащили меня в подворотню.

У Андрея даже лицо потемнело, а кулаки сами по себе сжались в два увесистых булыжника.

– Что за шутки!

– Меня спас высокий симпатичный парень в «пуховике», – неестественно весело произнесла она, раздеваясь в прихожей. – Он раскидал негодяев, как котят. Меня спас, а у него ондатровую шапку сперли!

– Все, точка, – рубанул воздух рукой брат. – Больше без меня на последний сеанс не пойдешь!

– Андрей, ты больше никуда не уедешь? – вскинула она влажные с блеском глаза на брата.

– Тебя же на день нельзя тут одну оставить, – добродушно ворчал брат, поднимая с пола ее синюю шапочку с помпоном. – Ничего себе происходят приключения со студенткой театрального института!

– Он какой-то странный... – думая о своем, произнесла Оля.

– Кто?

– Какой ты бестолковый! Да Глеб Андреев, который спас меня от этих подонков!

– Чем же он странный?

– Не попросил телефона, не предложил встретиться...

– Не он странный, а ты! – заметил брат. – Встретился нормальный, порядочный парень, а ты удивляешься? Неужели теперь такое редко в нашем мире?

– Да нет... Я просто...

– Ты просто не можешь поверить: как же это он сразу не признался тебе в любви, – рассмеялся Андрей.

– Я ему, видно, не понравилась... – вздохнула Оля.

– Я гляжу, тебя это больше огорчило, чем встреча с подонками?

– Ты знаешь, он чем-то напоминает тебя, – мягко сказала Оля, а потом ядовито прибавила: – Такой же здоровенный, сильный и... глупый!

Глава седьмая

1

Они встретились на кладбище в Андреевке весной 1984 года. Молодой майор ВВС в кожаной куртке с меховым воротником и девятнадцатилетняя девушка в узком сером пальто с длинными белыми волосами, спускающимися на спину. Он стоял у могилы своего отца, Бориса Васильевича Александрова, она – у могилы Александры Сидоровны Волоковой, умершей в 1981 году. На кладбище тихо, кроме них, тут нет никого. Снег еще белел под хвоей у ограды, ярко сверкал на солнце в лесных низинах, но могилы уже освободились от сугробов. Высокие, но не очень толстые сосны негромко шумели, в ветвях тренькали синицы. Пышные облака загоразживали солнце, и тогда колеблющиеся кружевные тени скользили по земле. У ограды на старых венках с истлевшими лентами, сваленных в кучу, изумрудно вспыхивали железные листья; впаянные в бетонные надгробия фотографии будто оживали – на строгих и улыбающихся лицах умерших менялось выражение, вырубленные надписи загорались золотым огнем.

Худощавый майор стоял без фуражки, голенища хромовых сапог блестели, выющиеся светлые волосы чуть примет-

но шевелил легкий ветер. Лицо у майора задумчивое, серые глаза заволокло дымкой воспоминаний... Он знал отца веселым, голубоглазым, полным сил. Они вместе ходили за грибами, ездили на рыбалку, вечерами мастерили во дворе самокат. У отца были золотые руки, все в Андреевке тащили ему для ремонта самые различные вещи. И отец никому не отказывал. К сараю он приделал пристройку, провел туда свет и иногда допоздна возился там с керосинками, репродукторами, мясорубками, паял кастрюли и ведра. Иван Борисович до сих пор помнит напоминающий топорик паяльник. Длинная изогнутая железная ручка и медный накопечник. Кислота шипела от раскаленного паяльника, припой резво прыгал, как ртуть. Один мазок, другой – и на ведре или кастрюле ровная аккуратная пайка... Иван уже в школу ходил, когда началось это самое: отец стал пить, постепенно забросил все свои занятия, люди уже не носили ему вещи для ремонта, потому что они неделями валялись на верстаке. Отца уволили с одной работы, потом с другой, какое-то время, ценя его как отличного токаря и слесаря, брали на работу то в промкомбинат, то на Климовский стеклозавод, а потом он вообще нигде не работал. Часто не ночевал дома, но мать не ревновала: знала, что валяется где-нибудь под забором или на лужайке в привокзальном сквере, где чаще всего собирались местные пьяницы. Сначала Иван с матерью в сумерках ходили туда и, погрузив бесчувственного отца в тачку, привозили домой, но потом мать махнула на все ру-

кой. Раза три отец куда то очень надолго исчезал, но рано или поздно снова объявлялся в Андреевке. Один раз даже целый год не пил. И снова на работе у него дела пошли хорошо, а соседи стали приносить свою хозяйственную утварь... Но он опять сорвался – дружки-приятели не давали покоя – и уже больше не мог остановиться... Мальчику было больно и стыдно за отца, особенно когда везли его через все село, бесчувственного, в тачке.

Потом пришло равнодушие и презрение. Пьяный отец был занудлив, слезлив и сварлив. Мать и сестры уходили из дома, когда он заявлялся туда на своих нетвердых ногах. До самой смерти терпела художества отца лишь его мать – бабушка Ивана. А когда она умерла, за отцом уже больше никто не присматривал. Он продал и пропил отчий дом, все хозяйство, жил где придется – то у сестер, то просто у знакомых. Мать получила квартиру от стеклозавода, туда отцу доступа не было.

А год назад эта история с магазином и нелепая смерть отца. Конечно, не он ограбил магазин – милиция нашла истинных воров, – но, попав в помещение, отец не смог удержаться и вусмерть упился, на что и рассчитывали грабители...

Еще в детстве Иван Александров сделал для себя вывод, что водка – это самое страшное в жизни человека. Водка отняла у него горячо любимого отца, превратила его в незнакомого, грубого, чужого человека. При живом отце-пьянице он рос сиротой. Лишь после похорон пришла на смену пре-

зрению жалость. Возненавидев водку, Иван за все свои тридцать два года не напился ни разу. Конечно, в большие праздники он мог выпить рюмку-две, но не больше. И то делал это с отвращением, не понимая в душе – что люди находят приятного в этом зелье? Не понимал и того, почему иные люди при любом поводе и даже без повода тянутся к бутылке...

Снова солнце спряталось за огромное пышное облако. Ослепительный диск вдруг стал бледным, на него можно было безбоязненно смотреть, а облако напоминало огромный розовый абажур, до краев наполненный мягким светом. На соседнюю могилу опустились сразу три синицы, деловито обследовали холмик, поклевали невидимые крошки, наверное оставшиеся с прошлого года, и вспорхнули на ближайшую сосну. С нижней ветки внимательно смотрела на майора сорока. Белое с черным оперение ее тоже отсвечивало розовым, а крепкий клюв блестел. Из всех могил на кладбище выделяется монументальностью надгробие Андрея Ивановича Абросимова. На высоком гранитном цоколе – бронзовый бюст. В рубашке с распахнутым воротом, пышной бородой, чуть занесенной в сторону, сурово смотрит на входящих на кладбище знаменитый земляк, немало положивший фашистов в военные годы. Иван учился в третьем классе, когда здесь осенью торжественно открывали памятник Абросимову. Он хорошо запомнил этот день, потому что тогда всех школьников отпустили с занятий. Андрей Иванович Абросимов во время войны был назначен старостой в Андреевке.

И никто не знал, что он помогает партизанам, которыми командовал его сын – Дмитрий Андреевич. Разнюхал обо всем старший полицай Леонид Супронович. Когда фашисты пришли за Абросимовым, он вступил с ними в неравную схватку и положил четверых, а когда его вешали, ухитрился еще нескольких гитлеровцев покалечить. И для партизан он сделал немало, с его помощью были освобождены советские военнопленные, которых вели на базу.

Иван услышал негромкий вздох, оглянулся и увидел, как незнакомая девушка в сером пальто, обхватив сосну, как-то странно опустилась на землю. В несколько прыжков он оказался рядом, кажется, наступил на свежий, еще без надгробия, холмик, нагнулся над потерявшей сознание девушкой. Глаза ее с длинными черными ресницами закрыты, голова откинулась назад, обнажив белую полоску тонкой шеи. Девушка не упала, скорее, сползла вдоль ствола на землю. Она и сейчас еще обнимала дерево. Чистое, с маленьким носом лицо было бледным, накрашенный рот чуть приоткрылся.

Иван Борисович приподнял ее, осторожно посадил на скамейку у соседней могилы, растерянно огляделся и поднял с желтого песка маленькую сумку на длинном ремне. Ему еще ни разу не приходилось приводить в чувство упавшую в обморок женщину. Чем больше он смотрел на нее, тем ему становилось тревожнее, не бледность его смущала – нечто другое, необъяснимое. Он, как только пришел сюда, заметил ее, еще подумал, что вроде бы не местная. Своих, андреевских,

он знал. Но на кладбище мысли у человека совсем иные, чем в каком-либо другом месте, поэтому он скоро забыл о существовании девушки. Может, чувствовал, что она тут рядом, но думал совсем о другом.

Вспомнив, что в таких случаях брызгают водой или бьют по щекам, чтобы привести в чувство, он поднял ладонь и опустил... Не поднималась рука ударить девушку по гладким нежным щекам, на которые ресницы отбрасывали темную тень. Он приложился ухом к груди: сердце билось часто и сильно. От слабого дыхания трепетала светлая прядь волос, спустившаяся на щеку. Прислонив девушку к сосновому стволу, сбегал к ограде, смахнул осыпавшуюся хвою и сучки и взял две пригоршни чистого талого снега. Петля меж могил, по узкому проходу вернулся к ней и встретился глазами с ее большими, расширившимися, голубыми, как небо над головой, глазами.

– Вам стало плохо... – начал он.

– Такого со мной еще не было, – слабым голосом произнесла она.

Он машинально посмотрел на деревянный крест, на стесе которого химическими чернилами было написано, что здесь с миром покоится прах Александры Сидоровны Волоковой. «Вроде бы у бабки Саши по женской линии не было близких родственников, – подумал он. – Есть сын Павел, большой человек... Что же он могилу-то матери как следует не оборудовал?» И тут же дал себе слово в следующий приезд поста-

вить на могилу отца приличное надгробие с фотографией, как у других. Могила запущенная, видно, мать и сестры редко посещают ее, если вообще приходят сюда... Не сделана ограда, нет скамейки, цветника.

– У вас снег тает в ладонях, – сказала девушка. Он разжал ладони, и крупный зернистый снег, похожий на мокрую серую соль, просыпался на землю.

– Это моя бабушка, – перехватив его взгляд, показала глазами на могилу девушка.

– Вы – дочь Павла Дмитриевича? – удивился он. У Абросимова была лишь одна дочь – Лариса Абросимова, в которую он много лет был безнадежно влюблен. В ту самую Ларису, с которой сидел в школе за одной партой, которую провожал домой с вечеринок, ревновал, из-за которой дрался с парнями за танцплощадкой.. Лариса уехала в Москву к отцу, поступила в институт, на последнем курсе вышла замуж за однокурсника и уехала с ним по распределению в Волгоград. Не воспользовалась отцовским положением – чего стоило замминистру оставить дочь с зятем в столице! – видно, гордая, независимая... Лариса вот вышла замуж, а он, затаив на сердце обиду, остался холостяком. Пожалуй, он один в тридцать два года в авиаполку был неженат. Стоит ли винить Ларису? Она училась в Москве, а он – в Чугуеве. Летом два раза встретились в Андреевке, а потом девушка вдруг перестала приезжать сюда. И вот пришло то самое последнее письмо от нее... Он помнит его наизусть. Лариса сообщала,

что полюбила другого, видно, это судьба... Свою судьбу она устроила, а на его судьбу, наверное, ей было наплевать. С того времени изменилось и отношение Ивана Александрова к женщинам: он перестал им верить, хотя и понимал, что из-за своей сердечной неудачи нелепо обвинять в жестокости всех женщин. Понимал, но ничего поделать с собой не мог. Не то чтобы он по-прежнему любил Ларису Абросимову, но вот жениться на ком-либо в голову не приходило, хотя девушки и не обходили его своим вниманием. Что-то унесла с собой от него Лариса, а что именно – он толком и сам не знал...

– Вы слышали такую поговорку: «Не было гроша, да вдруг алтын?» – сказала девушка. – Я совсем недавно узнала, что у меня есть отец и бабушка Саша. У нее был еще один сын – Игорь Иванович Найденов, а я его дочь – Жанна.

– Вообще-то я местный, но про такого не слышал, – удивился Иван Борисович.

– Я приехала сюда из Москвы, – продолжала она. – Думала, бабушка еще жива...

– А там лежит мой отец, – кивнул он на могилу Александрова.

Она обвела кладбище глазами:

– Как здесь красиво. И тихо. – Ее взгляд остановился на нем: – А какая она была, моя бабушка?

– Сова-то? – наморщил он лоб. – Или нет, Совой тут звали другую бабку, она похоронена на старом кладбище... А бабка Саша была очень набожной, только люди говорили, что

она своему богу поклонялась.

– У каждого свой бог... – задумчиво проговорила Жанна. – А я вот ни во что не верю. И сюда приехала, потому что думала, меня обманули, а оказывается, у меня была бабушка...

Неделю назад модно одетая красивая женщина в кожаном плаще подошла к ней на улице – Жанна только что вышла из дверей медучилища – и протянула ей толстый конверт с заграничными марками.

– Вы Жанна Найденова? – спросила она. – Тогда это вам. Улыбнулась и ушла, даже ни разу не оглянувшись. Жанна обратила внимание, что каблуки на ее сапогах не узкие, как у всех, а широкие, на каучуке.

В конверте оказались фотографии высокого симпатичного человека, снятого на фоне белой виллы, у черного автомобиля и на пляже многолюдного курорта. Все фотографии были цветные, кроме одной, на которой была запечатлена рослая полная женщина с поджатыми губами и суровым взглядом. На обратной стороне – надпись: «Это твоя бабушка Александра Сидоровна Волокова, проживающая в Андреевке...» В короткой записке сообщалось, что пишет ей отец – Игорь Иванович Найденов, он живет в ФРГ, помнит свою дочурку Жанну и шлет ей свои приветы и пожелания счастья! Очень бы хотелось ее повидать, но как это осуществить, он пока не знает... О матери ни слова.

Это было ударом грома среди ясного неба: Жанна счита-

ла, что ее отец умер, – так ей сказала мать. В доме не было ни одной его фотографии... Девушка перерыла все в шкафах и комоды и в клеенчатой тетради с записями рецептов приготовления варений и солений обнаружила всего две фотографии отца. Да, человек у виллы был ее отцом! Конечно, он изменился, стал гораздо старше, чем на любительских снимках из клеенчатой тетради, но это несомненно был он.

Был тяжелый разговор с матерью, она нехотя рассказала про бегство отца за рубеж. За все долгие годы она не получила от него ни строчки, и очень странно, что он решил написать ей, Жанне... А про Александру Волокову она вообще ничего не слышала; по крайней мере, муж ей никогда не говорил, что у него есть родственники, – ведь он бывший детдомовец и фамилию получил там. Найденов... Наверное, его нашли где-нибудь на вокзале, – в войну много моталось по России бездомных детей...

– Вы не простудитесь? – нарушил течение ее мыслей голос майора. – У вас нет температуры?

Она промолчала. Не расскажешь ведь незнакомому человеку, от чего ее часто тошнит, даже вон плохо стало...

– Чем я могу помочь вам? – Голос у него мягкий, заботливый. А ей так всего этого сейчас не хватает...

– Помочь? – переспросила она. Нет, ей никто сейчас помочь не может. Единственный человек, которому она сказала, что беременна, даже в лице изменился... Этот человек бросил ее и сбежал из Москвы. Она даже не знает куда. И

человека этого зовут Роберт...

Майор молчал, переминаясь с ноги на ногу. К носку начищенного сапога прилип ржавый прошлогодний лист.

– Я не хочу возвращаться в Москву! – вырвалось у нее. – Я не хочу видеть никого... даже маму... Скажите, вас никто ни разу не предавал?

Он молчал, пристально вглядываясь в рогатого жука, пробирающегося по песку к могиле.

– Нет ничего на свете страшнее предательства, – продолжала она. – Когда тебя предают, не хочется больше жить...

И тут она подумала, что ведь ее отец – предатель! Он изменил Родине, подло сбежал с теплохода за рубеж... Он предал и мать, и ее, Жанну... Тогда она на глазах матери разорвала его письмо и фотографии. Даже и те, что обнаружила в клеенчатой тетради.

– У вас хорошее, доброе лицо, – будто говоря про себя, произносила странные слова Жанна. – И вас тоже предали, как и меня...

– Ваша бабка слыла тут колдуньей, – ошарашенно сказал он. – Наверное, это у всех Волоковых в крови...

– Я не знаю, зачем приехала сюда, – задумчиво сказала Жанна. – Может, бабушка меня позвала?

Лицо ее снова побледнело, в чистых голубых глазах – страдание. Ему показалось, что она пошатнулась. Осторожно обхватил ее рукой за тонкую талию. И вдруг он подумал, что все, что сейчас здесь происходит, нереально, будто во

сне: он, она, кладбище, тонкий запах духов от ее волос, такой беззащитный девичий профиль с мягким подбородком... И чем больше он смотрит на нее и слушает, тем сильнее она ему нравится... Кто же ее предал? Неужели есть на свете такие дураки, которые могут отказаться от такой девушки?..

Пушистая голова ее склонилась на его плечо, она глубоко вздохнула и, чуть повернув голову, посмотрела на него – таких глубоких, несчастных глаз он еще ни у кого не видел. Он и сам не заметил, как его рука коснулась ее волос, потом бледной, почти прозрачной щеки.

– У вас все будет хорошо, вот увидите, – произнес первые пришедшие на ум слова и сам понял, что они банальны, так все говорят, когда больше нечего сказать.

– Я хотела бы, чтобы меня похоронили здесь... – сказала она, снова окинув взглядом кладбище, высокие, чуть слышно шумящие сосны.

– Не думайте о нем, – вдруг сказал он. – Он не стоит вас, Жанна.

– Я же говорила – вы добрый, – улыбнулась она. – Просто удивительно, что вы до сих пор не женаты.

– Я женат, и у меня пятеро детей.

– Я даже знаю, на ком вы женитесь... – тоном гадалки продолжала она.

– На ком? – эхом отозвался он.

– Да все это ерунда! – ответила она. – Не обращайтесь внимания... Несу какой-то бред!. Будто кто-то мне все это на

уху нашептывает... – Она перевела взгляд на могилу Волоковой: – Может, она?..

Жанна поднялась со скамейки, но тут же схватилась за сосну. Лицо ее снова побледнело. Краски на нем так быстро менялись, что невозможно было за ними уследить. Только что щеки были розовыми, теперь бледные. А вот глаза голубые. Красивые, неглупые глаза.

– Я вас провожу, – сказал он.

– У меня здесь, наверное, больше нет родственников.

– Пойдемте к нам? – вдруг предложил он.

– У вас есть квашеная капуста? – Она смотрела мимо него на ограду. – Или соленые огурцы? Кажется, за огурец я готова полжизни отдать! Ночью в поезде мне все время снились огурцы в деревянной кадлушке... – Жанна отвела от лица белую прядь и пристально посмотрела ему в глаза. – Странно... – наконец произнесла она. – Я говорю вам, Иван, все, что мне приходит в голову... Роберту – да ну его к черту! – я бы ничего такого не сказала...

– На ком же все-таки я женюсь? – снова спросил Иван Борисович.

– Я не знаю, – честно призналась она. – Говорю же вам, на меня что-то сегодня нашло.

Он взял ее под руку и осторожно повел к деревянным воротам. Она доверчиво опиралась о его руку. Сумка болталась на длинном ремне сбоку. На ногах у нее высокие сапожки с острыми каблуками. Рука маленькая, с розовыми ног-

тиями, нежный запах духов не раздражал, наоборот, вызывал какие-то приятные воспоминания.

– Не бывает так на свете, чтобы человек был совсем один? – говорила она, а в ушах его будто бы звучал колокольчик. – Когда я узнала у первого встречного, что бабушка умерла и дом продан, я подумала, что тут, в Андреевке, я совсем одна... И вот рядом вы, Иван Александров.

Он ничего не ответил, только чуть крепче сжал ее локоть, а про себя подумал, что просто замечательно, что он в апреле приехал в Андреевку, утром пошел на кладбище и встретил эту тоненькую, беззащитную девушку с красивыми волосами, ласковыми глазами и тонким, проникающим в самую душу голосом. Где-то в подсознании всплыло круглое, с льняными волосами, лицо Ларисы и тут же исчезло.

– Самое удивительное, еще вчера утром я не знала, что сяду на поезд и поеду в незнакомую мне Андреевку, – говорила Жанна. – Будто кто-то шепнул на ухо: иди на вокзал, бери билет и поезжай... Я не верю в чудеса, но тогда как же все это объяснить? Вы не знаете, Иван?

– Знаю, – улыбнулся он. – Меня ведь тоже позвал отец...

– Им скучно тут лежать одним на кладбище, вот они и сговорились... – очень серьезно произнесла Жанна, хотя глаза ее так и искрились от еле сдерживаемого смеха. – Вы же сами говорите, что бабка моя была колдуньей.

– Доброй колдуньей, – прибавил он.

Вадим Федорович с высокой температурой лежал в постели в маленькой комнате. Недомогание он почувствовал еще вчера, но не придавал этому особенного значения. В Андреевке он приехал на машине три дня назад. Был конец апреля, и солнце светило в лобовое окно. Деревья и кусты на обочинах стояли еще голые, лишь на холмах и буграх зеленела первая весенняя трава. Он не раз проезжал здесь и всякий раз удивлялся: летом по обеим сторонам дороги тянутся в небо белоствольные деревья, кажется, что едешь по березовой аллее, кусты скрывают ямы и бугры, куда ни посмотришь, кругом зелень радует глаз, а сейчас все голо и пусто, на узловатых ветвях деревьев уродливыми бородавками вспучились круглые шары паразитов. Есть такие растения, которые живут в кроне за счет соков дерева. Коричневые поля навевали грусть. Они хороши летом, когда зазеленеют. В общем, весной все неприглядное вылезает на первый план. Даже в поселках замечаешь кучи мусора, навоз на огородах, грязь во дворе. И смешно и грустно видеть уныло скорчившуюся на крыше конуры собаку. Кажется, ей не хочется ступать на сырую, изъязвленную ямками с талой водой землю.

Может, он устроил сквозняк в машине, открыв окна с обеих сторон? Уже подъезжая к Андреевке, почувствовал головную боль, легкую резь в глазах. В доме никого не было,

он сразу затопил печь, и все же нежилой сырой запах не уходил. Развесил на веревки и двери ватное одеяло, простыни, чтобы просушить. Печка сначала дымила, так что слезились глаза, а потом растопилась, пламя загудело, даже пришлось трубу немного прикрыть.

Ночь он проспал вроде бы спокойно, а утром едва встал с кровати: ломило в висках, пересохло во рту, часто колотилось сердце. Достал из шкафчика градусник – температура подскочила до тридцати восьми градусов. Без всякого аппетита позавтракал тем, что осталось от ужина, и лег на кровать, натянув одеяло до подбородка. Вот она, обратная сторона медали холостяцкой жизни! Один в доме, с температурой – это утром тридцать восемь, а какая будет вечером? Ладно, без обеда он не умрет, есть не хочется, а дальше что? Открыть форточку и крикнуть: «Люди добрые, помогите! Помираю тут один!..» Вспомнил слова Ирины: «Ты всю жизнь проживешь одиноким волком. Когда тебе станет плохо, не будет рядом никого, потому что ты ни в ком не нуждаешься... Тебе некому будет подать стакан воды...» Пресловутый стакан воды, который одинокому некому подать... Об этом часто говорят. Конечно, стакан воды он и сам себе может налить, а случись в такой обстановке инфаркт, когда нельзя шевелиться? Тогда можно и впрямь окочуриться...

Он забылся тяжелым сном, в воспаленной голове мелькали какие-то незапоминающиеся видения, хотелось пить, перед глазами возникал гигантский зеленый стакан, размером

с водонапорную башню. В нем колыхалась прозрачная жидкость, но когда он пробовал отпить, жидкость отступала от края – как в аду, где грешников дразнят влагой, а пить не дают. Проснулся под вечер, измерил температуру, так и есть – тридцать девять и три. Поднялся с постели, долго перебирал в настенном шкафчике разные порошки и таблетки, наконец нашел анальгин и пирамидон. Проглотил две таблетки, запил кипяченой водой из стакана, который наполнил из чайника и поставил на табуретку возле кровати. На удивление, при такой температуре не болела голова, лишь глухо бухало где-то в затылке. Есть не хотелось. Не чувствовалось и тепла в доме. Превозмогая себя, натянул ватник, надел валенки, шапку и натаскал из сарая дров. Затопил печку и, обесиленный, прилег...

Дальше явь перемешалась со сном: вдруг возникла из ничего Ирина Тихоновна. В руке она держала стакан с водой, он тянулся к нему, умолял дать попить, но бывшая жена погрозила ему пальцем и выплеснула воду в печку. Вся комната наполнилась горьким дымом, он щипал глаза, лез в горло, вызывая кашель. Ирина исчезла, а вместо нее возникла Виолетта Соболева. Он уехал и даже не попрощался с ней: Виолетта должна была прилететь днем, он прождал ее на аэродроме три часа, но самолет так и не прилетел. Он зашел в диспетчерскую и узнал, что лайнер ремонтируется в Симферополе. Прилетит с экипажем в Ленинград только завтра утром. Настроившись на поездку, Вадим Федорович не стал

ждать Виолетту, написал записку, что уезжает в Андреевку, и передал знакомой девушке-диспетчеру, которая рассказала ему про причину задержки.

– Почему ты меня не дождался, Вадим? – спрашивала Виолетта, близко нагибаясь к нему. – Я ведь хотела поехать с тобой. Ничего не сказала тебе об этом? Не догадываешься? Я хотела сделать тебе сюрприз... Ты мне так много рассказывал о своей Андреевке, что я ее уже во сне видела...

Он понимал, что все это мираж, никакой Виолетты здесь быть не могло, но все равно было приятно. На голове лежало что-то прохладное, кроме одеяла был укрыт полушубком, точнее – дубленкой... Откуда здесь взялась дубленка? Причем точь-в-точь такая же, как у Виолетты. Он гладил мех, вдыхал знакомый запах духов и счастливо улыбался... Мелькнула мысль, что нужно бы закрыть трубу, а то все тепло из дома уйдет, но вставать не хотелось. Хотя и конец апреля, но по утрам еще бывают заморозки. Как глупо весной простудиться! И почему ему так не везет? Помнится, лет десять назад вот так же приехал на машине сюда, протопил печь, а вот одеяло, матрас и простыни не просушил и тут же схватил острый полиартрит – пришлось в Климовской больнице три недели валяться... А вдруг и сейчас то же самое? Под одеялом ощупал голени, суставы, повертел головой, пошевелил руками – кажется, нигде ничего не болит...

– У тебя грипп, самый настоящий грипп... – настойчиво лез в уши голос Виолетты. – Проглоти таблетку и запей...

Он послушно все сделал, поражаясь про себя, до чего все во сне отчетливо и реально происходит. Попытался открыть глаза, но веки будто свинцом налились, выпростал руку из-под одеяла и осторожно дотронулся до чего-то мягкого, теплого...

– Кошка... – прошептал он, почему-то испытывая огромное блаженство. – Вот кто мне подаст стакан воды...

– Поспи, милый... – мягко уговаривал голос Виолетты. – Тебе нужно обязательно сейчас поспать, а я тем временем вскипячу чай, я тут нашла банку малинового варенья. Это как раз то, что нужно.

– Говорящая кошка, – улыбался он. Это ему только казалось, что он улыбается: на лице его появилась страдальческая гримаса, а глаза блуждали по потолку, ничего не видя.

– Сорок и семь десятых... – услышал он снова голос Виолетты. – Надо врача вызывать, если через час температура не упадет.

– Дай я тебя поглажу, кошка... – бормотал он, шаря рукой по одеялу.

Проснулся он ночью весь в поту; не открывая глаз, выпил теплый малиновый напиток и снова заснул. Провалился в тяжелый сон, на этот раз без сновидений. А утром проснулся от солнечного луча, пригревшего щеку. Открыл глаза и увидел озабоченное лицо Виолетты. Карие глаза ее чуть-чуть покраснели, золотистые волосы были взлохмачены. Воротник синей рубашки расстегнулся, и шея с крошечной корич-

невой родинкой молочно белела. Он протянул руку, дотронулся до ее волос, щеки, провел пальцами по лбу.

– Я думал, ты мне приснилась, – сказал он.

– То-то ты меня называл кошкой.

– Кошкой? – удивился он. – Ты – газель, серна, дикая коза, оленуха...

– Оленуха?

– Виолетта, как ты оказалась здесь? Именно в такой момент! Неужели бог есть на свете?

– Бог тебя наказал за то, что ты не дождался меня, – ответила она.

– Виолетта, выходи за меня замуж, – помолчав, очень серьезно предложил он.

– Я и так твоя жена, Вадим...

– Я хочу, чтобы ты всегда была рядом. Понимаешь, всегда!

– Я приготовила тебе куриный бульон, сейчас принесу сюда и буду кормить с ложечки, ладно?

– Еще чего не хватало! – воскликнул он и, сбросив с себя одеяло, спустил ноги с кровати. – Черт возьми, я даже не помню, когда ты меня раздела.

– Ты так потел после чая с малиной... Я нашла в комодке рубашку и такие белые штаны с тесемками...

– Неужели ты никогда кальсон не видела?

– Да вот как-то не доводилось...

– Мой отец их носит... Их еще называют исподниками.

– Надеюсь, когда выздоровеешь, ты не будешь эти самые кальсоны с завязочками носить? Я могу невзначай наступить на них, и ты упадешь... – Глаза ее смеялись, полная нижняя губа оттопырилась.

Откуда ей знать про кальсоны? Теперь молодые люди не носят их, да и продаются ли в магазинах допотопные кальсоны с рубашками, которые носили наши деды и прадеды? Нынешние поколения предпочитают носить модные заграничные гарнитуры...

– Если бы ты знала, как я рад, что ты здесь! – вырвалось у него. – Я все еще не могу поверить в это.

– Ты ночью разговаривал со мной, называл меня то Ириной, то Виолеттой, – сказала она.

– Все правильно. Я люблю тебя и хочу на тебе жениться.

– Давай пока не будем об этом, а? – попросила она.

– Вот времена пошли! – изумлялся он. – Раньше девушки только и ждали этих слов, а теперь и слушать не желают!

– Не все, – заметила она. – Моя подруга мечтает выйти замуж, но ей никто не делает предложения.

– Наверное, уродина?

– В Аэрофлоте не бывает уродин, товарищ Казаков! Пора бы это усвоить.

– Ладно, подавай курицу, – сказал он, почувствовав, что готов целого вола съесть.

Встал, сделал несколько шагов по комнате и чуть не растянулся: наступил ногой на завязки кальсон. Чертыхнувшись,

оборвал их, надел поверх спортивные шаровары, всунул ноги в валенки. Голова немного кружилась, но он был счастлив и бодр. Если бы каждый раз его внезапная болезнь заканчивалась так же, как сегодня, он готов был бы болеть не раз в пять лет, а гораздо чаще...

Сидя за машинкой у окна, Вадим Федорович видел старые сосны, водонапорную башню и кусок грунтовой дороги. Меж сосен виднелось приземистое здание вокзала. Местами ржавчина разукрасила белую крышу грязновато-коричневыми пятнами с разводами. С кухни доносились приглушенные голоса Виолетты и Лиды Добычиной.

– ... Иван-то и говорит ей: «Не ночевать же вам на вокзале?» И устроил ее у своих родичей. А познакомились на кладбище – эта Жанна Найденова пошла поклониться на могилу к своей бабке, которую и в глаза-то никогда не видела... Хорошенькая из себя, стройная, от покойницы, что ли, Александры Волоковой глаз у нее уж больно светлый, завораживающий... Уж не околдовала ли она нашего Ваню-летчика? Ведь он из себя видный, красивый... Зря моя Лариса не вышла за него замуж. И он после всего этого так и не женился, а мужику тридцать два года. Уже майор. Утром посадил ее на поезд, а сам еще два дня прожил здесь и тоже укатил... Вот что я думаю, девонька, Ванька за ней в Москву поехал... У него еще отпуск не кончился. Говорю же – околдовала его Жанна Найденова. Бабка-то ее Александра умела ворожить...

– А что, это по наследству передается? – В голосе Виолетты – насмешливые нотки.

– Иван-то был по уши влюблен в мою Лариску – дочь от первого мужа, – еще со школы бегал за ней... – продолжала Лида. – Может, осталась бы здесь – и поженились бы, а она после школы укатила к батьке в Москву. Батька-то у нее большой начальник там.

– Я бы здесь тоже долго не смогла жить... – заметила Виолетта.

– А я вот всю жизнь прожила в Андреевке и умру тут, – сказала Лида. – И не надо мне лучшего.

– Каждому свое...

Казаков вспомнил, что Найденов в Западном Берлине говорил: мол, есть у него в России дочь Жанна... Но помнит ли Жанна своего отца-предателя? Когда он сбежал за рубеж, она еще совсем маленькой была. Удивительно, что она вообще прослышала про свою бабуку, – ведь Игорь даже фамилию сменил, чтобы никто не узнал, что он сын Карнакова-Шмелева.

– ... Батька-то Ванин на себя руки наложил, – усыпляюще журчал голос Лиды Добычиной. – Приезжие бандюги ограбили магазин и все так устроили, чтобы на него, Борьку-пьяницу, подумали, ну тот как очухался после пьянки да услышал, что на него грешат, взял и сиганул в больнице из окошка прямо на железобетонные плиты... Царствие ему небесное. Человек-то он был безобидный, пьяница, а никогда ни-

кого не обзывал и не лез в драку. И вот у такого непутевого батьки уродился хороший сын.

– И что же у них получилось с вашей дочерью? – любопытствовала Виолетта.

– Лариска уехала в Москву, там поступила в институт, как это водится, встретила другого и выскочила замуж. Ничего плохого про ее мужа я не скажу, тоже учитель, высокий, представительный такой. Уже работает в Волгограде директором средней школы, а Лариса – завучем. У них двое детишек... Господи, я и не заметила, как стала бабушкой!..

Лида Добычина не очень-то и постарела, как когда-то говорила бабушка Ефимья Андреевна: «Маленькая собачка и век щенков». Все такая же подвижная, улыбчивая, Лида довольна жизнью. Иван Широков слова ей поперек не скажет. Она родила ему еще двух девочек. С утра слышны их тонкие голоса на дворе. Играют с собакой. И ростом обе маленькие – в мать...

Постепенно голоса за стеной отдалились, пальцы сначала робко, а потом все решительнее забегали по клавишам. Остановив каретку, он шариковой ручкой вписывал слова, целые предложения в машинописный лист. Это было неудобно, но иначе он не умел работать. И потом, после перепечатки, будет править рукопись, дописывать целые страницы только ручкой, а первый вариант всегда печатает на машинке.

Каждый вечер после ужина он отправляется вдоль линии

к железнодорожному мосту через Лысуху. К висячему мосту его детства. Трава проклюнулась на откосах, зазеленели березы, вот-вот лопнут почки на ольховых и ивовых кустах. Белые облака величественно плывут над бором, отражаясь в Лысухе. В это время никто не попадается Казакову навстречу, лишь сороки с верещанием перелетают через насыпь да шумят вековые сосны. Вдали иногда послышится гудок тепловоза. Тепловозы гудят совсем не так, как трубили паровозы, – их гудок густой, мелодичный. Дни становятся все длиннее, а ночи короче. А до чего же красив закат! Темно-синие облака вытягиваются в веретена, в промежутках между ними багровые полосы, а чуть выше, где облака сходят на нет, бледнеют, веером раскинулись темные лучи. Воздух такой чистый, с запахом горьковатых почек и хвои, что дух захватывает. Однажды во время прогулки он наблюдал такую картину: предвечернюю тишину вдруг нарушили резкие крики, свист крыльев, всплески. На узкую полосу серебристой воды перед железнодорожным мостом одна за другой опустились с десятков уток. Видно, возвращаются из теплых краев на свои озера, а здесь решили переночевать. Чтобы не спугнуть их, он повернул назад. От этой неожиданной встречи осталось светлое, радостное ощущение. С ним он и вернулся домой...

Теплые пальцы коснулись его волос, скользнули по щеке и пощекотали шею.

– Обед готов, – услышал он голос Виолетты.

Секунду еще смотрел прямо перед собой на сосны, потом поймал ее руки, привлек к себе и поцеловал. Виолетта не мешала ему работать, конечно, он постоянно ощущал ее присутствие, но это не отвлекало его, наоборот, поднимало настроение. Виолетта взяла отпуск всего на неделю. Через два дня ей уезжать. И все-таки до сих пор Вадим Федорович не мог взять в толк: что побудило ее вот так неожиданно приехать? И именно в такой момент, когда ему было по-настоящему плохо. Телепатия?..

Главное – она приехала, поставила его на ноги и вот уезжает... Почему она не хочет выйти за него замуж? Что ее смущает? На этот вопрос он так и не смог получить от нее ответ. Она либо отшучивалась, либо просто переводила разговор на другое. Может, возраст?

Но разница лет не ощущается ни ею, ни им. Он это знает. Нет у него никакого превосходства над Виолеттой. Женщина она с характером, и вряд ли потерпела бы к себе снисходительное отношение. Не чувствует своего превосходства Казаков и над сыном с дочерью. Пусть они моложе его, пусть у них меньше жизненный опыт, но это уже сложившиеся характеры, а опыт придет. Андрей и Оля знают гораздо больше, чем он знал в их годы. И у них, как говорится, все впереди. Но он, Вадим Федорович, не завидует им. То, что пришлось пережить в жизни ему, – это его. Он видел войну, воевал мальчишкой, замерзал в болоте, слышал свист немецких пуль, разрывы бомб и снарядов. Вон шрам на плече от

осколка... Все увиденное и пережитое входит в его книги, которые он пишет для них, для нового поколения.

– Жаль, что ты уезжаешь, – сказал он, усаживая Виолетту к себе на колени. – Ты подарила мне замечательную неделю. Может, останешься?

– У меня работа, милый.

– Выходит, между нами – твоя работа?

– Вадим, я, наверное, не смогу стать тебе настоящей женой... Я читала мемуары Софьи Андреевны Толстой, воспоминания Анны Григорьевны Достоевской. Так вот, я не способна на такое, милый, нет у меня в душе самопожертвования... Я не хочу быть твоей тенью. Пусть уж лучше, милый, будет так, как есть.

– Но я ведь в любое время могу тебя потерять! – с отчаянием произнес он.

– Неужели ты думаешь, что меня удержала бы печать в паспорте?

– Ты – последняя моя любовь, Виолетта, – сказал он, прижав ее к себе. – Я уже вряд ли смогу полюбить еще...

– Не зарекайся.

– Я это знаю, Виолетта, – с грустью сказал он.

– Будто бы ты и не ошибался?

– Редко когда человек сразу найдет свой идеал. Чаще всего он находит совсем другое, но идеализирует, придумывает.

– Я – твой идеал?

– Ты – моя самая настоящая любовь, – сказал он. – И я не

виноват, что она пришла ко мне так поздно. С тех пор как я увидел тебя, ты постоянно со мной. Вот, наверное, почему я не очень удивился, увидев тебя в бреду здесь.

Она надолго умолкла, по привычке перебирала тонкими пальцами его мягкие темные волосы, гладила по чисто выбритой щеке – с ее приездом он стал каждое утро бриться, – зачем-то подула на макушку.

– Неужели плешь? – обеспокоенно спросил он.

– Ты никогда не полысеешь, – ответила она. – И наверное, не постареешь.

– Я постараюсь, – улыбнулся он.

– Вадим, не заставляй меня ничего тебе обещать, – жалобно проговорила она. – Ты – счастливый человек, тебе все ясно, а я...

– Ты несчастна? – воскликнул он.

– Я скучала по тебе, потому сюда и примчалась, – улыбнулась Виолетта.

– И все-таки ты что-то не договариваешь... – покачал он головой.

3

Андрей Абросимов стоял на Университетской набережной и смотрел на вход в университет. Весеннее солнце заставило радужно сверкать Неву, сияли вымытые стекла дворцов на другом берегу, золотая Адмиралтейская игла, казалось,

вот-вот оторвется от башни и ракетой улетит в голубое небо, на котором в этот час не было ни облачка. Дворцовый мост глухо гудел под колесами автобусов и троллейбусов. Легковые машины проносились бесшумно. Андрею не хотелось заходить в вестибюль: обязательно встретишь знакомых, начнутся расспросы, а ему хотелось увидеть сейчас только одного человека – Марию Знаменскую. Последняя лекция закончилась десять минут назад, а ее все не было, пропустить девушку он не мог, потому что пришел сюда еще полчаса назад.

У автобусной остановки толпились студенты, их сразу можно было узнать по оживленным лицам, сумкам под мышками, джинсам и курткам. Студентам свойственен какой-то свой стиль, отличный от всех других. Тут и длинноволосые юноши, и бородатые, и еще с первым пушком на подбородке. Девушки одеты почти так же, как и парни: джинсы, рубашки, короткие куртки, кроссовки.

На ступеньках показалась Мария с каким-то длинным и худющим парнем с постным лицом. Под мышкой у парня толстенная книжка в черном переплете. Парень что-то говорил девушке, нагибая к ней удивительно маленькую по сравнению с туловищем голову. Мария рассеянно слушала, глядя под ноги. Солнце ударило ей в глаза, и она зажмурилась. На ней длинная джинсовая юбка и песочного цвета куртка с круглым воротником. Каштановые волосы рассыпались по плечам. Опасаясь, что они сейчас вскочат в подошедший ав-

тобус, Андрей окликнул ее. Мария завертела головой, увидела его, заулыбалась и помахала рукой. Пропустив поток машин, Андрей перешел дорогу и оказался возле них.

– Познакомьтесь, – сказала Мария.

– Я тебя знаю, – басом протрубил длинный парень, улыбаясь. – Видел в спортзале и на литературном вечере.

– Наш староста курса, – вставила Мария. – Такой принципиальный, просто ужас!

Длинного, тощего парня звали Георгием. Толстенная растрепанная книжка у него под мышкой оказалась Библией. Смотрел он на Андрея мрачно, будто тот был ему должен. Есть такая порода людей, которые с первой минуты нагоняют на тебя тоску. Одно их присутствие угнетает. Андрей не обращал на него особенного внимания, его больше заинтересовала Библия. Наверное, с иллюстрациями Густава Доре. Их, кажется, тут больше двухсот. Андрей давно мечтал приобрести такую книгу, но в букинистических магазинах, если и попадалась Библия, то цена ее была ему не по карману.

– Вначале бог сотворил небо и землю, – вдруг басом торжественно изрек Георгий. – Земля же была безводна и пуста, и тьма над бездною, и дух божий носился над водой.

– И сказал бог: да будет свет, – продолжил Андрей. – И стал свет.

– И увидел бог свет, что он хорош, и отделил бог свет от тьмы. Аминь! – засмеялась Мария.

– Книга книг, – заметил Георгий, погладив кожаный пе-

реплет. – А ведь ей тысяча лет.

– Ты хоть дочитал до конца? – спросила Мария. – Я не смогла.

– Библию можно читать всю жизнь, – пробасил Георгий.

– Ты, дружище, иди читай Библию, а нам, понимаешь, некогда, – сказал Андрей, подхватывая девушку под руку.

– Зачем ты так грубо? – упрекнула его Мария, когда они отошли от автобусной остановки, где остался со своей Библией Георгий.

– Если носит под мышкой Библию и читает ее наизусть, так вообразил о себе невесть что, – сварливо заметил Андрей.

– Дорогой, ты никак ревнуешь? – обрадованно воскликнула девушка.

– Ты ошибаешься, – усмехнулся он. – Я просто завидую твоему старосте: у него есть Библия с иллюстрациями Доре, а у меня нет.

– Он взял у знакомого семинариста.

– Ты сняла камень с моей души, – рассмеялся Андрей.

– Он вообще-то хороший парень, только странный какой-то, – произнесла Мария. – Замучил меня этой Библией. По любому поводу к месту и не к месту только ее и цитирует.

Они перешли через Дворцовый мост, у светофора стоял желтый «Икарус». Андрей машинально взглянул на него и встретился глазами с Георгием, сидящим у окна. Тот поднял Библию, многозначительно постучал по ней пальцем и ши-

роко улыбнулся, показав большие зубы. Автобус тронулся и поплыл вниз, к Невскому проспекту.

– Он, оказывается, улыбаться умеет... – пробормотал Андрей.

– Кто? – непонимающе уставилась на него Мария.

– Твой Георгий Победоносец, – ответил он.

Он привел ее к Казанскому собору, усадил на свободную скамью. Напротив сидели две молодые матери с детьми в колясках. Никелированные части пускали солнечных зайчиков в глаза. Малыши спали, а женщины негромко беседовали.

– Маша, я через неделю уезжаю в Афганистан, – ошарашил он ее. – Оформился шофером на строительство крупного комбината. У меня ведь теперь права шофера первого класса, – похвастал он.

– А как же диплом? – хлопала она глазами. – Ты же в этом году должен защищаться?

– Не благороднее ли защищать народную революцию в братской стране?

– Там ведь война, Андрей! – До нее только начал доходить смысл сказанного им. – Стреляют, опасно!

– Опасно даже улицу переходить, – улыбнулся он. – Упадет сверху на голову вот такая книжица, которую таскает с собой Георгий Победоносец, – и можно откинуть копыта!

– Андрей, а ты обо мне подумал?

– Ты тоже хочешь поехать со мной? – сделал он наивные глаза.

– Ты оставляешь надолго меня одну...

– С Георгием Победоносцем, – вставил он.

– Ты невозможный человек, Андрей! – вырвалось у нее. –

И зачем только я тебя встретила?!

– Может, это и впрямь твоя ошибка, – помрачнел он.

– Когда же ты, дорогой, успокоишься? Когда ты будешь таким, как все?

– Пусть уж лучше я буду такой, какой есть, – сказал он.

Под колоннаду собора то и дело залетали ласточки – наверное, лепят над капителями гнезда. Сколько простору кругом, а вот их почему-то притягивает город с машинами, копотью, запахом выхлопных газов. Сквозь решетку со стороны улицы Плеханова видно было, как таксист менял на желтой «Волге» проколотую заднюю шину. Наверное, он позабыл подложить под переднее колесо упор, потому что машина вдруг покатила вперед, а домкрат с грохотом упал на асфальт. Шофер уцепился за бампер и остановил «Волгу».

– Лопух, – уронил Андрей, глядя на него. Озлобленный шофер с маху ударил ни в чем не повинную машину кулаком по капоту, а потом стал дуть на руку, глядя исподлобья вдоль улицы.

Повисла тяжелая пауза. Мария смотрела прямо перед собой, в глазах ее блестели слезы. Андрей делал вид, что внимательно наблюдает за действиями таксиста, который снова поднял домкратом заднюю часть машины, быстро снял колесо и поставил запаску.

– На эту операцию у меня уходит ровно пять минут, – заметил Андрей.

– И сколько ты там пробудешь? – спросила девушка.

– У меня контракт на один год, – ответил он.

– Целый год! – воскликнула она.

– В войну женщины ждали своих мужчин по пять лет и больше, – усмехнулся Андрей. – Ты читала книгу моего отца про разведчика Ивана Васильевича Кузнецова? Не того, который партизанил в Западной Украине, а другого... Так вот, Василиса Прекрасная – он ее встретил в лесу у ручья – ждала его всю жизнь.

– Василиса Прекрасная из сказки? – улыбнулась Мария.

– Я ее знаю, она неподалеку от Андреевки учит русскому языку и литературе детдомовских ребятешек.

– Я буду ждать тебя, Андрей... – сказала она. – Только зачем все эти сложности? Сейчас не война. К чему усложнять твою и мою жизнь, искать приключений, опасности? Твои однокурсники летом получают дипломы, а когда ты его получишь?

– Вернусь и сдам государственные экзамены, – беспечно ответил он. – Никуда от меня диплом не денется. Для меня сейчас важнее другое...

– И что же это?

– Постарайся понять меня, Мария... Это не ребячество и не безрассудство. Где-то внутри себя я чувствую, что поступаю правильно, что все это мне позарез нужно. Какая-то

жадность к жизни, что ли? Или желание все узнать, пощупать... Считай, что университет я два года назад закончил. Ничего нового там мне больше не дадут. Заканчивали же раньше университет за два-три года. Зачем же мне штаны протирать в аудиториях, если мне уже там неинтересно? Твой Георгий Победоносец хоть Библию на лекциях читает...

– Я ведь могу и обидеться, – заметила девушка.

– Я увижу незнакомую страну, людей... Я все, что смог, прочел про Афганистан, даже начал изучать Коран. Маша, я ведь буду там работать шофером на крупной стройке! Глупо было бы отказываться, лишь потому...

– Лишь потому, что я боюсь за тебя и не хочу никакой разлуки... – эхом откликнулась она.

– Мария, давай сегодня же подадим заявление в загс? – предложил он. – Я покажу свои бумаги, и нас в два счета окрутят...

– Окрутят... – с горечью повторила она. – Как ты можешь, Андрей? Не такого предложения я ждала от тебя.

Он вдруг опустился перед ней на колени, приложил руку к сердцу и, глядя снизу вверх, произнес:

– Дорогая леди, я предлагаю вам на веки веков свою руку и сердце! Если вы не примете их, то я... Что же я сделаю? Брошусь с Дворцового моста в Неву!

– Встань, на нас смотрят! – сказала Мария.

– Так выходишь ты за меня замуж или нет?! – вскочил он

с земли. Молодые мамы с улыбкой смотрели на них.

– Я уже давно твоя жена, глупый, ты разве этого не замечал? – улыбнулась она.

– Раз ты моя жена, то слушай внимательно меня, – посерьезнел он. – Во-первых, вытри слезы, они портят твои прекрасные глаза, во-вторых, еще раз улыбнись, мне очень нравится твоя улыбка, и, в-третьих, вставай со ступенек и пойдем ко мне домой, где и отпразднуем нашу помолвку.

Андрею и в голову не могло прийти, что ровно две недели назад его отец сделал предложение Виолетте. И почти в таких же выражениях.

4

Говорят, сердце вещает... Сколько раз проходила Оля Казакова мимо Зимнего стадиона, неподалеку от цирка, и ей в голову не приходило даже взглянуть на афиши о происходящих там соревнованиях, а тут будто кто-то в спину ее толкнул, она остановилась и прочла: «Первенство по боксу. Звание чемпиона Ленинграда в среднем и полутяжелом весе оспаривают заслуженные мастера и мастера спорта...» Среди незнакомых фамилий сразу бросилась в глаза фамилия мастера спорта Г.И.Андреева.

– Ты что прилипла к афише? – потянула ее за рукав Ася Цветкова. – Вроде бы ты никогда боксом не увлекалась. И боксерами тоже.

– Вот почему он раскидал тех подонков... – задумчиво произнесла Оля. – Мастер спорта.

Она рассказала подруге о ночном происшествии на улице Маяковского. Из всей этой истории Асю больше всего удивило то, что неожиданный спаситель не попросил у Оли телефона...

В афише сообщалось, что финальные соревнования начнутся в девятнадцать часов. И будут продолжаться три дня.

– В каком он, интересно, весе? – сказала Оля. – Сегодня первый день соревнований.

– Никогда не была на боксе, – сказала Ася. – Но так и быть, пойду сегодня с тобой. Очень уж хочется посмотреть на твоего спасителя...

* * *

Зал был переполнен. Лампы освещали обтянутый толстыми белыми канатами ринг. Внизу за длинным столом сидели судьи, рабочий в синем комбинезоне, стоя на коленях, что-то делал в углу, где обычно отдыхают после удара гонга боксеры. К удивлению подруг, в зале было много женщин. Они то думали, что будут белыми воронами в этом мужском собрании...

Первый же бой боксеров в среднем весе захватил Олю. Еще школьницей она несколько раз была в спортивных залах разных обществ, смотрела, как боксирует Андрей, но брат

после десятилетки бросил бокс и занялся самбо. В армии был даже чемпионом округа. В университете он три года руководил секцией самбистов, но потом и к этому виду спорта охладел. Увлёкся автомобилями.

Два высоких мускулистых парня дрались изящно, красиво. Пританцовывали друг перед другом, казалось, удары их воздушны, а перчатки наполнены ватой. Когда судья поднял руку боксера в красной майке, Оля удивилась: ей показалось, что лучше боксировал другой, в белой майке с эмблемой спортобщества «Динамо».

После перерыва выступали боксеры полутяжелого веса. Первая пара ничем особенным не отличалась. Однако на этот раз Оля точно отгадала победителя.

– Дерутся они или танцуют? – недоумевала Ася. Она была в бордовом свитере и джинсах. Раскосые светлые глаза ее возбужденно блестели, на коротких темно-русых волосах играл отблеск прожекторов. – Я видела по телевизору американский бокс... Вот там лупили друг дружку! Один даже через канат перелетел и упал прямо на судей!

Глеб Андреев вышел на ринг в предпоследней паре полутяжеловесов. Высокий, с еще сохранившимся летним загаром, в синих атласных трусах с белыми лампасами и белой майке с эмблемой «Буревестника», Андреев скупым наклоном головы ответил встретившим его аплодисментами зрителям, не принялся прыгать по рингу, как его соперник, а сразу сел на свой стул в углу и, чуть наклонив голову, стал

слушать нагнувшегося над ним тренера в голубом спортивном костюме, с длинным махровым полотенцем через плечо. Противник же его – парень с бычьей шеей и кривоватыми волосатыми ногами – приседал, выбрасывая длинные руки вперед, крутил бедрами, будто вращая вокруг себя обруч.

– Длинный какой, – негромко заметила Ася.

В зале как раз установилась тишина. Противники пожали друг другу руки, разошлись по своим местам. Судья дал сигнал, и бой начался. На длинных прямых ногах, широкоплечий, с буграми мышц на груди и плечах, Глеб двигался по рингу стремительно. Он сразу пошел в наступление, противник, прикрываясь перчаткой, медленно отступал, изредка делая выпады.

– Сейчас Глеб ему покажет, где раки зимуют... – услышали они сзади ликующий голос. – Смотри, какой апперкот! У него стиль Попенченко.

За несколько секунд до конца первого раунда противник Андреева – он находился у самого каната – вдруг сложился пополам и головой вперед пошел на Глеба, но, сделав всего два шага, тяжело повалился на пол. К нему подскочил судья и, взмахивая рукой, стал громко считать. Через канаты перелез тренер и тоже подошел к поверженному спортсмену, а Глеб стоял немного в стороне и смотрел, как показалось Оле, прямо ей в глаза.

– Чего он не встает? – шепотом спросила Ася.

– Чистый нокаут! – произнес кто-то рядом. – Против Гле-

ба редко кто продержится три раунда. Молотит кулаками, как паровым молотом!

Оля вообще ничего не поняла: только что коренастый, с бычьей шеей боксер резво прыгал вокруг Андреева и вот смиренно лежит на полу. Когда судья произнес: «Аут!» – коренастый зашевелился, приподнялся на одно колено, тренер помог ему встать и, обнимая его за талию, увел с ринга. А судья под громкие аплодисменты высоко поднял руку Глеба Андреева, ставшего чемпионом Ленинграда в полутяжелом весе.

– И это все? – разочарованно спросила Ася, когда ринг опустел.

Последняя пара сражалась все три раунда, и невозможно было понять, кто же победил. Наверное, и судьи не сразу разобрались, потому что оба спортсмена стояли рядом с рефери, который держал их за руки, и переминались с ноги на ногу. Наконец судья поднял руку того, который стоял справа от него.

Девушки вышли вместе с толпой болельщиков на улицу. Еще было светло, над Фонтанкой багрово полыхало небо, длинные перистые облака просвечивали. Прогромыхал в сторону цирка почти пустой трамвай.

– Интересный парень, – задумчиво произнесла Ася. – Я даже не поняла, что произошло: этот толстяк прыгал как заведенный вокруг него и вдруг лежит на полу! Отдыхает!

– Андрей сказал, что это жестокий вид спорта, – ответила

Оля. – Он бросил бокс.

– Обычно у боксеров кривые ноги, приплюснутые носы и широкие лбы, а твой Глеб – стройный, симпатичный...

– Мой! – усмехнулась Оля. – Он такой же мой, как и твой.

– Подождем его у служебного входа? – предложила Ася.

– Еще не хватало! – передернула плечом Оля. – Я автографы не собираю.

– Здравствуйте, Оля, – услышали они негромкий голос.

На мосту через Фонтанку их догнал Глеб Андреев. Был он в тренировочном шерстяном костюме и плаще, в руке синяя, с белыми полосами, спортивная сумка. Причесанные волосы его влажно блестели.

– Здравствуйте... Глеб, – останавливаясь, растерянно ответила девушка. – Познакомьтесь, моя подруга Ася.

– Я вас увидел в зале, – невозмутимо продолжал он. – Вы, оказывается, любите бокс?

– Не люблю, – сказала она.

– Значит, пришли на меня посмотреть? – усмехнулся Глеб.

– Теперь я понимаю, что вам ничего не стоило с хулиганами справиться, – сказала Оля.

– Легкая разминка, – рассмеялся он.

– Мы шли мимо Зимнего стадиона, ну и решили зайти, – пришла на помощь подруге Ася. Она с интересом рассматривала спортсмена. – Вы совсем не похожи на боксера.

– Я – инженер, – ответил он.

– И чемпион Ленинграда в полутяжелом весе, – ввернула Ася.

– Мой противник сегодня был не в форме, – скромно ответил Глеб.

Оля снизу вверх посмотрела на него, улыбнулась, но ничего не сказала. Щеки ее порозовели, пышный узел светлых волос на затылке покачивался, грозя рассыпаться.

– Вам не жалко этого... ну, который упал? – немного погодя спросила она.

– Семченкова? – удивился Глеб. – Это же спорт: если бы не я его победил, то он бы меня.

Они вышли на Литейный и остановились на углу. Ася было по привычке направилась на другую сторону улицы под красный свет светофора, но Глеб остановил:

– Вы торопитесь?

– Господи, теперь милиционеры и дружинники на каждом перекрестке, – вздохнула Ася. – Меня уже два раза оштрафовали.

– Я тоже дружинник, – заметил Глеб.

– И вы останавливаете несчастных девушек и сдираете с них штраф, если они неправильно перейдут улицу? – насмешливо посмотрела на него Ася.

– Дружинники не штрафуют, – спокойно пояснил он. – Это дело милиционеров.

– А я радуюсь, когда обману милиционера, – сказала Ася.

– В «Вечернем Ленинграде» на последней странице каж-

дый день сообщают об уличных происшествиях, – сказал Глеб. – Не думаю, чтобы те, кто попал в больницу, радовались, что нарушили правила уличного движения.

– Глеб, вы всегда такой скучный? – презрительно скривила полные губы Ася.

– Теперь можно, – сказал он, кивнув на зеленого человека, загоревшегося на светофоре.

Они перешли Литейный и, дойдя до улицы Пестеля, свернули к стоянке такси.

– Мне пора домой, – подмигнув Оле, заявила Ася. – У меня очень строгие родители. Если приду позже одиннадцати – ставят на полчаса в угол.

Очередь была небольшая, такси то и дело подходили, и скоро Ася уехала. На прощание она чмокнула подругу в щеку, а Глебу помахала рукой:

– Если вы меня встретите на перекрестке, то, пожалуйста, не задерживайте, ладно? Я неисправимая нарушительница правил уличного движения...

– Веселая у вас подруга, – когда такси укатило, заметил Глеб.

– Вы действительно дружинник? – спросила Оля.

– Последний раз я сказал неправду, в девятом классе, когда мама была больна, а я завалил из-за бокса на экзаменах геометрию, – рассказал он. – Она очень близко к сердцу принимала все мои дела... Я знал, что если скажу правду, то это будет для нее ударом... И я солгал. Больше я этого никогда

не делал.

– Ваша мать...

– Она умерла, – перебил он. Лицо его посуровело, он рукой отвел от глаз русую прядь. – А отец еще раньше ушел от нас. Я живу с младшим братом.

– Извините, если я...

– Все в порядке, – улыбнулся он и как-то по-особенному тепло посмотрел на девушку. – К сегодняшней моей победе причастны и вы... Увидев вас в зале, я понял, что должен победить. Хорош бы я был в ваших глазах, если бы валялся на ковре, а судья отсчитывал секунды!

– Вы же сказали, что Семченков был не в форме, – напомнила Оля. Ей приятно было слышать его признание.

– Вообще-то он экс-чемпион республики, – сказал Глеб. – Но последний год у него дела обстоят не лучшим образом.

– Вам очень нравится бокс?

– Это был мой последний бой, – помолчав, ответил он. – Бокс я, конечно, люблю, но моя работа мне нравится больше, а совмещать одно с другим очень трудно. И потом, приятно уйти с ринга чемпионом... – Он улыбнулся. – Два человека мне этого не простят – мой тренер и младший братишка.

– Он был в зале?

– Я от них из душа убежал, – сказал Глеб. – Мне вдруг захотелось поближе познакомиться с вами.

– Я вспоминала вас, – призналась Оля. – Шапку вы так, конечно, не нашли?

– Представьте себе, нашел! – рассмеялся он. – Не поленился, пришел утром в тот самый мрачный двор и обнаружил ее за мусорным баком... И самое смешное – в ней крепко спал маленький рыжий котенок. Кстати, он теперь живет с нами...

Они миновали ее дом на улице Чайковского, вышли на набережную и пошли к Зимнему дворцу. Закат поблек, но еще ослепительно сиял шпиль Петропавловской крепости. Вода в Неве потемнела, лишь желто светилась неширокая полоса. По набережной бродили парочки, какой-то энтузиаст-рыболов все еще взмахивал удочками у Литейного моста. Посреди Невы бесшумно скользила байдарка. Длинные желтые весла одновременно вздымались и опускались в воду. Всплеска их не было слышно. Гребцы в белых майках своей согласованностью движений напоминали роботов.

Бросая на него сбоку взгляды, Оля видела, что Глебу трудно с ней разговаривать, он морщил лоб, иногда тер рукой переносицу, то вдруг убыстрял шаги, уходя вперед, то едва переставлял свои длинные ноги.

Этот мастер спорта, боксер, пославший в нокаут здорового парня, явно робел перед ней, смущался. Ветер с Невы шевелил его густые волосы, в профиль он вдруг напомнил ей римского полководца Марка Антония. Дома у нее есть книга с барельефами, бюстами и скульптурными портретами римских императоров и знаменитых полководцев того времени. У Глеба правильное лицо с прямым крупным

носом, высокий лоб, небольшие глаза, сейчас они потемнели и стали темно-серыми. На боксера он действительно не похож, но то, что он спортсмен, сразу видно: выпуклая грудь, широкие плечи, пружинистая походка. Свои длинные ноги он переставляет с осторожностью, укорачивая шаг и стараясь подладиться под ее походку. Андрей тоже так ходит, когда куда-нибудь спешит. За ним невозможно угнаться, почему она и не любит с братом ходить по улице. Где сейчас Андрей? В Кабуле? Или в провинции? Пока от него не пришло ни одного письма.

– Спустимся к Неве? – предложил Глеб, когда они вышли к причалу. – Там есть плоский камень, на нем можно посидеть.

«С кем же ты там, интересно, сидел? – ревниво подумала Оля. – Ого, кажется, меня это уже трогает!»

Камень был теплый, к самым ногам подкатывалась черная маслянистая волна, выросший на парапет мох изумрудно светился. Вдоль противоположного берега, где, выбрасывая бледные языки пламени, розово светились Ростральные колонны, тянулась до самой Петропавловки густая черная тень. И из этой тени вдруг раздался протяжный гудок невидимого буксира.

– Я на этом камне прошлой весной просидел всю белую ночь, – сказал Глеб.

И снова ее поразило его изменившееся лицо, жесткий взгляд.

– Ты ждал свою девушку, а она не пришла, – в тон ему и даже не заметив, что перешла на «ты», произнесла Оля.

– Дурак был, – вырвалось у него. Он даже сплюнул в воду. «Мог этого при мне и не делать...» – подумала Оля, а вслух спросила:

– Ты привык только побеждать?

– Не думал я никогда, что мы будем сидеть здесь, на моем камне, – усмехнулся он.

– Твой камень...

– Понимаешь, я думал, что уже больше никогда не буду сидеть рядом с девушкой, – не глядя на нее, произнес он. – Ни с одной девушкой!

– За что же такая немилость? – насмешливо спросила Оля. – Чем провинилась вторая половина человечества перед тобой?

– Я бы эту половину... – Он резко взмахнул рукой и отвернулся.

Это уже было оскорблением. Вот так возвысишь в своих глазах понравившегося тебе человека, а он оказывается на поверку совсем другим.

– Почему же вы тогда вступились за меня?

– Это совсем другое... Я же сказал – легкая разминка, и потом, я – дружинник...

– А я думала...

– Ну что я несу! – в сердцах хлопнул он себя кулаком по колену. – Извините, Оля. Вы тут совсем ни при чем.

– Иначе бы вы и меня нокаутировали? – поддела она. В девушке поднимались раздражение и разочарование. Неужели он этого не понимает? Говорит ей такие вещи...

Очевидно, Глеб и сам сообразил, что его занесло. Стараясь сгладить неблагоприятное впечатление, которое произвели на Олю его слова, он вдруг разоткровенничался. Видно, долго все держал в себе, а тут слова так и полились из него...

– В ноябре прошлого года должна была состояться наша свадьба... Она не состоялась. Твоя подруга сказала, что я скучный, а раньше я был очень веселый. Весной она ушла с группой туристов в поход по Карелии. Знаешь, теперь модно забираться в глушь, испытывать судьбу на быстрых речках, костер, уха и все таксе... Я пойти с ними не мог: у меня была сдача проекта. Из похода она вернулась совсем иной... Ну, когда я ее припер к стенке, рассказала, что встретила другого, полюбила... В общем, она вышла замуж за него – руководителя туристской группы.

Он рассказывал и смотрел на Неву, и что-то с его голосом случилось – он стал тусклым, невыразительным. Крупная голова Глеба опустилась на грудь, глаза пристально смотрели на воду. И в них отражались два крошечных факела, горящих на Ростральных колоннах.

– История... – сказала Оля. Она не знала, что в таких случаях надо говорить.

– Ну почему в ноябре? – Он резко встал и, глядя на девушку сужившимися глазами, почти выкрикнул: – В тот же

день и час!

Волна звучно чмокнула камень набережной; ветер взрыбил воду, спутал волосы на его голове.

– Извини, Глеб, я не умею утешать, – грустно произнесла девушка. Она так и не поняла, что больше всего задело Глеба. Или дата и место свадьбы, или жестокое разочарование в любимой? А может, он и сам не знает, что его сильнее всего уязвило?..

– Я не нуждаюсь в утешении, – глухо уронил Глеб. – Ты – первая девушка, с которой я об этом заговорил.

– Мог бы и не рассказывать, – пожалала она плечами, подумав: мол, тоже мне, оказал великое благодеяние!..

– Давай помолчим, – предложил он.

– Ты думай о ней, а я – об Андрее, – скрывая улыбку, произнесла она.

– Кто это такой? – встрепенулся он.

– Мой брат. Кстати, тоже боксер, самбист, журналист и шофер. Да, чуть не забыла, он ведь еще и поэт!

– Познакомь меня с ним.

– Через год, – ответила она, – когда он возвратится из Афганистана.

– Можно я тебя поцелую?

Не успела она и слова сказать, как он обхватил ее за талию сильной рукой, придвинул к себе и неумело стал целовать: его волосы лезли ей в глаза, щетинистый подбородок царапал щеку. Оля вырвалась, откинула пылающее от гнева лицо

назад и сильно ударила его по щеке. Он, моргая, изумленно посмотрел ей в глаза, медленно провел ладонью по щеке.

– Меня еще никто не бил, – охрипшим голосом проговорил он.

Оля встала, поправила платье, молча поднялась по каменным ступенькам на набережную. Мягкий зеленоватый свет освещал Зимний дворец, черные скульптуры на крыше его. С мерцающей голубой мигалкой и сиреной промчалась к Кировскому мосту милицейская «Волга».

– Подумаешь, недотрога...

Девушка повернулась к нему, смерила презрительным взглядом и отчетливо произнесла:

– Я не желаю быть тебе громоотводом, понял, Глеб Андреев? – помолчала и прибавила: – Ты сказал, тебя никогда не били? Так вот, со мной тоже еще никто так грубо не обращался, Глеб Андреев... И пожалуйста, не провожай меня. Чем ты лучше тех, которые напали на меня?

Повернулась, и ее каблуки звонко зацокали по тротуару. А он, понурый и растерянный, стоял у парапета и смотрел ей вслед. Огромный кулак его непроизвольно сжимался и разжимался.

– Ну и иди... – пробормотал он. – Плакать не буду!..

Глава восьмая

1

«КамАЗ» с прицепом медленно сползал со скалистой горы по серпантину узкой горной дороги. Голые растрескавшиеся скалы нависали над машиной, из трещин выглядывали коричневые узловатые деревца с пыльной узкой листвой. Низкорослый колючий можжевельник уныло покачивался на обочине. Каменистая дорога была неровной, иногда в ущелье скатывались мелкие камни. Видно было, как они резво прыгали по блестящему на солнце боку скалы, а потом исчезали в глубокой расщелине.

Андрей Абросимов уверенно держал руль, на солнцезащитном щитке висел транзисторный приемник «Меридиан». В звуки джазовой музыки иногда врывалась гортанная речь, и не поймешь, кто вещает – радиостанция Демократической Республики Афганистан или Пешаварский центр контрреволюционеров. Некоторые слова Андрею были знакомы: «душманы» – так называют здесь бандитов и наемников, «шурави» – советские люди, «бриш» – сержант, «царандой» – милиционер, «саура» – апрель, когда свершилась революция в Афганистане.

Рядом сидел с автоматом на коленях лейтенант Сергей

Смирнов. В зеркало заднего обзора был виден зеленый бронетранспортер с красными звездами. Андрей вез медикаменты и продукты в отдаленный кишлак. Эта территория считалась освобожденной от контрреволюционеров, но два дня назад банда душманов внезапно напала на кишлак, вырезала почти половину жителей, милиционерам и активистам Апрельской революции отрубили головы, покидали в мешок и увезли с собой. В кишлаке находились два наших бронетранспортера, или, как их здесь называют, БТР, с бойцами.

Каменистую дорогу у самого радиатора пересекла стремительная тень.

– Горный орел? Беркут? – спросил Андрей.

– Я видел, как в горах беркут напал на маленького каракала, – отозвался лейтенант. – Каракал очень похож на нашу рысь, только меньше и суше, что ли.

– И кто победил? – спросил Андрей.

– Беркут поднял его в воздух и скоро отпустил, потому что от него только перья полетели.

Андрей не поверил глазам: позади него, перед самым носом бронетранспортера, покачнулся обломок скалы и рухнул на узкую дорогу, поднявшаяся пыль все скрыла. Даже сквозь шум мотора донесся громоподобный грохот.

– Тормози! – крикнул Смирнов.

Андрей уже и так нажал на тормоза, маленький приемник стукнулся о лобовое стекло и отскочил, а как раз между шо-

фером и лейтенантом на обшивке сиденья появилась дыра. Горячий ветер пронзительно засвистел над головой. Видно, пуля пробила верх кабины и ушла в обивку. Все это промелькнуло у Андрея в голове, а в это время руки и ноги автоматически совершали то, что нужно было в данный момент делать: поставить скорость на нейтралку, распахнуть дверь и выскочить наружу. И сразу оглушили автоматная стрельба, взрывы гранат. Особенно сильно стреляли за обломком скалы, перегородившим горную дорогу.

– Они, сволочи, переоделись в царандоев! – крикнул выскочивший из зачехленного брезентом кузова сержант Василий Ильин. Щекастое лицо его побледнело, автомат шарил дулом по дороге.

– Ложитесь! – крикнул лейтенант.

Андрей увидел металлические подковки его сапог: Смирнов расположился у ската «КамАЗа». Его автомат выпустил длинную очередь.

Судя по всему, душманы устроили засаду в самом узком месте горной дороги, где делал очередной виток серпантин. Подорвали нависший кусок скалы, но точно не рассчитали: глыба не упала на бронетранспортер, а лишь перегородила ему дорогу. У Андрея мелькнула мысль, что этот обломок мог свалиться на «КамАЗ», но он тут же про все забыл, увидев впереди пять или шесть душманов, переодетых в форму милиционеров. Пригибаясь и стреляя из коротких автоматов, они приближались к «КамАЗу». Андрей зубами скре-

жетнул: в него палят из автоматов, а у него нет даже пистолета... Будто горох рассыпался по металлической крыше машины – это сверху ударили из автоматов. Выглянув из-под машины – Андрей, лейтенант и сержант укрылись под кабиной, – он увидел, как в руках бандита зловеще сверкнуло дуло автомата. На покато боку «КамАЗа» будто сами собой возникли еще четыре дыры. Лейтенант Смирнов вглядывался в нависшую перед ними скалу – за ней скрывались душманы. Доносились выстрелы и в той стороне, где застрял бронетранспортер. Обзор был у них не ахти какой: прямо перед ними – красноватая стена скалы, уходящая вверх, справа – каменистый виток дороги, огибающий эту скалу, а за ними – обрывистое ущелье. Оттуда вряд ли можно ожидать опасности. Душманы были впереди и в расщелине скалы. Страха не было – однажды Андрей уже был в подобной переделке, но тогда советские солдаты быстро отбили атаку и захватили троих в плен. Обиднее всего было без дела прятаться за скатом машины и видеть, как товарищи стреляют из автоматов, а он ничем не может им помочь. Рядом сопел сержант Ильин, он крутил головой, облизывал пересохшие губы, бледность еще не исчезла с его широкого лица. Более-менее спокойно чувствовал себя лейтенант. Он уже почти год в Афганистане, участвовал во многих боях, имеет ранение в предплечье и награжден орденом Красной Звезды.

Совсем близко раздался гортанный крик, затем на дорогу упала граната. Она попрыгала по мелким камням, подско-

чила к чахлому искривленному деревцу с плоской кроной и оглушительно взорвалась. Деревцо свечой взлетело вверх, по машине шрапнелью ударили осколки и мелкие камешки с землей.

От «КамАЗа» шло тепло, остро пахло соляжкой. Скосив глаза, Андрей увидел, что запасной бак пробит осколком, белая струйка горючки стекала прямо под передний скат. Вспомнив про жевательную резинку, Андрей подполз к баку, разорвал обертку и, пожевав серую пластинку, попытался залепить отверстие, однако течь не прекращалась. Тогда он ножом отрезал от протектора шины небольшой кусок и затолкал в дырку. Соляжка перестала течь. лейтенант Смирнов сделал рукой предупреждающий знак и чуть выдвинулся вперед из-под машины. Сержант Ильин, прижав приклад автомата к плечу, зорко наблюдал за дорогой.

Душманы появились сразу сзади и спереди. Смирнов стегнул длинной очередью, Андрей увидел, как двое из них покатились к обочине, один спрятался за камень, а второй, раскинув ноги, затих на дороге. Сержант палил в тех, что подползали спереди. В шум стрельбы вдруг ворвался пронзительный крик: Ильин катался по земле и колотил ногами в спаренный скат. Андрею врезались в память белое лицо сержанта с вытаращенными глазами, черная дыра рта, сплетенные руки поверх ремня и хлещущая сквозь пальцы кровь... И тут взгляд Андрея наткнулся на валявшийся неподалеку от Ильина автомат. Вьюном развернувшись на одном месте,

он схватил его и дал длинную очередь по подбирающимся к машине душманам. Раздались гортанные крики, кто-то упал, кто-то метнулся назад, к спасительной скале.

Андрей уже не помнил, сколько все это продолжалось: от треска автоматов он будто оглох, видел, как прыгает в руках лейтенанта короткое дуло, но выстрелов не слышал. Его автомат тоже прыгал в руках, иногда на конце дула возникало слабое пламя. И вдруг стало тихо. Лейтенант Смирнов лежал в прежней позе, и вместе с тем что-то изменилось: странная неподвижность, бледное лицо. Неужели ранен? Услышав за спиной шорох, Андрей обернулся и встретился взглядом с узкоглазым чернобородым человеком в форме цвета хаки без знаков различия. Бандит, не мигая, как змея, смотрел на него. Черные усы были припорошены серой пылью. На голове у него светлая фуражка, а в руке вороненый кольт. Андрей нажал на спуск, но автомат молчал – наверное, кончились патроны в магазине. Не раздумывая, он швырнул автомат в чернобородого, тот отшатнулся; сделав рывок вперед, Андрей навалился на него, завернул руку и вырвал кольт. Откуда-то взялись еще двое в милицейской форме. Одного, со шрамом на скуле, Андрей свалил кулаком на землю, второй сбоку наотмашь ударил его прикладом по голове. Брызнул огонь, и все поплыло перед глазами, «КамАЗ» вздыбился, а каменистая дорога стремительно понеслась на него. Проваляваясь в густую черноту, он слышал чистый звонкий голос Марии Знаменской: «Андрей, милый, у нас будет сын...»

Игорь Иванович Найденов мог быть доволен: разработанная им операция по захвату советских военнослужащих прошла удачно. Из троих ехавших на «КамАЗе» двое взяты в плен, один убит. До появления советских вертолетов с него успели снять форму, а «КамАЗ» с прицепом взорвать. Все произошло поблизости от границы с Пакистаном, так что налетчики успели благополучно вернуться с пленными на свою базу. Полковник Фрэд Николс сильно сомневался в успехе этой операции, но он не знает психологии советских людей. Разве могут они бросить в беде оставшихся в живых в кишлаке? Там ведь женщины, старики, дети... Найденов не сомневался, что вслед за бронетранспортерами с солдатами будут отправлены на грузовиках из Кабула продовольствие и медикаменты, а также баки с водой. Русские знали, что душманы в захваченных кишлаках и селениях отравляют воду в колодцах и арыках.

Найденов сидел на плетеном из тростника стуле у окна. На подоконнике – стеклянная ваза с финиками и виноградом. Длинная оса с шевелящимися усиками ползала по фруктам. Из окна открывался вид на пустынную улицу с глинобитными домишками и сплошными дувалами из кизяка и глины. За дувалами виднелись фруктовые сады, узкие арыки, прорытые между рядами виноградника. Игорю Ивановичу

чу пришлось в свое время побывать в Средней Азии, и здесь, в Восточном Пакистане, кишлаки мало чем отличались от узбекских или казахских. Да и местность почти одинаковая: пустыня, пески, скрытые в туманной красноватой дымке скалистые горы и зеленые острова оазисов, кишлаков, крупных селений. В городах мечети с минаретами, роскошные азиатские рынки с горами всевозможных фруктов, чайханы и шашлычные, верблюды, ишаки, козы, длинноногие куры с короткими хвостами. Аксакалы так же при встрече говорят: «Салам алейкум!» Азиатские лица бесстрастны и непроницаемы. Никогда не знаешь, что у афганца на уме. И с такими вот людьми приходится работать... Что новое здесь, так это свирепый ветер «афганец». Когда он впервые налетел на него в палаточном лагере, Игорь Иванович подумал, что наступил конец света: стало темно, как при солнечном затмении, где только что светило жаркое солнце, дымился черный круг с огненной каемкой, почти неосязаемая тончайшая пыль вмиг окутала все окрест, дышать стало трудно, палатки с бродящими среди них людьми в длиннополых одеждах исчезли, был день, стала ночь, душная, щекочущая ноздри и глаза. По примеру других Найденов положил на лицо носовой платок и забрался под первую попавшуюся арбу. Пыль резала глаза, противно хрустела во рту; хотелось чихать, но страшно было рот раскрыть, казалось, пыльное облако влетит в него и закупорит дыхательное горло. К счастью, «афганец» свирепствовал недолго, скоро небо просветлело – даже не поймешь, бы-

ли на нем облака или нет, – засияло еще более ослепительное и жаркое солнце, заносились мухи и осы, будто сослепу ударяясь в лицо, лоб, запутываясь в волосах.

Уже скоро полгода, как Игорь Иванович в Пакистане. В его задачу входило инструктировать диверсантов, забрасываемых на территорию Афганистана, готовить разведчиков из числа наемников, допрашивать советских солдат и офицеров, захваченных моджахедами. Дважды он встречался с главой ДИРа Мухаммедом Наби. Подготовил к переброске несколько групп из его контрреволюционной организации. Люди Наби особенно зверствовали на территории Демократической Республики Афганистан. После каждого налета привозили в джутовых мешках отрубленные головы преданных Апрельской революции афганцев. Эти мало кого брали в плен – изощренно убивали на месте. Надо сказать, что советские солдаты и офицеры редко сдавались живыми. Приходилось устраивать засады, чтобы врасплох захватить солдата или офицера. Поэтому Найденев был очень доволен, что задуманный им план осуществился. Шофер «КамАЗа» и русский лейтенант были взяты живыми.

Офицера он уже допросил, тот разговаривал с ним сквозь зубы, мало чего интересного сообщил... Им еще займутся. Игорь Иванович сразу договорился с Фрэдом Николсом, что попытки к своим бывшим землякам применять не станут – это ему претит. Полковник – он в Пакистане уже скоро год – жаловался, что с русскими трудно иметь дело: свято блюдут во-

енную тайну, отказываются сотрудничать с противником, не соблазняются «западным раем». А для мировой пропаганды такое просто необходимо. Пока они здесь, лишь два солдата выступили перед журналистами по телевидению, однако должного эффекта это почему-то не произвело. Парни выглядели забитыми, испуганными и явно говорили с чужой подсказки.

Полковник Фрэд Николс – это тот самый бывший капитан из американской спецшколы, где много лет назад учился сбежавший из СССР Игорь Найденов. Вот теперь полковник, а Игорь Иванович – капитан. Фрэд Николс сказал, что это он попросил вышестоящее начальство, чтобы сюда направили Дугласа Корка, снова ставшего Игорем Найденовым. Ведь Игорь Иванович владеет в совершенстве кроме русского еще двумя языками – английским и немецким.

Если бы знал Найденов, что попадет в такую дыру, то смог бы поторговаться с начальством: здесь жуткий климат, скука – могли бы за «вредность» и еще накинуть долларов...

Лейтенант Смирнов, которому Найденов предложил сотрудничество и наобещал золотые горы в свободном от ига коммунистов мире, с таким откровенным презрением посмотрел на него, что сразу стало ясно – с этим человеком каши не сварить.

– Вы русский? – спросил лейтенант.

Найденов принялся расписывать «западный рай», большие возможности, которые открываются перед Смирновым,

но тот лишь презрительно заметил:

– То-то вы тут у них на подхвате... Неужели вы думаете, и я смог бы вот так же сидеть здесь и допрашивать своих товарищей по крови и оружию?

– Как это по крови? – удивился Найденев.

– Я не верю, что вы русский, – сказал лейтенант и отвернулся к окну.

– Хорошо, я вам предоставлю возможность... побеседовать с другими, – усмехнулся Найденев.

Больше он с лейтенантом не встречался.

Листая документы Андрея Абросимова и разглядывая его фотографию на водительском удостоверении, Игорь Иванович не мог отделаться от ощущения, что лицо этого молодого человека чем-то ему знакомо, не говоря уж о фамилии Абросимов... Неужели Андрей имеет какое-то отношение к Андрею Ивановичу Абросимову из Андреевки?.. Не может быть такого совпадения, чтобы здесь, на границе Пакистана и Афганистана, встретились бывшие земляки! Когда маленький Игорь Шмелев бегал в коротких штанах по Андреевке, Андрея Вадимовича Абросимова еще и на белом свете не было. Вадимович... Но у Вадима Федоровича фамилия Казаков, значит, Андрей никак не может быть его сыном. Мельком Найденев видел высокого парня с забинтованной головой. Его вели на допрос к Николсу вместе с лейтенантом. Судя по документам, Андрей Абросимов не военнослужащий, а вольнонаемный. Однако из автомата положил на

той скалистой дороге троих, а когда пришел в себя, набросился с кулаками на охранников – пришлось связать. Может, именно ростом и силой он чем-то напомнил Игорю Ивановичу старика Абросимова?..

Когда охранник привел пленного, Найденев больше не сомневался, что перед ним стоит со связанными за спиной руками потомок Андрея Ивановича Абросимова. Тот же тяжелый взгляд исподлобья, широкие, вразлет брови, могучие плечи. Игорь Иванович мысленно приставил к подбородку парня широкую бороду и лишний раз убедился, что парень из абросимовского рода!

– Садитесь, Андрей Вадимович, – кивнул на второй стул Найденев.

Абросимов тяжело сел, казалось, связанные руки тянут его вниз. Он откинулся на жидкую плетеную спинку, облизал пересохшие губы. На повязке, как раз над бровью, алело пятно проступившей крови. Глаза серые с прозеленью, как у отца. У Андрея Ивановича глаза были темнее. Афганец, приведший пленного, враждебно поглядывал на него. Если бы не строгий приказ полковника Фрэда Николса, афганцы там, на горной дороге, убили бы Андрея...

– Как поживает далекая Андреевка? – предвкушая, как сейчас вытянется лицо парня, спокойно спросил Найденев.

Однако ничто не дрогнуло в лице Андрея. Он молча, даже с каким-то безразличием смотрел чуть повыше головы Игоря Ивановича в окно. Там налетевший ветер раскачивал

ветви низкорослого дерева – не началась бы опять пыльная буря.

– Отец все творит? – продолжал все в том же снисходительно-добродушном тоне Найденев. – Роман пишет? Да, забыл представиться: Игорь Иванович Найденев, твой земляк.

На этот раз в глазах Андрея появился интерес, он повернул голову к Найденеву, внимательно посмотрел на него.

– Развяжите руки, – попросил он. – Я ведь не буйнопомешанный.

Игорь Иванович приказал охраннику развязать руки пленному. Тот неохотно подчинился, что-то пробормотав себе под нос.

– Он толкует, что охотно бы снял с тебя, живого, кожу... Дело в том, что ты его племянника прикончил в горах.

– А это здесь тоже практикуется? – оглядывая свои запястья, поинтересовался Андрей.

– Дикий народ эти мусульмане, фанатики, – усмехнулся Найденев. – Солдаты Апрельской революции готовы нас растерзать, а противники ее люто ненавидят вас – что поделаешь!

– Значит, вы тот самый Игорь Шмелев из Андреевки? – с любопытством разглядывал его Андрей. – Я слышал о вас от отца... Не удалось завербовать его, теперь решили проделать такую же штуку со мной?

– Я еще не уверен, подойдешь ли ты нам, – улыбнулся Игорь Иванович.

– Вряд ли, – сказал Андрей. – Я ведь не офицер, а всего-навсего шофер из автоколонны. Никаких военных тайн не знаю, вез в кишлак, разграбленный вашими подручными, продукты и медикаменты...

– А стрелял из автомата, как заправский солдат! – вставил Найденов.

– Я не привык чуть что руки вверх поднимать.

– Можно подумать, что ты старей закаленный солдат! – усмехнулся Игорь Иванович. – В десантных войсках служил? Где, в какой части?

Андрей промолчал. В Найденове стало зреть раздражение против этого самоуверенного парня. Может, отдать его Абдулле и его молодцам на расправу? Эти и мертвого заставят говорить... Вернее, кричать так, что в ушах свербит.

– Ты героя-то, Абросимов, здесь из себя не корчи, – продолжал он. – Во-первых, никто о твоём геройстве не узнает, во-вторых, мы тут не таких обламывали... Будь любезен отвечать на мои вопросы!

– А вы не орите на меня, – разжал губы Андрей. – Хоть на куски разрубите – это у вас тут умеют... а мне нечего сказать... Да, по правде говоря, и толковать-то с таким... – Андрей сдержал себя и смягчил: – типом не хочется.

Найденов поднялся, подошел вплотную к парню и впился в чего взглядом. Он заметил, как сжались кулаки Абросимова, и подумал, что, если он его ударит, тот ответит... Обязательно ответит! Наверное, это почувствовал и Абдулла, по-

тому что вскинул автомат на изготовку и что-то пробормотал сквозь зубы.

– Абросимовское отродье... – прошипел Найденов и кивнул охраннику, чтобы пленного увели.

К следующему допросу Игорь Иванович лучше подготовился: он понял, что с этим парнем нужно действовать по-хорошему, без нажима. Собственно, он не понимал полковника Николса, который приказал «обработать» Андрея, попытаться склонить его к сотрудничеству с ними, американцами. Можно пообещать ему золотые горы, поездку в Штаты... Вообще, в этом Андрее что-то есть, и привлечение его к сотрудничеству было бы победой в идеологической борьбе... Об этом тоже нельзя забывать. И ради этого стоит с Абросимовым повозиться...

– Андреевка... – мечтательно начал Игорь Иванович. – Водонапорная башня – ее немцы так и не смогли разбомбить, – желтый вокзал с конусной крышей... А сосны все еще стоят перед вашим домом?

«Сволочь! – подумал Андрей. – Бьет на мою чувствительность... Как же, так я сейчас и растаял...»

– Какие сосны? – равнодушно переспросил он. Кстати, он сейчас никак точно и не мог вспомнить – две или три сосны осталось на лужайке. От отца он слышал, что когда-то их было четыре...

– А я вот вспоминаю сосны, ваш дом, Андреевку... – все в том же духе продолжал Найденов. – Все-таки родина!..

– Нет у вас родины, – вырвалось у Андрея. – Кто продал свою Родину, тот продаст отца и мать...

– Жива Волокова? – проглотив оскорбление, спокойно спросил Найденов. Он дал себе слово, что не сорвется, не накричит на Абросимова.

– Бабка Саша умерла несколько лет назад, – нехотя ответил Андрей.

– «Бабка Саша»... – проговорил Игорь Иванович. – Вон как ее звали в Андреевке!

– Я ее мало знал, – посчитал нужным добавить Андрей.

Найденов встал из-за стола, машинально пощупал пистолет в заднем кармане. Охранник с автоматом стоял у дверей и настороженно следил за каждым движением пленного. Рубашка с погончиками и накладными карманами на груди у него порвана у воротника, черные курчавые волосы давно не чесаны, взгляд свирепый, иногда тонкие губы раздвигает непонятная усмешка.

– Ты, Андрей, делал свое дело, а я делаю свое, – негромко заговорил Игорь Иванович. – Так уж случилось, что нам довелось столкнуться нос к носу в этой дикой стране... Буду с тобой откровенен: все же ты мой земляк и в какой-то степени даже родственник... Ведь Павел Дмитриевич Абросимов – двоюродный брат твоего отца – доводится мне почти родным братом! Кто же я тебе? Пожалуй, троюродный дядя?

– Вы меня очень обрадовали!..

– В общем, зла я тебе не желаю, – сделав вид, что не за-

метил иронии, продолжал Игорь Иванович. – И даже могу помочь...

– Для этого я должен предать Родину? – прямо в глаза посмотрел ему Андрей.

– Не надо таких громких слов! – усмехнулся Найденев. – Речь идет о твоей жизни и смерти. Посмотри на Абдуллу. Скажи я одно слово, и он с великим удовольствием прикончит тебя из автомата... Это в лучшем случае, а в худшем они примутся тебя пытаться... Говорить тебе, что это такое, я не буду. Об этом даже пишут в ваших газетах. И это действительно правда. Тут вы ничего не преувеличиваете. Так вот, у тебя есть лишь один разумный выход: подать на имя полковника Фрэда Николса прошение, что ты хочешь жить и трудиться в свободном мире... Не думай, что это мы всем предлагаем. Америке всякий сброд тоже ни к чему. Кстати, пленных можно и здесь неплохо использовать. Как о земляке и родственнике, я походатайствую за тебя перед полковником, уверен, что он мне не откажет.

– У меня нет никакого желания становиться гражданином Соединенных Штатов Америки, – ответил Андрей.

– А живым-то остаться у тебя есть желание? – с досадой взглянул на него Игорь Иванович.

У него и впрямь шевельнулось что-то похожее на сочувствие к этому видному здоровому парню, которого ничего не стоит прямо сейчас превратить в безобразный труп. Это дикое упорство советских военнослужащих, попавших в плен,

раздражало его. Охотнее идут на смерть, чем на предательство. Даже не умеют притворяться, прикидываться лояльными, чтобы потом при случае перебежать к своим. После допроса лейтенанта Смирнова Фрэд Николс отправил его к своему коллеге, полковнику из контрразведки, – может, тот что-нибудь выжмет из пленного. А Андрея оставил, надеется, что они сломают его упорство. Но Игорь Иванович в этом сомневался: не смогли же фашисты уговорить его прадеда, Андрея Ивановича Абросимова, служить им?

– Конечно, я мог бы согласиться, чтобы остаться в живых, – как бы рассуждая сам с собой, заговорил Андрей. – Но, понимаете, я врать не приучен с детства. И в нашем абросимовском роду никогда не было изменников и предателей. И вы это прекрасно знаете. Не хочется подышать тут у вас, как собаке, но можно ведь умереть и без пыток?..

Он вдруг, будто подброшенный пружиной, взлетел в воздух и с размаху упал на охранника, тот даже не успел нажать на спусковой крючок. Оба рухнули на пол, рука парня уже тянулась к автомату... И в это мгновение дверь распахнулась, в комнату стремительно шагнул Фрэд Николс и наступил ногой в тяжелом ботинке с рубчатой подошвой на руку Андрею. Найденов поднял автомат, а свой пистолет спрятал в карман.

Абдулла, изрыгая на своем языке проклятия, крепко связал за спиной руки Андрея. Он несколько раз пнул его ногой, но полковник отрывисто приказал ему прекратить. У парня

на щеке кровоточила глубокая царапина – Абдулла ногтями оставил ее. Воротник рубашки охранника держался на ниточке, на скуле наливался синяк.

– Уведите, – приказал Николс. Когда они остались вдвоем, он заметил:

– У тебя, Игорь, реакция уже не та... Помнишь, как ты в США двух негров пришил? А тут с одним парнем не смог справиться!

– Не появись вы, я бы его убил, – спокойно ответил Найденов. – Кстати, он сам искал смерти.

– Такого бы парня напустить на своих, советских, – задумчиво проговорил Фрэд Николс. – Есть же у него какая-нибудь слабинка? Виски, девчонки? Наркотики?

– Знаю я эту абросимовскую породу... – усмехнулся Игорь Иванович. – С ними лучше не связываться.

– Вот такие крепкие нам и нужны... А что толку от слабаков? Как это по-русски говорится – ни богу свечка, ни черту кочерга?

– Крепкий орешек! Брось, не раскусить его нам.

– Знает английский... – задумчиво продолжал полковник. – А какие плечи, грудь, руки! Нет, такого богатыря не стоит отдавать на расправу этим дикарям. Абдуллу я отправлю за кордон. Поработай еще с земляком, Игорь Иванович!

Ася Цветкова выглянула в вестибюле в окно и повернула смеющееся лицо к подруге:

– Вот же везет людям! Оляка, тебя сегодня сразу двое поджидают на улице!

Оля Казакова тоже подошла к окну: на противоположной стороне Моховой на тротуаре стоял Глеб Андреев в серой пушистой кепке и стального цвета куртке с капюшоном, а у парадной с металлическим козырьком курил Михаил Ильич Бобриков. Он был в коричневом кожаном, с погончиками пальто и с неизменным пухлым портфелем. Бледное, с белыми ресницами и бровями лицо было невозмутимым, а вот Глеб явно нервничал: переступал с ноги на ногу, вертел головой, несколько раз зачем-то снял и снова надел свою кепку, глаза его были прикованы к парадной института.

– Не хочется мне с ними встречаться, – сказала Оля.

У нее только что был неприятный разговор с преподавателем, который упрекнул ее за пропуск практических занятий в театральной студии. Дело в том, что Олю снова пригласили на телестудию сняться в небольшой роли в музыкальном спектакле. Как раз в тот день были съемки в павильоне.

– Так и быть, я возьму на себя этого пожилого господинчика в кожаном пальто, кажется, это сам Бобриков? – великодушно предложила Ася. – А ты потолкуй с Глебом. Неуже-

ли не видишь, как он извелся, бедный? Оляка, ну почему ты такая жестокая?

– Зато ты слишком добрая!

– О-о, мы сегодня не в духе... – рассмеялась Ася.

Оля уселась на низкий широкий подоконник, упрямо наклонила светловолосую голову.

– Буду сидеть здесь, пока не уйдут, – заявила она.

– Ты же знаешь, они не уйдут. Твои ухажеры на редкость упорные!

– И почему у нас нет другого выхода?

– Ты уже рассуждаешь, как избалованная звезда...

– Ася, у тебя бывает когда-нибудь плохое настроение?

– А что это такое? – рассмеялась подруга.

Минут десять они болтали о разных пустяках, затем Ася потащила ее за рукав к выходу:

– Оляка, у тебя каменное сердце! Разве можно под дождем столько времени держать своих воздыхателей?

Едва они показали в дверях, как Глеб сорвался с места и бросился через дорогу к ним. «Жигули» резко затормозили, водитель что-то крикнул ему вслед, но Андреев даже не оглянулся.

– Рискует жизнью из-за тебя, – упрекнула Ася. – А ты, бесчувственная особа, мучаешь человека! Да я с таким парнем готова в огонь и в воду!

Михаил Ильич сразу правильно оценил обстановку и не подошел к девушкам, лишь издали поздоровался. Сигарет-

ный дымок тонкой струйкой вился возле его невозмутимого лица.

– Хорошо, я был тысячу раз не прав, но нельзя же всякий раз бросать трубку, когда я тебе звоню, – взволнованно заговорил Глеб, не ответив на приветствие Аси. Наверное, он ее даже не заметил. – В конце концов, это... Ты же не знаешь, что я хотел тебе сказать.

– Что же ты хотел сказать? – не смогла сдержать улыбку Оля: очень уж был смешной вид у Глеба – высокий, с взъерошенными русыми волосами, свою ворсистую кепку он комкал в руке, с потемневшими от волнения глазами и сверкающими каплями на темных бровях он сейчас походил на обиженного мальчишку.

– То, что ты – дура! – гневно вырвалось у него, но заметив, как окаменело лицо девушки, совсем другим тоном прибавил: – Я хотел сказать, что люблю тебя! А на набережной я вел себя как последний дурак!

– О-о, у вас тут египетские страсти! – засмеялась Ася. – Пожалуй, подойду я к твоему старичку, подружка. Утешу бедного.

– Почему египетские? – растерянно спросила Оля, не зная, что делать. Таким Глеба она еще не видела.

– Я не думал, что ты такая жестокая, – говорил Глеб. – Честное слово, легче первенство города выиграть на ринге, чем с тобой договориться!

– Глеб, я не терплю хамства, – сказала девушка. – Оно все

во мне убивает... Даже любовь.

– Зато я не притворяюсь, не стараюсь казаться лучше, чем я есть, – нашелся он.

– Ты полагаешь, откровенный хам лучше, чем замаскированный?

– Я не хам, и ты это знаешь... – ответил он.

С неба моросил мелкий дождь. Из водосточных труб на тротуар брызгали струи. Глядя вдоль Моховой, Оля обратила внимание, что в основном идут с раскрытыми зонтиками женщины, у мужчин редко у кого увидишь зонтик в руках. А вот Михаил Ильич достал из своего коричневого кожаного портфеля зонт, раскрыл его и, бросив на Олю красноречивый взгляд, взял Асю под руку, и они зашагали в сторону проспекта Чернышевского, где, очевидно, он оставил свой «мерседес». Подруга обернулась и помахала рукой. Лицо у нее было довольное. Она не скрывала, что считает свое знакомство с начальником станции техобслуживания полезным.

«С Асей он скорее найдет общий язык...» – равнодушно подумала Оля. Бобриков давно уже не вызывал в ней никаких чувств. Да и были ли эти чувства раньше? Скорее, интерес, любопытство, детское желание прокатиться на заграничной машине... Оля ведь недвусмысленно дала ему понять, что между ними все кончено, а он, умный человек, продолжает преследовать ее телефонными звонками, вот уже третий раз встречается у института. В общем, делает вид, что ничего не произошло. Самомнения ему не занимать! Может,

сегодня, увидев ее с Глебом, Бобриков наконец оставит ее в покое?..

– Мне сегодня досталось от главного конструктора, – рассказывал Глеб. – Увидел из-за плеча, как я нарисовал на ватмане твой профиль...

– И отпустил тебя на свидание, – улыбнулась Оля.

– У меня осталось полчаса, – взглянув на часы, сказал Глеб. – Я тебе постараюсь изложить все то, что последнее время мучает меня... Не мы с тобой придумали этот мир, мужчину и женщину...

– По Библии, бог сотворил Еву из ребра Адама, – вставила Оля.

– Библию не читал... Я люблю тебя, Ольга...

– Совсем как в арии Ленского, – улыбнулась она.

– Ты можешь заткнуться? – свирепо воззрился он на девушку. – Я ей в любви объясняюсь, а она меня перебивает...

«"Заткнуться"... Какой он грубый!» – с сожалением подумала Оля, но перебивать больше не стала.

– Я думаю о тебе дома, на работе, ночью, – продолжал он. – Раньше я считал, что умею владеть собой. Я мог порвать с другом, который меня предал. Я забыл, правда с трудом, Регину...

– Ее звали Регина? – переспросила Оля. – Редкое имя.

– Да, эту дрянь звали Региной, – холодно подтвердил он, губы его сжались, скулы обострились. Снова что-то жестокое, так поразившее Олю в тот вечер, когда они сидели на

камне у Невы, появилось в его лице.

– Девушки, не отвечающие на твое чувство, – дряни? – насмешливо посмотрела она ему в глаза. – Почему все должны быть в тебя влюблены? Потому что ты высокий, симпатичный, чемпион? Если я скажу, что ты мне не нравишься, значит, я тоже дрянь?

Он какое-то время смотрел ей прямо в зрачки, ледок в его глазах начал таять, голубизна снова разлилась вокруг черного острого зрачка. Губы его тронула улыбка, скулы порозовели.

– Очко в твою пользу, – сказал он. – Ты наносишь удары, как опытный боксер, прямо в самые чувствительные места.

– Ты опоздаешь, Глеб, – напомнила она, провожая взглядом троллейбус, отчаливший от мокрой остановки.

– Я чувствую, что несу что-то не то, – признался он. – Понимаю, что мои слова задевают тебя, но ничего с собой поделаться не могу... Может, было бы лучше, если бы я читал стихи?

– Не думаю, – сказала она.

– Ведь ты вторая девушка в моей жизни... Точнее, первая, которую я так сильно полюбил.

– А я не уверена, что люблю тебя, – помолчав, сказала Оля. – И вообще, что-то мы с тобой слишком уж часто бросаемся этим словом – «люблю».

– Ты им не бросаешься...

– Глеб, у меня сейчас не то настроение, чтобы говорить о

своих чувствах, да и погода... – она подставила ладонь, но на нее не упало ни одной капли, – не располагает к таким разговорам.

– Хорошо, я тебе признаюсь в любви в ясный солнечный день...

– Твой троллейбус, – сказала она.

– Солнце может еще неделю прятаться за облаками, – взглянув на серое небо, проговорил Глеб. – Давай завтра в семь встретимся у Дома офицеров? Кстати, в «Спартаке» идет «Человек из Рио»...

– Договорились, в семь, – с улыбкой сказала она.

– Я, кажется, не поздоровался с твоей подружкой, – сказал Глеб. – Скажи, что я извиняюсь.

Он пожал ей руку, пружинисто побежал к остановке, где только что остановился троллейбус. Пропустив двух женщин, вскочил вовнутрь.

«А он не безнадежен... – идя домой, подумала Оля. – И надо же, ему нравится Бельмондо!...»

4

– Здравствуйте, Вадим Федорович, – произнес в трубку незнакомый девичий голос – Вы меня, наверное, не знаете, я – Мария Знаменская... – Девушка сделала паузу и решительно закончила: – Я – невеста Андрея.

Голос был приятный, чуть глуховатый. Казаков попытался

представить себе на том конце провода незнакомку: наверное, высокая, голубоглазая, с длинной русой косой... Дальше его фантазия не сработала. Сын никогда не рассказывал ему о своих отношениях с девушками. В этом все Казаковы были сдержанны, даже шуток за столом по этому поводу не допускали. Не знал Вадим Федорович и об увлечениях Ольги. Мысленно представлял себе ее героя чем-то похожим на Бельмондо. О том, что дочери нравится этот артист, он знал. На детей за скрытность Вадим Федорович не был в обиде: он, когда был юношей, тоже не делился своими сердечными делами с родителями.

– Я слушаю вас, Мария Знаменская, – ответил он в трубку. Он только сейчас понял, что это та самая девушка, которую сын привозил в Андреевку.

– Андрей вам пишет? – спросила она. Голос напряженный, чувствуется, что девушке нелегко дается этот разговор.

– Мы всего получили два письма. Последнее пришло, кажется, месяц назад.

– И вас это не беспокоит?

– Почему меня должно это беспокоить? – удивился Казаков. – Андрей ведь вольнонаемный, работает на строительстве. А письма писать он никогда не любил.

– Как будто вы не знаете Андрея!

Пожалуй, она права: сын не из робкого десятка.

– Мы договорились, что он будет писать мне каждую неделю, – продолжала Мария. – Я получила от него двадцать три

письма. И вот уже три недели – ни строчки. Вадим Федорович, у меня плохое предчувствие: с Андреем что-то случилось. Я ходила в военкомат, но там сказали, что он не от них поехал. Вы, наверное, знаете, от какой организации его направили туда? Надо позвонить, написать... Надо что-то немедленно делать!

Голос ее прервался, послышались странные звуки, писк, щелчки. Вадим Федорович принялся успокаивать девушку, толковать, что виновата почта, у него нет никакого предчувствия. Наоборот, Андрей писал, что работа ему нравится, как журналист он много интересного там почерпнул. Написал две статьи в «Комсомольскую правду». Одну уже опубликовали...

– Я читала, – плача, ответила Мария.

– Вот что, Маша, – предложил он. – Приходите после шести вечера, мы обо всем поговорим. Запишите мой адрес.

– Я знаю.

Ему показалось, что она улыбнулась сквозь слезы.

– И не взвинчивайте себя понапрасну, – успокоил он. – Андрей – великолепно подготовленный человек и, я уверен, из любой переделки выйдет невредимым.

– Я приду, – сказала она и повесила трубку.

Вадим Федорович, сидя за письменным столом, глубоко задумался. Неужели и впрямь что-нибудь случилось с Андреем? Женщины тоньше и чувствительнее мужчин, особенно влюбленные... Ладно бы сын был военным служащим,

участвовал в боях с душманами, но он – шофер. И работает на мирном строительстве. Правда, там рядом проходит граница с Пакистаном, откуда просачивается в Афганистан вся эта нечисть...

Удивительный парень Андрей! Вадим Федорович сам был большим непоседой, за свою жизнь много поездил по стране, побывал за рубежом, в общем, на одном месте долго никогда не засиживался, а сын и того более. Почти дома и не живет. Что это – тяга к путешествиям или подспудное желание приобрести жизненный опыт? Наверное, жажда опыта, познание человеческих характеров, живое любопытство гонят его из города в дальние края. Вон, даже любимая девушка не удержала.

Вспомнился последний разговор с Ириной... Она ворвалась к нему рано утром – он еще завтракал, – уселась за стол, обрушила на него поток упреков:

– Как ты мог допустить, чтобы твой сын подал документы для поездки в Афганистан? И не туристом едет, а работать. Ты разве не знаешь, что там идет война? Там полно бандитов и головорезов! Они нападают на всех: на солдат, женщин, детей. Взрывают школы и госпитали! Ты что, слепой и газет не читаешь? Не смотришь телевизор?

– Налить тебе кофе? – спокойно спросил он, отхлебывая из своей чашки.

Нежданная встреча с бывшей женой не особенно взволновала его. В гневе Ирина всегда была необычной: полное

белое лицо ее становилось одухотворенным, глаза расширялись, в них появлялся сухой блеск.

– Ты всегда был к детям равнодушен, – упрекнула Ирина. – Тебе на них наплевать.

Это неправда, детей Вадим Федорович любил, только не терпел проявлять свои отцовские чувства. И Андрей и Оля это понимают, иначе не остались бы с ним...

– Андрей уже взрослый человек и сам решает, как ему поступать в том или ином случае, – сказал он. – А если бы я и смог его удержать, то никогда бы этого не сделал.

– Как же, вы – Абросимовы! – с издевкой заметила Ирина Тихоновна. – У вас дед – герой! Да и твой отец... Но это когда было? А сейчас другое время. Мы ни с кем не воюем. И Андрея не призвали в армию, он сам туда рвется. И если что с ним случится, то виноват будешь только ты! Запомни мои слова, Вадим!

– Чем же наш сын лучше тех, кто находится там? – задал он ей вопрос, на который не надеялся получить ответ, однако Ирина бросила ему в лицо:

– Он – мой сын! А до других мне нет дела.

Конечно, сын советовался с отцом, точнее, поставил его в известность о своем решении ехать в Афганистан... И что мог сказать ему Вадим Федорович? Не надо, Андрюша, там опасно? Стреляют, похищают наших и все такое? Разве сын не читает газет и не смотрит телевизор! Никто ведь не тащил его, Вадима, и Павла Абросимова в партизанский отряд, на-

оборот, гнали из отряда в три шеи, но они добились своего и воевали. И хорошо воевали, если Родина оценила заслуги и наградила их, мальчишек, боевыми медалями! Мог ли у него повернуться язык отговаривать сына?..

Позже он от Андрея узнал, что Ирина Тихоновна ходила в военкомат, горком комсомола и умоляла отговорить сына от поездки в Афганистан...

Телефонный разговор с Марией Знаменской выбил его из колеи. В голову и впрямь полезли тревожные мысли: все ли в порядке с Андреем? Случись что – обязательно бы поставили в известность. Может, ранен?..

Когда работа не шла, Вадим Федорович или ложился на застланную клетчатым пледом постель и читал, или выдалбливал из капа вазу на кухне, где приспособил в углу небольшой раскладной верстак, купленный на Литейном в инструментальном магазине. Механическая работа не мешала ему думать. Он зажал в маленькие тиски медную втулку от водопроводного крана и принялся ее шлифовать тонкой наждачной шкуркой. Еще с вечера он отключил на кухне воду и разобрал кран. Ему до смерти надоело это «кап-кап-кап». Из его кабинета слышно было, как полновесные капли одна за другой срываются с носика крана и падают в раковину. Удивительное дело, ухо очень быстро привыкает к тиканью ходиков, но не хочет мириться с капаньем воды из крана!..

Андрей, конечно, жив, но что-то стряслось с ним... Вот Мария почувствовала, а он, отец, ничего не чувствует... Оля

еще вчера вспоминала, что от Андрея давно нет писем, но это так, между прочим. Говорят и пишут, что между близкими людьми существует какая-то телепатическая связь. Помнится, перед смертью матери он, Вадим, вдруг ощутил какую-то необъяснимую жгучую тоску. А через день пришла телеграмма от отчима, что мать доживает последние дни... Он сел за руль «Жигулей» и гнал всю ночь в Великополь. Был ноябрь, шоссе местами обледенело, раза два-три его сильно заносило, но все обошлось. Мать он застал еще живой. В доме собрались все близкие. Худой, с выпирающими скулами, отчим Федор Федорович ходил по квартире как длинная бесплотная тень. Мать лежала на кровати, лицо ее пожелтело, и на нем лежал неуловимый налет смерти. И хотя мать произносила обычные слова, в ответ выслушивала тоже обычные в таких случаях слова о том, что она обязательно выздоровеет и все будет по-прежнему, в мыслях она витала уже где-то далеко. Лишь Вадим ее не утешал, он с каким-то странным чувством наблюдал за приближением смерти. Той самой смерти, о которой мы стараемся не думать, но которая всегда незримо присутствует. А сейчас она, смерть, как бы обрела свои очертания, плоть... Она витала в этой тихой комнате, ощутимо взмахивала большими крылами... Почему-то Вадим Федорович не мог ее представить с острой костью в костлявых руках... Жалость, боль за мать перемежались с почти мистическим чувством происходящего, чего-то таинственного и непостижимого. Наверное, это ощущала и

мать. Повернув к нему желтое лицо с провалившимися глазами, она произнесла:

– Как хорошо, что вы все приехали...

Она все чаще впадала в забытие, и тогда по ее изможденному лицу пробегали неуловимые тени, дыхание то замедлялось, то становилось частым. Незадолго до конца она вдруг широко раскрыла глаза и громким шепотом произнесла: «Ну сделайте же что-нибудь...»

Каждый из них готов был сделать все возможное, чтобы спасти мать, но чуда не случилось.

Вспоминая ее предсмертные слова, Вадим потом часто задавал себе вопрос: а все ли он действительно сделал, чтобы мать подольше прожила? Может, нужно было каждый год отвозить ее в санаторий, не расстраивать... Два младших сына сильно пили, семьи их развалились, мать очень болезненно воспринимала все это, но у него, Вадима, не повернулся язык попрекнуть братьев, сидевших у постели умирающей матери со скорбными лицами.

И потом, когда она умерла, его поразило, как изменилось все в ней. Нет, не лицо, оно и у живой было почти как у покойника, а сама неподвижность будто вдавленного в гроб тела. Даже ночью, во сне, расслабив все свои мышцы, спящий человек не выглядит так. Мертвый же, он, хотя и лежит, вместе с тем будто постепенно проваливается, становится плоским, невесомым. Пожалуй, это открытие для него в ту минуту было самым сильным ощущением от смерти матери...

Он поставил кран на место, разводным ключом завернул блестящие гайки, несколько раз попробовал пустить воду – противная капля прекратилась. Оттого что обошелся без вызова водопроводчика – туда еще попотеешь дозвониться, – на душе стало полегче. Мастер сделал работу, опробовал, получил удовлетворение и ушел с чувством выполненного долга, а писатель? Годы корпит над романом, а, кроме чувства неуверенности и неудовлетворенности, ничего во время процесса работы не ощущает. Даже и позже, когда выйдет книга, месяцами гложут сомнения: а все ли ты сделал так? Не упустил ли чего-нибудь важного? Как книгу примут читатели?.. А если еще найдется на твою голову какой-нибудь Луков? Одним росчерком пера перечеркнут весь твой многолетний труд!..

Вадим Федорович получил из Волгограда большое письмо от Зинаиды Ивановой, которая была не согласна со статьей Николая Лукова. Она с возмущением писала, что он поступил непорядочно: написал предвзятую бездоказательную статью. Вот, какая-то Зинаида Иванова написала – Казаков так и не вспомнил, что это та самая аспирантка, с которой его в Ялте познакомил сам Луков, – а в литературных журналах не появилось ни одной статьи, опровергающей Лукова!

Вадим Федорович надел плащ, кепку и пошел на станцию метро «Чернышевская». На улице моросил мелкий дождь, что-то в этом году весна напоминает припозднившуюся осень: холодно, дуют с Финского залива ветры, сыплет

дождь. В каменных дворах, где мусорные баки, еще громоздятся грязные обледенелые сугробы. Весна в Ленинграде, пожалуй, самая неприятная нора. Конечно, в мае зазеленеют скверы, деревья пустят молодую листву, выберется наконец из-за серых пластов облаков яркое солнце, но до мая еще далеко. Весна как-то обнажает город, выявляя все его недостатки. Весной особенно заметно, что многие здания нуждаются в ремонте, а улицы в уборке, на металлических поверхностях навесов или карнизов проступают ржавые пятна, даже кариатиды, поддерживающие балконы над парадными, выглядят усталыми и насупленными.

Выйдя на Средней Рогатке, Вадим Федорович дождался автобуса и поехал в аэропорт «Пулково». Через полчаса должна прилететь из Самарканда Виолетта Соболева. В кафе на втором этаже он выпил две чашки кофе. Самое неприятное, когда самолет опаздывает: не знаешь, ждать или уходить. Может прилететь и через полчаса, а может и через несколько часов.

Самолет прилетел вовремя. Казаков стоял у металлической ограды и наблюдал за высадкой пассажиров. Они медленно, будто еще не веря, что на твердой земле, спускались по трапу на мокрое заасфальтированное поле. К лайнеру уже подруливали аэродромные машины. В брюхе распахнулся люк, и носильщики принялись выгружать багаж. Пассажиров дождался длинный, будто игрушечный, микроавтобус, составленный из нескольких разноцветных вагончиков.

Из зала слышался монотонный голос диспетчера, объявляющего посадку.

Сегодня Виолетта его не ждала: Вадим Федорович в начале недели уехал в Москву и должен был вернуться в воскресенье, но случилось так, что он все свои дела завершил и выехал в четверг на дневном поезде «Юность». Вечером он позвонил Виолетте, но телефон не ответил. В пятницу утром позвонил в аэропорт, где ему сообщили, что Соболева вернется из рейса в половине шестого. Признаться, за пять дней он уже успел соскучиться по Виолетте. Знакомый московский детский писатель, у которого он обычно останавливался, приглашал его к себе на выходные на дачу в Красную Пахру, но Вадим Федорович отказался. Вообще, в Москве он уже на третий день начинал скучать, тянуло домой. Бессмысленное хождение по магазинам, встречи со знакомыми в ЦДЛ – все это претило ему. Видно, он принадлежал к тем людям, которые, вырвавшись из привычной обстановки, очень быстро начинают уставать от суеты, разговоров, встреч.

Пассажиры уехали на микроавтобусе, вслед за ними автокары повезли сумки и чемоданы с зелеными бирками. К самолету прилепился длинный бензовоз. Наконец по трапу спустилась Виолетта. Обычно она сразу бросала взгляд на металлическую решетку, за которой он ее дожидался, на этот раз даже не взглянула в ту сторону. Высокая, в стального цвета форме и синей шапочке, из-под которой пробивались

золотистые волосы, молодая женщина, оказавшись на земле, подставила ладони дождю, потом достала из сумки легкий плащ и натянула на себя.

Вадим Федорович хотел ее окликнуть, даже поднял руку, но тут увидел рослого мужчину в распахнутом кожаном пальто с красным мохеровым шарфом вокруг шеи. Мужчина был без головного убора, мокрые черные волосы блестели, в руке у него был букет розовых гвоздик. Он улыбался и шел навстречу Виолетте. Она приняла цветы и подставила ему щеку для поцелуя, но мужчина обхватил ее за плечи и поцеловал в губы. Весело разговаривая, они прошли в открытую стеклянную дверь и скрылись в пассажирском зале.

Казаков стоял столбом у решетки, порыв ветра швырнул ему в лицо горсть холодных капель, где-то наверху тоненько зазвенело, будто разбилось, стекло. У самолета негромко переговаривались техники, хлопали металлические крышки, гудела помпа, перекачивая горючее из брюха бензовоза в самолетные баки. На главную бетонную полосу вырулил «Ил-18», в иллюминаторах вспыхнули огни. Остановившись у начала полосы, лайнер мощно взревел двигателями, рванулся вперед и, окутанный дождем и туманом, понесся по полю. Вот он оторвался от земли, нос полез в сумрачное небо, березовая роща тянула ветви к его брюху, освещенному ритмическими всплесками взлетных разноцветных огней. Шасси медленно вползли в люки, и «Ил-18», будто проткнув серое одеяло неба, исчез, а вскоре заглох и шум его

двигателей.

«Улететь бы куда-нибудь, – вяло подумал Казаков. – На Байкал или еще дальше, в глухую тайгу... Построить там деревянную избушку и жить одному».

Вадим Федорович и раньше задумывался о том, что Виолетта может уйти, – не зря же она так решительно отказывалась выйти за него замуж... Но вот так потерять ее – а в том, что он потерял Виолетту, Вадим Федорович не сомневался – было обидно. Почему мужчина и женщина не могут ужиться друг с другом? Какая бы ни была крепкая любовь, рано или поздно она кончается. А если один или одна уходит, а любовь остается? Что тогда человеку делать? Страдать, ненавидеть? Ладно, с Ириной Головиной они прожили отпущенный им судьбой срок. Вырастили детей, похоронили без отпевания и сожаления свою любовь и расстались без большой печали. Разрыв для них обоих означал облегчение. Какое-то время он верил в любовь с Викой Савицкой, она мнилась ему идеальной женой: тонка, умна, понимает литературу, близко к сердцу принимает его работу... И вот Вика Савицкая неожиданно выскакивает замуж за делягу и барышника Василия Попкова. Она ездит на юг, заводит новых любовников, а он тискает в своем магазине молоденьких продавщиц – об этом со смехом рассказывал его закадычный друг Михаил Ильич Бобриков, – а на людях делают вид, что жить друг без друга не могут. К чему вся эта показуха?..

Думать-то Вадим Федорович думал, что Виолетта может

уйти от него, но в душе не хотел этого и потому не верил. Стюардесса, как он сам себе внушил, была у него последней любовью. Да и сколько же можно разочаровываться? Жить так, как Ушков, Казаков не смог бы. Николай может легко сойтись с женщиной и так же легко расстаться. Он не любит никого. Пожалуй, лишь к своей дочери испытывает теплое чувство.

Этот черноволосый в кожаном пальто гораздо моложе его, Казакова, но ведь Виолетта не раз говорила ему, что они самая что ни на есть подходящая пара, просто созданы друг для друга... Неужели и это ложь? Нет, он чувствовал, что ей так же хорошо с ним, как ему с ней. Бывают такие моменты, когда солгать невозможно...

Вадим Федорович видел, как они вышли из зала, сели в бежевую «Волгу» и укатили в город. Этот, в кожаном пальто, приехал ее встречать на собственной машине, а он притащился на общественном транспорте. Не умеет он пускать пыль в глаза. Его «Жигули» стоят с вышедшим из строя аккумулятором на стоянке.

Дождь посыпался сильнее, капли защелкали по плечам, козырьку кепки, а он все стоял у металлической решетки и смотрел на летное поле, будто ждал посадки очередного лайнера, из которого выйдет улыбающаяся Виолетта и, помахав рукой, с сумкой через плечо, пройдет своей красивой походкой к нему... Она ждет его в воскресенье – так они договорились. Может, сделать вид, что ничего не случилось и по-

звонить ей? Нет, он не сможет быть теперь с ней таким, каким был раньше. Врать и обманывать – это тоже искусство. Есть на свете люди, которые владеют им в совершенстве. Не только других, но и себя умеют обманывать...

В голову полезли мелкие мысли: а может, это брат или родственник? В конце концов, просто хороший знакомый, приехавший с берегов Черного моря? Даже издали было заметно, что он загорел... Но так родственники не целуются. И Виолетта смотрела на него точь-в-точь такими же глазами, какими смотрит при встрече на него, Казакова. Когда сильно любишь человека, хочешь ты того или не хочешь, начинаешь постепенно облагораживать его, придумывать ему оправдания. Он, Вадим Федорович, не может сразу любить двух женщин, а Соболева, возможно, может. За что же ее осуждать? Она любит его, Казакова, и одновременно другого, с Черноморского побережья... Как ни крути, а в брата этого черноволосого в кожаном пальто ей не запишешь: очень уж он смахивает на знойного южанина!

Совершенно опустошенный, он направился к автобусной остановке. В автобусе было немного народа, и он уселся на кресло рядом с полной пожилой женщиной в пуховом платке. На коленях она держала пухлую сумку, распространявшую запах мандаринов. Впереди сидели два явно подвыпивших парня. Один из них извлек из сумки бутылку шампанского с ресторанным штампом и, хихикая, стал откручивать проволоку, второй, наоборот, был мрачно настроен; когда

автобус тряхнуло, он громко выругался, а когда пожилой мужчина сделал ему замечание, приподнялся со своего места и надвинул тому шапку на глаза. В этот момент его напарник открыл бутылку, и белая струя ударила в потолок, затем сидящей рядом с Вадимом женщине в лицо, попали брызги и на его плащ. В салоне поднялся шум, все заговорили разом, однако никто по-настоящему не одернул распоясавшихся хулиганов. Говорили про милицию, мол, куда она смотрит, но милиции не было в автобусе, и она ничего не видела, так же как и отгородившийся ширмой от пассажиров шофер. Парни гоготали, отпускали грязные шуточки и грозили толстой зеленоватой бутылкой седому мужчине в зимней шапке.

Вадим Федорович поднялся, выхватил опорожненную бутылку из рук парня, сунул ее под сиденье, сидевшего с краю хулигана схватил за воротник капроновой куртки и поволок к переднему выходу. Не отпуская брыкавшегося хулигана, попросил шофера, чтобы тот остановил автобус. Услышав шум и крики пассажиров, водитель притормозил и открыл переднюю дверь. Казаков вышвырнул парня на обочину, вернулся назад и то же самое сделал со вторым парнем. Самое удивительное, ни первый, ни второй даже не оказали ему сопротивления.

– Надо было в милицию их сдать, – сказал мужчина в зимней шапке.

– Ничего, прогуляются пешком под дождем – поумнеют, – заметил рослый мужчина в серой фуражке.

В окне мелькали высокие придорожные деревья, с шорохом проносились встречные машины, дворники не спеша сгребали с лобового стекла дождевые капли. Противно пахло шампанским, под сиденьем перекатывалась бутылка.

«Надо было и ее выкинуть...» – подумал Вадим Федорович, стряхивая с полы плаща липкие капли. Он вдруг вспомнил, как Виолетта рассказывала ему о том, как, вернувшись из отпуска – она провела его у матери под Псковом, – увидела своего мужа, стоявшего у стены на голове. Он выполнял одно из упражнений йоги.

«Я как дурочка стою в дверях, – рассказывала она, – а он не поворачивая головы: „Закрой, пожалуйста, дверь, сквозит...“ Так полчаса еще и стоял на голове, пока я готовила на кухне завтрак... На другой день я ушла от него...»

– Шампанское не оставляет следов на материи? – спросила соседка. Вадим Федорович удивленно взглянул на нее и сказал:

– Следы на материи – это ерунда, страшно, когда следы оставляют в душе...

– Наверное, придется пальто сдавать в химчистку, – озабоченно произнесла женщина.

– Ваш муж не стоит по утрам на голове? – спросил Казаков. – Говорят, это здорово мозги прочищает.

– Пропустите, мне скоро выходить, – поднялась полная женщина, с подозрением глядя на него.

Бутылка выскочила из-под ее ног и весело покатилась по

проходу.

Часть вторая

Весенний гром

*Вас развертило Самовластье,
И меч его вас поразил, —
И в неподкупном беспристрастье
Сей приговор Закон скрепил.
Народ, чуждаясь вероломства,
Поносит ваши имена —
И ваша память от потомства
Как труп в земле схоронена.*

Ф. И. Тютчев

Глава девятая

1

Задули теплые ветры с моря, отзвучали по радио траурные марши, снимали огромные портреты с черными лентами, вся великая страна вместе с природой будто пробудилась от многолетней зимней спячки весной 1985 года. Лишь в Андреевке, в лесных оврагах да низинах, заросших кустарником, остались подтаявшие пласты тонкого наста. Снег прятался от солнца под прошлогодними листьями, хвоей, вы-

глядывал из ямин и нор, но весенние ветры добирались до него и превращали в легкий пар и мутные лужи.

Природа жаждала обновления, и остановить его было невозможно. На лесных прогалинах буйно полезли из оттаившей земли голубые пушистые подснежники. По утрам на их волосках ослепительно сверкала крупная роса. Жившие в поселке всю зиму синицы разом улетели в пробуждающийся лес, на огородах, по-хозяйски озираясь, деловито расхаживали первые грачи. Ранним утром можно было в розовом небе увидеть косяки летящих с юга птиц. Больших и маленьких. Зимой выюжная буря поломала в лесу много деревьев, некоторые выворотила с корнем. Падая, толстые сосны и березы гнули, ломали молодую поросль. Иногда сосна обрушивалась кроной на соседнее дерево, и то, согнувшись, поддерживало ее плечом, не давая упасть.

Федор Федорович Казаков, как обычно раньше всех приехавший из города в Андреевку, каждое утро ходил в лес за сморчками. Эти первые весенние грибы появлялись одновременно с подснежниками, их можно было увидеть на вырубках, солнечных полянках, вдоль лесных дорог. Пожалуй, он один в Андреевке собирал эти неказистые, похожие на изжеванные куски мяса, грибы; многие считали их ядовитыми, но Федор Федорович, дважды отварив их в воде, жарил и с удовольствием ел. Григорий Елисеевич Дерюгин не притрагивался к ним.

– Ефимья Андреевна никогда не брала сморчки и строч-

ки, – говорил он. – А она уж понимала толк в грибах!

Выйдя на пенсию, Федор Федорович пристрастился к лесу, считал пропавшим день, если не побывал в бору. Ему все в лесу было интересно: наблюдать, например, как греется на солнце пепека уж. Стоит иного пошевелить сучком – и он задергается, вытянется и закроет глаза, будто околел, а немного погодя тихонько уползет под корягу. Любил смотреть на работу дятлов, удивлялся, сколько нужно тому приложить усилий, чтобы выковырять из ствола одного-единственного червячка! Однажды спугнул в чащобе филина. Распахнув оранжевые глазищи, большая птица с шумом взлетела вверх, суматошно замахала широкими крыльями, жутко крикнула и исчезла среди ветвей. А на Утином озере долго наблюдал за болотным лунем, который ловил в тростнике красноперку. Хищник так увлекся рыбной ловлей, что не заметил тихо подкравшегося по берегу человека. Видно, рыболов он был неважнецкий, потому что вместо красноперки схватил лягушку, да и та с кваканьем вырвалась из его когтистой лапы.

Поражал его и мир насекомых. Пока идешь по лесу, их почти не видно, за исключением крупных бабочек, стрекоз. Шмеля, например, издали услышишь по его тревожному гулу. Стоит лишь присесть отдохнуть на пенек – и скоро увидишь десятки самых различных насекомых. Это большие и маленькие муравьи, жук-долгоносик, гусеницы, осы, мухи, пауки, тли, да всех и не перечислишь! В одной книжке он прочел, что на каждом квадратном метре леса можно об-

наружить в среднем до пятисот различных насекомых! Но больше всего его поразила другая цифра: на каждого человека на земле приходится почти тридцать миллионов насекомых, в переводе на живой вес – триста килограммов движущихся и летающих многоногих тварей!..

Два старика, оставшись без жен, с весны до поздней осени жили в Андреевке. В пору летних отпусков сюда приезжали их дети, внуки, правнуки, племянники и племянницы. Тогда дом, как и прежде, оживал, становился веселым. Отвыкшие от всего этого старики старались не подавать виду, что вся эта суеда, шум, детские голоса их раздражают. Тут они были единомышленны. Вздыхали свободно, когда родственники разъезжались. Они всё научились делать сами, и, когда женщины начинали наводить в доме порядок, готовить еду, им казалось, что они делают не так, как надо. Тактичный Казаков помалкивал, а Дерюгин брюзжал, делал замечания. В старости он стал очень рассеянным, часто забывал, что куда положил, мог последним уехать осенью в Петрозаводск и позабыть выключить в доме свет. Там вспоминал об этом, брал билет до Андреевки, приезжал и выворачивал пробки. Один раз позабыл на кухне свежую рыбу, приготовленную для себя. Весной Казаков не смог в дом войти – такой стоял отвратительный смрад от разложившейся рыбы.

У Казакова память была отличная, он ничего не забывал и помнил все из прочитанного. Если кто ошибался, рассказывая что-либо, он тут же поправлял, что опять-таки раздра-

жало Григория Елисеевича. Если уж Федор Федорович что-то утверждал, то его не следовало опровергать или возражать ему – тут он начинал горячиться, доказывать свою правоту, ссылаться на источники. И в конце концов обязательно возвращался к грибной теме, вызывая улыбки у хорошо знавших его. Федор Федорович всем доказывал, что белый гриб растет лишь одну ночь. В этом пункте никто не мог его переспорить, даже заядлый спорщик Самсон Моргулевич, который частенько, по старой памяти, захаживал к ним. Оба потомственные железнодорожники, бывшие соседи, они даже в молодости охотились вместе, вели на скамейке долгие разговоры, в которых Дерюгин не принимал участия. Ковыряя лопатой землю в огороде, он снисходительно улыбался, слушая их. Иногда отпускал насмешливые реплики. И Дерюгин, и Казаков старались не говорить об умерших женах: еще слишком глубока была боль. Не то чтобы эта тема была запретной, просто оба долго потом не могли обрести душевного равновесия. Алена Андреевна умерла в Петрозаводске в мае, а на следующий год, в ноябре, в Великополе похоронили Антонину Андреевну. Видно, сестры уродились не в мать, Ефимью Андреевну, которая прожила девяносто три года. А вот один, бродя по бору, Федор Федорович много думал о Тоне. Он любил ее всю свою жизнь, дети от ее первого брака стали его родными детьми. Вот и нынче, возвращаясь домой, он корил себя за то, что часто не принимал всерьез жалобы жены на хвори, недомогания. Сам мужественно пе-

ренося болезни, он считал, что к старости все женщины любят поговорить о своих болячках, даже когда они здоровы.

Он широко шагал вдоль железнодорожных путей из леса в поселок. В корзинке у него десятка три сморчков, сверху щавель, что собрал на откосе. В этом году, по его приметам, много будет земляники. Казаков любил собирать и ягоды, знал, на каких болотах растет клюква, где малина, черника или брусника. Каждый приезд весной в Андреевку для него праздник. В бору легко дышится, прошагаешь десяток километров и не чувствуешь усталости, а ведь ему уже семьдесят восемь. О смерти Федор Федорович думал спокойно: жизнь он прожил долгую, пережил всех своих братьев, даже младших, честно говоря, он считал, что живет уже чужой век, потому каждый день встречал радостно, как подарок судьбы. Если бы не огорчения, доставляемые сыновьями Геннадием и Валерием, живи да и радуйся, но мысли о них навевали на него печаль... Как-то пришло в голову: хорошо бы умереть в сосновом бору, на солнечной полянке... Но потом подумал, что его будут долго искать, да и старый приятель черный ворон не минует его, а потом, у него на кладбище в Великополе и место приготовлено рядом с женой Антониной Андреевнй. Раньше думал, что старость – это черная пора жизни человека, а вот дожил до преклонного возраста – и не надоело жить! Наоборот, глаза все так же жадно смотрят на облака, небо, слух ласкает мерный шум деревьев...

Иногда досаждают хвори, но жизнь на природе, видно, от-

пугивает и их. В Андреевке он редко болеет, каждодневные лесные прогулки закалили его, а чистый сосновый воздух вливает новые силы. Да и зимой в городе Федор Федорович не сидит без дела: сам ведет хозяйство. Не отстает и от общественных дел, не пропускает ни одного партийного собрания, ведет кружок пропагандистов при горкоме КПСС. Никогда не проходит мимо недостатков; если слова не действуют на нерадивых работников общественного питания и бытовых услуг, садится за стол и пишет письма в вышестоящие организации, разумеется за своей подписью. Анонимщиков Казаков ненавидел и полагал, что их письма нужно не читая бросать в мусорную корзину.

На переезде Казаков повстречался с Самсоном Павловичем Моргулевичем. Длинный нос приятеля уныло висел, губы шевелились, а слов не было слышно. Моргулевич стоял на железнодорожном полотне и тыкал палкой с острым концом в шпалу. На нем были выгоревший на плечах железнодорожный китель, резиновые сапоги, на голове тубетейка.

– Разве в наше время было такое? – указал он на шпалу, в которой не было костыля. – Вот ты, бывший мастер, допустил бы такое безобразие?

Один заржавевший костыль валялся в стороне, второго не было видно. Когда-то тут стояла путевая будка, где дежурил Андрей Иванович Абросимов, он каждый день утром и вечером проверял свой участок пути. Неторопливо шагал по шпалам и постукивал молоточком на длинной ручке по рель-

сам – нет ли трещин, а такого, чтобы в чугунной накладке не было сразу двух костылей, никогда бы не допустил.

– Надо дежурному станции сказать, – озабоченно произнес Казаков.

– Конечно, из-за двух костылей не случится крушения, а вот то, что такое теперь бывает, – непорядок, – заметил Моргулевич.

– Может, зря ликвидировали путевые посты? – размышлял вслух Казаков. – Сколько теперь на нашей ветке доживает свой век заколоченных путевых будок и железнодорожных казарм!

– Теперь электроника, светофоры, автоматика, – заметил Моргулевич. – Вытесняет техника людей. Будки жалеешь, а скоро поезда пойдут без машинистов...

– В Японии уже испытывают такие, – согласился Казаков.

Они вместе зашагали к станции. Моргулевич был на две головы ниже Казакова, зато в два раза шире. Федору Федоровичу вдруг пришло в голову, что Моргулевич смог бы заменить семафор: встал бы боком на откосе, гордо приподнял голову, и машинист издали бы заметил его задранный, будто крыло семафора, нос... Сколько он ни крепился, но смех все больше разбирал, и он рассмеялся.

– Чего ты? – с подозрением взглянул на него Сам-сен Павлович.

– Вспомнил, как мы с тобой ходили на охоту, – слукавил Казаков. – Как пойду с тобой, так обязательно вернусь пу-

стой, а один – что-нибудь да принесу.

– Мне тоже с тобой на охоте не везло, – мрачно заметил Моргулевич.

– А теперь хожу по лесу, смотрю на птиц и зверюшек мелких, и даже не верится, что когда-то палил в них из обоих стволов, – вздохнул Федор Федорович.

– И я уж позабыл, когда последний раз из ружья стрелял, – отозвался Самсон Павлович.

– А знаешь, Самсон Павлович, почему путь не в порядке? – задумчиво заговорил Казаков. – Потому что начальник станции пьет, дежурный пьет, стрелочник – тоже. А пьющие люди больше о бутылке думают, чем о своей работе.

– Мой сосед, бывало, на огород и носа не кажет, – подхватил Моргулевич. – Одна жена с утра до вечера корячится, а вот бросил пить – весь огород перекопал, посадил два десятка яблонь, отремонтировал крышу, завел кроликов, их расплодилось у него штук сто. И перед работой хлопочет по хозяйству, и после работы в огороде. Любо-дорого смотреть на него! И в доме теперь все есть, и детишки обуты-одеты, и жена не лаетя...

– Что это? – вдруг остановился Казаков.

Ему послышался раскатистый гул. Задрав голову, стал высматривать в синем небе белый след реактивного самолета, но ничего не было видно, лишь белые, с синими подпалинами облака побежали в сторону бора быстрее да тени от них на путях стали гуще.

– Опять! – остановился и Моргулевич. – Похоже на гром.

– Гром в апреле? – пожал плечами Казаков. – Такого я что-то здесь не припомню. Да и тучи не видать.

Не прошли они и десяти шагов, как опять явственно с нарастающим раскатом послышался гром. Когда они пришли на станцию, солнце исчезло за громоздким, похожим на железнодорожный контейнер, облаком, а над водонапорной башней обозначился вздутый темно-синий бок тучи. Небесный гром вспугнул с поля грачей, порыв ветра погнал вдоль рельсов прошлогодние листья, зазвенело железо на крыше вокзала, защелкали голыми ветвями с набухшими почками старые липы в привокзальном сквере, прямо им под ноги белой вороной приземлилась старая соломенная шляпа с оборванной лентой, подпрыгнула и резво покатила по пустынному перрону. Вслед за ней с тихим шуршанием наперегонки помчались жухлые листья. Над башней на вспухшем боку тучи отпечаталась светло-зеленая голая ветвь – это сверкнула молния, а вслед за ней над Андреевкой тяжело загромыхал первый весенний гром.

2

С того самого времени, как он впервые увидел Андрея Абросимова, Найденова одолевали мысли о давно покинутой Родине. И дернул же черт встретиться ему с родственником! Честно говоря, мысли о России стали приходить к нему

еще там, в Мюнхене. Бруно фон Бохов к старости окончательно переключился с разведки на свой пивной бар. Все чаще можно было его увидеть за стойкой, среди никелированных кранов, кружек, разнокалиберных бутылок. Ему нравилось лично встречать именитых посетителей, особенно ветеранов войны, бывших нацистов. Его пивная скоро стала центром сборищ вышедшей на пенсию военщины.

Петра с двумя горничными вела дом, большое хозяйство; если раньше она была тенью своего босса, то теперь сама вертела своим престарелым мужем. Заставила его жениться на ней, написать завещание в ее пользу. От наследства, которое ему завещал отец, давно ничего не осталось. Да и не такое уж по нынешним меркам оно было и значительное. Вот Бруно – богач! Умрет – жена его Петра до конца дней своих не будет знать нужды. Роль Игоря Ивановича в доме брата была незавидной: выполнял все поручения Петры, имел дела с поставщиками пива, вечерами был вышибалой в пивной. Петра как-то намекнула ему, что не будет ничего иметь против, если Найденов в отсутствие мужа заглянет к ней в спальню. Игорь Иванович имел большую глупость рассказать об этом Бруно. Тот сначала расчувствовался, сказал, что всегда был уверен в Игоре, как в себе самом, однако вскоре изменил свое отношение к брату, стал покрикивать на него, упрекать в нерадивости, раз даже придрался к тому, что тот берет с поставщиков взятки. Найденов, конечно, сразу понял, откуда дует ветер: Петра мстила за «предательство». И когда зна-

комый офицер из ЦРУ предложил ему поехать в Пакистан, где риска мало, а долларов можно заработать много, Найденов вынужден был согласиться, потому что жизнь в доме брата стала невыносимой. Умный, тонкий, обладающий железной волей, Бруно фон Бохов стал игрушкой в руках еще не утратившей привлекательности жены, которая была вдвое его моложе.

Деньги Найденову предложили действительно хорошие. В его обязанности входило обучать афганцев диверсионному делу и готовить их для заброски в ДРА. Сыграло, конечно, роль и то, что он был русский. Захваченных в плен советских солдат должен был допрашивать он. Первый же допрос русского парня вызвал в его душе смятение. Игорь Иванович за рубежом гнал от себя мысли о Родине, но теперь ему волей-неволей приходилось выслушивать пленных. Парни рассказывали о себе, своей жизни в СССР... После допроса Найденов запирался у себя в комнате, выпивал в одиночестве полбутылки виски и часами, лежа в постели, смотрел на потолок. Советские солдаты в основном держались мужественно, их не так-то просто было соблазнить «западным раем». А еще труднее было уговорить стать предателями Родины и сотрудничать с разведкой. Да и пленных было не так уж много: советские воины, попав в переделку, дрались не на жизнь, а на смерть. Встречались, конечно, и такие, кто ради спасения своей шкуры готов был на предательство, но как раз таких полковник Николс отводил от вербовки, го-

ворил, что проку от них будет мало: предал раз, предаст и второй. И потом, Николсу трусы были не нужны.

В голову Игорю Ивановичу лезли мысли о покинутой им стране. Там у него жена – Катя-Катерина, дочь Жанна. Уже совсем взрослая. Перед его отъездом в Пакистан разведчики интересовались оставленными в Москве женой, дочерью... Только вряд ли что у них получится. Найденов удрал от них самым подлым образом, и вряд ли брошенная семья простила его...

Потеряв дом, семью, Родину, что он приобрел взамен? Беспоконную, полную риска жизнь наемника. Советские чекисты борются за идею, а он – только за деньги. Но дали ли ему радость марки, доллары или кальдары и афгани, которыми рассчитываются здесь, в Пакистане? Советские парни толкуют о Родине, об интернациональном долге, а что он предлагает им взамен? Опять же доллары, марки, за которые они должны продать свою Родину? Убедился Игорь Иванович и в том, что на чужбине, пока есть в тебе какая-либо нужда, выжимают все соки, а как только ты не нужен – не задумываясь выбрасывают на улицу, и живи как знаешь! Новой семьи в Западной Германии он так и не завел. Связь с проститутками унижала, вызывала потом отвращение. Смешно подумать, что там, в Москве, он смотрел на заграничные вещи и считал, что стоит лишь стать обладателем автомобиля, магнитофонов, проигрывателей, джинсов, кожаных курток – и ты будешь счастлив! Сейчас он равнодушно проходит ми-

мо витрин магазинов. Техника развивается, усовершенствуется, теперь в моде видео. Полгода он увлекался просмотром кассет, а потом остыл... Все одно и то же! Что же в этом мире главное для человека? Ему уже за пятьдесят. Пожалуй, это последняя его командировка, больше вряд ли он понадобится американской и западногерманской разведкам. И кем он станет? На чужбине у него, как говорится, ни кола ни двора. И жить ему совершенно безразлично где – в США или Мюнхене. Везде он чужой. Кончатся деньги на счете, и ты – безработный, нищий. Когда тебе за пятьдесят, ты работы здесь не найдешь. Вон сколько юношей и девушек ходят по улицам с плакатами: «Дайте мне работу!» Целые демонстрации.

И еще одно: стали ночами сниться березы на берегу озера, русские просторы, деревянные избы, сосновый бор в Андреевке... Его допросы Андрея Абросимова превратились в часы воспоминаний о России. Наверное, парень почувствовал это, охотно рассказывал об Андреевке, рыбалке, грибах... И все это находило живой отклик в душе Найденова. Иногда он ловил насмешливый огонек в серых с зеленым ободком глазах Андрея, понимал, что спрашивает не о том, но парень ведь все равно ничего не расскажет, что заинтересовало бы полковника Фрэда Николса. Найденов и сам старался убедить своего бывшего инструктора по разведшколе, что Андрей всего-навсего шофер, случайно попал в засаду, он не солдат. Полковник требовал, чтобы Игорь Иванович склонил Андрея к сотрудничеству с ними, готов был отправить

его в Штаты, в ту же самую разведшколу, где много лет назад учился Найденев... Вернувшийся из очередной операции чернобородый Абдулла несколько раз приходил в комнату, где шел допрос, и пристально всматривался в пленного. В глазах его сверкала неприкрытая ненависть. Игорь Иванович знал от полковника, что афганец поклялся аллаху отомстить русскому парню за смерть родственника. Эти фанатики способны на все ради своих законов. Нужно было следить и за этим.

Андрей вел себя спокойно, теперь руки ему не связывали, содержали в отдельной камере, чтобы он не общался с другими пленными. Так распорядился Николс. Иногда полковник подолгу разговаривал с Абросимовым, похлопывал его по плечу, улыбался. Может, удастся и впрямь склонить к предательству парня? Как это ни странно, но Найденев от этой мысли не испытывал радости. Ему Андрей нравился таким, каким он его увидел в первый раз, – угрюмым, неприимимым, честным. Изменив Родине, он вдруг стал ценить преданность ей в других. И очень бы не хотел разочаровываться в Абросимове. Его интуиция и, наконец, опыт разведчика подсказывали, что правнук Андрея Ивановича не способен на предательство, однако он не разочаровывал и полковника. Пусть тот надеется... Андрея переведут отсюда в другой лагерь, который подальше от границы, а оттуда могут отправить в Америку. Могут и обменять на кого-нибудь из людей Фрэда Николса, попавших в руки ХАД – афганской

госбезопасности.

На последнем допросе, вернее, беседе Андрей вдруг вспомнил, что в Андреевку приезжала Жанна Найденова, познакомилась на кладбище с майором-летчиком – сыном покончившего жизнь самоубийством пьяницы Бориса Александрова – и неожиданно для всех вышла за него замуж. Он слышал об этом от отца. После продолжительной паузы – Найденов осмысливал услышанное – он поинтересовался, куда молодые уехали. Этого Абросимов не знал. Или не хотел сказать? Скорее, действительно не знал, потому что, как убедился Игорь Иванович, этот парень врать не умел. В Западном Берлине Найденов передал по просьбе Бруно фотографии офицеру разведки и даже написал письмо дочери. Его должны были передать ей в Москве... Жанна! Он помнит ее маленькой белокурой девчушкой с огромной куклой в руках... Смолоду Игорь Иванович не был внимательным и заботливым отцом, дочь его даже раздражала своим криком и плачем, а вот сейчас вдруг что-то шевельнулось в его сердце... Жанне скоро двадцать. Наверное, красивая...

Найденов поднялся с койки, допил из бутылки остатки виски, закусил вяленым фиником, задумчиво стал мерить небольшую комнату шагами. За окном сгущалась тьма – здесь сразу после яркого солнечного дня наступает холодная темная ночь. Горы уже затянула туманная дымка, вершины будто золотом облиты – последний луч солнца играет на них.

Выйдя наружу, Найденов неторопливо зашагал по улице.

В окнах глинобитных домишек не видно огней, из-за дувала на него печально смотрел двугорбый верблюд, в его гриве запуталась верблюжья колючка. Через стену перевесилась ветка груши. Твердые продолговатые плоды казались позолоченными, на дувале сидел оранжевый петух и силился проку-карекать, но вместо этого из его глотки вырвался шипящий хрип. Наверное, еще молодой. Над селением в темно-синем небе парил орел. Видно, зная, что тут скоры на расправу, он с каждым кругом поднимался все выше.

Странная страна и непонятная здесь погода! В горах снег, как зимой, а в низине свирепствует зной. Не поймешь – лето, осень или весна. А хуже всего, когда из пустыни налетит «афганец», – нужно быстрее прятаться, не то в каждую пору твоего тела заберется тонкая едкая пыль. Глаза после бури два дня слезятся, на зубах скрипит песок, хотя на дню пять раз рот прополаскиваешь... А в Андреевке сейчас весна. На озера прилетели утки, таскают пух в свои домики скворцы. А здесь их не видно, да и скворечников никто тут не делает.

Возвращаясь домой, Найденов увидел караульного, разговаривающего с каким-то человеком. Подойдя поближе, он узнал Абдуллу, тот был в бешмете и чалме, в руке белый узелок, который он совал вооруженному охраннику. Заметив вынырнувшего из темноты Найденова, Абдулла что-то сказал афганцу, быстро отошел от него и вскоре скрылся за дувалом. Охранник бросил взгляд на офицера, отвернулся и зашагал вокруг двухэтажного помещения с крепкими за-

порами, здесь же в подвальном помещении содержались и пленные. Наверное, раньше здесь был склад или каменный погреб, почему-то иногда ощущался запах необработанных кож. Что у Абдуллы за дела с часовым?

Хотя Николс и он, Найденов, приехали сюда обучать диверсионному делу афганцев, близости с ними не было: они сами по себе, а те сами по себе. И язык у них непонятный, занятия проходят с переводчиком. Нижнее окно желто светилось – там караулка. Двое черноусых афганцев играли в кости. На подоконнике брошен автомат. Блик от электрической лампочки играл на их плоских лицах.

Полковник Фрэд Николс жил на втором этаже, как раз над Найденовым. У входа, под корявым вечнозеленым деревом с гладким стволом, всегда стоял его джип. Там в железном ящике с десятком гранат, два автомата, пистолет, коробки с патронами. Фрэд всегда запирал привинченный к железному полу ящик на ключ. У него здесь вскоре после приезда Найденова украли отличный кольт. Игорь Иванович помнит эту игрушку еще по разведшколе. Тогда Николс мог навскидку вдребезги разбить подброшенную вверх бутылку из-под кока-колы. Он дорожил своим кольтом и винил в краже этих бандитов азиатов.

Найденов пришел к себе, сел на койку, из бутылки налил виски в стакан. Выпил, пожевал финики. В холодильнике стояли банки с пивом, консервы, но есть не хотелось. Вместе с ночью пришла прохлада, в окошко стали биться на свет

ночные насекомые. Завернув одеяло, он обследовал постель: в простыни мог забраться каракурт или скорпион.

Однажды в пустыне Игорь Иванович наблюдал, как черная оса – афганцы называли ее «камбас» – запросто расправилась с ядовитым пауком: взобравшись на паучьи тенета, оса, секунду помедлив, молниеносно бросилась на каракурта и вонзила в него жало... Еще тогда Найденов подумал, что неплохо бы приучить таких ос, чтобы они оберегали жилище. Но «камбас» – очень редкое насекомое, а пауков в округе пропасть.

Найденов натянул до подбородка полосатое одеяло, но сон не приходил. У самого уха зазудел комар. Тут и комары какие-то особенные: не кусают, а жалят! Потом на этом месте появляется волдырь, расчесываемый до крови. Над головой закрипели половицы, послышались голоса: густой – Николса и гортанный женский. Полковник не теряет времени даром, а ведь уже заметно поседел, но как увидит хорошенькую женщину, так сразу глаз заиграет. Правда, здесь, в пограничном поселке, мало симпатичных женщин. И потом, многие носят паранджу. Николс водит к себе официанток из офицерской столовой и уборщиц. Упаси бог соблазнить жену мусульманина! Тут без кровной мести не обойдется. Об этом предупреждены все иностранцы, проживающие в этом богом забытом кишлаке. А обслуживающий персонал доставлен сюда из города, где нравы несколько иные. Скорее всего, девушек набрали из увеселительного заведения.

«О чем толковал с караульным Абдулла? – уже засыпая, подумал Найденов. – И что у него было в белом узелке?..»

И тут он провалился в тяжелый сон. Сначала снилась ему Гретта из Мюнхена, потом появился отец в форме эсэсовца, с Железным крестом, маленькая белокурая девочка с большими синими глазами – его дочурка Жанна... И, вызывая острую грусть, поплыли перед глазами высокие белые березы с кружевной блестящей листвой...

3

Андрей как-то раньше не задумывался, что на теле человека есть довольно уязвимое болезненное место, которое природа ничем не защитила. Даже глаз, когда что-либо норовит коснуться его, успевает мгновенно закрыться. А вот ноги спереди от щиколоток до колен совершенно ничем не защищены – под кожей сразу идет кость. И любой удар по ней очень болезнен. Впервые он ощутил это здесь. Всякий раз, когда душман в бешмете вел Андрея с допроса в камеру, он норовил ударить его острым носком сапога как раз по голени. Спереди на ногах набухли синие желваки с кровоподтеками, особенно саднили они ночью, когда Андрей часами ворочался без сна на жестких нарах. Если провести ладонью по ноге от ступни до колена, то будто погладил бельевой валеk. Затвердевшие бугры с содранной кожей отзывались острой болью. Бил его по ногам чаще других Абдулла

– мрачный чернобородый человек со злыми черными глазами. Андрей знал, что душманы отличаются особенной жестокостью. Прежде чем зарезать пленного, они с какой-то садистской радостью часами пытаются его. В узких глазах Абдуллы сквозила неприкрытая ненависть, он часто показывал Андрею кинжал, поднося его к своему горлу: мол, быть тебе, шурави, зарезанным... Вот и сегодня, подходя к тюрьме, Абдулла изловчился и пнул носком сапога по больному месту. Андрей от острой боли – душман попал в желвак – присел и прикусил губу. Абдулла еще несколько раз пнул его в спину сапогом, что-то отрывисто произнес на своем языке. Внезапно выпрямившись, Андрей изо всей силы ударил ногой, обутой в крепкий башмак, своего мучителя точно по тому же месту. Душман завопил, согнулся пополам и начал щупать ногу. Сейчас бы можно было его ударить кулаком по шее, но руки связаны за спиной...

Из караулки выскочили еще два душмана, переговорив с Абдуллой, кривящимся от боли, стали избивать Абросимова. Тот отбивался ногами. На шум вышел на крыльцо Фрэд Николс и резко по английски приказал сейчас же прекратить драку, а Андрею сказал с улыбкой:

– Не нравитесь вы им, Абросимов. На вашем месте я бы не упорствовал, подписал бумаги – и прощай, дикий Пакистан! Неужели вам не хочется посмотреть на Америку?

– В качестве туриста – пожалуйста, – ответил Андрей. – Может, вы избавите меня от этого выродка? – кивнул он на

Абдуллу. – Если он еще раз до меня дотронется, я и со связанными руками его прикончу...

Одно время Абдулла не сопровождал его на допросы и не стоял в карауле, а в последнее время опять появился. Наверное, полковник его из своих соображений поставил к пленному.

– Абдулла не успокоится, пока вас не зарежет, – добродушно заметил Николс. Он никогда не носил военную форму, и Андрей лишь от Найденова узнал, что этот американец имеет чин полковника. – И черт дернул вас убить его родственника! А они обид никому не прощают...

– Я – тоже, – буркнул Андрей.

– Ради вас, Абросимов... – рассмеялся Николс и ушел в свой кабинет.

И действительно, Абдулла больше не сопровождал его на допросы, и вообще Андрей целую неделю его не видел в караван-сарае, как называли, их лагерь. А сегодня проклятый душман снова объявился. Андрей увидел его из окна комнаты, где Найденов проводил допрос. Абдулла сидел на корточках во дворе вместе с другими мусульманами и, сложив руки на груди и кланяясь до земли, совершал намаз аллаху.

Сегодняшний допрос озадачил Андрея: Игорь Иванович вдруг стал рассказывать о себе. Как он работал на ЗИЛе, потом на целине, где повстречался с отцом Андрея, но тот не узнал его. Поведал о своем бегстве в Марселе... Когда ему предложили нелегально поехать в СССР по заданию развед-

центра, он, Найденев, наотрез отказался. Зато ему довелось «поработать» в африканских странах, в Европе... Был серьезно ранен.

Потом снова стал расспрашивать про Андреевку, вспомнил какую-то бабку Сову, деда Тимаша, уважительно отозвался об Андрее Ивановиче Абросимове, а под конец совсем огорошил пленника:

– Больше не буду тебя уговаривать перейти на службу к американцам. Не буду искушать прелестями «свободного мира». Честно говоря, там тоже не рай... Но боюсь, что в Россию тебе уже не вернуться. Разве что когда кончится эта война и ты останешься жив. Ты понравился Фрэду Николсу, и он, я так думаю, не даст тебя на растерзание азиатам, но не знаю, надолго ли хватит и у него терпения нянчиться с тобой... Абдуллу опасайся: он способен на все. Очень коварный человек! И друзей тут у него в охране много. Прощай, Андрей Абросимов, может, больше не увидимся...

Андрею показалось, что он хотел протянуть руку, но в самый последний момент раздумал. Пожал бы протянутую руку он, Андрей?.. Помимо своей воли он находил в Найденеве что-то привлекательное: лицо у него правильное, мужественное, чувствуется сила в руках, однако когда он был не в духе, то у носа обозначались резкие складки, голубые глаза леденели, а губы кривила неприятная усмешка. Иногда во время разговора он вдруг прижимал руку к правой стороне груди и будто какое-то мгновение прислушивался к себе. Осторож-

но откашливался, один раз на него напал приступ болезненного кашля. Он побагровел, на глазах выступили слезы; вытащив из кармана платок, прижал его ко рту. Когда кашель отпустил, заметил с виноватой улыбкой:

– Старость не радость...

* * *

Свет в камерах всегда гасили внезапно и в разное время. Могли оставить его и до утра, тогда приходилось натягивать одеяло на голову, потому что яркая лампочка в металлической сетке на потолке не давала заснуть.

Сегодня свет погас, едва сумерки сгустились за окном. Лежа на нарах и глядя в темный потолок, Андрей размышлял над услышанным от Найденова. Что это – игра в доверительность? Какой-то не разгаданный еще им, Андреем, ход? Бьет на сочувствие? Да нет, вроде бы никакого подвоха в его словах не было, да и глаза были грустные, будто ему и впрямь жалко расставаться с земляком... Интересно, что же будет дальше? Куда его отправят? В Америку? Или на обменный пункт? Намекал же Найденов, что его могут обменять... О смерти не хотелось думать. Могли бы убить раньше, а теперь какой смысл? Им выгоднее его обменять на своего человека. Конечно, лучше бы попытаться удрать к своим! Тут ведь совсем недалеко граница. Иногда слышна перестрелка за киблаком. Отсюда ночью уходят обученные Николсом и Най-

деновым отряды контрреволюционеров на территорию Афганистана. Один раз Найденов обронил, что до границы напрямик от караван-сарая всего каких-то два десятка километров. Андрей думал о побеге, но тюрьма охранялась со знанием дела: в карауле круглосуточно дежурили душманы, двое часовых регулярно обходили территорию, небольшое окошко под потолком забрано стальной решеткой, дверь не выбьешь и тараном. Была мысль пристукнуть сопровождающего и убежать среди белого дня... Но это верная смерть от пули. Пока его ни разу не пытали, если не считать издевательств со стороны Абдуллы. И Николс, и Найденов обращались с ним вежливо. Тайн он им никаких не выдал, да ничего такого и не знал. Заявил им, что работал шофером на мирном строительстве и с военными дел иметь не приходилось, за исключением как раз того самого случая, когда повез в подвергшийся нападению душманов кишлак медикаменты и продовольствие...

Мысли снова перескочили на Найденова. Что он за человек? Хитрый, изощренный враг или разочарованный в жизни человек, который боится приближающейся старости и одиночества? Ведь сегодняшней разговор можно было понять и так: мол, все мне здесь осточертело, тянет на Родину, в Андреевку, и, если бы не боязнь возмездия за предательство, на все бы наплевал, в том числе и на зарубежный «рай», и вернулся бы в СССР... Глаза редко обманывают, а в глазах Найденова была глубокая затаенная печаль. И разговаривал

он с Андреем не как с врагом, которого нужно завербовать, а как с земляком, соотечественником. И нужно признаться, что уговаривал он Андрея переметнуться к ним не очень уж убедительно. Все время за его словами скрывался какой-то другой смысл... Вот только какой? Конечно, Андрей не верил ни одному его слову... А нынче вдруг засомневался: может, Найденев искренен? Ведь не секрет, что многие за рубежом одумываются и готовы на все, лишь бы вернуться на Родину. Или, откровенничая с Андреем, Найденев преследует какие-то свои цели? Хочет влезть в душу, прикидывается чуть ли не другом... Не раз говорил, что они родственники по линии Абросимовых. У него и у Павла Дмитриевича была одна мать. Нет, в родстве с ним Андрей не хотел бы быть! В Андреевке многие породнились, теперь поди разберись, кто кем тебе приходится...

Нет, не даст он, Андрей, согласия Николсу работать с ним, поехать в Штаты, где его ожидает «райская жизнь»... Что-то этот «рай» не сделал счастливым Найденева! Может, он и испытывает Андрея, но тоску-то в глазах не скроешь. А голубые глаза у Игоря Ивановича становятся тоскливыми, когда он заговорит о России. Помнится, на первом допросе смотрел на Андрея, как волк на овцу, а теперь заговорил другим языком... Неужели это тоже тактика? Тогда чего он все-таки добивается?.. Сколько Андрей ни ломал над этим голову, так ни к какому выводу и не пришел.

Глаза уже различали в темноте оштукатуренный серый

потолок с поперечными трещинами, в зарешеченное окошко пробился тонкий лунный свет. Матово засветилась в углу раковина, блеснул над ней кран. В лунном луче у окна трепетала черными крыльями ночная бабочка, протяжно, с тоскливым надрывом прокричал неподалеку ишак.

Услышав шорох за дверью, Андрей сначала подумал, что это мышь, но когда чуть слышно звякнул запор, понял, что кто-то тихонько отпирает дверь. Несколько раз он находил под вонючим одеялом скорпионов и по тому, как утром смотрел на него с затаенной насмешкой надзиратель, сообразил, что тот нарочно ему подсовывает ядовитых тварей, скорее всего по наущению Абдуллы. Первая мысль была вскочить, – слава богу, руки и ноги у него свободны, – встать у двери и быть готовым ко всему, но, поразмыслив, решил остаться на нарах. Страх не было, наоборот, пришло возбуждение, все тело напряглось под одеялом, руки сжались в кулаки. Ночью его еще ни разу не допрашивали и никто не приходил к нему в камеру. Раз лишь Фрэд Николс поздно заглянул на полчаса с бутылкой виски. Он был уже хмельной и очень удивился, что Андрей отказался с ним выпить. Пришлось ему объяснить, что он, Андрей, вообще не пьет.

– Вы, русские, и мы, американцы, любим выпить, – говорил Николс. – Видишь, Андрей, у нас есть что-то общее!

Убедившись, что пленного не уговорить, опрокинул в себя полстакана неразбавленного виски.

– Русский – и не пьет! – удивлялся полковник. – Ты стран-

ный парень, Андрей...

Тяжелая, обитая с обеих сторон железом дверь медленно приотворилась. Показалась лохматая голова надзирателя, за ним в камеру проскользнул Абдулла, он почему-то был босиком. С минуту, показавшуюся Андрею вечностью, они неподвижно стояли и смотрели в его сторону. Первым двинулся к нарам Абдулла, надзиратель с пистолетом в руке замер у стола. Андрей затаил дыхание, боясь пошевелиться, громко вздохнуть. В лунном луче зловеще блеснул в руке душмана кривой кинжал – тот самый, который он не раз подносил к своему горлу, показывая, как он расправится с Андреем. Оказывается, Абдулла не трепался... Тело, казалось, одеревенело, от напряжения заломило в затылке. Плана никакого у Андрея не было, да и некогда было размышлять, – он просто понял, что у него появился шанс... Вскочить с нар он мог в одно мгновение и тем самым выиграть какое-то время, но его смутил охранник – он стоял у стола с пистолетом в руке и, прислушиваясь, поглядывал на дверь. Абдулла по-кошачьи приближался к нарам. Андрей уже слышал его дыхание, сквозь прижмуренные глаза видел, как он, прижав руку с кинжалом к груди, вторую вытягивает вперед, наверное, чтобы схватить его за волосы...

Это была последняя мысль, мелькнувшая в голове Андрея. Дальше все произошло будто само собой: вытянутая к его лицу рука душмана оказалась в его руках, он рванул Абдулла на себя, одновременно выбрасывая вперед голову и

всей тяжестью наваливаясь на руку. Послышался характерный треск – это сломалась в локте кость, – а голова Андрея в кровь разбила лицо и ослепила бандита. Услышав вскрик и возню, охранник, ничего не понимая, двинулся к ним. Андрей швырнул на охранника потерявшего сознание, обмякшего Абдуллу, охранник вместе с ним грохнулся на цементный пол. Что-то тонко зазвенело – очевидно, выпал нож. Бросившись на них, Андрей схватил охранника за жесткие курчавые волосы и несколько раз с силой ударил головой об пол. Подобрал пистолет и кинжал, бросился к приоткрытой двери.

Сердце, казалось, бухает на всю тюрьму, в ушах еще остался противный хруст сломанных костей, саднило лоб – наверное, им выбил Абдулле зубы. Два неподвижных тела распростерлись на цементном полу, от одного из них протянулась к ввинченному в пол столу тоненькая струйка, она жирно блеснула в лунном свете. Держа в вытянутой руке пистолет, Андрей распахнул дверь, в длинном коридоре, в самом конце, где караулка, виднелась узкая полоска света. Он сделал несколько шагов по длинному коридору, потом вернулся, закрыл дверь на тяжелый железный засов и тут увидел на подоконнике автомат – наверное, его здесь оставил Абдулла, надеясь без шума зарезать Андрея кинжалом. С автоматом Андрей почувствовал себя увереннее. Видно, Абдулла, сговорившись с охранником, решил тайком прикончить советского пленного. По-видимому, остальные охранники ничего не

знают, сидят в своей караулке и играют на деньги в кости – это их любимое здесь занятие. Мимо караулки он прошмыгнет, а вот как бы не напороться на наружную охрану?

Крадучись, он вышел из помещения, прижался к серой оштукатуренной стене, на которую падала тень от дикой яблони, но никого не заметил. Может, как раз напарник Абдуллы и был часовым? Подождав немного, он двинулся через дорогу к глинобитным приземистым домикам с темными окнами. Лунный свет посеребрил листья на яблонях, отсвечивал на окнах двухэтажного дома, в котором жили офицеры и американские инструкторы. На первом этаже кабинет Найденова, здесь проводит он допросы пленных. У подъезда темнеет джип, Андрей не раз видел, как на нем подкатывает к зданию Фрэд Николс...

Если удастся завести джип, то есть шанс удрать отсюда. Караульные могут скоро хватиться охранника. Когда его должны сменить? Думать об этом не хотелось. С оружием в руках он теперь в любом случае не дастся им в руки живым, тем более что после того, что произошло, пощады ему не будет... У дома офицеров тоже ходил часовый. Он появился из тени на освещенном луной участке белой дороги как раз в тот момент, когда Андрей решил сделать бросок в сторону джипа. Прижавшись спиной к корявому дереву, он следил за часовым. Тот медленно перешел на другую сторону дороги, обогнул джип, бросил взгляд на окна второго этажа и не спеша скрылся за углом дома. Летучая мышь спикировала

сверху чуть ли не на голову, но он даже не пошевелился. В лопатку впился острый сучок, во рту был солоноватый привкус – губа кровоточила. Вскоре Андрей услышал скрип открываемой двери, негромкий гортанный голос. Очевидно, у них тут тоже на первом этаже караулка. Теперь нужно было незаметно забраться в джип с откинутым брезентовым верхом и попытаться завести его без ключа, который, конечно, никто для него не оставил в замке зажигания. На джипах он никогда не ездил, впрочем, вряд ли так уж сильно он отличался от нашего военного «газика». Но где впотьмах раздобыть кусок медной проволоки, чтобы от клеммы аккумулятора напрямую подсоединить к зажиганию?

Луна зашла за узкое длинное облако, тень набежала на джип. Не раздумывая, Андрей метнулся к машине, пригнувшись, нырнул в нее и больно стукнулся саднящим и без того лбом о руль. В переднем отделении проволоки не оказалось, зато там лежала алюминиевая фляга с какой-то жидкостью. Наверное, виски. Поколебавшись, он рванул тонкий проводок, тянувшийся под резиновым ковриком в заднюю часть машины. Наверное, к радию. Зубами сорвал изоляцию с обоих концов. Выбрался из джипа, и в этот момент луна снова разлила свой холодный свет над кишлаком. Из здания вышел часовой, спустился с крыльца и лениво зашагал прямо к джипу. Андрей плашмя растянулся на земле, прячась в тени от машины. С досадой подумал, что автомат остался на сиденье, а до пистолета, засунутого в карман брюк, не сразу

добререшься. Часовой остановился в каких-то трех метрах от него, помочился на ствол дерева, сплюнул и зашагал дальше. Андрей видел его мягкие сапоги, полу френча с накладным карманом. Обойдя здание, часовой скрылся в подъезде. Открыв капот, Андрей напрямую от аккумулятора к замку зажигания присоединил оголенные концы, а зачищенный кусок величиной с сигарету зажал в зубах. От этого небольшого кусочка медного провода сейчас зависела его жизнь. Его нужно было засунуть в отверстие замка зажигания.

Вдруг вспомнились приключенческие фильмы, где преследуемые полицией или бандитами герои типа Бельмондо – любимого актера сестры Оли – вскакивали в первую попавшуюся машину, мгновенно заводили мотор и стремительно скрывались от погони... В жизни так не бывает: машины мало того что всегда запираются, так многие еще имеют секретки от угона. Да и без опыта не каждый сразу заведет автомобиль, даже забравшись в него.

Дом, у которого стоял джип Николса, находился на главной улице. Она выходила на шоссейную дорогу, ведущую в сторону границы. По этой дороге его привезли сюда. Андрей не думал о постах, заставе, главное – вырваться из этого проклятого места! Сколько можно, он будет ехать прямо, а потом можно бросить джип и, пользуясь темнотой, перейти границу. В этой пустынной местности вроде бы трудно заблудиться, да и асфальтированная дорога всего одна.

Андрей наклонился над рулем, готовясь всунуть в малень-

кое отверстие кусок проволоки, и вдруг услышал негромкий голос:

– Не торопись, земляк!

Выпрямившись, он увидел направленный на него пистолет. Найденнов смотрел на него и чуть приметно усмехался, от него ощутимо пахло виски, но на ногах он держался твердо. Автомат лежал рядом на сиденье, пистолет в кармане. В руке – тоненькая проволока, которой и лист бумаги не проткнешь.

«Откуда он взялся? – мелькнула мысль. – Я даже не услышал его шагов...»

– К своим собрался? – спросил Игорь Иванович. – Ты ведь дороги не знаешь. И пароля.

Схватить автомат или достать из кармана брюк пистолет он не успеет: Найденнов первым выстрелит. Каких-то нескольких секунд не хватило, чтобы завести машину! И опять пришли на ум эпизоды из кинофильмов, где героям всегда все удавалось...

– Как ты выбрался из камеры? Тебя кто-нибудь видел? – спросил Найденнов.

Что-то в его тоне заставило Андрея насторожиться. Чего он хочет? Почему никого не зовет сюда?

– Абдулла с охранником хотели зарезать меня, – проглотив ком в горле, хрипло ответил Андрей.

– А зарезал их ты?

– Не совсем так... – пробормотал Андрей, мучительно ду-

мая, что же все-таки предпринять.

– Подай мне флягу, она там... – кивнул Игорь Иванович на переднее сиденье.

Рука Андрея потянулась к автомату.

– Я флягу просил, а не автомат, – спокойно проговорил Найденов.

Андрей протянул ему обшитую сукном флягу, Игорь Иванович, демонстративно не обращая на него внимания, приложился к ней и изрядно отхлебнул. Андрей мог бы схватить автомат и выстрелить, но почему-то не сделал этого.

– Соображаешь, – улыбнулся Найденов. – Шум тебе, дружище, никак нельзя поднимать. – Он пристально посмотрел в глаза Абросимову. – И оставаться тебе здесь нельзя – азиаты в два счета прикончат тебя. Не спасет и полковник Николс. Кстати, он нынче собирался в город... Вот что, Андрей, времени у нас сейчас нет заниматься болтовней...

– У нас? – изумленно переспросил Андрей. Ему показалось, что он ослышался.

– Вдвоем больше шансов прорваться через пограничный заслон, и потом, я знаю, где лучше всего можно проскочить, но, сам знаешь, мне без подарка туда заявляться как-то неудобно... – Внезапно он замолчал, взглядываясь в отрезок улицы перед домом. – Афганцы привозят своим вождям в мешках головы врагов, но мы ведь с тобой не дикари, верно? У Фрэда в сейфе документы, думаю, они представят интерес для русских...

Андрей ошеломленно смотрел на него, отказываясь верить услышанному.

– Но ведь вас...

– Могут шлепнуть русские? – Найденов еще отхлебнул, завернул пробку и бросил флягу на переднее сиденье. – Я ведь с подарком пожалуй, да и ты, надеюсь, замолвишь за меня словечко?

– Не забудьте ключи от джипа взять, – сказал Андрей.

– Не вздумай только удрать без меня, – блеснул на него хмельными глазами Найденов. – Впрочем, черт тебя знает... Вылезай из машины и пойдём со мной.

Андрей вылез из джипа и пошел впереди него к дому. Карaulное помещение находилось на первом этаже сразу за каменной лестницей, по которой они осторожно стали подниматься. У обитой войлоком двери Найденов остановился, потянул за ручку – дверь была заперта, тогда он громко постучал.

– Какого дьявола... – послышался недовольный голос полковника. – Это ты, Ахмет?

– Когда же он, черт бы его побрал, вернулся? – прошептал Найденов. – Выходит, я проморгал?..

– ЧП, Фрэд, – подмигнув Андрею, сказал Найденов. – Этот русский парень удрал...

– Что-о! Каким образом?! – заорал Николс, прошлепали босые ноги, и дверь широко распахнулась.

Прямо с порога Игорь Иванович, коротко размахнувшись,

ударил его по голове рукояткой своего пистолета. Подхватил падающего на него полковника и снова впихнул в комнату.

– Быстрее! – прошептал он, прислушиваясь. Но внизу было тихо.

В комнате они положили Николса на одеяло, брошенное на пол, замотали в него, поверх обвязали белым шелковым шарфом, Найденов затолкал в рот неподвижному полковнику свой носовой платок. Обшарил карманы пиджака, достал связку ключей, одним из них открыл небольшой сейф, поставленный на тумбочку. Забрал все бумаги в папках, запищал их в сумку полковника. Подержал в руке пачку долларов, потом засунул себе в карман. Подойдя к окну, окинул взглядом улицу, повернул освещенное луной лицо к Андрею:

– Вроде тихо, пора смываться!

– А ключи? – напомнил Андрей.

Найденов похлопал себя по карману: дескать, ключи на месте. Из тумбочки достал начатую бутылку виски, отхлебнул, протянул Андрею. Тот отрицательно покачал головой.

– Тебе говорили, что твой прадед был силачом? – спросил Игорь Иванович. – А вот от выпивки не отказывался...

Хмельное лицо Найденова расплылось в улыбке. Бутылку он с сожалением поставил на место, нагнулся над полковником, похлопал его по щеке:

– Прощай, Фрэд! Как говорится, не поминай лихом...

– Я пойду впереди, а вы сзади, – предложил Андрей.

– Валяй, – кивнул Найденов. Он повесил на шею автомат

полковника, который снял с гвоздя в изголовье его кровати.

Без всяких приключений они выбрались на улицу. Часового не было видно. Лунный свет посеребрил пыльные листья дикой яблони, длинная тень от нее заползала под джип. Найденов сел за руль. Оборвав прилаженный Андреем проводок, вставил в замок зажигания ключ с брелоком. Джип взревел и рванулся с места. Найденов включил фары, и яркий свет стегнул по глазам выскочившего из-за угла охранника. Тот прижмурил глаза и отдал честь машине начальника.

* * *

Капитан Алим Джан передал бинокль старшему лейтенанту Алексею Егорову:

– Странно, к нам в гости пожаловал джип! Чтобы это значило?

– Еще один джип, кажется, преследует первый, – не отрываясь от бинокля, ответил Егоров. – Точно, стреляют из автоматов по нему!

– Попробуем что-нибудь сделать, – сказал Алим Джан и бросился к своим солдатам, стоявшим у наблюдательного пункта. Они тоже смотрели на приближающийся джип.

Он мчался по гористой дороге, уже можно было рассмотреть, что в машине двое. Второй джип с пятью душманами отстал от них метров на триста. Душман, что сидел рядом с

водителем, стрелял из автомата. Обидно будет, если преследуемый джип сорвется в пропасть. Как же помочь им? Счастье беглецов, что дорога часто виляла между скалами, серпантинном изгибалась, то придвигаясь к самому ущелью, то прижимаясь к голой скале с редкими кустами можжевельника. Видно было, как от нее отлетали мелкие осколки, падали на дорогу срезанные пулями колючие ветки.

Наблюдательный пункт находился на склоне скалы с отметкой 2068 метров над уровнем моря, как раз над развилкой дорог. Сюда же садились вертолеты. Командиры и солдаты размещались в пещере с покатым потолком. Еще месяц назад здесь обитали мятежники, контролируя дорогу на Кабул и не пропуская к границе грузовики. Вместе с советскими солдатами рота вооруженных сил ДРА ночью напала на душманов и захватила эту выгодную позицию. Несколько раз контрреволюционеры пытались выбить отсюда советских солдат и афганцев, но с потерями вынуждены были отступить. И вот сейчас снова здесь завяжется бой. Пока стрелять опасно, можно угодить в джип. Преследователи совсем близко. Здесь до Черной скалы, задравшей в сиреневое небо вершину со снежной шапкой, прямой отрезок дороги. Если джип проскочит его, можно считать, что он в безопасности, потому что тогда пушка остановит преследователей.

Старший лейтенант взглянул на небо, вот-вот должен появиться вертолет с облета границы. Можно радировать вертолетчикам, но Егоров был уверен, что душманы не рискнут

поехать дальше Черной скалы. На всякий случай он по радиации сообщил командиру экипажа о сложившейся ситуации, капитан Анисимов обещал скоро быть здесь.

Джип несся, подпрыгивая на неровностях дороги. Уже и без бинокля был виден вцепившийся в руль рослый парень с темно-русым чубом, который теребил ветер. Рядом с ним, привалившись к дверце, сидел еще один человек, по-видимому раненый. На поворотах его бросало на водителя, и тот рукой возвращал его в прежнее положение.

«Ну еще, парень! – шептал Егоров, стоя с артиллеристами у орудия, готового в любую секунду выстрелить. – Тебе осталось сто метров... Поднажми, дорогой!»

Шофер будто услышал его, джип, козлом подпрыгнув на самом краю пропасти, стремительно летел к Черной скале. Вот он уже нырнул в тень от нее, и старший лейтенант командовал: «Огонь!» Первый же снаряд, угодив в джип, опрокинул его набок. Из пятерых преследователей лишь трое бросились бежать в сторону спасительного поворота горной дороги. Двое остались лежать неподалеку от машины. Видно было, как вращаются в воздухе два колеса. Бензин или антифриз разлился на каменистой площадке. Второго выстрела не потребовалось. Дорога была пристреляна, и душманы это знали. Наверное, очень уж хотелось им перехватить беглецов, раз решились на такой риск.

Огневая позиция батареи была оборудована несколько ниже, на склоне той же высоты. Хорошо замаскированные ору-

дия с дороги были не видны. За ними в небольшой лощине были надежно укрыты тягачи.

Вскоре послышались шум вертолета, автоматные очереди. Капитан Анисимов преследует душманов. Вряд ли удастся им уйти. Этот отрезок горной дороги не раз облетан вертолетчиками.

Егоров и Алим Джан побежали к остановившемуся на площадке джипу. Парень с бледным лицом, на котором неестественно блестели глаза, откинулся на спинку сиденья, большие сильные руки его еще сжимали черную баранку. Свернутый гармошкой брезент был в нескольких местах прострелен, лобовое стекло со стороны пассажира наполовину высыпалось. Осколки сверкали на коленях навалившегося на дверцу человека в форме цвета хаки без знаков различия.

– Мать честная, Андрей! – воскликнул старший лейтенант, глядя широко раскрытыми светлыми глазами на водителя. Абросимова он видел в Кабуле в спортивном зале, где тренировались самбисты и боксеры из воинской части.

– Привет, Лешка! – раздвинул тот запекшиеся губы.

– А мы тебя уже похоронили...

К ним подходили афганцы в форме Народных вооруженных сил ДРА, советские солдаты. Капитан Алим Джан открыл дверцу, и люди подхватили упавшего им на руки человека.

– Осторожнее, он ранен, – проговорил Алим Джан.

– Он не ранен, а убит, – сказал Андрей и вдруг, закрыв глаза, тяжело навалился на баранку. И только тут все увидели, что разорванная рубашка у левого плеча намочила от крови.

Из-за скалы вынырнул вертолет и приземлился неподалеку. От ветра, поднятого лопастями, на голове Андрея зашевелились волосы, лицо его было бледным, лоб кровоточил. Капитан Анисимов доложил Егорову – тот был начальником КП: два душмана уничтожены, а третий сумел скрыться. Очевидно, спрятался в ущелье. Обнаружить его не удалось.

– Кто это? – спросил Анисимов, кивнув на Андрея, которого двое солдат осторожно извлекали из джипа.

– Андрей Абросимов вернулся к нам с того света... – сказал Егоров. – Помнишь, как он на соревнованиях дважды положил на обе лопатки самого Варфоломеева?

– Тот самый шофер, который попал в засаду? Я думал, его убили...

– Все так думали, – усмехнулся Егоров. – Их было трое на «КамАЗе», а вернулся один... Кого-то из них прихватил с собой, но вот не довез...

– Немец или американец? – задумчиво поглядел на Найденова Анисимов.

– Физиономия-то у него чистого русака... – Егоров за ремень вытащил из кабины продолговатую сумку, раскрыл, взглянул на документы и папки. – Ого, тут бумаги на английском! И наверное, важные, Вот что, Слава, грузи Абросимо-

ва на вертолет, да и покойника тоже... Я сообщу обо всем начальству. Вас там встретят. Сдается мне, что эта сумка обрадует наше начальство!

– Надо же, удрал из самого пекла... – покачал головой капитан Анисимов. – Да еще и с гостинцем!

Когда Найденова вытаскивали из джипа, из кармана его френча выпала фляга. Она ударилась о железную подножку и укатилась за скат.

– Фляга цела, – сказал Егоров, – а голову в трех местах пробили.

– Андрей – батыр! Так говорят у вас в Азии? – улыбнулся, сверкнув белыми зубами, Алим Джан.

4

Стоя на лестнице и задрав голову, Вадим Федорович заколачивал тонкие гвозди в белый пластик. Если точно прицелиться и рассчитать удар, то можно забить блестящий гвоздь с крупной шляпкой с первого раза. Чуть ударишь не так – гвоздь гнется или круглая блестящая шляпка отлетает, тогда нужно клещами вытаскивать гвоздь и забивать новый. Захар Галкин на верстаке, приспособленном у стены в комнате нового дома, в котором они работали, фигурным рубанком стругал узкие карнизы. Нож рубанка оставлял на белой древесине две ровные выемки. Потом нужно было карнизы прибивать к потолку – так, чтобы они прижимали край пла-

стиковой декоративной панели.

– Если сидеть день-деньской за пишущей машинкой и стучать на ей, как дятел, – то голова лопнет, – разглагольствовал Захар. – Ты – писатель, Федорыч, работай руками, а думай головой... Куда ты гвоздь-то загнал? Не видишь, криво? Вытащи и забей чуток повыше.

Казаков послушно вытаскивал и забивал. Галкин прав: весь день за машинкой тяжело сидеть, вот и придумал он дело Вадиму Федоровичу – обшивать пластиковыми панелями потолок в одной из шести комнат своего нового двухэтажного дома. С утра Казаков по привычке сидел в финском домике и стучал на машинке, а после обеда трудился с Захаром в его доме. Ему нравился запах свежей стружки, молоток все увереннее летал в его руке, вот только шею ломило и поднятые Вверх руки затекали. В будние дни они работали вдвоем, а в выходные громкий стук разносился по всей турбазе «Медок» – Галкин ухитрялся сюда заманивать приехавших из города отдыхающих. Им он тоже толковал, что в лесу еще грибы не поспели, рыба в озере не клюет, почему бы не помочь ему покрыть железом крышу или не выкопать яму, где заложен фундамент кирпичного гаража?.. А так как промкомбинатовские давно знали Захара, то многие охотно помогали. Настоящий сезон еще не начался, в домиках ночью холодно. Тем, кто работал на него, Галкин давал электрические рефлекторы, а кто предпочитал посидеть с удочкой или побродить по лесу, ночью дрожали в летних домиках

под двумя шерстяными одеялами. Уже май, а по утрам все еще заморозки. Озеро пустынное, как-то непривычно его видеть без лопушин, лилий и осоки по пологим берегам. Лишь холодный ветер скрипел прошлогодним тростником да прибрежный кустарник стучал голыми, с набухшими почками ветками.

Второй месяц живет Казаков на турбазе «Медок». Вернувшись домой из аэропорта, когда он увидел, что Виолетту встретил другой, Вадим Федорович раздобыл аккумулятор, завел простоявшие всю зиму в холодном гараже «Жигули» и уехал из Ленинграда. Ему вспомнилась небольшая турбаза «Медок», где они год назад отдыхали с Виолеттой, туда он и отправился, тем более что ключей от дедовского дома в Андреевке у него не было, а старики приедут туда не раньше чем через две недели.

Многое изменилось на турбазе, Галкин стал меньше пить, правда, сезон еще не открылся и отдыхающих было мало, но у директора, как по-прежнему он себя именовал, появились новые заботы: строительство впритык к турбазе собственного дома с баней, гаражом, пристройками и сараями.

Втихомолку вырубил целую делянку леса вокруг дома, трактором выкорчевал пни и вспахал землю. Под домом зацементировал огромный подвал, в который можно машину загнать. Для подвала ему привезли на грузовике четыре железобетонные плиты, явно украденные со строительства. В порыве откровенности Захар поведал Казакову, что весь дом

обошелся ему в пятьсот рублей. А дефицитные стройматериалы подбрасывали друзья-приятели, которых у него много... А сейчас за дом со всем хозяйством ему один отдыхающий на турбазе, полковник в отставке, предложил десять тысяч! Очень уж ему здешние места нравятся, да и дом пришелся по душе. Самое удивительное, что большой двухэтажный дом, покрашенный в три краски, появился менее чем за год. Внутренняя отделка займет еще месяца два-три, и дворец будет готов.

– Я, Федорыч, смотрю вперед, – толковал Захар. – На меня тут письма в промкомбинат пишут, заявления, что я пью, живность тут всякую развел, короче, превратил со своей женой Васильевной государственную турбазу в собственное подсобное хозяйство... Хотели уже снимать, да замену найти непросто. Кто бросит город, семью и окопается надолго здесь? Не каждый на такое пойдет! И начальство это знает... Но, как говорится, нет дыма без огня: могут и турнуть меня отсюда, а я тут, Федорыч, глубоко корни пустил, да и место мне больно нравится, вот я и взял в колхозе, на земле которого турбаза, пасеку содержать. Тут неподалеку была начальная школа, а потом ее закрыли, так я и оборудовал там пасеку. Ну, так как я теперь стал еще и колхозником, председатель мне участок отвел и разрешил на берегу озера дом построить.

– Дворец, – вставил Казаков.

– Я хитрый – на каждую фиговину бумажку имею, – ух-

мыльнулся Галкин. – Меня голыми руками не возьмешь! Начальников-то у меня знакомых пруд пруди – любую бумажку подмахнут и печать приклепят...

Вадим Федорович еще в прошлый приезд видел под хмельком председателя колхоза, которого Галкин панибратски похлопывал по плечу, в два счета организовывал ему баню с застольем. Председатель выглядел увальнем с вечно красным лицом. На турбазу он приезжал на «газике», говорили, что неподалеку в пионерлагере он завел любовницу – медсестру, а Захар оборудовал ему на пасеке в заброшенной школе комнату, куда привез на тракторе кое-какую мебель и кровать. Даже о посуде и холодильнике позаботился.

Зимой председателя колхоза сняли с работы за развал и пьянство, а новый председатель в первую же неделю своего правления отобрал у Галкина пасеку, а его обозвал рвачом и делягой, который ограбил и надул колхоз. Дело в том, что хитрый Захар за год работы по совместительству в колхозе не сдал туда и килограмма меда, объясняя это тем, что пчелы заражены каким-то клещом, да и еще на новом месте не обжились. Правда, председателю к столу в уютной комнатке в школе он всегда с бутылкой подавал тарелку свежего сотого меда...

Галкин так рассказал Казакову про свое изгнание из колхоза:

– Пришел я к нему на прием, а там очередь. К Мишке-то, бывшему председателю, я входил без стука, а тут сию как

дурачок, дожидаясь, а я как-никак директор! Наконец захожу в кабинет, председатель сидит за столом и смотрит на меня, как сыч на мышь. «Ворюга, – говорит, – ты, Галкин, под суд бы тебя, да мой предшественник покрыл тебя...» Ну, я его послал от души подальше и ушел из кабинета. Судить... Я ведь тоже не лыком шит! Бумаги-то на потраву пасеки председатель подписывал, комар носу не подточит. А ее, энту пчелиную вошь, к делу не пришьлешь... Так что ко мне не подкопаешься. Не удалось лето, пошли дожди – вот и нету меда, а сколько, бывает, пчелиных семей гибнет за зиму?..

Бывший председатель Миша, как его тут называли, успел два участка колхозной земли у озера оформить через правление своим дружкам-приятелям из райцентра – завмагу и завскладом. За каких-то полгода на берегу озера выросли два дома: один, кирпичный, – завмага, а деревянный – завскладом. Прямо через колхозное поле, засеянное овсом, проложили две широкие дороги, вырубил прибрежный лес, оттяпали по приличному участку, которые тут же огородили заборами. Завмаг – железобетонными столбами с металлической сеткой, а завскладом – дощатым забором. Если завскладом почти каждый вечер после работы приезжал на своем «Москвиче» на строительство, то завмаг появился, лишь когда дом был полностью готов. Оказывается, строил его дружок – начальник районной строительной конторы.

Новый председатель несколько раз приезжал, сокрушался, что его предшественник такое безобразие допустил, гро-

зился все эти дома заставить снести, да, видно, власти не хватило. Добротные дома стоят и отражаются в спокойной глади озера. Каждую пятницу вечером к ним подкатывают машины, ярко зажигаются электрические лампочки, играет музыка, эхом по озеру и прилегающему к нему лесу разносятся веселые голоса новых хозяев и их многочисленных гостей. Частенько на вечерних застольях бывает и Захар. Рассказывал, что завмаг привозит водку, коньяк, вина ящиками. И сети ставит на озере. Вот этот жить умеет, не то что он, Галкин. Тот палец о палец не ударит – живет да радуется, а он, Захар, крутится по хозяйству как белка в колесе...

– Много приезжает ко мне всяких проверщиков и ревизоров, – разглагольствовал Захар. – Но куды им против меня хвост подымать! Все люди-человеки не без греха... Звонили мне разные начальники и по ночам: мол, Захарушка, родимый, приготовь домик на двоих, да гляди, чтобы было тепло! А я что? Жалко, что ли? Хорошим людям завсегда рад угодить... Но глаза-то у меня есть? И все видят! Пусть только кто из них попробует вякнуть на меня, я тоже имею на собрании или в райкоме партии что народу сказать... Фактиков у меня уйма, Федорыч! Она, сам директор промкомбината было на меня ополчился, грозитя, кричит: уволю, выгоню! Ишь, мол, помещик объявился – это, значит, я! Всю базу захапал в свое личное пользование, курей-индюков развел! Поросята и кролики под ногами у отдыхающих путаются! «Матросы» жалуется, что с утра до ночи ишачат на ме-

ня, значит... А я ему так тихонечко, вежливоенько и толкую: а ты позабыл, как ночью с мамзелью пожаловал? Я еще на тракторе гонял домой к продавщице за выпивкой. А когда с бухгалтершей тут встречался?.. Ну, директор и сник, замолк и рукой на дверь показывает: дескать, уходи, змей подколотый! Сами грешат, прелюбодействуют, а я у них на побегушках... Раз рыльце у самих в пушку, так не замахвайтесь и на меня, Захара Галкина!

– Хорошо ты устроился! – подивился Казаков. – Ни с какой стороны, гляжу, к тебе не подобраться!

– Я люблю Советскую власть, уважаю начальство, но наступать себе на горло никому не позволю...

«Еще бы тебе не любить нашу власть! – подумал про себя Вадим Федорович. – Ты же сосешь ее, как тля зеленый лист. Пятнадцать лет живешь на государственном иждивении. Пользуешься бесплатно электричеством – всю ночь в твоих пристройках горят яркие лампы дневного света и включены рефлекторы, обогревая в холода кролей, нутрий, индюков, поросят! Твоя раздувшаяся, как индюшка, от важности Васильевна спит на лежанке, под матрасами которой в кирпичную кладку вмонтирована мощная электрическая спираль. Моторы качают тебе в помещение и огород воду, крутят деревообрабатывающие станки, медобойку, электрические наждаки, пилы и прочие хитроумные приспособления. Выписав лес, якобы для базы, ты обрабатываешь его для собственных нужд, в печах у тебя горят только самые луч-

шие березовые дрова, на тракторе – у тебя их два – ты каждое утро едешь в поселок опохмеляться в буфете. И участковый ласково здоровается с тобой, нетрезвым, и помогает забраться на высокое сиденье, потому что ты сам не в состоянии... Ты забрасываешь сотни метров сетей в озеро, стреляешь весной и осенью уток, живешь в прекрасной квартире в лучшем корпусе, но тебе и этого показалось мало – ты построил не дом, а дворец и спьяну хвалился, что в каждой из шести комнат полы застелишь коврами. Ты ни копейки не платишь за стройматериалы, краску, рубероид, шифер, трубы, любое железо. Чего нет на турбазе, тебе бесплатно привезут из промкомбината... И тебе и твоей жадной Васильевне все мало, и мало, и мало... Чего же ты еще придумаешь для собственного обогащения, Захар Галкин?..»

Пожив тут больше месяца почти один на один с ним и его Васильевной, Казаков убедился, что это два жучка-древоточца, которые точат, и точат, и точат... Зачем им возвращаться в город, когда у них здесь дом ломится от изобилия? Наоборот, из города приезжают их близкие и увозят туда что потребуется. Действительно, государство у нас богатое, если терпит таких паразитов. Трудно даже представить, как бы хозяйствовали Галкины, если бы от них отнять все то, что они даром берут у государства.

Руководители предприятий, которым принадлежат турбазы, привозят сюда столичных гостей, угощают их здесь на лоне природы. В «Медке» даже построен специальный корпус,

в котором устраивались банкеты, в шкафах хорошая посуда, новые скатерти, салфетки... За день до приезда высоких гостей Галкину звонили из города я давали распоряжение все приготовить к приему, он тут же посылал своих «матросов» топить баню с залой для выпивки, где тоже шкафы, скатерти, салфетки, хорошая посуда...

Нужны ли такие ведомственные турбазы? Не лучше ли их передать пионерлагерям – хоть какая-то польза от этого будет. И опять приходит на ум мысль, что богато наше государство, если отпускает огромные деньги на содержание и оборудование таких турбаз. Может, Захар и не виноват, что стал таким?.. Да и как жить и видеть, что государственное добро валится на тебя, как манна небесная, и не взять себе? И когда отдыхающие сидят за столом под высокой сосной и пьют, не выпить задаром с ними? И как на такой благодати не завести пчел, которые на твоих глазах таскают с колхозного поля взятки в твои ульи? И как не продавать трехлитровые банки с медом по тридцать – тридцать пять рублей доверчивым отдыхающим, если они умоляют продать? А сколько меду можно наделать с двух мешков сахара, который Захар покупает в магазине за свои деньги, – пожалуй, только за это и хлеб он и платит наличными!

В первый свой приезд сюда Казаков и сотой доли не увидел того, что открылось ему на турбазе сейчас. Это настоящая кормушка для четы Галкиных, и как бы они ни лаялись, а ругань их разносилась иногда с утра до вечера по всей тур-

базе – Казакова они не стеснялись, если вообще кому-либо из них было свойственно это чувство, – дармовая, потребительская жизнь их объединяла покрепче любви, о которой они давным-давно позабыли. Да и знают ли они, что это такое? И он и она все, что было вокруг, превращали в деньги, которые вместе пересчитывали, прятали, клали на книжки, иногда давали своим детям на мебель, телевизор, холодильник или мотоцикл. Каждый месяц проводилась операция «Хрусталь», как называл сдачу бутылок Захар. Продавщицы его знали и без звука принимали посуду сразу на пятьдесят – семьдесят рублей. Когда трактор с бутылками, сложенными в мешки, готовился выйти за металлические ворота турбазы, в кабину, охая и стеная, забиралась Васильевна. Получать деньги за стеклотару она не доверяла мужу. Правда, в этом же магазине покупала ему бутылку водки и десяток бутылок пива.

Тарахтя и виляя из стороны в сторону, трактор с платформой впереди и сидящей рядом с хмельным мужем Васильевой катил себе по лесной дороге на турбазу. Операция «Хрусталь», как правило, хотя бы на день-два примиряла супругов.

– Вот ты, Федорыч, скажи мне: зачем ты живешь? – с хитринкой взглянул на него Захар. – Ах да, я тебя об этом уже спрашивал...

– Ты всех об этом спрашиваешь, как будто только ты один знаешь, что такое истина, – усмехнулся Вадим Федорович, –

Кстати, Понтий Пилат задал такой же вопрос Христу.

– И что же ответил Христос?

– Почитай Библию...

– Я этот... атеист, – ухмыльнулся Галкин. – В бога не верю.

Казаков не без умысла помогал Захару: во-первых, он решил написать большую статью об этой турбазе и турбазах вообще, во-вторых, очень уж хотелось постичь истинную сущность Захара Галкина! Он непрост, хотя часто и прикидывается дурачком, – вон председатель колхоза не смог отдать его под суд, хотя и грозился... Не просто же так копит деньги Захар? Есть ведь какая-то у него цель? Или все стяжатели одинаковы: хапают, копят, считают, а сами даже толком не могут распорядиться своим богатством? Ни Галкин, ни Васильевна не имеют красивых вещей, да и вряд ли появятся в просторном доме модная мебель и текинские ковры... Фантазии у них не хватает, фантазии! Но и расширять свои владения бесконечно Галкин не сможет. Найдется и на него управа, он это тоже прекрасно понимает, уже не первый раз заводит разговор о том, что его могут вышибить из турбазы. Ну что ж, тыл он себе обеспечил...

Вечерами при свете настольной лампы Казаков записывал свои беседы с Захаром, – тот, уверенный в своей неуязвимости, выкладывал Вадиму «секреты» своей «деятельности». Поговорить он любил, а Вадим Федорович умел слушать. Когда он честно сказал Галкину, что напишет про него, тот и

ухом не повел.

– Пиши, – сказал он. – Обо мне уже писали в местной газете...

– Критиковали?

– Меня? – искренне удивился Захар. – За что? Хвалили, Федорыч! Моя турбаза у начальства на хорошем счету...

– Я хвалить не буду, – предупредил Казаков.

– Тогда фамилию измени, – заметил Захар. – Я – Галкин, а ты меня, к примеру, сделай Сорокиным.

– Там видно будет, – неопределенно пообещал Вадим Федорович. – Но знакомые тебя все равно узнают.

– Больше уважать будут, – рассмеялся Галкин. – Пиши, Федорыч, я разрешаю! Я уже давно заметил, что легче всего живется на свете придуркам... К ним да пьяницам люди всегда относятся терпимо, даже больше – любят их. Тверезый считает себя выше пьяницы или дурака, это ему приятно. А я ведь только с виду придурок, а голова у меня о-ё-ёй!

– Это я сразу заметил, – согласился Казаков. – Ты знаешь, Захар, зачем живешь на свете...

В дверь просунула нечесаную голову Васильевна. Она опиралась на толстую палку, круглое лоснящееся лицо ее, как всегда, было недовольным.

– Захарка, исти пора, – позвала она мужа, даже не взглянув на Казакова. Ей и в голову не пришло его пригласить. Вадим Федорович сам готовил себе на электрической плитке, которую предусмотрительно захватил с собой.

– А будет чего к обеду? – озорно глянул на жену Галкин.

– Небось с писателем уже хрюкнули, – ворчливо заметила Васильевна. – Больно веселый что-то!

– «Хрюкнули»... – повторил Казаков. – Что вы имеете в виду?

– А то, что пьяницы вы все, мужики. Чтоб ни дна вам, ни покрывки! – заявила та и, толкнув дверь палкой, вышла.

Вадим Федорович за все время и не притронулся к рюмке.

Иногда сам посмеивался над собой: помогает отделявать дом жулику! Скажи кому – не поверят... Но успокаивал себя тем, что получает от Галкина такую интересную информацию, которую при иных обстоятельствах вовек не получишь! Ради этого можно стерпеть и хамство Васильевны. Поразительные эти Галкины! Прямо-таки гоголевские типы!..

– Вот язык у стервы! – хмыкнул Захар, откладывая в сторону рубанок. – Как помело... Ты не бери в голову!

Уходя, он деловито осмотрел потолок, покритиковал за неровно прибитый карниз, а потом распорядился:

– Ты поработай, Федорыч, а я пообедаю и скоро вернусь.

Он тоже не пригласил помощника за стол. Привыкший только брать, он давно забыл что-либо бесплатно давать людям.

«Ох избаловали же тебя отдыхающие, Захар! – бросив молоток на стол, подумал Казаков. – Хватит, больше я тебе не помощник! Лучше буду подлещиков с лодки ловить...»

Вчера ездил в поселок, что в трех километрах от турба-

зы «Медок», позвонил с почты домой. Оля сообщила, что пришло письмо от Андрея, пишет, мол, в конце мая вернется домой... Он ведь на год завербовался на строительство, а возвращается на четыре месяца раньше – что бы это могло означать? Вадим Федорович вспомнил свою встречу с Марией Знаменской. Высокая, большеглазая, с густыми каштановыми волосами, в ней не было обычного девичьего кокетства, чувствовалось, что она сильно переживает за Андрея. Вадим Федорович как смог успокоил ее, но большие светлые глаза девушки были грустными – вряд ли он сумел развеять ее тревогу. Уходя, она вдруг призналась, что ждет ребенка... Значит, скоро у Вадима Федоровича появится внук или внучка... Он даже не знал, радоваться этому событию или печалиться.

О Виолетте он приказал себе не думать. Но мысли – это не солдаты, которым можно скомандовать направо или налево, они сами приходят и уходят, когда им заблагорассудится. Оля сказала, что Соболева несколько раз звонила после его отъезда, но она, как он и просил, не сказала ей, куда он уехал... Вчера он ждал, что дочь скажет про Виолетту, дескать, опять звонила, но Оля ничего не сказала...

Здесь, в глуши, Казаков много размышлял о том, что случилось. Когда-то он не понимал, почему молодая женщина не хочет выйти за него замуж. А теперь понял. Если бы они поженились, это было бы огромной ошибкой для них обоих! Он-то знал себя и был уверен в том, что Виолетта – послед-

няя его, может быть, самая настоящая любовь, а она, по-видимому, не была в этом уверена. Молодая, красивая, на борту самолета она ходит принцессой... Стоит ли менять такую интересную жизнь на уединение с ним в Андреевке? А ведь он как раз уединением и природой прельщал ее. Перефразируя строку из «Песни о соколе» Горького, про нее можно сказать: «Рожденная летать, ползать не хочет...» Приходила ему в голову мысль написать Соболевой и словом не обмолвиться о том, что он увидел в аэропорту в тот запомнившийся на всю жизнь дождливый день... Не по-мужски было бы это. Чем же тогда он будет лучше Татаринова, которым как хочет вертит Тасюня? Одни раз Вадим простил измену жене, но что из этого получилось? Ничуть не прибавилось с ее стороны уважения к нему, наоборот, Ирина стала меньше с ним считаться, а со своим любовником и не думала порывать... Наверное, он, Вадим Федорович, не умеет любить вополсилы, когда ссоры с любимой, измены не задевают глубоко, не больно ранят... И не такой у него характер, чтобы молча проглотить обиду и не подавать виду, что между ними что-то произошло, а точнее – затесался стройный молодой кавказец в модном кожаном пальто... Делить Виолетту с кем-то он не смог бы, это было бы предательством уже по отношению к себе самому.

Неужели, кроме мучительной, изнурительной работы, у него ничего больше в жизни не осталось? Жить жизнью придуманных, тобой героев, вкладывать в них все, тобою пере-

житое, страдать вместе с ними, бороться, мечтать... Но ведь этого мало живому человеку? В газете недавно было опубликовано интервью с Жоржем Сименоном, мастером детектива, тот рассказывал, что на неделю-две запирается в комнате и не выходит оттуда, пока не напишет новый роман, мол, он, Сименон, не может даже на минуту покинуть своих героев, которые окружают его в этой комнате... Но потом-то он выходит на свет божий и живет, как все нормальные люди, до следующего романа...

Это состояние слитности с героями своей книги свойственно и ему, Казакову, но запирается в комнате не доводилось. Его герои и так всегда рядом. Кто знает, может, Захар Галкин – один из героев новой книги?..

В свой домик идти не хотелось, на плитке кастрюля со вчерашним супом, позже разогреет и поест. На турбазе нет столовой. Здесь он совсем отвык от мяса. Изредка сварит уху из пойманной на озере плотвы и окуней, а чаще всего довольствуется консервированным овощным супом. В магазине продают банки с капустной солянкой, борщом. У Галкина уйма кроликов, индюки, куры, но ни он, ни Васильевна не продают их. Всё отправляют в город – наверное, там на рынке больше платят. Не купишь даже картошки и в поселке. Местные ничего почему-то не производят на продажу. Вот молока – хоть залейся, но Казаков к молоку равнодушен.

Выйдя на берег, он присел на скамью возле бани и стал смотреть на озеро. Какое-то голое оно и неприветливое без

камышей, осоки, кустарника. Правда, кое-где уже проклюнулись крошечные листья, еще несколько теплых дней – и все кругом преобразится: природа свое возьмет. Если по срокам положено быть весне, то весна будет, а потом лето, осень, зима... Извечный круговорот нашей жизни. Это только у человека в душе надолго может поселиться слякотная осень...

Со свистом над головой пролетели утки. Обогнув загоблину, с шумом плюхнулись за тростником. На бурой с пятнами крыше пляжного грибка посверкивал осколок зеркала. Он вспыхивал в солнечном луче, ударял в глаза ослепительными зайчиками. Ивы склонялись к воде, выше их величественно стояли вековые сосны. Нижние сучья давно осыпались с них, и теперь в небесной синеве купались лишь пышные кроны. Тишиной и вечностью веяло от озера, глубокого неба с раскинувшимися из-за леса облаками, зеленоватой прозрачности воздуха. Вспомнилось из Екклесиаста: «Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, – и нет ничего нового под солнцем. Бывает нечто, о чем говорят: „Смотри, вот это новое“; но это уже было в веках, бывших прежде нас. Нет памяти о прежнем; да и о том, что будет, не останется памяти у тех, которые будут после».

Глава десятая

1

Доцент рассказывал о театре французской буржуазной революции. Учредительным собранием в 1791 году был обнародован декрет, которым отменили деление театров на привилегированные и непривилегированные, каждый гражданин мог открыть свой театр. Только за один год в Париже появилось восемнадцать новых театров...

Сидящая рядом с Олей Казаковой Ася Цветкова шепнула:

– Даже не верится, что это последняя лекция в учебном году!

– А я знаешь о чем сейчас подумала? – сказала Оля. – Вот мы сидим, слушаем про французский театр, а вдруг начнется война? Вчера по телевидению показывали американский фильм про атомную войну – мне всю ночь кошмары снились... В каком мы мире живем, Ася?

– Я об этом не думаю, – беспечно ответила подруга. – Если брать все это в голову, то можно с ума сойти.

– О чем же ты думаешь?

– Как я поеду после экзаменов в Феодосию, – мечтательно зашептала Ася. – Буду купаться в Черном море, загорать на золотом пляже, и мне будут приносить шоколадное мороже-

ное высокие загорелые мужчины...

– У тебя коротенькие мысли, как у Буратино из сказки...
– улыбнулась Оля.

– ... Дантон сказал о Мари Жозефе Шенье: «Если „Фигаро“ убил дворянство, то „Карл Девятый“ убьет королевскую власть». В революционном Париже шли пьесы Корнеля, Расина, Мольера. Из пьес вымарывали феодально-аристократические титулы, герои на сцене говорили не «мосье», «мадам», а «гражданин», «гражданка»... Это относилось и к старинным классическим пьесам...

Бархатистый баритон доцента действовал на Олю усыпляюще. Однако, когда он заговорил о замечательном актере той эпохи Франсуа Жозефе Тальма, девушка стала слушать внимательно. У нее дома в альбоме помещен портрет Тальма в роли Гамлета.

– ... Тальма вступил в труппу театра «Комеди Франсез» в тысяча семьсот восемьдесят седьмом году, – говорил доцент, расхаживая на кафедре. – Он играл главные роли в трагедиях Расина, Корнеля, Шекспира, Вольтера. Великий Гюго не мыслил другого актера для своей трагедии «Кромвель», и только смерть Тальма нарушила эти планы...

После лекции Ася предложила прогуляться до Летнего сада. Прорываясь сквозь облака, солнце ударяло в глаза, заставляло блестеть чисто вымытые к маю стекла витрин, на деревьях в скверах появилась нежная листва. Вода в Фонтанке казалась чистой, у каменных мостов кружили чайки. Де-

вушки были в кожаных плащах, высоких сапогах. У Аси волосы темно-русые и немного завиваются на концах, а у Оли – прямые, светлые, с желтоватым оттенком. Рослая Ася кажется парнем рядом с подругой. У Оли тонкая талия и стройные ноги. Ее крупные карие глаза выделялись на чуть продолговатом лице с круглым подбородком. У Аси раскосые глаза меньше, они сейчас как небо над головой – светло-голубые, с облачной дымкой.

Будто зелеными кружевами окутаны огромные черные деревья в Летнем саду, мраморные скульптуры равнодушно взирали на прогуливающихся со своих пьедесталов. Боги бессмертны, и поэтому течение времени обходит их стороной. И все-таки и они уязвимы: машинная цивилизация принесла ядовитые испарения, гарь, копоть. На скульптурах заметны черные потеки, мелкие трещины, некоторые боги и богини с аккуратными заплатками на мраморных стройных телах. Летний сад лишь на днях открыли после просушки, и народу в нем было мало.

Ася присела на крайнюю скамейку, взглянула на часы и бросила рассеянный взгляд на массивные ворота, за которыми проносились по набережной машины. Чугунная решетка с позолотой рельефно впечаталась в Неву и голубое небо. Ася достала из сумочки сигареты, зажигалку.

– Закуришь? – спросила Олю, та отрицательно покачала головой.

Оля раз или два попробовала закурить, но это ей не до-

ставило никакого удовольствия. И ей смешно было смотреть, как в укромных уголках неумело дымят сигаретами совсем молоденькие девчонки. Наверное, хотят чувствовать себя взрослыми, потому что вряд ли тоже получают удовольствие от курения. Ася – другое дело. Она курит уже несколько лет, начала с девятого класса. Ася себя чувствует наверху блаженства, или, как она говорит: «ловит кайф», когда находится в хорошей компании, во рту фирменная сигарета, из колонок льется красивая музыка, а на столе стоит бутылка шампанского... Ну и, разумеется, чтобы вокруг были молодые люди в модных брюках и куртках.

Легко живется подруге на свете! Она сознательно уходит от сложных проблем нашей жизни; когда между лекциями студенты заведут в коридоре серьезный разговор, будь это международная политика или начавшаяся в стране перестройка, Ася откровенно скучает и не принимает участия в беседе. О модных тряпках, о сплетнях из мира кино или театра – это она пожалуйста! Тут подругу не остановишь... Когда вернулся из Афганистана Андрей, первое, что спросила Ася: «Что твой брат привез оттуда?» Признаться, и Оля особенно не ломала голову над мировыми проблемами, о которых пишут в газетах и говорят по радио и телевидению, до тех пор, пока не приехал брат. Он много рассказывал про зверства душманов, про вмешательство в дела Афганистана капиталистических стран...

Оля с интересом слушала брата, а потом задумывалась о

судьбе юношей, сражающихся вдали от Родины. Ой как трудно им там приходится!.. И брат вернулся оттуда другим, будто повзрослевшим на несколько лет. Первое время он явно не находил себе места: часами бродил один по городу, ночами что-то писал в отцовском кабинете, спал до полудня. Два раза в неделю ходил к массажисту в поликлинику, где лечили его раненое плечо. Он очень переживал, что рука теряет свою гибкость, но врачи заверили его, что все будет в порядке. По утрам Андрей по часу выжимал больной рукой гантели, массировал какой-то штуковиной, похожей на четки, предплечье. Побывал в университете на кафедре журналистики и неожиданно плотно засел за диплом. Летом у него государственные экзамены.

Брата наградили орденом Красной Звезды. Андрей хранил его в старинной шкатулке с резной крышкой. И все-таки в празднование Дня Победы Андрея уговорили показаться гостям в костюме, при ордене. Они сидели за столом рядом – сын и отец. И оба с наградами Родины. Оле было приятно смотреть на них, да и другим, наверное, тоже. Похудевшая большеглазая Мария не сводила с мужа сияющих глаз. Пока Мария жила со своими родителями – там было кому помогать ей в уходе за грудным ребенком. Андрей жил то у них, то возвращался домой на улицу Чайковского, говорил, что тут ему лучше готовиться к экзаменам в университете, хотя у родителей Марии богатая библиотека...

– О чем задумалась, Оленька? – толкнула ее локтем в бок

Ася.

– Да так... о брате.

– Я была на первом курсе влюблена в Андрея, – призналась подруга. – Только он даже не смотрел в мою сторону... Я не в его вкусе?

– Андрей вообще на девушек не обращал внимания, – улыбнулась Оля. – Удивляюсь, как это Мария его окрутила!

– Она миленькая, – сказала Ася. – После родов вся такая свежая, молочная, а в глазах – счастье! Ей-богу, я ей позавидовала: молодая, а уже сын, муж... А когда у нас все это будет?

– Будет ли? – пожала плечами Оля. – Я пока не могу представить себя чьей-нибудь женой.

– Мне еще никто ни разу не сделал предложения, – закуривая вторую сигарету, проговорила Ася. – Да и не каждому захочется жениться на артистке: все вечера заняты, летом – гастроли! Придется нам, подружка, мужей выбирать в театре! – Она рассмеялась. – Представляешь, вместе на репетиции, вместе на сцене, вместе дома... С ума можно сойти: не жизнь, а сплошная игра!

– Я так далеко не загадываю, – сказала Оля.

Ася снова бросила взгляд на дорожку.

– Ты ждешь кого-то? – спросила Оля.

– Помнишь, в «Гноме» на Литейном мы встретили двух парней? – Ася посмотрела на подругу. – Ну, один, такой мрачноватый, – Никита, а второй – Валера, он еще всунул

тебе свой телефон?

– Как же он разыскал тебя? – удивилась Оля.

– Понимаешь, было дурацкое настроение, а тут подвернулась под руку бумажка с его телефоном... В общем, мы встретились. Я так и не поняла, где он работает, но времени у него вагон. Кстати, ты хотела купить на лето модные босоножки? Закажи Валере, и через пару дней они будут у тебя. Правда, цены у них... Говорит, что ему самому импортные вещи недешево достаются.

– Валера, Валера... – стала вспоминать Оля. – У него треугольная челюсть и глаза бегают, как две серые мышки?

– Да нет, он ничего... А квартира у него действительно прямо-таки антикварный магазин. Он собирает фарфор и хрустальные графины. И музыка у него обалденная!

– Что же ты мне раньше ничего про него не рассказывала?

– Я позвонила ему, такое было у меня настроение, мы встретились. Потом еще встречались. Договорились и на сегодня, он с минуты на минуту подъедет.

– С Никитой? – подозрительно взглянула на нее Оля. – Кажется, у него в году три дня рождения...

– Никиту я с тех пор не видела.

Сколько лет знакомы, а Оля так и не может понять подругу! Взять и ни с того ни с сего позвонить случайному знакомому! Ладно бы была дурнушка, так ведь от поклонников отбою нет, а ей все мало! Что это? Распущенность или любопытство?

– Это Валера тебе достал? – кивнула на замшевую сумочку подруги Оля.

– У него в прихожей были две огромные сумки, набитые разным товаром, – сказала Ася. – Когда он все вывалил на ковер, у меня глаза разбежались! Чего там только не было! От модных мужских пальто и курток до наборов авторучек и зажигалок.

– Ясно, он спекулянт, – сказала Оля.

– Значит, спекулянты тоже нужны, раз у него покупают, – рассмеялась подруга.

– А где он берет дефицитные вещи?

– Про это я его не спрашивала.

– Идет твой... доставала, – понизив голос, сказала Оля.

По песчаной тропинке пританцовывающей походкой направлялся к ним невысокий молодой человек в супермодной куртке со стоячим воротником, с «липучками» вместо «молнии», с фирменными наклейками на груди и рукавах. Голубые сапоги его тоже были на «липучках», с какими-то надписями на боку. На голове клетчатая кепочка с козырьком на «молнии».

– Ходячая реклама с журнала «Бурда»... – прыснула Оля. – Аська, с кем ты связалась!

– Модный мальчик, – сказала подруга. – Сумочку мне подарил... Правда, сказал, что она стоит тридцатник.

– Привет, красавицы! – во весь рот заулыбался Валера. – День-то какой, а? Вас не манят дали голубые? Может, мах-

нем на машине за город?

Ася взглянула на подругу: мол, как ты? Погода действительно разгулялась, облака поднялись выше, стали разреженнее, и солнце жарко засияло на ярко-голубом небе. Почему бы не прокатиться?

– У меня в тачке стереомаг «Пионер», – тараторил Валера. – Последняя модель со всеми «примочками», мощность – пятьдесят ватт, приемник с электронным поиском...

– А какая музыка? – спросила Оля.

– Конец света! – развел руками Валера. – Бухает в салоне, как в концертном зале филармонии... Последние записи Пупы!

– Пупы?

– Может, Попы, – рассмеялся Валера. – Или Папы. Кстати, девочки, он осенью приезжает в СССР на гастроли. Считайте, что билеты у вас в кармане. У меня свой человек в театральной кассе.

– Валера может достать все, кроме птичьего молока, – встала Ася.

– Вам нужно «Птичье молоко»? – широко улыбнулся Валера. – Пожалуйста! Сколько вам – две, три коробки?

– Разве птичье молоко продается в коробках? – спросила Оля.

Ее начал забавлять этот разбитной торговый парень. Чего не отнимешь у него, так это оптимизма и готовности услужить нужному человеку. Наверное, для деляги это просто

необходимо.

– Так называются самые дефицитные конфеты, – пояснил Валера.

– Это которыми ты меня угощал? – ласково посмотрела на него Ася.

– Ну так что, едем, девочки? Моя тачка, как конь, роет землю копытами! Я в этом году ни разу не был на природе.

Оля вспомнила рассказы Андрея про жуликов, с которыми ему приходилось сталкиваться. Брат утверждал, что это отнюдь не глупые люди, наоборот, они обладают смекалкой, отличные психологи, и у них своя мораль, пусть и чуждая нормальному честному человеку. Теперь спекулянты, фарцовщики, деляги разных мастей с высшим образованием. Поставив крест на своей, приобретенной в вузе, специальности, они целиком посвящают себя торговому бизнесу. Соответственно строят и свою мораль: дескать, люди стали жить лучше, модно одеваться – возросли и их запросы на красивые вещи. Если их не достать в магазине, значит, надо искать на стороне. И вот появилась в нашем обществе целая прослойка людей, которые готовы удовлетворить любые запросы. Но для того чтобы получить желанную вещь, нужно заплатить за нее столько, сколько запросит спекулянт. А он отлично ориентируется в торговом бизнесе: модная вещь стоит в несколько раз дороже своей нарицательной стоимости. Те, кто оптом снабжает дефицитными товарами спекулянтов, тоже не лопухи! Они знают цены на рынке... Так что в

подпольном бизнесе все распределено четко: товар – деньги, деньги – товар. И хотя это занятие довольно опасное – можно и попасться с поличным! – спекулянты повсюду действуют. Доход стоит риска.

В институте тоже были свои «делаши», которые предлагали студентам модные джинсы, рубашки, обувь, но они, по видимому, по сравнению с Валерой мелкие сошки.

Сначала Оля твердо решила не ехать с ними, но потом ее разобрало любопытство: все-таки она впервые столкнулась с подобным типом, если не считать то шапочное знакомство в «Гноме». Она представила себе, как расскажет отцу и Андрею про то, как познакомилась с настоящим современным «бизнесменом», и чуть не рассмеялась: отца-то, ладно, ничем не удивишь, а брат не поверит...

Светлая «шестерка» внутри напоминала разукрашенную новогоднюю елку: у заднего стекла красовались две пластмассовые, с хромированной отделкой колонки, под сиденьем еще две, кожаный руль был толстый, с фиатовской эмблемой посередине, переключатель скоростей хромированный, с редкостной удлиненной рукояткой из красной пластмассы с кожей, о «маге» уж нечего и говорить – он сверкал зелеными и голубыми огоньками, на табло мелькали цифры, стрелки. На приборной панели у лобового стекла был укреплен «антирадар», как его называл Валера. Он за несколько километров засекает милицейский радар и подает электронный и звуковой сигналы, на каких-то дополнительных, красиво

оформленных датчиках мерцали табло с цифрами, даже на брелоке с ключами висела какая-то хитроумная штукovina, которая сама подавала тревожные сигналы при неисправности аккумулятора или системы зажигания.

Валера, как опытный гид, рассказывал девушкам о назначении каждой вещи и называл цену. В общем, все эти «прищипки», как их любовно назвал Валера, стоили как раз треть машины. Когда он на всю мощность включил магнитофон, девушки чуть не оглохли. Казалось, от грома оркестра машина развалится на куски. Уменьшив звук, Валера с довольной улыбкой сказал:

– Звучание ничуть не хуже, чем в концертном зале. Здесь ведь замкнутое пространство.

Машину Валера вел уверенно, одна рука его небрежно лежала на кожаном руле, другая обхватила высокую спинку сиденья, покрытого овчиной, на котором сидела Ася. Оля заняла место сзади. Из четырех динамиков лилась знакомая мелодия, хрипловатый голос Челентано завораживал. Валера, наверное, не ту кассету поставил. А может, он не различал Пупо и Челентано. Вырвавшись за город, Валера прибавил скорость, но сразу за поворотом сбросил, потому что записал «антирадар».

– Гаишники за кустами прячутся, – сказал Валера. – Только меня-то им не провести!

И действительно, скоро они увидели на обочине желтую с синим машину ГАИ.

– Моя палочка-выручалочка... – любовно погладил черный корпус «антирадар» Валера. – Сколько раз она меня уже спасала!

– При вашей профессии, конечно, не стоит рисковать, – заметила Оля.

– У меня много профессий, – беспечно ответил Валера. – А главная моя профессия – рубить капусту!

– Вы и с овощами связаны? – невинно поинтересовалась Оля.

Ася кусала губы, чтобы не расхохотаться. Однако Валера был непрошибаем. Весело взглянув на девушку, заметил:

– Я ничего плохого не вижу в том, чтобы делать бабки. Если они у тебя есть, тебя все любят... Правда, Асенька?

Цветкова сделала вид, что внимательно смотрит на дорогу.

– Эту истину не я открыл, – продолжал Валера. – Она существует испокон веку. За свой грош везде хорош, как говорила моя бабушка. Я в месяц имею больше иного профессора... Значит, и по уму ему равен. Как ты считаешь, Асенька?

– Валера умнее нашего завкафедрой Музыкакина? Как ты думаешь? – подлила масла в огонь Оля.

– Музыкакин ездит в институт на общественном транспорте, а у Валеры не машина, а чудо двадцатого века, – сказала Ася, не глядя на подругу.

– Золотко ты мое! – расчувствовался Валера и, чуть не выскочив из ремней безопасности, поцеловал Асю в щеку. – Ты

сама чудо века! Подружка твоя... – он бросил косо́й взгляд на Олю, – мыслит категориями вышедшего в тираж поколения, которое носит широкие брюки на пуговицах и драповое пальто фабрики имени Володарского. Среди моих клиентов нет таких.

– А кто же ваши клиенты, Валера? – спросила Оля.

Она уже предвкушала, как расскажет Андрею про эту поездку. Впервые она слышала от молодого человека столь откровенное признание в своей любви к деньгам. Обычно люди не любят распространяться на эту тему, скорее скажут, что деньги для них ничего не значат... А Валера аж весь светился, когда говорил о них. А Ася-то! Как в рот воды набрала, а ведь у нее острый язычок! Уж не за сумочку ли купил Валера ее терпимость к подобным высказываниям? Оля не могла даже подумать, что подруга всерьез разделяет убеждения Валеры.

– Я вас с ними как-нибудь познакомлю, – улыбнулся Валера. – Мои клиенты, не торгуясь, платят за модную вещь ту цену, которую я назову. Они могут выбросить в ресторане за вечер сотню-две и не поморщатся. Они стоят не меньше двадцати тысяч...

– На них что, ярлык повешен? – подначила Оля.

– Как одет солидный современный мужчина? – разглагольствовал Валера. – На нем кожаное пальто, которое потянет на тысячу, швейцарские часы «Родо» на пятьсот, золотой перстень с монограммой – триста, фирменные джинсы,

крэссэвки... Вэот ужэ болыше трэх тысыах. Выйдет такой человек из подыезда, а его ждет собственный «жигуль»... Ну а что у него дома, я уж не говорю. Там можно все сосчитать только на счетной машинке.

– И много таких?

– Хватает... – неопределенно ответил Валера.

– И вы такой?

– Буду таким, – уточнил Валера. – Но для этого еще нужно годика два-три повертеться вокруг них...

– А вдруг посадят?

– За что? – искренне удивился Валера. – Мои клиенты стараются с милицией дел не иметь.

– Это, наверное, работники торговли, бармены, автослесари со станции техобслуживания... – стала перечислять Оля.

– Валера обслуживает и честных людей – артистов, писателей, композиторов... – вставила Ася.

– И другие... официальные и неофициальные лица, – рассмеялся Валера. – Все те, кто умеет бабки делать.

– Ты уж не мерь одной меркой честных талантливых людей и жуликов, – сказала Оля.

– Лишь у нас умение делать деньги считается неблагородным занятием, а в других странах это норма жизни, – возразил Валера.

– «Делать деньги»... – презрительно фыркнула Оля. – Я часто слышу эту фразу! Деньги не делают, а зарабатывают. Одно дело, когда человек получает их за честно выполнен-

ную работу, а другое – за спекуляцию. Ведь спекулянт наживается на честных людях...

– Необязательно, – добродушно возразил Валера. – Я предпочитаю иметь дела с теми, кто сам чем-либо спекулирует... Крутые ребята из мира торговли не торгуются за каждый червонец! Как им легко деньги достаются, так легко они их и тратят.

– А как же быть честным, порядочным, кто получает только зарплату? – спросила Оля.

– Ты ведь не спекулянтка, верно? – бросил на нее в зеркальце насмешливый взгляд Валера. – А за модные бельгийские сапожки, что у тебя на стройных ножках, заплатила стольник с прицепом. Что, не так?

Оля замолчала. А он ведь прав, этот Валера! Сапожки купил ей отец. И заплатил за них сто пятьдесят рублей. Наверное, столько она, Оля, будет получать в месяц, когда закончит институт...

– Как это в детских стишках: папы разные нужны, папы разные важны?.. – примирительно произнесла Ася. – Что бы мы без тебя делали, Валера!

– Золотые слова, Асенька! – рассмеялся тот.

Сразу за Сестрорецком он свернул к заливу. На пустынном, усеянном валунами берегу никого не было, лишь вороны степенно разгуливали у самой кромки воды. Прохладный ветер шумел в колючих ветвях низкорослых сосен, перевернутые лодки почему-то навевали грусть. Огромные валуны,

будто спины моржей, выглядывали из свинцово-неприветливой воды. На одном из них сиротливо стоял резиновый детский сапожок. Наверное, после ледохода его волной сюда откуда-то принесло.

Валера и Ася ушли вперед по берегу, а Оля присела на скамейку под сосной и задумалась. Вдруг сразу после шума городского очутиться в пустынном, тихом месте, где лишь небо и вода. И тишина, которую изредка нарушал шелестящий шум пронесившихся по шоссе машин. После разговора с Валерой в голове полная сумятица: ведь она, Оля, Ася и Валерий – люди одного поколения. Почему же живут и думают по разному? Можно было бы лишь посмеяться над тем, что нес в машине Валера, если бы он все это не говорил всерьез. И ее лучшая подруга Ася Цветкова если и не разделяла взгляды своего нового приятеля, то и не опровергала их.

Почему отец, Андрей, Оля отвергают мораль Валеры и ему подобных, а вот Ася принимает ее? Иначе разве поддерживала бы она отношения с Валерием? Не за сумочку же или еще за какие-нибудь вещи купил ее Валера? Трудный парень Глеб Андреев, но он совсем из другого теста сделан, чем Валера. Глеб ни за что не унизился бы до торговли модным барахлом. Для него главное – работа. Он хороший инженер-конструктор и гордится своей профессией. Невозможно даже представить, чтобы Глеб вдруг все бросил и, как Валера, занялся куплей-продажей! Оля понимает, что все люди разные, но существуют какие-то принципы, наконец,

мораль, которых придерживаются все честные, порядочные люди. А среди них живут бок о бок типы с совершенно иной моралью, другими принципами. «Он стоит двадцать тысяч рублей»... Не каждому и в голову придет таким образом оценивать человека!

– Посмотри, что мы нашли! – крикнула Ася.

Валера на вытянутой руке держал какой-то странный предмет. Ася как зачарованная смотрела на него. Оля поднялась со скамейки и подошла к ним.

– Что это? – спросила она.

– Точнее, кто это был? – произнесла Ася.

Валера в руке держал обломок черепа. Видно, не одну сотню лет пролежал он на морском дне, пока шторм не подхватил его и не выбросил на берег. Волны отполировали белую лобную кость с частью глазницы до блеска, острые края сгладились.

– «Быть или не быть – вот в чем вопрос!» – торжественно продекламировал Валера. – А дальше не знаю.

Он и впрямь сейчас напоминал Гамлета в сцене с могильщиками. Театрально вытянул руку, откинул черноволосую голову и напустил на себя задумчиво-отрешенный вид.

У могилы Офелии Гамлет сказал следующее: «У этого черепа был язык, и он мог петь когда-то; а этот мужик швыряет его оземь, словно это Каинова челюсть, того, что совершил первое убийство! Может быть, это башка какого-нибудь политика, которую вот этот осел теперь перехитрил; челове-

ка, который готов был провести самого господа бога, – разве нет?»

Оля знала наизусть многие места из «Гамлета». В студенческом спектакле она сыграла Офелию, и, как все говорили, довольно удачно. Ее мечтой было когда-нибудь на сцене настоящего театра сыграть Офелию. Шекспира она любила, и любая женская роль в его пьесах ее привлекала.

– О чем задумался, Гамлет? – спросила Ася.

– Видел я фильм про вашего Гамлета, – вдруг резко вырвалось у Валеры. – В роли князя Гамлета был Смоктуновский...

– Он был не князь, а принц Датский, – улыбнулась Оля.

– С жиру они там все бесились! – изрек Валера. – Друг другу глотки готовы были за власть перегрызть... А мне власть не нужна, лишь бы дали жить как хочу да прокурор не дал санкцию на арест... – И, размахнувшись, бросил череп в воду.

На обратном пути в город он был молчалив и задумчив, лишь миновав Лахту, вдруг разговорился:

– Каждое утро, просыпаясь, я думаю о смерти... Когда я умру? Если бы знать, может, не стоило бы так уж и суетиться на этом свете? Почему такая выпала на долю человека несправедливость? Живет человек, старается для себя, обставляет квартиру, гоняется за красивыми вещами, копит деньги, а потом все это достанется другим. С собой-то ничего не возьмешь. Разве что при жизни закажешь мраморный

памятник скульптору да за взятку выберешь на городском кладбище подходящее место. Туда можно заранее и памятник приволочь. Не украдут ведь с кладбища?

– Это на тебя так подействовал найденный череп? – усмехнулась Ася.

– Я стал думать о смерти после того, как один мой знакомый дуба врезал на юге, – продолжал Валера. – Этот человек стоил не десять, а сто тысяч, не меньше... Приехал на юг с красоткой на собственном «мерседесе», снял шикарный номер в гостинице у самого моря, купался, загорал, развлекался со своей кралей, а перед самым отъездом пошли прощаться с морем и горами, забрались на одну, чтобы оттуда полюбоваться Черным морем. Наверное, захотелось человеку перед девочкой покрасоваться – встал на самый край, раскинул руки и сказал: «Я – орел! Взмахну крыльями и полечу-у!» И полетел в пропасть вниз головой...

– Покончил жизнь самоубийством? – удивилась Оля.

– Вроде бы камень из-под ног выскользнул... – нехотя ответил Валера. – В общем, все нажитое пошло прахом: и квартира с гарнитуром, заграничной техникой, хрусталем и бронзой, дача в Соснове, «мерседес» и сбережения, которые и за день не сосчитаешь... Какого черта он полез на эту дурацкую гору? – В голосе Валеры прозвучали злые нотки. Видно, эта нелепая смерть задела его за живое.

– Ты ведь не полезешь? – утешила его Лея.

– И все из-за вас... женщин! – уронил Валера. Протянул

руку и включил громкость. На этот раз в салоне зазвучал голос знаменитого Кутуньо.

– А мне совсем не жалко вашего приятеля, – сказала Оля.

– Мне тоже его, пижона, не жалко, – повернул к ней посе-
рзневшее лицо Валера. – Просто я потерял хорошего кли-
ента.

– Вы прочтите всего «Гамлета», – сказала Оля. – Он от-
ветит на многие ваши вопросы о смысле жизни.

– Ну что, ко мне поедет, девочки? – спросил повеселев-
ший Валера. Подолгу предаваться грусти он не умел.

– Меня высадите, пожалуйста, сразу за Литейным мо-
стом, – попросила Оля.

2

Вадим Федорович считал, что хорошо водит машину, –
обычно если он кому и доверял руль, то, сидя рядом, неволь-
но дублировал водителя: ноги сами по себе нажимали на пе-
даль тормоза, сцепления или на газ, хотя вместо педалей под
ногами был резиновый коврик. Когда за рулем сидел Ан-
дрей, Вадим Федорович не делал этого, потому что сын вел
«Жигули» безукоризненно. За всю дорогу Казакову ни разу
не захотелось даже мысленно поправить сына.

На обочинах шоссе пышно зеленела трава, все деревья
окутались листвой, среди ветвей чернели прутьяные грачи-
ные гнезда. Вороны и сороки разгуливали на обочинах, чуть

отступая к кювету, когда приближалась машина. Иногда перед самым радиатором, будто дразня водителя, стремительно проносились ласточки. Когда выезжали из Ленинграда, небо было затянуто серыми облаками, асфальт влажно поблескивал, сразу за Новгородом в лобовое стекло ударил косой солнечный луч, серая пелена растворилась, вместо нее над дорогой нависли ослепительно белые облака, очерченные яркой золотистой каймой. Каждая встречная машина, прежде чем с нарастающим шумом пронестись мимо, пускала в глаза резвую стайку солнечных зайчиков. Огненным метеором перечеркнул видимую панораму упавший с неба ястреб. Он мелькнул и исчез за придорожными кустами.

Казаков видел четкий профиль сына. Темные брови сошлись на переносице, серые глаза сузились от яркого света, на виске чуть заметно синее тоненькая жилка. Как-то незаметно для него Андрей из мальчишки превратился в мужчину. Хотя он и чисто выбрит, на твердом подбородке и щеках проступает легкая синева. И еще одно, чего раньше он не замечал в сыне, – это поперечная складка на высоком загорелом лбу. Она появлялась, когда Андрей о чем-либо глубоко задумывался. Вот и сейчас он весь погружен в свои мысли. Глаза устремлены на убегающую вперед серую ленту асфальта, руки чуть заметно поворачивают баранку. После операции одно плечо у сына немного выше другого. Врачи сказали ему, что это скоро пройдет, тогда рука начнет действовать, как здоровая. Надо сказать, что из Афганистана Андрей вер-

нулся другим: реже шутил, чаще погружался в глубокую задумчивость, а главное – в нем появилась усидчивость, которой раньше не было. Дипломную работу он написал всего за месяц и вот уже несколько недель работает над рукописью. Вадим Федорович сам не любил рассказывать о своей работе, и Андрей лишь мельком обмолвился, что решил написать небольшую повесть о советских шоферах, работающих на больших стройках молодой дружественной республики. Работал он с утра, причем писал от руки, а не на пишущей машинке. Мог просидеть за письменным столом до позднего вечера, оторвавшись лишь на обед. Вадим Федорович как-то заметил ему, что, дескать, не следует перегружать себя, может появиться бессонница, да и желание работать скоро притупится, лучше всего поработать с утра на свежую голову, а потом заниматься другими делами. Андрей вроде бы согласился, но стиля своей работы не изменил. И в Андрееву он захватил папку с рукописью. Старый дедовский дом теперь, чего доброго, превратится в Дом творчества. Казаков тоже захватил с собой машинку и рукопись. Он будет работать наверху, в маленькой комнатке, а Андрей – внизу, где раньше жил Дмитрий Андреевич.

С сыном они за дорогу уже о многом переговорили, мысли Вадима Федоровича снова перескочили на Виолетту...

Она позвонила ему сразу после его приезда с турбазы «Медок», сказала, что ей необходимо с ним поговорить... Сколько раз он мысленно представлял, что он ей при встрече

скажет! Хотя, в общем-то, и говорить им больше не о чем. У нее теперь своя жизнь, у него – своя. Конечно, слова он произнес бы другие, так сказать, отредактированные, но смысл был бы таков.

– Где ты сейчас? – вместо приготовленного текста сдавленным голосом спросил он.

Она сказала, что звонит из аэропорта, только что прилетела из Душанбе.

Он сел в машину и помчался в аэропорт. Еще издали увидел до боли знакомую фигуру неподалеку от стоянки такси. У ног ее стояла большая синяя сумка.

Они не поцеловались, как обычно делали при встречах раньше, долго смотрели в глаза друг другу. Как ни вытравлял последние месяцы из своего сердца эту женщину Вадим Федорович, боль осталась. В голову уже лезли капитулянтские мысли: мол, ладно, что было, то было, я тебя люблю, Виолетта, и готов все стерпеть, лишь бы ты была рядом со мной... хотя бы иногда, я готов делить тебя с другим или другими. Может, у нее уже появились новые любовники?.. С отвращением отогнав эти унижительные мысли, он коротко спросил:

– Что ты хотела мне сказать?

Он думал, она будет оправдываться – наверняка Виолетта сообразила, что он ее увидел в аэропорту с другим, – но она буквально огорошила его, сказав:

– Тут у нас все сходят с ума по «Фавориту» Пикуля. Не

смог бы ты мне достать этот двухтомник?

Валентин Пикуль действительно пользовался огромным спросом у читателей, «Фаворита» Казаков прочел, и книга ему понравилась. Каждый роман этого писателя вызывал настоящий бум. Значит, сумел Пикуль дойти до сердца читателя. Пожалуй, не за одним захваленным прессой писателем так не гоняются повсюду, как за Пикулем. И Вадим Федорович испытывал искреннее уважение к романисту, который пользовался такой стойкой симпатией читателей, хотя нельзя сказать, чтобы о Валентине Пикуле критики много писали.

– Я и доставать не буду, у меня есть «Фаворит», – сказал Казаков. – Могу тебе подарить.

– Вадим, огромное спасибо! – заулыбалась Виолетта. – Я знала, что ты меня выручишь.

Он смотрел в ее глаза и ничего в них не видел, кроме довольного блеска. Будто и не было между ними серьезной размолвки, а точнее, полного разрыва. Свои волосы она все-таки укоротила, они золотыми колечками выбивались из-под синей шапочки, подкрашенные губы приоткрылись в улыбке, обнажив ровные зубы... И пахло от нее все теми же знакомыми французскими духами.

– И это все? – с горечью вырвалось у него. – Больше ты мне ничего не скажешь?

– Я тебе несколько раз звонила...

«Ты даже приезжала ко мне в Андреевку, когда я там один

с температурой валялся в пустом холодном доме... – подумал он. – Вот тогда я было поверил, что ты меня действительно любишь...»

– Я ведь убежал от тебя, – признался он. – И даже не в Андреевку, а дальше, в «Медок».

– «Медок»? – наморщила она лоб.

– Мы с тобой две недели провели на этой турбазе...

– Да-да, там еще такая противная баба, ты ее прозвал «Оно», – вспомнила она.

– Ты вышла замуж? – спросил он, уже зная, что она ответит.

– Ты ведь куда-то так надолго пропал, – беспечно ответила она. – Даже не соизволил позвонить...

– Ты знаешь, почему я уехал... Ты вышла замуж за него... за мужчину в кожаном длинном пальто?

– У него много пальто и... кое-чего другого, – рассмеялась она. – Его зовут...

– Мне неинтересно, – перебил он.

– Ты был слишком умным для меня, Вадим, – со вздохом произнесла Виолетта. – Мне было трудно с тобой... Понимаешь, все время приходилось напрягаться, а я этого не люблю.

– А с ним... не надо напрягаться? – ядовито осведомился Казаков.

– С ним не надо, – сказала она.

– Тебя подвезти до дома?

– Он ждет меня в машине, – сказала она. – Когда ты дашь

мне «Фаворита»?

Двухтомник он передал ей в тот же вечер. Муж Виолетты сидел в новенькой, цвета слоновой кости машине «Жигули» и даже не посмотрел в сторону Казакова, когда он вынес из дома книги и отдал вылезшей из машины Виолетте.

Потом Вадим Федорович долго размышлял о скрытности женщин... Ведь он даже не подозревал, что Виолетте было трудно с ним! Казалось, они понимали друг друга с полуслова. Поездку с ней на турбазу «Медок» и неделю, проведенную зимой в Андреевке, он вспоминал как праздник... Оказывается, стюардесса все время притворялась, что понимает его, что любит, и, наконец, притворялась, что ей хорошо с ним... Как же он, психолог, или, как говорят, инженер человеческих душ, не почувствовал этого? Он приписывал ей ум, тонкость, некую даже духовность, а на поверку вышло, что ничего в ней подобного не было. Были лишь любопытство и обычная женская игра в страстных любовников... И все-таки спасибо ей, что не согласилась выйти за него замуж. Каково бы было ему сейчас? В этом отношении Виолетта проявила порядочность.

Почему мы, мужчины, приписываем своим любимым женщинам несуществующие достоинства, вернее, наделяем их теми достоинствами, которые нам хотелось бы видеть в них? И если сначала женщине это льстит, то потом надоедает и раздражает. Вот почему Виолетта ушла от него – ей надоело играть, подстраиваться под него. Надоело быть не самой

собой. Нужно ведь было соответствовать тому образу, который ей придумал Вадим Федорович. Ведь он донимал ее разговорами о литературе, делился своими сомнениями, спрашивал даже совета. И как нужно было ей, действительно, напрягаться, чтобы делать вид, что все это ее трогает, волнует, хотя на самом деле она всегда была далека от его проблем, потому что они ей были непонятны и неинтересны...

И вот появился некто в кожаном пальто, улыбающийся, восторгающийся ею, не требующий понимания... У них теперь все просто и ясно. Никаких сложностей. И Виолетта теперь совсем другая, непохожая на ту, которую он придумал... Ей понадобился «Фаворит», и она вспомнила, что Казаков писатель и наверняка для него не составит труда достать эту дефицитную книгу. И муж даже подвез ее на улицу Чайковского. Хорошо, что еще у Виолетты хватило такта не познакомить их...

– Я никогда не думал, что смогу убить человека, – вдруг заговорил Андрей. – Я ведь и бокс бросил потому, что мне претило делать сопернику больно. Помнится, когда я послал противника в нокаут, вместо радости испытал разочарование. И вот в Афганистане я убил нескольких человек. И двоих – руками... Я тебе рассказывал про Абдуллу и охранника, которые хотели меня, как свинью, зарезать на нарах. И знаешь, мне тогда не казалось все, что происходит, диким, чудовищным. Я просто защищался... Да и людьми этих выродков назвать нельзя. Этот гнусный Абдулла пинал меня нос-

ком сапога под колени, до сих пор остались желваки. Ненависть к душманам накапливалась во мне постепенно... Как-то мы везли продукты в кишлак, это неподалеку от Кабула. Впереди ехал мой приятель Петя Лисичкин. Вдруг вижу, его «КамАЗ» становится на дыбы, а потом валится в ущелье – мы ехали по горной узкой дороге. Как я ни жал на тормоза, передние колеса остановились на самом краю пропасти, куда свалился подорванный душманами грузовик. Обстреляли нас из автоматов, бросили сверху несколько гранат, а когда мы стали отстреливаться, тут же смылись... И вообще эти подонки нападали только из-за угла и когда явно было их преимущество. Видя, что могут получить отпор, трусливо отступали... В Кабуле поставлен памятник погибшим на горных дорогах советским шоферам. А вот Петю Лисичкина даже и похоронить не пришлось...

Вадим Федорович понимал, что сын многое там пережил, видел смерть лицом к лицу. Пребывание в Афганистане перевернуло все его былые представления о жизни. Помнится, нечто подобное испытал и Вадим Федорович, когда закончилась Великая Отечественная война. Трудно было заставить себя снова сесть за парту, втянуться в мирную послевоенную жизнь. Рано или поздно война отступает в сознании человека, иные заботы наполняют его жизнь, но есть люди, которые до конца дней своих постоянно несут в себе воспоминания о войне. Если не думать о ней днем, то ночью в сновидениях снова и снова встают перед ними яркие картины пере-

житого: фронт, гибель друзей, отвратительный визг бомб и снарядов, протяжные голоса командиров, поднимающих из окопов взводы и роты в атаку...

– Ты часто вспоминаешь все это? – спросил Вадим Федорович.

– Почти каждый день, – признался Андрей. – Особенно из головы не идет Найденов. Что побудило его вдруг поехать со мной? Не он – вряд ли я бы вырвался оттуда. Раскаяние или алкоголь ударили ему в голову? Правда, и на допросах я почувствовал, что с ним что-то происходит... Как бы это объяснить? Спрашивал про Андреевку, какую-то бабку Со-ву, про мать... Ему нравилось со мной разговаривать. Я даже заметил, что его больше интересует наша жизнь, а не военные тайны, которые старался выудить из меня Фрэд Николс.

– Я ведь знал Игоря совсем маленьким, – помолчав, ответил отец. – Кем он был для нас в Андреевке? Сыном матерого шпиона. Ну а тогда особенно все это остро воспринималось. И потом, мы были мальчишками, ожесточенными войной. Надо признаться, Игорьку Шмелеву крепко от нас доставалось на орехи! Может, и сбежал из дому из-за нас...

– И еще я почувствовал, – продолжал Андрей. – Он будто бы одобрял мое упорство, нежелание согласиться сотрудничать с ними, хотя они и сулили мне золотые горы. Говорит одно, а в глазах совсем другое. Неужели у него, предателя, в общем-то убежденного врага нашего строя, пробудилось искреннее раскаяние? Или на него сильно подействовало то

обстоятельство, что я тоже родом из Андреевки?

– Ты – писатель, – улыбнулся Вадим Федорович. – Вот и разберись в его психологии!

Перед Валдаем они остановились, поставили машину на обочину, перебрались через кювет и прилегли рядом на зеленой лужайке. Небо было бездонно-синим, высокие облака двигались вдоль шоссе. Легкие тени от них скользили по холмистой местности. На миг превращали позолоченные солнцем сосны и ели в сказочных великанов, вышедших на холм и оцетинившихся зелеными пиками. Постепенно Андрея и Вадима Федоровича окружила звенящая тишина, даже голоса птиц куда-то пропали.

– Там, в чужих горах, я мечтал поваляться на траве в родной Андреевке, – сказал сын. – Вспоминал бор, речку Лысуху и почему-то дурмящий запах багульника на болоте. Мальчишкой я раз нанюхался его и заблудился в лесу: хожу кругами, куда ни пойду, а оказываюсь снова и снова на болоте, будто багульник манит, не отпускает от себя.

– Твоя прабабка Ефимья Андреевна сказала бы, что тебя водит леший, – подал голос Вадим Федорович.

Он тоже смотрел в небо и улыбался, слушая сына. Ведь и он не раз, очутившись вдалеке от дома, вспоминал бор, Лысуху, Утиное озеро. До чего же сильно развито чувство Родины у русских людей!

– А ведь только благодаря тебе я остался живым, – вдруг сказал Андрей.

Отец скосил на него прищуренные глаза, но ничего не ответил.

– Помнишь, один раз с Петей Викторовым мы попали в милицию и ты приехал нас выручать?

Вадим Федорович прекрасно запомнил тот летний день, взъерошенных мальчишек и ироничного лейтенанта, который принял их за хулиганов. Андрей и Петя вступились за младшеклассников, а несколько подвыпивших парней надавали им тумаков...

– Ты тогда сказал, что грош цена тому человеку, который не может постоять за себя... – продолжал сын. – И еще ты сказал, что настоящий мужчина должен быть подготовлен к любым неожиданностям, только размазни и слабаки позволяют себя бить... Ведь после той драки, когда нам с Петей наломали бока, я пошел в спортивную школу и поступил в секцию бокса. И потом в армии занялся самбо. Не владей я приемами самообороны, Абдулла бы меня в ту ночь зарезал в камере.

Бывшая жена часто упрекала Вадима Федоровича в том, что он будто бы совершенно не занимается воспитанием детей. Да, он не любил читать нотации, как она, журить за плохие отметки в дневнике, не ходил на родительские собрания, но Андрей и Оля всегда чувствовали его отцовское внимание. Не от равнодушия, как утверждала Ирина, а просто Вадим Федорович раньше, чем жена, рассмотрел в своих детях задатки личностей, видел, как они реагируют на ворча-

ние матери, и понимал, что толку от нотаций не будет никакого. К Андрею и Оле нужен был другой подход – пусть Вадим Федорович никогда их не отчитывал, не ругал, не придирался по пустякам, он неназойливо старался внушить им, что все правильные решения в жизни принимают они сами. С раннего детства он прививал им отвращение ко лжи, подлости, соглашательству, подхалимству. И вот результат: Андрей и Оля никогда не лукавят, не совершают постыдных поступков. Один раз лишь он заколебался, прав ли в своем отношении к детям, это когда дочь стала отвечать на назойливые ухаживания Михаила Бобрикова. Конечно, он, Вадим Федорович, знал об их встречах, болезненно переживал за Олю, но предостеречь ее не решился, лишь откровенно поговорил с Андреем, чтобы тот не дал в обиду сестру. Вадим Федорович и секунды не сомневался, что Бобриков затеял свои ухаживания за Олей лишь для того, чтобы отомстить ему, Казакову, за фельетон, написанный много лет назад, где начальник станции техобслуживания был выведен в неприглядном виде. Вообще-то после подобных выступлений в печати руководителей типа Бобрикова снимают с работы, но тот удержался. Тогда были другие времена, и у Михаила Ильича нашлись могущественные защитники. Помнится, у Вадима Федоровича даже возникли трудности на киностудии, где работал приятель Бобрикова – Александр Семенович Беззубов...

Да, он верил в благоразумие дочери. И кажется, не ошиб-

ся: Оля сама раскусила Бобрикова. А если бы вмешался он, Вадим Федорович, то могло бы все произойти наоборот. Оля – девочка гордая и своевольная. А уж если она сама ничего не сказала отцу, то не стоило и ему лезть ей в душу. Надо сказать, что и дочь и сын чужды сентиментальности, удивительно, что сегодня Андрей вдруг так раскрылся... Обычно он держит свои чувства при себе. Очевидно, поездка в Афганистан сильно потрясла Андрея! И самое странное, что после всех испытаний, выпавших на его долю, он сам стал мягче, человечнее... Часами таскает грудного младенца на руках, подолгу рассматривает его, будто не верит, что дал жизнь маленькому человечку. И лицо у него в такие моменты просветленное, в глазах – нежность. И самое главное – с Марией у них все хорошо. В общем-то сдержанный Андрей нашел заботливую, ласковую жену, которая в нем души не чает. Не повезло с женщинами Вадиму Федоровичу, может, повезет сыну...

Несколько раз к ним на улицу Чайковского приходил Глеб Андреев. Сначала он держался несколько замкнуто, честно признался, что не читал ни одной книги Казакова, когда Оля сказала ему, что ее отец – писатель. Его гораздо больше занимали разговоры с Андреем. Кстати, они даже были похожи: оба высокие, широкоплечие. У Глеба глаза были светлые, а движения более резкие, чем у Андрея. Оба любили футбол и хоккей. Оля, расставляя на столе чашки для чая, бросала на своего знакомого испытующие взгляды, отчего Вадим Федо-

рович сделал вывод, что она все еще не определила своего отношения к этому парню. Когда в разговоре коснулись последних достижений в науке и технике, Глеб вдруг заговорил горячо, увлеченно, проявив большую эрудицию и знание затронутой темы. Казаков с удовольствием слушал его, он любил увлеченных людей. Глеб мало рассказывал о своей работе в НИИ, упомянул лишь, что его область исследований – радиолокация. Казаков сразу представил себе, как эти большие сильные руки, привычные к боксерским перчаткам, держат маленький паяльник или, вооруженные рейсфедером, выводят за чертежной доской тонкие линии на ватмане...

Когда Глеб ушел, Оля в ответ на красноречивый взгляд брата ответила:

– Теперь инженеры у современных девушек не котируются... Герои нашего времени – это продавцы, бармены, деляги.

– Только приведи хоть одного обдиралу в дом! – пригрозил брат.

– Ася Цветкова утверждает, что ее спекулянт – очень даже умный парень, – невозмутимо продолжала Оля. – А какие ей подарки делает! Запросто преподнес наимоднейшие вельветовые джинсы «Монтана».

– А ты ей завидуешь? – подковырнул Андрей.

– Я, наверное, несовременная девушка, – улыбнулась Оля.

Вадиму Федоровичу интересно было слушать их пикиров-

ку: каждый старался, чтобы последнее слово осталось за ним. Сам он редко вступал в их споры, по привычке старался не навязывать им своего мнения.

... Лежать на траве и смотреть на облака никогда не надоедает, так же как смотреть на воду или огонь. Постепенно человек начинает отрешаться от повседневной суеты и чувствует себя частицей этой самой природы. Каждый знает, как приятно поваляться в чистом поле на траве, посмотреть на облака, послушать шепот ветра, а часто ли выпадает современному человеку такая возможность? Городской темп жизни навязывает свой железный ритм, и, лишь глядя вечером программу «Время», когда передают прогноз погоды, вдруг вспомнишь, что кроме каменных зданий, заводов и фабрик, трамваев, троллейбусов, тысяч и тысяч машин существуют деревья, трава, синие озера, птицы и разные зверюшки... И тогда накатится на горожанина неодолимая тоска по всему этому. И, укладываясь спать, он дает себе слово летом весь отпуск провести на лоне природы. Полежать на лужайке и посмотреть на синее небо с белыми облаками...

Лежа рядом с сыном на траве, Вадим Федорович думал о том, что ему повезло с детьми: и Оля, и Андрей почти не доставили ему сильных огорчений, не было между ними непонимания, того самого придуманного кем-то конфликта между отцами и детьми. Часто от стариков-ветеранов он слышал, что нынешнее поколение избаловано легкой, обеспеченной жизнью, не знает трудностей, которые довелось пережить их

дедам, а отсюда потребительские настроения, вещизм, мешанство... Старики не верили, что молодые люди способны на все те самопожертвования, военный и трудовой героизм, которые были свойственны их поколению... На самом деле все это не так. Нынешнее поколение счастливее прошлых, но случись беда, напади враг на нашу страну – молодые люди так же, как их деды и прадеды, встанут в строй и будут до последней капли крови защищать Родину. Интернациональная помощь революционному Афганистану доказала это... Андрей рисковал там жизнью ничуть не меньше, чем он, Вадим Федорович, в годы Великой Отечественной войны. И вернулся с боевым орденом на груди. Есть, конечно, среди молодежи и накипь – это любители легкой жизни, спекулянты, деляги... Но разве в те суровые годы не было таких? Были и откровенные враги Советской власти, трусы, предатели, провокаторы. Из их числа гитлеровцы вербовали полицаев, шпионов...

И снова перед глазами возникло лицо Игоря Найденова, которого последний раз он видел в Мюнхене. Тогда он был самоуверен, насмешлив, смотрел на земляка свысока: дескать, он живет в свободном мире, а тот влачит жалкое существование за «железным занавесом». Что же побудило его помочь Андрею? Бежать с риском для жизни от этого самого «западного рая»? Выходит, Найденов разочаровался в той, чуждой русскому человеку, жизни, где царит закон джунглей и властвует доллар?..

Как писателя, Вадима Федоровича не столько удивила встреча Андрея с Найденовым – в жизни случаются такие неожиданности, которые и самый изощренный писательский ум не придумает! – поразила перемена, произошедшая с Найденовым... Неужели он понял, что напрасно прожил жизнь вдали от родного дома, Родины? Понял и пошел даже на смерть, лишь бы вернуться назад? Казаков, еще работая в АПН, не раз встречался с людьми, покинувшими Родину ради хваленной жизни за рубежом. Разочаровавшись в «западном рае», они осаждали советские посольства, умоляя дать им разрешение вернуться назад... Ладно, эти люди ссылались, что их обманули, наобещали золотые горы, а вместо этого они столкнулись с бесправием, нищетой, безработицей. А Игорь Иванович Найденов? Он был убежденный враг, ненавидел советский строй, верой и правдой служил новым хозяевам, что же перевернулось в его душе? В какой момент он разочаровался в своей сознательно выбранной новой жизни?.. Об этом можно было только догадываться. Может, Андрей сумеет разобраться в психологии Найденова? Ведь провел с ним на допросах не один день...

– Садись ты за руль, – сказал сын, когда они вернулись к машине.

Облака уплыли в голубую даль, небо стало прозрачно-зеленым, шоссе то вздымалось на Валдайской возвышенности, то под крутым углом устремлялось в лощины. Солнце переместилось вправо и больше не слепило глаза.

– Кажется, вот только сейчас я начинаю приходить в себя после всего, что было... – с улыбкой произнес сын, глядя на дорогу.

– Андреевка и меня не раз излечивала от всяких бед, – ответил отец.

3

Николай Евгеньевич Луков вышел из подъезда издательства на шумный проспект, прижимая незастегнутый портфель к боку. Ручка щекотала под мышкой, но ему и в голову не приходило взять портфель в руку. Мысли Лукова были заняты другим: как могло случиться, что вся его годичная работа над монографией полетела коту под хвост? Разве он, Макиавелли, как его в шутку звали знакомые, не держал нос по ветру? А ведь Вячеслав Ильич Шубин был в «обойме»... Его частенько поминали в печати и другие критики, не только Луков. Прошел даже слух, что Шубина скоро выдвинут на Государственную премию... и вдруг такой удар! Черт с ним, с Шубиным, честно говоря, Николай Евгеньевич никогда не был о нем высокого мнения, – ведь для того, чтобы взяться за монографию, ему пришлось прочитать все, что написал прозаик. Да, он шел след в след за известными «деревенщиками», да, он подражал Вячеславу Шишкову, да, у него не было своего голоса, но зато Шубин был заметным человеком в Союзе писателей. Его издавали и переиздавали,

недавно вышел его двухтомник, правда, библиотекари жаловались, что книги так новенькие и стоят на полках... Но разве мало книг прославленных критикой писателей стоит на полках? Современному читателю теперь трудно угодить. То, что ему рекомендуешь, он обходит стороной, а то, что ругаешь, рвут друг у друга из рук...

Началось все с последнего отчетно-выборного собрания литераторов столицы. Шубин по секрету сказал Лукову, что его на этом собрании должны выдвинуть на руководящую должность. Монографию о Шубине Николай Евгеньевич сдал в издательство два месяца назад. Вячеслав Ильич, конечно, позаботился, чтобы книга о нем попала в план и вышла в конце 1985 года. Позаботился и о том, чтобы рукопись Лукова ушла на рецензирование к верным людям... В общем, все шло как по нотам. В издательстве, правда, поморщились, когда год назад Луков подал заявку на десятилистную книгу о Шубине, но возражать не стали – и тут Шубин с кем надо провел соответствующую работу. Чем Вячеслав Ильич хуже других, о которых уже написаны монографии? Член приемной комиссии, член редсовета этого же самого издательства. Как говорится, кандидатура со всех сторон благополучная. И вот на собрании вдруг на трибуну стали подниматься молодые писатели и обвинять Шубина в том, что он всеми правдами и неправдами протаскивал в члены Союза писателей бездарей, как правило, детей влиятельных литераторов, больше верил их рекомендациям, чем книгам,

написанным вступающими в Союз писателей... А потом договорились до того, что и самого Шубина называли серым писателем, который, используя служебное положение, всячески проталкивал свои книги в издательские планы, организовывал на них положительные рецензии в печати, и вообще Вячеслав Ильич Шубин пятнадцать лет дурачил литературную общественность...

Короче говоря, Шубина не только не выбрали в руководящие органы, но и освободили от занимаемых должностей. Это было что-то новое, на веку Николая Евгеньевича Лукова еще ни одного литератора с именем не подвергали столь суровой и резкой критике! Досталось и еще нескольким из «обоймы», но не так крепко, как Шубину.

А через несколько дней позвонили из издательства и попросили зайти. Луков бросился к Шубину, но того в Москве не оказалось, жена сказала, что он собрал чемодан и, даже родным не сказав, куда собрался, укатил на поезде... Скорее всего, к себе на родину. Чувствуя недоброе, Николай Евгеньевич с трепетом переступил порог главного редактора. Тот без лишних слов вернул ему рукопись и сказал, что после критики, которой подвергся на собрании Шубин, ни о какой монографии о его творчестве не может быть и речи.

И вот Николай Евгеньевич, прижимая тяжелый портфель к боку, шагал по оживленному проспекту, ничего не видя вокруг. Солнце нежно гладило отраженными от витрин лучами лица прохожих, на скамейках зеленого бульвара сиде-

ли парочки, какой-то резвый малыш катался на велосипеде. Светлые кудряшки нимбом светились вокруг его счастливой розовой мордашки. Молодая мать с хозяйственной сумкой на коленях зорко следила за ним. В руке у нее белый пакетик с мороженым.

Заметив свободную скамейку, Николай Евгеньевич присел. Портфель со стуком шлепнулся на землю, из него до половины выскочила папка с надписью от руки: «Николай Луков. „Вячеслав Шубин“». Десять авторских листов коту под хвост! Другого сравнения Лукову не приходило в голову. Именно коту под хвост! Кто теперь напечатает монографию? Скандальная история с Шубиным вмиг облетела все издательства.

Лопнула как мыльный пузырь мечта Лукова вступить в Союз писателей! А он уже развонил своим коллегам по институту, что скоро уйдет на вольные хлеба... Поднимется ли снова когда-нибудь Вячеслав Шубин? Вряд ли. На собрании прямо в глаза ему сказали, что он оказался «голым королем». Влиятельные дружки попытались было его выручить, но их голоса потонули в общем гуле протеста. Значит, надежды опубликовать книгу о Шубине нет. «Голым королем» оставаться Вячеславу Ильичу теперь до самой смерти... Как критик, Луков это прекрасно знал. Какие-то новые веяния появились в среде литераторов. Раньше не было такого, чтобы влиятельного писателя, поддерживаемого секретариатом, провалили с таким треском.

Новые веяния... Они ощущаются во всем. В ЦДЛ, где раньше напрапалую гуляли московские и приезжие писатели, теперь тихо, спокойно, не слышно звона стаканов, пьяных криков, никто не бьет себя кулаком в грудь и не кричит: «А кто ты такой? Я тебя не знаю, а я – такой-то! Меня все знают!» Никто не бросается с пьяными поцелуями к знакомым и незнакомым. Никто не кричит, что он гений, а остальные – дерьмо! И надо признать, в Доме литераторов стало лучше, если так можно сказать, чище, порядочнее. Теперь без опасения, что тебе помешают, можно встретиться в ресторане с приятелем и вкусно пообедать, потом пойти наверх в кинозал и посмотреть новый фильм. На творческих секциях стало больше народа, а ведь раньше иные молодые сидели в ресторане и глушили водку. Ничего этого не стало...

Будто отвечая мыслям Лукова, на скамейку рядом опустились два небритых мужчины в помятых костюмах. У обоих в глазах зеленая тоска. Не обращая внимания на Николая Евгеньевича, они заговорили о своем.

П е р в ы й (*с черными усиками*). Даже пива нет, мать твою...

В т о р о й (*с часами электронными, на которые он по-минутно смотрел*). Башка трещит, во рту будто кошка ночевала...

П е р в ы й. Теперь, Вася, надо загодя думать о похмелке! Брать лишнюю бутылку и прятать в укромном уголке.

В т о р о й. Разве утерпишь? И спрятанную на дне моря

найдешь, когда душа горит.

П е р в ы й. А теперь вот мучаемся... Когда откроют?

В т о р о й (*бросив взгляд на часы*). Через два часа тридцать шесть минут десять секунд.

П е р в ы й. Завязывать надо, Вася! Какая теперь жизнь алкоголику. Переберешь – могут прихватить на улице и в вытрезвитель. Душа запросит, а магазин на замке. Говорят, пиво будут безалкогольное выпускать. Куда катимся, Вася?

В т о р о й. Я раньше филателистом был...

П е р в ы й. Кем-кем?

В т о р о й. Марки собирал, в альбомы клеил. Знаешь, были такие, которые больше сотни стоили... Как начал закладывать, все спустил! Даже сыну не осталось ни одного альбома, а он у меня тоже филателист. Может, снова марками заняться? Бегал по магазинам, знакомых было полно, я те скажу, интересное дело – марки собирать! У меня среди знакомых были доктора наук, писатели, один даже начальник главка. Встретимся, разложим марки, смотрим в лупу и разговариваем на разные темы, не то что мы с тобой – или о бутылке, или о бабах... От меня ведь жена ушла, да ты знаешь...

П е р в ы й. Я свою тоже с год не видел... Как начали нас... прижимать, позвонила – она живет у матери, – мол, бросишь, может, вернусь...

От этих разговоров на Лукова еще большая тоска навалилась, он поднялся, взял портфель и пошел дальше. Кра-

ем глаза заметил, с каким интересом ощупывали взглядом его портфель два пьянчужки. Лучше бы там лежала бутылка, чем отвергнутая рукопись... Кстати, сейчас он бы с удовольствием выпил сто граммов, да где их возьмешь?..

У метро «Новослободская» на него налетел Виктор Викторович Маляров. Он уже несколько лет как переехал из Ленинграда в Москву. Толстый, всегда улыбающийся Маляров оттеснил его выпяченным брюхом к белой колоннаде и с ходу стал выкладывать последние новости:

– Слышал, как на собрании с треском прокатили Шубина? Корчил из себя классика, а оказался полным графоманом! А что писали о нем? «Гордость нашей советской литературы! Продолжатель славных традиций Вячеслава Шишкова!» А он не продолжал, а просто-напросто подражал, причем неудачно.

– Не такой уж он плохой писатель... – вяло защищал Шубина Луков.

– Доберемся и до других! – не слушая его, тараторил Маляров. – А то, понимаешь, зажрались!

– Сидели они годами в журналах и будут сидеть, – прервал его Николай Евгеньевич.

– Никто не верил, что с пьянством можно справиться, а вон гляди, как за это дело взялись! Возьмутся и за наших вельмож! Я твоему Монастырскому два письма написал, так он даже не ответил, а когда прихватил его на собрании и стал говорить, что мою новую повесть в отделе прозы зажали, он

вытарашил глаза и сказал, что никто ему никаких писем не показывал, а про повесть он слышит впервые... Хорош главный редактор, которому писем на его имя не показывают!

– Чего ты радуешься-то? – осадил Малярова Луков. – Ну, допустим, снимут этих, назначат других... Думаешь, будет лучше?

– Хуже того, что есть, уже не может быть, – засмеялся Виктор Викторович.

У Лукова своих неприятностей было невпроворот, чтобы еще выслушивать сетования Малярова. Он сунул ему потную ладонь, пробормотал, что спешит по важному делу, и всверлился в толпу, выходящую из метро.

– Я тебе еще не рассказал про... – донеслось ему вслед.

Луков даже не обернулся, он совсем не разделял оптимизма Малярова. Этот насмешливый толстяк не так давно в Москве, ему не понять, что у старожилов здесь сложились крепкие, тесные связи друг с другом и нарушать их чревато опасностями для многих. Что выиграет он, Луков, если уйдет в отставку Монастырский? В отделе критики он сейчас свой человек – два листа из книги о Шубине дали ему напечатать в журнале. Можно сказать, он, Луков, штатный критик в этом журнале, а придет новый редактор – как оно еще все повернется? Говорят же, новая метла по-новому и метет... Если пошатнутся возведенные критикой на Олимп авторитеты и в прах рассыплются «обоймы» известных имен, то что делать критикам? Вряд ли кто захочет публично при-

знать, что многие годы заблуждался и пел дифирамбы литературному начальству... Это значит громко заявить о своей близорукости, тенденциозности и вообще непрофессионализме? Не сможет же он, Луков, сказать, что писатель, которого он столько лет хвалил, – бездарность? И в такое положение попадет не он один, а многие критики...

Девушка с сумкой через плечо задела его локтем, обернулась и с улыбкой извинилась. Николай Евгеньевич, погруженный в мрачные мысли, не ответил, лишь немного позже до него дошло, что незнакомка разительно похожа на тоненькую, стройную Зину Иванову... После ночного звонка Николай Евгеньевич написал ей длинное письмо, но ответа не получил... В одной из последних статей, опубликованных в журнале Монастырского, Луков снова обрушился на Казакова, однако на этот раз никто не обратил внимания на его статью. Даже коллеги. В глубине души Николай Евгеньевич знал почему: ничего нового он уже сказать не мог. Снова хвалил хваленых, ругал обруганного им же писателя. А если тебе не верят, то перестают тебя и читать. Жестоким закон литературы!

Солнечный луч ударил в глаза, заставил зажмуриться. На лицах встречных заиграли улыбки: хорошая погода всегда действует умиротворяюще на горожан. Но Луков не улыбался, его раздражали резкий солнечный свет, блеск лобовых стекол автомашин, сверкание витрин и даже улыбки одетых по-летнему девушек. На душе Николая Евгеньевича было

пасмурно.

Глава одиннадцатая

1

Жанна Александрова, услышав звонок в дверь, открыла, даже не спросив, кто там, – перед ней стояла молодая милостивая женщина в синих вельветовых брюках и светлой блузке. На ногах модные босоножки, в руках вместительная сумка с надписью: «Адидас».

– Здравствуйте, Жанна Найденова, – сказала женщина. Хотя она произнесла эту фразу чисто по-русски, все-таки ощущался легкий акцент.

– Найденова... – повторила Жанна. – Я уже давно Александрова. Здравствуйте, я вас, кажется, узнала: вы как-то летом мне передали письмо от... Найденова?

– А теперь мне поручили передать вам небольшую посылку, – сказала женщина. Улыбка у нее красивая, светлые глаза смотрят приветливо. Пепельные волосы спускаются на воротник блузки.

– Господи, что же я вас держу на пороге! – спохватилась Жанна. – Заходите, пожалуйста.

Женщина вошла в прихожую, огляделась и опустила сумку у вешалки рядом с тумбочкой, на которой стоял телефон. Когда Жанна провела ее в комнату, заметила:

– А у вас миленько... Вот только тесновато.

– Кофе будете или чай? – предложила Жанна.

– О, не хлопочите! Одну маленькую чашечку, и, если можно, не растворимого.

– Какой уж есть, – сказала Жанна. – Я ведь не дома, а в гостях.

Жанна с мужем и маленьким сынишкой с неделю как приехали к матери в Москву. У Ивана отпуск, а Жанна пока нигде не работала – нянчила годовалого сына. После десятилетки она поступила в медучилище, но так и не закончила его, взяла академический отпуск по беременности. Ей еще год учиться. Муж не возражал, чтобы она осталась в Москве с сыном и закончила медучилище. Она будет приезжать к нему на каникулы в военный городок, а он тоже постарается иногда вырваться в Москву.

Мать на работе, а Иван отправился в Третьяковскую галерею. Жанна не пошла с ним из-за Виктора. Она только его уложила спать, как раздался звонок незнакомки в дверь.

Они сидели за круглым полированным столом в светлой комнате и пили кофе. Себе Жанна налила в кружку с молоком, а госте – в маленькую чашечку черного. Гостья – она назвалась Маргарет – пила кофе без сахара, а Жанна положила в кружку две чайные ложки.

– Я догадываюсь, от кого посылка, – сказала Жанна. – Вы приехали из ФРГ?

Маргарет кивнула:

– У меня еще одно письмо вам от отца. – Маргарет встала из-за стола, принесла из прихожей сумку, достала из нее пакет в розовой обертке, за тесемки которого был засунут продолговатый конверт с размашистой надписью по-русски: «Жанне Найденовой». Молодая женщина вертела в руках твердый заграничный конверт, не решаясь распечатать. В том письме, которое вместе с фотографиями передала на улице в первый раз незнакомка, было всего несколько незначительных фраз: отец сообщал, что он жив-здоров, помнит свою горячо любимую дочь и желает ей всех благ...

– Я приехала в Москву на конференцию лингвистов, – заговорила Маргарет. – Она продлится неделю. Если вы захотите написать отцу, я передам. Я живу тоже в Мюнхене.

– Я в Москве уже второй год не живу, – покачала головой Жанна. – А все это... – она кивнула на посылку, – передал вам... – язык не повернулся сказать «отец», – Найденов?

– Меня попросила оказать эту любезность одна моя знакомая, – ответила Маргарет. – Она хорошо знает вашего отца.

– Отец... Пустой звук, – вздохнула Жанна. – Вы знаете, это слово не вызывает у меня никаких чувств. И я не уверена, что должна принять посылку.

– И вам неинтересно, что в ней? – с улыбкой взглянула на нее Маргарет. – Неужели вы равнодушны к подаркам?

– Вы очень хорошо говорите по-русски, – сказала Жанна.

– Я преподаю в частном колледже русскую и советскую литературу, – ответила Маргарет.

– Я даже не знаю, как мне поступить...

Женщина взглянула на часы и поднялась:

– Через час у меня семинар. Я успею отсюда добраться на метро до Ленинских гор?

– Успеете, – проводящая её до дверей, сказала Жанна. Посылка и письмо остались лежать на столе.

– Перед отъездом я к вам загляну, – проговорила Маргарет, поправляя в прихожей у зеркала прическу. В пепельных волосах ее сверкнула жемчугом красивая заколка.

– Вы даже не поинтересовались, не уеду ли я? – заметила Жанна.

Маргарет пристально посмотрела ей в глаза своими светлыми, с голубым отливом глазами и спросила:

– Разве вы собираетесь уезжать из Москвы?

Улыбнулась и закрыла за собой дверь. Слышно было, как простучали на лестничной площадке ее каблук.

Жанна решила до прихода мужа не дотрагиваться до письма и посылки. Она сходила в соседнюю комнату, долго смотрела на спящего сынишку. Он чмокал во сне сложенными в треугольник губами, смешно двигал крошечным носиком, тонкие льняные волосы завивались на голове колечками. Поправив одеяло, вернулась в комнату, стала тряпкой протирать пыль, но взгляд ее то и дело наталкивался на посылку и длинный сиреневый конверт. Он притягивал как магнит. Жанна взяла его в руки, посмотрела на свет.

Не выдержав, схватила ножницы, аккуратно отрезала

край конверта и извлекла оттуда тонкий голубоватый листок, будто шелковый на ощупь.

«Дорогая Жанна! Не удивляйся, что я тебе снова пишу. К старости люди становятся сентиментальными, как бы заново переосмысливают всю свою жизнь. И из этой жизни не выбросишь тебя – мою дочь, Катю-Катерину и родной дом. Не подумай, что я раскаиваюсь, нет, я сам выбрал себе такой путь, который меня устраивал. И о прошлом не жалею. Как это у Есенина?.. „Не жалею, не зову, не плачу, все пройдет, как с белых яблонь дым...“ Просто мне последнее время часто стала сниться ты – маленькая, глазастая, крикливая... Не помнишь, как я тебя подкидывал под потолок, а ты визжала и просила еще и еще?

Думаю, что тебе не помешало бы посмотреть Европу. Если захочешь приехать в Мюнхен, я пошлю тебе вызов. Поверь, для меня было бы счастьем увидеть тебя. Наверное, у меня уже появились внуки? Пришли хотя бы свою фотокарточку. Можешь письмо послать и по почте, но лучше будет, если передашь его через Маргарет. Напиши, что тебе прислать. Джинсы, сапоги, дубленку? У нас этого добра навалом...

Жанна, я понимаю, что ты не испытываешь ко мне никаких чувств, но ты уже взрослая девушка и должна понимать, что иногда жизнь выкидывает с человеком такие шутки, которые ни в одном занимательном романе не встретишь! Хочу надеяться, что ты выросла умницей и не будешь меня очень

уж строго судить. Кроме тебя, у меня в этой жизни не осталось ни одного по-настоящему близкого человека. Неужели и ты отвернешься от меня?.. Целую, твой отец». Размашистая подпись с завитушкой на конце.

Жанна, наморщив белый лоб, задумчиво смотрела в окно. Ветер шевелил в раскрытой форточке капроновую занавеску, два сизых голубя толклись на буром карнизе, заглядывая круглыми, глупыми глазами в комнату. Наверное, мать их подкармливает крошками... От письма веяло грустью; по-видимому, отец – одинокий человек, если после стольких лет вспомнил про дочь. Жалко ли ей отца? Она и сама не знала. Мать рассказывала, что он поехал на теплоходе в круиз по Средиземному морю и больше на Родину не вернулся.

Прочитав письмо, не было смысла не открывать посылку. В ней были завернуты пара новеньких фирменных джинсов, куртка, портативный стереомагнитофон с наушниками и косметический набор в красивой, с вензелем, коробке. Запах косметики пропитал все вещи, и они пахли необычно, волнующе. Жанна перебирала их, даже понюхала. В кармашке куртки что-то зашелестело – это была пожелтевшая фотография шесть на шесть, где был снят высокий симпатичный мужчина в модном костюме «сафари».

Долго, не отрываясь, смотрела молодая женщина на человека, который был ее отцом. Почему был? Он и есть ее отец. Они даже немного похожи, есть что-то общее в разрезе глаз, посадке головы. Да и сын Витя похож на нее, ма-

ленькую Жанну. Что же такое получается? Два близких человека – Витя и муж Иван – самые родные люди для нее. И мать, конечно. А вот давший ей жизнь человек – Игорь Иванович Найденов – совершенно чужой. Что же самое главное в нашей жизни? Девчонкой она была влюблена в Роберта, не мыслила себе жизни без него, а когда он сбежал, то перестал для нее существовать. А потом появился Иван. Муж любит Витю и считает его своим родным сыном. Значит, дороги нам те люди, которые окружают нас, любят, живут рядом и готовы все для тебя сделать. Иван – внимательный, нежный муж. За все прожитые вместе в военном городке месяцы они ни разу серьезно не поссорились. Былая любовь к Роберту по сравнению с ее глубоким чувством к Ивану кажется детским увлечением. Она даже не знает, где сейчас Роберт, что с ним. Ей как-то это безразлично. У нее есть Иван, и в ее мире нет сейчас человека ближе и дороже его. Смешно было бы, если бы вдруг объявился Роберт и стал предъявлять требования к ее сыну! Как случайно возникает жизнь на земле! Вдруг неожиданно рождается ребенок! А родившись, уверенно входит в жизнь и занимает в ней свое место, как и в сердце родителей.

Что должна чувствовать дочь, получив весточку от отца, который много лет назад бросил семью на произвол судьбы? Не просто ушел к другой женщине, а предал Родину. И что для нее эти подарки? Надо было, не разворачивая, вернуть пакет Маргарет. Впрочем, она обещала зайти, вот тогда Жан-

на и отдаст ей отцовские подарки. Раз она ничего не чувствует к нему, не нужно их и брать. Или они там, на Западе, думают, что все у нас падки на заграничные вещи? Может, и есть такие, но она, Жанна, не возьмет эти вещи...

Зазвонил телефон. Жанна подняла трубку и услышала голос Маргарет:

– У меня еще до начала лекции пятнадцать минут... У вас поезда в метро ходят быстро... Вот что я подумала, Жанна: не говорите никому про нашу встречу и посылку. Может быть, кому-нибудь и не понравится, что вас разыскал отец.

– Мне не нужны эти вещи, – растерянно произнесла Жанна. – Я вам их верну.

– Вы, русские, так всего боитесь, что я и не надеялась, что вы развернете пакет, – рассмеялась Маргарет. – А вдруг там бомба? – И повесила трубку.

Жанна сложила подарки и снова упаковала в глянцевую бумагу, туда же сунула и конверт. На кухне она приготовила салат, который любил Иван. Поставила на газовую плиту варить курицу. Помыла в раковине чашки, ложки, потом сходила в комнату и взглянула на сына. Тот сладко спал, щеки его порозовели, ртом он пускал маленькие пузыри.

Часы показывали половину первого; наверное, после двух придет муж. Конечно, она ему обо всем расскажет... Иван, конечно же, заставит вернуть посылку иностранке... Глаза молодой женщины то и дело останавливались на пакете. Не выдержав, она снова развернула его. Перебирала, гладила ве-

щи, внимательно разглядывала этикетки. Вещи были приятны даже на ощупь. Такую куртку она видела на очень модной женщине, повстречавшейся ей на улице Горького. Жанна примерила куртку, потом джинсы. Куртка в самый раз, а джинсы великоваты, но это потому, что после родов она сильно похудела. Все платья ей стали велики. Когда наберет свой прежний вес, джинсы будут как влитые. Вертясь перед трельяжем, Жанна подумала, что жалко будет отдавать эти прекрасные вещи Маргарет. У них там всего полно, а у нас за такой курткой нужно побегать по комиссионкам, да и стоит о-ё-ёй!

А нужно ли вообще о визите Маргарет рассказывать мужу? Он только расстроится. Ведь Иван через три дня улетает в свой авиационный полк, и увидятся они лишь через несколько месяцев. Впервые они так надолго расстанутся, но Ваня понимает, что Жанне необходимо закончить медучилище и получить диплом медицинской сестры. Тогда она будет работать в санчасти летного городка. Главный врач пообещал сразу зачислить ее в штат, когда она вернется. Да ей и самой надоело сидеть в двухкомнатной квартире, готовить мужу обеды, стирать, с утра до вечера возиться с Витей. Однообразная жизнь отупляет. Первые месяцы после рождения сына у нее не было времени даже книжку почитать. Иван помогал ей, но не будет ведь он каждый день стирать пеленки и катать сына по улице в коляске? У него работа тоже нервная. Иногда по целым суткам не бывает дома. В под-

чинении у мужа столько молодых летчиков-истребителей, да и сам он не пропускает ни одного вылета. Жанна привыкла к шуму реактивных самолетов над головой – аэродром был не так уж далеко от городка, – ночным вызовам мужа, тревогам, воздушным учениям. Никто в городке не удивился, что Александров привез из Андреевки беременную жену. И они с мужем договорились никому не говорить, что Витя не его сын...

Услышав, как стукнул лифт, Жанна проворно завернула вещи в бумагу и сунула в шифоньер. И только тут увидела на кресле маленький стереомагнитофон с наушниками. Вспомнила, что муж восхищался таким: дескать, можно носить в кармане, а звучит, как настоящий большой стереомагнитофон, правда, для этого нужно надеть наушники. Жанна в подобной технике не разбиралась, не знала даже, как нужно его включать... Магнитофон она перед самым отъездом подарит мужу – вот обрадуется! Да, а что она ему скажет? Скажет, что мать дала ей денег на покупку кольца с камнем, а она решила сделать мужу подарок...

Жанне стало неприятно от одной мысли, что придется лгать мужу. Лгать она не любила, как и Иван. Но иначе он ни за что не примет ее подарок, уж она-то знает своего мужа!..

Александров возвратился в половине третьего. Он был возбужден и прямо с порога стал с восхищением рассказывать о своих впечатлениях от Третьяковской галереи. Сказал, что, наверное, с полчаса стоял перед гигантской карти-

ной Александра Иванова «Явление Христа народу». И самое удивительное – в толпе верующих обнаружил полуголого человека, паразитально похожего на его отца...

Жанна с улыбкой накрывала на стол в большой комнате. Проснулся Виктор, отец взял его на руки, а потом опустил на паркетный пол. Сын, смешно переставляя толстые ножки, засеменял к матери. Он совсем недавно научился ходить. И научил его Иван. Когда Виктор впервые в жизни сделал несколько шагов и шлепнулся на пол, Иван рассмеялся и сказал:

– Я тебя научил ходить, я тебя научу и летать, Витек!

Жанна ничего не сказала мужу про неожиданный приход Маргарет и подарки от отца.

2

Вадим Федорович шагал по наезженной велосипедистами тропинке вдоль железнодорожных путей. По обеим сторонам высокой насыпи тянулись сосны, вершины их купались в золотистом багрянце угасающего дня. В этот предвечерний час всегда было тихо, лишь редкие птички трели доносились из кустарника, подступившего к вырубкам. Солнце еще тяжело висело над соснами, оно утратило свой ослепительно желтый цвет, стало больше и побагровело. Редкие облака излучали все цвета радуги, а само небо было светло-зеленым, с широкой багровой полосой в том месте, куда собиралось

зайти солнце.

Недалеко от висячего железнодорожного моста через Лысую Казаков вдруг увидел на опушке лисицу – она неторопливо трусила к речке. Гладкий красноватый мех ее блестел, острая мордочка со стоячими ушами будто хитро улыбалась. Лиса наверняка его заметила, но делала вид, что не обращает внимания. Пушистый хвост ее равномерно отклонялся то в одну сторону, то в другую. Вадим Федорович, замерев, смотрел на рыжую красавицу. И, будто зная, что человек на путях ничего ей худого не сделает, лисица нырнула в камыши, грациозно переплыла неширокую речушку и, выйдя на другой берег, внимательно посмотрела на человека. А потом произошло нечто загадочное: хищница только что стояла на берегу и вдруг исчезла, будто растворилась в воздухе. И самое удивительное – вблизи не было ни кустарника, ни камыша.

Вадим Федорович улыбнулся: впервые он увидел здесь лисицу, хотя много лет подряд совершает вечернюю прогулку по этому маршруту. Зайца видел, ласку, ужей, а вот лисицу встречать не доводилось! Недавно в Андреевке умер последний охотник Корнилов. Он уже лет десять не охотился, сидя на завалинке у своего высокого дома, рассказывал внукам охотничьи байки. Не стало охотников, и зверье появилось. Федор Федорович Казаков рассказывал, что видел в лесу у Утинога озера медведя, а лосей встречал несколько раз, однажды даже лосиху с двумя лосятами.

Чтобы не возвращаться домой знакомым путем, Вадим

Федорович спустился у моста вниз и вышел на большой зеленый луг с редкими могучими красавицами соснами. Он называл этот луг альпийским. Почему-то воображение рисовало времена Робина Гуда, братьев-разбойников, пировавших под сенью таких же могучих деревьев в глубокой древности... Осенью здесь прямо в траве растут крепкие боровички. Миновав луг, он вышел на дорогу. Слева серебристо блеснули сооружения газораспределительной станции, а метров через четыреста показался аккуратный двухквартирный типовой дом, где жили работники станции. Зря вот только низкий приземистый дом оштукатурили. Здесь, в бору, лучше было бы ему быть деревянным. Вокруг дома невысокий забор, посажены фруктовые деревья, разбиты грядки с овощами. Под огромной сосной сооружен зацементированный колодец с навесом. А людей не видно. На окнах занавески. Лишь развалившийся на тропинке коричневый пес да спящая на крыльце кошка свидетельствовали о том, что дом обитаем. Кошка даже глаз не открыла, когда Казаков проходил мимо, а пес приподнял тяжелую голову с висячими ушами, хотел гавкнуть, но вместо этого сладко, с протяжным стоном зевнул, показав великолепные белые клыки и длинный розовый язык.

Бор кончился, и теперь до самого переезда будет ольшаник. Андреевка разрослась, а вот за всю часовую прогулку Казаков не встретил на своем пути ни одного человека. Вот в огородах и во дворах домов можно увидеть мужчин и жен-

щин, занимающихся хозяйством. Вспомнился недавний разговор за столом, накрытым для чая. Вадим Федорович уже попил и улегся с книжкой в комнате, а на кухне вели неторопливую беседу старики: Федор Федорович Казаков, Дерюгин и Самсон Павлович Моргулевич – давний приятель отца. О чем бы ни шла беседа, рано или поздно разговор начинался о борьбе с пьянством. Разные люди относились к этому по-разному: одни толковали, что это временная кампания, уже такое не раз бывало, другие горячо поддерживали меры, предпринимаемые партией и правительством по искоренению алкоголизма.

Моргулевич, очевидно по натуре скептик, не верил в то, что можно с этим злом покончить: сильно, мол, въелось пьянство в душу русского человека. Федор Федорович сразу же стал возражать: дескать, кампания кампании рознь. Что было толку бороться с пьянством, если водки и вина в магазинах навалом? А теперь? С утра уже не купишь на опохмелку, да и выбор ограничен. В посевную страду и уборочную в сельских магазинах вообще перестали продавать спиртное. Взялись и за самогонщиков! Показывали по телевизору, как милиция нагрянула в баньку, где бабка гнала самогон... Несмотря на преклонный возраст, бабуся привлекли к уголовной ответственности. А как женщины обрадовались новым законам и постановлениям! Что бы Моргулевич ни говорил, а пьянству на Руси объявлена война! И слава богу, давно нужно было взяться за это дело. Центральный

Комитет нашей партии теперь не отступит от этой всенародной правильной линии... Вообще надо бы объявить «сухой закон»...

– А в праздники рюмочку? – возражал Дерюгин. – Не все же пьяницы? Почему другие должны страдать?

– Страдают от пьянства, – горячился Казаков, – а без рюмочки можно прожить и в праздники.

– Я против крайностей, – не соглашался тот.

В Андреевке скоро стало меньше видно подвыпивших. Бывало, в пятницу вечером, в субботу и воскресенье любители спиртного толпятся и горланят у магазинов, располагаются в привокзальном сквере, а то и прямо под соснами на лужайке, напротив дома Абросимовых, а теперь их не слышно. Участковый с дружинниками самых настырных и неугомонных пьяниц как-то прямо из сквера погрузили на ПМГ и отвезли в Климово, где они отсидели за нарушение общественного порядка по десять суток. Перестали ошиваться алкаши и у общественной бани. Раньше там продавали и крепкие напитки, а теперь только лимонад и пиво.

Просмотрев программу «Время», где снова говорилось об усилении борьбы с пьянством, Григорий Елисеевич заметил:

– Пожалуй, покойный Борис Александров был последним неисправимым алкоголиком в Андреевке... Другого такого нет и, по-видимому, не предвидится. Ой-я, как за них взяли!

– Я слышал, в Климове на днях сняли с работы замести-

теля председателя райисполкома: он в рабочее время принимал на даче приезжих из области... Нагрянули из райкома и милиции с понятыми и всех в двадцать четыре часа уволили с ответственных постов и поставили вопрос об исключении из партии.

– Врут, – не согласился Дерюгин.

– Наш начальник станции вчера вынес бутылку водки из дома и при жене разбил о камень, – продолжал Федор Федорович. – «Все, – говорит, – покончил я навсегда с этой пакостью!» Он ведь тоже на ниточке висел. Пил не хуже Бориса Александрова, только закрывшись дома, чтобы люди не видели.

– Не понимаю я пьяниц, – заметил Григорий Елисеевич. – Жизнь, считай, прожил, а ни разу пьяным не был. Всякое было в войну, но никогда за рюмку не прятался от неприятностей. Могу в праздник выпить, но ведь не до одурения? Веришь ли, Федор Федорович, я ни разу в своей жизни не опохмелялся по утрам.

– Такого и со мной не случилось, – покивал Казаков. В этом вопросе у них всегда было полное единодушие.

– А возьми сын твой? Так хорошо шел по работе, дослужился до заместителя управляющего трестом, а водочка взяла и подкосила его – с треском вышибли с работы и дали строгача по партийной линии...

– Или ваш зять, – в тон ему подхватил Казаков. – Дважды по работе понижали, да вы и сами, помнится, в прошлом го-

ду писали на него в райком партии, что обижает жену – дочь вашу.

Григорий Елисеевич помрачнел: любя критиковать и подсмеиваться над другими, он не терпел насмешек над собой и своими близкими.

– У зятя такая работа, – стал он оправдывать его. – Сдача объекта – банкет, приемка нового дома – опять банкет.

– Теперь и этого не будет, – ввернул Казаков.

– И младший твой, Валера, мимо рта рюмку не пронесет, – продолжал Дерюгин. – Окончил институт, был инженером, а потом стал заглядывать в бутылку, связался с пьяницами, потом с любителями длинного рубля... И кто он теперь? Шабашник! А что и заработает – пропьет! И жена от него не сегодня завтра уйдет.

Григорий Елисеевич бил не в бровь, а в глаз: Федор Федорович и сам не мог взять в толк, почему пьют сыновья. Он никогда не злоупотреблял спиртным, Тоня в рот не брала, а оба сына пьющие! Толкуют про наследственность, гены, а и у непьющих родителей дети бывают алкоголиками.

Федор Федорович склоняется к тому, что вся пьянка – это от распушенности и вседозволенности. В войну люди мало пили, потому как знали, что для фронта нужно за двоих вкалывать, а с похмелья какой из тебя работник? Да и спрос на «гражданке» был строгий. А теперь? Пьют даже на работе, пьют вечером. Ручонки утром трясутся, во рту, как говорится, полк гусар ночевал, по работе идет сплошной брак. А ему

и горя мало: сойдет! Все одно продукция на складах годами лежит – никто не покупает. А начальство сделает так, что и за брак премию всем выпишут. Теперь без премии никто и работать не желает. Пусть план летит к чертям, а прибавку к зарплате – кровь из носу – дай! В обед уже бежит такой работник в ближайший магазин за бутылкой, а вечером на карачках приползает домой, где собачится с женой и устраивает на глазах детей дебош с мордобоем.

Пьющий человек теряет интерес ко всему, даже к жизни, единственная радость для него – это бутылка. Дом на глазах разваливается; если есть подсобное хозяйство, то оно приходит в запустение; дети неухоженные, учатся зачастую плохо, пропускают занятия, а нередко и сами начинают тянуться к рюмке. Ну а когда пьют муж и жена, тогда всему конец. В таких случаях вмешиваются советские организации: лишают пьющих родителей прав, определяют детей в интернат. Была семья – и нет семьи.

Вот мы хвалимся, что у нас в стране нет безработицы, но много ли толку на производстве от пьяниц, которые занимают рабочие места, а производят брак? Безработицы-то у нас действительно нет, а вот плохих, неквалифицированных работников хоть пруд пруди! Федор Федорович сам с такими горя хлебнул на железной дороге. С утра маются на работе, все у них из рук валится, чуть отвернись – уже в темном уголке бренчат стаканами и бутылками. Редкий руководитель предприятия решится уволить пьяницу по статье, а случает-

ся, и руководство принимает участие в коллективных мероприятиях, оканчивающихся всеобщей выпивкой. На это выискиваются немалые государственные средства, проходящие в бухгалтерских книгах по другим статьям. Как же руководителю бороться в своем коллективе с пьяницами, если все знают, что он и сам грешит выпивкой? Пусть даже якобы по долгу службы... Ведь приезжее начальство встречает и провожает не кто иной, как сам руководитель предприятия...

А теперь вот стало иначе. Люди будто очнулись с похмелья, оглянулись вокруг и схватились за головы: что же это такое? Сколько не сделано по хозяйству! Сколько кругом неполадок! Потянулись жители Андреевки в библиотеку, в клуб, стали требовать, чтобы из района приезжали с концертами артисты, оживилась и своя художественная самодеятельность.

Перемены, перемены... А вот личная жизнь Вадима Федоровича течет без перемен: по-прежнему он один, конечно если не считать работы, которая всегда с тобой! Удар, нанесенный Виолеттой Соболевой, оказался на редкость болезненным. Дело даже не в том, что он не мог забыть ее, — он тосковал по Настоящей Женщине. Думал о ней, мечтал, придумывал ее, а потом с отвращением, ненавидя себя самого, разрушал свой идеал. Наверное, женщины, как кошки опасность, чувствуют смятение в душе одинокого мужчины. Здесь, в Андреевке, Вадим Федорович встретился с Галей Прокошиной, той самой девчонкой, которую когда-то

зимой увидел в лесу на лыжах, помнится, она хотела прийти к нему за книжкой, но так тогда и не пришла... А он ждал ее, ждал несколько долгих вечеров. Из худенькой девушки Галя превратилась в полную круглолицую женщину с карими глазами, белозубой улыбкой. Она была замужем, родила дочь, а год тому назад развелась. Вернулась из Тулы, где жила с мужем, обратно в Андреевку. Жила в старом материнском доме, в котором и родилась. Мать ее и сестра умерли, дочь круглосуточно находилась в детском саду. У Гали была вечерняя работа – она снова крутила фильмы в кинобудке, – и с четырехлетней дочерью некому было оставаться.

Встретились они возле клуба – Вадим Федорович возвращался с обычной прогулки, – разговорились. Прокошина была не лишена былой привлекательности, но куда девалась ее стройная фигура? Почему некоторых женщин после первых родов так разносит? Впрочем, Галю ничуть не смущала ее излишняя полнота, она довольно легко носила свое отяжелевшее, но еще крепкое тело, часто весело смеялась, – казалось, семейная драма не наложила на нее свой горестный отпечаток. О муже коротко сказала, что он был пьяница, дрался и не любил дочь... И ничуть не жалеет, что разошлась с ним, да и Тула ей не понравилась, то ли дело Андреевка! Здесь и дышится легче, и могилы близких рядом. Во время разговора она то и дело бросала на Казакова пытливые взгляды, будто старалась что-то прочесть в его душе. И повидимому, прочла, потому что вдруг сама предложила зайти

к ней в понедельник вечером. В этот день в клубе выходной, она угостит Вадима Федоровича чаем с земляничным вареньем и покажет дочь Наденьку...

Вадим Федорович думал, что на столе будет стоять настоящий самовар, но Галя Прокошина наливала кипяток из электрического чайника, земляничное варенье было на славу – ароматное, с запахом летних трав. И Наденька понравилась Казакову: пухленькая, светлоглазая, с белыми выюющимися волосами. Смело забралась к нему на колени и стала макать палец в блюдце с вареньем и облизывать. Мать смотрела на все это с улыбкой.

– Не часто видимся, – сказала она. – Пусть побалуется.

Чай пили на кухне, за окном махали крыльями ночные бабочки, из репродуктора лилась знакомая мелодия. Наденька в такт стучала своей пухлой ножкой по его колену.

Немного позже пришла Зоя Александрова – напарница Прокошиной. Грубоватая, не очень-то приветливая, она кивнула Вадиму Федоровичу и, больше не обращая на него внимания, заговорила о брате Иване, у которого побывала в отпуске. Военный городок ей понравился, может, плюнет на Андреевку и махнет туда... Там в клубе требуется кинемеханик. И квартиру быстро дадут, впрочем, это не проблема, потому что можно у брата пожить, дело в том, что его жена Жанна с сыном остались в Москве, ей нужно медучилище закончить. У брата двухкомнатная квартира, хорошая мебель, цветной телевизор и холодильник «ЗИЛ»... Когда Галя на-

лила ей в высокую кружку чаю, Зоя, покосившись на Казакова, спросила:

– А нет чего-нибудь покрепче?

– Я же не знала, что ты придешь, – улыбнулась Галя. И бросила на Вадима Федоровича веселый взгляд.

Глядя на угловатую, широколицую Зою, Вадим Федорович заскучал. Наденька, измазав ему рубашку вареньем, соскользнула с колен и ушла в комнату. Судя по тому, как она посмотрела на подругу матери, та ей тоже не нравилась.

– Вот жизнь, – вздохнула Зоя, жуя шоколадную конфету, – выпить ни у кого нету. А у меня дома бутылка долго не держится...

Мужчины бросили пить, а эта, видно, все еще прикладывается! Лицо с краснинкой, маленькие глаза мутноватые. А когда Зоя закурила «беломорину», окутавшись вонючим дымом, Вадим Федорович, поблагодарив хозяйку за чай, поднялся с табуретки.

– Заходите, – взглянув ему в глаза, предложила Галя. – Завтра я освобожусь в половине одиннадцатого...

И в глазах ее, когда она приглашала, мелькнул теплый, призывный огонек. Крутобокая, белозубая, с блестящими глазами, Галя Прокошина нравилась ему. Руки у нее белые, полные, двигаются плавно – на это обратил внимание, когда она чай наливала.

Усевшись под вишней на скамейку, он уж в который раз задумался о своей жизни. После Виолетты у него никого не

было. Признаться, думал, что и не будет, но естественно ли мужчине, еще сильному и крепкому, как он, жить одному до самой смерти? Какие бы глубокие раны ни наносили ему женщины, проходило время, и раны зарубцовывались, боль исчезала, оставались лишь шрамы... Почему Виолетта редкий день не встает перед его глазами? А снится почти каждую ночь. Сколько раз он просыпался от ее прикосновения и долго прислушивался к ночной тьме, надеясь, как тогда зимой, вдруг и впрямь почувствовать ее рядом... Почему жизнь так обошлась именно с ним? Остаться одному на старости лет?... Наверное, женщины чувствуют в нем нечто такое, что останавливает их. Или просто боятся связать свою судьбу с ним? Только тут, в Андреевке, он оттаивает, вот Галя Прокошина своим бабьим сердцем и почувствовала его затаенную тоску по женщине. Живут ведь люди без любви, почему же он не может? Подавай ему, видишь ли, любовь! А если ее нет? Если женщины разучились любить? Да и только ли женщины? А мужчины? С женщиной можно переспать и без любви, но ведь это если не насилие над собой, то полное неуважение к женщине и себе самому. Переспали и разошлись, как будто ничего и не было, потом с другой, с третьей... Разве мало он знает мужчин, которые и считают это настоящей мужской жизнью. Быть свободным от любви. Это ведь проще и легче. Но куда деться от пустоты, которая остается в тебе после всех этих случайных связей? Нет, он, Вадим, не верит, что живущие так мужчины или женщины

счастливы. Они несчастны, хотя иногда и сами не догадываются об этом.

Вроде бы все сейчас в жизни Казакова нормально, но чувствует ли он себя счастливым? Где тот подъем, волнение, с которым он мчался в аэропорт, ждал, когда приземлится самолет и он увидит Виолетту? Да, у него осталась работа, но, наверное, этого для человека мало? С женой они разошлись, с Викой Савицкой отношения сами по себе прекратились, Виолетта ушла от него... Случайность это или закономерность? Может, виноват в том, что жизнь не устраивается, он, Вадим? Да нет, к женщине он относился с уважением, старался быть внимательным. Конечно, работа отнимала у него много времени и душевных сил, но к работе женщины редко ревнуют. Не случилось ли так, что, занятый мыслями о своей книге, он не давал женщине того, что ей необходимо, — душевного тепла, участия, наконец, нежности? О своей работе он с ними никогда не говорил, пожалуй, вообще он ни с кем не говорил о работе. Или дело не в нем, а в каких-то непостижимых изменениях, наступивших в отношениях современных мужчин и женщин? Об этом много пишут, но он, Вадим, никогда серьезно не относился к этим досужим измышлениям социологов и психологов. Но, как говорится, не бывает дыма без огня...

Ласточка наискосок перечеркнула подернувшееся синью небо и прилепилась к стене дома под самой крышей. Потрепетав крыльями, оторвалась от досок и улетела.

В дедовском доме Вадим Федорович сейчас живет один: Григорий Елисеевич уехал в Петрозаводск на неделю, а Федор Федорович лежит в Великополе в больнице. Ему сделали операцию. Вадим Федорович недавно ездил к отчиму, Федор Федорович был настроен оптимистически, толковал, что самые лучшие врачи – это хирурги, они лишнее отрезают, а нужное оставляют. Осунувшийся, с ввалившимися глазами, он шутил, спрашивал, не пошли ли в Андреевке грибы, сетовал, что сейчас самая пора колосовиков, а он тут валяется. Лечащий врач сказал, что у отчима открылось сильное кровотечение застарелой язвы двенадцатиперстной кишки, пришлось удалить три четверти желудка. Организм у него сильный, так что выкарабкается.

На ужин Вадим Федорович разогрел картошку с говядиной, чай. Часы на стене негромко тикали, слышно было, как на станции остановился поезд. В окна видна была огромная береза в огороде Широковых. Во дворе чисто, тропинка до самой калитки залита цементом. Лида, жена Ивана, кормила кур, обступивших ее. Женщина бросала им из алюминиевой миски корм. Белый, с высоким красным гребнем петух вертелся у самых ног, выхватывая куски. Из дома вышел Иван Широков, с минуту наблюдал за кормежкой, потом спустился с крыльца, подошел сзади к жене и обнял ее за талию. Лида повернула к нему улыбающееся круглое лицо, миска выпала из ее руки и, испугав шарахнувшихся в стороны кур, покатила по зацементированной дорожке. Иван нагнулся

и поцеловал жену...

«Счастливые... – с хорошей завистью подумал Вадим Федорович. – Долго ждал Иван своего счастья и вот дождался!»

Солнце уже село, летние сумерки постепенно спускались на поселок. На потемневшем небе одиноко сияла яркая звезда. Она всегда первой появлялась низко над бором, а потом, когда высыпали другие звезды, куда-то исчезала. Помыв посуду, Казаков взглянул на часы: пятнадцать минут одиннадцатого. Он видел, как из клуба прошли люди, значит, последний сеанс закончился. Видел, как мимо его окон прошли Галина Прокошина и Зоя Александрова. Напарница была выше Галины, походка у нее тяжелая, мужская, а круглая, полная Прокошина ступает легко, будто ноги ее чуть касаются земли.

В половине одиннадцатого Вадим Федорович набросил на плечи светлую куртку и вышел из дома. В том месте, куда зашло солнце, над соснами пылала узкая багровая полоска. Товарный состав медленно уходил со станции в сторону Климова. Из вокзальных окон падали на траву желтые прямоугольники света.

Никто ему не повстречался по дороге. В окнах голубовато мерцали экраны телевизоров. Покосившаяся калитка у дома Прокошиной была приоткрыта будто специально для него. В ее доме светилось лишь одно окно на кухне. Чувствуя какую-то непонятную робость, Казаков поднялся на крыльцо, дверь в сени не была заперта. Стоя в темноте, он вспоминал,

где дверь в комнату. Нашарив ручку, открыл дверь и прямо перед собой увидел Галю. Она была в короткой ночной рубашке и шлепанцах на босу ногу, полные руки молочно белели, а ложбинка между большими грудями была глубокой и темной. Длинные черные волосы распущены за спиной.

– Дверь на засов закрыл? – улыбаясь, спросила она. И голос у нее был будничным, будто он, Вадим, лишь на минуту вышел из дома и снова вернулся.

Приблизившись к нему, женщина закинула вверх руки, обхватила его за шею и, приподнявшись на цыпочки, властно поцеловала в губы. Запах молодой здоровой женщины обволокло его, он поднял ее на удивление легко и отнес на разобранную в другой комнате кровать, – еще только войдя сюда, он краем глаза увидел клетчатое одеяло и острый угол большой подушки.

Лежа рядом с ней на широкой кровати, он с ужасом прислушивался к себе: почему его не волнует эта женщина? Ведь когда она подошла и поцеловала, что-то всколыхнулось в нем, а вот теперь лежит рядом с ней как бревно.

– Ты мне нравился, когда я была еще девчонкой, – как сквозь сон, пробивался к нему ее горячий шепот. – Я несколько раз ночью перелезала через изгородь и бросала в твоё окно камешки... Ты слышал?

– Камешки? – переспросил он, чувствуя, как на лбу выступил холодный пот. – Какие камешки?

Она приподнялась и взглянула ему в глаза:

– Говорят, от тебя жена ушла? Не переживай ты, Вадим! Сейчас многие разводятся. Веришь, я своего мужа уже и в лицо не помню. Помню кулаки, белые глаза, а вот какое у него лицо... Да и не стоит мой забулдыга того, чтобы его помнить...

– Я все помню, – ответил он.

– Тяжко небось одному-то? – спрашивала она, глядя его теплой рукой по груди. В голубоватом сумраке проступало ее круглое лицо, белое плечо.

Он прижался к ней, поцеловал, но никакого волнения не почувствовал. Рядом с ним лежала совсем чужая женщина, даже ее прикосновения не трогали его. Зачем он здесь? В этой душной маленькой комнате, в окна которой скребутся яблоневые ветви? Он еще никогда не лежал в одной постели рядом с женщиной, которую не желал. Он сейчас даже не знал, нравится ли ему Галя Прокошина...

– Ты что, Вадим? – по-видимому почувствовав его смятение, спросила она. – Холодный, будто покойник.

Он отметил про себя, что и она не испытывает никакого волнения. Если он холодный, как покойник, – надо же придумать такое! – то она – белый айсберг. Правда, теплый...

– Извини, мне, пожалуй, лучше уйти, – хрипло произнес он, спуская ноги с кровати.

Она не сделала попытки его удержать. Натянув одеяло до подбородка, молча смотрела, как он одевается. В глазах ее светились две желтые точки. В наступившую тишину неужи-

данно громко ворвалось тиканье ходиков, будто они вдруг заторопились и стали отстукивать время в два раза быстрее. На застланном домоткаными половиками полу двигались неровные тени – это яблоневые ветви норовили пролезть в дом через форточку.

– Чудной ты, – сказала она. – Небось сильно жену свою любишь?

– Не в этом дело, – остановился он на пороге. – Не могу я так, Галя...

– Гляжу, все один, да такой скучный, – продолжала она. – Ну и пожалела я тебя, Вадим...

«Пожалела! – с горечью размышлял он, шагая по пустынной улице к своему дому. – Вон до чего дожил! Женщины жалеть стали, как брошенную собачонку...»

У аптеки под березой стояла парочка. Девушка была тоненькой, с белыми волосами, высокий длинноволосый парень обнимал ее и что-то шептал на ухо. Увидев Казакова, девушка отпрянула от парня, стыдливо спрятала лицо за его широкую спину. А в городе молодые люди целуются среди бела дня на улице, ничуть не стесняясь прохожих. На станции негромко гукнул маневровый, послышались голоса, где то высоко среди звезд пророкотал самолет. Сколько Вадим Федорович ни вглядывался в небо, огней не заметил. Вскоре гул замолк, и снова стало тихо.

Раздевшись, он улегся на железную койку, но сон не шел. Вспоминал светящиеся точки в глазах Прокошиной, ее боль-

шую мягкую грудь, могучие бедра и не мог понять, что же такое с ним случилось. Почему ему вдруг захотелось уйти? Сейчас он снова желал ее... Стиснув зубы так, что скулам стало больно, перевернулся со спины на живот, накрыл голову второй подушкой и крепко сомкнул веки.

И, как всегда в эти ночные часы, перед ним возник солнечный пляж, шум волн и стоящая возле кромки воды загорелая и такая желанная Виолетта Соболева. Легкий морской ветер трепал ее золотистые волосы, женщина улыбалась и манила его за собой в зеленоватые волны...

3

Желтый, почти прозрачный лист бесшумно влетел в форточку и, потрепетав у занавески, опустился на письменный стол, за которым сидел Андрей Абросимов. Перед ним пишущая машинка с запропавшим в каретку чистым листом бумаги. Взглянув на залетевшего в комнату нежданного гостя, Андрей улыбнулся и, быстро ударяя двумя пальцами по коричневым клавишам, напечатал: «Осенняя песня». Так будет называться его новый рассказ... Желтый, с коричневыми крапинками лист напомнил, что кончилось лето и пришла осень. А осень в Ленинграде всегда мягкая, солнечная, не то что весна с ее морозящими дождями, холодными ветрами с Финского залива, утренними рыхлыми туманами. Отец любит осень и, наверное, до конца сентября пробудет в Ан-

дреевке. Там сейчас грибной сезон... На днях оттуда вернулась Оля и привезла с килограмм сушеных белых грибов. На кухне до сих пор витает запах грибов. Андрей с удовольствием съездил бы в Андреевку, но ему теперь нужно каждый день ходить на службу. Получив диплом об окончании отделения журналистики Ленинградского университета, он устроился редактором в издательство. Его предшественник как раз ушел на пенсию. Работать с рукописями ему нравилось.

Честно говоря, Андрей с удовольствием поехал бы поработать куда-нибудь подальше от Ленинграда, например на Дальний Восток или Камчатку. Эти экзотические края давно его манили. Кстати, там можно вблизи полюбоваться на китов, тюленей, гигантских крабов и других морских животных. Но Маше еще оставалось до окончания университета три года, и она с полугодовалым ребенком, конечно, никуда не могла бы поехать.

С понедельника по пятницу Андрей жил у Машиных родителей – квартира у них просторная, – а субботу и воскресенье, как правило, проводил дома, на улице Чайковского. Здесь он в отцовском кабинете работал над сборником рассказов, которые собирался к концу года сдать в Издательство художественной литературы. Ушков сам прочел несколько его рассказов, дал почитать знакомым писателям, а потом заявил, что Андрей созрел для издания своей первой книжки, даже пообещал написать предисловие. По его же совету

Андрей отдал в издательство несколько рассказов, и они заинтересовали редактора. Договор с ним, как с начинающим автором, никто, конечно, не заключил, но авторитетно пообещали, что если он сдаст рукопись к концу года, то есть надежда попасть в перспективный план. На писательских собраниях много говорили, что молодым очень трудно печататься, так вот издательство готово пойти навстречу начинающему писателю – выпустить сборник на следующий год. Все это подстегнуло Андрея, и он решил во что бы то ни стало подготовить книжку к декабрю. Хотя они с Машей и не испытывали особенных затруднений с деньгами – ее родители помогали, да и отец никогда не откажет, – но Андрей чувствовал себя обязанным им, а это чувство всегда было для него неприятным. Недавно он купил «Жигули». Если все будет удачно с книгой, то они быстро сумеют рассчитаться с долгами. На свою семейную жизнь Андрей не мог пожаловаться, с женой они ладили, сынишку Ивана все больше любил, хотя поначалу, когда мальчик по ночам спать не давал, он старался поменьше бывать у Машиных родителей. Все в один голос утверждали, что сын похож на него, Андрея. И слышать это было приятно.

С рассказом дальше названия дело не пошло, но Андрей, памятуя совет отца высидивать с утра за письменным столом положенные часы, даже когда работа не спорится, не вставал с кресла. Он как и отец, предпочитал работать с утра до обеда. Иногда рассказ продвигался так быстро, что становилось

тревожно: не вредит ли эта легкость художественности? А иной раз, как сегодня, невозможно было сдвинуться с мертвой точки. И это тоже раздражало... Вместо нужных слов в голову лезли совершенно посторонние мысли, и не было никакой возможности от них избавиться.

Резкий телефонный звонок заставил его вздрогнуть. Звонила Анастасия Петровна Татарина; услышав, что отца нет в городе, немного разочарованно попыталась в трубку, а потом сказала, что нынче в Доме писателей состоится обсуждение новой книги Тимофея Александровича и Андрею нужно будет прийти, а если он пригласит еще своих товарищей, то совсем будет хорошо.

Андрей был знаком с четой Татариновых: они несколько раз были в гостях у отца. Если Тимофей Александрович ему понравился, да и как писателя он его уважал, то ворчливая и настырная жена его произвела на Андрея неблагоприятное впечатление. И сейчас по телефону хотелось послать ее к черту!.. Но он не послал, а, наоборот, пообещал прийти на вечер, который начинался в восемнадцать ноль-ноль. Он вспомнил, что отец относится к Татаринovu хорошо; кажется, тот даже дал ему в свое время рекомендацию в Союз писателей.

* * *

В Доме писателей имени Маяковского было оживленно. К

удивлению Андрея – он пришел сюда с Машей, – одна часть пришедших направлялась в Красную гостиную, другая – в Белый зал. Подскочившая к ним взволнованная Анастасия Петровна сразу же все объяснила: оказывается, старинный недруг Татарина, Леонид Ефимович Славин, на этот же день назначил здесь встречу авторов литературного альманаха.

– Это он назло Тимоше, чтобы сорвать ему обсуждение, – говорила она. – Славина знают, вот и пойдут в Красную гостиную, где у них обсуждение. Я вижу, как его дружки-приятели шныряют вокруг...

По мраморной лестнице поднимались двое молодых людей. Оставив Андрея с Машей, Анастасия Петровна устремилась к ним. Самого Татарина пока не было видно. В билльярдной, где под стеклом были помещены цветные фотографии членов Союза писателей, к Андрею и Маше подошел Николай Петрович Ушков. Он был в новом костюме, при галстуке. Мимоходом заметил, что будет вести обсуждение, посетовал, что народу собралось не так уж много, и повторил слова Анастасии Петровны, что, мол, встречу авторов альманаха можно было на этот вечер и не назначать.

– Старик расстроился и хочет уйти, – прибавил Ушков. – Я его, конечно, отговорил. Потом же это ему в вину поставят – мол, люди пришли, а писателя нет... Славин, зная болезненное самолюбие Татарина, на это и рассчитывает.

– А чего они не поделили? – задала наивный вопрос Ма-

ша.

– Дух соперничества, – улыбнулся Николай Петрович. – Не поделили сферы влияния, как говорят международные обозреватели. В общем, Татаринцов когда-то крепко поругался со Славиним, а Леонид Ефимович никому ничего не прощает. Мстительный мужик. Да и позиции у них разные...

– Ты иди на вечер Татаринцова, – решила Маша, взглянув на мужа, – а я пойду в Красную гостиную, посмотрю на Славина.

– Тимофей Александрович обидится, – вставил Ушков.

– Он меня не знает, – ответила Маша.

– Зато Анастасия Петровна с тебя глаз не спускает, – кивнул на жену писателя Николай Петрович. Татаринцова и впрямь смотрела на них.

В Белом зале с лепными стенами и потолком были заняты лишь задние ряды. С высокого потолка спускались старинные, бронзовые с хрусталем, люстры. На сцене стоял длинный стол, покрытый зеленым сукном, рядом деревянная трибуна. На столе ваза с хризантемами, графин с водой. Пока за столом никого не было. Андрей заметил, как в дверь просунулась плешивая голова Татаринцова. Борода его поседела, да и сам он еще больше раздался вширь. Лицо старого писателя выразило досаду, – наверное, он ожидал увидеть больше народу. На миг рядом с ним возникла Анастасия Петровна, что-то сказала на ухо мужу и показала глазами на сцену: дескать, пора начинать. Однако Тимофей Александрович по-

качал головой и снова скрылся в проеме. Уже было десять минут седьмого, народу в зале немного прибавилось, Андрей и Маша прошли вперед и сели в пятом ряду. Маша немного похудела, светлые глаза ее стали еще больше, в них появилась какая-то умиротворенность. Пышные каштановые волосы она укоротила, они маленькими колечками завивались у шеи. И вся она была такая нежная, домашняя, что Андрей с трудом удержался, чтобы ее не поцеловать в завиток возле маленького уха. Жена, наверное, почувствовала его настроение, с улыбкой взглянула в глаза, потом взяла его большую руку и положила себе на колени.

За столом уселись Татаринов и Ушков. Обсуждался новый, опубликованный в журнале, роман Тимофея Александровича. Его жена стояла у дверей и говорила опоздавшим, чтобы проходили вперед.

Николай Петрович стал пространно толковать о вкладе, который внес в историческую литературу Татаринов, процитировал на память несколько выигранных мест из последнего романа, потряс пачкой писем, пришедших от читателей. Одно с выражением зачитал: пенсионерка Евдокимова писала в издательство, что Татаринов – самый ее любимый писатель и она как праздника ждет выхода каждой его новой книги.

Андрей вспомнил разговор с отцом. Тот не хотел, чтобы Андрей стал писателем, как-то откровенно рассказал о трудном пути талантливого писателя к признанию.

Но что мог поделаться Андрей, если какая-то самому ему не ведомая сила бросала его за письменный стол? Если ночами ему приходили в голову сюжеты будущих повестей и романов? Какое ему дело до писательского мира, интриг, если ему хочется выразить себя в рассказе или повести? Пусть их не печатают, а если и напечатают, пусть ругают, главное для него не это, а увидеть плоды своего труда, сказать самому себе, что ты сделал все, что мог, как молния в летний знойный день мощно разрядился в землю, и тебе стало легко и радостно дышать... Он во всем этом признался отцу, и тот сказал:

– Тогда пиши и не думай о том, как все это поскорее напечатать. Как бы ни зажимали талант, он пробьет себе дорогу. Так всегда было и будет... Сейчас о Пушкине, Достоевском, Толстом пишут тома, получают докторские степени, а ведь им в свое время очень чувствительно доставалось от современников, вернее, от завистников, недоброжелателей, врагов. Об этом всегда нужно помнить.

И Андрей помнил. Пока он не знал, что из него получится, но чувствовал в себе силу; ему трудно было писать, иногда хотелось все бросить и заняться каким-нибудь другим делом, но литература властно звала к себе. Можно перестать что-то делать, но можно ли запретить себе думать, мыслить, гнать прочь образы, которые толпятся перед твоими глазами? Гены отца?.. Наверное, это так. И никакие советы, самые убедительные слова не изменят пути, который предназначен

тебе...

После выступлений благодарных читателей, библиотекарей встал на трибуну Тимофей Александрович Татаринов. Круглое бородатое лицо его улыбалось, небольшие острые глаза добродушно сузились, но все равно в глубине их где-то притаились недовольство и досада. Татаринов, безусловно, ожидал, что зал будет полон, а на самом деле в нем сидели самое большее тридцать человек. Широкая светлая борода смешно двигалась в такт его речи. Он говорил о своем новом романе, об Емельяне Пугачеве... Кто-то в зале громко сказал, что о нем уже написал отличный роман Вячеслав Шишков. Татаринов метнул в сторону говорившего недовольный взгляд и заявил, что он видит образ казацкого бунтаря по-своему, в архивных материалах он откопал новые факты об этом времени, о жизни Пугачева.

– Что они, творческие личности, с ума сошли? – шепнула Маша. – Режиссеры, кто во что горазд, выворачивают назнанку классику, писатели всяк по-своему трактуют историю!

– Я думаю, он это так, ради красного словца.

– А он интересный, и улыбка у него обаятельная...

– Зачем ему все это?

– Что – это?

– Вечер, выступления, публика... Отец ни разу здесь не выступал. Думаю, ему и в голову бы не пришло организовывать какие-то обсуждения... Он выступает лишь на больших

читательских конференциях.

– Я забыла тебе сказать: жена Татаринаова звонила неделю назад и просила послать телеграмму Вадиму Федоровичу, чтобы он приехал в Ленинград и выступил. Напомнила, что Татариноров в свое время дал твоему отцу рекомендацию в Союз писателей.

Татаринорову поднесли букет цветов, он отечески расцеловал молодую симпатичную читательницу, поклонился публике. Ушков спросил, будут ли вопросы. Вопросов не было, и вечер закончился. В кафе, куда Андрей и Маша зашли выпить по чашке кофе, к ним подсел Николай Петрович. Тоже заказал кофе и бутерброд с красной икрой.

– Не пойму, зачем старику все это было нужно, – сказал он, помешивая ложечкой черную жижy. – Скорее всего, это организовала Анастасия Петровна, ей все кажется, что ее Тимошеньку замалчивают, притесняют. Да и читатели стали забывать, после того как он перестал издавать новые романы.

– А у Славина народу было много? – поинтересовалась Маша.

– Татариноров как писатель выше на десять голов Леонида Ефимовича, – ответил Ушков. – Но людей набилось в Красную гостиную много. Славин у нас великий комбинатор, держит в своих руках всех и вся. Еще до отчетно-выборного собрания месяц, а он уже составил списки членов правления и делегатов на съезд писателей. И пройдут лишь те, кого он одобрил. Мой знакомый связист толковал, что перед пи-

сательскими выборами в его районе телефонный узел прямо-таки вибрирует! Они до собрания все обговорят до мелочей: кто будет подавать реплики с места, кто кого будет отводить, кто выступать, кого в списках для тайного голосования вычеркивать, кого вписывать. Слаvinу нужно, чтобы в правление прошли его люди. На собрание будут доставлены даже инвалиды и больные. Вы бы только послушали, как подготовленные им ораторы будут превозносить его с трибуны – как лучшего писателя в Ленинграде! А он тихо будет сидеть в президиуме во втором ряду и скромно помалкивать. Кого всякий раз упоминают в газетах и журналах? Славина! Вот для чего ему нужно иметь своих людей везде, и он их имеет. Татаринов со своей Тасюней ему и в подметки не годится! Вон на свой вечер и пяти десятков читателей не собрал, а у Славина зал ломился, стояли в проходах.

– Теперь я понимаю, почему Вадим Федорович не ходит сюда, – по дороге домой заговорила Маша. – Он так далек от всего этого! Помнишь, он в Андреевке говорил, что талантливый писатель – это еще и человек с обнаженными нервами? Он чужие беды и боли должен воспринимать, как собственную беду и боль, только тогда он напишет значительное произведение, волнующее всех людей...

– Талантливый писатель... – повторил Андрей. – А много мы с тобой сегодня увидели в клубе талантливых писателей? Я, например, кроме Татаринова, ни одного.

– Зачем же тогда в Союз писателей принимают бездарно-

стей?

– А на кого же будет опираться Славин? – усмехнулся Андрей.

– Теперь я понимаю, – помолчав, произнесла Маша, – почему твой отец так не хотел, чтобы ты стал писателем.

– Это ни от него, ни от меня не зависит, – сказал Андрей. – Может, я и не буду писателем... До этого еще так далеко!

Литейный проспект погрузился в полутьму, уличные фонари теперь светили вполнакала. Над Петропавловской крепостью обугленными поленьями громоздились бесформенные облака. На шпиле золоченой башни багрово светился корабль. С Литейного моста, искря проводами, осторожно спускался синий троллейбус. Было тепло, по Неве бесшумно скользили байдарки, на набережной еще стояли несколько рыбаков с удочками. Глядя на них, Андрей всегда вспоминал Андреевку, Утиное озеро, где они с отцом разбивали палатку и рыбачили на резиновой лодке по два-три дня. Там это было удовольствием, кругом тишина, синее небо, сосны, всплески крупных щук в заводях, крики ночных птиц, а что чувствует рыболов на гранитной набережной? Слышит грохот проходящих по мосту трамваев, шелест шин автомобилей, гудки, треск, людские голоса. Неужели главное для городских рыболовов – добыча? Поймать в мутноватой воде плотвичку или некрупного окуня? Ведь в рыбалке главное – единение с природой, отдых от городского шума, от людей...

У ресторана «Волхов» толпилась группа парией и две де-

вушки. Непонятно было, вышли ли они только что оттуда или стремились попасть туда. Швейцар с желтыми галунами через чуть приоткрытую дверь вел с ними переговоры. Андрей и Маша уже миновали ресторан, когда сзади послышались девичий вскрик, грубая ругань, глухие удары. Круто повернувшись, Андрей бросился к парням.

– Ты куда?! – воскликнула Маша.

Андрей даже не обернулся, он и сам еще не понял, что произошло, но девичий крик взывал о помощи. Высокая девушка стояла у широкого, затянутого плотной шторой ресторанного окна и прижимала к лицу носовой платок. Рядом дрались сразу пять парней. Слышались приглушенные голоса, удары, вскрики и сопение. Плечи у девушки вздрагивали от рыданий. Ее подруга стояла немного в стороне и расширившимися от страха глазами смотрела на потасовку.

Ворвавшись в гущу дерущихся, Андрей разбросал их в стороны. Двое грохнулись на тротуар и, тараща на него злые глаза, грозились сейчас рассчитаться, однако подниматься на ноги не торопились. Трое, отброшенные в сторону, о чем-то совещались, бросая на Андрея злобные взгляды. Не обращая на них внимания, он подошел к девушке и сказал:

– Я вас провожу до остановки автобуса.

Девушка отняла от разбитого носа платок и повернула к нему голову с растрепанными темно-русскими волосами.

– Андрей? – криво улыбнулась она. – Как ты-то здесь очутился?

Это была Олина подруга – Ася Цветкова. Нос у нее распух и кровоточил.

– А мне завтра на съемку, – потерянными голосом произнесла она, поняв по его глазам, что вид у нее аховский.

– И Оля здесь? – ошеломленно озирался Андрей. Только сейчас в нем стала закипать настоящая злость, до сей поры он действовал инстинктивно.

– Твоя сестра моих знакомых презирает, – рассмеялась Ася. – Ей не по нутру мои кр-рутые ребята! Посмотри, какие все прикинутые! Я просто торчу, глядя на них... Эй, мальчишки, вы лучше не суйтесь к этому юноше! – крикнула она парням. – От вас и мокрого места не останется...

– Вот что, – сказал Андрей, краем глаза наблюдая за парнями. – Пойдем к нам. Кажется, они тебе нос сломали...

– Что ты?! – искренне расстроилась Ася и стала пальцами ощупывать лицо. – Не похоже... Это пьяная скотина Альберт мне заехал... Вот только не вспомню за что?

У ресторана остановилась милицейская машина с синей мигалкой. Парни мгновенно разбежались, Андрей видел, как двое юркнули в соседнюю парадную, а остальные поспешно ретировались под арку проходного двора.

– Лишняя сплетня мне ни к чему, – понизив голос, произнесла Ася. – Пошли отсюда!

Не дожидаясь, пока подойдут милиционеры, Андрей, взяв девушку под руку, повел ее к Маше, стоявшей под фонарем. Никто их не остановил, милиционеры бросились вслед за

парнями, скрывшимися в темном провале желтой арки. Маша изумленно смотрела на Асю.

– Кто тебя так отделал? – спросила она, узнав ее.

– Мало у нас подонков? – отмахнулась та.

– Зачем же ты с ними возжаешься? – вырвалось у Андрея.

– Таких, Маша, правильных мужчин, как твой муж, раздва и обчелся, – беспечно болтала Ася. – Мы сидели за столиком с Валерой... Кстати, куда он смылся? – Она стала оглядываться. – Мужик, черт бы его побрал! Когда эти подонки ко мне привязались, он молчал, как воды в рот набрав... Вот сволочь, бросил меня, как началась эта заварушка, сбежал! Так вот, меня пригласили на один танец, потом на другой, ну, мой Валера и взвился: мол, кончай с ними танцевать! Я и послала их к черту... А когда вышли из ресторана, они окружили меня, один ударил... Разве это мужчины, если поднимают руку на женщину?..

– Ася, ты сейчас похожа... – начала было Маша.

– Я не в форме, ребята, – перебила Ася. – Валера подливал и подливал мне... А вообще, они интересные типы, и я, как будущая актриса...

– Значит, это была репетиция? – усмехнулся Андрей. – Торжественный выезд героини из «Волхова».

– Андрей, научил бы Валерку драться? – шмыгая распухшим носом, сказала Ася.

– Валерку... – покачала головой Маша. – Он же, как последний трус, бросил тебя и удрал! Да я бы после этого на

него и не посмотрела.

– Машенька, ты прелесть! – рассмеялась Ася. – Видишь ли, дорогая, в нашем двадцатом веке мужчины измельчали... Ну-ну, не тараци на меня свои прекрасные глаза... Я не имею в виду твоего отчаянного муженька. Я же говорила, что он исключение из правил... Теперь мужчин надо защищать, опекать, учить уму-разуму. Короче, держать их в кулаке...

– Вот что, амазонка, – сказал Андрей. – Пошли к нам. Тебя одну опасно оставлять на улице... Еще изобьешь какого-нибудь мужчину.

– Мне стыдно за тебя, Валера! – крикнула в темноту Ася. – Слышишь ты, жалкий трус?!

Глава двенадцатая

1

Это произошло вечером на улице Петра Лаврова. Оля возвращалась из института, было тепло, нежаркое солнце мягко освещало железные крыши зданий, под ногами шуршала опавшая листва. Трава на газонах была удивительно молодой и зеленой. Если свернуть с Литейного на улицу Петра Лаврова, то вскоре направо увидишь кофейную. Оля любила туда иногда заходить: к кофе всегда можно было взять свежие слоеные пирожки с мясом или печенье. Выпив две чашки кофе, девушка заглядывала в кассу кинотеатра «Спартак». С тех пор как в нем стали показывать старые советские и зарубежные ленты, она старалась не пропускать хороших фильмов. Иногда приходилось подолгу стоять в очереди, чтобы взять билет. Перед входом в кассу висела афиша с названиями фильмов сразу на месяц. Сегодня шел кинофильм Чарли Чаплина «Новые времена».

Оле повезло: девушка прямо у входа в кассу продала ей лишний билет на ближайший сеанс. Посмеявшись вволю над проделками смешного маленького человечка в коротком, в обтяжку пиджаке и котелке, с неизменной тросточкой в руках, Оля в хорошем настроении вышла из зала. Солнце скры-

лось за высокими зданиями, у газетного киоска вытянулась очередь за «Вечеркой». На скамейках бульвара сидели молодые матери, в колясках под шум теряющих листву лип дремали грудные младенцы. Голуби сновали у самых ног отдыхающих. Удивительные птицы! Настолько вошли в жизнь городского человека, что их просто не замечаешь. Ведь ни один не взлетит из-под ног – не спеша, посверкивая на тебя круглым глазом, отойдет в сторону. Причем вид у него такой, будто ты должен уступать ему дорогу. Стоявший рядом с молодой мамашей пятилетний мальчик держал на растопыренной ладошке крошки от печенья. На пальцы ему садились воробьи, хватали угощение и отлетали в сторону. Приезжая к отцу в Дом творчества писателей в Комарово, Оля видела, что так подкармливают в парке пожилые женщины синиц. А тут воробьи...

Идя по Литейному, Оля почувствовала, что за ней кто-то бежит. Она обернулась и увидела симпатичную длинноухую спаниельку. Пес тоже остановился и, задрав кверху острую мордашку, внимательно посмотрел ей в глаза. Он был серебристый, с коричневыми пятнами, умные карие глаза и удивительно длинные ресницы.

– Ты что, песик? – удивилась Оля. – Хозяина потерял?

Спапиелька кивнула головой, завилыла хвостом. Оля присела на корточки и погладила собаку, та благодарно лизнула ей ладонь. Вспомнив, что в сумочке есть печенье, девушка угостила спаниельку, но та осторожно взяла одну штуку и,

по-видимому лишь из уважения к человеку, нехотя схрумкала. Вторую печенину не взяла.

– Как звать тебя? – растроганно спрашивала Оля. Собака ей очень понравилась, особенно красивые и выразительные были у нее карие глаза. – И кто ты – он или она?.. Конечно, он... мальчик.

Оля встала, осмотрелась, но хозяина нигде не заметила. Прохожие спешили по своим делам, и никто на девушку и собаку не обращал внимания. Еще раз потрепав спаниельку по шелковистой шерсти, Оля пошла дальше. Собака вроде осталась на месте, сидела на земле и провожала Олю грустными влажными глазами. С Литейного девушка повернула на улицу Чайковского. Услышав пронзительный визг тормозов, она обернулась: «Жигули» резко затормозили перед спаниелькой, которая перебежала оживленный проспект, догоняя девушку.

– Глупая... то есть глупый. – Она нагнулась над собакой. – Зачем ты бежишь за мной? Потерял хозяина? Но ты ведь знаешь, где твой дом?

Песик опять качнул головой, показав красные десны и ослепительно белые резцы. Мимо шли прохожие, но спаниелька смотрела только на нее, Олю. «Ну и дела! – размышляла девушка. – Пес потерялся, – это ясно... Но почему он облюбовал именно меня?..» Этого она не могла взять в толк, хотя где-то читала, что некоторые собаки сами себе выбирают хозяина.

Погладив спаниельку, медленно пошла к своему дому. Та неотступно следовала за ней. Когда Оля косила глаза на собаку, та отвечала ей повеселевшим взглядом и несколькими взмахами веерообразного хвоста: мол, все в порядке, я рядом...

Так они и заявили вдвоем в квартиру. Дома никого не было, Оля достала из холодильника колбасу, сыр, накрошила все это в блюдо, и опять пес деликатно поел, но большую часть оставил. В чашку девушка налила воды, спаниелька плакала. С коричневой морды упали прозрачные капли.

– Я, конечно, не против, живи у нас, – размышляла Оля вслух. – Но у тебя ведь есть хозяин? Он увидит нас вместе и заберет тебя. Наверное, уже на всех заборах развешивает объявления о пропаже такой симпатичной собачки...

Спаниелька внимательно за ней наблюдала, как будто старалась что-то постичь. В квартире пес первым делом обследовал кухню, потом комнаты, черным носом толкнул двери в ванную и туалет, а после ознакомления со вздохом улегся возле тумбочки в прихожей, морду положил на вытянутые, довольно толстые лапы, смешно сузил глаза, образовав над ними два серых бугорка, и очень ласково смотрел на девушку.

Вскоре спаниель стал откликаться на «Патрика». Оля вспомнила, что у одних знакомых был спаниель Патрик, правда, он черно-белого цвета, и уши у него не такие длинные, а ресницы совсем короткие. С каждым днем девушка

все больше привязывалась к умной, ласковой собаке. Патрик чувствовал себя в новой квартире, как дома. С Андреем сразу подружился, но тянулся больше к Оле. Три раза в день его выводили во двор, девушка старалась не смотреть на приклеенные в разных местах объявления, понимала, что с каждым минувшим днем все труднее и труднее будет расставаться с Патриком. Он как-то неназойливо, но довольно прочно вошел в их жизнь. Отец еще не приехал из Андреевки, но вчера позвонил, и Оля ему рассказала, какой у них появился замечательный пес. Животных Вадим Федорович любил, но оптимизма дочери не разделял, заявив, что хозяин обязательно найдется и Патрика, как это ни печально, придется вернуть.

Теперь Оля на улице подозрительно смотрела на всех, кто проявлял какое-либо внимание к Патрику. А обращали на него внимание многие. Очень уж необычной была у него расцветка, да и сам он был настолько приветлив и любвеобилен к людям, что многим хотелось остановиться, перекинуться несколькими словами с молодой хозяйкой и погладить собаку. Где-то через неделю Оле уже казалось невозможным вернуть Патрика какому-то растяпе хозяину, потерявшему его на людной улице. Она уже уверовала в то, что это сама судьба послала ей симпатичного четвероногого друга. Из института она чуть ли не бегом бежала домой, чтобы поскорее увидеть и прогулять Патрика. А как он встречал ее! Уже за дверью начинал радостно повизгивать, а как бросался

навстречу, пытался подпрыгнуть и лизнуть в лицо!.. И еще несколько минут, пока Оля раздевалась, носился по прихожей, доставал тапки, прыгал на низкую тумбочку, обнюхивал сумку с конспектами. Карие глаза его так и лучились любовью и счастьем.

Оля купила в охотничье-рыболовном магазине ошейник с бляхами, кожаный поводок и даже фланелевую попонку для зимы. Она оказалась Патрику мала. Тогда она перешила ее, надставив другим материалом. Теперь самыми приятными минутами у нее стали вечерние прогулки с Патриком по проходным дворам и узким переулкам, на улицу Петра Лаврова она старалась не выходить. Спаниель не проявлял никакой заинтересованности к зданиям, не норовил юркнуть в парадную, и Оля понемногу успокоилась, решив, что, скорее всего, он попал сюда из другого района. Мог случайно выскочить из машины и потеряться...

Но в глубине души Оля знала, что рано или поздно хозяин объявится, быть такого не может, чтобы редкостного песика не искали. И хозяин действительно вскоре объявился...

Оля, как обычно, в сумерках вывела Патрика на прогулку, ветер гонял по асфальту рыжие листья, посвистывал в ветвях похудевших деревьев, иногда над железными крышами зданий возникали силуэты парящих чаек. Снизу они были подсвечены отражением электрических огней. С Литейного доносился шум трамваев. Патрик трусил по зеленому газону, останавливаясь у каждого дерева. Встречных собак он ра-

достно приветствовал, махал хвостом, приглашал поиграть, но не все представители собачьего племени были настроены дружелюбно. Неожиданно черный, похожий на пуделя пес яростно бросился на спаниеля. С визгом отскочив от него, Патрик с укоризной смотрел на заливающегося злобным лаем пса. Хозяйка с трудом удерживала его на поводке. Оле было обидно за своего пса, что он не дал сдачи, и вместе с тем смешно видеть его сконфуженную морду. Оля давно уже заметила, что ее любимец в каждой встречной собаке видит лучшего друга и бросается к ней обнюхаться и поиграть, но далеко не все собаки были настроены столь миролюбиво.

Дворами они вышли на улицу Каляева, пересекли проспект Чернышевского и пошли к Таврическому саду. Патрик весело трусил впереди по зеленому скверу, разделяющему проезжую часть. Внезапно он остановился, как это делают охотничьи собаки, почуяв добычу, даже приподнял переднюю лапу. Голова его была повернута к мужчине, понуро сидящему на скамье. Довольно странная фигура в капроновом, выдавшем виды плаще, приплюснутой кепке и в огромных туфлях, наверное сорок шестого размера. Кстати, сразу в глаза бросался не он, а именно желтые туфли с заостренными носами и сбитыми высокими каблуками. Одна нога у человека была заброшена на другую, мятая брючина задралась, обнажив тощую волосатую ногу. Человек с сигаретой во рту невозмутимо смотрел на Патрика, а тот на него. У девушки сжалось сердце: вот он, хозяин! Но почему спаниель

не бросился к нему, не стал радостно визжать и лаять, как он обычно делал, стоило Оле переступить порог своей квартиры? Патрик все так же неподвижно стоял с поднятой лапой и не сводил глаз с человека.

– Здравствуй, Пират! – негромко произнес человек в огромных туфлях.

Патрик завил хвостом, медленно подошел к нему, будто раздумывая, лизнул руку и сел рядом, не сводя с человека настороженного взгляда. Оля, понимая, что все пропало, тем не менее с удивлением смотрела на спаниельку. Если это хозяин, то почему та не сходит с ума от радости? Может, это просто знакомый хозяина? Впрочем, какая разница, человек сейчас встанет и уведет с собой собаку навсегда.

– Ну что ж, предатель, – продолжал человек, даже не погладив пса. – Ты выбрал себе весьма симпатичную хозяйку... – Он равнодушным взглядом окинул Олю. – Впрочем, ты всегда относился к женщинам лучше, чем к нам, мужчинам...

– Это ваш... ваша собака? – спросила Оля.

– Успокойтесь, милая девушка, я не собираюсь отбирать у вас Пирата, – все так же негромко тусклым голосом проговорил человек. – Дело в том, что он не убежал от меня. И не потерялся. Он просто взял и ушел. И надо сказать, его собачье чутье не подвело: он нашел мне достойную замену. Будем надеяться, что вас-то Пират не покинет.

Во время этого разговора Патрик переводил взгляд с че-

ловека на Олю, будто старался понять, о чем они толкуют, а может, и понял, потому что вдруг подбежал к девушке и стал тыкаться влажным холодным носом в ладонь.

– Его звать Пират? – с облегчением спросила Оля, и на ее лице появилась улыбка.

– Он и есть пират, – улыбнулся в ответ человек, швыряя окурок в стоявшую рядом громоздкую урну. – Любит свободу, не терпит насилия над собой, сам выбирает себе атамана, пардон, хозяина. Не вы же его приручили, а он вам себя навязал?

– Пожалуй, это так.

– Мы иногда говорим, что человек может тебя предать, а вот собака – никогда. Это не так. Если человек дерьмо, то и собака со временем может стать дерьмом. Даже больше того – предателем.

– Это вы о Патрике? – не поверила своим ушам девушка.

– Вы его назвали, Патрик? Гм... Пират, Патрик... Понятно, почему он принял это имя, – они созвучны. Вы не находите?

– Мне больше нравится Патрик, – сказала Оля.

– Я многих на этом свете предал, – продолжал человек. – Жену, дочь, друзей... Почему бы моей собаке, в конце концов, не предать и меня?

– Вы это серьезно? – только и нашла, чем заполнить наступившую тяжелую паузу, Оля.

– Вы видите перед собой типичного неудачника... – Че-

ловек впервые внимательно взглянул ей в глаза. – Раз Пират, пардон, Патрик свел нас тут, позвольте представиться: Рикошетов Родион Вячеславович. Редкая фамилия? Это верно, зато бьет не в бровь, а в глаз. Я и есть Рикошетов. Вся моя жизнь – это скольжение по поверхности рикошетом. Я уже давно смирился с этим и, поверите, даже нахожу во всем этом некое мазохистское удовлетворение. Вы, конечно, видели пьесу Горького «На дне»? Так вот я оттуда.

– Сатин? Или Лука?

– Я думал, Горький у нашей молодежи не в моде, – с интересом посмотрел на нее Рикошетов.

Оля тоже представилась и, поколебавшись, прибавила, что она студентка института театра и кино. Так что все пьесы Горького, Чехова и других известных драматургов она знает, а в некоторых даже играла на студенческой сцене.

Оля с интересом смотрела на человека: высокий, очень худой, остроносый, со светлыми, а потому, как ей показалось, холодными глазами. Щеки впалые, с выступившей щетиной, у носа глубокие морщины, волосы – он снял потрепанную кепку – неожиданно густые, темно-русые, свободно падающие на воротник плаща. На вид ему лет тридцать пять – сорок. А может, и все пятьдесят. И хотя Рикошетов назвал себя предателем, он не производил впечатления подлого человека, скорее, он и впрямь был неудачником... И совсем одиноким. Вон даже собака ушла от него...

Мимо проходили люди и оглядывались на помятого

небритого мужчину в капроновом плаще, огромных туфлях и красивую девушку в модной светлой куртке, вельветовых джинсах и кроссовках, сидящих рядом на скамейке. Оглядывались и на спаниеля, не спускающего тревожного взгляда с этой парочки. Собака даже не обращала внимания на своих сородичей, резвящихся на газоне неподалеку. Как будто понимала, что сейчас решается ее судьба. Когда Оля поднялась со скамьи, Родион Вячеславович, поколебавшись мгновение, пошел ее проводить. И прогулка их оказалась довольно длительной. Бывший хозяин Пирата-Патрика вдруг стал незнакомой девушке рассказывать про свою жизнь. Рассказывал он образно, ни капельки не щадя себя, и к концу его исповеди Оля прониклась к этому несчастному человеку если не симпатией, то жалостью. И даже подумала, что надо бы познакомить Рикошетова с братом: ведь жизнь Родиона Вячеславовича – это настоящий роман.

Рикошетов закончил Ленинградский институт холодильной промышленности, женился на однокурснице. Получилось так, что его распределили на железную дорогу, где он имел дело с морозильными установками на колесах. Честно три года отработал инженером на железнодорожных рефрижераторах. А потом «умные» люди надоумили его перейти в вагон-ресторан – мол, там можно за один рейс сделать такие деньги, которые он как инженер и за месяц не зарабатывал. Правда, кое-кому нужно дать в лапу... Дело в том, что квартиру им с женой пока не обещали, а она ждала ребенка, и

он решил, что, пожалуй, лучше всего вступить в жилищный кооператив, а для этого нужно много денег, чтобы сделать первый взнос. А вагон-ресторан – это золотое дно для умного, оборотистого парня. За пару лет можно скопить денег на кооператив.

Так началась его новая, торговая жизнь на колесах. Действительно, возможности тут были огромные. Мало того, что можно было зарабатывать непосредственно в вагоне-ресторане, деньги плыли в руки со стороны: нужно было доставлять закупленные в Ленинграде продукты и товары ширпотреба перекупщикам в другие города. Те платили щедро, и главное – никаких хлопот: сгрузил на платформу ящики и мешки, получил наличными и поезжай дальше, а сбыт товаров уже не твоя забота.

Жена жила у своих родителей. У них родилась дочь, которую называли Тamarой. Сам Родион Вячеславович тогда был прописан у тетки – это единственный оставшийся в живых близкий человек. Но тетка жила на улице Салтыкова-Щедрина в коммунальной квартире, комнатенка метров пятнадцать, туда и ходить-то не хотелось, а с родителями жены – у них была отдельная двухкомнатная квартира – как-то сразу не заладились отношения. Обычная история – с тещей он нашел довольно быстро общий язык, а тесть почему-то невзлюбил своего зятя. Ворчал, что в квартире не повернуться, да тут еще ребенок не дает спать по ночам... В общем, все это в какой-то мере поначалу и повлияло на решение Рикоше-

това пойти работать в вагон-ресторан, хотя он понимал, что жизнь на колесах это не сахар.

Железнодорожный бизнес он быстро усвоил; если поначалу и были какие-то сомнения в законности своей деятельности, то он их быстренько притушил. После закрытия ресторана, под стук колес, стал с приятелями выпивать, тем более что выпивка всегда была даровая, за счет «сэкономленного» на клиентах спиртного.

Въехав в кооперативную квартиру, Рикошетов бы и покончил с вагон-ресторанным бизнесом, но, оказывается, это сделать уже было не так-то просто! Для квартиры нужна современная мебель, а тут еще увлекся магнитофонами-проигрывателями, а это тоже стоит немалых денег, да и друзья-приятели, которые были вокруг, жили на широкую ногу, а чем он хуже их? Когда квартира была обставлена и японский магнитофон с колонками бухал и визжал, выплескивая песни самых популярных исполнителей и поп-групп, захотелось приобрести «Жигули». Почему бы во время отпуска с женой и дочерью не прокатиться на юг к Черному морю?..

Однако не стоит забывать мудрую русскую пословицу: сколько веревочка ни вейся, а быть концу... Директора вагона-ресторана, попавшегося на крупной спекуляции, привлекли к суду, рядовые работники на первый раз отделались легким испугом. Рикошетову снова предложили место инженера на морозильных установках. Ему бы воспринять это как знак свыше, доброе предупреждение, но легкий рубль

уже крепко держал его своей жирной лапой за горло. Зарплата рядового инженера показалась столь мизерной по сравнению с деньгами, которые сами плыли в руки в вагоне-ресторане, что Родион Вячеславович просто растерялся: мечта о покупке «Жигулей» отдалялась на неопределенное время. Кинулся к друзьям-приятелям – мол, помогите устроиться в какой-нибудь вагон-ресторан, но оказалось, что теперь это целая проблема: мест мало, а желающих легкого заработка много. И еще он узнал, что теперь, чтобы заполучить нечто подобное, нужно сунуть в лапу довольно солидную сумму. Такие синекуры теперь дорого стоят...

Один из прежних знакомых, которому он, как говорится, поплакался в жилетку, туманно заявил, что есть еще один довольно легкий способ получать приличные деньги. Каким образом, он не сказал, а дал адрес какой-то гарантийной часовой мастерской. Мастерская помещалась на втором этаже нового современного здания. В восемнадцать ноль-ноль она закрывалась, и здесь начиналась другая жизнь: азартная игра на деньги в карты. Встретил его приятель, познакомил с хозяином помещения, который сразу предупредил, что здесь собираются только свои и болтать о том, что тут происходит, никому не следует, даже жене, иначе у Родиона Вячеславовича будут большие неприятности. Серьезно предупрежденный, он в первый вечер за карточный стол не сел. Лишь смиренно наблюдал за игрой. А играли по-крупному! Приятель не обманул: за вечер можно было спустить все или вы-

играть такую сумму, которую в вагоне-ресторане и за год не «сделаешь». Хотя его и подмывало испытать свое счастье, он сдержал себя, главным образом потому, что денег с собой мало взял. А в долг, как предлагал приятель, он не стал играть.

В другой раз Рикошетов пришел на тихую окраинную улицу с приличной суммой в кармане. Говорят, новичкам всегда везет, он выиграл за вечер две тысячи рублей...

Короче говоря, азартная игра, а играли в основном в «очко», настолько затянула его, что он уже не мог дождаться вечера, чтобы мчаться на такси после шести в мастерскую. Кстати, в небольшом светлом помещении с зашторенными окнами все было обставлено как надо: водка, коньяк, шампанское, иногда за столиком в углу, где на тумбе стоял стереомагнитофон, сидели приятельницы игроков. Они в карты не играли, но с нескрываемым интересом следили за игрой, не забывая наливать в бокалы шампанское. Не хватало только цыган с бубнами... В какой-то иной мир попал Родион Вячеславович, и этот запретный мир заморозил его. Ему везло – он много выигрывал. Скоро приобрел вожаделенные «Жигули». Дома начались скандалы, жена и особенно тесть упрекали, что он завел другую женщину, – иначе, где проводит вечера, иногда заявляясь домой под утро? Конечно, он им и не заикнулся, что играет в карты. Можно было играть в долг под машину, вещи, даже жену. И если что проиграл, кровь из носу, все отдай в обусловленный срок. При-

атель рассказал, как один из игроков решил не отдавать долг и потом долго лежал в больнице с проломленным черепом. А деньги все равно вернул, продав «Жигули»...

А потом случилось неизбежное – он спустил в карты все деньги, машину, даже обручальное кольцо и тогда с горя запил. Причем так загулял, что допился до белой горячки. Тесть почти в бессознательном состоянии отправил его на принудительное лечение. Вышел оттуда и снова запил, еще страшнее. Несколько раз попадал в медвытрезвители, на него завели уголовное дело. Из дома его выставили, перебрался к тетке, та терпела-терпела, а потом в один прекрасный день просто не открыла ему дверь. Он колотил в нее руками и ногами до тех пор, пока соседи не вызвали милицию и его не посадили на десять суток.

Несколько раз давал зарюки, полгода в рот не брал, устроился в жилконтору электриком, обещали комнату, а потом снова сорвался. Пирата он еще щенком выиграл в карты, собачонка прижилась у него, пожалуй, лишь она одна всегда хорошо относилась к нему, но, наверное, и Пирату надоело видеть его пьяную рожу и вдыхать запах алкоголя. Первый раз он ушел от него на неделю, потом вернулся. Жил он снова у тетки, но заявлялся домой только трезвый, пьяный уходил спать к таким же пьяницам-бедолагам, как и он сам. Узнал все злачные места в городе, людей, у которых можно было в любое время дня и ночи купить втридорога спиртное. Когда тетка попала в больницу с подозрением на рак, Пират

сутками сидел в запертой комнате, дожидаясь хозяина, а тот, случилось, и ночевать не являлся домой... Соседи раз выломали дверь, чтобы выпустить воющую собаку на улицу. Пират с тех пор стал сам гулять и возвращаться домой. Терпеливо ждал, чтобы ему открыли дверь. Соседи подкармливали его, но у некоторых были дети, родители боялись, что запущенный пес заразит их чем-нибудь. И вот Пират, как говорится, махнул хвостом на него и отправился искать нового хозяина... И нашел хорошенькую хозяйку...

– Если я вас встречу на улице и буду просить десятку за Пирата, – на прощание сказал Оле Рикоше-тов, – вы мне не давайте. Друзей не продают. А Пират был мне другом, пока я его сам... не предал.

– И вы ничего не можете с собой поделаться? – спросила Оля, испытывая все большую жалость к этому человеку.

– Наконец-то государство о нас, алкоголиках, подумало, – усмехнулся Родион Вячеславович. – Теперь не так-то просто напиться. Во-первых, нетрезвому водку в магазинах не продают, во-вторых, не успеешь накачаться и пойти за добавкой, как уже время для продажи спиртного вышло, в-третьих, не только милиция, а и народ стал на пьяниц смотреть подозрительно... Раньше, бывало, привяжутся к тебе дружинники – всегда найдутся защитники и выручат, а теперь, наоборот, кричат: «Забирайте его с глаз долой в вытрезвитель!»

– И вы нигде не работаете?

– Не работал бы, меня быстренько упекли бы в ЛТП! –

ответил Рикошетов. – Я грузу на машины винно-водочную посуду. Приходите в любое время – без очереди обслужу.

– У нас в доме не пьют, – сказала Оля. – И бутылок-то нет.

– Я рад за Пирата, – неожиданно улыбнулся ясной улыбкой Родион Вячеславович. – Он, сразу видно, попал в хорошие руки. Собака, а какой психолог, а? Среди тысяч нашел себе именно вас!

– А что такое ЛТП? – поинтересовалась Оля.

– Лечебно-трудовой профилакторий, – пояснил Рикошетов. – Туда сразу на два года можно угодить. И ни аванса тебе там, ни пивной... Так, кажется, написал на смерть Сергея Есенина Маяковский?

– Почти, – улыбнулась Оля.

– Прощай, Пират! – с грустью в голосе произнес Рикошетов.

Патрик поднял на него печальные глаза, вяло махнул хвостом, поколебавшись, подошел, уткнулся носом в колени. Бывший хозяин погладил его, затем резко отпихнул от себя.

– Если соскучитесь по Патрику, приходите к нам, – великодушно предложила девушка.

– А вот этого не нужно! – вырвалось у него. – Я не хочу знать, в каком доме вы живете, номер вашей квартиры...

– Почему?

– Милая Оля, вы наивная девушка! Ведь я сейчас и я пьяный – это совершенно два разных человека. Эго даже не раздвоение личности, а хуже! Я невменяем, непредсказуем, жи-

ву в каком-то нереальном жутком мире. В моем сознании стираются такие понятия, как мораль, честь, совесть... Я могу украсть, разбить стекло, оскорбить постороннего человека. Если я узнаю ваш адрес, то могу пьяный прийти и требовать назад Пирата. Или деньги за него. Я доставлю вам массу беспокойства и неприятностей...

– И вы не можете бросить пить?!

– Я могу, – опять улыбнулся он мягкой, чуть грустной улыбкой. – А вот второй... – Рикошетов постучал себя по груди, – не может и, наверное, не хочет. Самое страшное, что я не знаю, когда на меня накатит эта проклятая волна... Я ведь могу и месяц, и два в рот не брать. Могу выпивать, как все нормальные люди, только по праздникам, но этот проклятым мой враг – второй – живет во мне и ждет своего часа... И я никогда не знаю, когда этот час пробьет. Вот в чем беда, милая Оля. Так что лучше не приглашайте меня к себе. Может, когда увижу вас с Пиратом, сам подойду... Я знал, что он уйдет от меня: с пьяницей даже собаке трудно. Честно говоря, я обиделся на него, думал, он предал меня. А ведь предал его я. Как и всех, кто был мне дорог.

Он кивнул, повернулся и, все убыстряя шаги, пошел по улице Каляева в сторону Литейного проспекта. Старенький плащ шуршал на ходу, как и листья под его огромными туфлями. Тонкая, чуть сутулая фигура незнакомого человека, который вдруг приоткрыл ей совершенно чуждый мир диких, непонятных страстей, способных перемолоть челове-

скую душу в пыль, прах. Смотрел вслед бывшему хозяину и бывший Пират, ставший Патриком. Он не сделал и попытки пойти за ним. Однако в выразительных карих глазах собаки затаилась глубокая печаль.

2

Николай Евгеньевич Луков согнулся перед зеркалом над раковиной, оскалил рот и увидел, что в верхнем ряду снова из коренного зуба выскочила пломба. Со свистом втянул в себя воздух и почувствовал противный холодок. И что пошли теперь за врачи! Наверное, десятый раз ставят на зуб пломбу, и каждый раз через месяц-два она вылетает. Врач-стоматолог советует поставить золотую коронку.

Николай Евгеньевич провел ладонью по розовым полным щекам – не слышно даже скрипа. Бритва «Браун», которую он купил в Венгрии, отлично берет, не то что наш «Харьков»... Под глазами заметно набухли мешки. Зря вчера в «Красной стреле» на ночь выдул две бутылки рижского пива, захваченные с собой. На носу недавно появилось красное пятнышко и почему-то не проходит. Наверное, сосудик лопнул. Старость не радость... Пятьдесят четыре года! Когда-то девушки говорили, что у него красивые голубые глаза. А теперь даже не поймешь, какого они цвета – светло-серые или оловянно-свинцовые. И какие-то красные прожилки испещрили белки глаз.

Смотреть на свою физиономию надоело, и Луков отошел от раковины. Окно гостиницы «Октябрьская» выходило на широкий Лиговский проспект. День за окном занимался пасмурный, хотя вроде бы с неба не капало. Внизу с шумом проносились машины, у метро «Площадь Восстания» толпились люди, ленинградцы были в плащах, с зонтиками в руках. Николай Евгеньевич не любил Ленинград и бывал в нем редко. Все хвалят его архитектуру, дворцы, знаменитые площади и мосты, которых тут, кажется, около пятисот, но зато климат здесь ужасный. Один раз загубил новенький костюм. Попал на Невском под ливень, а потом два часа провел в душном зале какого-то кинотеатра, там шел занудливый двухсерийный фильм. Костюм высох, но весь скукожился – сколько жена его ни гладила, прежней формы так и не смогла вернуть. Такие вот теперь за границей костюмы шьют! Можно подумать, что у них дождей не бывает.

В Ленинград Николай Евгеньевич приехал к Славину. Он договорился с Монастырским опубликовать статью о Леониде Славине. Лет десять назад на каком-то московском совещании, посвященном проблемам современной критики, Лукова познакомили со Славиним. Помнится, ленинградец произвел на него впечатление умного человека. Леонид Ефимович повел речь о ленинградских критиках, которых следовало бы поддержать в Москве. Перед выступлением к нему подходили молодые люди, о чем-то советовались. Славин называл неизвестные Лукову фамилии литераторов, да-

вая им меткие характеристики, – это тем, которые, на его взгляд, ничего из себя не представляют, а на некоторых настоятельно рекомендовал обратить внимание критики. И что еще заметил Николай Евгеньевич – почти все выступающие ленинградские критики в первом ряду известных советских писателей называли имя Славина. Еще тогда Луков подумал, что Леонид Ефимович напоминает полководца на поле боя, отдающего приказы штабным офицерам.

Выходя из гостиницы на шумный проспект, Николай Евгеньевич с досадой подумал, что опять забыл захватить из дома зонтик. Он взглянул на серое низкое небо, мокрые крыши зданий, поблескивающие серебристыми каплями провода, даже подставил растопыренные ладони с короткими толстыми пальцами – ни одна капля не упала на них. Чудеса! Все мокрое, крошечные капельки сверкают на зонтах, головных уборах прохожих, а руки сухие!

Слаvinу он позвонил еще из Москвы, договорился о встрече в Союзе писателей на улице Воинова ровно в двенадцать дня. Еще было время, и Луков решил пройтись пешком. У автобусной остановки ему сказали, что на улицу Воинова ему лучше всего попасть таким образом: идти по улице Восстания до конца, на Салтыкова-Щедрина повернуть налево и по проспекту Чернышевского выйти прямо на улицу Воинова. Можно и на метро – до станции «Чернышевская».

К его удивлению, к Союзу писателей он пришел совершенно сухим, ленинградское небо так и не разразилось хо-

лодным осенним дождем. Даже вроде бы стало светлее, с Невы дул ветер и гнал над крышами зданий белесые клочья облаков.

Со Славиним они уединились в небольшой комнате с письменным столом и высоким окном, выходящим на Неву. Леонид Ефимович выдернул из розетки телефонный шнур, чуть приметно усмехнувшись, бросил:

– Чтоб нам никто не мешал.

Николаю Евгеньевичу не пришлось даже задавать вопросы, Леонид Ефимович протянул ему отпечатанные на машинке листы.

– После того как вы мне позвонили, я поручил своему секретарю подготовить все материалы, – пояснил он. – Думаю, что здесь вы найдете ответы на все интересующие вас вопросы.

И действительно, на листах было изложено все то, что необходимо для статьи: библиография, биографические данные, награды, заслуги и прочее. Тем не менее Николай Евгеньевич задал с десятков вопросов, на которые Славин дал исчерпывающие ответы. Ему было за шестьдесят, но выглядел он моложе, глаза изучающе ощупывали Лукова; в свою очередь Леонид Ефимович спросил про здоровье главного редактора, дав понять, что они в дружеских отношениях, впрочем, об этом Николай Евгеньевич и сам знал. Главный редактор и Славин не раз вместе ездили в заграничные командировки, представляли советских литераторов за рубежом на

теоретических конференциях и диспутах.

– Вы не проголодались? – поинтересовался Леонид Ефимович. Луков не успел ответить, как он вставил вилку в розетку, снял трубку телефона, набрал номер и негромко произнес: – Людочка, принесите, пожалуйста, наверх пару бутербродов, кофе... Конечно, с икрой.

Леонид Ефимович расспрашивал про видных московских критиков, передавал им приветы, как бы между прочим вставлял, что с одним он ездил в США, с другим был на приеме в американском посольстве, с третьим подружился в Доме творчества в Пицунде. А секретаря Союза писателей Альберта Борисовича Алферова называл Альбертиком, тем самым подчеркнув, что они на короткой ноге. Когда заговорили о прозе и прозаиках, Луков поинтересовался, мол, как относится Славин к последнему роману Вадима Казакова.

– Точно так же, как вы, – с улыбкой ответил Славин. Рыжие кустики волос на висках курчавились, красноватая лысина поблескивала.

– О нем сейчас говорят...

– Но зато мало пишут, – вставил Леонид Ефимович.

– Я вот выступил...

– Читал, – опять перебил Славин. – Правильно вы его...

Но если честно, то ваша статья малодоказательна. Надо было как-то тоньше, а вы, как говорится, обухом! – Славин запнулся, встретив вопрошающий взгляд Лукова. – Понимаете, иногда резкая критика вызывает у читателей противополо-

ложный эффект... А вообще, Казакову это будет еще одним уроком. Он высказывает такие мысли, которые не нравятся нам... У нас свой микроклимат в организации, и мы никому не позволим его нарушать. Казакову или кому-нибудь другому.

– Я рад, что вы разделяете мое мнение о Казакове.

– Вашего мнения я совсем не разделяю, – поправил Славин. – Но ваша статья подрезала в глазах литературной общности крылышки Казакову, за что вам и спасибо.

– Читала ли общественность мою статью? – усомнился Николай Евгеньевич.

– Об этом мы позаботились, – улыбнулся Леонид Ефимович. – Казаков, он ведь в Ленинграде нечастый гость. Живет месяцами где-то в Калининской области, строчит свои романы, и пусть... Лишь бы не лез в наши дела, не путался, как говорится, под ногами.

– Я слышал в Москве, что Казакова хотят выдвинуть на премию, – вспомнил Луков. – Не буду ли я тогда выглядеть смешным со своей статьей?

– Думаю, что этого не случится, – усмехнулся Леонид Ефимович. – Пока с нашим мнением считаются, а мы такого не допустим. Великое дело, что премии писателям у самих писателей в руках! Не смешно ли, если вдуматься, – журнал, опубликовавший повесть или роман, выдвигает его на Государственную премию? Секретариат Союза писателей выдвигает секретаря-писателя? И как это ни странно, никому в го-

лову не приходит, что подобная практика просто-напросто неэтична.

– Вы осуждаете такую практику?

– Что вы! – рассмеялся Славин. – Я счастлив, что существует такое положение. Пока будет так, мы будем давать премии, кому найдем нужным... – Он вдруг резко повернулся к Лукову: – Конечно, об этом вы не вздумайте написать в своей статье.

– Вы со мной так откровенны...

– Потому что я вам доверяю, да иначе бы главный редактор и не прислал вас ко мне.

Разговор перешел на последние веяния в литературном мире, где, кажется, тоже началась переоценка ценностей.

– Некоторые наивные литераторы решили, что гласность и демократия что-то изменят в нашем деле, – заговорил Леонид Ефимович. – А что изменилось? В журналах сидят все те же люди, в писательском руководстве произошли самые незначительные перемены: на место ушедших секретарей пришли молодые энергичные люди... – Он выразительно посмотрел на Лукова: – Наши люди. Разве из «обоймы» кто-либо вылетел? Все те, кого резко покритиковали на писательских собраниях и форумах, тотчас выступили в печати с горячей поддержкой новых веяний, перемен... Кто больше всех критиковал в своих речах руководство, были сами выбраны в руководящие органы Союза писателей... Кто громче всех кричит о серости? Самые серые писатели! Так что в

нашем литературном мире пока все без перемен...

– Перемены есть, – возразил Николай Евгеньевич. – Шубина так высекли, что он до сих пор не может опомниться.

– Ваш Шубин – дурак, – заметил Славин. – Потерял чувство меры, за что и поплатился.

– Не только он... поплатился, – вставил Луков.

Славин внимательно взглянул на него и сказал:

– Да, вы же много писали о Шубине... Честно говоря, не на ту лошадку вы поставили!

Луков пожаловался, что пропала его книжка о Шубине. Считался чуть ли не классиком, ведь его фамилию печатали в журналах рядом с фамилией Славина...

– Присылайте рукопись лично мне, – подумав, предложил Славин. – Нет, лучше все же на издательство. Я думаю, что мы вам поможем. На будущий год она, конечно, в план не попадет, а через год выпустим. Это я вам твердо обещаю. Шубина я знаю, честно говоря, писатель он слабый, но это уже не имеет никакого значения. Выходит, любого из нас, ну из этой самой «обоймы», можно вытащить и публично заявить, что мы – ничто? Нет, это принципиальный вопрос! И как бы я лично ни относился к Шубину, я поддержу выход вашей книги о его творчестве.

Добираясь с пересадками на автобусах до Пушкинского дома, где ему нужно было повидаться со знакомым профессором, Николай Евгеньевич ликовал: монография о Шубине будет пристроена в Ленинграде! Это поистине царский по-

дарок Славина! Стоит ли вспоминать про червонец, заплаченный за завтрак в Доме писателей... Луков готов был выпустить Леонида Ефимовича в ванне с шампанским!

Николай Евгеньевич все больше проникался благоговением к Славину. Он всегда преклонялся перед умными людьми, которые все могут. Как далеко он, Луков, смотрел вперед, когда в каждой своей статье хвалил Леонида Ефимовича, вот оно и аукнулось в его пользу!

В радостном, приподнятом настроении Николай Евгеньевич вышел у здания Ленинградского университета. Небо расчистилось от серой мути, иногда выглядывало красноватое осеннее солнце, и тогда свинцовые волны в Неве окрашивались в нежно-розовый цвет, а на другом берегу ослепительно вспыхивал позолоченный шпиль здания Адмиралтейства, бело-зеленоватый Зимний дворец тоже окутывался праздничным сиянием, взметнувшиеся над аркой Главного штаба кони, казалось, вот-вот оторвутся от пьедестала и взлетят в голубую промоину неба, раскрывшуюся над Дворцовой площадью. Услышав сверху мелодичный звон, улыбающийся Николай Евгеньевич поднял вверх голову, и в то же мгновение сильный толчок отбросил его к тротуару, он не удержался на ногах и растянулся на асфальте. Прямо над его головой ветер раскачивал металлический прямоугольник с надписью: «Осторожно, листопад!» К нему уже бежали прохожие, помогли подняться на ноги. Высокий широкоплечий парень в синей куртке на «молнии» смотрел на него.

– Не ушиблись? – спросил он.

– А что случилось? – приходя в себя, спросил Луков.

– Что случилось! – воскликнула женщина в длинном пальто и мужской шляпе. – Вы чуть не угодили под машину! Скажите спасибо молодому человеку, который вас вытащил из-под самых колес.

– Есть ведь переход, – слышались другие голоса. – Прутся прямо под колеса!

– Это вы меня? – взглянул на молодого человека Николай Евгеньевич. – Я даже не понял, в чем дело...

– Вам, наверное, ангел позвонил в золотой колокольчик? – улыбнулся парень в синей куртке. У него светло-серые глаза и белые зубы. – Вы смотрели на небо и улыбались, а грузовик шел прямо на вас.

– Выходит, вы спасли мне жизнь? – окончательно оправившись, спросил Луков.

– Это громко сказано! – рассмеялся парень. – Когда переходите улицу, не смотрите на небо.

– Как ваше имя? – видя, что его спаситель повернулся и зашагал по тротуару к Дворцовому мосту, спросил Николай Евгеньевич.

– Андрей, – обернулся тот и скоро скрылся в толпе прохожих.

Подходя к Пушкинскому дому, Луков подумал, что будто бы он раньше где-то видел этого парня. Ясные серые глаза, высокий лоб, короткая прическа, прядь темно-русых волос

и эта ироническая улыбка. Николай Евгеньевич давно уже заметил, что после того, как ему перевалило за пятьдесят, все чаще встречаются люди, которые на кого-то похожи...

И все-таки у знакомых надо спросить, есть ли у Вадима Казакова сын по имени Андрей...

3

В народе бытует мнение, что каждому человеку всего доброго и недоброго отмерено по определенной мерке. Не бывает так, чтобы один человек был всю жизнь несчастен, а другой – счастлив. И потом, наверное, быть только счастливым – скучно. Счастье тоже ведь познается лишь по сравнению с несчастьем. Ученые-медики утверждают, что человеку необходимы стрессы и дистрессы. Только тогда он ощущает полноту жизни, все ее многообразие. Иногда можно услышать: мол, я больше не пью, потому что уже выпил свою «цистерну». Или вдруг энергичный боевой человек, всю жизнь борющийся за какие-то свои принципы, как говорится, спускает пары и успокаивается, становится покладистым, равнодушным, идет на любые компромиссы. На вопрос, что с ним случилось, отвечает: «Я отвоевался, теперь хочу жить без всяких треволнений...» И живет.

А вот любовь тоже отпущена человеку по мерке? Отлюбил свое и успокоился? И уже до самой смерти кровь твоя не вскипит, а сердце не вспыхнет?..

Вадим Федорович сидел на черном пне у заросшей травой и кустарником землянки. Перед ним расстилалось Черное болото. Ветер шуршал тростником, ржавой осокой, тускло поблескивали между серых кочек свинцовые окошки болотной воды. Зеленая ряска сливалась с лиловыми листьями кувшинок. К самому краю болота подступили высокие сосны и ели, на мох и траву неслышно падали сухие иголки. На березах и осинах почти не осталось листьев, зато их много было под ногами. Неторопливые букашки и жучки ползали между ними. Наверное, запасают пропитание на зиму. Почти не слышно птиц. Сначала улетели ласточки, потом скворцы. Каждый день над Андреевкой тянутся караваны гусей, журавлей, других перелетных птиц. Иные летят своим клином молча, другие пускают на землю мелодичные грустные трели. Красиво летят на юг большие птицы. Впереди вожак, за ним – треугольником – летят другие. Иногда одна сторона треугольника или другая вытягивается, становится длиннее, затем снова выравнивается. Пролетят птицы, скроются за вершинами деревьев, а на душе останется тихая, приятная грусть. Невольно подумается: был бы ты птицей, наверное, тоже полетел вслед за ними...

Вспомнились стихи Сергея Есенина:

Отговорила роща золотая
Березовым, веселым языком,
И журавли, печально пролетая,
Уж не жалеют больше ни о ком.

Осень всегда приносит с собой грусть-печаль. И печаль эта не мучает тебя, не терзает, а, наоборот, успокаивает, сладко тревожит, заставляет на мир взглянуть как-то по-иному. Философичнее, что ли. Почему любовь проходит?..

Помнится, встретив Виолетту, внушал себе: дескать, это моя последняя любовь... Может, это и на самом деле так? Больше никогда он не испытает того, что когда-то испытывал к Ирине, Виктории, Виолетте? Кажется, он писал в одном из своих романов, что каждая любовь отрывает от человека какую-то частицу души. А у него их было три. Если верить тому, что каждому человеку природой отпущено все по мерке, то он, Вадим, уже исчерпал свой резерв? Слово-то какое-то казенное... Почему же тогда не пришло к нему спокойствие? Почему он обратил внимание на Галю Прокошину? Или кроме большой, настоящей любви существуют маленькие, грошовые любвишки? И теперь вся его жизнь будет состоять именно из этих любвишек? Незавидная же тогда у него судьба...

В последнюю встречу с Викой Савицкой он услышал от нее, что в новом его романе главная героиня – существо неприятное. Ей, женщине, стало обидно за героиню романа. Значит, подсознательно Казаков придал своей героине черты Виолетты Соболевой... А с другой стороны, имеет ли он право так сурово судить женщин? Каждая из них что-то тоже отдала ему, в конце концов все они послужили прообразами

его героинь.

Треснула сухая ветка, сверху, шурша, упала красная еловая шишка. Вадим Федорович задрал голову и встретился глазами с пушистой, похожей на комок сизого дыма, белкой. Изящный зверек бесстрашно смотрел на него сверху вниз, в лапках его была зажата еще одна большая шишка. Изогнутый хвост неподвижно застыл за грациозно изогнутой спиной.

– Привет! – улыбнулся Казаков.

Белка наклонила голову набок, как это делают собаки, когда хотят понять, что говорит хозяин, потом пострекотала что-то неразборчивое и бросила вниз шишку. В следующее мгновение зверек взмыл вверх и очутился на другом дереве. Блеснул веселыми глазками и исчез в колючей хвое большой сосны.

Почему-то после этой мимолетной встречи с белкой на душе у Вадима Федоровича стало полегче. Он поднялся с пня, наступил ногой на что-то твердое, нагнулся и извлек из-под жесткого седого мха ржавую неразорвавшуюся мину. В помятый стабилизатор набилась коричневая земля, перемешанная с нитями мха и грибницы. Повертев мину в руках, он подошел к самому краю болота и зашвырнул ее подальше. Почему то он был уверен, что она не взорвется, даже не пригнулся и не спрятался за дерево. Мина гулко шлепнулась прямо в свинцовое окно, зеленая ряска раздалась в стороны и снова невозмутимо сомкнулась. Мина не взорвалась.

Вспомнился 1943 год, налет карателей на партизанский лагерь, свист мин, треск автоматов. Тогда его бабушка, Ефимья Андреевна, провела сохранившуюся часть отряда через непроходимое топкое болото. Она одна лишь знала узкую тропу, вилявшую меж кочек. В тот раз Вадим и подхватил на этом болоте проклятый ревматизм, мучивший его до сих пор. Сорок два года прошло с тех пор, а как живо все перед глазами! Хорошо замаскированные землянки, «птичье гнездо» на огромной сосне – там дежурил наблюдатель с биноклем, – черный, с помятым боком котел, в котором Ефимья Андреевна варила похлебку, партизаны, занятые каждый своим делом: один штопает рубаху, другой чистит и смазывает автомат, третий просто лежит на бугре и смотрит в небо...

Неожиданно чьи-то теплые ладони закрыли ему глаза, горячее дыхание обожгло шею. Он даже не вздрогнул, лишь мелькнула мысль, что вот тут, где был партизанский лагерь и где он жил в общем-то как на пороховой бочке, был всегда в напряжении, начеку, мог ночью проснуться от шороха усевшейся на ветку птицы, сейчас не почувствовал даже присутствия постороннего человека, не услышал его шагов. Правда, на мху их и услышать трудно, но все равно мирная спокойная жизнь притупила все былые лесные инстинкты.

Какое-то мгновение он стоял молча, даже не пытаясь отвести чужие ладони, размышлял: кто бы это мог быть?

Тихий, журчащий смех...

– Отпусти, Галя, – улыбаясь, сказал он.

Перед ним стояла Галя Прокошина, на ней была капроновая куртка, на полных ногах короткие резиновые боты, у ног стояла плетеная корзинка, почти до самого верха наполненная клюквой. Крупные ягоды будто подернуты сизой дымкой. От одного взгляда ни них во рту появилась оскомина.

– Гляжу, стоишь и смотришь на болото... – весело заговорила женщина. – Тебя что, леший заморозил, что ничего не видишь и не слышишь?

– Я тут мальчишкой воевал... А жил вон там, – кивнул он на небольшой, заросший папоротником ров. – Это все, что от нашей землянки осталось.

– Меня тогда еще и на свете не было, – сказала она, посерьезнев. – А почему здесь так много ямок?

– Это воронки. Нас бомбили, обстреливали из минометов.

– Господи, какие страсти! Мама рассказывала, как бомбили Андреевку. В дом Суворовых, что живут напротив, попала бомба. Сразу троих убило, а в нашем доме до сих пор в бревне ржавеет осколок.

Хотя голос ее был грустным, однако в глазах не было большой печали. Кто войну не пережил, тот воспринимает ее как далекую историю, хотя в Андреевке нет семьи, где бы война и оккупация не унесли близкого человека. Галя наступила ногой на еловую шишку – та с писком вдавилась в мох. Куртка у нее распахнута, грудь распирает васильковую кофту, в глазах снова появился озорной блеск, губы тронула легкая

улыбка.

– Тихо-то как! – Закинув руки за голову, она потянулась всем своим округлым сильным телом. Кофта на груди затрещала, и маленькая матовая пуговица упала к ее ногам. – Чего ты вспомнил про войну? Раз жив-здоров, думай о живых...

– О них... – кивнул он на болото, – тоже нельзя забывать.

– Пойдем отсюда, Вадим, – сказала она. – Пойдем...

Лес был пустынным и весь просвечивал, листья и хвоя под ногами шелестели, негромко выстреливали сучки, седой мох постепенно сменился на зеленый, сосны стали реже встречаться, все больше березы и осины. Меж стволов заголубело Утинное озеро. В Андреевку нужно было поворачивать направо, но Галя свернула к озеру. Вадим Федорович шел за ней, он с удовольствием смотрел на крепкие ноги женщины, шагавшей впереди. Иногда Прокошина оборачивалась, в глазах ее смех, мелкие зубы покусывали полную нижнюю губу. Наверное, ей стало жарко, и она на ходу стащила с себя куртку, теперь он видел, как играют ее крутые бедра. Она ничего не говорила, лишь взглядом манила за собой, дразнила белозубой улыбкой, черные волосы спадали на шею, когда сверху падал яркий свет, они матово сияли. Под сосной, где желтой хвоей все было выстлано вокруг, Галя Прокошина внезапно остановилась, повесила корзинку на нижний сук, для чего ей пришлось приподняться на цыпочки. Повернувшись к Казакову, она за отворот плаща притянула его к себе, ее губы коснулись его щеки, впились в его губы.

– И что же вы теперь за мужики такие? – Оторвавшись от него, рассыпала она мелкий журчащий смех по лесу. – Бойтесь до бабы дотронуться...

Потянула за собой на мягкий пружинящий мох, он совсем близко увидел ее большие карие глаза с расширившимися зрачками, ощутил горячее дыхание и нежный дурманящий запах багульника от ее густых черных волос...

Позже, когда она, отойдя за куст орешника, привела себя в порядок и они пошли рядом по лесной дороге в Андреевку, он то и дело ловил на себе ее теплый, изучающий взгляд. В ее карих глазах еще колыхалась жаркая дымка, на круглых щеках рдели два яблочных пятна, походка будто стала тяжелее, увереннее.

– Что ты на меня так странно смотришь? – не выдержав, спросил он.

– А ты мужик-ик! – протянула она, облизнув розовым языком нижнюю припухшую губу. – Настоящий мужик!

И ему вдруг сделалось весело от этих простых, но искренних слов молодой женщины.

Не доходя до длинного, как сарай, бывшего клуба, Вадим Федорович крепко взял ее под руку и повел в невидимый за ольховыми кустами овражек, знакомый ему еще с юных лет. Сердце его радостно бухало, полная, но упругая рука женщины, казалось, пульсировала в его пальцах. Она даже не спросила, куда он ее ведет, шагала рядом и улыбалась.

– Ой, Вадим, что же ты раньше-то меня стороной обхо-

дил? – шептала она. – Я сколько ночей не спала, ждала, когда ты постучишь в окошко...

– Спасибо тебе, Галя, – вырвалось у него.

– За что? – удивленно посмотрела она ему в глаза. – Это тебе спасибо, что не оттолкнул меня...

– Какая осень, а? – счастливо рассмеялся он. – Утром встал и пошел в лес. На душе такая тоска, а сейчас светло, солнечно, ей-богу плясать хочется!

– Чудной ты! – рассмеялась и она и вдруг помрачнела. – Господи, а что, если я в тебя влюбилась, Вадим?!

– Не надо, – все еще улыбаясь, произнес он. – Видно, я не приношу счастья женщинам. Бросишь ты меня...

– Ты сам уйдешь, Вадим, – негромко произнесла она. – И не говори ничего... Я ведь знаю.

– Ничего ты не знаешь!

– Ладно, милый, не будем заглядывать вперед, – снова рассмеялась она. И ему очень понравился ее смех. – Пришло ко мне знаешь что? Мое бабье лето...

– Бабье лето, – повторил он. – Наше с тобой бабье лето, Галя...

4

Вадим Федорович не поверил своим глазам: по дороге, ведущей от шоссе к Андреевке, неторопливо шагал со спортивной сумкой через плечо Павел Дмитриевич Абросимов.

Он был в светлом костюме, синей рубашке с распахнутым воротом, на ногах желтые штиблеты. Изрядно поседевшие волосы еще дальше отступили ото лба. Павел Дмитриевич остановился под могучей сосной, задрав голову, стал вглядываться в гущу ветвей. Что он там обнаружил, Вадим Федорович не понял. Может, дятла? Стука не слышно. На полном, не тронутом загаром лице двоюродного брата появилась улыбка. Почему он не на машине? В Андреевку он обычно приезжал по большим семейным праздникам на персональной «Волге». После того как умер его отец – Дмитрий Андреевич, стал наведываться сюда еще реже. Заместитель министра! У него дел невпроворот.

Первое движение Вадима Федоровича было окликнуть друга и спуститься с железнодорожной насыпи вниз – Казаков возвращался со своей ежедневной прогулки к висячему мосту через Лысуху, – но что-то остановило его. Павел Дмитриевич поставил сумку на обочину, снял пиджак и, поплевав на ладони, полез на сосну. Нижний сук, за который он ухватился, с громким треском обломился, и заместитель министра тяжело шлепнулся на усыпанную иголками и шишками землю.

Казаков рассмеялся. Абросимов довольно легко для его комплекции вскочил на ноги, отряхнул брюки и уставился на Казакова.

– Ты это, Паша, или не ты? – кричал тот с насыпи. – А где черная «Волга»? Личный шофер? Дал бы правительствен-

ную телеграмму – мы бы тут оркестрик организовали!..

– Я боялся, что тебя не застаю, – улыбался Абросимов. – Звонил в Ленинград, сказали, что ты здесь, но в любой момент можешь уехать.

– Зачем же я тебе так срочно понадобился?

Павел Дмитриевич по травянистому откосу полез на насыпь, но, вспомнив про пиджак и сумку, вернулся за ними. Когда он поднялся, на лбу заблестели мелкие капли пота.

– Денек-то нынче чудо! – расцеловавшись с другом, произнес он. – Давно я так свободно не ходил по лесу, не любовался природой!

– Все больше на пальмы да на синее море? – поддел Вадим Федорович.

– На море тоже хорошо, – добродушно заметил Абросимов. – Будто ты туда не едешь?

– И все-таки как ты тут очутился, один, без машины? – удивлялся Вадим Федорович. – Или она на шоссе тебя дожидается?

– Помнишь у моста зеленый луг и огромные сосны? – не отвечая на вопрос, вспоминал Павел Дмитриевич. – А подалее, за дорогой, мы с тобой еще до войны раскапывали железки такие... Вспомнил – пукалки!

– Чего это тебя в детские воспоминания кинуло? – с интересом посмотрел на него Казаков. Он чувствовал, что с двоюродным братом что-то случилось, какой-то он не такой, как раньше... Хотя громко говорит, весело смеется, а в глубине

серых глаз притаилась грусть.

– Пойдем туда, – кивнул в сторону висячего моста Абросимов. – Недавно мне снились этот луг, сосны, Лысуха...

– И ты все бросил и примчался сюда, – вставил Вадим Федорович.

– Тебя, черта рогатого, захотелось повидать, – рассмеялся Павел Дмитриевич.

– Что-что, а рогов у меня много за жизнь накопилось... – невесело пошутил Казаков.

Солнце заставило светиться зеленые иголки на древних соснах, меж которыми росла невысокая трава. Лысуха стала еще уже, из-за камышей и осоки воды почти не видно. Только у самого моста русло расширялось, слышно было, как меж зеленых валунов журчит чистая вода. Над вершинами плыли сплюсненные с боков облака, покрашенный выгоревшим суриком мост тяжело навис над мелкой речушкой.

– Какая тут тишина, безлюдье... – негромко произнес Павел Дмитриевич. – Ведь и поселок большой, а людей не видно.

– Все течет, все меняется...

– Перемены, перемены... – вздохнул Абросимов. – Кругом перестройка, гласность, демократия... Уж не знаешь, как и быть...

– Никак недоволен? – внимательно взглянул на него Вадим Федорович.

– А не ударят эти перестройки и перемены по тебе и

мне? – не глядя на него, сказал Павел Дмитриевич. – Теперь никому не возбраняется громко заявить, что ты – плохой писатель, а я – никудышный руководитель. И что делать? Доказывать, что ты не верблюд?

– Вон каким ветром тебя сюда занесло, Пашенька! – сообщил Казаков. – Тебе и мне ведь тоже никто не заказал молчать и проглатывать обиды и напраслину. Привыкли мы, Паша, принимать как должное все то, что нам сверху навязывали, а когда предоставили свободу самим решать государственные и производственные дела, выходит, мы и растерялись? Не хотим гласности, не нужна нам и демократия? Велика же была сила, которая сделала нас немыми и покорными! Видим, что страна заходит в тупик с горе-руководителями, которые только о себе и думают, а мы молчим, вернее, закрываем на все глаза. Рядом воруют, занимаются очковтирательством, а мы отворачиваемся, мол, моя хата с краю... Я полагаю, что все эти перемены как нож острый как раз тем, кто как сыр в масле катался в те годы. Мне ли это тебе говорить? Ты что, сам не видел? Близко был к начальству... Помнится, говорил мне как-то, что партия не потерпит надругательства над нашими идеалами, освободится от всего наносного и чуждого. Вот она и освобождается... Чем же ты недоволен, Паша?

Абросимов вертел в руках сухую еловую шишку, делая вид, что внимательно ее разглядывает. Его синяя сумка висела на суку, пиджак он положил под голову. На крупном ли-

це углубились морщины, волосы поредели, хотя лысины и не заметно, некогда твердый абросимовский подбородок стал вялым, двойным, шея под воротником собралась в дряблые складки, да и серые глаза будто водой разбавили. Посветлели или помутнели?

– В нашем министерстве сейчас сквозняк гуляет... – медленно разжимая губы, начал Павел Дмитриевич. – Минимум двадцать процентов аппарата заменили...

– Надеюсь, ты чист? – сбоку посмотрел на него Казаков. Он лежал рядом на траве под сосной.

– Но я ведь работал с ними, если что и замечал, так закрывал глаза... Имею ли я право дальше работать на этом посту? Начальника главка отдали под суд. Наверное, читал в газете? Старый коммунист, всю жизнь на руководящих постах. Когда же он стал загнивать?

– В период «великого застоя», как теперь говорят, – вставил Вадим Федорович. – То ли еще раскрутится! Теперь что ни газета или журнал – обязательно разоблачительная статья! Это же только подумать, что творили в Узбекистане, Казахстане! Да, пожалуй, везде...

– Когда еще был жив дед Тимаш, он как-то душевно поговорил со мной, – вспомнил Павел Дмитриевич. – Я был тут на похоронах отца. Вот что мне сказал тогда старик: «Митрич, почему ты так быстро полез в гору? С чего бы тебе такая честь, Паша? Навроде никаких особых талантов у тебя не было, а вон куда тебя жизнь вознесла! На самый верх! Небось

вместе со всеми встречаешь – провожаешь деятелей разных? Подумал ты, Паша, с чего бы это тебя тянут в большие начальники, а? Кому ты приглянулся, как красна девица? Или ты, Паша, не в деда свою Андрея Ивановича уродился? И характер у тебя иной? Андрей Иванович знал свое место в жизни; когда ему предлагали стать начальником станции, он наотрез отказался, так как знал, что у него нет на это грамотешки... Суровый был мужик, царствие ему небесное, прямой и честный. А таким людям ой как трудно в нынешнее время в большие люди пробиться... А вот покладистый да ласковый – тот скорее просклизнет навверх... Не зря говорится, что ласковый теляти двух маток сосет...»

– Мудрый был старик, – усмехнулся Вадим Федорович.

– Мне бы прислушаться к Тимашу, – продолжал Павел Дмитриевич, – а я отмахнулся – мол, что со старого горохового шута взять? Несет всякую чепуху... Вот ехал сюда на поезде и всю жизнь свою перебрал и разложил, как говорится, по полочкам... И знаешь, к какому выводу пришел?

– Что дед Тимаш прав?

– Это само собой! – отмахнулся Павел Дмитриевич. Лицо его стало суровым, вроде бы и подбородок отяжелел, а в глазах появился блеск. – Не за какие-то особые заслуги продвигали меня по службе, Вадим, а за что-то другое... Наверное, раньше я и себе боялся признаться, что это другое – не талант организатора и призвание педагога, а обыкновенное приспособленчество и угодничество перед начальством. Вот

что двигало меня по служебной лестнице! Хитрый старик, когда меня сравнивал с дедом Андреем, в самую суть глядел... Но вот когда я стал другим? Удобным для начальства?

– Я думаю, когда тебя в обком партии взяли, – помолчав, сказал Казаков. – Ты мне рассказывал, что где-то удачно выступил, тебя заметили и скоро туда пригласили...

– Нет, – покачал головой Павел Дмитриевич, – раньше... Намного раньше! Я ведь в институте был членом комитета комсомола, в армии вступил в партию, перед демобилизацией уже заседал в парткоме... Этот червь начальствования заполз в меня еще в детстве. Мне нравилось считать себя умнее других, командовать, поучать... Лишь в школе я почувствовал, что здесь мое место. С удовольствием занялся строительством, получал удовлетворение от уроков истории, а с каким удовольствием занимался фотографией! Наверное, эти годы в Андреевке были самыми насыщенными и счастливыми в моей жизни! А потом... Потом подлаживался под каждого нового начальника. Смотрел в рот, научился мыслить его мыслями, выказывать восхищение умом, деятельностью, всегда был на месте, под рукой. Писал доклады, собирал факты и фактики, да что говорить! Номенклатура – она коварная штука! Покрутившись в ней, начинаешь верить, что ты исключительная личность, рожденная только командовать и руководить. Это теми, кто ниже тебя на служебной лестнице... А кто повыше, тот бог и судья! И еще пример для подражания. Не надо обладать глубокими зна-

ниями, важно выглядеть импозантно, иметь значительную внешность, с важным видом изрекать прописные истины – это все перед низшим звеном, перед толпой. А перед начальством гнуть спину, кланяться, угадывать его желания... Вот ступеньки в те времена наверх! И не я один прошел по ним, а многие, очень многие! А теперь они, конечно, не хотят признаться, что прожили жизнь, как... Да и как признаться в таком? Люди-то стали смотреть на руководителей совсем другими глазами. Если ты пустое место, то, будь добр, уйди! А уходить-то с теплого местечка не хочется, вот и вертятся, пристраиваются к перестройке, играют в демократию, а сами по ночам зубами скрежещут от злобы и тоски по былым годам...

– И дураки те руководители, которые цепляются за старое и ждут, что все вернется на круги своя, – заметил Казаков. – Им все еще не взять в толк, что многие из них уже давно выглядят перед народом голыми королями. Ведь этим людям не привыкать хвалить начальство, когда оно в чести, и поносить его же, когда оно рухнет... Один «деятель» специальную тетрадку завел, куда записывает фамилии всех тех, кто его покритиковал на собрании, другой, наоборот, всех, кто на него ополчился, на командные должности назначает, включает крикунов в издательские планы, третий по телевизору выступает, заигрывает перед молодежью, мол, я ваш, за перемены... В общем, каждый перестройку подстраивает под себя.

– Знаешь, Вадим, – сказал Павел, – я хочу подать заявление министру – мол, прошу по собственному желанию...

– Боишься, что выгонят? Решил упредить?

– Выгонять меня никто не собирается, я как раз попал в разряд тех, кого, покритиковав и поправив за допущенные ошибки, оставляют служить и делом доказывать, что ты перестроился. Дело в том, что я по новому руководить людьми уже не смогу. Разве можно в нашем возрасте переделать себя самого? Это в молодые годы, а теперь... – Павел махнул рукой. – Да и до пенсии недалеко.

– Не записывай себя в старики, – сказал Казаков. – Ты крепок и здоров. И потом, не забывай, что некоторые люди, ушедшие на пенсию с крупных постов, зачастую чувствуют себя обворованными и пребывают в ненависти ко всем и ко всему, что делается без их участия.

– Мне это не грозит, – улыбнулся Павел Дмитриевич. – Приеду в Андреевку и буду учить ребятишек, как мой отец... И жена не возражает. Она у меня любит деревню, природу...

Хотя он произнес это якобы в шутку, Вадим Федорович понял, что друг его всерьез над этим размышлял. И приезд его в Андреевку не такой уж неожиданный...

– Я ведь в последние пятнадцать лет ни одного снимка на природе не сделал, – продолжал Абросимов. – Тянет в лес, к зверюшкам, птицам, бабочкам, стрекозам! Помнишь, какие я снимки делал?

– Быстро же ты сдался, Паша, – после продолжительной

паузы сказал Казаков. – Уйти, конечно, можно, но лучше победителем, чем побежденным.

– С кем же прикажешь сражаться? – глядя на небо, спросил Павел Дмитриевич.

– С самим собой, – сказал Вадим Федорович. Абросимов долго молчал.

Небольшое облако на миг заслонило солнце, вода в Лысуге сразу потемнела, а валуны в ней засветились малахитом. Над лугом парил коршун, концы его неподвижных бронзовых крыльев напоминали длинные тонкие пальцы.

– Устал я, Вадим, – сказал Павел Дмитриевич. – И потерял вкус к работе, как и мой покойный отец когда-то. Помнишь, пришел к первому секретарю обкома и подал заявление об уходе с партийной работы? А я, видно, пошел не в него, а?

– Тебе виднее, – дипломатично ответил Казаков.

– Отец мой ушел, когда корабль был на плаву и с раздутыми парусами, – проговорил Абросимов. – Когда дождем, как ты говоришь, на головы подхалимов и делег сыпались награды, премии, а вот мне приходится как крысе бежать с тонущего корабля...

– Не казни себя строго, – сказал Вадим. – Такое время было... Вот и народилась целая прослойка подхалимов, угодников, рвачей, обманщиков.

– Ты имеешь в виду и меня?

– Ты остановился где-то посередине, – смягчил свои слова Казаков.

– Я не остановился, я шел в гору... Привык ко всему, что происходило вокруг, считал, что так и нужно. Меня-то лично ничто это не задевало.

– Тогда уходи, Паша, – жестко сказал Вадим Федорович. – Не дадут школу – иди учителем.

– Спасибо, друг, утешил, – криво усмехнулся Абросимов.

– А чего ты от меня ждешь?

– А ты лично, Вадим Казаков, что ты получил? Тебя стали больше издавать, о тебе пишут, печатают в журналах?

– Если бы меня только это волновало, то грош цена была бы всем моим книгам. Я льщу себя надеждой, что меня потому читают, что я всегда говорил правду, даже тогда, когда она некоторым глаза колола...

– Ты прав, – прикрыл глаза светлыми ресницами Павел Дмитриевич. – Тем, кто не может перестроиться, – слово-то какое простое, а ведь за ним черт знает что стоит! – тем нужно уходить. Нет, это далеко не каждому под силу.

– Я вот о чем подумал: кто Рашидова писателем сделал? Его, слава богу, разоблачили, а те, кто прославлял его в печати, писал о нем монографии, называл классиком советской литературы, – те остались в стороне... Вроде бы они и ни при чем.

– Надеюсь, ты понимаешь, что я ни в каких махинациях не замешан? – посмотрел в глаза другу Павел Дмитриевич. – До этого я еще не докатился. Правда, пытались некоторые подкупить, да я гнал их с подарками из кабинета в три шеи!

– Гнал из кабинета... – насмешливо повторил Вадим Федорович. – Их надо было гнать с работы! Из партии!

– Я о многом догадывался, Вадим, – произнес Павел Дмитриевич. – Но поверь, то, что сейчас становится известным, о чем пишут в газетах и журналах, для меня такое же откровение, как и для всех.

– Верю, – сказал Вадим Федорович. – Я пытался на собраниях говорить правду о злоупотреблениях в нашей сфере, так меня высмеяли... Они теперь за перестройку: ругают то, что раньше хвалили, изобретают новые идейки, заигрывают с молодыми писателями... А вот Алексей Стаканыч из издательства и теперь в своей редакции заявляет, что перестройка и все нововведения – это чепуха! Все должно быть как и раньше... А тех, кто критикует начальство, нужно так прижать, чтобы и другим было неповадно! Стаканычу-то в те времена жилось ой как сладко!

– И этот Стаканыч все еще работает? – поинтересовался Павел Дмитриевич.

– Пока сидит в своем кабинете, причем стол поставил так, чтобы к входящим сидеть спиной... К сожалению, до таких, как Стаканыч, Монастырский и некоторые другие, еще не добрались...

Снова большое облако напозло на солнце, легкий ветерок белкой проскакал по вершинам деревьев, заставил ба- систо загудеть железнодорожный мост. Большая коричневая стрекоза сверху спланировала на сумку Абросимова. Изда-

лека пришел металлический шум, послышался гудок тепло-
воза. Товарный состав неожиданно вынырнул из зеленого
туннеля на чистое место, прогрохотал через мост. На откры-
тых платформах впритык одна к другой проплыли «Нивы»,
светлые «Жигули». Состав снова скрылся в зеленом тунне-
ле, железнодорожный мост еще какое-то время пощелкивал,
потрескивал, потом затих. И тогда звонко, так что по лесу
загуляло эхо, тренькнул блестящий рельс.

– Надолго к нам? – спросил Казаков.

– К нам... – усмехнулся Павел Дмитриевич, поднимаясь
с травы. – Точнее будет – к себе, Вадик.

– Вот Дерюгин «обрадуется»...

– Все еще держится за дом? Ведь один остался, ему, ка-
жется, уже стукнуло восемьдесят?

– После того как Федор Федорович умер, дом совсем опу-
стел, – заговорил Вадим Федорович. – Мой братишка Гена
хотел, чтобы там поселилась его дочь с мужем, так Григорий
Елисеевич на дыбы: «Не желаю, чтобы там кто-нибудь еще
жил! Я его строил, я в нем и буду свой век доживать...»

– Тебя-то не притесняет?

– Привык... Да он теперь не так уж часто сюда наезжает.
Но ключи никому не отдает.

– Умная голова был Федор Федорович, – вздохнул Абро-
симов. – Ему еще восьмидесяти не было?

– Один год не дотянул. А скрутило его в три дня: просту-
дился в Великополе, воспаление легких и... конец. Похоро-

нили в городе рядом с матерью.

– А ведь, кажется, совсем недавно мы с тобой сюда мальчишками бегали купаться, прыгали с моста в речку. Потом война, партизанский отряд... А теперь сами дедушки, черт побери!

Они поднялись по тропинке на пути и зашагали в Андреевку. Рельсы багрово поблескивали, от шпал пахло мазутом, мелкие камешки выскакивали из-под ног и со звоном ударялись о рельсы.

– Гляди, семафор убрали! – удивился Павел Дмитриевич.

– Спыхватился! – улыбнулся Вадим Федорович. – Уже лет двадцать, как установлены на нашей ветке светофоры.

– А как Лида и Иван Широков? – помолчав, спросил Абросимов.

– Ты разве не знаешь? – посмотрел на него сбоку Казаков. – Болеет Иван. Нужна, говорят, операция на сердце. А Лиду в этом году избрали председателем поселкового Совета. Единогласно.

– Она, чего доброго, меня тут и не пропишет, – усмехнулся Павел Дмитриевич. На полное лицо его набежала тень. – Очень изменилась?

– А мы разве с тобой не изменились?

– Женщины быстрее стареют, хотя и живут дольше нас, мужиков.

– Веселая, с внуками возится. Младший сын женился, с ней в доме живет. И с невесткой ладит. Ты же знаешь, у Лиды

легкий характер. И деловой оказалась. Новый клуб в поселке построила, детсад, амбулаторию.

– Надо же какие у нее таланты открылись, – покачал головой Павел Дмитриевич.

Они поднялись на крыльцо дома, в ручке двери увидели свернутую в трубку телеграмму.

– Тебе, – с усмешкой протянул зеленый листок с текстом, написанным от руки, Вадим Федорович.

Абросимов вслух прочитал:

– «Срочно возвращайтесь Москву коллегия министерства состоится в среду...» Послезавтра, – вертя телеграмму в руке, проговорил Павел Дмитриевич. – Придется завтра днем из Климова выехать.

– Ты что же, удрал? – с любопытством посмотрел на него Казаков.

– Надо ехать, – озабоченно сказал Павел Дмитриевич. – Отсюда автобусом, а из Климова много поездов на Москву. До завтра еще времени вагон... Знаешь что, Вадим? Давай баню истопим, а? Попаримся! Веники наломаем вон с той березки! – кивнул он на лес, что со всех сторон подступил к полотну.

– Попариться тебе не мешает... – протянул Вадим Федорович.

Ласточка со звонким криком мелькнула перед ними и скрылась в гнезде под крышей. Черный раздвоенный хвост не поместился и торчал наружу.

– Интересная все-таки штука жизнь, – задумчиво сказал Вадим Федорович. – Птицы каждый год прилетают туда, где родились, а человек чаще всего возвращается в отчий дом умирать...

– Главное, что все это есть у нас с тобой, – обвел рукой окрест Абросимов. – И всегда будет.

– Аминь, – улыбнулся Вадим Федорович.

Глава тринадцатая

1

Андрей, присев на корточки, манит к себе сына, вцепившегося в косяк открытой двери.

– Ваня, не бойся, иди ко мне, – зовет он. – Отпусти дверь и ножками, ножками!

– Угу, – отвечает мальчуган, шмыгая носом и не отпуская косяк. В синих глазах его нет страха, толстые губы чуть приоткрыты, нос сморщился.

Ваня Абросимов делает в своей жизни первые шаги. Он уже внятно выговаривает: «папа», «мама», «Оля». Он рослый мальчишка, отец утверждает, что пошел в абросимовскую породу: такая же широкая кость, сероглазый, русоволосый. Андрей видел своего предка лишь на фотографии, где сфотографированы Андрей Иванович, Ефимья Андреевна, Иван Васильевич Кузнецов и Антонина Андреевна Казакова. Близкие родственники, а фамилии у всех разные. Наверное, нужно обладать воображением отца, чтобы заметить сходство одиннадцатимесячного мальчика и, например, Андрея Ивановича.

Ваня наконец отрывается от косяка, делает один, второй шаг, затем начинает переставлять толстые ножонки все быст-

рее и вскоре оказывается в объятиях у отца.

– Маша! – радостно кричит Андрей. – Ваня пошел!

Из другой комнаты прибегают жена. Останавливается на пороге и смотрит на них. Большие прозрачные глаза смотрят недоверчиво.

– Ты меня разыгрываешь? – спрашивает она.

– Ваня, покажи матери, на что ты способен, – говорит Андрей, осторожно высвобождая сына из объятий, но тот цепляется за его руки. – Сын, ты же храбрый! Иди к маме! Ну, так же, как и ко мне...

Мальчик все еще держится за его большой палец, пристально смотрит на мать, теперь губы его сжаты, в глазах решимость.

– Он грохнется и потом долго не решится пойти, – подает голос Мария.

– Иди, Ваня, – уговаривает Андрей. – Ты ведь из породы Абросимовых, а у них трусов не было!

– Мама, – произносит мальчик и, отпустив отцовский палец, сам идет к ней. На этот раз он не срывается на трусцу – подходит к матери и упирается светловолосой головой ей в живот.

Мария подхватывает сына на руки, кружится вместе с ним по комнате, смеется:

– Пошел! Надо же, Ваня пошел! Какой ты молодец, сынок!

– Иду... папе... – басисто заявляет мальчик.

И снова, иногда лишь хватая руками с растопыренными

пальцами воздух, идет от матери к отцу, потом поворачивается и все повторяет сначала. Чувствуется, что ему нравится ходить, нравится радость родителей, он улыбается, что-то бормочет, взмахивает руками, притопывает, вертит большой головой с золотистыми, завивающимися волосами. В нем есть что-то от отца, скорее всего нос и глаза, и от матери – овальное лицо, густые брови, длинные ресницы и припухлый рот.

– Черт побери! – ликует Андрей. – Ванька пошел! Вот бы дед сейчас посмотрел на него!

– Ты заметил, Ваня называет его «дядя», – смеется Мария. – Такой молодежь у нас дед, что внук называет его дядей.

– Почему эта стюардесса ушла от него? – усевшись прямо на паркет, говорит Андрей. – Он ничего не говорил, но и ты, наверное, заметила, как он тяжело переживал ее уход.

– Я от тебя никогда не уйду. – Мария садится рядом с мужем. Тонкой рукой обхватывает его за шею, пригибает к себе и целует в губы.

– Он ведь молился на эту стюардессу. А какая у него героиня в романе?

– Может, женщины не хотят его делить с работой? – предполагает Мария. – Он ведь больше чем по полгода, живет в своей Андреевке. А молодая красивая женщина там долго не выдержит. Ей подавай общество, развлечения.

– И ты от меня сбежала бы, если бы я там поселился? –

подозрительно смотрит сбоку на нее Андрей.

– Я – нет, – улыбается Мария.

– Я знаю, – привлекает ее к себе Андрей. – Я – иголка, а ты – нитка. Куда иголка, туда и нитка – так говорила моя прабабушка Ефимья Андреевна.

– Почему вы, Абросимовы – Казаковы, так чтите своих предков? Ты даже не помнишь свою прабабку, а вот цитируешь. И отец твой часто вспоминает своего деда Андрея. И тебя назвал в его честь.

– Я горжусь Андреем Ивановичем, хотя никогда его не видел, – очень серьезно произносит Андрей. – Может, когда-нибудь напишу про него роман. Это была яркая личность... Андреевский кавалер!

– Даже вашу любимую Андреевку назвали в честь него, – вставляет Мария – А я вот ничего не знаю про своих предков. Бабушку немного помню, а деда – нет. И родители их редко вспоминают. Что это – забывчивость или равнодушие?

– Твой отец – ученый, мать – тоже...

– А мой дед был всего-навсего начальником станции в Тихвине, – вставляет Мария. – А бабушка – домохозяйкой.

– Твой отец не равнодушный человек, – вступает за родителей Марии Андрей. – Сергей Анисимович не кичится своими званиями, и мать твоя, Алла Алексеевна, не ученый сухарь. И откуда ты знаешь, что они не чтут своих родителей?

– Конечно, они их не забыли, но дед и бабушка редко у

нас бывали, а мы – у них. А ведь до Тихвина рукой подать.

– Твои родители – очень занятые люди...

– Раньше мать и отец ездили в отпуск в Тихвин, а теперь только в санаторий на юг, – упорствует Мария. – В прошлом году похоронили бабушку, отец звал деда в Ленинград, но тот отказался: дескать, всю жизнь прожил в Тихвине, там и умрет.

– Давай весной съездим к твоему деду? – предлагает Андрей. – Покажем ему правнука.

– Странно, что мне это в голову не пришло, – тихо проносит Мария, опуская темноволосую голову на широкое плечо мужа.

Из другой комнаты слышится грохот, затем басистый рев Вани. Они вскакивают с пола и бегут туда: сынишка сидит на полу рядом с опрокинутым стулом. На лбу зреет розоватая шишка. Мария хватает мальчика на руки, дует на красное пятно, уговаривает:

– Сам виноват, Ваня, зачем хватаешься за стул? Ты теперь ходить умеешь.

Ваня понемногу успокоился, слезы блестят в его серых с синью глазах, нижняя губа оттопыривается, маленький нос мокрый. Мария платком вытирает ему нос, целует в уши – болезненное место и опускает на пол. Малыш трет кулаками глаза, упрямо встает, держась за диван, делает несколько поспешных шагов и оказывается на руках у отца.

– Больно? – смеется тот. – Абросимовы – крепкий народ,

подумаешь, шишка! Эх, Ваня, сколько еще шишек набьешь себе на лбу, пока не научишься твердо стоять на ногах!

– Ты же Абросимов, Ваня, – ехидно замечает Мария, – а Абросимовы не могут жить как все нормальные люди. Им подавай трудности, борьбу!

– Тебе не кажется, что Ванюшке одному скучно будет на свете жить?

– О чем ты? – не понимает Марий.

– Сестра ему нужна, вот что! – смеется Андрей. – Или пара братьев.

– Ты с ума сошел! – пугается Мария. – У всех наших знакомых по одному ребенку.

– Ты что же, хочешь, чтобы Россия выродилась? Надо ко всем чертям ломать это идиотское правило иметь одного-двух детей! У моей прабабки Ефимьи Андреевны было одиннадцать, тебе это ясно? Правда, выжили только четверо.

– Даже не верится, что на Руси были такие героини! – удивляется Мария.

– И никто их героинями не считал, – горячо продолжает Андрей. – Ваня, тебе нужен братик? – смотрит он на сына. – Кивает! Видишь, Маша, он требует братика или, на худой конец, сестричку!

– А как же моя учеба? – слабо сопротивляется Мария. – Университет? Если я каждый год буду рожать тебе по ребенку, то я никогда не закончу его, слышишь ты, эгоист несчастный! Тоже мне нашелся спаситель России!

– Дети – это важнее университетов. Да здравствуют дети!

Они хохочут, у Марии в глазах искрятся веселые брызги.

Закинув руки, она обхватывает мужа за шею, целует, затем внезапно отталкивает.

– Я люблю детей, – посерьезнев, говорит она. – И наш Ваня не будет одиноким. Только дай мне, пожалуйста, университет закончить, а потом мы с тобой народим целую кучу, я тебе обещаю, Андрей... Не знаю, как другие, а мы с тобой внесем достойный вклад в спасение России!

Ваня доползает до порога, держась за дверь, встает на ноги и, вытянув вперед руки, делает мелкие шажки к ним. Шишка на лбу вспучилась, однако глаза блестят, губы расплзаются в улыбку. Отец и мать, не двигаясь с места, смотрят на него. Марии хочется шагнуть к сыну, подхватить его на руки, но муж дотрагивается до ее руки: мол, не нужно, пусть сам идет. Не доходя до них каких-то два шага, мальчик останавливается, переводит взгляд с отца на мать, затем быстро делает два последних шажка к Марии.

– Меня выбрал! – радостно говорит она, принимая сына.

В этот момент раздается в прихожей звонок. Андрей идет открывать, по привычке он никогда не спрашивает, кто это. На пороге стоит Вадим Федорович Казаков. Он в синей куртке с вязанным воротником, серой клетчатой кепке, в руках большая коричневая сумка. Обветренное лицо улыбается, в серых глазах – радость.

– Не ждали? – хрипловато говорит он.

– Тебя внук ждал, – отвечает Андрей. – В честь твоего приезда он сегодня впервые пошел.

– Иван! – кричит с порога Казаков. – Иди сюда, я тебе что-то покажу! – вытаскивает из кармана куртки деревянного медведя. – Сам выстругал из березового полена...

Внук, поддерживаемый матерью, торопливо семенит к деду. Шишка на лбу уже немного посинела и напоминает рог молодого козленка.

– Отпусти! – командует Вадим Федорович. – Пусть сам, без поводырей.

– Он уже набил на лбу шишку, – говорит Мария.

– Подумаешь, беда! – гремит Казаков. – Абросимовых никакой шишкой не удивишь!

Мария отпускает сына и переводит взгляд на мужа. Они без слов понимают друг друга: дед почти в точности повторил слова Андрея.

2

Андрею позвонил незнакомый человек и, назвавшись кинорежиссером «Ленфильма», договорился о встрече. Пришел он минута в минуту, в прихожей снял черные ботинки, надел тапочки. В густых темных волосах пробивалась седина, лицо изборождено глубокими морщинами. На вид ему лет шестьдесят, довольно худощав, держится прямо, без намека на сутулость.

– Зенин Михаил Борисович, – представился он, будто знал, что по телефону Андрей вряд ли запомнил его фамилию. – Я с удовольствием прочел в сборнике вашу повесть «Афганский ветер», кстати, она лучшая там, и загорелся желанием поставить по ней художественный фильм...

Повесть два месяца назад вышла в альманахе молодых писателей. В ней Андрей описал трудную работу шоферов на строительстве мирных объектов. И надо сказать, был удивлен, что ее сразу включили в сборник: сам он был невысокого мнения об этой повести – наверное, вывезла тема.

– Я уже говорил с главным редактором, директором студии, дал им прочесть вашу повесть – они не возражают.

Андрей Абросимов никогда не писал для кино, но был от многих знакомых и от отца наслышан о неблагополучном положении на киностудиях. Авторам сценариев там трудно приходится, некоторые режиссеры лезут в соавторы, случается, почти готовый фильм кладут на полку. Главным пугалом для начинающего сценариста является режиссер, который запросто может угробить даже хороший сценарий. Каждый режиссер стремится выразить себя в сценарии, ничуть не заботясь о материале. Ему ничего не стоит выкинуть удачную сцену и вставить другую, которая идет вразрез со всем сценарием, и попробуй ему возрази! Скажет, что ты писатель, мол, неплохой, но в кинематографе не разбираешься ни хрена и поэтому не лезь не в свое дело. И вообще писатель на съемочной площадке – ненужная фигура, с ним ни-

кто не считается там, вплоть до осветителей. Это лишь поначалу режиссер прикидывается добрым дядюшкой, готовым все для тебя сделать, обхаживает автора, подхваливает, торгуется каждой сценой, изображает из себя лучшего друга, отца родного. Подает идеи, подбрасывает выигрышные сцены, не забывая в договоре увеличивать свою ставку как соавтора сценария.

Все эти мысли промелькнули в голове Андрея, пока Михаил Борисович скучным, тусклым голосом пространно рассказывал, как он видит будущий сценарий. Надо сказать, говорил он плавно, литературно грамотно, и чувствовалось, что повесть отлично знает. Позже Андрей не раз убеждался, что почти все режиссеры умеют красиво и убедительно говорить, иногда даже проигрывают в лицах те или иные сцены.

Терпеливо выслушав Зенина, Андрей сказал, что никогда не работал для кино, вряд ли сможет написать сценарий, потом считает, что писать инсценировку по своей повести – это просто неинтересно.

– Но вы же заработаете кучу денег! – искренне удивился Михаил Борисович. – Кино – это как лотерея: если повезет, вы озолотитесь!

– А если не повезет? – скрывая улыбку, спросил Андрей.
– Всегда нужно надеяться на лучшее.

Они сидели в кабинете отца. Вадим Федорович уехал в Москву, Мария была в университете, а сын в яслях. Андрей сегодня не пошел на работу, потому что взял авторскую ру-

копись на дом, где и собирался поработать над ней. Зенин то и дело бросал любопытные взгляды на застекленные полки, где стояли книги отца.

– Очень хороший писатель, – наконец заметил он. – Жаль, что для кино Вадим Федорович ничего не сделал. Любой его роман – многосерийная эпопея. – Он перевел взгляд на Андрея: – Выходит, это у вас наследственное?

– Что? – сделал вид, что не понял, Андрей.

Ему не нравилось, когда его сравнивали с отцом или толковали про творческие гены, которые, дескать, перешли к нему по наследству. Может, это и так, но всякий раз слышать об этом от посторонних людей надоело.

– Я имею в виду ваше писательство.

«"Писательство"! – усмехнулся про себя Андрей. – Надо же, слово-то какое подобрал! Вот оно, отношение режиссера к писателю, – этакое снисходительно-пренебрежительное!»

Андрей думал, что режиссер, разочарованный его отказом, оденется и уйдет, но не тут-то было. Зенин снова стал расписывать, какой можно по повести сделать удачный фильм, какая великолепная и нужная тема затронута, для нашей молодежи это поучительный урок в жизни, да и проходимость на студии сценария не вызывает у него никакого сомнения.

– Я не буду писать заявку, – сказал Андрей.

– И не нужно! – как-то слишком поспешно согласился Зенин. – Я за вас напишу, не возражаете?

– Тогда это будет ваша заявка.

– Но повесть-то ваша? – возразил Михаил Борисович. –

Заявка – это пустяки, главное – сценарий.

– Смогу ли я его написать? – засомневался Андрей.

– Сможете! – заверил кинорежиссер. – Еще как сможете!

И потом, я вам помогу.

Тут он рассказал, что снял два десятка кинофильмов, к некоторым сам написал сценарии. Он назвал несколько фильмов, но Андрей ни одного не видел. Чуть позже Михаил Борисович признался, что, кроме одного художественного, все остальные ленты – это короткометражки. Пообещал в ближайшее время свозить Андрея на своей машине в Дюны, где в доме отдыха у него на днях состоится творческая встреча со зрителями, – пусть молодой писатель сам убедится, на что способен Михаил Зенин!

Глядя на черные скороходовские ботинки с набойками, немодное драповое пальто и потертую шапку, Андрей подумал, что Михаил Борисович, пожалуй, не из преуспевающих кинорежиссеров. Под конец он все-таки проникся к нему некоторой симпатией. Кому не приятно, когда твою повесть хвалят, цитируют из нее на память целые куски? И надо отдать должное Зенину – он искренне загорелся желанием поставить фильм.

– Я на днях к вам загляну с заявкой, – сказал Зенин на прощание. – Убежден, что дело выгорит, если мы с вами будем заодно! – Потоптавшись на пороге, признался: – Правда,

есть на студии один человек, который все может нам испортить, – это Александр Семенович Беззубов. Чувствует себя на студии полным хозяином, под его дудку пляшет главный редактор объединения. Ему наплевать на всех, лишь бы соблюсти собственную выгоду...

– Мне сестра о нем говорила, – вспомнил Андрей. – Он ведь снял один хороший фильм?

– Именно один! – горячо откликнулся Зенин. – И сделал на этом себе карьеру. Кто-кто, а Беззубов умеет устраивать свои делишки! – Он взялся было за ручку двери, но снова повернулся к Андрею: – Конечно, есть один выход для нас – взять его в соавторы.

– В соавторы? – удивился Андрей. – А что он должен делать, если вы собираетесь снимать фильм?

– Если у Беззубова будет какая-то личная заинтересованность, он, по крайней мере, не будет нам вредить, – доверительно сообщил Михаил Борисович.

– До свидания, – сказал Андрей.

Ему вдруг стал неприятен этот разговор, честно говоря, не верилось, что такое бывает на самом деле. Для того чтобы прошел сценарий, нужно включить в соавторы человека, который палец о палец не ударит, но получит деньги и не будет хотя бы мешать продвижению сценария к фильму. Это типичная взятка! Выходит, все меры, которые сейчас принимаются правительством против любителей легкой наживы, не касаются таких людей, как Беззубов?

– Я на днях к вам загляну, – пожал ему руку Зенин. Ладонь у него была твердая, пожатие энергичное. В разговоре Михаил Борисович обронил, что он заядлый автомобилист, сам сконструировал и построил прицепной домик, который называется трейлер. У него на кухне настоящая мастерская, полно разных инструментов, приборов, будет рад, если Андрей как-нибудь забежит к нему, познакомит с женой, дочерью Катей...

Андрей попытался сосредоточиться на работе, но разговор с Зениным не шел из головы. С одной стороны, ввязываться в незнакомое и сомнительное дело не очень хотелось, с другой же – все новое всегда привлекало Андрея. Опыт приобретается только в работе. Увидеть героев своей повести на экране – это было любопытно. Он много читал литературы о работе в киностудиях, съемках фильмов, смотрел «Кинопанораму», да что говорить, было лестно стать автором фильма. Отец когда-то давно – Андрей еще в школу ходил – написал сценарий для «Мосфильма», но фильм так и не вышел на экраны: вроде бы режиссер, который его уговорил написать сценарий, в разгаре работы ушел на другую картину... И вместе с тем хотелось думать, что вот уж кинофильм по моему сценарию будет удачным... Говорит же Михаил Зенин, что кино – это лотерея? А в лотерею иногда и «Волгу» можно выиграть... Правда, шанс на миллион!

Когда пришла сестра, Андрей рассказал ей о визите Зенина и предложении написать сценарий по повести «Афган-

ский ветер».

– Никогда про такого не слышала, – заявила Оля. – Что он поставил?

Андрей назвал несколько запомнившихся со слов Михаила Борисовича кинофильмов, сказав, что это короткометражки.

– Что-то припоминаю, – сказала Оля. – Из области рекламы. Только Беззубов не даст твоему Зенину снимать художественный фильм. Ему это неинтересно.

– Как неинтересно? А тема? Актуальность фильма?

– Не будь наивным, Андрюша! – рассмеялась Оля. – Беззубов думает только о собственной выгоде. Плевать он хотел на тебя, тему, актуальность.

– Ты говоришь точь-в-точь как Зенин!

– Уж он наверняка знает, что там делается.

– Значит, ничего не получится?

– Ты не похож на человека, который дает взятки – отрезала сестра.

– Неужели нет честных кинорежиссеров?

– Есть, только им не дают работу такие, как Беззубов. У него своя компашка, которая отстегивает ему «бабки» за каждый фильм, он для них и старается. А твой Зенин, видно, не из его бражки. И главный редактор объединения с ним заодно.

– Мой! – возмутился Андрей. – Да я его сегодня впервые в жизни увидел и, может быть, больше никогда не увижу... –

Он с насмешкой посмотрел на сестру: – «Отстегивают бабки!» Ты это у своей подружки Аси Цветковой научилась?

– Жизнь всему научит, – тоном умудренной женщины ответила Оля.

Только сейчас Андрей обратил внимание, что сестренка не в духе. Сумку бросила в прихожей на тумбочку, дубленку не повесила на плечики, а мохеровый полосатый шарф питоном свился в кольцо на полу. Лицо сестры было мрачным, блестящие карие глаза смотрели отчужденно, чуть подкрашенные губы кривила презрительная усмешка.

– Опять с Глебом поругалась? – полюбопытствовал брат.

– Он мне сделал предложение, – обронила сестра.

– Надо радоваться, а ты пришла мрачнее тучи.

– Почему вы, мужчины, считаете, что, сделав нам предложение, явили божескую милость? Мы должны прыгать от радости, кричать «Виват!» и в небо чепчики бросать?

– Потому что мужчина дарит вам не только себя, но и свою свободу, – улыбаясь, сказал Андрей.

– А мы, женщины, ничего вам не дарим? – наградила его насмешливым взглядом Оля. – Только берем?

– Когда свадьба?

– Никогда! – резко вырвалось у сестры. – Надо быть кретином, чтобы не понять: пока я не закончу институт, ни о каком замужестве не может быть и речи? Твоя Мария год пропустила? Не исключено, что пропустит и еще два, – у вас ведь наполеоновские замыслы насчет детей? С десяток за-

планировали?

– Мне не нравится, как ты разговариваешь, – заметил Андрей. – Слово «запланировали», по моему, здесь совсем неуместно.

– Я собираюсь стать артисткой, а не домохозяйкой, понимаешь ты это, дорогой братец? Дети меня свяжут по рукам и ногам. Я ничего не сумею сделать, а пока я молода и красива...

– Ты красива? – не удержался и съязвил он. Хотя надо было признать, что сестра сейчас действительно была необыкновенно красива: большие глаза с длинными ресницами блестят, движения тонких рук изящны, голова на высокой шее гордо откинута назад, волосы цвета спелой пшеницы рассыпались по плечам.

– А ты в этом сомневаешься? – зло сузила глаза Оля. – Пока я свободна, я распоряжаюсь собой. Глеб не очень-то одобряет то, что я выбрала профессию актрисы. Вы ведь, мужчины, хотите, чтобы жена всю жизнь играла только для вас одних.

– Я думал, ты Глеба приручила, – заметил Андрей. – Он смотрит в рот и будет делать все, что ты ему скажешь.

– В надежде, что потом-то уж свое наверстает! – возразила Оля.

Раздался звонок, Андрей открыл дверь, и в прихожую ворвался Патрик. Он с ходу бросился к Оле, стал повизгивать, прыгать, стараясь лизнуть в лицо. Он принес с собой запах

зимы, снега, улицы.

– Я вечером опять с ним погуляю, ладно? – сказала соседская девочка, не чаявшая души в Патрике.

Это она сначала подкладывала под дверь целлофановые пакетики с остатками еды, а потом набралась смелости, позвонила в квартиру и попросила дать ей спаниельку погулять. Андрей дал. Девочке лет одиннадцать, у нее белые кошечки с лентами, курносый нос и большие голубые глаза. Долговязая, тонконогая, она так умоляюще смотрела на Андрея, что он не смог ей отказать. Девочку звали Наташей, и она уже давно познакомилась с Патриком во дворе.

– Вот кто настоящий друг, – заулыбалась сестра, глядя спаниельку. – Никогда не продаст и не изменит... – Девушка метнула быстрый взгляд на брата. – Нельзя же считать изменой, что он ушел от бывшего хозяина ко мне? Я говорю про того дядечку, у него еще смешная фамилия – Рикошетов, который совсем спился... К тебе он на улице не подходил?

– Пьяниц-то вроде бы меньше стало, – сказал Андрей. – Помнишь, сколько забулдыг ошивалось на дворе, пили в парадной, на детской площадке, а сейчас тихо.

– А мне хотелось бы еще раз увидеть Рикошетова, – сказала Оля. – Несчастный он человек... Почему, Андрей, умные люди тоже спиваются?

– Водке наплевать, умный ты или дурак, – ответил брат. – Я думаю, дурак пьет от невежества. Выпьет – ему море по колено: задирает людей, куражится, считает себя умнее всех,

а умный человек пьет от слабости характера, нет у него сил остановиться. Знает, что губит себя, а бросить воли не хватает. Как говорится, хмель шумит – ум молчит. Вино с разумом не ладит; выпьешь много вина, так поубавится ума... В отличие от дурака, умный всегда подведет философию под свое пьянство: то семейные неурядицы, то нелады с начальством на работе, то жить скучно... А за всем этим одно – распушенность и слабость. Думаешь, меня не соблазняли выпить? Еще как! Многим очень не нравится, что ты не пьешь в компании, из кожи лезут, чтобы тебя уговорить... И уговаривают!

– Тебя же не уговорили?

– А сколько мне пришлось отбиваться? И в поездках на рефрижераторах, и на работе... Отвязались, когда поняли, что, как говорится, плетью обуха не перешибешь.

Патрик подбежал к Андрею, потыкался носом в колени, заглянул в глаза – и снова к Оле. Вежливый пес, никого не обойдет своим вниманием. Шелковистая шерсть на длинных ушах завивалась в тугие колечки, на светлой вытянутой морде с темно-коричневым носом топорщились редкие усы. Взгляд умный, всегда неизменно дружелюбный. Андрей тоже привык к псу. Когда садился за письменный стол, Патрик не подходил к нему, но стоило подняться, как он тут как тут. Заглядывает в глаза, тихонько поскуливает – мол, давай поиграем или сходим на улицу? Даже рваную тапку принесет и положит на колени. На кухне вспрыгивал на подоконник,

укладывался там на коврик, положенный Олей, и подолгу задумчиво смотрел вниз, на улицу. Увидев собаку, оживлялся, вставал на лапы и, прижав лоб к стеклу, отрывисто лаял, но стоило кому-нибудь войти на кухню, как умолкал и ложился на свой коврик, всем своим видом показывая, что виноват, мол, не сдержался.

Оля вернулась из другой комнаты с потрепанным томиком и с выражением прочла:

Мерна капель водяных часов,
А ночи исхода нет.
Меж легких туч, устилающих твердь,
Пробивается лунный свет.
Осень торопит ночных цикад,
Звенят всю мочь напролет.
Еще не послала теплых одежд, —
Там снег, быть может, идет.

– Это не русская поэзия, – заметил Андрей.

– Это – поэзия! – сказала Оля. – Настоящая поэзия. И написал эти стихи тысячу двести пятьдесят лет назад китайский поэт Ван Вэй. Это тебе не какой-нибудь Роботов!

– Мне Роботов тоже не нравится, – сказал Андрей.

– Когда он выступает по телевидению, я слышала, многие выключают телевизоры, – вставила Оля.

– В таком случае он весьма полезный поэт, – рассмеялся брат. – Экономит стране электроэнергию!

– Место его на поэтической свалке конъюнктурщиков и бездарей, – ввернула Оля.

– Ты думаешь, есть такая? – с улыбкой взглянул на сестру Андрей.

– Читал во вчерашней «Литературке» про съезд писателей России? Только в президиум съезда избрали около двухсот литераторов! А сколько же их всего?

– Более десяти тысяч.

– Мама родная! – воскликнула девушка. – Десять тысяч! Истинно сказано в Библии: званых много, а избранных мало.

– Ты вольно трактуешь Библию.

– А что, я не права?

– Пожалуй, я не буду подавать заявление в Союз писателей, – сказал Андрей. – Их и так целая дивизия!

– Ты, может, будешь ровно одиннадцатитысячным, и тебе вручат особенный билет, как миллионному жителю юного города, и сразу издадут все твои рассказы и повести.

Андрей подумал, что зря он клюнул на приманку режиссера Зенина: ничего у него не получится в кино, этот самый Беззубов не даст ему ходу... Вспомнился последний разговор с отцом, когда он вернулся из Андреевки. Андрей спросил его, почему не отдает свои романы в журналы. И отец ответил, что это бессмысленно, пустая трата времени: многие журналы годами печатают гладкие, проходимые вещи, которые не задевают никого. А такие произведения, как правило, слабые, серые. У каждого журнала свой круг авторов, ко-

которые и поставляют нужную продукцию. Выпускают же десятки, сотни книг поэтов и прозаиков, которые никто не покупает? Убыток с лихвой покрывается массовыми изданиями классики и произведений популярных у читателей писателей. Ведь быть членом Союза писателей – это значит быть свободным художником, а свободный художник зарплату не получает, он живет на гонорары. А когда серость и бездарность сбивается в группу, она становится воинствующей, стремится занять все командные высоты, журналы, создает свою серую критику... Говорят же, что талант всегда в обороне, а бездарность – в наступлении!..

Оторвавшись от своих корней, питавших их писательское воображение, попавшие всеми правдами и неправдами в Москву, писатели с головой окунаются в литературные интриги, разменивая свой талант, – а в столицу рвутся и молодые талантливые писатели с периферии: там легче издаться, скорее на тебя обратят внимание, – на суету сует. Не пройдет и нескольких лет, как молодой, подававший большие надежды писатель, все издав и неоднократно переиздав, превращается в гастролера, разъезжающего в делегациях по заграницам, выступающего где придется, заседающего в многочисленных комитетах и редсоветах. И теперь у него появляется мечта не создать крупное талантливое произведение, а пролезть в секретариат, стать членом правления, короче, взять писательско-издательскую власть в свои руки – ведь тогда можно все издавать, вплоть до собраний сочине-

ний, включая туда еще в юности написанные рецензии, статьи, даже свои речи, произнесенные по любому поводу...

Отец вспомнил, как в Москве на писательском собрании поэт Роботов заявил с трибуны: «Вот мы тут обличаем серость, бездарность? А никто не называет фамилии...»

– И тут весь зал будто взорвался: «Ты и есть серость и бездарность!»

Тем не менее Роботов спокойно закончил свое выступление и под жидкие хлопки своих единомышленников победно спустился с трибуны.

Вот и получается, что первыми стали «перестраиваться» самые серые и бездарные литераторы. Вернее, подстраиваться под новые веяния в нашей стране. Тем, кто писал правдиво, талантливо, не нужно перестраиваться – они всегда были честны.

Андрей очень уважал своего отца, еще мальчишкой он гордился им: ведь каждая новая детская книжка Вадима Казакова вызывала у школьников огромный интерес, особенно его книги о войне, героических подвигах мальчишек в тылу врага. А мальчик был горд, что прочитывает книги отца еще в рукописях. Казаков и не подозревал, что сын в его отсутствие часами сидит в кабинете и «глотает» отпечатанные на машинке листы...

Юноша мучительно искал свою собственную интонацию, свою тему. Да он и не мог подражать отцу, потому что у того за плечами была тревожная, опаленная войной жизнь, отец,

в основном, писал о своем поколении, а Андрей – о своих сверстниках. Поколение отца и его собственное поколение так не похожи!

Андрей стоял у окна, из которого открывался вид на набережную Фонтанки. С пепельного низкого неба косо летел мелкий снег, он уже побелил с одной стороны голые, ветви деревьев, крыши домов, лишь асфальт был чистый: колеса машин наматывали снег на свои протекторы. Лед еще не сковал речку; если дойти до моста, что напротив Инженерного замка, то можно увидеть массу уток. Прохожие с берега смотрят на них, некоторые бросают в воду куски хлеба. Утки будут зимовать в Ленинграде; пока есть хоть маленькая полынья, они не улетят отсюда, но когда ударят морозы, утки куда-то исчезают, однако стоит наступить оттепели, как они снова тут: одни лениво плавают в полыньях, другие, нахолодившись, топчутся на снегу, поджимая под себя то одну, то другую красную ногу. Иногда смотришь на них и думаешь: ну чего вы тут застряли? У вас крылья, свобода, снялись бы с места и полетели в теплые края...

За его спиной сестра на газовой плите готовила обед, он слышал, как она чистила картошку, бросая клубни в кастрюлю с водой, потом что-то резала на доске, наверное лук, потому что Патрик недовольно посмотрел в ее сторону, сморщил нос и чихнул.

– Андрей, а может, на все плюнуть и выйти замуж за Глеба? – после продолжительной паузы произнесла Оля.

– На что ты хочешь плюнуть? – не оборачиваясь, спросил он.

– Ермоловой или Комиссаржевской из меня не получится, а стоит ли всю жизнь быть на вторых ролях? Кинозвезды вспыхивают и гаснут, а тоска по ушедшей славе остается. Великих актрис, кто смолоду до старости сумел сохранить свой талант, можно по пальцам перечесть.

– Это что-то новое, – заметил Андрей. – Ты на славу рассчитывала, когда поступала в институт, или быть артисткой – твое призвание?

– Андрюша, ну почему ты такой положительный? – сказала Оля. – Рассуждаешь точь-в-точь как наш декан.

– У тебя сегодня плохое настроение, сестренка, вот ты и паникуешь.

– И опять ты, наверное, прав! – рассмеялась Оля. – Тебе не скучно быть таким правильным?

– Почему быть правильным, как ты говоришь, должно быть скучно? Я просто такой, какой есть. Или я был иным?

– Ты всегда был самым умным, самым добрым и никогда меня не давал никому в обиду, – миролюбиво заметила сестра. – Помнишь, как ты отчитал двух парней, приставших ко мне у парадной?

– Не помню, – буркнул Андрей. Он подумал, что есть у Оли манера – свое плохое настроение передать другому человеку, а самой потом над ним же насмеяться! Да и только ли она так поступает?..

– Ты и Асю Цветкову спас... – продолжала Оля. – Кстати, дружба со спекулянтом Валерой ей явно пошла на пользу: ее пригласили на телевидение на роль подружки фарцовщика в каком-то современном детективе. Режиссер в восторге от нее! Сулит ей блистательную карьеру в амплуа простушек. Аська сразу нос задрала и теперь мечтает переплюнуть Людмилу Гурченко, сыгравшую официантку в кинофильме «Вокзал для двоих».

– У тебя на плите что-то подгорело, – приняхался Андрей.

– Конечно, если будешь все время отвлекать меня от дела, все сгорит, – ворчливо сказала сестра.

– Я тебя отвлекаю? – покачал головой Андрей и поглядел на Патрика: – Какова твоя хозяйка, спаниель? И как ты ее терпишь?

– Он меня любит, – сказала Оля.

– Он всех любит, – насмешливо заметил Андрей. – Такая уж любвеобильная натура! А ты знаешь, кто всех любит, тому доверять нельзя.

– Это почему же?

– Возьми камень раздроби, и что получится?

– Пыль...

– Так и большая любовь, раздробленная на множество мелких, не что иное, как пыль...

– Интересная мысль... – язвительно заметила сестра. – У кого ты это вычитал, братец? У отца?

– Представь себе, я «родил» эту глубокую мысль сам, – в тон ей ответил Андрей.

– Ладно, философ, нарежь хлеба к обеду, – г сказала Оля. – Большой камень не поднять – вот его и дробят на куски, буханку хлеба тоже в руку не возьмешь – ее надо нарезать... Человек привык к удобствам, зачем же его заставлять перенапрягаться?..

– Сестра, ты становишься циничной.

– Скорее, братец, практичной, – рассмеялась Оля.

Глава четырнадцатая

1

Молодой человек в темно-сером костюме внимательно прочел три письма, полученных Жанной Александровой от отца из ФРГ, отложил их в сторону и перевел взгляд на молодую женщину:

– Звонила вам Маргарет часто?

– Я не считала, но, думаю, раз десять, не меньше, – подумав, ответила Жанна.

– И когда в последний раз?

– Сразу, как только я приехала из военного городка с мужем. На другой же день.

– Вы ей сообщили, когда вернетесь?

– Нет, – наморщила лоб, вспоминая, Жанна. – Я сама точно не знала, когда вернусь.

– Вы сюда на такси или на общественном транспорте приехали? – поинтересовался сотрудник КГБ майор Васильев.

– На троллейбусе, – сказал Иван Борисович Александров.

Он сидел рядом с женой, сжимая в руках блестящую зажигалку. Хотя легчик и не курил, но с искусно сделанной газовой зажигалкой, в которую были вмонтированы часы и будильник, не расставался.

– Она обещала вам позвонить или снова встретиться? – ровным голосом спрашивал майор.

– Еще не раз позвонит, – вставил Иван Борисович. – Вцепилась в мою жену мертвой хваткой!

– Расскажите еще раз про вашу последнюю встречу с Маргарет, – попросил Васильев. – А вы, Иван Борисович, курите, пожалуйста.

– Я не курю, – спрятал тот зажигалку в карман кителя.

... Маргарет позвонила Жанне в феврале, поинтересовалась, как та сдала зимнюю сессию, как соеирается провести каникулы... Жанна и брякнула, что поедет на две недели к мужу. Маргарет, кажется, тогда не обратила внимания на это, лишь сказала, что у нее для Жанны снова небольшая посылка от отца, – когда лучше им повидаться?

Жанна сказала, что хоть сейчас, она одна дома, сынишка в детском саду, а мать на работе. Маргарет не заставила себя долго ждать, прикатила, наверное, минут через двадцать. Привезла пару трикотажных кофточек, мохеровый свитер, модные туфли... Расположились они на кухне, пили кофе, который тоже привезла Маргарет. Как обычно, рассказала про отца, что у него в Мюнхене роскошная вилла, своя яхта, две машины самых последних марок. Найденов мечтает когда-нибудь увидеть у себя единственную дочь... Потом разговор перешел на мужа Жанны – ему недавно присвоили звание подполковника, – Маргарет с удовольствием рассматривала его фотографии в альбоме, заметила, что лицо у Ива-

на Борисовича мужественное, поинтересовалась, много ли у них друзей и не скучает ли Жанна в военном городке, – ведь там, в глуши, наверное, скучно?..

Видно почувствовав, что Жанна несколько насторожилась, перевела разговор на другое – мол, она приехала в Москву на неделю как переводчица одной западногерманской фирмы. Если понравится шефу, то он будет ее часто брать с собой в заграничные поездки, да и зарплата неплохая...

Маргарет внимательно рассматривала фотографии, которые Жанна привезла с собой и еще не успела вклеить в альбом.

– А кто это с вашим мужем? – поинтересовалась она. – Его подчиненные?

– Летчики, – ответила Жанна. – Его друзья.

Иван Борисович много снимал: и на рыбалке, и у самолета, и дома. На снимке, который держала в руках Маргарет, муж стоял у стреловидного крыла истребителя вместе с тремя другими летчиками. Все четверо весело смеялись.

– Я могу сказать вашему отцу, чтобы он прислал вам современный электронный фотоаппарат, – сказала Маргарет. – У вас таких еще не делают. Вот муж ваш обрадуется!

Ивану очень понравился портативный магнитофон с наушниками, правда, он пожурил жену за лишние траты, но видно было, что он доволен. Брал маленькую металлическую коробку на рыбалку и слушал музыку прямо в лодке.

– Я не люблю врать, – сказала Жанна. – Что я Ивану скажу? Опять купила по случаю? Аппарат-то наверняка дорогой.

– А это кто? – дотронулась наманикюренным тонким пальцем до глянцевой фотографии Маргарет. – Очень симпатичный мужчина!

– Наш сосед по квартире, тоже подполковник. Они вместе с мужем получили звания и вместе рыбачат на озерах.

Жанне и раньше иногда казалось, что гостью из ФРГ не так интересует она, Жанна, как ее муж-летчик, но она гнала эти мысли прочь. Ведь она почти ничего не знает о полетах мужа, у них дома как-то было не принято об этом говорить. Иван, по-видимому, не хотел, чтобы жена волновалась и переживала за него. Маргарет стала рассказывать про популярный на Западе фильм Сталлоне «Рембо». Какой это талантливый человек! И режиссер, и актер, и писатель! Мол, как ваш Василий Шукшин... Фильм «Рембо» Жанна, конечно, не видела, но в газетах читала про него, писали, что этот фильм культивирует жестокость и насилие, модный актер и режиссер играет в нем этакого супермена, который один за просто справляется с целыми отрядами вьетнамцев...

Когда Жанна рассказала об этом, Маргарет рассмеялась:

– Наше искусство и ваше – это два противоположных полюса! В ваших фильмах ведь тоже советские разведчики побеждают своих противников? Вспомните многосерийный фильм «Семнадцать мгновений весны». Штирлиц укла-

дывал всех наповал, обманывал генералов немецкой разведки и почти добрался через Бормана до самого Гитлера... Лишь капитуляция фашистской Германии помешала ему взять фюрера в плен...

На этот раз Маргарет не спешила, они пообедали с Жанной. Гостья красочно расписывала свободную жизнь на Западе, советовала Жанне обязательно навестить отца. Можно, дескать, организовать вызов, но тогда вряд ли ее выпустят за рубеж, лучше просто поехать туристкой. Многие теперь из Советского Союза выезжают за границу, с каждым годом туристский обмен возрастает.

Перед уходом Маргарет снова поинтересовалась, когда Жанна собирается к мужу. Та сообщила, что уже взяла билет на самолет.

– Не окажете мне одну маленькую услугу? – глядя ей в глаза, спросила Маргарет.

Жанна внутренне напряглась: что же сейчас потребует Маргарет? Последнее время ей все чаще приходила в голову мысль все рассказать мужу. Эта тайна ее мучила. Иван в тысячу раз ближе ей, чем далекий неизвестный отец. Но, скрыв от него правду в первый раз, она продолжала скрывать и дальше, да и что греха таить: заграничные вещи ей нравились, успокаивала себя тем, что и другим людям из-за границы от родственников приходят посылки с вещами... И отец ведь взамен от нее ничего не требовал...

Жанна слышала, что советские граждане по приглашению

родственников и знакомых выезжают за границу даже в капиталистические страны. Конечно, ей было бы интересно побывать в ФРГ, посмотреть, как там люди живут, – подобные мысли иногда приходили ей в голову, но она понимала, что это невозможно. Иван – военный летчик, а она, Жанна, его жена.

Один раз она попыталась начать разговор с мужем об отце, но тот резко заявил, что она, его жена, должна забыть, что у нее был отец. Да и как Найденова можно называть отцом, если он бросил семью и удрал?!

Больше Жанна не решалась об этом говорить, а для себя сделала вывод, что нужно с Маргарет прекратить всякие отношения, если она хочет сохранить свою семью и уважение мужа...

И вот ее давние подозрения в отношении Маргарет и отца, кажется, начинают сбываться...

– Какую услугу? – осевшим голосом спросила она.

– Я не попрошу у вас план аэродрома! – поняв ее состояние, рассмеялась Маргарет. – И чертеж реактивного истребителя мне не нужен.

– Что же вы хотите? – немного успокоилась Жанна, хотя тревога не проходила.

Вот куда ложь завела ее... Даже мать обратила внимание, что на ней появились дорогие модные вещи, пришлось ей объяснять, что в медучилище у нее завелась приятельница, которая имеет возможность доставать дефицитные вещи и

по божеской цене продавать их, а деньги муж присылает, много ли ей с Витенькой надо? А пока здесь, в Москве, нужно хорошо одеться: там, в военном городке, таких вещей ни за какие деньги не достанешь. Мать махнула рукой, хотя по ее лицу было видно, что увлечение дочери модными вещами она не одобряет.

– Сущий пустяк! – Маргарет продолжала смотреть ей в глаза. – Вот эти две фотографии.

– Зачем они вам? – отлегло от сердца у молодой женщины. Чего-чего, а фотографий у нее девать некуда. Иван уже несколько лет увлекается фотографией.

– И вашего сынишки тоже, – улыбнулась Маргарет. – Игорь Иванович очень хочет посмотреть на вашу семью. Особенно внука хочется ему увидеть, хотя бы на фотографии...

– Витины пожалуйста, – протянула несколько снимков сына Жанна. – А эти... – Она осторожно потянула фотографии мужа и летчиков из рук гостыи. – Эти, наверное, нельзя: аэродром, самолет, летчики... Ваня будет недоволен.

– Ради бога! – весело рассмеялась Маргарет. – Какие вы, право... осторожные! Да на этих фотографиях даже специалисты ничего толком не поймут.

На этом разговор о фотографиях и прекратился. Жанна отправилась на кухню варить кофе, а Маргарет продолжала рассматривать фотографии в альбоме.

Вернувшись из кухни, Жанна, возможно, ничего бы и не

заметила, но на пол со стуком упал крошечный фотоаппарат с похожим на перламутровую пуговицу объективом. Маргарет нагнулась, подняла его, и глаза Жанны и гости встретились. Повисла тяжелая пауза.

– Вот вы какая... – растерянно произнесла Жанна. – Об этом тоже вас отец попросил?

– Он тут ни при чем, – ответила Маргарет. Не было заметно, чтобы она очень уж растерялась. Небрежно положив в сумочку фотоаппарат, поправила волосы на затылке. – Поймите меня правильно, Жанна! Я ведь тоже рискую, привозя вам посылки. Ну и должна же я хотя бы что-то иметь от всего этого? Я такая же женщина, как и вы, Жанна. И тоже люблю красивые вещи, одежду, драгоценности...

– Можете забрать все ваши подарки! – вспыхнула Жанна.

– Это только у вас принимают в магазинах на комиссию подержанные вещи, – усмехнулась Маргарет. – У нас их отдают прислуге.

– Так это... не от отца?

Маргарет как-то странно посмотрела на нее, потом положила на плечо руку и задушевно произнесла:

– Милая Жанна, отец ваш не знает об этом. Это нужно мне, понимаете, мне одной! Я убеждена, что эти фотографии не представляют никакой ценности... Теперь летают над землей спутники-шпионы и фиксируют на пленку любые военные объекты. Уж это-то вы должны знать: об этом пишут в газетах! Я выполняю просьбу людей, от которых зависит мое

благополучие, может, даже судьба, понимаете теперь, в чем дело? Об этом никто не узнает, подумаешь, какие-то фотографии! У вас их тьма. Могли просто потерять, забыть где-то...

– Мы с Иваном не обманываем друг друга, – ответила Жанна.

От жестокой обиды у нее слезы выступили на глазах. Она никак не могла взять в толк, почему Маргарет решила, что она, Жанна, способна на такой чудовищный поступок. Неужели у них, на Западе, подобное считается в порядке вещей? За кого же она ее принимает?!

Жанна бросилась к шифоньеру и стала хватать оттуда полученные от Маргарет вещи. Она швыряла их на диван, влажные голубые глаза сверкали, нижняя губа была закушена.

– Мне ничего не надо... – бормотала она. – Найденов нам всем приносит лишь одни несчастья! Сначала мама, теперь я... Неужели вы думали, что за модные тряпки я предаю своего мужа? Вы не знаете, какой это человек! Он, он взял меня... с чужим ребенком, которого любит как родного! – перешла на крик Жанна. – Он ни разу не попрекнул меня чужим ребенком! Слышите, ни разу! И я знаю, что Витя для него – родной сын! Как же я могу предать его?! Кто же я тогда такая?

– Если пользоваться вашей терминологией, вы, Жанна, – дочь врага народа, – жестко заметила Маргарет. – И не кри-

чите, пожалуйста, черт с ними, с фотографиями! Я засвечу пленку.

– Я думала, вы... – всхлипнула Жанна, – хорошо ко мне относитесь, а вы...

– Мне не нужны ваши вещи, – перебила Маргарет. – Не хотите – не надо. А это... – она бросила презрительный взгляд на диван, заваленный вещами, – уберите на место... – Она вдруг весело рассмеялась: – У нас с вами, Жанна, получается, как в детской игре: возьми свои куклы, а мне отдай моих оловянных солдатиков...

Жанна растерянно взглянула на нее и устало уселась прямо на разбросанные вещи. Маргарет, высокая, стройная, – она как-то обронила, что в цивилизованных странах женщины не позволяют себе полнеть, – стояла перед ней и задумчиво смотрела чуть выше, в окно. Она в толстой шерстяной юбке в крупную клетку, красивом шерстяном свитере и высоких белых сапожках. В прихожей висит ее роскошная дубленка, отделанная длинным мехом – выдрой или бобром? Волосы у женщины каштановые, а глаза почти такие же, как и у Жанны, – светлые, с голубизной. Только в глазах Маргарет сейчас холод и презрение.

– Какая я дура! – произнесла Жанна. – Могла бы сразу догадаться, что из всего этого получится...

– Ничего не получилось, – усмехнулась Маргарет. – Я не хочу, чтобы вы от страха умерли... – Она достала из сумочки похожий на пудреницу фотоаппарат, открыла какую-то

крышку и снова закрыла. – Вот и все – я засветила пленку. Вы довольны?

– Отдайте мне и Витины фотографии, – потребовала Жанна. – Они вам ни к чему.

Маргарет безропотно вынула из сумки фотографии мальчика, бросила на стол.

– Я действительно хотела их передать вашему отцу, – сказала она.

– Нет у меня отца...

– У меня к вам, Жанна, последняя просьба, – поднялась с места Маргарет. – Никому, тем более мужу, не рассказывайте, что сегодня произошло...

– Может, и зря я сразу ничего не рассказала Ивану...

– У меня могут быть некоторые неприятности, хотя я всего-навсего, как это у вас говорится, передаточная инстанция... Но ведь и вы, Жанна, не избежите неприятностей. Вряд ли муж вам простит, если узнает о наших встречах, – ведь ему это может крупно и по службе повредить... Если вас начнут таскать в КГБ.

– Мы больше не должны встречаться, – произнесла Жанна.

– Хорошо, до лета я вас не побеспокою, – подумав, согласилась Маргарет. – А там видно будет...

Жанна проводила ее до двери, несмотря на тревогу на душе, не могла не отметить про себя, что Маргарет держится уверенно, будто между ними ничего и не произошло.

– Пожалуй, верните мне плэер... ну, тот маленький магнитофончик с наушниками, который я вам принесла в первый раз. Вы ведь его мужу подарили?

Жанна кивнула головой. Мужу она сказала, что купила его у подруги, которая ездила за границу, а деньги ей дала мать... Иван очень обрадовался подарку, весь вечер гонял демонстрационную кассету, надев наушники, а потом увез магнитофон с собой...

– Вот этот самый? – достал из ящика письменного стола почти квадратный, чуть побольше портсигара, магнитофон майор КГБ Васильев.

Подполковник Александров кивнул.

Григорий Викторович Васильев извлек крошечную катушку с коричневой пленкой и аккуратно положил рядом, потом взглянул на Александрова:

– В магнитофон был хитроумно вмонтирован микрофон и записывающее устройство. Все ваши разговоры фиксировались. Аппаратик включался автоматически, как только раздавались голоса.

– Вот почему Маргарет просила вернуть ей магнитофон! – воскликнула Жанна.

– Вы и вернете ей, – улыбнулся майор. – Ваш муж ничего представляющего для них интерес не наговорил на этой катушке.

– Черт возьми! – вырвалось у подполковника. – Ничего себе подарочек! – Он косо взглянул на жену: – А мне сказала,

что купила у подруги...

– Я ведь не знала, Ваня!

– Зачем ты вообще связалась с этой чертовой бабой!

– Если бы вы пришли сразу после вашей последней встречи, – вмешался Васильев, – мы смогли бы поближе познакомиться с этой пташкой Маргарет... А теперь она улетела! И я не очень убежден, что снова сюда зайвится.

– А за этой штуковиной? – кивнул Иван Борисович на магнитофон.

– Есть же и другие способы завладеть им... – Майор повертел в пальцах катушку. – Они ведь не знают, что тут ведутся разговоры о рыбалке, охоте, хорошей погоде...

– Я брал его на рыбалку, – сказал Александров.

– Покажите вашу записную книжку, – попросил майор.

Внимательно перелистал ее, две или три фамилии его поначалу заинтересовали, но, когда подполковник дал пояснения, вернул книжку.

– Вы осторожный человек, Иван Борисович, – заметил он. – Ничего лишнего не записываете. У вас, наверное, память отличная?

– Не жалею, – ответил Александров.

– Я... я очень виновата? – испуганно посмотрела на майора Жанна.

– Конечно, лучше было бы, если бы вы обо всем сразу рассказали мужу или пришли к нам... – улыбнулся Григорий Викторович. – Но где вам было тягаться с опытной Марга-

рет! Ведь вы не знали, что ваш отец, Игорь Иванович Найденов, а точнее, Карнаков Игорь Ростиславович, сбежавший много лет назад во Франции, год назад погиб от пули своих союзников в Афганистане. Кстати, он помог бежать захваченному в плен советскому шоферу. Скорее всего, ваш отец разочаровался в «западном рае» и предпочел вернуться на Родину, хотя и прекрасно понимал, что здесь придется отвечать перед нашим законом по всей строгости.

– А письма? – изумилась Жанна. – Маргарет каждый раз с посылками привозила мне письма от него.

– Почерк очень похож на почерк вашего отца, но это обычная подделка, – спокойно заметил майор.

– Зачем им все это? – пожал широкими плечами подполковник.

– Вы, Иван Борисович, и авиационный полк, в котором вы служите, очень заинтересовали иностранную разведку. Разумеется, рассчитывали они главным образом на вашу жену.

– Неужели они думали, что я... что я буду сознательно помогать им? – ошарашенно произнесла Жанна.

– Скажите, пожалуйста, Жанна Игоревна, вы не заметили какой-нибудь пропажи дома после визитов госпожи Маргарет? – спросил Васильев.

– Заметила, – опустив светловолосую голову и не глядя на мужа, ответила Жанна. – Иван прислал мне газету, где был помещен его портрет и статья, потом пропала из альбома фотография, где мы сняты вместе.

– И все?

– Исчезли несколько писем мужа, – потерянно проговорила Жанна. – И фотографии, где он с летчиками на аэродроме.

– Почему же вы сразу об этом не рассказали? – строго посмотрел на нее майор.

– Я думала, это Витя, – сказала Жанна. – Он один раз уже выдрал из мамино альбома несколько фотографий и разорвал... И потом, она ведь засветила пленку...

– Вы так думаете? – усмехнулся майор. – Она могла сделать вид, что засветила...

– Но зачем ей мои фотографии? – спросил Иван Борисович.

– От вашей жены к вам... Таковую, по-видимому, ставила перед собой цель Маргарет. Ее задача – собрать как можно больше информации о вас, Иван Борисович, о вашем окружении, товарищах... Кстати, фотографироваться на аэродроме, тем более у самолета, вам не следовало бы!

– Обычный истребитель... Я не думал, что фотографии попадут... – Иван Борисович бросил тяжелый взгляд в сторону жены, – к чужим.

– Я буду вынужден об этом сообщить в вашу часть, – сказал майор.

– А этот... магнитофон, – кивнула на аппарат Жанна, – как он мог записывать разговоры, если проигрывал музыку?

– У него есть дополнительное записывающее устройство, включающееся при звуке голоса, а когда кассета крутится,

записывающее устройство отключено, – пояснил майор.

Он позвонил по внутреннему телефону, сказал, чтобы принесли вещи. Вскоре вошел лейтенант и принес большую сумку с вещами, которые Жанна и Иван несколько дней назад передали в КГБ. Вещи, полученные Жанной от Маргарет.

– Если бы я знала, чем все это кончится, я и на порог бы не пустила эту дамочку, – вздохнула Жанна.

– Может, они и в шляпку тебе вмонтировали микрофон, – насмешливо заметил Иван Борисович.

Майор протянул Жанне листок и шариковую ручку, показал, где нужно расписаться.

– Вещи можете забрать, – сказал он. – А вот портативный магнитофон нам еще понадобится.

Майор расписался в их пропусках, вежливо проводил до дверей. Пожал руку Жанне и Ивану Борисовичу.

– А если она... Маргарет, снова мне позвонит? – остановилась на пороге Жанна.

– Сразу же сообщите нам об этом, – сказал Григорий Викторович. – По тому самому телефону, который я вам дал.

* * *

Иван Борисович мерил квадратную комнату тяжелыми шагами, а Жанна стояла у окна и смотрела на улицу. Небо над Москвой было пасмурное, редкие снежинки кружились

в туманном воздухе, внизу шелестели шинами троллейбусы, автомашины. Дворники натянули у тротуара канат с красными тряпочками и, задрав головы, смотрели наверх, откуда с грохотом падали глыбы смерзшегося снега и сосульки. С пушечным грохотом ударившись об асфальт, лед разлетался, разбрызгивая по сторонам сверкающие осколки. Два мальчика со школьными ранцами за плечами стояли на противоположной стороне улицы и зачарованно смотрели вверх, где орудовали лопатами и ломом рабочие.

– Я никогда не думал, что ты так падка на эти проклятые тряпки, – говорил Иван Борисович – Почему ты мне сразу не сказала? Можно подумать, что эта баба тебя околдовала! А я, дурак, хотел было взять этот магнитофон на учения! Хорошо бы я сегодня выглядел в глазах майора КГБ с записью наших разговоров!

Слова мужа тяжелыми камнями падали на душу молодой женщины. Глаза ее наполнились слезами, руки вцепились в подоконник. В этот момент сверху грохнулась огромная ледяная глыба, дворники прикрылись руками от брызнувших ледяных осколков. Мальчишки на тротуаре запрыгали от радости, рты их открывались и закрывались, но слов было не слышно.

– Лучше ударь меня! – с рыданиями вырвалось у Жанны. Шаги за спиной прекратились, потом руки мужа осторожно легли на ее вздрагивающие плечи, он прижался гладко выбритой щекой к ее щеке.

– Ну ладно, ладно, – ласково произнес он. – С этим все кончено... Меня поражает другое: как они добрались до тебя? Психологи! Решили, раз отец переметнулся к ним, значит, и ты, дочь его, будешь служить им. Мол, яблоко от яблони... – Он взъерошил ее густые волосы, повернул к себе, крепко поцеловал в губы. – Не казни себя, ты же мне все-таки все рассказала... .

– Я только тогда сообразила, что ей что-то нужно от меня, когда она заикнулась про фотографии – всхлипывая, произнесла Жанна. – Я летела к тебе и все вспоминала: про газету, фотографии, письма... Да она, Маргарет, воровка! Шарить в чужом доме по полкам! Вся такая из себя расфуфыренная, фу-ты ну-ты! Я раньше думала, такое может быть только в детективном романе или в кино.

– Не хочется мне тебя здесь одну оставлять... – начал было Иван Борисович.

– А Витя? Мама? – перебила она. – Мне осталось всего ничего до конца учебы. Придется, Ваня, потерпеть нам еще три-четыре месяца. Главврач ждет меня с дипломом медсестры. А если эта шпионка объявится, я сразу позвоню Васильеву.

– Пойдем за сыном? – сказал он.

– Рано еще, – взглянув на часы, ответила она.

– Одевайся, – скомандовал муж. – Я через четыре часа улетаю в часть, а еще по-настоящему сына не видел.

Жанна прижалась к мужу, провела ладонью по его волни-

стым желтым волосам, тихонько засмеялась сквозь слезы:

– Все равно я самая счастливая, потому что у меня есть ты! Скажи, ты больше на меня не сердишься?

– Я тебя люблю, – тихо произнес он.

2

Андрей и Оля стояли на улице Чайковского и ловили такси. Только что позвонила Ася Цветкова и растерянным, взволнованным голосом сообщила, что у них с Валерой случилось несчастье, просила побыстрее приехать к ним в Купчино. В Ленинграде стояла самая мерзкая погода, которую только можно придумать: небо серое, низкое, сыплет мелкий дождь, перемешанный со снегом, на обочинах – кучи грязного снега, на тротуарах – лужи, воздух тяжелый, пропитан влагой и сыростью, на окнах зданий мутные капли. Промчится мимо машина, и на тротуары выплеснется мокрое снежное крошево. Прохожие отскакивают к стенам домов но и их обдаёт грязью. В окнах зданий с утра до вечера горят лампочки, лица людей, вышедших на улицу, мрачны и тоскливы. Особенно страдают от такого перепада давления пожилые и больные люди. Еще пятого января был десятиградусный морозец, кругом белел чистый снег, а шестого утром весь город поплыл: температура поднялась до семи градусов тепла. К ночи немного похолодало, а утром снова оттепель.

– Почему они не останавливаются? – спросила Оля.

Она была в длинном пальто и ботах, на голове мокрая зимняя шапка, из-под которой выбилась желтая прядь, карие глаза сердито сузились.

Почему в Ленинграде таксисты редко останавливаются по просьбе пассажиров? Кто может ответить на этот вопрос? Андрей предпочитал ездить на общественном транспорте, но когда, в силу необходимости, требовалось такси, его просто невозможно было поймать в Дзержинском районе. Желтые и черные машины с зелеными глазками равнодушно проносились мимо не останавливаясь, хотя люди стояли с поднятой рукой. Некоторые хватались за блокнот и пытались записать номер проскочившего мимо нахала, другие в сердцах грозили им вслед кулаками. А таксисты, разбрызгивая из-под колес мокрый снег, как ни в чем не бывало проезжали мимо, не обращая внимания на своих клиентов. У них были свои собственные маршруты и планы, а на пассажиров с улицы им было наплевать.

– У нее голос был такой странный... – сказала Оля. – Что у них там стряслось?

Наконец одна машина притормозила. Когда они с сестрой забрались в нее, Андрей поймал на себе внимательный взгляд таксиста, тот улыбался:

– Здравствуй, Андрей! Вообще-то я ехал на Рубинштейна пообедать, но гляжу, старый знакомый...

– Ленька Барабаш! – воскликнул Андрей. – Тебя, брат, трудно узнать с бородой! Специально замаскировался, что-

бы знакомые не узнавали?

– Я тебя не видел вечность! – заулыбался в густую каштановую бороду Барабаш. – Слышал, что был в Афганистане... Как там?

– Лучше скажи, как ты стал таксистом, – сказал Андрей. – Ведь ты, кажется, поступил в Институт инженеров железнодорожного транспорта?

– Не все ли равно, на чем ездить, – ответил водитель. – На локомотиве или на такси.

– Ты закончил?

– После института три года отыщачил инженером в паровозном депо, а потом ушел в таксисты, – охотно стал рассказывать Леонид Барабаш.

– Что, и впрямь такси – золотое дно?

– Не жалею, – метнув взгляд на Олю, ответил Барабаш.

– Познакомься, моя сестра, – спохватился Андрей. – Ты разве ее не видел?

– Столько лет прошло... Да я у тебя и был-то дома раза два-три.

Леонид Барабаш и Андрей учились в параллельных классах, играли в одной хоккейной команде. Кстати, Леонид был отличным вратарем, но, видно, Барабаш, как и Андрей, остыл к хоккею. Дружить они не дружили, но поддерживали друг с другом хорошие отношения. Когда Андрей в десятом классе увлекся музыкой, Леонид доставал ему магнитофонные кассеты с самыми последними записями популяр-

ных поп-групп. Вот тогда он приходил домой к Казаковым.

– Я вас тоже не помню, – вставила Оля. Вид у нее был встревоженный, она смотрела в забрызганное окно и хмурилась белым лбом.

– Понимаешь, Андрей, в институт я поступил ради диплома, в депо мне осточертело, тут увлекся видео, а это штука дорогая! Кассета с фильмом почти на сотню тянет... А видеомэгнитофон – три с половиной тысячи! В депо я таких денег никогда не заработаю. А мой сосед-таксист похвастал, что на «Волге» с шашечками можно заработать за месяц столько же, сколько получает профессор... Конечно, если работать с умом!

– Выходит, таксисты умнее профессоров? – вступила в разговор Оля.

– Дураков везде хватает: и у нас за баранкой, и в науке, – усмехнулся таксист.

– Ну, и купили вы видеомэгнитофон? – спросила Оля.

– Я ведь не ворую, – поймал ее взгляд в зеркало Барабаш. – Вкальываю, как шахтер! Думаете, по такой погоде просто водить это корыто? Приезжаешь со смены – голова идет кругом, рук не поднять... Не зря же медики пишут, что по статистике у шоферов больше всего бывает инфарктов.

Впереди энергично жестикулировал обеими руками высокий чернявый человек в мокром кожаном пальто и серой кепке. У ног его стоял черный дипломат.

– Не возражаете? – спросил Леонид, притормаживая. Пе-

рекинувшись с человеком несколькими словами, открыл дверцу рядом с собой. Человек с дипломатом уселся в машину.

– Дорогой, отвезешь товарищей в Купчино, а потом поедем в аэропорт, – заговорил он. – Мой самолет на Тбилиси улетает через два часа.

– Успеем, – заметил Леонид.

– За скорость отдельно заплачу, дорогой! – нервничал пассажир, тыча пальцем с красивым золотым перстнем в часы на запястье.

– Улетите, товарищ, – успокоил его водитель. – Выскочим на Московское шоссе, прибавим газу. Приедем, еще успеете рюмку коньяка в буфете выпить...

– Нехорошо говоришь, дорогой, – покачал головой пассажир. – Теперь в самолет, если от тебя только пахнет алкоголем, уже не пускают. Зачем пить? Разве самолет – это веселое застолье, а пилот – тамада? – И весело рассмеялся.

Барабаш высадил их у огромного П-образного жилого дома, сунул Андрею торопливо нацарапанный на бумажке свой домашний телефон, пожал руку, а Оле небрежно кивнул.

– Ты еще не остыл к музыке? – спросил он. – У меня уйма отличных записей на фирменных кассетах. И вообще, звони, чао!

И укатил в сторону Московского проспекта, разбрызгивая ледяное крошево. Здесь, в Купчине, вроде бы было немного посветлее, да и слякоти меньше, а между новыми жилыми

корпусами белел снег. Ветер стучал голыми обледенелыми ветвями молодых тополей и лип, протяжно завывал в подворотнях, на газоне валялся кусок крашеного железа.

– А ведь твой одноклассник не сдал с четырех рублей сдачу, – заметила Оля. – И еще с грузина все сполна получит.

– Плюс за скорость, – улыбнулся Андрей.

– Зря ты занялся журналистикой и писательством, – подначивала сестра, пока они поднимались в пахнущем свежей краской лифте на седьмой этаж. – Оказывается, таксистом можно заработать гораздо больше. А у тебя ведь права первого класса! Как же это ты, Андрюша, так промахнулся?

– У меня жена не жадная, – улыбался брат.

– При чем тут жена?

– Это у вас, у женщин, глаза завидушие, а руки загребушие. Все вам мало, вот и заставляете своих бедных мужей лезть из кожи, чтобы любыми путями заработать побольше денег, или, как их называет твоя подружка Ася, «бабок».

– Не мерь всех на один аршин, – сказала сестра, нажимая на кнопку звонка.

Дверь открыла Ася. Темно-русые волосы были всклокочены, на босу ногу надеты мягкие тапочки.

– Что у вас случилось? – с порога забросала ее вопросами Оля. – Пожар, что ли? Или цветной телевизор взорвался?

– Хуже, нас обокрали, – слышался из комнаты хриловатый голос Валеры.

Андрей и Оля разделись в прихожей, обитой квадратны-

ми пластиковыми панелями под дерево. Над дверью красовались ветвистые олени рога, в углу – тумбочка для обуви, на которой стояли старинные мраморные часы с позолоченным циферблатом. Валера сидел на широкой тахте, застланной красным ковром, в одной руке у него бутылка коньяка, в другой – высокий хрустальный фужер. В просторной комнате все перевернуто вверх дном: из ящиков письменного стола вывалено на паркетный пол содержимое, распахнуты створки шифоньера, белье и одежда ворохом навалены на искусственный камин с декоративными камнями, бутылки из бара раскатились по полу, одна плитка шоколада раздавлена – видно, кто-то наступил на нее.

– Мы с Валерой нищие, – сообщила Ася, театральным жестом обведя комнату рукой.

– Обчистили, сволочи! – наливая коньяк в фужер, сказал Валера. – На тридцать тысяч нагрели! Все самое ценное взяли – видеоаппаратуру, тридцать кассет с лучшими фильмами...

– И проигрыватель с заграничными пластинками, – встала Ася. – Золотой диск Элвиса Пресли, Челентано, Кутуньо...

– Заткнись, – не глядя на нее, оборвал Валера. – Пластинки с проигрывателем ерунда... Вот тут, – он ткнул пальцем в стену, где выделялось продолговатое пятно, – висела картинка... И знаете, сколько она стоила? – Он начертал пальцем в воздухе цифру с несколькими нулями.

– Чья картина-то? – заинтересовался Андрей, стоя посередине разгромленной комнаты.

– Подлинный Нестеров, – упавшим голосом ответил Валера. – А всего увели три картинки. Ну, те не очень-то дорогие.

– В милицию звонили? – осведомилась Оля.

– Какая милиция? – округлил свои серые глаза Валера. – Знали, гады, что я в милицию не сообщу.

– Почему? – недоумевала Оля.

– Придет следователь, спросит: откуда у вас такие ценности – Нестеров, видеомаг, фирменный цветной телевизор, который и на сертификаты не купишь, фильмы и все прочее? На какие шиши вы, Валера, все это приобрели? При вашей-то зарплате в «Интуристе» сто двадцать рубликов?

– Валера работает там электромонтером, – вставила Ася.

– И что я отвечу гражданину следователю? – разглагольствовал Валера, расплескивая на покрывало коньяк. – Мол, я умею красиво жить и деньги зарабатывать? А сейчас как раз очень милиция интересуется, как это некоторые при маленькой зарплате большие деньги зарабатывают... И очень скоро из пострадавшего свидетеля я превращусь в обвиняемого жулика.

– Ты же все это не украл? – подошла к нему Ася и погладила по черным взъерошенным волосам.

– Лучше бы я тебе купил кольцо с бриллиантом, – прижался щекой к ее ладони Валера, потом выпрямился и пытливо

посмотрел ей в глаза: – Ты-то не бросишь меня, нищего?

– Не прибежняйся, Валерушка, кое-что у тебя осталось...
– ласково пошлепала его по щеке Ася. – Не такой ты дурачок, чтобы все свои богатства хранить дома...

– С голоду мы, конечно, не умрем, – пробурчал Валера. – Но все нужно начинать почти сначала. А времена теперь другие, и делать деньги стало ой как труднее, чем раньше! Теперь в сто глаз следят за умельцами...

Валера потрогал кончик носа, на котором алел прыщик, подвигал треугольной челюстью, будто раскусывал орех, потом отхлебнул из фужера.

– Андрей, тебе налить? – предложила Ася и, не дожидаясь его ответа, засмеялась: – Ты же совсем не пьешь! Валера, может, и тебе хватит?

Андрей видел Валеру всего второй раз, зато наслышан о нем от сестры и Аси был много. Сегодня он здесь оказался случайно: побоялся одну сестренку отпускать в Купчино, тем более даже Оля заметила, что голос у подруги был очень взволнованный. Валера заинтересовал его как современный тип дельца, так сказать, «умельца» делать деньги. И сейчас он пытливо всматривался в этого человека, внимательно слушал его, старался понять, что ощущает этот парень. Говорят, свой свояка видит издалека, а тут жулик жулика нагрел.

– А что случилось с хромым Олегом Павловичем? – будто утешая себя, ударился в воспоминания Валера. – Ну, который ремонтирует на дому заграничную технику... Это жу-

лик, я вам скажу! У меня как-то вышел из строя автомобильный стереокассетник, перестал работать один канал. Я в Апраксином дворе встретил Олежку, он там каждый день ошивается... Он забрал мой кассетник, через два дня приезжаю к нему – все о'кей! Сто пятьдесят рубликов, говорит, с тебя, Валера! Мол, полетел интеграл одного канала, пришлось поставить новый японский. Выложил я ему полторашку, а что-то не верится мне, что он заменил интегральную схему, поехал к другому мастеру – есть у меня такой, – он вскрыл кассетник, посмотрел и говорит, что все интегралы целы, а у тебя, дескать, просто сбился баланс, нужно было чуть повернуть рукоятку – и все о'кей! И Олежка с меня, своего знакомого, за минутную работенку сорвал, сволочь, полторашку!.. И бог наказал жулика! Как-то вечером к нему пришли на квартиру двое, позвонили, сказали, что от апраксинского продавца Миши, нужно отремонтировать проигрыватель. Валера открывает железный засов, щелкает хитрым финским замком, впускает клиентов. Только повернулся к ним спиной, как сразу отключился... Когда оклемался, в квартире пусто, как говорится, хоть шаром покати, почти как у меня... «Клиенты» забрали у него всю технику, хрусталь, бронзу, нашли тайник с деньгами и золотишком. В общем, чисто сработали!

– Наверное, знакомые? – спросил Андрей.

Ему было не жалко ни Валеру, ни Олега Павловича, но случай тот рассказал любопытный: жулики грабят жуликов!

И прекрасно знают, что те не сообщат в милицию, потому что у самих рыльце в пушку. Вот он, мир подпольного бизнеса... Олег Павлович и Валера – это еще мелкие сошки. Както по телевизору показывали передачу про подпольного бизнесмена Когана, так тот ворочал сотнями тысяч! Спекулировал старинной бронзой, иконами, картинами известных мастеров, видеокассетами, золотом, серебром, совершал крупные валютные операции. У него была не квартира, а настоящий музей. Самые ценные вещи Коган выгодно продавал иностранным туристам, которые вывозили за рубеж шедевры нашего национального искусства. После того как Когана осудили и отправили отбывать свой срок, в городе поговаривали – у него еще остались тайники с ценностями...

– У меня ведь тоже бывали дома разные типы, – продолжал откровенничать подвыпивший Валера. – Я не скрываю, что подфарцовывал... Не будешь ведь на улице предлагать чувакам финские куртки, стереомагнитофоны, электронные часы, видеокассеты? Приводишь домой... Ну, кто-то и наколот меня. Разве сейчас вспомнишь? Сколько их, чуваков, перебивало у меня...

Они остались вдвоем в комнате, Ася и Оля ушли на кухню. Слышны были их голоса, по-видимому, подруга Валеры уже смирилась с происшедшим, зачем же тогда она позвонила им?.. Эту Асю не поймешь, не скажешь, что она дурочка, а вот связалась с жуликом Валерой. Безусловно, она умнее его, да и Валеру дураком не назовешь. Вон Барабаш, закон-

чил институт, а вкалывает на такси. Правда, Леня еще в десятом классе приторговывал заграничными клюшками, жевательной резинкой, магнитофонными кассетами...

Валера рассказывал про то, как он в свое время выгодно купил у старушки подлинного Нестерова. Старушка принесла картину, завернутую в шаль, в «комок» – так Валера называл комиссионку, – а он как раз там крутился. Разговорился с бабушкой, представился знатоком живописи, сказал, что приемщица невысоко ее оценит, и предложил свою цену. Старушке, видно, не хотелось стоять в длинной очереди; поколебавшись, она продала ему картину, по сути дела, за гроши.

Андрей, слушая его, думал о том, что могло связывать Асю и Валеру. Неужели деньги, подарки, красивые вещи, которые он доставал ей? Или еще что-то другое? Говорят же, любовь зла – полюбишь и козла... Валеру нельзя назвать красавцем, но он и не урод. Язык у него хорошо подвешен, не прикидывается кем-то другим, у него даже своя философия – он ведь не осуждает себя, свои методы добывания денег. Раз есть дефицит, значит, будут фарцовщики, перекупщики, спекулянты. Нет в магазине дефицитных вещей – значит, их будут доставать – а это тоже не так-то просто! – другие люди и перепродавать желающим с наценкой. Жить-то надо... Философия Валеры, конечно, примитивная; чтобы заработать, он готов обмануть не искушенную в торговых делах старушку и не видит в этом ничего предосудительного. Когда Олег

Павлович надул его, Валера искренне возмутился и даже радовался, что того избили и ограбили... А вот когда это же самое коснулось его, Валера рвет и мечет, кляня на чем свет стоит ворюг и бандитов!..

– Идите кофе пить, – позвала из кухни Ася. – У нас бра- зильский.

– Не лучше ли теперь начать новую, честную жизнь? – ска- зал Андрей. – Сначала кража, потом милиция, а там, гля- дишь, и до тюрьмы рукой подать.

– Первым делом – стальную дверь поставлю, замок вре- жу... – Валера задумчиво посмотрел на пустой фужер. – Придется поломать голову, чтобы заработать хорошие день- ги. В опасные аферы я не влезаю, с валютой дел не имею, мой бизнес не наносит государству урона: одеваю своих кли- ентов в модную одежду, достаю кассеты, электронные часы, калькуляторы, автомобильные приемники, другую технику. Эти, которые привозят оттуда... тоже не лыком шиты! Зна- ют наши цены, у них есть каталоги. Торгуются за каждый червонец. У них, кстати, выгодно брать оптом – тогда могут скинуть. Зато потом носишься как сумасшедший по всему городу с сумками, как этот... коробейник!

– Тяжелая у тебя работа...

– Не говори, друг, – вздохнул Валера, поднимаясь с тах- ты. – Кстати, у меня в машине есть отличный японский на- бор инструментов из ванадия. Сотнягу за комплект. Бери, не пожалеешь, за таким инструментом автомобилисты охотят-

ся...

– Пожалуй, возьму, – поколебавшись, сказал Андрей. Сто рублей даже за японский набор дорого, но ведь действительно, где еще достанешь?

В метро Андрей не выдержал и снова раскрыл красную плоскую металлическую коробку – десятка два хромированных насадок для отвертывания гаек, отделанные пластмассой рукоятки, трещотка, другие нужные приспособления. Такой инструмент в руках приятно держать.

– Сколько с тебя Валера содрал за такую игрушку? – поинтересовалась Оля.

– Сотнягу.

– А заплатил финну, который его снабжает всяким барахлом, пятьдесят за один комплект, – сказала сестра. – Он берет у того все оптом, вплоть до шариковых ручек и женских трусиков.

– Откуда ты знаешь? – закрывая коробку, спросил Андрей.

– Дамские тряпки помогает ему сбывать у нас в институте Ася. А про инструмент она сказала, когда ты им любовался.

– А что это у тебя в сумке? – подозрительно посмотрел на сестру Андрей.

– Да так, ерунда...

Андрей отобрал у нее сумку, раскрыл и извлек завернутые в целлофан босоножки на пробковой подошве.

– Тоже вдвойне переплатила? И зачем тебе зимой босо-

ножки?

– Понимаешь, это такая редкость... Весной их днем с огнем не сыщешь.

– Я думаю, Валера с Асей очень скоро снова разбогатеют, – сказал Андрей. – Теперь мне понятно, почему они тебе позвонили...

– Почему? – спросила сестра.

– После такого потрясения Валера с ходу кинулся в бизнес... Надо же ему как-то все украденное компенсировать. Ну а ты тут рядом, под рукой... Хороша же у тебя подружка! – усмехнулся Андрей.

– Мы ведь дружим с первого класса. И потом, у Аси есть и достоинства...

– Какие?

– Она добрая, веселая, никогда не унывает...

Сидевшая рядом молодая женщина, увидев босоножки, обратилась к Оле:

– Девушка, где вы купили такую прелесть?

Андрей и Оля переглянулись и дружно рассмеялись.

3

Вадим Федорович неохотно отправился на это выступление. Ведь в бюро пропаганды художественной литературы отлично знали, что он выступать не любит, лишь по старой традиции раз в год выступал в марте на неделе детской кни-

ги, хотя давно не писал для школьников. Неделя обычно растягивалась на целый месяц – в это же самое время, зная, что он не откажется, приглашали институты, училища, библиотеки, дворцы культуры. И Казаков, как на работу, каждый божий день ехал то в один, то в другой конец города на выступления перед читателями. Иногда даже по два-три раза приходилось выступать в один день. Возвращался после выступлений измотанный, потому что обычно выкладывался весь, хотя слышал от писателей, что некоторые больше двадцати – тридцати минут не говорят. Вадим Федорович так не умел; если беседа с читателями получалась интересной и ему задавали много вопросов, то творческая встреча иногда затягивалась на полтора часа и больше.

Позвонили из Общества книголюбов, приятный женский голос сообщил, что в научно-исследовательском институте читатели давно ожидают встречи с ним, люди прочли его последние романы и очень хотят поговорить. Вадим Федорович начал было ссылаться, что у него много работы, что выступает он только в марте, но сотрудница из Общества книголюбов так надела, что отказаться было невозможно. Соблазнила еще и тем, что, мол, это будет не просто встреча, а настоящая читательская конференция, все, кто придет, хорошо знают Казакова...

И вот Вадим Федорович, выйдя из метро, шагает по залитой солнцем улице. Небо по-весеннему чистое, снег поскрипывает под ногами прохожих, из ртов вырываются облачка

пара. Конец февраля, наконец-то в Ленинград пришла настоящая зима, с солнцем, морозами, снегом. Железобетонный забор, вдоль которого он идет, здесь искрится изморозью. С каждой голой ветви деревьев свисают тонкие сосульки, стоит подуть ветру – и они с мелодичным звоном обламываются, падая в припорошенный копотью снег. Этот звон необычен, он напоминает Казакову Андреевку с ее крещенскими морозами и вьюгами. В основном бору за старым клубом тоже можно услышать такой перезвон...

В проходной его встретила молодая женщина в длинной светлой, с поперечными полосами шубе и белых высоких сапожках, на голове – серая шапочка крупной вязки.

– Вадим Федорович? – Она с улыбкой протянула тонкую белую руку. – Лариса Васильевна Хлебникова... К удивительному поэту Велимиру Хлебникову не имею никакого отношения...

Голос у нее звучный, на круглом белом лице влажными вишнями блестят черные выразительные глаза.

– Но стихи вы пишете, – заметил Вадим Федорович.

– Как вы догадались? – удивленно воззрилась на него Хлебникова.

Этого Казаков и себе самому бы не смог объяснить – иногда вдруг, будто по наитию, он точно определял возраст человека, его профессию, семейное положение... Это получалось как-то само собой, без всякого усилия с его стороны. А когда он, уверовав в свой дар предвидения, стал в одной

компании вещать на эту тему, то с позором сел в калошу! Даже близко не угадал, кому сколько лет и кто что из себя представляет...

Встреча прошла хорошо. Приятно, когда твои книги знают, от души говорят о прочитанном, даже не обижаешься, если и покритикуют. Слушать одни дифирамбы тоже скучно. Кое с кем из читателей Вадим Федорович даже поспорил: почему он должен писать так, как они хотели бы? Почему обязан все разжевывать для читателя? А если ему хочется заставить его не только переживать с героями, но и задуматься над проблемами, поднятыми в романе? Это куда интереснее, чем выдавать готовые рецепты на все случаи жизни. Кстати, такие книги не очень-то и читают...

Возвращаясь к остановке метро вместе с Хлебниковой, возбужденный встречей, Казаков предложил ей пройтись пешком. Разговором он остался доволен, о чем и сказал своей спутнице.

– А вы знаете, я не читала ни одной вашей книги, – призналась она.

– И пригласили на встречу?

– Это они, читатели, насели на меня... Конечно, я вашу фамилию слышала. Вы не обижайтесь, я просто не люблю современную литературу. Мне по душе Камю, Фолкнер.

– А Лев Толстой, Достоевский, Шолохов? – перебил Вадим Федорович.

Ему не раз приходилось слышать, что современная совет-

ская литература неинтересна, читать нечего. «Деревенщики», дескать, давно приелись, потом, ничего значительного за последние годы они не создали. А захваленные прозаики и поэты или тоже исписались, или и не были никогда такими уж талантливыми?..

– Школьную программу я хорошо знаю, – улыбнулась Хлебникова. – Может, зря нас в школе и институте заставляют читать классиков, писать по их произведениям сочинения... Ведь все, что делаешь из-под палки, вызывает, например, у меня внутренний протест. Разумеется, потом я заново перечитала «Войну и мир», «Преступление и наказание», «Тихий Дон»... Но это все-таки классика, а я говорю о современной советской литературе. Почему так?

– Потому что не читают, – с горечью ответил Казаков.

– Вы скажете, мало написано пустых, бездарных книг, которые расхвалены критикой? Радио, телевидение, статьи в газетах – все кричат, какой это талантливый роман, а я не могу его читать. Скучно! Вот и думаешь: или я дура, или меня нагло дурачат...

– Наверное, вы правы, – сказал Вадим Федорович. – Но, чтобы отличить плохое от хорошего, талантливое от серого, все равно нужно читать и то и другое.

– Я давно уже не верю нашей критике.

– Я тоже, – улыбнулся он.

– Кстати, когда я готовила эту встречу, то почти не нашла в библиографии никаких материалов о вас.

Казаков промолчал.

– Почему о вас не пишут?

– В журналы я свои романы не предлагаю – они им не нужны, – с горечью вырвалось у него. – А критики чаще всего пишут о журнальных публикациях.

– Посылайте свои книги известным критикам!

– А вот этого я не делал и никогда не буду делать, – твердо ответил Казаков.

Все это знакомо Вадиму Федоровичу – не раз он точно такие же слова слышал от других. Огульно отрицая всю современную советскую литературу, люди косвенно задевали и его, Казакова. И потом, это неправильно, есть в России замечательные писатели и поэты, их книги не стоят на полках в библиотеках, за ними очереди в книжных магазинах. В Лавку писателей поступают повести и романы современных зарубежных писателей, иногда раскроешь книжку и, с трудом прочтя несколько страниц, навсегда закроешь... Поток сознания... Смешение в романе всех стилей, сознательное искажение действительности, желание поразить, ошеломить читателя своей необычностью – вот, дескать, я какой, не похожий ни на кого! Писатели экспериментируют, стараются быть непохожими на других. Может, это необходимо для развития литературы, но читать такие книги трудно. Жизнь, действительность, суд потомков выбирают из всей этой мешанины только поистине гениальное, талантливое, и такие книги живут века и будут жить, пока существует на

земле разум.

В спорах о литературе они и не заметили, как пришли на улицу Чайковского, – наверное, километров пять прошагали пешком. От морозного дыхания воротник меховой шубы Хлебниковой побелел, а круглые щеки зарумянились. Глаза были такие черные, что зрачков не разглядишь. Обычно Казаков не терпел разговоров на литературные темы, все это казалось ему переливанием из пустого в порожнее, но Лариса Васильевна сумела задеть его за живое, вызвать на спор. Читала она много, да и память, по-видимому, у нее хорошая, потому что свободно приводила цитаты, называла даты выхода тех или иных нашумевших книг, безошибочно помнила фамилии авторов. Но самое главное – она не была равнодушной. Казаков часто встречался с равнодушными библиотекарями, для которых руководством к действию и пропаганде литературы было не свое собственное мнение, а статьи в «Литературной газете» и рецензии в журналах. Хвалят критики книгу – значит, ее нужно пропагандировать, обругали – убрать на полку подальше.

Понравилось ему и то, что Хлебникова после встречи с читателями не стала рассыпаться перед ним в комплиментах, а честно призналась, что не читала его книг. Всех же писателей, часто упоминаемых критикой, она знала, хотя, как она заявила, и не всех приглашала на творческие встречи.

– Мне в бюро пропаганды сказали, что вы не согласитесь выступить у нас, – улынулась Лариса Васильевна, останав-

ливаясь у станции метро «Чернышевская», куда проводил ее Казаков. – Говорят, что выступать вы не любите. А я этого не заметила: вы с удовольствием провели эту встречу, а как читатели были довольны!

– Если бы все встречи были такими! – сказал Казаков. – А бывает, придешь в библиотеку, а там пять человек... После этого и думаешь: зачем все это нужно было? Я потерял свой рабочий день, да и они не получили от этой встречи никакого удовольствия.

– Говорят, вы прячетесь от нас где-то в тмутаракани!

– В Андреевке, – улыбнулся Вадим Федорович. – Ну что поделаешь, если я только там хорошо работаю. Едешь в деревню, садишься на табуретку за деревянный стол и пишешь... Правда, есть некоторые неудобства: сам варишь себе обед, не едешь за границу, не выступаешь в дискуссиях по радио и телевидению, не даешь интервью, не устраиваешь творческих вечеров и не купаешься в лучах славы... Немудрено, что до выхода книги тебя и дорогие читатели позабудут.

– А вы не кокетничаете? – взглянула она на него своими глазами-вишнями. – Не завидуете тем, кто на виду и, как вы говорите, купается в лучах славы?

– Не завидую, – посерьезнел Казаков. – Жалею их.

Мимо них тянулась в двери метро бесконечная толпа, напротив газетного киоска останавливались автобусы, троллейбус, у выхода толпились мужчины и женщины с букетами

цветов, завернутых в целлофан, в сквере, разделяющем проспект Чернышевского, между двумя потоками машин, идущих в разных направлениях, беззаботно носились друг за другом овчарка и сеттер. Хозяева – девушка в короткой белой куртке и высокий мужчина в кожаном пальто – стояли у скамейки и беседовали.

– Жалеете? – подняла к нему круглое лицо Хлебникова.

– Что иному писателю надо? – продолжал Казаков. – Признание читателей. Получив его, он ждет официального признания. И вот он знаменит, о нем говорят по радио, показывают по телевидению, но ему и этого мало – нужна Государственная премия, орден к юбилею! И как только все это получает, вдруг происходит непостижимое: широкий читатель остывает к нему, навсегда отворачивается...

– Почему?

– Слава, как ржа, разъедает душу иного писателя, заставляет его лезть из кожи, чтобы все время быть на виду. Писатель отныне занимается созданием лишь самого себя. И это отнимает у него не только ум, время, но и самое главное – талант!

– А вы всего этого счастливо избежали? – с долей иронии заметила Хлебникова.

– Я просто к этому никогда не стремился, – ответил он, подумав, что сотрудница городского Общества книголюбов довольно ехидная особа!

Овчарка повалила в снег сеттера, тот, лежа на спине,

смешно махал всеми четырьмя лапами, длинный красный язык высунулся чуть ли не до земли. На собак пристально смотрела девочка с большим черным портфелем в руке. Голова ее наклонилась на одну сторону, маленький рот чуть приоткрылся.

– Как вы думаете, Вадим Федорович, кому какая собака принадлежит? – видя, что он с интересом следит за возней четвероногих, спросила Хлебникова.

– Сеттер – мужчине в кожаном пальто, а овчарка – девушке, – быстро, будто ждал этого вопроса, ответил Казаков.

– Пожалуй, наоборот, – помедлив, сказала она.

Казаков с любопытством посмотрел на нее. Нельзя назвать красивой – лицо круглое, курносый нос, смешливые ямочки на розовых щеках, разве что большие, опущенные черными ресницами глаза притягивают. В них хочется смотреть и смотреть... Но что это? Глядя ей в глаза, он вдруг почувствовал, что сейчас безошибочно скажет все о ней...

– У вас трое детей, – не отрывая глаз от ее лица, заговорил Казаков. – Две девочки и мальчик, вам тридцать с гаком, у вас есть муж, и вы его очень любите...

– Вы никак колдун? – неестественно громко рассмеялась она так, что на них оглянулись прохожие. – Только не говорите, что все это вам сейчас пришло в голову... Вам это рассказали в Союзе писателей, в бюро пропаганды художественной литературы. Я даже знаю кто. Детей у меня двое, а муж...

– У вас красивые глаза, – сказал он, переводя взгляд на

собак.

Мужчина в кожаном пальто подозвал к себе овчарку, взял на поводок, девушка в белой куртке свистнула сеттера и, не оглядываясь, зашагала с ним вдоль заснеженных скамеек в сторону набережной Робеспьера.

– А тут вы ошиблись! – рассмеялась Лариса Васильевна.

– Не могу же я всегда точно угадывать... – улыбнулся и Казаков.

– Не откажетесь выступить, если я вам еще позвоню? – спросила она.

– Звоните, но выступать я больше не буду, – твердо сказал он.

– Я сегодня же возьму у знакомой ваш последний роман, – по-своему истолковала его отказ Хлебникова.

– Думаете, это что-нибудь изменит?

– Вдруг я открою для себя нового современного писателя?

– Черт, как же я мог так ошибиться... – вырвалось у него.

– В чем? – заглянула она ему в глаза. – Во мне?

– В собаках... – рассмеялся он и, кивнув ей, повернулся и зашагал к перекрестку, на котором неуклюже разворачивался троллейбус.

Она смотрела ему вслед и улыбалась. Подумала, что, дойдя до угла, он обязательно оглянется. Но он не оглянулся.

Глава пятнадцатая

1

Андрей, сидя на паркетном полу, разбирал свои книги. Вот уже целый месяц они с Машей занимаются благоустройством своей новой двухкомнатной квартиры. Сотрудник издательства переехал в Москву, а освободившуюся квартиру на Кондратьевском проспекте отдали Андрею Абросимову, учитывая, что у него жена и маленький ребенок. Вообще-то, для Андрея это было неожиданностью: в издательстве он работает недавно и, конечно, не рассчитывал так быстро получить жилплощадь. Кажется, сыграло большую роль то обстоятельство, что он был ранен в Афганистане.

Произведя капитальный ремонт – квартира была порядком запущена, – он с головой окунулся в домашние дела: бегал по магазинам в поисках кухонного гарнитура, полок для книг, подходящей мебели. Быстро освоил долбление дырок в железобетонных стенах шлямбуром, сам установил оконные карнизы, навесил белые полки на кухне, установил над газовой плитой воздухоочиститель. Маша подбирала занавески на окна, тоже носилась по магазинам. Потолки в квартире были достаточно высокие, кухня – девять метров. Из окна можно было увидеть крышу кинотеатра «Гигант» и краешек

площади Калинина.

В подарок новоселам Вадим Федорович сам привез старинный книжный шкаф красного дерева, который купил в комиссионке. Маша была в восторге от подарка. Родители жены – Знаменские – подарили на новоселье цветной телевизор и кухонные принадлежности, а мать Андрея – Ирина Тихоновна Головина – привезла на такси несколько наборов постельного белья.

– Задарили нас родственнички, – говорил Андрей. – Отец начинал семейную жизнь с нуля, а мы – на всем готовеньком!

– Господи, даже не верится, что мы теперь ни от кого не зависимы, – радовалась Мария.

В светло-голубых глазах ее плескалась детская радость. Андрей с удовольствием смотрел на нее, сейчас ему было даже трудно представить, как бы он жил без Марии. Слышал от знакомых, читал, что теперь молодые люди быстро расходятся, семьи стали непрочными, любовь недолговечной, а у него с каждым годом все больше зреет чувство к жене. В Андреевке он скучал без нее и сына. Выдерживал там в дедовском доме всего две-три недели и пулей мчался в Ленинград. Это случалось осенью, во время его отпуска. Наверное, тут и рождение сына сыграло свою роль, что он так привязан к дому. А ведь раньше мог подолгу не бывать в Ленинграде, конечно, вспоминал Машу, но вот чтобы скучать без нее буквально на второй день – этого раньше не было. Он чувствовал ее приход из университета, безошибочно знал, что

это именно она звонит в дверь. У Марии был свой ключ, но она всегда возвращалась, нагруженная пакетами и свертками. По пути домой забегала в продовольственные магазины. Андрей помогал ей на кухне, научился сам готовить некоторые блюда, все чаще приносил из яслей сына. Охотно отправлялся в любую погоду гулять с ним.

Видя, как передвигается по новой квартире Мария, он заворуженно смотрел на нее. Гибкая, стройная, жена казалась ему самой обаятельной женщиной на свете. Иногда в голову закрадывалась мысль, что она так же может нравиться и другим, но Андрей раз и навсегда, еще в юношестве, взял для себя за правило не ревновать. Считал это чувство изменным, унижающим достоинство. И даже романы классиков не смогли его убедить, что любовь и ревность – две стороны одной медали. Перед женитьбой они поклялись с Марией всегда говорить друг другу только правду. Ложь Андрею с детства была отвратительна: он помнил, как лгала отцу мать, изворачивалась. А он ведь еще мальчишкой знал о ее связи с бородатым художником Ильей Федичевым, за которого она впоследствии вышла замуж. Знал и не говорил отцу – боялся сделать ему больно.

Сейчас смешно вспоминать, как он в школе вырабатывал в себе твердые жизненные правила, испытывал свою волю. Как только он убедился, что ложь и ревность – родные сестры, он взял себе за правило быть честным и правдивым. Ревновать в ту пору ему было некого, потому что он не знал еще,

что такое настоящая любовь. Поначалу его манера говорить правду в глаза многим в школе не нравилась, даже взрослым, но потом, когда это стало нормой для юноши, привыкли, даже в спорах обращались к Андрею – мол, он всегда по справедливости рассудит.

Выработал Андрей в себе и еще одно важное правило: всегда быть готовым к любой, самой неприятной неожиданности – будь это творческая неудача или житейское несчастье. Только полный идиот, избалованный родителями, может уверовать в то, что жизнь – это сплошное удовольствие, дескать, нужно лишь брать и ничего не отдавать взамен. Такой человек при первом же чувствительном ударе судьбы сразу спасует, растеряется, даже может погибнуть. И он, Андрей, таких людей встречал в своей жизни.

У него было с кого брать пример – с отца. Жизнь с раннего детства не баловала Вадима Федоровича: ушел родной отец, потом война, мальчишкой он был в партизанах, после войны работал и учился, без чьей-либо помощи стал признанным писателем...

– Пришел Миша Супронович, – вывела Мария мужа из глубокой задумчивости.

Повертев в руках томик Бальзака, Андрей поставил его на полку, поднялся с пола.

– Как всегда, к обеду, – улыбнулся он.

Миша Супронович был первым их гостем на новом местожительстве. Каждую субботу он посещал их на улице Чай-

ковского, приходил в половине второго, а в половине третьего у Казаковых обычно садились за стол. Appetit у Миши был отменный. Пообедав, Супронович усаживался у телевизора, вставлял реплики в общий разговор, не обижался, если не отвечали ему. Во-первых, вопросы гостя были странными, не имеющими никакого отношения к общей беседе, во-вторых, понять Мишу было не так-то просто – он проглатывал окончания слов и сильно гнусавил, хотя поболтать очень любил. Невысокий, коренастый, с русой челкой над низким лбом, Миша постоянно улыбался, причем улыбка была с ехидцей, будто он про всех знал нечто такое, что давало ему право отпускать рискованные шуточки. Узкое лицо его с водянистыми глазами было изрезано глубокими не по возрасту складками. Здороваться с Супроновичем было неприятно: его ладони напоминали крупный наждак. Когда-то Миша работал слесарем, но вот уже третий год, как переехал в Ленинград, работал на заводе и учился на вечернем отделении Ленинградского финансово-экономического института.

Вряд ли кто в Андреевке ожидал, что беспутный внук бывшего старшего полицая Леонида Супроновича вдруг возьмется за ум! Выпивоха Михаил – его за пьянство даже лишили на два года водительских прав – резко бросит гульбу. Он поехал в Ленинград, полечился от алкоголизма у какого-то специалиста-гипнотизера; вернувшись в Андреевку, засел за учебники и стал готовиться в институт. И поступил,

правда на вечернее отделение. Как раньше, он больше никогда не напивался, но рюмку-другую в праздник мог выпить.

Оля и Мария не терпели его, но Вадим Федорович и Андрей принимали земляка. Надо сказать, что Супронович отнимал у них лишь один день в неделю – субботу. Приходил в половине второго, а уходил в половине восьмого. За это время он и на минуту не отрывался от телевизора, что не мешало ему постоянно вступать в разговор со всеми, кто появлялся в комнате. Олю из себя выводило, когда Миша толковал Казакову, что он видел в метро, как одна женщина читала его «книжечку». Даже солидные романы Казакова Миша почему-то называл «книжечками». Олю это просто бесило, а отец лишь посмеивался. Голос у Миши Супроновича был скрипучим, слова он выговаривал невнятно и всегда с ехидной улыбкой, которая делала его изборозженное складками лицо старческим.

Войдя в заваленную книгами комнату, Миша окинул взглядом поставленные друг на друга книжные секции, ухмыльнулся:

– Небось, книжечки Вадима Федоровича на одной полке уже и не поместятся?

– Полок у нас хватит, – заметил Андрей, подавая ему руку. Наждак ощутимо царапнул его ладонь. Несмотря на твердые, растрескавшиеся руки, пожатие Супроновича было вялым, равнодушным.

– А когда же твои, Андрюша, книжечки займут свое место

на полке?

– Ты думаешь, займут? – улыбнулся Андрей.

– Неужели твой знаменитый папенька не поможет? Мог бы для сынка и постараться.

– Пойдем, покажу тебе квартиру, – сказал Андрей.

Миша Супронович заглянул во все уголки, немного дольше задержался на кухне, где Мария жарила отбивные, широкий нос его задвигался, губы сложились в трубочку.

– Ух как пахнет! – с наслаждением втянул он запах. – Ма-ша, ты просто мастерица! Мне бы такую жену...

– Женись, – не поворачиваясь от плиты, сказала Мария.

– Добрая жена да жирные щи – другого добра не ищи! – мелко, по-козлиному, проблеял Миша. – Женись... Куда я жену-то приведу? В общежитие? Это у вас папы-мамы – писатели, академики... Вон какую квартирку вам устроили!

– Папы-мамы тут ни при чем, – заметил Андрей. – Мне от работы дали.

– Мне вот что-то не дают, а вкалываю не хуже других, – скривился он в завистливой усмешке.

– Женись, Миша, жена родит тебе сына, и сразу дадут, – вмешалась Мария. – Читал в «Известиях» – молодая мама, кажется, в Таллине родила тройню? Им горисполком сразу выделил четырехкомнатную квартиру. И фотография – счастливые папа, мама и тройняшки в коляске.

– Пока институт не закончу, не женюсь, – сказал Миша. – Никуда не денется от меня квартира...

– Я думала, жена, – ехидно заметила Мария.

– И жена – тоже, – заулыбался Миша. – Я, когда в армии служил, написал одной девушке – ее портрет на обложке «Огонька» был напечатан – мол, хочу с вами познакомиться и все такое... Не гордая, ответила. Потом я послал ей свою фотокарточку, и чего-то наша переписка заглохла... Не понравился я ей, наверное?

– А может, ей и другие написали? – сказал Андрей. – Ну и выбрала по своему вкусу.

– Не прошел ты, Миша, по конкурсу, – вставила Мария.

– Да я ведь просто так написал... – сказал Миша. – От скуки. В армии это принято... Вон даже какой-то фильм был, когда один написал девушке, тоже увидев ее портрет в журнале, а вложил в конверт фотографию какого-то красавчика... В общем, встретились, все завертелось-закрутилось, а чем кончилось, я не запомнил!

– Они полюбили друг друга и поженились, – засмеялась Мария. – Фильм со счастливым концом!

– Бабы – такой народ, им палец в рот не клади, – буркнул Супронович.

– Грубо, Миша, – сказала Мария.

– Зато верно, – хохотнул тот.

Пока Мария накрывала на кухне, Андрей и Миша подключили телевизор к временной антенне, – бывшие жильцы сняли кабель, идущий с лестничной площадки, где общий распределитель. Андрей уже купил в магазине кабель, завтра

должен прийти мастер и протянуть антенну в комнату.

– Не дашь мне червонец в долг? – понизив голос, попросил Миша.

Хотя у Андрея в связи с новосельем было туго с деньгами, он дал Супроновичу десятку, а про себя подумал, что тот мог бы и не говорить про «долг». Миша раз в месяц обязательно стрелял у него по трешке, пятерке и никогда не возвращал, очевидно надеясь, что Андрей не помнит. Тот помнил, но «в долг» без отдачи все равно давал. Дело в том, что Миша считал себя в какой-то мере спасителем Андрея. Это он когда-то зимой подобрал Андрея с Петей Викторовым на пустынной дороге после аварии. А позже...

Случилось это осенью в Андреевке два года назад.

Андрей с соседской собачонкой вернулся с прогулки в лес. В кармане куртки у него лежал белый гриб, найденный у железнодорожного моста. Вечер был теплый, солнце клонилось к сосновому бору, на станции попыхивал длинный товарняк, видно, дожидался встречного.

У сельмага толпились мужчины – наверное, красное вино завезли. Двое расположились с бутылкой в привокзальном сквере. Тогда еще борьба с пьянством только разворачивалась, это теперь в сквере не увидишь ни одного пьяницы, тут же участковый или дружинники накроют – и прямым ходом в климовский вытрезвитель.

Открыв спрятанным в щель ключом дверь – Андрей жил тогда один в доме, – он прошел в комнату и ахнул: отцов-

ской пишущей машинки «Рейнметалл», на которой он иногда стучал, на месте не было. Начатая рукопись была раскрыта, страницы перепутаны, некоторые залиты рыжей жидкостью. Андрей столбом стоял у письменного стола и ничего не понимал: кто-то был в доме, перевернул его рукопись, облил вином, забрал пишущую машинку. Он прошел по всем комнатам; буфет в гостиной Дерюгина был распахнут. Там обычно стояли бутылки с вином и водкой. На полках было пусто.

Больше никаких сомнений не оставалось: в доме побывал вор! Причем хорошо знающий распорядок жизни Андрея. Забрался сюда именно тогда, когда Андрей ушел на прогулку, а уходил он всегда в одно и то же время. В дом вор попал не через дверь – ключ был на месте, – а, скорее всего, через пристройку, оттуда был вход прямо в коридор, внутри дома никогда двери не закрывались, разве только когда все уезжали на зиму из Андреевки.

От стариков Андрей слышал, что, случалось, мальчишки совершали набеги в сад за яблоками, как-то поздней осенью кто-то забрался по лестнице на балкон, откуда дверь вела в летнюю комнату на чердаке – там обычно работал отец. Стекло было выбито, но вроде бы ничего не украли, да там ничего, кроме книг, и не было. Решив, что это дело рук мальчишек, старики даже не заявили о случившемся участковому. Но с тех пор Дерюгин и стал на все двери навешивать замки.

Андрей закрыл дом, спрятал ключ на прежнее место и отправился к магазину. Потолкавшись среди мужчин и послушав их разговоры, решил пойти в поселковый Совет и заявить о краже. Сколько вор взял бутылок в буфете Дерюгина, он не знал, да это было и неважно, а вот машинка... По пути в поселковый завернул к старому клубу на опушке бора – там тоже иногда после работы в ольшанике располагались с выпивкой промкомбинатовские рабочие. В том, что это дело рук пьяницы, Андрей не сомневался: в доме были другие вещи, например швейная машинка, одежда, обувь, а взяли лишь то, что было на виду.

В ольшанике никого не было. Поселковый Совет уже не работал, на двери участка висел ржавый замок. Настроение у Андрея было отвратительное, как-то сразу стало неуютно ему в Андреевке. Воровство само по себе унижает любого человека – чувствуешь себя оплеванным, каким-то беззащитным, на людей начинаешь смотреть с подозрением, больше того, начинаешь думать плохо обо всем роде человеческом. Пока, как говорится, жареный петух не клюнет, живешь себе спокойно и никакие тяжелые мысли тебя не одолевают, а тут начинаешь копать в сути человека, хочется понять, почему он способен на подлость, воровство, убийство. И как распознать негодяя? Отличить хорошего человека от дурного? Ну как это можно прийти в чужой дом и украсть то, что тебе не принадлежит? То, что не тобою приобретено, куплено? Какую черную душу и каменную совесть

нужно иметь, чтобы после этого спокойно смотреть в глаза людям, разговаривать с ними, жить бок о бок? Не человек это, а оборотень!..

На следующий день перед обедом к Андрею зашел участковый – лейтенант Алексей Лукич Корнилов, внук Петра Васильевича Корнилова, который вместе с прадедом Андрея – Абросимовым – охотился в этих лесах на медведя.

– У вас не пропала пищащая машинка? – спросил Корнилов. – Иностранной фирмы.

Андрей не успел ответить, как дверь распахнулась и в комнату влетел Михаил Супронович.

– Не верит, что ты мне, Андрюша, дал машинку отпечатать стихотворение, – гнусаво запричитал он с порога. – Сметется, когда я говорю, что пишу стихи... Вадим Федорович сказал, что у меня есть поэтическая жилка... Да разве я бы взял просто так? Хотел пару стишков отпечатать и послать в районную газету. Вадим Федорович толковал, что могут напечатать...

Водянистые глаза Михаила умоляюще смотрели на Андрея, большие корявые руки в черных трещинах висели вдоль короткого туловища, губы скривила жалкая улыбка.

И Андрей сказал:

– Я дал ему машинку, Алексей Лукич.

– Чего же он ее, сукин сын, пытался продать на Лысухе заезжему автомобилисту? – заговорил Корнилов, бросив хмурый взгляд на Супроновича. – За полсотни отдавал...

– Я пошутил, Алексей Лукич! – забормотал Михаил. – Шел к Андрею...

– Чего же тебя занесло к железнодорожному мосту?

– Андрей в той стороне гуляет, я хотел ему новые стихи почитать... – Он снова невнятно что-то забормотал.

– Замолчи ты! – поморщился участковый. – Пить надо меньше, Супронович. Ты что же, с пишущей машинкой разгуливал по лесу?

– Принес Андрею, а его дома нет, ну я и пошел по его маршруту, – довольно бойко тараторил Михаил. – А тут эти на «Жигулях»: мол, что у тебя, парень, за вещь? Слово за слово, я им и показал машинку, а продавать у меня и в мыслях не было! Чтоб мне провалиться...

– Дело ваше, – пристально взглянув на Андрея, произнес участковый. – Хотите – покрывайте родственничка! – Он перевел взгляд на понурившегося у двери Супроновича. – Только я ему и на мизинец не верю! Может, не ты увел из цеха набор инструмента? А кто у Федулаевых двух кролей ночью спер?

– Теперь что ни случись – виноват Супронович, – покачал головой Михаил. – Уеду я отсюда, Алексей... Вижу, все равно ты мне не дашь житья.

– Вот обрадовал! – усмехнулся Алексей Лукич. – Не только я – вся Андреевка свободно вздохнет, когда ты отсюда сгинешь!

Участковый ушел, а они уселись за стол – Андрей как раз

собирался обедать. Нарезал длинным ножом черствый круглый ленинградский хлеб, сыр, налил в тарелки куриного супу с лапшой, молча пододвинул одну Михаилу.

– К обеду бы... – вырвалось у Супроновича.

– Ты же кроме машинки прихватил из буфета всю выпивку, – спокойно заметил Андрей.

– Век не забуду, что выручил, – проникновенно сказал Супронович. – Лешка давно на меня зуб точит!

– Значит, стихи сочиняешь? – сдерживая улыбку, любопытствовал Андрей.

– А что? Не веришь? Послушай...

И он принялся наизусть читать. При его голосе и дикции трудно было оценить стихи, но получалось довольно складно.

– В школе я был первым поэтом, – с гордостью сказал Михаил, беря деревянную ложку. – Штук десять я и вправду отстукал на твоей машинке...

– Это машинка отца.

Супронович вытаращил на него глаза, зашлепал губами:

– Ая-яй! Вадима Федоровича я сильно уважаю...

– А меня, значит, нет? – улыбнулся Андрей.

– Понимаешь, опохмелиться было нечем, зашел к вам...

– Зашел?

– Вадим-Федорович меня тоже уважает, я ему свои стихи читал...

– Ну ладно... – у Андрея язык не повернулся сказать

«украл», – взял бутылки, правда, это принадлежит Дерюгину...

– Дерюгину? – огорчился Михаил. – Тогда надо будет купить и поставить на место: этот всю плешь проест участковому, а тот спит и видит меня за решеткой.

– Зачем машинку взял? – спросил Андрей. – Да еще с отпечатанным листом.

– Это ты про нашу Андреевку пишешь? – взглянул на него хитрыми водянистыми глазами Михаил.

– Где лист?

Супронович полез в карман узких бумажных брюк и достал смятый лист с отпечатанным текстом. Андрей разгладил его, положил на стол.

– Батя твой лучше пишет, – ухмыльнулся Михаил. – Небось все, что ты напишешь, потом перечиркает? Наверное, и книжку за тебя напишет. И будет у нас два писателя Казаковых!

– У меня фамилия Абросимов, – спокойно заметил Андрей.

Он не переставал удивляться Супроновичу: только что спас его от крупной неприятности, а он уже хамит... Впрочем, Андрея не так-то просто было вывести из себя, он без злости, скорее, с интересом слушал Михаила. В этом человеке с неприятной ухмылкой уживались подхалимство, самоуничтожение, зависть и наглость... Может, и впрямь пишущую машинку он взял не для продажи? Прихватил он ее

для того, чтобы досадить Андрею, а мысль продать возникла у него, очевидно, позже. С похмелья. Андрей не раз видел Михаила у них в доме – действительно, он заходил к отцу, чтобы попросить в долг трешку. Федор Федорович Казаков и Григорий Елисеевич Дерюгин никогда не давали ему денег. Трезвый, приносил отцу тетрадные листы со своими стихами, отец подолгу с ним обсуждал их достоинства и недостатки. Михаил кивал головой, морщил свое лицо в угодливой улыбке, забирал листки и уходил. Как то Андрей спросил отца, есть ли у Михаила хоть намек на талант. Вадим Федорович оказал, что талант – это слишком громкое слово, а вот некоторыми способностями молодой Супронович явно обладает, но у него не хватает культуры. Стихи его подражательны, но на десять – двадцать плохих нет-нет и мелькнет одно интересное. Андрей как-то тоже почитал стихи Михаила и не обнаружил ни одного талантливого. Он так и заявил Супроновичу. Тогда тот с кривой улыбкой своим невнятным хрипловато-гнусявым голосом прочел несколько стихотворений Роботова.

– Написано почти как и у меня, – насмешливо посмотрел на него Михаил. – А его читают по радио, показывают по телевидению, исполняют его песни...

Андрей, услышав по радио песню на слова Роботова, выключал радио, а вот Миша Супронович взял его за образец! И утверждает, что он, Супронович, тоже может называться поэтом! И писал про слесарную мастерскую, школьную фут-

больную команду, про соседскую козу, которая объела две яблони в саду, даже про паровоз, который стоит под парами и не знает, куда направиться...

В общем, с той осенней встречи Миша Супронович – он был на год старше Андрея – как-то незаметно вошел в их семью, стал тем самым незваным гостем, который мог запросто прийти к ним. Пока Андрей работал в Афганистане, Супронович перебрался из Андреевки в Ленинград, устроился на завод резиновых изделий, хвастался, что в многотиражке печатают его стихи, даже одно опубликовали в газете «Смена» под рубрикой «Рабочие поэты». Новый год Казаковы, как правило, встречали на улице Чайковского все вместе. И Миша Супронович был тут как тут.

Вот и сегодня он пожаловал на новую квартиру Андрея и Марии в воскресенье. Позже они узнали, что в субботу Супронович по-прежнему навещает родителей Андрея, а на Кондратьевский с этой поры стал приходить к обеду по воскресеньям. Наверное, в каждой семье есть хотя бы один такой дальний родственник, которого надо воспринимать как неизбежное зло. Миша не мог не заметить, что Оля Казакова и Мария Абросимова не жалуют его, больше того, когда на пороге появлялся Супронович, у них лица вытягивались и все из рук валилось.

После обеда, против обыкновения, Миша вдруг заторопился, сказав, что у него через час свидание, и при этом скорчил такую значительную физиономию, что Мария прыснула.

– На свадьбу-то пригласишь? – спросила она.

– До свадьбы еще далеко, – солидно заметил Супронович. – Это ответственный шаг в жизни человека.

– Неужели тебе не хочется иметь свой дом, семью? – спросила Маша. Ее явно обрадовало желание Миши пораньше уйти. Она уже настроилась, что он проторчит у телевизора до ужина, а у них сейчас столько дел!

– Всему свое время, – с ухмылкой изрек Миша. – Спасибо за обед, все было вкусно.

– Ты знаешь, почему он пораньше смылся? – закрыв за ним дверь, сказала мужу Мария.

– Человек спешит на свидание...

– Он испугался, что придется тебе помогать ворочать мебель, устанавливать книжные полки...

– За что ты его так не любишь?

– Я не верю, что найдется девушка, которая выйдет за него замуж, – сказала Мария. – Он весь насквозь фальшивый, как и его бездарные стихи.

– Миша Супронович – единственный, кто искренне считает поэта Роботова своим учителем... – рассмеялся Андрей.

– А ты знаешь, милый, он ведь тебя ненавидит, – задумчиво глядя на мужа, уронила Мария.

– Вроде бы не за что, – согнав улыбку с лица, ответил Андрей. – Я ему делал только добро. Спас от милиции, познакомил с хорошими молодыми поэтами, по-моему, всегда радушно встречаю его... С чего бы ему меня ненавидеть?

– Он относится как раз к тому типу людей, которые ненавидят тех, кто делает им добро, – очень серьезно сказала Мария. – И таких, кстати, немало. Тебе, писателю, надо было бы это знать.

– Я не девушка, чтобы кто-то любил меня, – отмахнулся Андрей.

Он уже взобрался на стремянку и стал прикреплять шурупами полку. Ранее он выдолбил шлямбуром две дырки, забил в них деревянные пробки. Мария, задрав голову, смотрела на него.

– Он тебе люто завидует, радуется любой твоей неудаче – ты заметил, как у него загорелись глаза, когда ты сказал, что тебе завернули в журнале повесть? И случись какая беда – он тебе никогда не поможет.

– Я не нуждаюсь ни в чьей помощи, – сказал Андрей и ударил по шурупу молотком. В лицо брызнула белая крошка. Поморгав, он отклонился в сторону и стал орудовать отверткой.

– Андрей, как ты думаешь, каких людей на свете больше – хороших или плохих?

– Я считаю, что хороших больше, – помолчав, ответил он. Чтобы удобнее было завинчивать тугой шуруп, он обхватил полку свободной рукой. – Только стоит ли так резко разделять людей на хороших и плохих? Может, это и банальность, но в каждом человеке есть и положительное и отрицательное, наверное, это закон жизни. Два разных полюса. Если че-

человек больше соприкасается с хорошими людьми, чем с плохими, он и сам становится лучше. А потом, может ли кто-нибудь честно сказать про себя – хороший он человек или плохой?

– Ты – хороший, – убежденно сказала Мария.

– Это с твоей точки зрения, – рассмеялся Андрей, опуская руку с отверткой и сверху вниз глядя на жену. – А вот Миша Супронович, по-видимому, другого мнения обо мне. И наш главный редактор издательства считает меня выскочкой, когда я на редакционных совещаниях возражаю ему. Николай Петрович Ушков тоже не благоволит ко мне... Он тоже, как и Миша, убежден, что это отец тащит меня в литературу, правит мои рассказы...

– Ему-то какое дело? – удивилась Мария.

– По-твоему, он хороший человек? – ответил вопросом на вопрос Андрей.

– По крайней мере, производит впечатление умного человека... – не сразу ответила Мария.

– И плохие люди бывают умными...

– Я его мало знаю.

– Как-то давно, когда я еще был студентом, Ушков стал просвещать меня насчет загадочности человеческой души, вспомнил Достоевского, Фолкнера, говорил о каких-то тайных пружинах внутри нас, которые неподвластны уму и воле... Смысл, наверное, в том, что даже самый положительный человек живет и не подозревает, что при определен-

ных обстоятельствах способен совершить преступление... Как Раскольников у Достоевского.

– Николай Петрович любит умничать, – вставила Мария.

– Тайные пружины внутри нас... – произнес Андрей. – Не совсем точно, но верно. Человек – это загадка не только природы, но загадка и для самого себя. Гениальные писатели не могли до конца постичь не только человеческую душу, но и самих себя.

– А Достоевский?

– Он приблизился к истинному пониманию человеческой сущности, причем приоткрыл, главным образом, то непостижимое в людях, что запрятано в самые потайные уголки нашего сознания. Нащупал вот эти самые тайные пружины, которые могут человека сделать преступником или чудовищем. Заметь, Достоевского почему-то больше всего занимали внутренние, темные стороны человеческой души.

Когда Андрей начинал волноваться, он жестикулировал. Стоя на стремянке и держа в одной руке отвертку, он потерял равновесие, схватился за полку, и та со скрежетом полетела вниз. Мария едва успела отпрянуть, тяжелая полка грохнулась на паркет у самых ее ног.

– Боже! – вскричал Андрей, спрыгивая на пол. – Не задело?!

Красноватая пыль припорошила его лоб, темно-русые волосы.

– Ты дрожишь? – удивилась Мария. Она не успела даже

испугаться. И не понимала волнения мужа.

– Больше никогда не стой рядом, когда я долблю эти проклятые дырки и вешаю полки! – с гневом вырвалось у него. Он отстранил от себя жену, заглянул ей в глаза, только сейчас она заметила, что он бледный, как стена, которую недавно долбил. – Лучше бы она мне на голову свалилась...

– Успокойся ты, – гладила она его мягкие короткие волосы. – Ничего ведь не случилось?

– Знаешь, о чем я сейчас думаю?.. – проговорил он, глядя мимо ее плеча на дверь. – Я был бы самым несчастным человеком на свете, если бы с тобой что-нибудь случилось, Маришка! Живешь, смеешься, рассуждаешь на философские темы, а рядом с жизнью бродит смерть с косой...

– Уж тогда с молотком, – улыбнулась жена.

– Жизнь, смерть, любовь – вот вечные истины в нашем мире.

– Может, с полигона уже летит к нам атомная ракета, – в тон ему сказала Мария. – Летит, а мы ничего не знаем. И глазом не успеем моргнуть, как очутимся на том свете... Есть ли он, тот свет?

– Нам и на этом хорошо, – поцеловал ее Андрей. – А войны не будет. Не должно быть! Я верю, что на земле больше умных, хороших людей, чем выродков, человеконенавистников, подонков... Да и кому нужна война, в которой не будет ни победителей, ни побежденных?

– Грозят же... – прошептала Мария.

Ей вдруг стало спокойно и тепло. Она слушала Андрея и удивлялась, что он как-то особенно торжественно произносит все эти слова, которые каждый день они слышат по радио и телевидению, читают в газетах.

– Сейчас тысяча девятьсот восемьдесят шестой год. – Андрей долгим взглядом посмотрел Марии в глаза: – Ты знаешь, я вчера подал заявление в партию. Вот вдруг почувствовал, что я должен быть с ними, коммунистами. То, что сейчас происходит, – это тоже революция. Могу ли я быть в стороне? Прости, что мои слова звучат по-газетному, но я и есть журналист.

– Уж ты-то никогда в стороне не был, – засмеялась Мария. – И не будешь! Не такой ты человек.

– Лишь бюрократам, консерваторам, жулью и алкоголикам не по нутру перемены, – продолжал Андрей. – А как чиновники держатся за свои кресла! Литературные чинуши из кожи вон лезут, чтобы убедить всех, что они за перемены, а сами спят и видят во сне старые времена, когда были неуязвимы. Верю, что, если сами не уйдут, их сметет свежий ветер...

– И Вадим Федорович рассуждает, как ты, – вставила Мария.

– Все честные люди думают так.

– Наверное, нужно не только думать, но и действовать?

– Я готов действовать пером и кулаками! – вырвалось у Андрея.

– Сейчас нужны острые, сердитые вещи, а ты... ты, Андрей, добрый.

– Это я с тобой и маленьким Ванькой, – рассмеялся Андрей, но вдруг снова погрузился. – Так интересно сейчас жить, а мы с тобой...

– Говорим о смерти?

– К черту дырки, полки, молотки! – засмеялся он. – Одевайся, идем в сад за Ваней! Я помню, отец мне, маленькому, говорил, что я, наверное, полечу в пассажирской ракете на Луну или Марс... Может, я не полечу, но вот то, что наш Ванька полетит к дальним звездам, это факт, Маша!

– Пусть лучше он сажает деревья на Земле, – сказала Мария. – Только и слышишь, что леса вырубают, реки-озера мелеют, птицы-звери гибнут... Зачем ему лететь на Марс, если на Земле дел по горло?

– Говорю же, ты умница, Маша! – обнял жену Андрей. – Настоящая земная женщина!

– А ты инопланетянин? – улыбнулась она.

– Пишут же некоторые ученые, что жизнь занесена на Землю из космоса, – сказал Андрей. – А впрочем, вот что сказал Гёте... – Он откинул взлохмаченную голову назад и продекламировал:

Достаточно познал я этот свет,
А в мир другой для нас дороги нет,
Слепец, кто гордо носится с мечтами,
Кто ищет равных нам за облаками!

Стань твердо здесь и вокруг следи за всем:
Для дельного и этот мир не нем.

2

Последние несколько лет Вадим Федорович почти не ездил по Ленинграду на «Жигулях». Ему ведь не нужно было каждое утро спешить куда-то на работу. Его работа – письменный стол в кабинете, а если куда и надо пойти, например в издательство или в Дом писателей, то можно и пешком. Ведь гараж его находился от дома далеко, в получасе езды на автобусе. С утра он работал дома, а после обеда придумывал себе какое-нибудь дело и пешком отправлялся по городу. Так просто выходить на прогулки по городу он себя не приучил, вот в Андреевке – это другое дело, там он каждый вечер гулял вдоль железнодорожного полотна от водонапорной башни до всячего моста через Лысуху. Там он был один, никто не мешал ему думать, выстраивать сюжет очередной главы или просто любоваться окрестностями. В городе не бывает пусто, в любую погоду навстречу тебе текут толпы людей. Конечно, смотреть на незнакомые лица тоже интересно. Смотреть и угадывать профессии людей. Часто его поражало количество народа в будний день – такое впечатление, что половина города не работает. Или так много приезжих в Ленинграде? На Невском в любой час дня не

протолкнуться, да и на других улицах идут и идут люди. Куда, спрашивается, идут? Понятно, не на работу. На работу люди едут утром, ну и после пяти часов по переполненному транспорту чувствуется, что они возвращаются домой. А днем? На этот вопрос Казаков так и не смог сам себе ответить. Не подойдешь же к человеку и не спросишь: дескать, что вы делаете на улице в рабочее время?..

Путь его в центр обычно пролегал от улицы Чайковского по набережной Фонтанки до моста, мимо Михайловского замка, его еще называют Инженерным. Это несколько мрачноватое красное здание нравилось ему. Его построил по проекту Баженова архитектор Бренна на месте бывшего деревянного Летнего дворца. В этом замке в 1801 году был убит Павел I. Перед фасадом, обращенным к Летнему саду, в парке резвились спущенные с поводков собаки, а внизу, у горбатого моста, на льду Мойки зябли утки. Добросердечные женщины с детьми перегибались через чугунную ограду, бросали птицам куски булки. Тут же крутились вездесущие голуби и осторожные вороны. Лишь под мостом свинцово поблескивала полынья, а так вся Фонтанка и Мойка были схвачены льдом. Вадим Федорович тоже жалел уток, уже не первый год зимовавших в городе, не раз брал с собой хлеб и бросал им в воду. Если голуби и вороны чувствовали себя в десятиградусный мороз нормально, то скромные в своем коричневом оперении утки и радужные красавцы селезни – их почему-то было гораздо больше самок – явно приуныли. Ходили

по льду медленно, вперевалку, то и дело поджимали под себя то одну, то другую красную озябшую лапу. И хлеб клевали равнодушно, уступая проворным голубям. А некоторые утки нахохлившись стояли на снегу в полудремотном состоянии.

Проходя мимо широких бетонных ступенек, ведущих к парадному входу, украшенному изящной колоннадой из бледно-розового мрамора и скульптурами, Казаков заметил, что собаки азартно играют красноватой утиной лапой, подбрасывают ее, отнимают друг у дружки, рычат. И он уж в который раз подумал, что в сильные морозы много уток гибнет на занесенных снегом берегах. Удивительно, что самые пугливые птицы, которых веками с силками, стрелами, ружьями преследовал человек, так быстро поверили ему – плавают на виду, чуть ли не из рук берут корм.

Размышляя о судьбе ленинградских уток, Казаков шагал по обледенелой тропинке старого парка. Причудливые черные деревья с заботливо наложенными на прогнивших боках цементными заплатками тянули обледенелые ветви друг к другу, некоторые были огромными, казалось, метелки их вершин царапают низкое облачное небо. Стоило пронестись по парку холодному порыву ветра – и деревья издавали тягучие стоны, а одно, с огромным дуплом, в которое мог бы забраться годовалый медвежонок, сипло басило. Эта странная музыка удивила Вадима Федоровича: сколько раз он тут проходил, но такого не слышал! Людей в парке было мало, попадались лишь молодые мамы с детишками в колясках. Из-

под целлулоидных козырьков колясок виднелись закутанные до глаз младенцы. Какой-то чудака в замшевой шапке и пальто с серебристым воротником одиноко сидел на садовой скамье с развернутой на коленях газетой. Чудаком его посчитал Казаков, потому что в мороз сидеть в заснеженном парке с газетой не каждому придет в голову.

– Добрый день, Вадим Федорович, – оторвавшись от газеты, сказал человек, когда Казаков уже миновал его.

Вадим Федорович обернулся и узнал секретаря райкома партии Борисенко Илью Георгиевича. Он видел его на заседаниях творческого актива, бывал секретарь и на писательских собраниях, а однажды он пригласил Вадима Федоровича в райком, и у них состоялся интересный разговор...

Здороваясь с ним, Казаков успел подумать, что странно вдруг встретить секретаря райкома в пустынном парке и еще в легкомысленной замшевой шапочке с завязанными на затылке клапанами. Борисенко приветливо улыбался.

– Вы куда собрались? На прогулку? – поинтересовался он.

– Я не спешу, – уклончиво ответил Казаков.

Как-то неудобно было говорить, что он идет в мастерскую за пылесосом, который вышел из строя. Оля готовится к зимней сессии, да ей и не под силу тащить такую тяжесть.

– Фельетон читал, – засовывая свернутую «Правду» в карман, говорил Борисенко. – Секретаря обкома партии сняли с должности за зажим критики... А сколько первых ушло на пенсию! Министры летят, начальники главков, директора

заводов!

– А вам жалко? – сбоку бросил на него насмешливый взгляд Казаков.

Два года назад у него состоялся разговор с Борисенко в райкоме партии – Вадим Федорович честно ему рассказал обо всем, что происходит в Союзе писателей, о приеме в члены СП случайных людей. Секретарь выслушал, даже, что-то записал в блокнот, а на одном из собраний заявил, что райком доволен положением дел в писательской организации. Мог ли после этого уважать Вадим Федорович Борисенко?..

– Как это – жалко? – даже остановился тот. – Вы представляете, что такое снять с должности крупного руководителя? Куда он пойдет работать? На свой завод рядовым инженером?

– А хоть и вахтером на стройку, – резко заметил Казаков. – Если развалил работу на заводе или в министерстве, заелся, стал злоупотреблять властью, преследует людей за критику, значит, поделом ему дали по шапке! Приятно теперь слышать, как выступают люди, говорят правду в глаза, не скрывают свои недостатки, резко критикуют руководителей... Когда это было? Я что-то такого не припоминаю. Сплошная похвальба, подхалимство перед начальством, замазывание недостатков, очковтирательство! Вспомните хотя бы наши собрания, на которых вы присутствовали...

– Больше не буду на них присутствовать... – вставил Илья Георгиевич, но разгорячившийся Казаков не обратил внима-

ние на его реплику.

– Тишь да благодать! И вы довольны, и вышестоящее начальство – мол, у литераторов все тихо, спокойно... Мы, кажется, с вами как раз об этом и толковали тогда, когда вы пригласили меня в райком? Я вам откровенно сказал, что стоит за этой тишью и благодатью. – Вадим Федорович повернулся к нему: – Хоть книги-то ленинградских писателей читаете? Или верите хвалебным рецензиям и статьям в газетах и журналах, которые пишут друг на друга бездарные писатели?

– Кругом бездари, один вы талантливый? – поддразнил Борисенко.

– Вот это и есть самое уязвимое место у любого писателя, – остыв, с грустью проговорил Казаков. – Сам о себе редко кто скажет, что он истинный талант. Вот я часто слушаю на творческих активах выступления некоторых партийных работников – ни один из них никогда не скажет свое мнение о той или иной книге. Честное слово, такое впечатление, что они не читают наших книг.

– Я помню, как много лет назад один партийный деятель публично похвалил кинофильм, поставленный по повести двух наших ленинградцев... Причем сказал, что фильм полезный и понравился его внукам... И что вы думаете? На следующий же день к директору издательства прибежали оба соавтора и потребовали, чтобы тот немедленно переиздал эту повесть массовым тиражом! А повесть-то была серой,

хотя и на злободневную тему. Или другой пример. Недавно на собрании секретарь обкома обмолвился, что писатели требуют новых издательских площадок, а в магазинах полно книг, которые годами лежат на полках, и никто их не покупает. И вопреки установившимся правилам назвал фамилии авторов, чьи книги с прилавков прямиком идут в макулатуру... Слышали бы вы, какой потом поднялся в Союзе писателей переполох!

– Слышал, – улыбнулся Казаков. – Я был на этом собрании.

– Кто же в этом виноват? – с усмешкой посмотрел на него Борисенко. – Вы ведь выбираете правление, секретарей?

– Не лукавьте, Илья Георгиевич, – заметил Вадим Федорович. – Не мы выбираем, а как раз та самая масса, которую для этого и напринимали в Союз писателей. У них ведь большинство голосов.

– А мы обязаны считаться с мнением большинства, – сказал Борисенко.

– Вот мы и пришли к тому же самому, с чего начали: зачем писателям такой аппарат Союза, который печется не о литераторах и их нуждах, а главным образом создает тепличные условия для процветания и обогащения секретарей и их прихлебателей?

– Может, вы и правы...

Казаков удивленно взглянул на Борисенко: голос его сник, стал печальным. Шагая рядом по узкой обледенелой тропин-

ке, Илья Георгиевич смотрел под ноги и тяжело вздыхал. Ростом он чуть ниже своего спутника, но гораздо шире, грузнее. На полном добродушном лице с маленьким ртом и карими неглупыми глазами задумчивое выражение. Казалось, он забыл про Казакова, лишь шарканье толстых подошв его зимних сапог нарушало тишину, да слышалось воронье карканье в парке. Они вышли к зданию Русского музея, Вадим Федорович хотел распрощаться с Борисенко, но тот вдруг сказал:

– Зайдемте ко мне, Вадим Федорович? Я живу на улице Ракова, рядом с Домом радио, угощу вас, как это теперь принято, чаем или кофе.

Казаков не переставал удивляться: обычно такой солидный, непрístupный, хотя и вежливый, Илья Георгиевич больше общался на творческих собраниях с руководителями Союза писателей, в перерыве удалялся с ними в комнату для гостей на втором этаже, где можно было попить чаю, кофе. И выход из той комнаты был прямо в президиум. А тут вдруг к себе домой приглашает! Очевидно, Борисенко в отпуске, иначе чего бы ему на морозе рассиживаться в парке с газетой в руках? День-то рабочий, еще трех нет.

Просторная четырехкомнатная квартира Ильи Георгиевича находилась на четвертом этаже старинного здания, лестницы чистые; чтобы попасть в дом, нужно снаружи набрать код. Во многих домах в Ленинграде уже установлены радиодфоны – нажмешь кнопку, и на любом этаже снимают труб-

ку и спрашивают: кто это? А потом что-то щелкает, и дверь сама открывается. В доме Вадима Федоровича пока этого нет. По-прежнему на подоконниках лестничных площадок рассиживаются молодые люди, случается, ломают почтовые ящики, вытаскивают журналы, письма.

Они разделись в просторной прихожей и прошли в большую квадратную комнату, где у окна стоял письменный стол с двумя телефонами, а противоположная стена была уставлена застекленными полками с книгами. Очевидно, кабинет хозяина. Пока Борисенко хлопотал на кухне – в квартире, кроме них, никого не было, – Казаков подошел к полкам. Много философской и политической литературы, полные собрания сочинений Ленина, Горького, Бальзака, Диккенса, Джека Лондона, несколько секций уставлены историческими романами.

– А вот ваши коллеги, – показал на самые нижние полки Илья Георгиевич.

Вадим Федорович изумился: там стояло, наверное, больше полусотни томов ленинградских писателей.

– У меня есть почти все книги Леонида Ефимовича Славина, – с нотками гордости в голосе показывал хозяин. – Павлицева, Громов, Татаринов... И все с дарственными надписями...

Он извлек первый том из избранных сочинений Славина, раскрыл обложку. Под портретом писателя было размашисто начертано: «Дорогому Илье с искренней дружбой и ува-

жением! Славин».

«Пятитомник не пожалел!» – усмехнулся Казаков.

– А ваших книг у меня нет ни одной, – заметил Борисенко, правда без сожаления в голосе.

– Мы не настолько были с вами знакомы, чтобы я смог сделать на своей книге такую надпись, – кивнул на собрание сочинений Славина Казаков. – Мне как-то и в голову не приходило дарить начальству свои книги.

– И напрасно, – солидно заметил Борисенко. – Поэтому вас так мало и знают наши руководители.

– И вы все эти... подаренные книги прочли? – окинул взглядом нижние полки Вадим Федорович.

– Славина, Павлищеву, Богуславского, Воробьева, ну и многих других прочел, – улыбнулся хозяин. – Мне по должности приходилось почти все, что выходило в наших издательствах, если не читать, то хотя бы просматривать.

– А как они вам дарят свои книги? – удивлялся Казаков. – По почте присылают?

– У нас в райком дорога писателям не закрыта, – сказал Илья Георгиевич. – Это вас мне пришлось пригласить, а многие сами приходят.

– И... другим тоже дарят?

– Вы меня удивляете, Вадим Федорович! – рассмеялся Борисенко. – У писателя вышла книжка, ему хочется, чтобы все прочли ее...

– Мне как-то и в голову такое не приходило, – признал-

ся Вадим Федорович. – Дарить книги незнакомым людям! В этом есть что-то...

– Не зря же говорят ваши товарищи, что вы оторвались от коллектива, – упрекнул Илья Георгиевич. – Часто вы бываете на собраниях? Не видно вас и на творческих секциях...

– Я работаю за городом, – ответил Казаков. – В Калининской области. Слышали про такой поселок – Андреевку?

– Там у вас дача?

– Пятиметровая комната на чердаке, – усмехнулся Вадим Федорович. – И дом этот принадлежит моим близким родственникам.

– А я слышал, что у вас там целое поместье.

– С мраморными скульптурами под каждым деревом, сауной и теннисным кортом, – съязвил Казаков.

– Я совсем забыл про чай! – спохватился хозяин.

Чай пили на кухне. На подоконнике сидели голуби, поглядывая на них маленькими блестящими глазами.

– Дочь подкармливает, – поймав его взгляд, заметил Илья Георгиевич. – Кстати, она очень любит ваши детские книги...

К чаю Борисенко поставил на деревянный стол печенье, черносмородиновое варенье, блюдце с тонко нарезанным лимоном и начатую бутылку коньяка.

– По одной? – предложил хозяин, но Вадим Федорович отказался.

Тот настаивать не стал, а себе налил в маленькую хру-

стальную рюмку на тонкой ножке. Залпом выпил, закусил лимоном.

– Вы в отпуске? – спросил Казаков.

– В бессрочном, – морщась от лимона, ответил Борисенко. – Меня позавчера на районной партийной конференции освободили от занимаемой должности...

Вадим не знал, что и сказать на это. Про себя же подумал, что этим обстоятельством, по-видимому, и вызвано непонятное гостеприимство Борисенко. Лично его, Казакова, несколько не огорчило это известие, потому что он слишком мало знал этого человека. Да и тот давний разговор в райкоме не оставил у него приятного впечатления. Секретарь упрекал его в том, что он не принимает активного участия в общественной работе, не выступает на партийных собраниях, не бывает на секциях прозы... Ну как ему объяснишь, что никому не нужна его активность? В свое время Вадим Федорович и выступал на собраниях, и критиковал руководство Союза, был членом партбюро, но его острые выступления только раздражали начальство. Поняв, что все это никому не нужно, Казаков действительно остыл к общественной работе... У писателя, свято верил он, есть самая главная общественно-государственная работа – это писать книги, а не болтать с трибуны прописные истины, которые у всех навязли в зубах. Для этого есть штатные ораторы, которым перед собранием звонят домой и дают тему для выступления... Он знал, что создано определенное мнение о нем: мол, Ва-

дим Федорович Казаков почти не живет в Ленинграде, сидит себе где-то в деревне и печет как блины свои романы... А раз критики о нем не пишут, значит, и романы его не представляют интереса... А у Славина длинная рука... Он может всегда организовать положительную рецензию на своего единомышленника и отрицательную на того писателя, который ему не угодил. У него везде свои люди, и эти люди считаются с мнением Славина. Казаков – не единственный писатель, которого он готов со свету сжить, есть и другие. Сколько повестей и романов было возвращено талантливым авторам из журналов только потому, что Славин был настроен против них! Одного его телефонного звонка было достаточно, чтобы рукопись «зарезали». Знал ли это бывший секретарь райкома Борисенко? Ведь мнение о том или ином писателе, передаваемое, как по цепочке, от одного к другому, срабатывает. Кто будет читать роман, если о нем пренебрежительно отозвался сам Славин? Мнение Славина весомо для Борисенко, а мнение Борисенко может оказаться весомым для вышестоящего руководителя, которому недосуг все, что выходит из-под пера ленинградских писателей, самому читать...

– Скажите честно, Вадим Федорович, я плохо выполнял свою работу, связанную с Союзом писателей? – после продолжительной паузы спросил Борисенко. – Может, чего-то я не понял? Неправильно поступал?

– Честно говоря, я не представляю, что у вас была за работа, – пожал плечами Казаков. – Что касается меня, то я

один раз откровенно высказался перед вами обо всем том, что думаю о нашем Союзе писателей. И понял, что вы мне не поверили, точнее, не захотели поверить, потому что для вас главное, чтобы в Союзе писателей были тишь да гладь! От кого вы получаете информацию? От Славина и его людей, а их как раз и устраивает такое положение в организации. А все те, кто не разделяет их точку зрения, – это кляузники, склочники, завистники...

– Славин – умный человек, хороший организатор, но писатель он средний, – задумчиво произнес Илья Георгиевич, глядя в пустую рюмку. – А в остальном вы правы... Славин делает вид, что нет в Ленинграде такого писателя – Вадима Казакова. Нет, он не ругает вас, просто многозначительно улыбается и демонстративно вздыхает, когда заходит речь о вас...

– Почему он ненавидит Татарина, Леонтьева, Иванова? Ненавидел покойного Виктора Воробьева?

– Но вы действительно редко ходите в Союз писателей...

– Зачем туда ходить?! – взорвался Казаков. – Чтобы попасться на глаза руководителям, доставать из портфеля подписанные книги и дарить начальству?..

Он так же быстро и остыл, сообразив, что Илья Георгиевич все равно его не поймет. Десятилетиями создавалась в Союзе писателей группа, которая владеет большинством голосов при тайном голосовании в выборные органы Союза писателей. И эта группа никогда не сдаст своих позиций, по-

тому что это для нее крах! Она, как саранча, сильна лишь в массе... Да и в одном ли Славине дело? Славин подготовил себе смену, верные его соратники будут бороться за существующее положение вещей в Союзе писателей. Не зря же почти на каждом собрании кто-либо из его людей поднимается на трибуну и называет Славина ведущим ленинградским драматургом, чуть ли не классиком.

Оказывается, очень трудно иногда определить, какая талантливая книжка, а какая – серая. И есть только один истинный критик – это читатель. Он никогда не ошибается, всегда плохую книгу отличит от талантливой. Но читатель не имеет возможности громко в печати выразить свое мнение, читатель ограничивается письмами в издательство, автору понравившейся книги, делится своим мнением со знакомыми, способствуя популярности писателя, но пройдут долгие годы, прежде чем мнение читателя станет общепризнанным.

А то, что Борисенко сняли с работы, – это хороший симптом, значит, и на искусство и литературу начинают наконец обращать серьезное внимание. Этому можно только радоваться!

Но радоваться в присутствии Ильи Георгиевича было бы невежливо, поэтому Вадим Федорович решил откланяться.

– Ну ладно, – прощая его, говорил Борисенко, – я уйду, придет другой на мое место, но разве что-либо изменится? Союз писателей – давно сложившаяся организация, и никто его структуру изменить не сможет.

– Я опять о том же самом: зачем тогда нам, писателям, вообще такой Союз писателей СССР? – не выдержал Вадим Федорович. – Уж не честнее бы тогда на каждых следующих выборах избирать на пост секретарей Союза других, малоизвестных прозаиков и поэтов, которые смогли бы быстро поправить свои дела? Как раньше цари посылали воевод в богатые губернии на «кормление». Ну я, конечно, шучу. Но в каждой шутке, как известно, есть доля правды...

– Выходит, для писателей нет никакой пользы от Союза писателей?

– От Литфонда хоть есть какая-то польза – путевки в дома творчества, бюллетени, материальная помощь, а в Союз писателей солидные литераторы практически не ходят, делать им там нечего.

– Кажется, я начинаю понимать вас... – улыбнулся Илья Георгиевич. – Вы хотели бы стать секретарем?

– Никогда! – резко возразил Казаков. – Вы меня совсем не поняли... Дело не во мне. Разве я виноват, что уродился с каким-то обостренным чувством справедливости, не могу терпеть фальши, лжи!

– Вы знаете, Вадим Федорович, что я сейчас подумал? – признался Илья Георгиевич. – Зря я не прочел ни одной вашей книги. От руководства Союза я не слышал о вас добрых слов, но от знакомых, друзей – много очень хорошего... И еще одно пришло в голову: наверное, правильно, что меня сняли с этой должности!

Вадим Федорович с любопытством взглянул на Борисенко. Такого от него он не ожидал! Привык, что все его доводы не доходили до людей типа Ильи Георгиевича, а если и доходили, то никто не хотел что-либо изменить, а уж тем более признаться, что поступает неправильно... Инерция мышления... Об этом сейчас много говорят и пишут, как и о человеческом факторе. Видно, избавиться от инерции мышления не так-то просто! Даже неглупым людям. А избавляться надо! Просто необходимо. И вот даже Борисенко это понял.

– На ваших писательских пленумах сейчас открыто заявляют, что нельзя жить по-старому, когда происходят такие позитивные сдвиги в стране, – продолжал Борисенко. – Дескать, писатели тоже должны мыслить иными категориями, жить и творить в темпе ускорения... Но мы, мол, не должны давать волю критиканам, которые как пена всплывают на поверхности нашего общего продвижения вперед. Мы должны объявить войну серости, литературной бюрократии, зажимщикам критики.

– Набор казенных фраз, – усмехнулся Казаков. – Уже придумали новый термин – пена! Все, кто будет критиковать литературных бюрократов, – это, получается, пена!

– А вы что же думали – люди, привыкшие снимать пенки, так-то просто уступят свои позиции? Конечно, они не станут открыто противостоят новым веяниям, это было бы сейчас неразумно. Скорее всего, они возглавят движение вперед...

– А сами будут этому движению вставлять палки в коле-

са, – сказал Вадим Федорович. – Кто сейчас больше всех трубит о перестройке, переменах? Как раз те, кто их не хочет. И еще я одно заметил: стали выталкивать в первые ряды не тех писателей, которых годами незаслуженно замалчивали и преследовали, а тех, кто и раньше плавал на поверхности, но не купался в лучах славы. Теперь и они толпой ринулись в «гениев»! Посмотрите, какие имена стали появляться в журналах. Имена – ладно, а какая литература! Чистой воды графомания, которая снова выдается за откровение... Я очень рад, что у нас состоялся такой откровенный разговор!

Выйдя на Садовую, Казаков по подземному переходу пересек Невский, постоял немного на тротуаре, не замечая толкавших его прохожих. Был мороз, обледенелая дорога поблескивала, от проходящих мимо машин летели грязные снежные комья. Кажется, скоро небо совсем расчистится и выглянет солнце. В том месте, где оно пряталось, окутанное серым ватным одеялом белесых облаков, туманно желтел диск. Наверное, и люди соскучились по солнцу, потому что то один прохожий, то другой задирал вверх голову и бросал взгляд на небо. Красный трамвай с заледенелыми окнами с завыванием прогрохотал мимо. Прямо на Казакова в круглое, с юбилейный рубль, оконце на стекле внимательно смотрел синий глаз. Неожиданно для себя Вадим Федорович засмеялся и весело подмигнул проплывшему в трамвае глазу.

У высокой чугунной ограды Суворовского училища, где

остановка автобуса, его звонко окликнули:

– Вадим Федорович, здравствуйте! Так приятно увидеть веселого человека в такую погоду.

Перед ним стояла Лариса Васильевна Хлебникова. Черноглазое лицо ее осветилось приветливой улыбкой.

– Я думал, в Ленинграде невозможно в такой толпе встретить знакомого, – ответил он, пожав ее руку в коричневой кожаной перчатке.

– Я все эти дни думаю о вас, – огорошила его сотрудница Общества книголюбов. – Прочла ваш последний роман, и мне захотелось вас увидеть. Никогда не думала, что писатель-мужчина способен так глубоко понять характер современной женщины... Можно подумать, что вы все списали с меня, честное слово!

За чугунной оградой на плацу под руководством офицеров занимались строевой подготовкой суворовцы. Их черная, с красной окантовкой форма выделялась на белом снежном фоне. Подтянутые юноши четко печатали шаг, проходя мимо офицера, одновременно поворачивали в его сторону головы в черных зимних шапках, стук их сапог становился громче, отчетливее.

– Я впервые в жизни говорю такие слова писателю, – возбужденно продолжала Хлебникова. – Даже хотела вам написать.

– Туг рядом кафе, – сказал Казаков; его ошарашил поток ее лестных слов. – Зайдем?

– Я, наверное, тоже колдунья, – улыбалась она. – Помните, у метро «Чернышевская» вы все сказали обо мне? И все правильно. Я стояла на остановке и думала о вас... Внушала себе, что должна вас увидеть, – и вдруг вы! Я глазам своим не поверила!

– Тогда уж лучше пойдете в «Гном» на Литейном, – предложил Вадим Федорович, забыв про пылесос. – Раз мы с вами колдуны, «Гном» как раз нам и подойдет.

Они сели на четырнадцатый автобус. Народу было много, и их прижали друг к другу. Он уловил запах французских духов. Теперь многие женщины пользовались дорогими духами, и запах их преследовал везде, будь это автобус, метро или даже очередь в магазин.

Глубокие черные глаза Хлебниковой светились искренней радостью, Казаков отметил про себя, что у нее очень белая кожа, красиво оттеняемая густыми черными волосами. В ту первую встречу он особенно не присматривался к ней, а сейчас обратил внимание, что она высокая и статная. Чем-то неуловимым Лариса Васильевна вдруг напомнила Галю Прокошину из Андреевки.

– А вы... вспоминали обо мне? – вдруг спросила Хлебникова.

– Нет, – ответил Казаков.

– Какой же вы колдун! – неестественно громко рассмеялась она. – Женщина днем и ночью думает о вас, а вы этого даже не почувствовали?

– Это вы колдунья, – польстил ей Вадим Федорович. – Так околдовали меня, что забыл, зачем и вышел из дому.

Автобус резко затормозил – кто-то в неполюженном месте перебежал дорогу, – их еще теснее прижали друг к другу, круглое лицо с блестящими глазами-вишнями оказалось совсем близко. Полные губы ее раздвинулись в улыбке.

– Куда мы едем? – будто очнувшись ото сна, спросила она, не делая и попытки отстраниться от него.

– На шабаш...

– Ах да, в «Гном», – засмеялась она. – Я там никогда не была.

– Я тоже, – улыбнулся он.

– Почему же туда едем?

– Не знаю, – сказал он.

Он действительно этого не знал. Глубокие черные глаза женщины манили к себе, обещали...

Часть третья

Свет и тень

*Земные радости – с отравой,
Отрава – с счастьем земным.
Все постоянно – лишь за морем,
И потому, что нас там нет;
А между тем кто минут горем?
Никто... таков уж белый свет!..*

А. В. Кольцов

Глава шестнадцатая

1

Николай Евгеньевич Луков всегда гордился своим умением быстро печатать на машинке почти всеми пальцами. Ему ничего не стоило за день отстукать двадцать – тридцать страниц. Много лет назад он подрабатывал тем, что брал домой на перепечатку статьи и монографии сослуживцев. Его даже прозвали «машинистка Луков». Все его знакомые писатели, критики печатали двумя пальцами и не больше пяти-десяти страниц в день, он же мог за это время напечатать в несколько раз больше. Конечно, он уже давно не брал печатать чу-

жие рукописи, но все свое, даже письма, всегда печатал сам.

Вот и сейчас его толстые пальцы проворно летали по коричневым клавишам югославской машинки «Юнион». Страница за страницей слетали с каретки и ложились в ровную стопку уже отпечатанных листов. От сотрясения тоненько позванивала бронзовая крышка на хрустальном чернильном приборе. Губы то и дело складывались в довольную улыбку. Она исчезала лишь тогда, когда проскакивала опечатка, – Николай Евгеньевич отодвигал каретку и сильным ударом пальца по клавише исправлял ошибку.

Когда кончилась очередная страница, он вытащил закладку с копиркой – Луков обычно печатал сразу три экземпляра своих статей, всегда может пригодиться, – вставил другую закладку и, откинувшись на спинку потертого кресла, задумался...

Могучий импульс к работе ему придал вчерашний звонок из Ленинграда: Леонид Ефимович Славин сообщил, что книга о Вячеславе Шубине включена в план издания на ближайшие годы. Он, Славин, лично рекомендовал ее издательству.

Луков писал рецензию на новый роман Казакова. Конечно, он его резко раскритиковал, в этой же статье дал высокую оценку творчеству Вячеслава Шубина. Луков извлек из папки свою внутреннюю рецензию на Казакова – вот что значит печатать несколько экземпляров! – прочел ее и решил большой кусок вставить в другую свою статью, подготовленную

для журнала Монастырского. С заведующей отделом критики можно было и не договариваться: она полностью доверяла Николаю Евгеньевичу. Пока Казаков никак не реагировал на «укусы» критика. Или не обращал внимания на нападки Лукова, или просто делал вид, что ему наплевать на критику. Такая позиция вполне устраивала Николая Евгеньевича. В конце концов, он уже известный критик, доктор филологических наук.

Вячеслав Шубин снова недавно вынырнул на поверхность, опубликовал новый роман о молодоженах, организовал положительную критику – только Луков напечатал две хвалебные рецензии в московских газетах.

С Шубиным после длительного перерыва у них снова наладились дружеские отношения, опять Луков с женой наезжали к нему на загородную дачу – там бывали Роботов, Алферов, Монастырский, а это и поныне влиятельные люди в Москве... Умница Вячеслав Ильич – тонко повел разговор с ними о приеме в Союз писателей Николая Лукова. Решили, что, как только выйдет первая большая книжка, вернутся к этому вопросу. Так что звонок Славина из Ленинграда очень порадовал Николая Евгеньевича...

Он снова принялся стучать на машинке, заглядывая в чуть пожелтевшие листы старой внутренней рецензии... Если бы Николай Евгеньевич задал себе вопрос, за что он так невзлюбил Вадима Казакова, он бы вряд ли сумел на него честно ответить. Не обрати его внимание в Ялте Зиночка Иванова

на этого писателя, он бы, наверное, не удосужился прочесть его книги. А теперь вступал в спор с теми, кому он нравился, пытался навязать свою точку зрения на писателя. Вячеслав Шубин как-то заметил, что Николай Евгеньевич слишком уж резко отзывается о Казакове, и с грубоватой прямо-той сказал ему:

– Уж не отбил ли у тебя Вадим бабу, Никколо?

– Я – критик, – обиженно ответил Луков. – И у меня есть собственное мнение.

– Ну уж тут ты перехватил! – рассмеялся Вячеслав Ильич. – Чего-чего, а собственного мнения у тебя никогда не было... Пишешь, что скажут. И очень любишь прославлять наше начальство!

– Ты ведь теперь не начальство, – возразил Луков.

– Кто знает, кто знает... – поддразнивал Шубин. – Возьму и снова выставлю свою кандидатуру в секретари... Как ты думаешь, пройду?

– Если к тому времени выйдет моя книжка о тебе – прой-дешь, – примирительно заметил Николай Евгеньевич.

– А не делаешь ли ты своими змеиными укусами Казакову еще большую рекламу? – посерьезнев, спросил Шубин.

С этим Николай Евгеньевич никак не мог согласиться: если не у читателей, то у литераторов, которые читают критику, статьи Лукова должны были вызвать отрицательное отношение к Казакову. В «Литературке» он прочел статью, в которой высказывалось мнение: дескать, стоит ли массовыми

тиражами выпускать книги писателей, которых никто не читает? Не лучше ли дать право издательствам самим определять тиражи выпускаемых книг? Если автор популярен и за его книгами гоняются, значит, нужно его в первую очередь издавать и переиздавать. И издательство от этого выиграет, и, конечно, читатели... Если бы такое случилось, то многим расхваленным в свое время литераторам пришлось бы худо... Кто же это допустит! В редсоветах, коллегиях заседают роботовы, шубины, монастырские... Не станут же они рубить сук, на котором сидят?..

Николай Евгеньевич был убежден, что схлынет волна гласности, критики и все встанет на круги своя. Тому пример, что все крупные руководители от литературы удержались на своих местах...

За окном вдруг раздался грохот, будто самосвал с булыжником разгрузился. Николай Евгеньевич не поленился, подошел к окну: с крыши грохнулся вниз пласт снега. Внизу стояли люди и смотрели вверх. День был солнечный, с карнизов капало. Крыша высотного здания напротив угрожающе оцетинилась длинными сверкающими сосульками. Дворники поставили на тротуары заграждения, натянули веревки. В центре Москвы машины быстро слизывают снег с асфальта, а здесь кругом белым-бело. Если такая погода простоит с неделю, то снег стает. На деревьях в сквере сидели черные птицы, издали не разберешь – грачи или вороны. Вроде бы грачам еще рано – только начало марта. Девочка в красной

куртке с белым воротником бегала за юркой черной собачонкой.

Николай Евгеньевич из всех времен года любил лето. Ему нравились тепло, море, пляжи. В мае он поедет в Ялту... Жена намекала, что тоже не прочь бы погреться на южном солнышке, но Луков никогда не проводил отпуск с женой – в Тулу со своим самоваром!.. Вспомнилась тоненькая стройная аспирантка Зина Иванова... Как они чудесно проводили в Ялте время! Маленькие уютные кафе с хорошо приготовленным кофе, неназойливая музыка из стереомагнитофона, а на деревянных стенах – металлические абстрактные фигуры. Зина так заразительно смеялась его шуткам! Он с ней тогда чувствовал себя тоже молодым, сильным, ловким. Они даже несколько раз ходили на танцы в ближайший дом отдыха. А какие у девушки теплые губы и сияющие глаза... А после встречи с Вадимом Казаковым в Доме творчества, когда он познакомился с ним сам и представил Зину, которая его об этом попросила, все вдруг пошло шиворот-навыворот!

Вспомнив про ленинградца, Николай Евгеньевич решительно отошел от окна, уселся в кресло и поднял над машинкой на мгновение толстые руки, как хирург над пациентом, когда приступает к ответственной операции. В следующее мгновение пальцы его яростно обрушились на податливые клавиши. Он с усмешкой подумал, что этот непрерывный треск машинки – гимн по прошедшей любви к Зине Ивановой... И еще подумал, что очень хотелось бы видеть лицо

Вадима Казакова, когда он будет держать в руках журнал с его разгромной статьей...

2

Николай Луков был бы немало разочарован, если бы узнал, что Вадим Казаков даже не прочел его статьи. На этот раз критик разругал сразу несколько книг писателя, ядовито проехался по главным героям, назвав их рефлекслирующими. Противопоставил Казакову романы ведущих, на его взгляд, советских писателей-классиков – дескать, это и есть настоящие романы, а повествования Казакова нельзя назвать и романами, это, скорее, растянутые повести... Снова упрекал автора за то, что слишком много внимания уделяет любовным отношениям, внутреннему миру героев, а не производству и коллективу, где лишь по настоящему и выковывается истинный характер нашего славного современника...

Про статью Лукова в журнале сообщил Вадиму Федоровичу Ушков. Они встретились в издательстве, и Николай Петрович, разводя руками и якобы сожалея, сказал:

– Луков-то опять разразился гнусной статьей... И чего это он на тебя так взъелся? Ладно, что еще критик бездарный, его никто всерьез не принимает...

– А ты – способный критик, – заметил Казаков. – Возьми и выступи против него.

– Ты же знаешь, как к тебе относятся... – сразу пошел на

попятную Ушков. – Никто не напечатает мою статью. Неужели ты не понимаешь, что тебе завидуют? И радуются, что нашелся дурак, который исподтишка лягает тебя копытом!

– Но ты-то ведь не согласен со статьей? – возражал Вадим Федорович. – Об этом и скажи публично.

– Чушь! – не согласился Ушков. – Статья настолько тенденциозна и убога, что на нее и отвечать-то нелепо! Автор сам себя высек – это любому грамотному человеку видно.

– Теперь обязательно кто-нибудь позвонит и станет сочувствовать, – вздохнул Вадим Федорович.

– Ты все сетовал, что о тебе мало пишут, – радуйся; нашелся и твой постоянный критик! – засмеялся Ушков.

Русая бородка его была аккуратно пострижена, голубоватые глаза смотрели сочувственно. Он был в неизменном кожаном пиджаке и серых брюках. Под пиджаком – коричневый пуловер. Сколько лет его знал Вадим Федорович, приятель внешне не менялся. Правда, появилась некоторая солидность, которая проявлялась в том, что он говорил еще медленнее, тихим голосом, а взгляд стал еще более многозначительным. По-прежнему много курил, стряхивал пепел куда попало – тут его раздражающая чистоплотность почему-то не срабатывала.

Они стояли в просторном вестибюле, на стене – портреты лауреатов Государственных премий. На них с хитровой усмешкой смотрел Леонид Славин, можно было подумать, что он радуется неприятностям Казакова. Впрочем, так оно,

наверное, и было... Мимо проходили молодые женщины с папками, Николай Петрович со многими здоровался, а когда к ним подошел худощавый мужчина в помятом синем костюме, с изможденным лицом и затравленным взглядом, Ушков даже руки спрятал за спину, однако человек радушно протянул худую руку с давно не стриженными, грязными ногтями. Николаю Петровичу пришлось пожать.

– Здравствуйте, Вадим Федорович.

Казаков вежливо поздоровался, хотя вроде бы никогда не встречался с этим человеком.

– Читал, читал ваш последний романчик, – кривя тонкие губы в усмешке, быстро заговорил мужчина. – Здорово закручено! Романчик-то ваш не так просто достать... Знакомая библиотекарша в Публичке по благу дала почитать.

Вадима Федоровича неприятно резануло слово «романчик». Не терпел он и когда книги называли «книжечками». Сколько раз одергивал Мишу Супроновича, но тот всякий раз говорил «книжечка».

– Ну, какое же твое мнение? – поинтересовался Ушков.

– У меня нет своего мнения, вы же знаете, – цинично заявил «кузнечик», как его мысленно прозвал Вадим Федорович. – Личное мнение иметь в наш век – это роскошь!

– Напиши рецензию, – предложил Николай Петрович.

– Я не привык задаром работать, – рассмеялся «кузнечик». – Вы, Вадим Федорович, популярны у читателей, а редакторы журналов вас не любят...

Выпалив все это скороговоркой и сверля Казакова непризненным взглядом, мужчина в помятом костюме снова пожал им руки, улыбнулся, показав испорченные зубы, и прыгающей походкой быстро ушел.

– Странный тип! – удивленно произнес Вадим Федорович. – И похож на кузнечика.

– Уж скорее на саранчу, – улыбнулся Николай Петрович, старательно вытирая каждый палец носовым платком. – Это Леша Петушков. Был способным критиком, потом сильно запил, опустился, его уволили с работы, теперь бегает по отделам, выпрашивает на внутренние рецензии рукописи. Только этим и живет... – Ушков рассмеялся: – Знаешь, какой он вопрос каждый раз задает редактору? «Раздолбать автора или похвалить?» Мол, что вам нужно, то и сделаю!

– Удобный рецензент! – покачал головой Казаков. У него осталось неприятное ощущение после этой встречи. – Зачем ему дают рукописи?

– Кстати, он бы мог на тебя написать положительную рецензию, если будет уверен, что она пойдет...

– Бога ради! – воскликнул Казаков. – Такой рецензент мне не нужен.

– Может и отрицательную... – поддразнивал Ушков. – Что скажут, то и напишет, а перо у него бойкое, и быстро пишет, когда трезв.

– Сейчас-то не пьет? – почему-то спросил Вадим Федорович. Помятое лицо «кузнечика» стояло перед ним. Но поче-

му столько злости в нем? На себя надо злиться...

– Здесь пьяным не появляется, – ответил Николай Петрович. – А как запьет, так и сгинет на месяц-два, а бывает, и год о нем не слышно. А ведь не дурак! И когда-то хорошие статьи писал. И были свои принципы... Вот что водка с человеком делает!..

Обо всем этом вспомнил Вадим Федорович, сидя на крыше дома в Андреевке. Там еще держался снег, глубокие следы явственно чернели внизу. Ему пришлось подставить лестницу к пристройке, по ней подняться на крышу, потом с трудом взобраться на круто уходящую вверх крышу дома. Рукавицей смахнул сажу с кирпичной трубы и уселся на нее. Вот удивился бы народ, если бы увидел его! Но была ночь, над головой посверкивали звезды, из-за леса за станцией медленно выкатывалась будто слизанная с одного бока луна. Тихо в Андреевке. И на станции не фукает маневровый – он укатил в сторону Климова. В некоторых домах светятся окна, от редких уличных фонарей упали на снег желтые круги света, чуть слышно гудят провода. С крыши Вадим Федорович увидел дом Галины Прокошиной. Есть свет в окнах или нет, отсюда не видно. Он подносит к глазам бинокль, и темная пристройка с голубоватым снегом приближается, он даже различает цепочку кошачьих следов. Совсем рядом яблоневые ветви, дощатый, до половины спрятавшийся в сугробе забор, поленница дров.

Смотреть на смутные очертания домов, кромку бора

неинтересно, Вадим Федорович поднимает бинокль выше, и яркие созвездия приближаются. Многие он уже знает. Вот туманность Андромеды – небольшое туманное пятно, чуть побольше нынешней луны. Подумать только, свет от этого созвездия идет до нас два миллиона лет! А вот Персей, он будто катится по Млечному Пути. Но ярче всех выделяется на зимнем небе созвездие Ориона. В старом звездном атласе Орион изображен в виде огромного охотника. Там, где плечи, сверкают две яркие звезды – это Бетельгейзе и Беллатрикс, но самая яркая звезда – Ригель. Фантасты нескольких поколений посылали на эти звезды космические экспедиции...

Но забрался Вадим Федорович нынче на крышу не за этим, его привлекала к себе знаменитая комета Галлея, которая в этом году близко пройдет от Земли, устремляясь к Солнцу. Он в сам не мог понять, почему его так притягивает к себе эта комета, раз в столетие посещающая нас. Он все прочел о ней. Астроном Галлей открыл комету почти двести с лишним лет назад и предсказал, когда она снова появится на небе. Сам он, конечно, не дожил до этого дня, слишком коротка человеческая жизнь, нельзя даже самому лично проверить то, что ты открыл. Коротка жизнь человека по сравнению с космосом, где расстояния измеряются миллионами световых лет. Мы смотрим на небо, видим звезды, которых, может быть, давно уже нет, потому что свет от них идет до нас тоже миллионы лет...

Сразу после Нового года Казаков и в городе в вечерние часы частенько поглядывал на небо, но кометы так еще и не увидел. Знал, что в январе она войдет в созвездие Водолея. Он пытался забраться на крышу и своего дома в Ленинграде, но обитая оцинкованным железом дверь на чердак была закрыта на замок. В Андреевке у него был трофейный немецкий бинокль. Удивительно, что он сохранился. Сколько ребят перебивало в доме! Чехла давно нет, а черный полевой бинокль с побуревшей от времени кожаной оболочкой сохранился. Память о войне. Вадим его снял с шеи убитого фашиста. Это было на дороге, ведущей в Леонтьеве Они напали на грузовик, перестреляли гитлеровцев, забрали оружие, трофеи, а машину подожгли. До сих пор обгоревший, прожаривший остов, вернее, железная рама торчит в кустах у лесной дороги...

Сколько он ни ощупывал небо в той стороне, где должна была пройти комета Галлея, он ее не обнаружил. И так уже который раз! Может, комета прошла во вьюжные ночи? С неделю завывала метель в Андреевке. Намела высокие сугробы у заборов, вылизала до ледяного блеска холм, на котором возвышались вековые сосны, нарастила на застрехах крыш белые крылья, забила дымоходные трубы, так что людям потом пришлось лопатами срывать снег. В лесу снежная буря вывернула с корнями деревья, обломала ветви, тонкие сосенки согнула в три погибели, а маленькие елки надежно укрыла белым саваном, так что лишь кое-где из сугробов

торчали зеленые ветви. Казакову пришлось заново прокладывать лыжную колею до Утинового озера.

Из Ленинграда он не просто так уехал, – обычно приезжал в Андреевку встречать весну в середине апреля, – а позорно удрал! Лариса Васильевна Хлебникова замучила приглашениями на выступления. Почти через день приходилось ему ходить то в библиотеку, то в клуб на встречи с читателями, при встречах начинала бесконечные литературные разговоры. Пока речь шла о его, Казакова, книгах, он еще терпел – надо отдать должное Ларисе Васильевне, замечания ее были не лишены здравого смысла, – но как только начинала высказывать свои суждения вообще о литературе, Вадим Федорович уставал от этого. Признаться, ему и о своих книгах не очень-то хотелось подолгу разглагольствовать. Книга написана, считал он, попала к читателям, что о ней теперь толковать? Как говорится, переливать из пустого в порожнее? Ну, когда творческая конференция, другое дело: мнения читателей всегда интересны и порой совершенно неожиданны, а о том, что ему скажет Хлебникова, Вадим Федорович уже хорошо знал.

Поражался он другому. Или уже окончательно отвык от современных женщин, или просто Лариса Васильевна была какой-то особенной, только ее энергия, напор, мужская логика ставили его в тупик. Она без всякого стеснения навязывала ему свое мнение, считала свои оценки творчества того или иного писателя неоспоримыми, раздражалась, если он

возражал, не соглашался...

В общем, он настолько от нее устал, что в один прекрасный день, вспомнив, что комету Галлея можно лучше всего увидеть за пределами задымленного города, в одночасье собрался и, предупредив Олю, чтобы никому не говорила, куда он скрылся, сел на поезд и уехал в Андреевку. Только тут он нашел настоящий покой и всего за неделю сумел написать столько, сколько не получалось в Ленинграде за месяц.

С Хлебниковой их отношения далеко не зашли: Казаков всегда опасался активных, решительных женщин с мужскими хватками, а при ближайшем знакомстве Хлебникова именно такой и оказалась. Кстати, и ее, по-видимому, вполне устраивала только дружба с ним, но с женщинами Вадим Федорович никогда не дружил и считал, что это просто невозможно. Была Вика, которую он считал другом, но что из этого вышло? Трудная, беспокойная любовь их оборвалась. Дружба и любовь – это совсем разные вещи. И пожалуй, объединить одно с другим нельзя, хотя об этом все толкуют: мол, только тогда наступит гармония в отношениях мужчины и женщины, если их свяжет не только любовь, но и дружба...

Дружба с Хлебниковой была односторонней, она почему-то решила, что Казаков, как никто, подходит для нее в этой роли. На правах «друга» она стала с ним бесцеремонной, часто жаловалась на мужа, зато о детях говорила восторженно, была уверена, что обе ее дочери исключительно

одаренные... Однажды лишь выразила удивление, что Вадим Федорович не чувствует в ней женщину. Мол, не ухаживает, не делает никаких соблазнительных предложений, а, наоборот, всякий раз неохотно откликается на ее инициативу... Впрочем, тут же заявила, что удивляться-то, в общем, нечего, потому что современные мужчины измельчали, власть в доме взяли в свои руки женщины, да и не только дома... Особенно это заметно в среде молодых людей. Девушки теперь во всем руководят своими кавалерами. Если раньше годами ждали, когда им сделают предложение, теперь сами выбирают себе мужей и тащат в загс. Неужели он, писатель, не чувствует новых веяний двадцатого века?..

Спорить с Хлебниковой было бесполезно – в этом он быстро убедился, – она, как говорится, заводилась с пол-оборота, и остановить ее уже было невозможно. Такой энергии можно было только позавидовать! Если первое время его и влекло к ней как к женщине, то скоро она убила в нем это чувство. Видно, отшельническая жизнь писателя сделала его нелюдимым, он никогда за последние годы так много ни с кем не говорил, как с ней. И даже когда они расставались, еще долго в его ушах звенел ее настырный голос. В черных блестящих глазах он теперь видел не нежность, а ожесточение против всего мужского рода. Лариса Васильевна долго и подробно рассказывала, как она три года любила одного человека, а он и не знал... Признаться, Вадим Федорович в это не поверил. Хлебникова как раз не из тех женщин, которые

скрывают свои чувства.

В общем, Лариса Васильевна, не желая того, на практике лишний раз доказала Казакову, что дружба между женщиной и женщиной невозможна.

Оля уже узнавала ее по голосу и с улыбкой звала отца к телефону:

– Твоя пассия... требует!

– Не говори «пассия»! – возмутился Казаков. – Противное слово.

– А голос у нее приятный, – поддразнивала дочь. Вадим Федорович со вздохом брал трубку... Лариса Васильевна могла болтать по полчаса и даже больше, остановить ее было невозможно. Перескакивая с одной темы на другую, она длинными очередями выстреливала в него новостями. Трубка липла к уху, он исчертил ручкой уже весь лист настольного календаря, дочь по нескольку раз заглядывала в комнату, намекая, что ей тоже нужно позвонить, а он не мог никак закончить затянувшийся пустой разговор. Он увязал в нем, как муха в меде. Хитрая Хлебникова, чувствуя, что он вот-вот положит трубку, говорила что-либо такое, что вызывало очередной вопрос Вадима Федоровича, и она начинала заливаться соловьем...

Дружба! Мужчину можно к черту послать, а женщину? Не дружба это, а зависимость. Женщина-друг начинает бесовестно подчинять тебя себе, а этого Казаков больше всего на свете не любил. Сам никого себе не подчинял, даже

собственных детей, и уж конечно не терпел зависимости от других. Все понимал, смеялся сам над собой, а вот поделаться ничего не мог – видно, все же и вправду у современных молодых женщин хватка железная!.. В один прекрасный день он наотрез отказался выступать и, бросив все, умчался в Андреевку.

Сейчас ему смешно, что он, как мальчишка, сбежал из собственного дома, потому что его затюкала женщина, с которой он даже не был близок. Права Хлебникова: двадцатый век – век женского преимущества, может, даже господства над мужчинами. Не зря даже сопливые девчонки как бы между прочим пренебрежительно проезжаются по адресу своих кавалеров. Вспомнилась одна сцена, происшедшая в автобусе незадолго до его отъезда. Он сел в автобус и поехал к своему редактору в издательство. Салон был переполнен, Казаков сидел у окна, спиной к нему примостилась молоденькая девушка в шубе, на этом же сиденье, чуть ли не на ней, сидела подружка, а еще две стояли рядом. Девушки между собой громко разговаривали, не обращая внимания на пассажиров. Надо сказать, что все были удивительно симпатичные, глазастые, рослые, по пятнадцать-шестнадцать лет.

Вот какой разговор шел между ними:

П е р в а я д е в у ш к а. К черту твоего Алика! Цыпленок недоношенный...

В т о р а я д е в у ш к а. Думаешь, Генка Осипов лучше?

П е р в а я д е в у ш к а. У Генки хоть папашка шишка.

И дача в Комарове.

Третья девушка (*довольно громко запела*). На недельку до второго-о я уеду в Комарово-о...

Вторая девушка. Ну и парни пошли, как говорит моя прабабушка, хуже летошних...

Третья девушка. Ну их к черту! Стоит ли о них толковать? Твой Алик, как щенок, в Новый год скулил у нашей двери, когда его мой брат из дома выбросил.

Четвертая девушка. Я вот о чем думаю: брошу учиться и пойду в ПТУ. Моя сестра после десятилетки никуда не поступила, сейчас работает на стройке маляром. Такие «бабки» заколачивает!

Первая девушка (*насмешливо*). Куда она их деваает? На приданое копит?

Третья девушка. Я считаю, теперь мужики должны приданое в дом приносить... Все будет хоть какой-то прок от них!

Вторая девушка. Надо будет мне заняться Генкой Осиповым. Брошу школу – все равно институт мне не светит, – выскочу за него замуж. Родители у него в загранке все время, квартира набита музыкой, даже видик есть... И дача в Комарове.

Третья девушка (*еще громче*). На недельку до второго-о-о я уеду-у в Комарово-о...

На них вот уже несколько минут неодобрительно косился пожилой мужчина в синем зимнем пальто с каракулевым

воротником. Он стоял как раз за высокой девушкой с тонкими, красивыми чертами лица и большими серыми глазами. Она говорила громче всех и, судя по всему, была заводилой в этой компании.

М у ж ч и н а. Девушки, вы не в лесу... Ведите себя прилично.

П е р в а я д е в у ш к а (*не оборачиваясь*). Дяденька, вы бы помалкивали в тряпочку, вас не задевают, ну и стойте себе. Кстати, вы сильно сзади прижимаетесь ко мне... Пожилой человек, а-я-яй!

Ее подружки громко прыснули. В автобусе разом заговорили: мол, что за молодежь пошла, разве можно так со старшими разговаривать?..

М у ж ч и н а. Вот попрошу водителя остановить автобус на Садовой у отделения милиции...

П е р в а я д е в у ш к а. Напугал! Да мы там давно прописаны, гражданин!

Вадим Федорович смотрел на девушек и изумлялся: такие хорошенькие, на вид интеллигентные, а что несут! Будь бы это парни, он давно призвал бы их к порядку, но девушки... Школьницы-девчонки! При всей их развязности, наглom поведении все равно они были симпатичными девчонками – во всем своем ореоле юности, свежести. Не верилось, что эти алые губки сейчас произносят бранные слова, а чистые, с блеском глаза с высокомерием смотрят на пассажиров. Трое из них вступили в перебранку, лишь четвертая по-

малкивала, и, хотя не одернула подруг, было видно, что ей все это не по душе.

Автобус остановился на Садовой, напротив Гостиного двора, девушки с хохотом вывалились из него, и тут самая из них симпатичная, с пышными белокурыми волосами и большими серыми глазами, повернулась к двери и совсем по-детски показала язык. Створки дверей с шипением затворились, автобус тронулся, а на тротуаре стояли четыре девчонки и смеялись...

Иные времена, иные нравы... Девчонки-школьницы курят, выпивают. И откуда такое пренебрежение к старшим? Вызов обществу? Своеобразный протест? Обидно, очень обидно, что такие милые, свежие девчонки культивируют в себе грубость, расчетливость, наглость! Девушек всех времен всегда украшали нежность, стыдливость, скромность...

Кто же виноват, что они стали такими? Надо думать, не все...

Звезды мерцали, переливались на всем обозримом пространстве неба, луна высоко поднялась над кромкой бора, как-то незаметно перебралась через железную дорогу и теперь сияла над поселком. Казаков навел бинокль на луну, различил туманные очертания кратеров, гор, каких-то неясных впадин. Помнится, выходя ночью из партизанской землянки, он подолгу смотрел на луну – знал, что на ней нет атмосферы, а значит, и жизни, но все равно где-то в душе теплилась надежда, навеянная романами Жюль Верна, что там

тоже кто-то живет и вот сейчас оттуда смотрит на Землю... На веку Вадима Федоровича люди побывали на Луне, попрыгали по ней, взяли образцы лунной пыли и камней. А теперь скоро отправятся космонавты на Марс. Почему-то он был уверен, что первая космическая экспедиция будет не на Венеру или Меркурий, а именно на Марс. После Луны это второе небесное тело, которое волнует умы человечества. Если и на Марсе нет жизни, то, может, раньше была? Эти каналы, красные пустыни?..

Мороз набирал к ночи силу – защипало уши, лишь ногам в серых подшитых валенках было тепло. На дворе Широковых вдруг послышался громкий печальный вой. Сверху Вадим Федорович увидел у калитки собаку, задравшую острую морду к небу. Пес выл на луну. И в этом вое было что-то первобытное, далекое и необъяснимое. Свинья никогда не отрывает своего рыла от земли, а вот собаки смотрят на небо, видят луну и посылают к ней свой печальный вопль, выплескивая в нем все то, что не дано им высказать человеку.

3

Андрей Абросимов стоял на стремянке, в зубах у него были зажаты гвозди, в руке – молоток. Петя Викторov на новоселье подарил ему картину: северяне в меховых одеждах на берегу Охотского моря, меж ослепительно белых айсбергов плавают киты, в синее солнечное небо взлетают фонта-

ны, все кругом сверкает, лед разбросал по снегу солнечные зайчики. Картина Андрею очень понравилась, и он решил ее повесить над книжными полками. Сегодня суббота – Мария в университете, сын в яслях, а он, Андрей, дома один. Сел было за письменный стол поработать, но что-то не пошло. Квартира уже приняла обжитой вид, лишь в прихожей еще не было вешалки, и одежду приходилось вешать на гвозди, вбитые в настенный шкаф. С первой же зарплаты Андрей и Мария купили палас для большой комнаты.

Андрей уже давно заметил, что Мария – хорошая хозяйка. Домашнее хозяйство она вела с удовольствием; в букинистическом магазине – с месяц бегала туда – приобрела поваренную книгу и теперь вечерами изучала ее не хуже, чем какой-нибудь учебник по журналистике. Научилась хорошо готовить – это занятие ей очень нравилось. Андрей мог варить лишь уху и жарить шашлыки – этому он научился от отца. Когда толкался на кухне возле жены, та отсылала его заниматься каким-нибудь другим делом, говоря, что кухня – это не мужское дело.

Гвозди не лезли в железобетонную стенку, гнулись, а шлямбуром долбить не хотелось: картина легкая, между стыками бетонных блоков есть пазы; если их нащупать, гвоздь входит, как в масло. С грехом пополам картину он повесил, слез и полюбовался на нее. Показалось, что висит криво, снова полез на стремянку, и тут услышал звонок в дверь.

Пришла Ася Цветкова. В руках коричневая коробка,

крест-накрест перевязанная лентой. Андрей помог ей раздеться, повесил длинное, со стоячим воротником пальто на гвоздь. Девушка сбросила с ног туфли, ноги ее в колготках вызывающе торчали из-под короткой, с разрезом на боку шерстяной юбки. На ней – пушистый свитер, облегающий грудь. Ася стояла на паркетном полу и озиралась, блестя раскосыми глазами. На темно-русых волосах посверкивали капельки.

– А где у вас зеркало, новоселы? – весело спросила она, влезая в мужские тапочки, которые Андрей отыскал в углу прихожей.

Проведя щеткой по волосам, состроила Андрею смешную физиономию в зеркале.

– Главную роль дали, что ли, что ты такая веселая? – спросил Андрей.

– Рада, что тебя вижу и что ты один...

Ася и раньше делала вид, что равнодушна к брату своей лучшей подруги, но Андрей никогда не воспринимал ее намеки и игривые взгляды всерьез. Она не раз при Оле и Марии поддразнивала его, толковала, что таких мужчин, как Андрей, уже и на свете нет: любит одну жену и на других женщин ноль внимания. Называла джентльменом и говорила, что ему нужно было родиться в семнадцатом веке, когда еще рыцарство было в моде. А теперь мужчины только Восьмого марта уступают женщинам место в общественном транспорте, а чтобы ручку поцеловать – такого и в помине

нет, разве это делает какой-нибудь замшелый старичок актер на репетиции.

Ася ходила по квартире, заглядывала во все углы, будто кого-то там искала. Она была на новоселье, которое Андрей и Мария устроили, когда мебель привезли, приставала к нему: мол, ради такого события необходимо выпить хотя бы сухого вина, иначе потолок обвалится... Андрей если раньше иногда и испытывал чувство неловкости в веселых компаниях, то теперь, наоборот, жалел тех, кто хлестал водку, понимая, как на следующее утро будет худо им. Правда, высидеть до конца в пьяной компании не мог: скоро надоела глупые разговоры, похвальба.

– Я принесла вам к чаю шоколадный торт, – небрежно уронила Ася, разглядывая картину Пети Викторова. – Охота на китов? Их еще не всех выбили?

– Надеюсь, – усмехнулся Андрей.

– Надо же, Петя-то Викторов стал настоящим художником! – заметила Ася.

– Кофе или чай? – предложил Андрей.

– У нас сегодня съемка в павильоне сорвалась из-за одного известного артиста, – болтала Ася. – Больной человек... Режиссер уже два раза его выручал, бегал в милицию, умолял отпустить – мол, государственные тысячи летят в тартарары из-за простоя всей группы! Раз отпустили, два, а на третий уперлись: дескать, пусть посидит пятнадцать суток, а потом отправим на принудительное лечение. Артист, когда

выпьет, становится шумным, драчливым... Режиссер прибежал в вытрезвитель чуть свет, привели артиста в кабинет начальника, спросили: «Будешь пить или нет?» А он отвечает: «Би, бю и би-би бю-бю...» То есть пил, пью и буду пить. Ну его и не отпустили.

– Занятная у вас группа, – улыбнулся Андрей.

Кофе пили на кухне. Ася сидела напротив и смотрела на Андрея. В клетчатой ковбойке с засученными рукавами, в полинявших джинсах в обтяжку, он выглядел юношей. В удлинённых к вискам глазах – спокойствие и уверенность в себе, скулы чуть выступают на матовых, с синевой щеках, солба еще не сошел летний загар, волосы у Андрея всегда темнее зимой, чем летом. Черные брови вразлет, нижняя губа немного полнее, чем верхняя, зубы ровные, белые. Асе очень хотелось, чтобы он улыбнулся, – тогда лицо его становилось мягче. Но Андрей улыбался не так уж часто. Отхлебывая из маленькой керамической чашки черный кофе, Ася Цветкова думала: вот ведь повезло Марии! От знакомых только и слышишь: одни развелись, другие живут как собака с кошкой, третьи подрались, а иные гуляют напропалую. Андрей и Мария живут душа в душу, позавидуешь! Чём Мария лучше ее, Аси? Худощавая, тонконогая, лишь после родов округлилась, грудь-то хоть стала приличной, да глазищи большие... Да таких, как Мария, полно! А вот Андрей выбрал именно ее. Асе он нравился еще мальчишкой, да что скрывать, она была несколько лет в него влюблена, даже просила Олю по-

содействовать, чтобы брат обратил на нее внимание. Конечно, это глупость! И вряд ли подруга могла ей помочь. Андрей всегда был с Асей приветлив, ровен; когда учился в десятом классе, любил им рассказывать про древних философов: Диогена, Сократа, Платона... Хотя Ася и Оля делали вид, что им интересно, на самом деле умирали от скуки. И не уходили в другую комнату лишь потому, что Асе было приятно смотреть на Андрея. Глаза его светлели, голос звучал мягко, вообще, как и все уверенные в себе сильные люди, он был сдержан, даже на первый взгляд медлителен. Другие мальчишки в его возрасте уже приударяли за одноклассницами, а он либо пропадал на спортплощадке, либо часами торчал в Публичке, читая своих любимых философов. Может, Ася и заставила бы его в себя влюбиться, но был такой момент, когда она разочаровалась в юноше, – это когда он вдруг неожиданно для всех бросил университет и стал шофером. Почти год ездил на грузовиках, рефрижераторах, а потом уехал в Афганистан. Все эти его странные выходки были для нее необъяснимы. Она считала их неумными, легкомысленными, как она тогда говорила Оле – та всегда была на стороне брата, – мол, Андрюшка дурыю мается... А оказалось, что все это он делал не зря. Университет закончил, много чего интересного за годы странствий повидал, теперь вот пишет рассказы, повести, знакомые говорят, что очень талантлив.

И вот результат: Андрей стал самостоятельным, прекрас-

но живет с женой, у них чудесный сын, получили квартиру. Может, станет знаменитым писателем... А она, Ася, уже второй год живет с «бизнесменом» Валерой... Разве его можно поставить рядом с Андреем?.. Правда, Валерой она вертит как хочет – тот, как говорится, смотрит ей в рот и выполняет все ее капризы... Но надолго ли все это? Теперь прижали любителей легкой наживы, а Валера, привыкший к легкой жизни, не желает порывать с прошлым...

– Еще налить? – спросил Андрей.

– Ты когда-нибудь изменял Марии? – вдруг спросила она, кроша длинными пальцами в кольцах печенье.

– Странный вопрос, – усмехнулся он. – Можно на него не отвечать?

– Я и так знаю, что ты ей не изменял.

– По-моему, ревность, измена, домострой – это отжившие понятия, – задумчиво глядя в окно, проговорил он. – То самое прошлое, которое не вернешь. Если мужчина, любя одну женщину, живет с другой, значит, он изменяет самому себе, а не ей.

– Я тебя не понимаю, – сказала она.

– Хорошо, допустим, жена не любит мужа, он не смирился с этим и нашел другую, – пояснял он. – Это что, измена? Ей, жене, наплевать, что нелюбимый муж ушел к другой.

– Почему же все-таки люди изменяют друг другу? – снова задала ему вопрос Ася.

– Мы по-разному с тобой понимаем слово «измена», –

терпеливо ответил Андрей. – Любовь вечна, и у нее свои законы. Еще раз повторю тебе свою мысль: кто изменяет любви, тот изменяет себе самому...

Он поднялся с табурета, высокий, на мускулистых обнаженных руках темнеют редкие волоски. Глядя, как он ставит на газ кофейник, Ася подумала, что с такой фигурой ему бы плясать в грузинском ансамбле. Бедра узкие, талия тонкая, а плечи широкие. «Что чувствует мужчина, наделенный недюжинной физической силой? – размышляла девушка. – Андрей, пожалуй, с любым справится!»

Ася видела, как он расшвырял у ресторана «Волхов» здоровенных парней, да и Оля рассказывала о его схватках с хулиганьем. После того как Андрей устроил хорошую взбучку парням, ошивавшимся по вечерам на лестничных площадках их дома, те забыли туда дорогу, правда, потом напакостничали – сломали половину почтовых ящиков в парадной.

Когда Андрей снова разлил горячий кофе по чашкам, Ася подняла на него свои выразительные светлые глаза:

– Все кофе и кофе... Нет у тебя чего-нибудь покрепче?

Он встал, ушел в другую комнату и скоро вернулся с бутылкой боржоми.

– Это самое крепкое, что есть у нас в доме...

– Ты живешь в ногу со временем, – усмехнулась Ася, пристально глядя ему в глаза.

Он спокойно пил кофе, однако на лицо его набежала тень.

– Я терпеть не могу алкоголь, мне не нравится, когда де-

вушки курят... И время тут ни при чем – я всегда был таким, Ася.

– А я тебе нравлюсь? Ты хочешь меня, Андрей?

Сказала и ахнула про себя: что-то сейчас будет! Торопливо стала открывать боржоми, открывашка упала на пол, она нагнулась за ней, ущипнула себя за кончик носа и, снова усевшись на стул, стыдливо подняла глаза на него.

Он поставил чашку на блюдце, долгим взглядом посмотрел ей в глаза. На высоком загорелом лбу его образовалась неглубокая складка.

– Нет, Ася, – негромко ответил он.

– Ты первый мужчина, от которого я это слышу, – помолчав, проговорила она.

– Я не думаю, чтобы ты другим задавала подобные вопросы, – усмехнулся он.

– Боишься себе изменить?

– Я ничего не боюсь, Ася, – мягко проговорил он. – У тебя неприятности? Ты поругалась с... купчиком своим?

– С ним невозможно поругаться, – усмехнулась она. – У него есть одна удивительная черта характера – он все в жизни воспринимает как должное. Даже кражу. Вся его житейская философия уместается в одной фразе: «Бог дал, бог взял».

– Бог добрый к нему, если сделал так, что ты с ним.

– Ты мне льстишь?

– Он ведь жулик, Ася, – сказал Андрей. – Я до сих пор не могу понять, почему ты с ним.

– Я и сама не знаю, – беспечно рассмеялась она. – Мне с ним легко, а то, что он подторговывает, так этим многие теперь занимаются. Я сама продавала девочкам в институте дефицитные кофточки.

– Ты не обидишься, если я напишу о нем? Фельетон в газету или рассказ? Личность он колоритная...

– Я тебе нравлюсь? – будто не слыша его, спросила Ася.

– Нравишься, – ответил он. – Ты мне всегда нравилась.

– Тогда в чем же дело?

– Я люблю Марию.

– А может, себя?

– Не будем больше об этом? – попросил он.

– Спасибо, Андрей, за откровенность, – поднялась Ася из-за стола. – Не принимай все это всерьез.

– Я так и понял, что ты пошутила, – спокойно ответил он.

Усевшись на тумбочку, она долго надевала и застегивала на липучки свои модные серые туфли. Длинные ноги ее елозили по паркету, черные ресницы вздрагивали, на губах играла легкая улыбка. Когда он помог надеть ей пальто, она притянула его к себе, крепко поцеловала в губы, потом легонько оттолкнула. Он без улыбки смотрел на нее своими серо-зелеными глазами. На поцелуй он не ответил.

– Это был дружеский поцелуй, – сказала она.

– Ты все-таки порви с ним, – сказал он. – Или посоветуй ему порвать с подпольным бизнесом... – Он улыбнулся, на минуту вышел в другую комнату и принес оттуда книгу в

темно-синем переплете – «Уголовный кодекс РСФСР».

– Случайно два экземпляра купил... Сама почитай и дай почитать несостоявшемуся миллионеру...

– А ты злой, Андрей!

– Я думаю, Валере это понравится, – сказал он, а в глазах заплясали зеленые чертенята.

– Прощай, Андрей!

– Зачем же «прощай»? – улыбнулся он. – До свидания, Ася!

Глава семнадцатая

1

Солнечный зайчик, оторвавшись от лобового стекла черной «Волги», ослепительно стрельнул Оле Казаковой в глаза. Она зажмурилась, а когда снова открыла глаза, то увидела большой красивый автобус с длинными надписями на боку на финском языке. Автобус был насквозь пронизан солнечным светом, водитель в своей кабине сидел будто в радужном мыльном пузыре, а туристы, выглядывавшие в огромные чистые окна, походили друг на друга, потому что все были в солнцезащитных очках. Казалось, автобус парит над асфальтом, как диковинная стрекоза без крыльев. Улица Чайковского звенела и пела от частой капели. Все тротуары были огорожены, ветерок трепал маленькие красные тряпки. Прохожие шли, держась подальше от зданий, с которых свисали остроконечные сосульки. То и дело с какой-нибудь крыши рабочие сбрасывали оледенелый снег и лед. С пушечным грохотом разбивались об асфальт желтые глыбы. В городе давно снега не было, остался он лишь на крышах да набился в водосточные трубы, зевы которых обросли мокрыми волнистыми бородами. Небо над Ленинградом сине-зеленого цвета, солнце такое яркое, что глазам больно. Бывает, вес-

на приносит в город дожди, слякоть, холодные ветры с Финского залива, а в этом году она пожаловала с солнцем, теплом, необычайной прозрачностью воздуха. Юноши и девушки уже ходили без головных уборов, на смену зимним пальто и меховым курткам пришли легкие пальто и плащи. Транспортное движение стало еще гуще: на улицы выехали автолюбители. Некоторые машины были заляпаны шпаклевкой – видно, подготовили их к ремонту; на станциях технического обслуживания выстроились огромные очереди. Одним словом, в Ленинград пришла настоящая весна с ее хлопотами, суетой, непостоянством погоды. После теплого солнечного дня к ночи мог ударить некрепкий мороз, а утром тротуар превращался в блестящий каток. Дворники чуть свет посыпали асфальт песком; часто случались автомобильные аварии, о чем регулярно сообщали по радио.

Оля шла по улице Чайковского к кинотеатру «Ленинград», где демонстрировался какой-то американский фильм с длинным названием. Ей утром позвонил Глеб Андреев и сказал, что фильм потрясающий, он с трудом взял два билета. Было воскресенье, и Оля с удовольствием отправилась в кинотеатр. С Глебом они виделись теперь часто. Инженер-конструктор иногда встречал ее на Моховой у института, они ходили в театр, не пропускали ни одного нового фильма. Билеты всегда доставал Глеб. У них в НИИ был на удивление активный культурорганизатор – запросто добывал билеты даже в БДТ.

На углу улиц Чайковского и Чернышевского Оля увидела у газетного киоска высокого худощавого человека в драповом старом пальто с поднятым воротником, на голове ко-со сидела рыжая потертая зимняя шапка, изможденное лицо давно не брито, руки человек держал в карманах. Он скользнул равнодушным взглядом по лицу девушки, отвернулся. Оля прошла немного вперед и вдруг остановилась: это был Родион Вячеславович Рикошетов! Но как он изменился! Глаза потухшие, под ними мешки, острый нос опустился к верхней небритой губе; только сейчас она заметила грязные пятна на полах его пальто и огромные резиновые сапоги на ногах.

Не колеблясь, девушка подошла к нему, поздоровалась. Рикошетов поднял на нее мутные глаза, облизнул потрескавшиеся губы и хрипло сказал:

– Кто вы? Я вас не знаю...

– Патрик... То есть ваш Пират у меня.

В глазах Рикошетева появился некоторый интерес. Он еще раз посмотрел на девушку, страдальческая улыбка искривила его обметанные губы.

– Еще не попал Пират под машину? – равнодушно осведомился он.

– Как вы можете, Родион Вячеславович! – огорченно воскликнула Оля.

– Как вас...

– Оля. Оля Казакова.

– Девушка, у вас не найдется трешки? – умоляюще заглядывая ей в глаза, попросил он. – Я отдам, ей-богу, отдам! Когда-нибудь еще встретимся, и я вам верну.

Оля раскрыла кожаную сумочку, отыскала там один рубль бумажкой, второй – металлический и выгребла всю мелочь.

– Это все, что у меня есть. – Она протянула ему деньги.

Рикошетов воровато оглянулся, вытащил грязную руку из кармана и проворно схватил деньги.

– Спасибо, Оля! – радостно забормотал он. Глаза его оживились, на смену обреченной неподвижности пришла суетливость. – Ох выручили вы меня! – Он повернулся и быстро зашагал в сторону пивного бара. Обернувшись, повеселевшим голосом спросил: – Значит, жив Пират? Передавайте ему привет от бывшего хозяина! Как вы его назвали?

– Патрик...

– Что за дурацкая кличка... – пробормотал он и скоро исчез в толпе прохожих.

Расстроенная этой встречей, Оля смотрела ему вслед и видела перед собой его протянутую худую руку с мелко дрожащими пальцами, на которых отросли длинные, с черной каемкой ногти.

* * *

Они стояли у подъезда ее дома. Фильм был про любовь, играли известные американские артисты, конец фильма был

трагический: он и она погибают в автомобильной катастрофе. Красивая жизнь, великолепные автомобили, роскошные виллы с прислугой. А конец такой печальный...

– Когда мы снова увидимся? – спросил Глеб. И в голосе его прозвучала безнадежность.

Рослый, без шапки, в черной куртке с капюшоном и полуботинках на каучуковой подошве, он стоял как раз под самой огромной сосулькой, свисавшей с крыши. Лицо его было задумчивым.

Оля потянула его за рукав к себе, он ошалело захлопал глазами, подумав, что она хочет его поцеловать. Нагнул свою большую голову с длинными русыми волосами, но девушка легонько отстранила его от себя и показала смеющимися глазами на сосульку. Он тоже посмотрел, усмехнулся:

– Пожалела?

– После такого жуткого фильма... А вдруг она упадет тебе на голову?

– Обидно будет – погибнет молодой, подающий надежды конструктор...

– Ты от скромности не умрешь!

– Так говорит мой шеф, – рассмеялся Глеб, но тут же лицо его стало озабоченным. – Может, плюнуть на все и уехать в Новосибирск? Меня туда приглашает наш бывший директор.

– Поезжай...

– А ты? – Он в упор смотрел на нее. Глаза у него сейчас

голубые, ясные, в них затаилась глубокая печаль.

– Опять за старое, – вздохнула она. – Глеб, у тебя есть свои принципы, да? Уважай же и мои! Я тебе сказала, что, пока не закончу институт, замуж не выйду.

– Два года ждать! – воскликнул он. – А мне ведь уже скоро тридцать!

– Я думала, ты ровесник Андрею.

– Почему ты не можешь выйти за меня замуж и учиться? Я ведь не требую, чтобы ты бросила институт!..

Почему она упорствует, Оля и сама не знала. Глеб стал внимательнее к ней, нежнее, больше и не заикался, что презирает весь женский род. И никогда не вспоминал про свою первую неудачную любовь... Ну что ей еще надо? Всем ее подругам он нравится – она знает, ей завидуют. Ася Цветкова откровенно заявила, что, если бы Глеб сделал ей предложение, она побежала бы за ним хоть на край света... Ну Ася – это еще не авторитет. Она бегом побежала бы и за братом Андреем, хоть он и женат...

Глеб Андреев! Она не была уверена, что Глеб – именно тот мужчина, который предназначен ей судьбой. Почти все ее однокурсницы на переменах толковали о замужестве, устройстве в театры, некоторые уже повыходили замуж и продолжали учиться. Одна лишь родила и взяла академический отпуск на год. Когда Глеб подолгу не звонил, Оля сама ему звонила. Ей надо было слышать его голос! Глеб радовался ее звонку, как мальчишка. И что скрывать, ей нрави-

лось, что такой видный из себя парень терялся в ее присутствии, краснел и бледнел, как тот самый капитан из известной песенки... Она как-то уже привыкла, что у нее есть парень, который ее любит, который никогда никуда не денется, но ведь это не может продолжаться вечно. Глеб встречает ее у института, провожает до дома, они ходят в театры, смотрят кинофильмы, потом расстаются у парадной... Иногда, когда дома Андрей и отец, Оля приглашает Глеба в гости. А сейчас отец неожиданно укатил в Андреевку, когда вернется – неизвестно. По телефону звонить он не любитель, письма тоже пишет редко. Оля готовится к летней сессии, иногда ездит к брату на Кондратьевский. Помогает Марии благоустраивать квартиру, вместе готовят ужин. Мария ведь тоже учится... А какие у нее счастливые глаза! Кто бы мог подумать, что Андрей окажется таким замечательным мужем и отцом! Сколько их Оля знает, они ни разу всерьез не поссорились. Да и несерьезно не ссорятся. Бывает, Мария поворчит на мужа, а он отделается шуткой – вот и вся размолвка. А когда маленький Ваня дома, так у них вообще праздник. Вырывают его друг у друга из рук, носятся с ним по комнатам, играют, счастливый папа даже возит сынишку на себе верхом...

Отказывает Глебу Оля не только потому, что для нее главное учеба, просто еще не уверена в себе, не убеждена, что настолько любит, чтобы стать его женой. Нет у нее этой уверенности. Да, когда он уезжает в командировку, Оля скучает, часто вспоминает его... Глеб возвращается, и снова все

становится на свои места: он звонит, они встречаются и расстаются у ее парадной...

Глеб – человек откровенный и прямой, он не будет сознательно набивать себе цену, вызывать у нее ревность и все такое. Он любит ее – она это прекрасно знает. И вместе с тем уверенность в нем порождает неуверенность в ней самой. То, что принадлежит нам, и так наше, а ей пока еще не хочется никому принадлежать. Подруги из института беспечно делились с ней своими секретами, даже самыми интимными. Оля слушала их, но ей почему-то трудно было представить себя на их месте... Может, в этом виноват Михаил Ильич Бобриков? Он много рассказывал ей о сексе, о том, какое место занимает он в жизни мужчины и женщины. Толковал что-то о фригидных женщинах, которые, случается, жизнь проживут, а так и не испытают настоящего наслаждения. У Оли от такой «науки» осталось лишь глубокое отвращение к сексу. Глеб на эти темы никогда с ней не разговаривал.

Последнее время она все чаще задавала себе вопрос: а стоит ли ей быть такой уж упрямой? Да, она дала себе слово до окончания института не выходить замуж. Но ведь можно продолжать учебу и быть замужем. Разве мало в институте таких студенток?..

– Посмотри, чайка села на антенну! – вывел ее из глубокой задумчивости голос Глеба.

На фоне солнечного неба большая белая птица с крупной головой и желтым клювом казалась вырезанной из мрамора.

Еще несколько чаек парили над крышей соседнего дома, выходящего на набережную Невы. С крыши, карнизов, навеса над парадной дробно сыпались на асфальт крупные капли, где-то на крыше ломали били по ледяным надолбам, с грохотом летели вниз осколки, недовольно ворчала водосточная труба. Маленькая девочка с белым полиэтиленовым ведром прошла мимо к мусорным бакам. Кудри на голове девочки золотом вспыхнули на солнце. Увидев серого котенка, девочка присела перед ним и, улыбаясь, стала гладить по выгнутой пушистой спине. Котенок замурлыкал и головой уткнулся в ладони.

– Даже не верится, что скоро эти голые черные деревья зазеленеют, на газонах появится трава, а на клумбах цветы, – заговорила девушка. – Отец любит осень, Андрей – зиму, а я? Наверное, лето...

– А я – тебя, – ввернул Глеб.

Она внимательно посмотрела на него. Говорит, что скоро тридцать, а шея белая, как у девушки, глаза чистые, с голубизной, на лице ни одной складки, разве что две тоненькие морщинки возле твердых губ. Глеб, как и Андрей, не терпит пьянства, но если брат вообще не употребляет ничего хмельного, даже шампанского в Новый год, то Глеб в праздники может выпить рюмку... Оля снова вспомнила помятого, преждевременно постаревшего Рикошетова – в глазах смертная тоска, небритый, жалкий, в грязном пальто, а как у него отвратительно дрожали руки, когда он схватил деньги!

– Почему ты не скажешь, что хочешь ко мне зайти? – спросила Оля, глядя мимо Глеба на крышу здания.

Чайка уже улетела, на голубом небе появилось овальное, пронизанное солнечным светом облако. Оно медленно выплыло из-за мокрых крыш.

– Ты меня приглашаешь? – пытливо посмотрел он на девушку. И в глазах его, почти одного цвета с небом, тоже отразились два маленьких белых облачка. – А что, отец приехал?

– При чем тут отец? – улыбнулась девушка. – Можно подумать, что я тебя боюсь.

Оле вдруг захотелось, чтобы он ее поцеловал, вот сейчас, здесь, среди бела дня, на глазах прохожих. И когда он приблизил к ней свое лицо с потемневшими, почти синими глазами, она привстала на цыпочки и вся потянулась к нему. Поцелуй получился длинным, глаза ее сами по себе закрылись, а голова вдруг немного закружилась. Раньше никогда такого не было. И когда они снова взглянули в глаза друг другу, ей показалось, что город оглох, куда-то отдалился, дома смазались в сплошную серую массу и в мире никого не осталось, кроме них двоих...

Утром следующего дня, закрыв дверь за счастливым, взбудораженным Глебом, Оля в халате остановилась перед огромным, во всю стену, старинным зеркалом и долго всматривалась в себя. Машинально сбросив халат – он мягко скользнул вдоль тела и упал на ковер, – девушка переступила

через него, глаза ее ощупывали обнаженную стройную фигуру, отражающуюся в зеркале. Глеб сказал, что она сложена, как богиня... Хотя этот комплимент и отдавал банальностью, ей было приятно его услышать. Она как должное принимала его восхищение ею, постепенно, со всевозрастающим жаром, стала отвечать на его ласки, как будто когда-то это уже происходило с нею. Был один неприятный момент, когда ей захотелось оттолкнуть Глеба, даже ударить по лицу, но потом снова все затопили нежность, страсть, наслаждение... Где-то в глубине сознания всплыло лицо Михаила Ильича, вспомнились его сладкие слова... Наверное, в чем-то Бобриков и был прав. Но ему не приходило в голову другое – что истинное наслаждение можно испытать лишь тогда, когда ты любишь... А в эту ночь Оля любила Глеба так, как еще никого и никогда в своей двадцатилетней жизни. Еще утром она и не подозревала, что произойдет ночью. Что-то случилось с ней, когда Глеб показал белую чайку на телевизионной антенне, потом она поцеловала его и увидела в глазах два маленьких белых облачка – именно в этот момент всем своим существом Оля почувствовала, что он нужен ей, сейчас, немедленно...

Из старинного зеркала, оправленного в резную дубовую раму с завитушками, на нее смотрела стройная, с красивой белой грудью и тонкой талией, незнакомая женщина. Длинные, цвета соломы волосы спускались на узкие плечи, в светло-карих глазах – странное умиротворенное выраже-

ние, красные вспухшие губы тронула улыбка, на левом плече розой алеет пятно, точно такое же чуть повыше торчащей немного вбок груди.

Оля провела ладонями по белым выпуклым бедрам, коснулась грудей, отчего по телу электрической искрой пробежала приятная дрожь, и снова узнала себя в зеркале. Вроде бы она та, какой была прежде, и вместе с тем другая. Почему она почти два года держала Глеба на расстоянии, а нынче, так неожиданно для себя и него, позвала его к себе... Что вдруг так мощно пробудило в ней доселе дремавшее чувство? Весна? Любовь? И что она сейчас чувствует к Глебу?..

Телефонный звонок прервал ее размышления. Снова набросив на себя махровый халат, подошла к телефону. Услышав радостный голос Глеба, немного отвела трубку от маленького розового уха с золотой сережкой. Не перебивая, слушала, а когда он стал говорить, что работа не идет на ум, все линии на чертеже путаются, сквозь них он видит ее лицо, в общем, все бросает и мчится к ней, любимой...

– Я не хочу тебя видеть, – медленно произнесла Оля.

Он опешил, долго молчал, потом умоляющим голосом заявил, что приедет после работы.

– Сегодня – нет, – все тем же безразличным тоном сказала она.

– Что-нибудь случилось? – упавшим голосом спросил он.

– Ты еще спрашиваешь? – уронила она, все так же держа трубку далеко от уха.

– Я тебя люблю, Оля, ты понимаешь? – негромко заговорил он. – Я – твой муж! Ну почему ты меня мучаешь?!

– Мавр сделал свое дело, мавр должен уйти... – прикрыв трубку ладонью, негромко произнесла она. И грустная улыбка тронула ее губы.

– Что? Я ничего не слышу! Что ты сказала, Оля?!

Она медленно опустила трубку на рычаг, но от телефона не отошла, он тут же снова зазвонил.

– Я уже всем в институте объявил, что женюсь! – возбужденно орал он в трубку. – Даже шефа пригласил на свадьбу... Мой шеф – без пяти минут академик! Мы сегодня же подадим заявление во Дворец бракосочетания... Слышишь, Оля?

– Ты как горный обвал, – рассмеялась она. – Сметаешь все на своем пути!

– В шесть, пожалуйста, будь дома, – торопливо говорил он, понизив голос. – У меня для тебя подарок...

«Хитрюга! – подумала Оля. – Знает, чем можно женщину прельстить...» Она уже называла себя женщиной, а раньше даже в мыслях называла себя девушкой...

– Завтра, Глеб, – твердо сказала Оля. – И больше сегодня не звони. Понял?

– Я ни черта не понимаю...

– Жаль, что ты такой бестолковый. – Оля бросила трубку и вырвала из розетки штепсель.

Ей не хотелось сегодня больше ни с кем разговаривать.

Главный редактор ходил по просторному кабинету, заложив маленькие руки за спину. У него было мальчишеское розовое лицо почти без морщин, черные усы и белые как снег волосы на маленькой голове. Главный редактор старался не смотреть на стоявшего перед ним Андрея Абросимова. Тот был на две головы выше. Главный редактор привык смотреть на авторов снизу вверх – за его письменным столом находилось специальное кресло с высокой поролоновой подушкой. Сидя в кресле, он хоть немного, но возвышался над автором. Но этот парень почему-то не сел на предложенный стул, пододвинутый к огромному письменному столу с зеленым сукном, а предпочитал стоять у окна.

– Поймите наконец, молодой человек, – говорил главный редактор, не глядя на него и все больше раздражаясь. – Ваша повесть и так растянута, зачем вам еще понадобился американский шпион? Этакий Джеймс Бонд? Пусть ваш герой честно сражается с душманами, а в детектив не стоит лезть... Детективщиков у нас и так хватает. Если вы выкинете линию со шпионом, сократите любовную коллизию, уберете описания природы...

– А что же останется? – не совсем вежливо перебил Андрей.

Главный редактор резко остановился, будто налетел на

стену. Снизу вверх глянул на автора и тут же опустил глаза. Обычно с авторами разговаривали его заместители или заведующий отделом прозы, но ему доложили, что Абросимов был в Афганистане, имеет награды, да и повесть написана талантливо. У главного редактора своих дел было по горло, и рукописи он редко читал, разве что секретарей Союза писателей и лауреатов, но тут сделал исключение. И этот верзила еще дерзит ему!

– Останется самоотверженный труд советских людей, оказывающих помощь братскому Афганистану, подвиг наших солдат, выполняющих свой интернациональный долг... – Тут главный редактор дал волю своей фантазии – он сам писал на военные темы. Правда, война в Афганистане была совсем другой, чем Великая Отечественная, но, сев на своего конька, он уже не мог остановиться. Тонким голосом рассказывал, как красноармейцы сражались на фронтах и закончили войну в Берлине.

– Я все это знаю, – снова перебил его Андрей.

– Вы читали мои книги? – живо обернулся к нему главный редактор.

– О Великой Отечественной войне я много прочел, – ответил Андрей. Он чуть было не ляпнул, что книга главного редактора, которую он пытался осилить, ему не понравилась.

– Будете вы дорабатывать повесть? – взглянув на часы, нетерпеливо спросил главный редактор. – Если вы ее сократите на треть, она от этого лишь выиграет.

– Неужели для того, чтобы напечататься в вашем журнале, нужно обязательно испортить повесть? – задал ему вопрос Андрей.

Главный редактор опешил. Какое-то время пристально смотрел строптивому автору в глаза, потом ринулся к письменному столу, привычно уселся в кресло и сразу обрел внушительность и еще большую уверенность в себе. Что ни говори, кресло для руководителя – очень важная вещь! Оно не только отделяет чиновника от обыкновенного смертного, но и возвышает над ним. Постукивая шариковой ручкой по хрустальной пепельнице, сказал:

– Другой бы на вашем месте плясал от радости, что мы готовы его напечатать...

– Давайте я лучше спою, – улыбнулся Андрей.

Он уже понял, что никто его повесть печатать не собирается, а весь этот разговор забавлял его: главный редактор нес чепуху; если выбросить то, что он предлагает, повести не будет. Получится серая, конъюнктурная вещичка, которая никого не взволнует, не заденет. Проскочит, и все. Если кто и прочтет, она в памяти не останется. Почему ему нужно обязательно изуродовать повесть? Андрей долго работал над ней, как говорится, выложилась полностью и был убежден, что повесть получилась, потому и предложил ее в московский журнал, а теперь не кто-нибудь, а сам главный редактор предлагает ее кастрировать...

– Я слышал, вы отличились в Афганистане? – подавив раз-

дражение, перевел разговор на другое главный редактор.

– Я там работал шофером на строительстве.

– Вот про это и напишите! – оживился главный редактор. – А то полезли в детектив... Напишите о строительстве, о героизме советских людей...

– А разве моя повесть не про это? – сказал Андрей. – Там все правда. И шпион был, и изменник Родины.

– Так это вы написали про себя?

– Это же повесть, а не автобиография...

– Хорошо, – вдруг сдался главный редактор. – Уберите шпиона, а любовь, черт с ней, пусть остается... И сократите хотя бы страниц на тридцать...

– Я ничего не буду сокращать и убирать, – сказал Андрей.

– Больше мне вам нечего сказать, молодой человек, – развел руками главный редактор. – Вы – начинающий литератор, а разговариваете со мной, как признанный классик...

– Я могу повесть забрать?

Главный редактор взял с письменного стола синюю папку с белыми тесемками и протянул Абросимову. На тонких губах его промелькнула улыбка.

– Молодой человек, вам очень трудно будет входить в литературу, – с ноткой сожаления произнес он.

Андрей вдруг рассмеялся, вспомнив, как выходил из кабинета главного редактора какой-то московский писатель, – Абросимов сидел напротив секретарши в приемной, – тот, кланяясь, как китайский болванчик, вышел из обитой корич-

невым дерматином двери на полусогнутых... Может, для того чтобы легче войти в литературу, как сказал главный редактор, нужно научиться выходить из кабинетов литературного начальства задом?..

Когда Абросимов ушел, главный редактор, вертя в пальцах блестящую металлическую ручку, подумал, что не так уж часто ему приходилось встречать таких строптивых парней! У него писатели с именами искали покровительства, счастливы были напечатать рассказ... А ведь главный редактор сидел в своем кресле почти двадцать лет. Раньше много людей приходили в литературу через этот кабинет... Это последние пять лет он старается поменьше встречаться с начинающими авторами, у него куча всяких общественных нагрузок. Ведь если когда-нибудь будут принимать в Союз писателей этого Абросимова, то на секретариате будет присутствовать и он, главный редактор...

* * *

Андрей держал баранку в своих больших ладонях, из приемника лилась знакомая мелодия – передавали концерт для воинов Советской Армии. Некоторые песни он в годы службы распевал в строю, проходя по пыльным дорогам... Армию он всегда вспоминал с удовольствием, лишь там он почувствовал себя настоящим мужчиной, завоевал спортивные разряды, стал закаленным, выносливым. И эта армейская за-

кваска ощущается до сих пор. Ему не нужно просить Марию пришить пуговицу к рубашке или отгладить брюки – все делает сам. С армии осталась привычка делать каждое утро зарядку.

Солнце клонилось к закату, и на шоссе Москва – Ленинград опрокинулись длинные тени от придорожных деревьев. Там, где асфальт сливается с голубым небом, на горизонте набухает широкая багровая полоса. Будто разваренные пельмени, разбросаны над вершинами деревьев бесформенные серые облака. Встречные машины неожиданно появлялись из-за уклона и с шумом проносились мимо. На каждом лобовом стекле – багровый отсвет. На обочинах уже зеленела весенняя трава, но деревья еще стояли голые, с растопыренными, узловатыми от надувшихся почек ветвями. Белоклювые грачи таскали сухие ветки, смело разгуливали у самой кромки асфальта, не обращая внимания на транспорт.

«Жигули» рвались вперед, нехотя теряли скорость перед населенными пунктами: Андрей после двух бесед с автоинспекторами и одного прокола в талоне предупреждения предпочитал соблюдать правила езды. Пусть и близко не было инспектора, он все равно перед каждым поселком снижал скорость до шестидесяти километров в час.

В Москве он пробыл всего два дня. Специально для встречи с главным редактором журнала он не поехал бы, но тут в издательстве подвернулась командировка. Две ночи он переночевал у Павла Дмитриевича Абросимова. Дядя жил

в трехкомнатной квартире на Университетском проспекте, неподалеку от киностудии «Мосфильм». Встретил он племянника радушно, внимательной была и его жена – Елена Викторовна, а дочь Ира даже уговорила его сходить с ней в цирк.

Павел Дмитриевич выглядел усталым, постаревшим по сравнению с тем, каким его видел Андрей последний раз в Андреевке. Седые волосы отступили от выпуклого лба, серые абросимовские глаза малость потускнели, заметен стал живот. Правда, дядя и раньше был грузным. Много расспрашивал про отца, Андреевку – он там не был давно, от Вадима Федоровича слышал, что Александров покончил с собой, а его сын Иван женился на внучке Волоковой, матери Павла Дмитриевича. Андрей рассказал, что Жанна Найденова – дочь того самого Игоря Шмелева, который исчез во время войны, он сменил фамилию на Найденова, потом сбежал за границу... Поведал Андрей и о встрече с ним в Афганистане и его смерти от пули контрреволюционеров.

– Неужели даже такого отпетого... типа потянуло на Родину? – удивлялся Павел Дмитриевич.

– Честно говоря, если бы не он, мне бы не удалось удрать к своим, – сказал Андрей.

– Жил братец в Москве, а я и не знал! – продолжал удивляться Павел Дмитриевич. – А впрочем, я его вряд ли и узнал бы. Столько лет прошло, я ведь помню его мальчишкой.

– Отец тоже его не узнал в Казахстане, когда там был в командировке, – вспомнил Андрей. – Он встретился с ним в целинном совхозе. Найденов не признался, он ведь уже тогда готовился к побегу.

– Выходит, верна пословица: яблоко от яблони... – усмехнулся Павел Дмитриевич. – Поехал за океан, думал, там ему манна небесная на голову посыплется! А окончил жизнь, как и его папаша – Карнаков! Тот служил фашистам, а этот – иностранным разведкам. Вот зачем они нужны нашим врагам – совершать диверсии, убийства, быть наемниками! И могилы их сровняются с землей...

Павел Дмитриевич показал альбом с цветными фотографиями птиц и разных зверюшек, посетовал, что теперь совершенно нет времени заниматься любимым делом, вот выйдет на пенсию, тогда поедет в Андреевку и сделает с натуры массу снимков...

– Остались в Андреевке хоть зайцы-то? – поинтересовался он. Когда заговорил о поселке, лицо просветлело, морщины на лбу разгладились.

– Я не охотник, – улыбнулся Андрей. – Стрижи над водонапорной башней летают, черные дрозды каждую осень совершают налет на наши вишни. Дерюгин метлой их отгоняет... Зато дятел зимой живет в скворечнике.

Абросимовы оставляли Андрея ночевать: мол, какой смысл ехать на ночь глядя? Выспится, а утром рано выедет. Но Андрей любил вечернюю езду, пустынное шоссе – вече-

ром машин всегда меньше, чем днем, – а потом, утром ему надо быть на работе. Когда устанет, можно свернуть на проселок и немного поспать в машине. Ему не привыкать.

Диктор сообщил, что в Москве ночью будет легкий мороз, а днем температура повысится до шести градусов тепла, осадков не будет, видимость на дорогах хорошая. Багровая полоса на горизонте стала разжижаться. В ней появились зеленоватые прожилки, вершины деревьев купались в золоте, накатанное шоссе розово заблестело. Миновав деревушку, Андрей прибавил газ, как вдруг пришлось затормозить: шоссе переходили домашние утки. На обочине холодно блеснуло озеро, это они оттуда возвращались в поселок. Утки шли не спеша, вразвалку, одна за другой. Эти не станут всполошно разбегаться, как куры, при виде машины, спокойно перейдут шоссе и даже не оглянутся.

Когда уже стало смеркаться, а на небе чуть вправо от шоссе засияла одинокая яркая звезда, Андрей увидел на обочине человека с поднятой рукой. Никаких вещей у его ног он не заметил. За спиной человека виднелся железный прицеп с опущенным передком. На прицепе громоздились железобетонные кольца для колодцев. Андрей притормозил, человек торопливо подошел, подергал за ручку двери, потом приблизил улыбающееся лицо к стеклу.

Андрей открыл дверь, хотел спросить, куда ему, но человек уже уселся рядом на переднее сиденье, передернул плечами.

– Наверное, ночью будет мороз!

– Куда вам? – спросил Андрей.

Тот не успел ответить, потому что к машине подошел еще один человек. Заглянув в окно, сделал движение пальцами – мол, откройте дверь. Прежде чем Андрей сообразил, откуда тот взялся, человек, только что севший в машину, перегнулся и открыл дверь в салон.

– Салют! – поприветствовал человек, усаживаясь на заднее сиденье. В руках у него был свернутый пиджак или куртка. Он бережно положил сверток на колени. В нем угадывался продолговатый предмет.

Андрей почувствовал какой-то странный специфический запах, но времени на то, чтобы разобраться, что это такое, не было. Парень, севший первым, повернул к нему плохо выбритое лицо – светлые кустики торчали у носа и на подбородке, – широко улыбнулся и сказал.

– Вот суки, эти частники, прут мимо, и никто не остановится, а ты молоток! Пожалел нас, бродяг!

– Вы довольно бесцеремонные ребята, – заметил Андрей.

– Жизнь всему научит, – улыбнулся сосед. – Верно, Гена?

Второй парень пошевелился сзади, но ничего не сказал. Первому можно было на вид дать лет двадцать пять, второй был немного старше. И тут Андрей наконец сообразил, что это за запах, – так пахло у них в солдатской казарме после генеральной уборки и дезинфекции Запах неприятный, тревожный...

– Далеко вам? – спросил он.

Он уже понял, что второй мужчина прятался за прицепом. Бывает, девушка на шоссе поднимает руку, водитель останавливается, а потом откуда-то появляется парень или два и тоже просят подвезти. Известный прием!

– Куда нам, кореш? – повернул к приятелю голову в серой, низко надвинутой на лоб кепке первый парень.

– Подальше отсюда, – буркнул тот.

– Пока прямо, – распорядился парень в кепке. У второго на голове была шапочка-«петушок» с надписью «Спорт».

– Пока... – покачал головой Андрей.

Надо сказать, его пассажиры ведут себя не очень-то тактично. Мелькнула было мысль предложить им выйти, но он отогнал ее: оба одеты легко, ночь на носу. Может, им нужно-то всего до первого населенного пункта. Только зачем надо было хитрить, прятаться? Раз остановился, и двоих бы подвез...

Он тронул машину с места, постепенно набрал скорость до девяноста километров.

– Не нарушаешь? – с ухмылкой кивнул на спидометр парень в кепке.

– С этими гадами лучше не связываться, – вставил второй.

В зеркале заднего обзора Андрей заметил, что худое, заостренное книзу лицо его скривилось. Руки крепко сжимали сверток. «Что он там прячет? – подумал Андрей. – Бутылку водки, что ли?»

– Куда сам-то едешь? – поинтересовался парень помоложе.

Андрей не любил, когда незнакомые обращались к нему на «ты», но не каждого же встречного будешь ставить на место.

– В Ленинград, – коротко ответил он.

– Есть там у меня в Купчине зазноба... – ухмыльнулся парень в кепке. – А что, Гена, может, в Питер махнем? – Он оглянулся через плечо на приятеля. – Тепло, не дует, и компания хорошая.

– Лопух, – добродушно заметил тот и отвернулся к окну, за которым проплывали распаханые поля.

Андрей вспомнил, что парни сели к нему между Торжком и Вышним Волочком. Это довольно большой перегон, крупных населенных пунктов вроде не будет до самого Вышнего Волочка. Все меньше попадается встречных машин, солнце давно скрылось, асфальт на холмистом шоссе потемнел, в придорожных кюветах серебристо взблескивает талая вода. На обочине белыми свечами тянулись в небо огромные березы. На некоторых чернели грачи, устроившиеся на ночевку.

Гена за спиной Андрея закурил, потянулся за папиросой и его сосед.

– Ребята, вы уж потерпите, – попросил Андрей: он не любил табачного дыма.

Бесцеремонность пассажиров все больше раздражала. Кстати, они так и не сказали, куда им ехать. До Ленинграда

находиться в их обществе было бы не очень-то приятно.

– Уж лучше ты, кореш, потерпи, – нагло ответил парень в кепке. – Нас двое, а ты один.

– Ты же не красная девица, – вставил Гена.

– Девицы теперь смолят почище нас, мужиков, – хохотнул парень в кепке.

Андрей поймал на себе его косо́й холо́дный взгляд, бросились в глаза неестественная бледность, выпирающий кадык на худой шее. Синеватые губы то и дело кривились в недоброй усмешке. Повнимательнее разглядел в заднее зеркало и Гену. Тот тоже был бледнолицый, с цепким взглядом серых глаз. Заостренное, с длинным носом лицо было мрачным. Заметив, что водитель за ним наблюдает, заворочался на сиденье, недовольно хмыкнул:

– Не бойсь, не спалю твои сиденья...

– Я не боюсь, – коротко ответил Андрей.

– Чего же тогда зыркаешь?

– Понравился ты ему, Гена... – хохотнул парень в кепке.

Андрей стал понимать, что попутчиков он прихватил на пустынной дороге, пожалуй, далеко не обычных. Да и запах... Такой запах исходит от людей, проводивших долгое время в тюремной камере. Конечно, их могли освободить, но тогда почему оба без вещей? Если не считать свертка на коленях у Гены. Остановиться и предложить им выйти? Гена больше помалкивает, а этот, в кепке, все наглеет. Андрею пришлось рукой отвести от себя крепкий папиросный дым,

который сосед нахально пускал.

Андрей еще ниже опустил боковое стекло, в салон ворвался холодный воздух, засвистело в ветровом стекле. Идущий навстречу грузовик помигал фарами, что означало: где-то впереди укрылась машина ГАИ. Инспектора часто выбирают такое укромное местечко на обочине, где их не сразу заметишь. А у них в машине установлен радар. Превысил скорость – тебя тут же засекут!

– Видишь впереди пересечение дорог? – заговорил Гена. – Сверни на проселок.

Произнес он эти слова спокойно, но в них Андрею почудилась скрытая угроза.

– Это еще зачем? – не сбавляя скорости, спросил он.

– Приперло, понимаешь? – хихикнул парень в кепке.

Может, они тоже заметили, как посигналил водитель? И не хотят встречаться с ГАИ? Не успели сесть в машину, и приперло...

Что же делать? Подчиняться им не хотелось, этому противилось все нутро Андрея. Пассажиры все больше и больше ему не нравились. Дурацкая натура – никогда не может проехать мимо, видя впереди человека с поднятой рукой...

– Ты что же, кореш, не хочешь уважить нас? – ближе придвинулся к нему парень в кепке. Сейчас он не улыбался, синеватые губы его сжались в полоску, правая рука плавно нырнула в карман брюк.

– Тормози! – повелительно крикнул за спиной Гена.

И в то же мгновение что-то холодное и твердое уперлось Андрею в шею. Машинально скосив глаза, он увидел дуло автомата, а чуть выше заостренное лицо Гены с бешено округлившимися глазами.

Андрей немного тормознул, затем снова дал газ, машина дернулась вперед, короткое дуло, оцарапав шею, на мгновение исчезло. Парень в кепке, приоткрыв рот, смотрел на него, в руке у него блестел самодельный нож с деревянной рукояткой. И тогда Андрей резко нажал на педаль тормоза, отчего Гена, утробно крякнув, ударился о подголовник сиденья, а парень в кепке плотно припечатался к приборной «торпедке». Как Андрей и ожидал, «Жигули» занесло, сосед, оторвавшись от «торпеды», навалился плечом на него. Гена по-прежнему нависал над передним сиденьем. Автомата в его руках не было, зато парень в кепке сжимал деревянную рукоятку ножа. На бледных лицах одного и другого менялись, как кадры при ускоренной съемке, растерянность, страх, злоба.

Направив машину в кювет, так, что она чуть ли не легла набок, Андрей первым выскочил наружу, рванул дверцу салона и вытащил оттуда Гену. Ошалело хлопая глазами и шмыгая разбитым носом, тот упирался, стараясь нащупать выпавший из рук автомат.

– Ах ты сука! – шипел он, сверля Андрея злыми глазами. – Гвоздь, чего бельма вылупил?! Достань его перышком!

Андрей стукнул Гену головой о стойку двери, потом до-

бавил кулаком. Тот, обмякнув, сунулся лицом в кучу сырого валежника, правая рука его уцепилась за травянистую кочку. Гвоздь перевесился через переднее сиденье, стараясь достать автомат.

Андрей сгреб его за пояс, вытащил из машины и сильным ударом в подбородок опрокинул на землю. Пока тот считал мельтешащие перед глазами зеленые звезды, подобрал с переднего сиденья нож, сунул его рукояткой вниз в карман куртки, достал с резинового коврика автомат. Передернув затвор, убедился, что он заряжен.

Первым очухался Гена, он встал на колени, снизу вверх уставился на Андрея сузившимися глазами, из носа текла тоненькая струйка крови.

– Надо было тебя, суку, в машине пришить... – сквозь стиснутые зубы выдавил он.

– За то, что я вас подвез? – усмехнулся Андрей.

Только сейчас он освободился от напряженности, которую всегда ощущал при реальной опасности. Это чувство знакомо ему еще по Афганистану... Удивительно, как живучи военные привычки! Мозг работал спокойно, правильно оценивал обстановку – оправдался расчет с торможением и заносом на обочину машины. Все-таки у него первый класс... Гену с автоматом он меньше опасался, потому что был уверен, что при резком торможении тот, схватившись за сиденье, выронит оружие, а вот от Гвоздя можно было ожидать сбоку удара ножом. Во время манипуляций на шос-

се он краем глаза следил за бандитом. Был момент, когда тот мог воспользоваться финкой, но, по-видимому, страх за свою жизнь помешал ему.

– Не нужно было нам вылезать на шоссе, – лежа на мокрой траве и моргая слезящимся глазом, пробурчал Гвоздь.

– Заткнись, падла! – сказал Гена. – Ты же заныл, что сдохнем ночью от холода.

– Автомат надо было крепче держать в руках, – огрызнулся Гвоздь.

Тишину нарушало негромкое шипение под капотом, потрескивал остывающий мотор. Наверняка из аккумулятора выплеснулся гидrolит. Попадет на окрашенные места или на пластик – оставит свои следы. Передний бампер был погнут от удара о кромку кювета, крыло помялось. Теперь набегаешь по станциям техобслуживания...

Андрей поднял автомат, оба его попутчика переглянулись, Гвоздь облизал губы, а Гена сделал движение, будто хотел спрятаться в валежник.

– Заряжен, – предупредил он.

Андрей поднял ствол выше и дал длинную раскатистую очередь. С ближайших берез с гомоном взлетели грачи, эхо покатилося к кромке леса, вернулось и пошло гулять по шоссе. Небо в той стороне, где скрылось солнце, было нежно-розовым с сине-зеленым оттенком. Рядом с яркой звездой появились еще несколько, заостренное облако нацелилось на деревянную тригонометрическую вышку, возвышающуюся

на холме.

Скоро послышался шум приближающейся машины с синей мигалкой. «Волга» с надписью «ГАИ» резко затормозила рядом, из нее выскочили сержант и лейтенант. У обоих в руках пистолеты.

– Брось автомат! – приказал лейтенант, бесстрашно приближаясь к Андрею.

– Зачем бросать? – улыбнулся тот. – Отличное оружие... С ним надо бережно обращаться.

– Что тут произошло? – озирался молоденький сержант. Пистолет в его руке подрагивал, расширенные глаза перебежали с Андрея на мужчин, останавливались на сильно накренившейся в кювете машине.

– Попросили подвезти, – пояснил Андрей. – А потом решили поиграть со мной... Сунули под нос эту штучку... – Он подбросил в руке автомат. – Где они такой достали?

Лейтенант теперь без опаски подошел к нему, взял автомат, повесил на плечо.

– Гриша, вызови по рации ребят из райотдела, – распорядился он.

Сержант бросился к «Волге». Гена хотел было встать, но офицер велел сидеть на месте.

– Вот схвачу радикулит... – проворчал Гена. – На руках понесете... – Пододвинул валежник и уселся на него.

Гвоздь стащил с себя куртку и расположился на ней.

– Да, вот еще подарок... – протянул Андрей лейтенанту

нож.

– Как вам это... одному удалось? – посмотрел тот с нескрываемым уважением на Андрея.

– Не люблю хамов, – сказал тот.

– Хамы... – усмехнулся лейтенант. – Мягко сказано... Это бандиты с большой дороги! – Он поочередно взглянул на сидевших на земле мужчин. – Геннадий Гришаев, тридцати восьми лет, дважды судим, и Леонид Гвоздев, двадцати шести лет, судим, прозвище – Гвоздь... Два дня назад сбежали из колонии, оглушив железной трубой конвоира...

– Значит, живой? – поинтересовался Геннадий Гришаев. – А я думал, его башка, как гнилой арбуз, лопнула.

– Слава богу, вышки не будет, – мрачно отозвался Гвоздь.

Вскоре подъехала крытая машина с синей полосой.

– Наш «воронок» подан, – сказал Гришаев. – Недолго же мы, Гвоздь, погуляли... – Он бросил неприязненный взгляд на Андрея. – Выжидали, выжидали и налетели на оперативника!

– У него же на морде не написано, – вяло возразил Гвоздев.

Молодые люди в гражданском быстро надели обоим наручники, отвели в машину с зарешеченным небольшим окном над задней дверцей. Высокий широкоплечий человек в синей куртке с капюшоном, негромко переговорив с лейтенантом, подошел к Андрею.

– Майор Никифоров, – представился он. – Спасибо за по-

мощь, товарищ... .

– Андрей Вадимович Абросимрв, – подсказал Андрей.

– Очень опасные бандиты. Совершили нападение на конвоира, завладели автоматом... Сколько они могли бы беды наделать! Терять им нечего. За ними водятся такие грешки...

– Я все не могу взять в толк, – вмешался в разговор лейтенант ГАИ. – У вас же обе руки были заняты баранкой, как вы смогли с ними справиться? У одного взведенный автомат, у другого бандитский нож... Наверное, в армии служили в парашютно-десантных войсках? – допытывался лейтенант.

– Было дело, – улыбнулся Андрей.

Лейтенант с чувством пожал ему руку:

– Я прямо из десантников в милицию!

Майор Никифоров записал данные паспорта, адрес, место работы, сказал, что, возможно, потребуется еще встретиться с Андреем. Еще раз поблагодарил за честный гражданский поступок, как он выразился, и уехал со своими оперативниками и задержанными бандитами в Торжок.

С помощью инспекторов Андрей выбрался из кювета, лейтенант осмотрел машину.

– Пустяки! – пощупав вмятину на крыле, сказал он. – На станции вам все выправят за час-два.

Андрей подумал, что, может, работы и немного, но попасть в ремонтную зону станции будет не так-то просто! Будто угадав его мысли, лейтенант предложил:

– Переночуйте в Вышнем Волочке, а утром вам на нашей станции все сделают в самом лучшем виде.

– Утром я должен быть на работе, – с сожалением отказался Андрей.

– Мы вам справку дадим, – уговаривал лейтенант. – Гостиница у нас хорошая, отдохнете. Чего вам на ночь глядя ехать?

Андрей поблагодарил любезного лейтенанта, – признать-ся, среди работников ГАИ не так-то уж часто встретишь такого, – сел в «Жигули» и тронулся с места. Машина пошла довольно плавно, горохом просыпалась на асфальт засохшая на крыльях грязь; вроде бы не ведет, значит, передние тяги не повреждены. В зеркало заднего обзора он видел лейтенанта и сержанта, стоявших у «Волги» и смотревших ему вслед. Андрей посигналил им, в ответ оба помахали руками.

Андрей с минуту прислушивался к работе мотора, затем включил подфарники. Весенние сумерки сгущались, серые тени напоздали на шоссе, небо потемнело, а деревья на обочинах стали размазываться, как на акварели. Перед глазами сначала возникло лицо Марии, затем сына Ивана... Всего три дня не был он дома, а уже соскучился по ним.

На обочине стоял человек с поднятой рукой. У ног его – пузатая пластиковая сумка. Андрей проскочил мимо, потом затормозил, дал задний ход и остановился напротив. Пожилой мужчина, приоткрыв дверцу, спросил:

– Товарищ, не подкинете до Вышнего Волочка?

– Садитесь, – сказал Андрей.

– Вот выручили! – обрадовался человек и уселся рядом. – Был у тещи в Сазоновке, последний автобус пропустил, хоть пешком топай до дома... И время-то такое, что никто не тормозит. Тут из колонии двое бандитов сбежали, так вчера все машины останавливали у поста ГАИ. Говорят, охранника ломом убили, взяли автомат... Вы ничего не слышали про это?

– Не слышал, – сказал Андрей, глядя на пустынную дорогу.

3

Вадим Федорович уже несколько минут слышал дробный стук синиц в кормушке. Он специально прибил ее у окна, чтобы наблюдать за птицами. Сегодня поработалось неплохо: на столе лежали три отпечатанные на машинке страницы, четвертая, только начатая, торчала в каретке. Солнце било в окна, на буром крашеном полу мельтешили желтые пятна, тонкий звон капли за окном настойчиво звал на улицу. В огороде уже обнажилась сероватая, будто заплесневелая, земля, снег еще держался в затененных углах под яблонями. Напротив дома Абросимовых разлилась большая сверкающая лужа. Сколько себя помнит Казаков, она всегда весной подступала к дощатому забору, пуская в глаза зеркальный солнечный отблеск. К вечеру лужу затягивал тонкий прозрачный лед, утром он весело хрустел под ногами школьни-

ков, а днем лужа сверкала, колыхалась, разлетаясь тысячью хрустальных брызг под колесами грузовиков.

Вадим Федорович поднялся из-за письменного стола, потянулся так, что захрустели кости, – от долгого сидения всегда немного ломило спину и шею. Подошел к окну и стал наблюдать за птицами: синицы хватали с кормушки, сделанной из оцинкованного листа, подсолнечные семечки и, отлетев на яблони, быстро расклевывали их. Семечки для них Казаков покупал в Ленинграде на Некрасовском рынке. Один раз, когда зимой пришлось срочно уехать, вернувшись, обнаружил полиэтиленовую посудину, где хранил семечки, прогрызенной мышами, а на полке и холодильнике – ворох серо-белой кожуры. Мыши попользовались... Теперь он семечки ссыпал в эмалированную кастрюлю и крышку сверху придавливал сковородкой.

Из всех птиц Казаков выделял синиц, ласточек и стрижей. Нравились ему и другие, но синицы каждую зиму, когда он приезжал в Андреевку, прилетали к дому, стучали в окна, требовали семечек. Значит, ждали его и рады встрече. Он научился различать их, мог с уверенностью отличить большую синицу от московки, а хохлатую синицу от лазоревки. Самые отчаянные были московки – они даже залезали в горловину трехлитровой банки, которую он укрепил липкой лентой на ветке яблони. Дело в том, что на синичий корм повадились прилетать сороки, сизоворонки, вороны. Для них Вадим Федорович специально крошил черствый хлеб, раз-

мачивал сухари, но большие разбойницы отгоняли синиц от кормушки и тоже хватали семечки и кусочки сала, которое Казаков мелко нарезал для своих любимиц. Вот он и надумал укрепить на яблоне стеклянную банку. Большие, с желтым брюшком, в черной шапочке, белошее синицы долго не залетали в банку, а вот москочки без всякого страха первыми нашли туда дорогу, хотя поначалу, прежде чем залететь в горловину, подолгу трепетали крыльями у отверстия, дивясь на необычную кормушку. Москочки настолько привыкли к человеку, что садились на кормушку, когда Вадим Федорович насыпал туда крошки и мелко нарезанное сало, однако на руку, сколько он ни держал ее на весу, никогда не садились, не то что в городских парках и скверах.

Синицы держались у дома лишь зимой, прихватывали и немного весны, но как только таял снег, они больше к кормушке не прилетали. Весной и летом она вообще не привлекала птиц: им достаточно было корма. И потом, в апреле всех птиц у дома вытесняли скворцы – они чистили скворечники, завлекали песнями туда подруг, а когда образовывалась семья, начинали деятельно хлопотать вокруг своего семейства. Кормушка скворцов не привлекала, но вот схватить с выкопанной борозды червяка или улитку из-под самых ног они могли. Весной Вадим Федорович всегда просыпался в своей маленькой комнатке под крышей от песен скворцов, и еще его будили сороки, прилетающие из леса. Они бродили по коньку крыши, царапая когтями железо, трещали друг на

дружку.

Глядя на синиц, летающих с яблони на кормушку и обратно, Вадим Федорович подумал, что, пожалуй, пора ему возвращаться в Ленинград. Скоро должен приехать Григорий Елисеевич Дерюгин. Ладно он, Вадим Федорович, справляется с хозяйством, сам себе варит, убирает в доме, работает, а вот какво одинокому старику? Живет летом в Андреевке один. Разве что в отпуск навещают родственники. Дерюгин с утра до вечера гнет спину на огороде, выпальывает сорняки, пересаживает землянику, выкорчевывает старые яблони, взамен сажает молодые, которые привозит из Петрозаводска.

Можно, конечно, Дерюгина дожидаться, но тоска по Ленинграду всегда накатывалась на Казакова неожиданно-негаданно. Значит, все, больше работа не пойдет, как говорится, свою норму выполнил и даже перевыполнил. Потянуло к людям, сыну, дочери, внуку Ивану. Здесь тоже много знакомых, но все заняты на работе, а вечером у них свои дела. Так что большую часть времени Вадим Федорович проводит в одиночестве. Бывает, зайдет Иван Степанович Широков, посидит с час, выкурит пяток «беломорин» и уйдет. Постарел сосед, сгорбился, вот уже третий год на пенсии по инвалидности: у него порок сердца. Ходит медленно, одышка. По дому еще стучит, что-то делает, а вот работать не может. Врачи советуют ему ехать в Ленинград и сделать операцию на сердце – заменить митральный клапан, – но Иван Степанович все не решается, говорит, мол, чует его сердце, что это

будет конец. Так лучше умереть в Андреевке, чем на операционном столе. Его жена, Лида, в отчаянии, видит, как мучается муж, и ничем помочь не может. Как-то призналась Вадиму Федоровичу, что Иван спросил ее: «Скажешь: езжай на операцию – поеду!» А она не знает, что и делать! А вдруг и впрямь не встанет с операционного стола? Операция ведь очень сложная. Она себе вовек не простит, что посоветовала ехать...

Как и все пенсионеры, Иван Степанович теперь жил воспоминаниями, рассказывал о своем отце, службе на флоте, как охотился с братьями Корниловыми. Уважение к своей жене сохранил. Дети их уехали из Андреевки, теперь они живут одни в доме. Лида работает в поселковом Совете, депутат райсовета, недавно наградили медалью «За трудовое отличие»...

Прилетел дятел на яблоню, покосился круглым блестящим глазом на окно, вспорхнул на кормушку, схватил кусочек сала – и снова на ветку. Когда дятел садится на кормушку, синицы отлетают прочь. Садятся на ветви и с досадой посматривают на незваного гостя. Впрочем, дятел долго на кормушке не задерживается, ему привычнее сидеть на ветке – так, чтобы голова с твердым клювом была наверху, а жесткий хвост упирался в ветку.

Уехать из Андреевки можно было на автобусе. Он шел до Климова, а оттуда на Ленинград шло несколько поездов. Можно было и на пассажирском, проходящем через Андре-

евку в начале первого ночи. Вадим Федорович решил, что поедет на нем. Как обычно, часов в шесть он отправился прогуляться до железнодорожного поста. На откосах зеленела трава, верба уже распустилась, а тонкие березы будто окутались коричневой дымкой. По небу проплывали большие белоснежные облака, солнце позолотило стволы старых сосен, с серебристым блеском убежали вдаль накатанные рельсы. Путевой обходчик, стоявший у будки, взглянул на Казакова, покивал – он привык встречать в это время Вадима Федоровича. В руке у него была масленка с длинным лоснящимся носом. Из-под ног выскакивали мелкие камешки и со звоном ударялись в рельсы. На бетонных шпалах чернели мазутные пятна. Ветер прошумел по кустам, принес с собой запах талой воды и хвои. Тихо было, лишь по обеим сторонам насыпи в молодом ельнике попискивали птицы.

Дома Казакова ожидал сюрприз: не успел он переступить порог, как на его шее повисла дочь Оля.

– Приехала к любимому папочке, а дом на замке! – радостно заговорила она. – Хорошо, что вспомнила, куда ты ключ прячешь...

– С неба, что ли, свалилась? – удивился Вадим Федорович. – Вроде поезда в это время не ходят, автобусы тоже.

– Меня подвез из Климова на «газике» очень симпатичный инженер-геолог. Они тут полезные ископаемые ищут. Я ему предложила пробурить скважину у нас в огороде...

Вадиму Федоровичу было приятно видеть дочь – она, вся

в него: тоже, когда стукнет в голову, все бросит и помчится куда глаза глядят. Держится бодро, веселая, а в глазах что-то прячется... Сколько он ее не видел? Два месяца, а вроде бы Оля изменилась, какая-то стала не такая. Выглядит, как обычно, хорошо, молодец, что мало употребляет косметики, она и так свежа, со здоровым цветом лица. Может, зря только волосы постригла. Раньше были до пояса, а теперь едва касаются узких плеч.

На подоконнике лежала раскрытая сумка, на столе – нарезанная колбаса, сыр, ветчина, на газовой плите шумел чайник. Вот что значит женщина в доме – не успела приехать, и сразу стало веселее, уютнее.

– Вроде бы у тебя не каникулы? – спросил он, вешая куртку на вешалку.

Дочь подошла к нему, заглянула в глаза, провела рукой по волосам:

– Папка, да у тебя появились седые волосы!

– Чего ты вдруг сорвалась? – не дал он сбить себя с толку. – И не говори, что соскучилась, – все равно не поверю!

– Бросил меня одну в пустой квартире... А тебе не могла прийти в голову мысль, что мне там страшно? Насмотрелась у Аси Цветковой фильмов ужасов по видику и всю ночь не сплю...

– Что-то раньше я не замечал, чтобы ты маялась бессонницей, – усмехнулся Вадим Федорович. – Видики тут ни при чем... Замуж собралась, что ли? Давай выкладывай.

– Папа, ты великий психолог! – рассмеялась Оля. – Глеб не дает мне житья: мол, выходи за меня замуж, и точка.

– Ну и выходи.

– Ты знаешь, чего я боюсь? – посерьезнела дочь. – Выйду замуж, рожу тебе внука, а через год-два разведусь. Есть ли смысл заводить всю эту кутерьму?

– Почему ты должна развестись через год-два?

– По статистике, папочка! Нынешняя любовь не держится больше трех лет.

– Это у вас...

– А у вас? – перебила она. – Ваша любовь с Виолеттой лопнула как мыльный пузырь через два года.

– Подсчитала? – вздохнул он. Лучше бы она про Виолетту не вспоминала...

– Извини, если я тебе сделала больно, – прикусила язык Оля.

Вадим Федорович прошелся по комнате, присел на корточки у печки, заглянул в нее, положил несколько поленьев, нащипал лучины, с треском сломал пахучие сосновые доски, приладил между поленьями. Оля внимательно наблюдала за ним. Когда затрещал огонь, Вадим Федорович прикрыл чугунную дверцу, мельком подумал, что надо бы выгрести золу из поддувала. Дерюгин наказывал всем, чтобы золу ссыпали в железную бочку в сарае, потом она пойдет на удобрение.

– Не скучно тебе одному? – спросила дочь.

– Когда идет работа, не бывает скучно.

– А когда не идет?

– Я все бросаю и еду к тебе, – улыбнулся он.

Огромная белая береза во дворе у Широковых впечаталась в густо-синее небо. Белое облако медленно наползало на трубу на крыше. А чуть выше облака летел на север клин гусей. Одна линия была ровной, а вторая – изломанной на конце. Тяжелые птицы медленно взмахивали крыльями. Если выйти на крыльцо, услышишь гортанный крик гусей.

– Ты обратил внимание, в печати, по телевидению – везде сейчас говорят о проблемах семьи, – продолжала Оля. – Дескать, нужно укреплять ее, больше заботиться о молодежи, создавать им условия для нормальной семейной жизни. А то все стало у нас так легко и просто: поженились, родили ребенка и разошлись! Я не хочу, папа, чтобы мой ребенок воспитывался без отца.

– Еще замуж не вышла, а уже толкуешь о разводе! – подивился Вадим Федорович.

– Что Глебу нужно? Я! – заявила Оля. – Он, видите ли, без меня жить не может! Для него самое главное – это я, а не семья, дети... Проходит время, любовь проходит, и все меняется...

– Останови время, – вставил Вадим Федорович.

– Может, мне тоже нужно книги писать? – посмотрела на него дочь. – Слишком уж я все анализирую... По-видимому, нужно жить проще, папа? Ты прав, зачем загадывать на годы,

когда вот сейчас все у нас и так хорошо. Он действительно меня очень любит...

– А ты?

– Я?

– Не увиливай! – сурово потребовал он.

– Не знаю, – опустила Оля пышноволосую голову, карие глаза ее стали несчастными. – Об этом я все время думаю. Даже в поезде... То Глеб мне кажется самым красивым, мужественным...

– Умным, – подсказал Вадим Федорович.

– Он не дурак, но нет в нем, папа, тонкости, чуткости, нежности... Как и все вы, мужчины, он убежден, что своим предложением осчастливил меня. Как же, решился на такой героический поступок! Предложил руку и сердце даме, а я, видишь ли, упираюсь, прошу подождать, хотя бы пока институт закончу. Он этого не понимает!.. Дай ему волю – заставит меня и театр бросить!

– Вот в чем собака зарыта! – рассмеялся Вадим Федорович. – Дать волю... С того самого момента, когда муж и жена начинают яростно бороться за первенство в доме, тогда и любовь умирает. Ты не захочешь ему уступить, он – тебе. А ты не очень-то покладистая девочка! И начнется многолетняя изнурительная борьба за главенство. Это при условии, что столкнулись два сильных характера. Если с сильным характером лишь он или она в семье, тогда проще. Она смотрит мужу в рот и молится на него, или он становится подкаблуч-

ником... Погоди, девочка! – Он внимательно посмотрел ей в глаза. – Тебя что пугает? То, что ты утратишь свою независимость? Свободу? Станешь примерной домохозяйкой, будешь нянчить детей, забудешь про театр?

– И это тоже, – призналась она.

– В кого же ты у нас уродилась, такая рассудочная? – покачал он головой. – Я женился, как говорится, в одночасье, потом еще два раза влюблялся и, честно говоря, никогда не думал, какое место займу я в семейной иерархии. Если так можно выразиться, мои чувства преобладали над разумом.

– Это плохо?

– Не знаю, – секунду помедлив, ответил он. – Любовь налетает на человека как смерч, тайфун! И уж тут не до рассуждений. Возможно, самое прекрасное в ней и есть именно безумие, страсть, самопожертвование. Когда думаешь не о себе, а о любимом человеке.

– А у меня все наоборот, – сказала Оля. – Я думаю о себе. Каково мне будет рядом с ним? Не разлюблю ли я его, еще не успев толком полюбить?..

– Если так можно выразиться, я сейчас живу у разбитого корыта, – заговорил отец. – Но я ни о чем не жалею. Все женщины, которых я любил, подарили мне счастье, радость, в конце концов – романы! И я не виню их, пожалуй, и себя не осуждаю: я всегда хотел иметь семью, но есть что-то во мне более сильное, чем любовь к женщине... Это, по-видимому, моя работа. А женщины по природе своей более ревнивы,

чем мужчины. Никто не захотел делить меня с моей работой. Ведь можно быть рядом с любимым человеком и вместе с тем очень далеко...

– Мне этого не понять.

– Поймешь, когда станешь совсем взрослой, – улыбнулся Вадим Федорович.

– Иногда я кажусь сама себе старухой, – вздохнула Оля.

Они сидели за столом, пили из белых кружек крепко заваренный чай. В вазочке – вишневое варенье, в коробке – привезенное Олей печенье. На стене мерно тикали часы в деревянном футляре. С увеличенной, в рамке под стеклом, фотографии над столом на них смотрел дед Вадима Федоровича – Андрей Иванович Абросимов. Густые брови сурово насуплены, широкая, раздвоенная книзу борода спускается на могучую грудь, небольшие глаза прищурены.

– Значит, ты сбежала от Глеба? – поставив кружку, спросил Вадим Федорович.

– Сбежала? – сдвинула она тонкие черные брови. – Выходит, я его боюсь? Это новость!

– Мне Глеб нравится, – осторожно заговорил Вадим Федорович. – Он человек дела, способный конструктор, по-видимому, однолюб, порядочный человек. Чего еще надо? А каким будет мужем – это уж от тебя, дорогая, зависит. Он тебя любит, значит, и считаться с тобой будет. И потом, ты не из тех, кого можно поработить...

– А может, мне нравится быть рабыней, – уронила Оля,

уткнувшись в кружку с чаем. Губы ее тронула легкая улыбка.

Вадим Федорович пристально посмотрел на нее, но дочь так глаз и не подняла. Молча смотрела в кружку, длинные черные ресницы чуть изгибались кверху, губы вздрагивали от потаенной улыбки.

– Что ты все-таки имеешь в виду? – наконец спросил он.

– Твоя дочь стала женщиной...

– Этого ты могла бы мне и не говорить, – помолчав, ответил он.

– Ты же с детства приучил меня говорить правду, и только правду, – сказала Оля.

– Тогда к чему весь этот разговор? Немедленно выходи за Глеба замуж.

– Ты рассуждаешь точь-в-точь как он!

– А как ты, интересно, рассуждаешь?

– Время любить... – задумчиво произнесла Оля. – Как там в Библии? Андрей это место не раз цитировал. Всею свое время... Понимаешь, папа, будто кто-то властно постучался в мое сердце... Что-то необъяснимое накатило на меня – Глеб показался мне сказочным принцем, подарком судьбы... Не слишком ли я красиво говорю?

– Я тебя слушаю.

– Такого еще со мной никогда не было... Самое удивительное, что дело даже не в Глебе. Он и мечтать не смел, что я сама позову его... Еще утром я не знала, что случится вечером... У него были такие глаза... Никто не задумывается,

когда к нему придет время любить... Иной даже не замечает этого. Все происходит само собой. А я это, папа, почувствовала! Время любить само постучалось ко мне... И это было сильнее меня! Наверное, сильнее всего на свете... Ну почему я жизнь не воспринимаю, как моя подруга Ася Цветкова? Другие девочки? Зачем мне нужно все время копаться в себе? Это от тебя, отец! Я все раскладываю по полочкам, ночи не сплю – думаю. Почему я поступила так? Кто толкнул меня на это? Не подумай, что я жалею! Нет, дело в другом: я не понимаю, почему это случилось со мной! Конечно, рано или поздно это должно было произойти. Удивляет меня другое: что-то неподвластное мне, Оле Казаковой, накатилось на меня... Я даже сначала возненавидела Глеба, хотя он тут был ни при чем.

– Вот как! – вырвалось у Вадима Федоровича.

– Потом это прошло. Глеб теперь меня не раздражает, мне очень хорошо с ним, но какая-то великая тайна осталась со мной. И мне ее никак не разгадать, а это мучает меня, понимаешь?

– Время любить... – задумчиво повторил Вадим Федорович. – Может, этим все и сказано? И незачем тебе разгадывать какую-то тайну?

– Я боюсь себя, папа! – с горечью воскликнула Оля. – Господи, защити меня от самого себя! Так говорят испанцы. Допустим, я выйду замуж за Глеба, а потом нечто подобное вдруг снова накатит на меня. Я полюблю другого. А я не хо-

тела бы сделать Глеба несчастным. Он и так уже был наказан... Перед самой свадьбой его девушка ушла к другому. Второго такого удара он не перенесет.

– Ты не уйдешь к другому, – заметил Вадим Федорович.

– Как сказать, – ответила она. – В девятнадцать лет мне казалось, что я знаю себя, могу быть твердой... А теперь я засомневалась в себе. Я никому об этом еще не говорила, даже Глебу, только тебе. Я не хочу принести несчастье близкому человеку.

– Что же ты хочешь от меня?

– Только ты один можешь дать мне дельный совет, – твердо произнесла дочь. – И даже не потому, что ты писатель. Просто ты лучше всех знаешь меня.

– Слушай, зимой тебе не приходили в голову эти мысли? – спросил Казаков.

– Зимой? – удивленно посмотрела она на отца. – Что ты имеешь в виду?

– Это весна, Оля, – серьезно сказал он. – Весна всколыхнула тебя, заставила бросить все и приехать сюда, кружит голову, мутит разум. И такое случается не только с тобой. Весна – это время любви.

– И с тобой такое было? – пытливо заглянула ему в глаза Оля.

– Думаю, что со всеми нормальными людьми, – улыбнулся Вадим Федорович. – Только одни сдерживают свои эмоции, подчиняют их своей воле, суровой необходимости, а другие

совершают опрометчивые поступки... Я где-то вычитал, что весной больше совершается преступлений против личности, чем в любое другое время года. И время свадеб – это весна.

– Боже, в каждом из нас живет дикарь!

– Не впадай только во фрейдизм, – сказал он. – Можно любое варварство оправдать нашим диким происхождением. В Бостоне когда-то был такой случай: в течение нескольких недель двенадцать женщин погибли от руки убийцы. Когда наконец полиция нашла на его след, это оказался вполне приличный человек, имеющий жену, дочь, которых он очень любил. И что самое удивительное, он и не подозревал, что в нем уживаются два разных человека – нормальный, любящий муж и садист-убийца. Его даже не судили, тщательно обследовав, отправили в дом умалишенных.

– Ну спасибо, папочка, ты меня утешил, – заметила Оля. – Разве можно такие жуткие истории на ночь глядя рассказывать?

Вадим Федорович поднялся из-за стола, подбросил в плиту поленьев, приоткрыл чугунную дверцу. Держа в руке полено, замер на корточках, глядя на огонь. Багровый отблеск упал на его лицо, углубил складки у губ, сетку морщин под глазами. Короткие волосы у него были темные, но сейчас, при дрожащем печном освещении, будто изморозь, блеснули серебристые нити. Оля молча смотрела на него. Как бы отец ни выглядел молодо, время свое берет. Он немного похудел, впрочем, это ему идет, фигура у него по прежнему спортив-

ная, держится прямо, походка стремительная. Каждый день перед обедом ходит в лес на лыжах, по утрам делает зарядку. Чревоугодием не страдает, ест все, что ему подашь, да еще похваливает. Отец и сам умеет готовить, особенно хорошо у него получаются супы, уха, шашлыки на шампурах. Оля любила летом ездить с ним на рыбалку, где на озере они разбивали палатку и жили там по два-три дня. Это было прекрасное время. Но последние годы отец редко ездит на рыбалку, говорит, и без него много рыбаков развелось, приедешь на любое озеро, а там негде приткнуться. Он и на озеро привозил с собой пишущую машинку и, сидя на солнцепеке в шапочке с целлулоидным козырьком, стучал на ней. Оле нравилось удить, она даже как-то поймала большого леща, которого помог вытащить Андрей.

Кажется, все это было совсем недавно: детство, летние сборища родственников в Андреевке, рыбалка, забавы, дальние походы за грибами и ягодами... Отец всегда ей казался моложавым, сильным, энергичным, нынче она впервые обратила внимание, что он уже далеко не такой, каким был прежде. Что-то в согбенной его фигуре у плиты было старческое, и на шее под подбородком иногда появлялись дряблые складки. Будто чувствуя их, отец часто поглаживал пальцами кадык. Оля не могла себя представить старой, ей казалось, что старение людей происходит в каком-то другом измерении и уж ни в коем случае не коснется ее. Не думала она и о смерти, а если сталкивалась с тем, что кто-то из зна-

комых или родственников умирал, то ей тоже казалось, что это происходит в ином мире. Просто был человек и куда-то исчез. Даже странно как-то представить себе, что человек живет, что-то делает, переживает, любит, страдает, а придет время, и он исчезнет без следа... А жизнь будет продолжаться, светить солнце для других, будут люди нарождаться, любить, страдать... Оля обратила внимание, что в последних книгах отца герои много размышляют о смысле жизни, смерти, справедливости, добре и зле. Когда читала, все это глубоко ее волновало, но стоило захлопнуть книгу и поставить на полку, как все навеянные грустные мысли уходили прочь. Наверное, тем и прекрасна жизнь, что она не хочет считаться со смертью, не желает ничего общего иметь с ней. Редкий человек, услышав о смерти знакомого, подумает, что и его рано или поздно ждет такой же конец. А если и подумает, то мысленно отмахнется и постарается поскорее забыть.

– Я бы здесь не выдержала одна и недели, – задумчиво произнесла Оля. – Я понимаю, природа, тишина и все такое... Но тебе же днями, наверное, не с кем словом перекинуться?

– Приеду в город и наговорюсь, – засмеялся Вадим Федорович. Морщинки сразу разгладились на его лице, глаза молодо блеснули. – Я уже давно заметил, что после Андреевки, вернувшись в Ленинград, язык мой крутится во рту как пропеллер! Становлюсь болтлив, как Коля Ушков... Кстати, ты давно его не видела? А Михаила Ильича Бобрикова?

– Папа, из тебя никогда бы не вышел дипломат, – помолчав, заметила дочь. – Я Ушкова не видела целую вечность. А Бобриков умер для меня. Уже давно.

– И чего это я вспомнил про него? – усмехнулся Вадим Федорович. – Я для Бобрикова тоже умер...

– Наверное, мне нужно было встретиться с Бобриковым, чтобы получше узнать мужчин, – сказала Оля.

– Ну и узнала?

– Ты думаешь, вы такие уж загадочные? – рассмеялась дочь.

– На сколько ты приехала? – перебил ее отец.

– Мне сдается, что мы вместе вернемся в Ленинград?

– Ты проницательна, – усмехнулся он. – Ладно, я хотел выехать нынче, но поедем с тобой в воскресенье. Кстати, кому ты Патрика отдала?

– Мой дорогой племянник Ваня спит с ним вместе. И Андрей с Марией без ума от спаниеля.

– Удивительно контактная собака! – заметил Вадим Федорович. – Собака с человеческими глазами... Я Патрика здесь часто вспоминал.

– Чаше, чем Виолетту Соболеву? – не удержалась и съязвила Оля.

– О ней я не думаю, – спокойно ответил отец. – И не виню ее ни в чем. Я тебе об этом уже говорил.

– Если бы она бросила своего красавчика грузина и вернулась к тебе...

– Она не вернется, – нахмурившись, перебил отец. И Оля поняла, что нужно тему сменить.

Убирая со стола, она слушала непривычное убаюкивающее тиканье часов – в городе теперь редко его услышишь, хо-дики сменили электронные часы-будильники со светящимся табло и даже приемником, – взглянув в окно, увидела медленно падающие снежные хлопья. Береза в огороде у Широковых превратилась в гигантский крутящийся белый волчок. На крыльце соседей сидел лопухий пес и, подняв вверх голову, ловил раскрытой пастью снежинки. На дне молочного кувшина, надетого на жердину, выросла круглая белая шапочка. Оля так и замерла у окна с тряпкой в руке. Понемногу она начинала постигать красоту загородной жизни. Здесь нет ощущения стремительного движения жизни, когда все время куда-то торопишься, не успеваешь, отчего раздражаешься, нервничаешь. Здесь можно сколько угодно стоять у окна и смотреть на падающий снег, не боясь, что за спиной зазвонит телефон и тебе скажут в трубку какую-нибудь неприятность или заставят все бросить и мчаться в метро или троллейбусе на другой конец города, где в маленьком кинотеатре идет модный фильм...

Отец сидел на низкой скамейке у печки и смотрел на огонь. Поленья трещали, выстреливали на пол красными угольками, которые он спокойно брал двумя пальцами и снова бросал в печь. Оля знала, о чем он думает... И черт дернул ее за язык брякнуть про Виолетту! Что бы отец ни говорил,

а она все еще занозой торчит у него в сердце. Кстати, после их разрыва Оля впервые обратила внимание, что отец как-то изменился: стал рассеяннее, что ли, тогда она и заметила седые нити в его черных волосах, реже можно было услышать его заразительный смех, да и из города он стал уезжать чаще, чем прежде. Может, здесь, в Андреевке, завел новую зазнобу? В это Оле было трудно поверить...

И словно в подтверждение ее мыслей дверь без стука отворилась, и на пороге появилась полная грудастая женщина с молодым порозовевшим лицом, темными блестящими глазами. Она была в коричневой куртке, черные волосы повязаны мохеровым шарфом. Снег сразу же превратился в сверкающие капельки на ее одежде.

– У тебя, Вадим, никак гости? – певучим звонким голосом произнесла она, с любопытством разглядывая девушку. – Господи, Оля! – воскликнула она. – Какая ты стала красивая! Небось уже и замуж выскочила?

И Оля узнала ее – это киномеханик Галя Прокошина. Особого знакомства они не водили, но при встречах иногда болтали, когда Оля приезжала на каникулы в Андреевку. И хотя девушку покорило от ее последних слов, она приветливо улыбнулась и протянула Прокошиной руку. Это не город, и люди здесь особенно выражений не выбирали. Если ты, допустим, плохо выглядишь, тебе об этом прямо в глаза и скажут, а в городе и на смертном одре человека будут уверять, что он огурчик...

Вадим Федорович поднялся со скамейки, помог Гале раздеться, предложил чаю, но она отказалась.

– Я шла мимо, дай, думаю, зайду... – затараторила она. – У нас нынче идет картина «Вокзал на двоих», в главной роли Гурченко и этот, ну, как его?.. Еще играл в «Служебном романе» с этой, как ее?..

– Олег Басилашвили, – улыбнулась Оля.

– Пойдете в кино? – смотрела на них круглыми глазами Прокошина. – Я вас бесплатно проведу.

– Мы видели этот фильм, – взглянув на отца, сказала Оля.

– Я некоторые фильмы по несколько раз смотрю, – говорила Галя. – Только хороших что-то мало присылают. А халтуру и крутить противно. Раз перепутала части, так никто и не заметил... – Она перевела взгляд на Олю. – Нынче пятница, так у нас после вечернего сеанса танцы. Приехали из Климова музыканты с электронными ящиками. Как забухают, хоть караул кричи... Придешь на танцы? От наших парней отбою не будет, вот увидишь!

– Там видно будет, – неопределенно ответила Оля.

Когда летом в доме собиралась молодежь, они ходили на танцы, но сейчас, одной, не было никакого желания идти. Помнится, в прошлом году у нее даже местный кавалер завелся – как же его звали? Петя или Вася... У него фамилия такая куриная, кажется Петухов.

– Мы в воскресенье уедем ночным, – сказал Вадим Федорович. – Вернись в конце апреля. Что тебе, Галя, привезти?

– Колбасы палку и шоколадных конфет коробку, – стрелы- нув смеющимися глазами на Олю, сказала Про-кошина. – Моя Надька так и заявила: «Скажи дяде Вадику, чтобы мне „трюфелей“ привез!»

«Ну и папка! – подумала Оля. – И тут не теряется! А я-то думала, он, бедненький, здесь один-одинешенек мается без женского внимания и ласки! А он вон какую пышку завел!»

– Я в воскресенье днем забегу, – пообещала Прокошина. – Зря в кино не хотите. Эта Гурченко ну просто умора!..

Рассмеялась и коlobком выкатилась за дверь, наградив напоследок Казакова многозначительным взглядом.

– Как тихо падает снег, – повернувшись к дочери спиной, произнес Вадим Федорович.

– Бедный папа, – подойдя к нему и положив руку на плечо, сказала Оля. – Живешь в глуши, смотришь старые филь- мы...

– Я здесь работаю.

– Как она растолстела... Правда, я ее давно не видела.

– Она хорошая женщина.

– Разве я спорю? – сказала Оля.

– У нее забавная дочь Надя, – негромко уронил он. – Она зовет меня «дядя Вадик».

– Губа у нее не дура, – заметила Оля. – Подавай ей «трю- фели», а не какие-нибудь другие... Балуеть ты их?

– Черт возьми, я ведь еще не старик!

– Я очень хочу, чтобы тебе было хорошо, – мягко произ-

несла Оля.

Отец повернулся к ней, секунду пристально смотрел ей в глаза, потом сказал:

– Я знаю.

– Если хочешь, пойдем в кино? – скрывая улыбку, предложила она. – Гурченко действительно хороша в роли официантки, а вот Басилашвили мне не очень-то понравился, особенно в конце.

– Я рад, что ты приехала, – провел он ладонью по ее густым светлым волосам и снова отвернулся к окну. – Вот и опять пришла зима...

– Ты иди... в кино, – сказала Оля. – А я белье постираю. Только сначала воды принеси из колодца.

– Завтра снег растает, и снова будет весна, – сказал он.

Глава восемнадцатая

1

В фойе Дома писателей открылась выставка картин Петра Викторова. Он выставил около пятидесяти своих работ. Здесь были северный цикл, ленинградские пейзажи, акварели, натюрморты. Андрей искренне порадовался за друга. Петя здорово вырос как художник. Об этом все говорили и даже писали в «Смене» и «Вечерке». Одной картиной заинтересовался Русский музей, несколько приобрел областной краеведческий музей.

Петя заехал в субботу за Андреем на своем старом «Москвиче» с треснутым лобовым стеклом, Мария обещала прийти на выставку сразу после лекций. В машине сидел белобородый мужчина с розовым, младенческим, лицом, в оранжевом кожаном пиджаке.

– Черемисов Геннадий Евгеньевич, – солидно представился он Андрею. – Писатель.

Андрей знал уже многих ленинградских литераторов, но Черемисова видел впервые. Он было напряг память, вспоминая эту фамилию, но, кажется, ничего о нем не слышал.

– Геннадий Евгеньевич хочет статью в «Советскую культуру» написать обо мне, – сообщил Петя, ловко лавируя меж

машин на Кондратьевском проспекте.

– Если подаришь своего «Китобоя», – улыбнулся в белую аккуратную бородку Черемисов.

– Считайте, что он у вас висит в прихожей, – заверил Петя. – Рядом с моим видом из окна академии на Неву.

День был погожий, на улицах виднелись по-летнему одетые люди. Среди джинсов и курток иногда мелькнет плащ или демисезонное пальто. Пожилые люди пока еще не доверяли коварной ленинградской весне. Асфальт был весь в выбоинах, «Москвич» трясло и подбрасывало, но хорошее Петино настроение ничем нельзя было омрачить. Он был без кепки, каштановые волосы коротко пострижены, в отличие от многих молодых художников он бороды не отпустил. На нем вельветовые джинсы, черная, с широкими рукавами куртка на молнии, на ногах желтые ботинки на толстой рубчатой подошве. Ему бы еще плащ с крестом и шляпу с страусовыми перьями – и был бы вылитый мушкетер. Петя стал шире в плечах и вроде бы ниже ростом. Раньше волосы у него были длинные и спускались на глаза, а теперь заметно отступили от широкого лба. Андрей уже не раз замечал: у кого в юности была пышная шевелюра, с годами заметно редела – среди своих одногодков он уже встречал полысевших.

– А вы тоже пишете? – повернул к Андрею небольшую голову с редкими белыми волосами Черемисов. – Петя говорил, у вас скоро выйдет первая книжка. В каком издательстве?

Андрей сказал. Черемисов пустился в рассуждения, что редактор попался Андрею не ахти какой, лучше было бы, если его книга попала к Лидочке – она отлично знает свое дело. Необходимо сразу же, как выйдет книга, организовать несколько рецензий. Это для молодого литератора очень много значит. Нужно еще до выхода книги дать верстку почитать знакомым журналистам из отделов литературы и искусства – у него, Черемисова, во всех ленинградских, да и не только ленинградских, газетах есть свои люди. Промолчат, не заметят – вторую издать будет еще труднее, чем первую.

– Сколько бездарей выставляют, пишут о них монографии, – вставил Петя Викторов.

– О, реклама и паблисити и в нашем обществе – это великая сила! – подхватил Геннадий Евгеньевич. – Появились положительные рецензии – значит, писатель хороший. Можно печатать его. А если бума не поднялось вокруг книги, выходит, он никуда не годный, зачем его издавать и переиздавать?

Петя бросил на Андрея веселый взгляд, хотел что-то сказать, но Андрей мигнул ему: дескать, молчи! Ему было интересно, что скажет Черемисов; по-видимому, Петя ему не сказал, что Андрей Абросимов – сын Вадима Казакова.

– Наверное, мучительно добивается признания своих мнимых заслуг лишь тот, кто знает, что он ничего на самом деле не стоит, – сказал Андрей. – А большому писателю это не нужно. Слава сама к нему придет.

– Пусть ждет! – усмехнулся Черемисов.

– Вы с Вадимом Казаковым знакомы? – подмигнув Андрею, спросил Петя.

– Он со мной не здороваётся, – помолчав, ответил Геннадий Евгеньевич. – Я для него, по видимому, маленькая сошка.

Андрей знал, что это не так: главным критерием своего отношения к людям отец считал их гражданскую позицию, порядочность, честность. Беспринципность, зазнайство, выпячивание себя отец не прощал даже талантливым людям. Он вообще считал, что неумное восхваление писателя приносит тому лишь вред. А так как талант и мудрость не всегда в едином строю, то в поучающих высказываниях, многочисленных интервью, которые журналисты охотно берут у раздутых «гениев», начинают выпирать невежество, необразованность, а иногда и откровенная глупость.

У Финляндского вокзала, как всегда, толпились люди. Напротив сквера стоял автобус ГАИ, в динамике раздавался мужской голос, призывавший пешеходов переходить улицу только по сигналу зеленого светофора. Между гранитными берегами маслянисто покачивалась Нева. Стального цвета буксир тащил из-под Литейного моста огромную баржу. Петя Викторov выехал на Литейный мост, свернул направо на улицу Воинова и поставил «Москвич» в коротком переулке в ряду разноцветных машин. Они вышли из «Москвича», Черемисов оказался ниже среднего роста, весь такой округ-

лый, модный. Очевидно, ему не меньше пятидесяти, однако юношеский цвет лица совсем не вязался с его белыми волосами. Была в этом какая-то противоестественность. Голос у него вкрадчивый, мягкий. По тому, как с ними раскланялся в вестибюле вахтер, можно было понять, что Черемисов тут свой человек. На Викторова и Абросимова он посмотрел с подозрением, однако ничего не сказал.

Народу на выставке было немного, хотя в городе на афишах сообщались адрес выставки и время для посещения. Вечером народу больше соберется, потому что в восемнадцать часов в Белой гостиной состоится встреча с известным московским поэтом Роботовым. По всему городу распространялись платные билеты.

Они заняли столик в кафе, официантка принесла на подносе дымящийся кофе, бутерброды с копченой колбасой и балыком. Черемисов то и дело вскакивал из-за стола и спешил приветствовать того или иного писателя. Почтительно сгибал круглую спину, шел рядом до бара, улыбался, что-то быстро говорил. Возвращался за стол совсем иной походкой, напускал на лицо важность и небрежно ронял, что это директор издательства, главный редактор или секретарь Союза. Когда он это сделал, наверное, в пятый раз, Петя негромко заметил:

– Учись, как надо жить, Андрей. Черемисов знает все начальство в сфере искусства и литературы – с одним в сауну ходит, другому помогает на станции техобслуживания ма-

шину отремонтировать, третьему видеокассеты достает или модные тряпки. А если начальница женщина, прикинется влюбленным, на день рождения розы принесет... Я видел, как он выюном крутился возле какой-то московской дамочки в очках. Сказал, что от нее зависят тиражи его книг... По правде, я ничего Черемисова не читал.

– А написал он вообще-то что-нибудь? – поинтересовался Андрей.

– Научно-популярные книжонки пишет, что ли, – небрежно ответил приятель. – За одну даже ухитрился какую-то ведомственную премию отхватить. Конечно, благодаря своим знакомствам. Он и в Москве свой человек. Во всех издательствах его знают.

– А чего он вдруг взялся тебя опекать?

– Не за красивые глаза, – рассмеялся Петя. – Попросил написать свой портрет, обещал, что устроит его покупку провинциальным музеем, где его дядя работает директором.

– И ты согласился?

– Сказал, что музей пятьсот карбованцев отвалит, – беспечно ответил Виктор. – Правда, рожа у него иезуитская, но мне-то что? Я его за неделю напишу. Мне деньги нужны, Андрюша! «Москвич» вот-вот рассыплется прямо на дороге. Коплю на «Ниву». Крепкая машина, погружу в нее мольберт, краски, зонт от солнца – и на пленэр! Мечтаю поставить машину в пустынном месте, на проселке, завалиться на зеленую траву и долго-долго смотреть на белые облака... И

ни о чем не думать! Дышать, смотреть и наслаждаться!

– Наверное, мы с тобой одинаково думаем, – рассмеялся Андрей. – Меня тоже травка и облака манят... Так, кажется, это просто, а все как-то не получается...

– Хотите, познакомлю вас с директором издательства? – вернувшись за стол, взглянул на Андрея Черемисов.

– Не стоит, – усмехнулся Абросимов. – Кто я для него? Неизвестный автор.

– Сначала надо известность приобрести в деловых кругах, – поучающим тоном произнес Геннадий Евгеньевич. – А в позу непризнанного гения вам еще, Андрюша, рано становиться.

– Вы считаете ваш путь в литературу единственно правильным? – в упор посмотрел на него Андрей.

Черемисов отвел глаза, изящно оттопырив мизинец, отхлебнул из фарфоровой чашки кофе, солидно кашлянул и хотел было пространно ответить, но тут заметил вошедшего в зал Славина. Стремительно вскочил, чуть не опрокинув кресло, бросился к нему и обеими руками ухватился за небрежно протянутую ему как-то крюком сверху вниз руку. Низенький, плешивый Леонид Ефимович даже не остановился, медленно пересекал по проходу не очень-то просторный зал кафе. Он направлялся в бар, где за стойкой буфетчица варила на сверкающем никелем аппарате кофе, подавала бутерброды, безалкогольные напитки. Садиться на высокий пуфик Славин не стал, пил кофе стоя. Буфетчица включила

аппарат, поставила на стойку тарелку с бутербродами.

– Пожалуйста, с икрой! – услышали они бархатный голос Черемисова. – Неужели вы не знаете, что Леонид Ефимович любит красную икру?

Рядом с солидным, в хорошем костюме драматургом Геннадий Евгеньевич в своем кожаном оранжевом пиджаке выглядел мальчиком на побегушках. Кстатi, так оно, наверное, и было. Руки по швам, голова с ровным пробором чуть наклонена вбок, глазами он так и ел Славина. А тот, не поворачивая к нему головы, негромко что-то говорил, помешивая ложкой в чашке.

– Ну и знакомые у тебя, – упрекнул приятеля Андрей. – Прямо вьюн какой-то! Гоголевский тип. Помесь Манилова с Чичиковым!

– Знаешь, как Черемисов называет все это? – невозмутимо заметил Петя. – «Пойти потереться возле начальства». Мол, начальству приятно мое уважение, а меня, мол, не забудет. Зато от этого будет польза... Мы как-то с ним засиделись у меня в мастерской, и он стал учить меня уму-разуму. У него даже придуманы какие-то свои заповеди. Зря я не записал тогда... В общем, спина не сломается, если лишний раз поклонись начальству; узнай слабости своего начальника и на них играй, тогда он будет петь под твою дудку; осторожно хули своих недругов и восхваляй друзей; добейся права звонить начальнику домой, он привыкнет к этому и будет считать тебя своим человеком; сразу не завали-

вай обработанного начальника своими просьбами, делай это с умом, постепенно, сначала попроси за приятеля – это начальству нравится, – а лишь потом устраивай свои дела.

– Прямо Никколо Макиавелли! – рассмеялся Андрей. – Тот утверждал, что плохое нужно делать все сразу, а хорошее – помаленьку. Тогда народ будет считать тебя мудрым и добрым государем.

– Я напишу его портрет... – задумчиво произнес Петя. – Только бы не обиделся он на меня.

Увидев, что Черемисов возвращается, – Славин, выпив кофе, ушел на встречу с Роботовым, – Андрей поднялся.

– Пойду Марию встречу, – сказал он приятелю, про себя решив больше сюда не возвращаться.

Хватит с него одного Черемисова! Кстати, тот пообещал им по пути сюда познакомить обоих с Роботовым. У Виктора выставка, ему все равно тут надо торчать до закрытия, а Андрей лучше погуляет с женой по набережной. Все-таки как-то мрачновато в кафе писателей. Может, оттого, что стены обиты черными панелями, а высокие окна задернуты плотными шторами, через которые с улицы не проникает свет?..

Вечер был теплый, Нева спокойно катила свои глянцевые, с радужным отблеском воды в Финский залив, все позолоченные шпили ослепительно сияли, зеркальные окна отражали солнце. Небольшой серый катер, тархтя движком, как-то боком не очень быстро продвигался от Кировского моста

к Литейному. Стоя у гранитного парапета, Андрей вспомнил слова приятеля о проселке, зеленой траве, солнечном небе и белых облаках... Все это созвучно и его нынешнему настроению – махнуть бы на машине в Андреевку! Там сосновый бор, пышные айсберги облаков над вершинами, а небо такое глубокое и синее, что в нем можно утонуть, раствориться... За его спиной проносились по набережной Кутузова машины. Мария должна была приехать из университета на автобусе, который останавливался неподалеку. Петины картины она видела в мастерской, но, если захочет, можно снова зайти в Дом писателей.

Ближе к Литейному мосту расположились рыболовы с удочками. Некоторые сидели на низких складных скамейках, принесенных с собой, у ног – сумки, банки с наживкой, садки для рыбы. Прохожие останавливались, подолгу наблюдали за рыбаками, но обычно в такие моменты рыба не клевала, что, впрочем, ничуть не огорчало рыболовов. Им терпения не занимать. Изредка перекидывались словами друг с другом, не обращая внимания на зевак. От проезжающих трамваев и троллейбусов громоздкий мост басисто гудел, грохотал железом, скрипуче вздыхал. В застекленной будке, будто кукушка в часах, сидел милиционер с телефонной трубкой у уха. Фуражка была снята, и ветер с Невы взлохматил его волосы.

Вдруг вспомнился разговор с отцом... Это было после рождения сына. Отец спросил:

– Почему ты мальчика назвал Иваном?

Андрей ответил:

– В честь своего деда...

– И я назвал тебя Андреем в честь своего деда... – с грустью заметил отец. – Но ты ведь никогда не видел Кузнецова?

– Я полюбил его, прочитав твою книгу о нем, – ответил Андрей.

– Это хорошо, что ты назвал сына Иваном, – улыбнулся отец. – И я рад, что ты чтить память своих предков!

Память предков... Она живуча в людях, и никто никогда ее не вытравит из сознания русских людей. Потому его, Андрея, и тянет в Андреевку, что там начался его род, а где твой род, там и твоя Родина. Защищая ее, погиб могучий Андрей Иванович Абросимов, фамилию которого с гордостью носит его правнук, за Родину погиб в Берлине его дед – Иван Васильевич Кузнецов.

Каким вырастет его сын Иван? В нем соединились два рода – Абросимовых и Кузнецовых. Будет ли он чтить память своих предков?..

«Будет, – решил Андрей. – Иначе и быть не может!..»

Уже два автобуса прошли, а Марии все не было. Андрей увидел ее не на остановке, а на противоположной стороне проспекта. Жена шла рядом с невысоким юношей в джинсах и небесно-голубой куртке с черной окантовкой. Черноволосый, худощавый, он что-то оживленно говорил, жестикулируя свободной рукой, в другой у него был черный дипло-

мат. Увлеченные разговором, они ничего не замечали. Мария была в красивой облегающей куртке, короткой юбке, открывающей ее стройные ноги. Ветер заносил вбок ее длинные каштановые волосы, крупные глаза блестели, она улыбалась и кивала. Солнце, отражаясь от чисто вымытых зеркальных окон, отбрасывало на них розоватые блики. Юноша неожиданно схватил Марию за тонкую руку, провел ее ладонью по своей щеке. Мария засмеялась, осторожно высвободила руку, сумка на длинном ремне соскользнула с ее плеча, но удержалась на сгибе локтя.

Андрей смотрел на них, и противоречивые чувства овладевали им. Когда-то в юности, будучи свидетелем домашних ссор, он дал себе слово никогда не ревновать женщину, тем более донимать ее упреками. Слыша скандалы, видя слезы матери, он мальчишкой понимал, что она унижает себя. Надо отдать должное отцу – тот никогда не устраивал дома сцен ревности... И вот сейчас, видя жену с другим мужчиной, Андрей почувствовал неприятный укол в самое сердце. Одно дело – внушить себе отвращение к ревности, так сказать, теоретически, другое – испытать ревность на самом деле. Почему вдруг так тоскливо стало на душе? Теплый солнечный вечер вдруг показался таким неприветливым. Только что он любовался красивым полетом чаек над Невой, а сейчас его раздражают их резкие, пронзительные крики...

Мария и юноша остановились у переулка перед Литейным мостом, где Петя поставил свой «Москвич», еще какое-то

время оживленно беседовали. Мария лишь один раз бросила рассеянный взгляд на Дом писателей. Неужели этот тип в небесно-голубой куртке так задурил ей голову, что она забыла обо всем на свете? Юноша поставил дипломат у ног на асфальт, положил обе руки Марии на плечи, придвинул ее к себе и поцеловал. Смеясь, та вырвалась из его объятий, что-то сказала и, погрозив ему кулачком, направилась к парадной.

Андрей хотел было окликнуть ее, но вовремя раздумал: они подумают, что он следил за ними. Юноша стоял на тротуаре и смотрел вслед молодой женщине. На губах его играла улыбка. Даже издали было видно, что он хорошо сложен, лицо у него приятное. Подняв дипломат, он озабоченно взглянул на циферблат своих электронных часов и, весело насвистывая, зашагал по набережной Кутузова. Прядь черных волос упала ему на глаза, он резко откинул ее головой назад. Вид у него был довольный, на губах легкая улыбка. Выйдя на Литейный, он свернул направо и исчез за углом каменного здания.

Андрей стоял на прежнем месте. Сейчас ему не хотелось встречаться с женой. Она по его лицу поймет, что он не в своей тарелке. Андрей не умел скрывать своих чувств. Сейчас он ни в коем случае не должен подать виду, что только что испытал настоящее потрясение. Задавить поднявшуюся ревность в самом зародыше. Мозг его услужливо рисовал перед глазами самые непристойные картины, где главными ге-

роями были Мария и этот тип в небесно-голубой куртке... И почему так сердце стучит в груди, а кулаки сами по себе сжимаются и разжимаются?.. Жена не должна знать, что он видел ее и парня. Нет, он не злился на жену, скорее – на себя, что такой в общем-то пустяк вызвал в его душе целую бурю, а он-то полагал, что умеет управлять своими чувствами! И надо сказать, до сей поры управлял. Даже в очень рискованных и сложных жизненных ситуациях.

Руки его зашарили по карманам... Чудеса! Всего-то несколько раз в школе на переменах тайком курил с Петей в уборной, с тех пор ни разу не брал сигарету В рот, а вот сейчас вдруг мучительно захотелось закурить... Хорошо, что еще не выпить! До чего же человеческая натура коварна и хитра! Если тебя что-то вышибло из колеи, в душе поднялась муть, то кто-то чужой, скрытно сидящий в тебе, услужливо предлагает на выбор сигарету или рюмку! Это что, соломинка утопающему? Или веревка самоубийце?..

Петя встретит в гостиной Марию, займет ее разговорами – болтать приятель любит. Кстати, на выставке висит и портрет Марии, который Петя написал два года назад. Он уже раз выставлял его, говорил, что знакомые художники считают эту работу удачной. Мария была изображена в черном платье с низким вырезом. Шея высокая, белая, а волосы черные, как вороново крыло, хотя на самом деле они у Марии каштановые. Приковывают к себе ее глаза – большие, почти прозрачные, с затаенной грустью. Мария утверждала, что она на

портрете на себя не похожа, так казалось и Андрею, а может, как раз Виктор и сумел разгадать истинную сущность Марии? С талантливыми художниками это часто случается.

Небольшое розовое облако заслонило клонящееся к закату солнце, набежавший откуда-то ветер взрябил блестящую поверхность Невы, закачались красные поплавки рыболовов. Белый речной трамвай, оставляя за собой широкий сверкающий веер, бесшумно подошел к причалу, с открытой палубы доносилась музыка. Андрей, перегнувшись через парапет, задумчиво смотрел в воду. У гранитной отвесной стены она была зеленовато-мутной, с серыми хлопьями – наверное, где-то рядом выходила канализационная труба. И тем не менее в этой мути мелькали небольшие серебристые рыбешки. В том месте, где особенно было много пены и всякой дряни, плавали чистые, белоснежные чайки. И было удивительно видеть их в этой грязи. Изгибая точеные шеи, птицы жадно выхватывали из воды пищевые отходы.

Андрей не помнил, сколько времени он простоял на набережной, когда вернулся в Дом писателей и разыскал Марию – она вместе с Черемисовым слушала в Белом зале поэта Роботова. Увидев в дверях мужа, Мария встала и потихоньку пробралась к нему. Народу в зале собралось порядочно. Поэт глыбой громоздился на трибуне и громко читал свои длинные вирши. Андрей немного послушал и недоуменно обвел взглядом зал: люди тихо, во все глаза смотрели на знаменитого поэта. Неужели нравится? Или просто имя сверх всякой

меры раздутого поэта завораживает?

– Если нравится, оставайся, – сказал жене Андрей, когда они оказались за дверью.

– Он Асе Цветковой нравится, – засмеялась Мария. На ее нежных щеках заметно выделялись два розовых пятна.

– Хочешь кофе? Или пепси?

– Меня напоили и накормили бутербродами Петя и этот пухленький беленький старикашка.

– Черемисов? – улыбнулся Андрей. – Какой же он старикашка? Ему и пятидесяти нет.

– Липкий, как сливочная тянучка... Знаешь, что он мне шептал в зале? Мол, я очень красивая, обаятельная, и он меня в перерыве познакомит со своим другом Роботовым... И мало того, попросит его поставить свой автограф на книжке. Внизу весь вечер торгуют его книжками.

– И ты отказалась?

– А где ты, милый друг, пропадал? – пытливо взглянула ему в глаза Мария.

– Смотрел на Неву... И знаешь, что меня поразило? Белые как снег красавицы чайки плавали в самом дерьме...

– Нашел, на что глазеть, – покачала головой Мария и внимательно посмотрела на него.

– Наверное, к чистому, красивому и грязь не пристает, – сказал Андрей.

Петю Викторова они не нашли и отправились домой пешком. Литейный мост под ногами вздрагивал, когда по нему

проносились грузовики, большие часы на башне Финляндского вокзала показывали девять вечера, а небо над Стрелкой Васильевского острова багрово сияло, косые лучи солнца, вырываясь из-за каменных зданий, полосовали широкими лезвиями железные крыши и антенные рогатки. Ослепительно горел крылатый ангел на шпигеле Петропавловской крепости. Почти не касаясь воды, со стороны Охты летел длинный изящный катер на подводных крыльях.

Подлаживаясь под шаг жены – Андрей обычно ходил быстро, – он искоса поглядывал на нее. Андрею казалось, что мужчины с интересом смотрят на Марию. Он поймал себя на мысли, что это ему не очень-то нравится. Неужели теперь ржа ревности так и будет разъедать его изнутри? Чем же ее, проклятую, придушить?

– Ты сегодня какой-то странный, – заметила жена.

– На меня сильное впечатление произвел твой портрет, – ответил он. – Петя говорит, что это его лучшая работа.

– Петя – хороший художник, но мой портрет он написал неудачно, – помолчав, сказала Мария.

– Кто знает... – протянул Андрей.

– И все-таки что-то тебя мучает, – проницательно заметила жена. – Многое ты можешь, дорогой, но вот скрывать свои чувства не научился...

– Чем же тебе не нравится портрет?

– Я сама себя не узнаю, – сказала Мария.

– Думаешь, это просто – себя узнать? – сказал Андрей.

Они поговорили о других картинах. Как и Андрею, ей нравились северный цикл и ленинградские акварели. На новой квартире у них было шесть Петиных картин.

Когда Мария испытующе смотрела на него, Андрей старался отвести свой взгляд: он еще не обрел душевного равновесия. Он знал: что бы там ни было, Марию любит и всегда будет любить, а если она сочтет нужным уйти от него, он удерживать не будет, как бы ему ни было тяжело. И если у нее есть еще какая-то личная жизнь, то тут уж ничего не поделаешь. Он, Андрей, не станет мешать ей... В жизни не бывает так, чтобы тебе светило лишь одно безоблачное счастье. В человеческой жизни совершается некий круговорот, неподвластный нашим желаниям и чувствам. Стоит ли все так уж близко принимать к сердцу? Все зависит от той точки зрения, с которой ты смотришь на мир... Если ты любишь человека, значит, ты желаешь ему счастья. Мог бы он, Андрей, ради ее счастья отдать ее другому?.. Впрочем, современных женщин не надо отдавать; когда им нужно, они сами уходят. Современные женщины сами кузнецы своего счастья, им жертвы не нужны...

Уже почти у самого дома Мария вдруг сказала:

– Что это нынешняя весна так действует на мужчин? Сегодня мне признался в любви Гоша Леонидов, наш комсорг. Кстати, он стихи сочиняет и, провожая меня до Дома писателей, всю дорогу свои вирши читал!

– Ну и как?

– Что как?

– Хорошие стихи?

– Ужасные! Сплошная сентиментальщина... Свою любимую..

– Это тебя? – ввернул Андрей.

– ...он сравнивает с какой-то птичкой... Вспомнила! С зябликом! А себя – с волнистым попугайчиком!

– Может, он в душе орнитолог.

– Графоман! – воскликнула Мария. – Закончив оду зяблику и влюбленному волнистому попугайчику, он, нахал этакий, так расчувствовался, что взял и поцеловал меня. Я размахнулась...

– На поэта? – ужаснулся Айдрей.

– На графомана, – перебила жена.

– Тем более он достоин снисхождения...

– Я его не ударила, – рассмеялась Мария. – Он и вправду разительно был похож на попугайчика! Волнистого, с распущенными перышками.

Андрей остановился, повернулся к жене и поцеловал ее. Ему захотелось схватить ее на руки и нести до самого дома... Мария права: видимо, нынешняя весна так странно действует на мужчин. И даже на мужей.

2

Весна в этом году пришла в Ленинград в начале марта.

Первыми почувствовали ее приближение утки. Когда февральские морозы с метелями прогнали их из города, ленинградцы долго еще с надеждой смотрели с мостов и набережных на места их зимнего обитания.

Утки теперь, как и голуби, стали привычным явлением в Ленинграде. И вот еще задолго до ледохода снова раздалось кряканье на Фонтанке, Неве, Обводном канале. Со свойственной им медлительностью утки вышагивали по ледяным кромкам пока еще небольших полыней, поглядывали вверх на набережные, откуда им бросали корм. Солнце еще не грело, но к полудню с крыш начинало капать.

Как-то незаметно растаял снег на тротуарах, асфальт полетнему заблестел под косыми лучами еще низкого солнца, в центре стало чисто и сухо. Зато на окраинах разлились огромные лужи, талая вода днем заливала большие участки дорог. В лужах отражалось светло-голубое небо с редкими размазанными облаками. С этой ранней весной люди связывали свои надежды на лучшее будущее, крепили уверенность, что мир на земле можно сохранить. О наших мирных инициативах и мораториях говорят и пишут во всех странах. И империалистам приходится считаться с этим, хотя они и пытаются нам вставлять палки в колеса. Да и в самой нашей стране происходят радующие души людей знаменательные перемены: объявлена самая непримиримая война пьянству, тунеядству, взяточничеству, бюрократизму. Люди стали открыто высказывать свое мнение, критиковать заевшихся чи-

нуш, требовать их ухода с руководящих постов.

Но старое, отжившее яростно цеплялось за свои привилегии, шипело, как залитые водой уголья, распространяя удушливую вонь. Трудно некоторым людям было поверить, что к старому возврата больше нет. Надеялись снова дождаться своего часа... Но не надо быть философом или провидцем, чтобы не понять, что большие надежды, вспыхнувшие в сердцах честных людей, кто-либо сможет погасить. Колесо истории невозможно повернуть вспять!

Шел 1987 год.

Оля Казакова, с распущенными по плечам белокурыми волосами, шагала по Моховой улице. Институт находился всего в десяти минутах ходьбы от дома. Окна зданий блестяли: через две недели Первомай. И хотя весна ранняя, погода в Ленинграде в любой момент может измениться – уже было, когда после погожих теплых дней свирепо налетал с Финского залива холодный порывистый ветер, сковывал льдом трубы водосточных труб, а ночью ударял мороз со снегом. Весна вместе с теплом и солнцем принесла с собой и очередную волну гриппа. Пронеслась эпидемия над городом, подобно метели, и быстро исчезла, на этот раз без тяжелых последствий. Видно, и гриппозным вирусам не под силу противостоят теплу, солнцу.

У дома на улице Чайковского Олю поджидала Ася Цветкова. В отличие от Оли, у нее волосы коротко подстрижены. Под глазами девушки синие круги, лицо осунулось.

– Я думала, ты опять со своим Валерой укатила в Прибалтику, – сказала Оля.

Ася три дня подряд не была в институте. Телефона у нее нет, и Оля решила, что подруга развлекается. Цветкова считалась способной студенткой, часто снималась на «Ленфильме», поэтому на ее пропуски занятий смотрели сквозь пальцы.

– В Прибалтику? – усмехнулась Ася. – Я думаю, мой Валерик скоро укатит куда-нибудь подальше...

– Поссорились, что ли?

– Ты же знаешь, что с Валерой невозможно поссориться, – отозвалась Ася. – Наверное, поэтому я столько времени с ним не могла расстаться.

– А теперь вдруг рассталась? – заглянула в глаза подруге Оля. – И надолго?

Обычно веселая и насмешливая, Ася была нынче тихой и печальной. И светлые глаза покраснели, будто она плакала.

– Расстались... Разлучили нас, Оля! И видно, навсегда.

– Попался? – сообразила наконец Оля. – Арестовали его?

– Пять лет получил Валерик, – ответила подруга. – Оказывается, он и раньше попадался на фарцовке, но, как говорится, отделявался легким испугом, а тут взяли его с поличным.

– Я тебе и раньше говорила, что все это добром не кончится...

– Ну дура я, Олька, дура! – вырвалось у Аси. – Ну почему

мне так не везет? У тебя чудесный парень Глеб, а я связалась с уголовником!

– То-то он не слишком убивался, когда его обчистили! – насмешливо заметила Оля.

– Это-то его и сгубило, – вздохнула Ася. – Он решил как можно быстрее восстановить все то, что потерял. Развил бурную деятельность и погорел.

– Я давно заметила, что тебе больше нравятся, как ты говоришь, «крутые ребята», – вздохнула Оля.

Ей было жаль подругу, но, с другой стороны, не могла удержаться, чтобы не упрекнуть ее: ведь сколько раз предостерегала Асю от сомнительных связей! И до Валеры были у нее знакомые деляги...

Подруга посмотрела на нее, усмехнулась:

– Это тебе, Олька, повезло: у тебя отец – писатель, мать – художница, брат – умница... А ты не удивилась, что я тебя ни разу домой к себе не пригласила? Отец мой спился и сгинул, не знаю даже, жив ли он. Мать – торговка, только и думает о барыше да копит на старость... Ты бы посмотрела, что у нас дома. Одни ковры и хрусталь. С детства только и слышу: «Ищи, дочка, богатенького мужика, нынче инженеры да учителя не в моде... Кто умеет деньгу загребать, тот и человек! С таким никогда не пропадешь...» А вон как все повернулось.

– Ты мне никогда про это не рассказывала, – проговорила Оля.

– Хвастать-то было нечем, подружка! – грустно усмехнулась Ася. – Мать – мещанка, в квартире – магазин!

Они уселись на единственную некрашеную скамью в сквере напротив Олиного дома, под черной липой с набухшими почками. Неподалеку от них, на детской площадке, играли мальчик и девочка, они что то строили на песке. Мама в растегнутом плаще сидела на деревянном раскрашенном слоне и читала газету. Изредка отрываясь от нее, бросала рассеянный взгляд на играющих детей. Стайка воробьев галдела на чугунной ограде.

– Ты понимаешь, Олька, он ведь по сути неплохой парень! – заговорила Ася. – Нежадный, внимательный, может, немного вульгарный, но мне с ним было легко и весело, и он любил меня.

– Носи ему передачи, – сказала Оля.

– А ты жестокая, Ольга! – сбоку посмотрела на нее подружка.

– Я не могу лить слезы по человеку, который занимался такими делами. Он знал, на что шел. Работа была для него прикрытием, а сам делал деньги, как ты говоришь... И на ком? На таких дурочках, как мы с тобой!

– Да разве мы в этом виноваты? – воскликнула Ася. – Не будь таких, как Валера, мы все ходили бы в уродливых платьях, носили бы жуткую обувь! Как ты одета? Пальто – итальянское, сапожки – голландские, свитер – финский... И где ты все это купила? В магазине? Черта с два! А теперь, как и

все, будем в очередях стоять за дефицитом или снова искать нужного человека.

– Спекулянта, – вставила Оля.

– Надо сказать, что он с меня не драл за тряпки и обувь по три шкуры, как с других, – поделилась Ася. – Привыкла к нему: когда его забрали, поверишь, места себе не находила! Посмотрела бы ты сейчас на него. Всегда такой модный, прикинутый, а теперь стоит у решетки наголо остриженный, несчастный, бледный...

– Я сейчас заплачу...

Оле не верилось, что Ася переживает всерьез. Не такой она человек, чтобы беды других принимать близко к сердцу. Или она, Оля, действительно плохо знает свою подругу? Такая болтушка, а про мать и отца никогда словом не обмолвилась... И ведь верно, Оля ни разу у нее дома не была. Кажется, лишь раз подруга сказала: дескать, родители разводятся, и дома бывать ей тошно...

– Ты удивляешься, что я нашла в Валерике? – произнесла Ася. – Родственную душу, если хочешь знать. Мы – два сапога пара... У тебя Глеб – способный инженер-конструктор, высокий, симпатичный, любит тебя... Почему же ты не выходишь замуж за него?

– Может быть, и выйду, – неуверенно ответила Оля.

– Может быть... – усмехнулась подруга. – Чего же ты колеблешься? Тебе встретился положительный герой нашего времени. Глеб не опустится до спекуляции тряпками. Выхо-

ди за него замуж! Правда, зарплата у него не ахти какая, но разве это имеет для любви какое-либо значение?

– При чем тут зарплата? Я еще в себе самой не разобралась... – сказала Оля.

– Я тоже за Валерика не собиралась выходить замуж, – помолчав, сказала Ася. – Я не уверена, что вообще выйду замуж. Глеб тебе еще не ставил условий?

– Каких? – удивилась Оля. Пожалуй, условия она могла поставить Глебу. Он на все был согласен, лишь бы она вышла за него.

– Дескать, порви с театром, с кино... Ну, не сейчас, понятно, а когда закончишь институт.

– Он мне не будет ставить никаких условий, – твердо ответила Оля.

– Не будь, подружка, наивной! – продолжала Ася. – Это сейчас. А как станешь его женой, начнешь до ночи пропадать в театре, сниматься в кино, ездить на гастроли... Он или заставит тебя, если по настоящему любит, бросить искусство, или тебя бросит. Сколько было таких случаев... Мужчины – собственники и не хотят красивую жену делить ни с кем, даже с искусством.

– Глеб не такой...

– Откуда ты знаешь, какой он будет муж? – возразила Ася. – Одно дело – ухаживать за девушкой, другое – жить годы с женой. Чего надо нормальному мужчине? Домашний очаг, преданная, работающая жена, которая еще будет воспи-

тывать и детей. Кажется, снова пошла мода на двух-трех и больше детишек? Мужчина всеми правдами и неправдами стремится поскорее закабалить жену, приковать цепями к этому самому домашнему очагу! А наша профессия как раз и не позволяет женщине быть покорной мужу-собственнику. Мы жаждем славы, аплодисментов, поклонения...

– Послушаешь тебя, так артистке вообще нельзя выходить замуж!

– Великие актрисы были одинокими, – сказала Ася, – рано или поздно единственной их любовью становился театр.

Воробьи скатились с чугунной ограды, с чириканьем запрыгали серыми комочками по желтому песку, ничуть не боясь детишек. Напротив на третьем этаже распахнулось окно, женщина с белыми обнаженными руками выставила на подоконник глиняный горшок с бледно-лиловыми цветами. Этажом выше на балконе мужчина в синей майке возился с большим аквариумом – то ли чистил его, то ли что-то прилаживал на дно.

– То великие актрисы, – улыбнулась Оля. Слова подруги произвели на нее впечатление.

– Твой брат опять отличился, – сказала Ася. – Вот уж кому повезло с мужем, так это Маше!

– Ты это про что? – спросила Оля.

– Газет не читаешь? – покосилась на нее подруга. – Была маленькая заметка, что Андрей Абросимов под Торжком задержал двух опасных вооруженных преступников. По-мо-

ему, его даже чем-то наградили.

Оля ничего про это не слышала, газету тоже не читала. Вообще-то, на Андрея похоже! Вчера был на улице Чайковского, вечером пили чай, брат расспрашивал про Андреевку – Оля с отцом только что вернулись оттуда – и словом не обмолвился про схватку с бандитами. Отец говорил, что Андрею не следовало бы становиться писателем. Одно дело – схватываться в открытую с хулиганами и бандитами, надеясь на свои кулаки, а другое – утвердить себя в литературном мире, где даже самая ожесточенная борьба ведется исподволь, скрытно, с улыбками и лицемерными комплиментами друг другу. Отец предрекал Андрею трудную судьбу. От знакомых москвичей Казаков узнал про ссору Андрея с главным редактором журнала, который вроде бы и не прочь был напечатать его афганскую повесть. Брат не пошел ни на какие уступки. Впрочем, отец и сам всегда поступал так же.

– Узнаю Андрея! – рассмеялась Ася. – Настоящие герои держатся в тени – он даже тебе не похвастался о своем мужественном гражданском поступке, как написано в газете?

– Я заметила, что хвастают чаще своими мнимыми подвигами как раз слабаки, которые разве что с женщиной могут справиться, а сильные, смелые люди, даже совершив подвиг, считают, что это в порядке вещей. Андрей как раз относится к таким людям, – заметила Оля, а про себя подумала, что брат мог бы ей-то рассказать о случившемся...

– Какой странный мир! – задумчиво глядя на играющих

детей, произнесла Оля. – Один, рискуя свободой, занимается спекуляцией ради наживы, другой, рискуя жизнью, схватывается с бандитами...

– Андрей другим быть не может, – сказала Ася.

– И слава богу, – улыбнулась Оля.

– Есть у него хоть какие-нибудь недостатки? Сколько я его знаю, он всегда был для меня идеалом мужчины.

– Недостатки? – наморщила белый лоб Оля. – Как же, есть! По утрам он так же, как герой из романа Юрия Олеши «Зависть», поет в клозете.

– У него хороший голос?

– В том-то все и дело, что ужасный! Ему еще в детстве медведь на ухо наступил!

– Собака лаяла-а на дядю фраера-а... – невесело пропела Ася.

– На кого? – удивилась Оля.

– Валерик так напевал, бреясь по утрам, – сказала подруга.

– Это что-то из уголовного репертуара, – заметила Оля.

– Ох, не до песен сейчас ему! – вздохнула Ася. – Наверное, волком хочется завывать на луну. Всю жизнь как сыр в масле катался, а теперь спит на жестких нарах...

– Может, поумнеет...

– Вот ведь какая штука, подружка, Валера не считает себя виноватым, говорит, что ему просто не повезло.

– Трудные времена наступили для мелких и крупных жуликов, – безжалостно сказала Оля.

Вадим Федорович полтора часа просидел за письменным столом, но не написал ни строки. За окном бушевала солнечная весна, гомонили на крыше голуби, на детской площадке чирикали воробьи, слышались веселые голоса ребятишек. Где-то внизу равномерно шаркала об асфальт метла дворника. Запах молодой клейкой листвы – во дворе дружно распустились старые липы – будоражил, вызывал в душе легкую грусть. Не успел приехать из Андреевки, как снова властно потянуло туда.

Взглянув на часы, Вадим Федорович отодвинул пишущую машинку на край письменного стола, взялся за газеты. Оля доставала их из почтового ящика и складывала на тумбочку возле письменного стола. Интересно, сама она прочитывает их? «Комсомольскую правду» и «Смену» он выписывает специально для нее.

Зацепившись взглядом за знакомую фамилию – Луков, Казаков углубился в большую статью в еженедельнике. Мелькнула было мысль, что Николай Луков опять, наверное, проехался по нему, Казакову, однако своей фамилии на этот раз не встретил. Московский критик вдруг обрушился на поэта Роботова и на Алферова, которых всегда раньше ставил в пример всем другим писателям, называл их классиками, даже один раз договорился до того, что сравнил Ал-

ферова и Монастырского с Уильямом Фолкнером. Дескать, мы, русские, восхищаемся зарубежными писателями, а у себя под носом не замечаем своих Хемингуэев, Фолкнеров, Стейнбеков... Такая беззастенчивая похвальба, помнится, вызвала недоумение других критиков. И вот Николай Луков, вскользь покаявшись, что и сам грешен, мол, в свое время хвалил этих литераторов, теперь якобы прозрел и решил откровенно высказать свое мнение о них, их книгах, которые залеживаются в книжных магазинах, на полках библиотек. Да, мы, критики, ошибались, больше того, добровольно заблуждались по поводу некоторых писателей, попавших в «обоймы», хвалили за все, что бы они ни опубликовали. Хвалили по инерции, да и что греха таить, нас, критиков, подталкивали на это сами же литераторы, занимающие руководящие посты в Союзе писателей и журналах...

Казакову стало неприятно читать эту муть: Луков был давно ему ясен, этот, как говорится, ради красного словца не пожалеет и родного отца... Удивило его другое – неужели наконец-то грянут долгожданные перемены? Большие изменения произошли в кинематографии, к руководству пришли молодые энергичные люди, которые не боятся открыто говорить правду. Признали, что за последнее десятилетие экран наводнили серые, бездарные ленты, за которые награждали, давали высокие премии. Если уж стали менять свое обличье такие ловкачи от литературы, как Луков, значит, свежий ветер подул и в литературе и искусстве! Может, скоро все

встанет на свои места? Недавно выдвинули на Государственную премию Монастырского – кажется, это уже четвертая его премия. В «Роман-газете» напечатали его новый роман с портретом на обложке, а он красуется в каждом ленинградском книжном киоске. И самое постыдное для писателей и издателей – книжка, изданная миллионным тиражом, уценена в два раза! Весело глядит с зеленой обложки «Роман-газеты» круглощекий, отъевшийся Михаил Монастырский – дескать, уценяйте книжку хоть до пятака, а я все равно получу за нее сполна и отхвачу четвертую или пятую премию!..

В другом литературном еженедельнике Вадим Федорович наткнулся на статью Роботова. Известный поэт пространно делился с корреспондентом своими творческими планами: скоро выходит трехтомник его избранных стихотворений и поэм, на «Мосфильме» снимается картина, где прозвучат две его новые песни о металлургах, на днях появится в печати его новая поэма «Ускорение»...

Может, и зашатался раздутый Роботов, раз на него ополчился Луков, но сшибить его с пьедестала будет не так-то просто: закаленный в борьбе за свой авторитет Роботов не даст себя в обиду. Наоборот, критика лишь привлечет к его имени еще большее внимание. Не исключено, что вся эта шумиха вокруг него – тонкая игра. Последнее время о Роботове почти не писали, да и по телевидению давно его не видели, вот они с Луковым снова привлекли к его персоне внимание общественности...

Сладкая жизнь у литературных чиновников, если они всеми правдами и неправдами так цепляются за свое место... Наверное, понимают, что оторви их от кормушки и почетной должности – и они сразу станут никем, пустым местом... И по-видимому, страх держит рукой за горло таких людей: ведь когда он станет «голым королем», любой может сказать в глаза, кто он есть на самом деле, а может, даже потребует ответа за все содеянное за десятилетия...

Читая подобные выступления, Вадим Федорович только усмехался: как же после всего этого некоторым именитым критикам верить? Если они сознались, что вралы? Прославляли начальство и замалчивали талантливых? Как, интересно, чувствует себя Луков? Андрей нашел статью в теоретическом журнале, где Лукова назвали «дубовым конъюнктуристиком», критиком из породы «чего изволите?». И вот после всего этого Николай Луков «исправился» – написал критическую статью о Роботове и Алферове...

Месяц назад Казакова пригласили в Москву на совет по художественной литературе – он и не знал, что избран туда. В актовом зале увидел Виктора Викторовича Малярова. Тот стал еще грузнее, живот распирает широченные в поясе брюки, а светлые глаза с мешками вроде бы стали меньше. Как всегда, был чисто выбрит, в дорогом костюме, при галстукке.

Полный, улыбчивый Алферов что-то толковал с трибуны о перестройке, о новом подходе издательств к публикации книг: мол, теперь издатели будут считаться с книжным спро-

сом, мнением читателей и библиотекарей, пересматриваются планы по выпуску избранных сочинений...

– Сам-то ухитрился два или три раза выпустить свои полные собрания сочинений, – шепнул Маляров. – Я слышал, его турнули из двух или трех редсоветов, где он сидел как монумент десятилетиями.

– А кто это в президиуме рядом с Роботовым? – поинтересовался Вадим Федорович.

– Шубин, – ответил Маляров.

– Кажется, он был с бородой?

– Прет, как танк, в начальство, – усмехнулся Виктор Викторович. – На этой новой волне, когда колоссы на глиняных ногах закачались, хочет проскочить в руководители нового типа. Мол, в свое время пострадал, потому что критиковал начальство.

– Он и тогда был в чести, – заметил Вадим Федорович. – Славили во всех газетах, да и издавался широко.

– Ловкач, – согласился Виктор Викторович. – Ловит рыбку в мутной воде... Кстати, знаешь, когда он снова пошел в гору? В Ленинграде вышла книжка о его творчестве. Это Никколо Луков написал...

– Как он поживает?

– Луков? Ты разве не читал разгромной статьи, где его с дерьмом смешали: дескать, хвалил с пеной у рта только литературное начальство, преследовал талантливых писателей и вообще никакой он не критик, а спекулянт от литературы

и конъюнктурщик.

– Ну а как твои литературные дела? – перевел разговор на другое Казаков...

Он почему-то даже не ощутил удовлетворения, что злобный недруг его, Луков, наконец выведен на чистую воду. Луков получил по заслугам, а бездарный Шубин снова на плаву... Выходит, такие, как Шубин, пристраиваются к новым условиям существования. Да и как может перестроиться писатель, который всю свою жизнь лгал, изворачивался, подстраивался под каждую новую волну?.. Затаился Никколо Луков! Ждет своего часа – такие, как он, не сдают своих позиций... Наверное, не нужно писателям литературное начальство. Писатель не связан с производством, как киноработник или артист. Писатель – сам производство, фабрика, завод... Хороший, талантливый писатель!

Все это вспомнилось Казакову, когда он просматривал «Литературку». Взглянув в окно, он надел костюм, летние туфли, поколебавшись, захватил легкий синий плащ. У него в три часа выступление в центральной библиотеке Московского района. Сегодня суббота, день по-летнему теплый, солнечный. Почти половину апреля стоит такая погода – в городе вряд ли осталась хотя бы одна ледяная глыба, разве что в старых парках и скверах под ворохом прошлогодних опавших листьев.

Он пешком дошел до станции метро «Чернышевская», опустил пятнадцать копеек в автомат, тот кашлянул и вы-

плюнул в железный лоток три зазвеневших пятака. Как бы человек ни спешил, а лишь стоит ему ступить на убегающую вниз лестницу эскалатора, как время будто останавливается – тебе уже не нужно торопиться. Стоя на шуршащей лестнице, Казаков вглядывался в лица людей, поднимающихся по другой лестнице эскалатора вверх. Сколько лиц! И все разные. Интереснее всего смотреть на лица задумавшихся людей: взгляд невидящий, лоб нахмурен, рука каменно замерла на резиновом поручне. Мелькнет лицо и навсегда исчезнет, и унесет с собой незнакомый человек свои мысли, заботы, радости, печали... Иногда Вадим Федорович задумывался: каждый ли человек несет в себе огромный непознаваемый мир или все думают и поступают в определенных обстоятельствах одинаково? Однажды лестница резко остановилась, и люди повели себя по-разному: одни стали обеспокоенными, другие – испуганными, третьи вообще никак не отреагировали, будто ничего не случилось. Одна лестница продолжала совершать свой неторопливый бег вверх, а вторая замерла. И те, кто безучастно стоял на ней, вдруг показались Казакову людьми из другого мира. Из заколдованного сонного царства, терпеливо ожидающего доброго волшебника, который придет и всех разбудит...

Выступление затянулось, читатели задавали много вопросов, интересовались личной жизнью писателя. В какой-то момент Вадим Федорович вдруг подумал, что в этих встречах есть нечто, стирающее грань между обыденной жизнью и

волшебством художественного вымысла. Читая роман, каждый читатель по-своему представляет себе автора, если вообще думает о нем. Писатель создает в своей книге особенный мир, окрашенный только ему присущим мироощущением, вылепливает образы героев, пропуская их сквозь себя, но вот с писателем встречаются читатели, иные задают ему самые обычные вопросы: женаты ли вы? Долго ли писали этот роман? Кто послужил прообразом главного героя? И много ли вы получили за книгу? И не снижает ли эта «проза» жизни художественный мир, созданный писателем в романе?..

Вадим Федорович не раз замечал: когда он встает из-за стола, на него устремляются десятки и сотни любопытных взглядов, в которых и ожидание чего-то необыкновенного и, может быть, восхищение, а потом, к концу встречи, все это исчезает, люди смотрят на тебя как на такого же труженика, как и они сами, и уже литературный процесс, который, кстати, почти невозможно обыкновенными словами объяснить, становится для них обычной работой, короче говоря, оказывается, писатель, создавший романтический мир своих героев, – простой человек, ничего общего не имеющий с миром, поразившим их воображение...

Вот и сейчас, возвращаясь с букетом алых гвоздик к станции метро «Звездная», Казаков размышлял: что дала эта встреча читателям? Радость или разочарование? Ведь писатель – это не артист, не волшебник. Иной и говорить-то красиво не умеет...

– Вадим! Здравствуй! – услышал он до боли знакомый голос.

Он даже не сразу остановился, по инерции сделал еще несколько шагов, будто это не к нему обратились.

– Привет, – бесцветным голосом произнес он, оборачиваясь.

Перед ним стояла Виолетта Соболева. Все такая же вызывающе красивая, а может, он просто такой ее видит? Полное лицо с чуть оттопыренной нижней губой и маленьким носом вовсе не образец классической красоты. Золотистые волосы у Виолетты, выбиваясь из-под синего берета, спускаются до плеч. Как любил он брать жестковатые пряди в ладони и пропускать между пальцами... И вместе с тем что-то изменилось в облике молодой женщины. Сколько они не виделись? Наверное, год? Или больше? Он уже редко думал о ней, а если мысли и приходили в голову, то гнал их прочь. Что же изменилось в ней? Глаза... Светло-карие, с длинными накрашенными ресницами, они смотрели на него с какой-то не свойственной ей грустью, даже растерянностью. Раньше Виолетта держалась увереннее.

– Ты ничуть не изменился, – произнесла она, машинально доставая из сумочки сигареты и зажигалку. – Тебя время не берет. Счастливый человек!

– Это я-то? – усмехнулся Казаков.

– Ты не очень спешишь? – спросила она.

И в голосе ее ему почудились нотки неуверенности. Вио-

летта никогда не задавала ему подобных вопросов. Она знала, что когда он с ней, то забывал о времени, о своих делах.

– В городе все скамейки покрашены, – сказал он. – И посидеть-то негде.

– Тут рядом маленькое кафе, – кивнула она на ряд высоких зеленоватых зданий на Московском шоссе.

В кафе было всего четыре стола, за одним из них сидели три школьницы и, весело переговариваясь, ели мороженое с вареньем. Взглянув на Виолетту, Вадим Федорович тоже заказал две порции мороженого и апельсинового сока. В зашторенное окно ударял луч солнца, гардина просвечивала, отчего лица школьниц, сидящих у окна, казались морковного цвета.

– Я была на твоём выступлении, – ковыряя ложкой варенье, произнесла Виолетта.

– Я тебя не заметил, – удивился он.

– Много народу было... И потом, я не хотела, чтобы ты меня увидел.

– Да, ты же тут рядом живешь, – вспомнил Вадим Федорович.

– Мне сегодня позвонила знакомая библиотекаряша, сказала, что ты сегодня будешь там выступать.

– Последнее мое выступление в этом году, – сказал он, подумав, что оно было, кстати, и не самое лучшее.

За широким занавешенным окном шумели тяжелые грузовики, солнечный луч нашел в занавесе щель и будто свер-

кающим лезвием рассек на две части буфетную стойку, за которой скучала полная женщина с кружевной наколкой на пышной причёске. Она задумчиво смотрела поверх голов на окно, и лицо у нее тоже было морковного цвета.

Вадим Федорович молчал. Да и что он мог сказать Виолетте? Она нанесла ему, пожалуй, самый чувствительный удар за последние годы. Сколько раз он предлагал ей выйти за него замуж! Толковала, что ей дорога свобода, браки, мол, недолговечны стали, разве плохо им и без штампика в паспорте?.. А сама взяла да и выскочила за другого! Можно ли больнее ударить мужчину в его возрасте? Виолетта предпочла ему более молодого мужчину. И он вдруг утратил уверенность в себе, стал сторониться молодых женщин, в голову все чаще лезли мысли, что он теперь обречен на одиночество до самой смерти. Виолетта поколебала в нем уверенность не только в себе, но и в женщинах. Казаков перестал им верить. Наверное, поэтому в его романах стали звучать пессимистические нотки. Одна читательница откровенно заявила ему, что он, Казаков, ранее создававший привлекательные романтические образы наших современниц, в последних книгах выводит иные характеры, героини заметно утратили женственность, стали расчетливее, целеустремленнее, что-то появилось в них сродни мужчинам...

Довольно тонкое замечание...

Глядя на Виолетту, Вадим Федорович думал, что вот и она теперь курит. Может, и раньше курила, но, зная, что он

не терпит табачного дыма, сдерживала себя?

Пауза затянулась, Казаков уже жалел, что пришел сюда с Виолеттой. Если где-то в глубине души он и мечтал о встрече, то сейчас понял, что все это лишнее. Перед ним сидела чужая женщина, нервно курила выпачканную помадой сигарету, рассеянно щелкала газовой зажигалкой. И не казалась ему уже такой красивой. Оттопыренная нижняя губа придавала ей недовольно-презрительный вид. Как они теперь далеки друг от друга! Он даже не знает, о чем она сейчас думает.

– Почему ты не спросишь, как я живу? – наконец нарушила молчание Виолетта. – Неужели тебе неинтересно?

Она права: ему это совершенно неинтересно. Как это у Сергея Есенина?

И ничто души не потревожит,
И ничто ее не бросит в дрожь, —
Кто любил, уж тот любить не может,
Кто сгорел, того не подожжешь.

– Я ушла от Вахтанга, – со значением произнесла она и долгим изучающим взглядом посмотрела ему в глаза. Наверное, она ничего обнадеживающего или сочувствующего не прочла в них, вздохнув, прибавила: – Я все время вас сравнивала. И это сравнение оказалось не в его пользу.

– Я польщен, – улыбнулся он.

– Скажи честно, в твоем последнем романе ты не меня

вывел под именем Ларисы?

– Вряд ли, – неуверенно произнес он.

Казачков знал, что прототипами многих его героев и героинь служат знакомые люди, но вот так, с фотографической точностью, он никого не выводил в своих романах. И был убежден, что даже внешне похожие на его героев или героинь люди внутренне разительно отличаются от своих оригиналов. Ему уже надоело объяснять читателям и знакомым, что художественный образ в романе почти всегда собирательный, обобщенный. Черты характеров многих знакомых ему людей соединяются в одном каком-нибудь герое. А чаще всего герой весь придуман им... Нет слов, и жена Ирина, и Вика Савицкая, и, наверное, Виолетта послужили толчком для создания того или иного женского образа, но потом он уходил от конкретного лица и, по сути дела, создавал новый, обобщенный характер. Иногда, правда, придавал им внешние черты знакомых людей. А уж поступки они совершали в романе совсем иные, чем в жизни. Ожив на страницах рукописи, образ действовал и поступал так, как подсказывал сюжет, развитие характера.

Все это он не стал объяснять Виолетте, да и ее, по-видимому, не это интересовало. Помешивая ложкой растаявшее мороженое, она морщила свой белый лоб, будто решала для себя какую-то сложную задачу. На пальце ее не было обручального кольца. И вообще она была без всяких украшений, если не считать каплевидных золотых сережек в ушах.

– Как-то раньше я быстро прочитывала твои книги, и они меня, понимаешь, не трогали. Может, потому, что ты был всегда рядом, я даже слышала, когда читала, твой голос, интонации... А вот последний твой роман, как говорится, пронял меня до самых печенок. Я звонила тебе, но, услышав голос твоей дочери, вешала трубку... А один раз пришла к твоему дому и долго слонялась у парадной, ждала тебя. Видела красивую коричневую спаниельку, которую выводила гулять Оля, но не подошла к ней, а спряталась за липу в сквере. А ты так и не вышел.

– Я был в Андреевке, – уронил Вадим Федорович.

– Судя по твоему роману, ты стал хуже относиться к нам, женщинам, – довольно проницательно заметила Виолетта. – И я вдруг подумала, что в этом есть и моя вина.

– Может быть, – признал Казаков.

– А с Вахтангом я рассталась...

– Ты уже говорила, – сказал он.

– И ты не хочешь узнать почему? – Она удивленно посмотрела ему в глаза.

– Мне неинтересно.

– Писатель – и неинтересно? – попробовала она перевести в шутку. – Может, пригодится для следующего романа...

– Я думаю, что это очень уж банальная история.

Она быстро взглянула ему в глаза, чуть приметно улыбнулась:

– Как всегда, ты прав!

– Лучше бы я ошибся, – вырвалось у него.

– Разве нельзя сделать так, чтобы все было как раньше?

Она не смотрела на него, раздражающе помешивала ложечкой мутную жижу с малиновыми пятнами варенья, форменные пуговицы на ее сером облегающем костюме тускло светились. И еще он заметил, что под глазами обозначились синие тени, а в уголках у самых висков появилась тоненькая сеточка морщинок.

– Я думала, тебе будет приятно узнать, что я поступила глупо, уйдя от тебя, – негромко проговорила она.

Школьницы, бросая на них любопытные взгляды, ушли из кафе. В дверь сунулся какой-то небритый мужчина в мятом сером пиджаке и коротких бумажных брюках, но, увидев на полках бутылки с минеральной и банки с соками, скорчил разочарованную мину и, пробормотав что-то под нос, исчез.

– Я ни в чем не виню тебя, – сказал он, понимая бессмысленность всего этого трудного разговора.

Почему женщина, совершив предательство, считает, что один лишь намек на раскаяние снимает всю вину с нее? То, что испытал Вадим Федорович, когда она с милой улыбкой сообщила, что выходит замуж за Вахтанга – красивое имя! – очевидно, отразилось не только на нем самом, но и на его творчестве – не случайно Виолетта заметила, что героини его романов стали иными. Если раньше он искал идеал женщины, то теперь будто бы разочаровался в нем...

– Все говорят, что ты талантливый писатель, а я раньше

как-то об этом не задумывалась, – заговорила она. – И только прочтя твой последний роман, поняла, что совсем не знала тебя. Вернее, не пыталась получше узнать... Тебе не стоит жалеть, что ты не женился на мне.

– Я не жалею.

– У тебя кто-нибудь сейчас есть?

– Что ты имеешь в виду? – сделал он вид, что не понял ее.

– У тебя есть женщина?

– Не много ли ты задаешь мне вопросов? – помолчав, сказал он. – И почему я должен отвечать тебе на них?

– Ты же сегодня на встрече говорил: мол, задавайте вопросы, я вам на них с удовольствием отвечу, – нервно засмеялась Виолетта.

– Еще что-нибудь хочешь?

– Что? – Теперь не поняла его она.

– Мороженого или соку?

– Я бы выпила еще соку, – сказала она. – Если хочешь, зайдем ко мне? Ты не забыл, где я живу?

– Я ничего не забыл, Виолетта, – ответил он. – Но к тебе мы не пойдем. И наверное, не стоит нам больше встречаться.

Ее нижняя толстая губа дрогнула, маленький нос сморщился, будто она собралась чихнуть, но вместо этого вдруг весело и вместе с тем зло рассмеялась:

– А я-то думала, что только поманю тебя пальцем, и ты снова прибежишь!

– Даже так? – Он с любопытством посмотрел ей в глаза:

нарочно она напускает на себя этакую бесшабашность, вернее, цинизм? Или за этим прячет свою растерянность?

– Теперь я окончательно поверила, что разбитый горшок не склеишь, – вздохнув, совсем другим тоном произнесла Виолетта.

– Ты сама его вдребезги разбила, – усмехнулся Вадим Федорович.

Она первой поднялась из-за стола, подождала, пока Казаков рассчитался с буфетчицей, резко толкнула рукой стеклянную дверь. Косые лучи клонящегося к закату солнца ослепили их, жаркий багрянец вспыхнул на широких зеркальных окнах кафе. У тротуара стояли «Жигули» с задраным капотом, водитель, перегнувшись, тыкал в мотор длинной отверткой. Рыжеватые волосы на голове блестели.

– Я тебе скажу сейчас одну неприятную вещь, – не глядя на него, произнесла Виолетта. – Я никогда тебя не любила.

– Я это знал, – спокойно ответил он.

– Может, тебе будет приятно услышать, но Вахтанга я тоже не любила, – продолжала она, щелкая никелированным замком своей замшевой сумочки. Длинная нога ее в телесного цвета чулке в белой туфле притоптывала в такт каждому слову.

– Бедный Вахтанг! – насмешливо заметил Казаков.

– Я вообще никого не любила.

– Неправда, себя ты всегда любила, – бросил он кривой взгляд на нее.

Они стояли у серой скамьи, неподалеку от автобусной остановки. Над головой шелестели молодые листья старой липы. Добродушно ворча, весь в багровом ореоле, пошел на посадку большой серебристый лайнер. На хвосте и крыльях ритмично вспыхивали белые и красные огни. Казаков вдруг сравнил его с огромным орлом, выпустившим скрюченные когти...

– Я ведь не виновата в этом, Вадим? – почти с мольбой заглянула ему в глаза Виолетта.

Она была ростом почти с него. Золотистые волосы ее сияли, светло-карие глаза чуть сузились. Она отворачивалась от солнца, даже один раз прикрылась сумочкой, морщинок возле глаз стало больше, а родинка у носа крупнее.

– Не знаю, – рассеянно ответил он.

– Люблю ли я себя? – задумчиво произнесла она. – Скорее – ненавижу! Поверь, Вадим, мне совсем не доставляет радости приносить людям несчастье, а получается всегда так, что я одна во всем виновата.

– Ты же знаешь, я утешать не умею, – сказал он.

– Прощай, Вадим! – протянула она ему узкую белую ладонь с розовыми ногтями. – Наверное, больше мы никогда не встретимся: ведь ты не любишь летать на самолетах!

– До свидания, Виолетта.

Как ни хотелось ему тоже сказать ей «прощай», язык не повернулся. Он вдруг понял, что, если они вот так рядом простоят еще несколько минут, ему совсем будет трудно рас-

прощаться с ней.

Женщина почувствовала, как дрогнул его голос, наверное, поняла и его состояние. Она улыбнулась, и опять ее улыбка показалась ему насмешливой, с примесью злости.

– А на всех женщин на свете ты уж, пожалуйста, не обижайся, Вадим, – сказала она, растягивая слова. – Встретишь и ты еще героиню своего романа...

Вадим Федорович про себя бога возблагодарил, что сумел удержать свои чувства в узде. Виолетта заявила, что совсем не знала, вернее, не понимала его, – что ж, и он может сказать, что недостаточно хорошо знал ее... Вот этой злой иронии он раньше в ней не замечал. И когда она толковала о том, что приносит близким людям несчастье, в голосе ее, помимо воли, прозвучали нотки удовлетворения. Не так уж она скорбит по своим жертвам, как ей это хочется показать.

Он долго смотрел ей вслед: Виолетта красиво несла свою статную фигуру, – кажется, она немного пополнила, – острые каблукы ее звонко всверливались в тротуар. Серая юбка обтягивала бедра, фирменный пиджак подчеркивал талию. Миновав автобусную остановку, она на ходу закурила, ореолом поднялся над ее золотистой головой синий дым. Виолетта ни разу не оглянулась, будто, расставшись с ним, сразу о нем и забыла. А впрочем, наверное, так оно и было.

Над Московским шоссе, легко и изящно набирая высоту, прямо в расплавленное золото заката вошел другой пассажирский самолет. Одни прилетают, другие улетают. Про-

водив лайнер взглядом, Казаков, все убыстряя шаг, пошел к округлой, похожей на гигантский гриб станции метро. Странная это была встреча! Чего хотела от него Виолетта? Убедиться, что он все еще любит ее? Или вернуть то, что уже быльем поросло? Как вы то ни было, но последнюю его фразу – «до свидания» в ответ на ее «прощай» – она восприняла как свою победу. Ее женское самолюбие было удовлетворено – это видно по ее горделивой походке... И как ему хотелось догнать ее! Вообще-то и сейчас еще не поздно. Нет, он не побежит за ней, ни за одной женщиной Казаков больше не побежит...

Виолетта права; уязвленный ее предательством – иначе Вадим Федорович никак не мог назвать то, что она сделала, – он, писатель, разочаровался в женщинах. И она сочла своим долгом прийти к нему на встречу с читателями и откровенно сказать, что он, Казаков, не прав?.. «Ты еще встретишь героиню своего нового романа...» – сказала Виолетта.

И, уже спускаясь по бесконечной лестнице эскалатора вниз, Вадим Федорович подумал: в ведь и он нынче одержал над собою трудную победу! Разве длинными ночами в Андреевке он не мечтал именно о такой встрече с Виолеттой? Когда она придет и скажет, что совершила ошибку и согласна вернуться к нему. И вот она пришла и сказала. Почему же он оттолкнул ее? Наверное, потому, что, если бы побежал за ней, как собачка, которую поманили, – так, кажется, она выразилась? – он никогда бы себе этого не простил. Соболева

и сейчас была дорога ему, но, очевидно, нельзя вернуть то, что потеряно. А потеряно уважение к ней. Не хватало еще, чтобы он потерял уважение к себе!..

Вспомнились поразившие его слова Эдмона Гонкура из его дневника: «Человек, который углубляется в литературное творчество и расточает себя в нем, не нуждается в привязанности, в жене и детях. Его сердце перестает существовать, оно превращается в мозг».

Неужели это и к нему, Казакову, относится?

4

Глеб встретил Олю у института, и они пошли по залитой солнцем улице к набережной Невы. Радовали глаз зеленые островки газонов, окутавшиеся листьями деревья в скверах, на больших клумбах у некоторых зданий проклюнулись первые бледно-розовые цветы, Кое-где уже на чугунным решеткам ползли вверх выющиеся растения, Над головой стремительно проносились ласточки, выбирая себе подходящие места для гнезд.

Высокий, со спустившейся на лоб русой челкой, Глеб прищуривал глаза от солнца, то и дело обгонял девушку, но потом замедлял шаги. Он явно был чем-то озабочен, однако Оля не торопила его, ни о чем не спрашивала. С Глебом можно было и помолчать, подумать о своем. Скоро сессия, а потом каникулы. Глеб приурочил свой отпуск к ним. Он

предложил Оле вдвоем отправиться в туристическое путешествие по Карелии, сказал, что у него есть отличная разборная байдарка, спальные мешки, за зиму заготовил разных консервов, в общем, обо всем подумал, кроме одного: Оля не была уверена, что путешествие вдвоем на байдарке – это лучшее, что можно было бы придумать на лето. Колебалась она еще и потому, что никогда не путешествовала таким образом. Ася Цветкова расхваливала юг, море, золотые пляжи, прогулки по нарядной набережной, а Глеб вздох рассказывал о прелестях жизни на природе, о замечательных рыбалках, диких нехоженных тропах, быстрых чистых реках и тихих глубоких озерах, где водятся огромные щуки и судаки, А какие прекрасные ночи на берегу в палатке! Над головой звездное небо, луна, и никого рядом, только он и она... Постепенно Оля и сама заразилась его энтузиазмом, один раз ей даже приснилось, что они с Глебом плывут по порожистой речке, на берегах оцетинились корягами старые поваленные деревья, на пути байдарки то и дела возникают в водоворотах белой пены гладкие камни, валуны, лодчонку их крутит-вертит быстрое течение, а впереди поджидает водопад... С каменистого уступа широкая бурлящая полоса воды с грохотом срывается вниз, в ущелье. Глеб сидит к водопаду спиной, орудует деревянными веслами и не видит опасности, а Оля с ужасом смотрит на приближающуюся пенистую полосу, после которой начинается крутой обрыв, и от страха ничего вымолвить не может. Глеб смотрит на нее, смеется,

ветер залепил волосами его голубые глаза. Большие белые птицы пронзительно кричат над их головами... В этот момент Оля проснулась.

– У тебя паспорт с собой? – озабоченно спросил Глеб.

– Уж не ведешь ли ты меня в загс? – улыбнулась Оля.

– Ну да, – сказал он.

Девушка остановилась – они как раз вышли на набережную Фонтанки, – взглянула ему в глаза. Глеб выдержал ее взгляд, ничто не дрогнуло в его чуть тронутым загаром смуглом лице. Распахнутый воротник голубой рубашки открывал крепкую шею, на подбородке блестел оставшийся после бритвы золотистый волосок.

– Ты серьезно? – тихо спросила она.

– Зачем тянуть? По-моему, все ясно...

– Это тебе ясно! – возразила она. – А мне еще год учиться!

– Я разве против? – улыбнулся он.

Улыбка у Глеба красивая, мужественное лицо его сразу становится мягким, добрым, а вот когда хмурится, в чертах лица и в светлых глазах появляется холодность. Это выражение его лица и глаз Оле не нравится. Наверное, такими глазами Глеб смотрел на своего противника на ринге.

– Глеб, ну давай еще немножко подождем? – умоляюще посмотрела она ему в глаза. – Ну хотя бы один год.

– Что пошли за времена! – развел руками Глеб. Они стояли у чугунной ограды, за которой медленно проплывала длинная, будто лакированная, красная с белым лодка. – Лю-

бимую девушку приходится чуть ли не силком тащить в загс!

Наверное, он произнес эти слова громко, потому что три пары гребцов в одинаковых спортивных майках и трусах весело рассмеялись, а звонкий юношеский голос сказал:

– На такой девушке любой с удовольствием женится! Рулевой, право руля! Держать по направлению к загсу!

– Остряки! – проворчал Глеб, проводив взглядом удаляющуюся байдарку с улыбающимися спортсменами. Один из них поднял вверх красное весло, второй театрально прижал руку к сердцу.

– Глеб, я позабыла дома паспорт! – ухватилась за последнюю ниточку Оля, поняв, что Андреев сегодня настроен решительно, как никогда.

Он молча отобрал у нее сумку, открыл, порылся в ней и с удовлетворенной улыбкой переложил паспорт во внутренний карман своей куртки.

– Ты не умеешь лгать, – заметил он.

Выйдя на набережную Кутузова, они пошли в сторону Литейного моста. В девушке все больше зрел протест против его упрямства. В глубине души она понимала, что Глеб прав и, если бы он согласился еще подождать год, пожалуй, она бы обиделась. Для себя Оля уже решила, что выйдет замуж за него, но вот когда ее, как маленькую девчонку, почти за руку ведут во Дворец бракосочетания, хочется вырваться и убежать...

– Ты так уверенно шагаешь, будто не раз уже был в загсе, –

уколола она Глеба.

– Разве я тебе не говорил, что три раза был женат? – Он сбоку посмотрел на нее. – Я ведь Синяя Борода! Женюсь, а потом уморю голодом свою жену.

– Со мной у тебя этот номер не пройдет, – едва поспевая за ним – длинноногий Глеб, забывшись, начинал шагать быстро и широко, – сказала Оля. – Я не умею готовить, даже яйца варить, ты сам от меня через два месяца сбежишь!

– Не зря я весь год изучал поваренную книгу, – продолжал Глеб. – Научился восемнадцать разных блюд приготавливать. Даже умею пельмени лепить...

– Лепить?

– За час могу пятьдесят штук слепить, – похвастался он.

– Пельмени лепят, дурачок, – рассмеялась Оля.

– Я умею варить суп из курицы... – перечислял он. – Я могу...

– А я ничего не могу!

– ...жарить котлеты...

– Я их терпеть не могу.

– ...делать салат из кальмаров с майонезом.

– Мне нравится из крабов, – вставила Оля.

– Я чай завариваю по-китайски.

– Зачем я тебе, такая неумеха?

– Я буду стоять у плиты и кухарить, – заявил Глеб. – А ты – каждое утро под проигрыватель исполнять танец маленьких лебедей.

– Я не балерина, – оскорбилась она.

– Я буду пылесосить квартиру, а ты...

– У меня голова болит от шума пылесоса...

– Я изобрету для тебя бесшумный пылесос. Я все-таки инженер-конструктор! Что же ты любишь, невеста?

– Я люблю тебя, – очень серьезно сказала Оля. – И все буду делать сама по дому.

– Нет, вдвоем! Я не хочу в землю закапывать свои таланты! – воскликнул Глеб, неожиданно остановился, повернулся к ней и, подхватив на руки, как пушинку, понес по многолюдной улице.

Девушка отбивалась, шептала, чтобы немедленно отпустил, мол, что люди подумают? Но он, улыбаясь во весь рот, могучий, счастливый, нес ее на руках, не обращая ни на кого внимания.

– Сумасшедший, – шептала она. – Отпусти!

– Зачем нам машина с двумя кольцами? – говорил Глеб. – Я тебя из Дворца на руках понесу домой. В фате и длинном белом платье!...

* * *

Вечером со стороны Стрелки Васильевского острова, будто старинные парусники с распущенными парусами, прошли над Невой пышные белые облака, вслед за ними хищными подводными лодками надвинулись узкие округлые ту-

чи стального цвета. Зеленоватая молния затмила блеск шпиля Петропавловской крепости. Первый майский гром тяжелой грохочущей колымагой раскатисто прокатился над городом. Порывистым ветром унесло куда-то парящих над Невой чаек, исчезли с тротуаров голуби, притихли воробьи и ласточки. Поглядывая на стремительно темнеющее небо, быстрее задвигались на тротуарах прохожие, захлопали на этажах форточки, огненным языком выплеснулась из окна пятого этажа красная занавеска, яростно защелкала на ветру, стремясь взлететь в грозное небо. Еще одна молния – зеленоватая стрела вонзилась в Неву как раз между Дворцовым и Кировским мостами. Одинокий катер с наклоненной широкой трубой и белой рубкой торопливо спешил к своему причалу.

На какое-то время над городом повисла гнетущая тишина, даже не стало слышно машин и трамваев, а затем с нарастающим шелестящим шумом из темно-синего брюха разросшейся тучи обрадованно хлынул прямой плотный дождь. Длинные серебристые струи отвесно ударили в крыши зданий, асфальт, враз заставили вскипеть, запузыриться воду в Неве. Крошечные бесенята-фонтанчики заплясали повсюду. Протяжно застонали водосточные трубы, с надсадным кашлем выплюнули комья прошлогодних ржавых листьев, с осени застрявших в их жестяных глотках. И вот с веселым звоном хлынули из раструбов потоки прозрачной дождевой воды.

Город как будто вымер, прохожие укрылись в арках, парадных, под навесами и козырьками у входов. В каком-то

будто прозрачно-хрустальном мире медленно двигались по чисто умытым улицам машины. Будто в туманных туннелях вспыхивали красные, желтые, зеленые огни светофоров. Небо и Нева стали одного цвета, огромные мосты чуть заметно проступали в сверкающем ореоле серебристых всплесков.

Тучи, подгоняемые мощными порывами ветра, ушли на просторы Финского залива, вслед за ними, обгоняя друг дружку, пронеслись клочья разодранных облаков, небо над Васильевским островом стало расчищаться, уже то там, то здесь из синих прорех, как мечи из ножен, высовывались прямые солнечные лучи, заставляя все окрест сверкать бриллиантовым блеском. Серебристые струи, отвесно падавшие с неба, стали истончаться, превращаться в нити, рваться и на глазах исчезать. Уже не плясали на асфальте белые чертики, перестали фыркать водосточные трубы, лишь железные крыши зданий еще долго издавали протяжный шелестящий стон.

Патрик лежал на подоконнике и не отрываясь смотрел на разыгравшуюся за окном стихию. Слабые разряды удалявшихся вслед за тучами молний отражались в его карих глазах, влажный нос втягивал свежий, напоенный упоительными запахами воздух, длинные коричневые уши вздрагивали от сдерживаемого возбуждения.

Оля сидела рядом в кресле и тоже слушала затихающий дождь. На коленях у нее – раскрытая книжка, на столе – конспекты, учебники. Когда за окном потемнело и заблестали

молнии, она, отложив книгу, стала смотреть на грозу. Не заметила даже, как Патрик вскочил ей на колени, а потом перебрался на подоконник. Гроза принесла с собой настоящее лето. В раскатах грома, шуме дождя, сверкании голубовато-зеленых молний чудились большие перемены в ее жизни... Они с Глебом подали заявление во Дворец бракосочетания. Еще два-три месяца она будет свободной, а потом – свадьба. Новая жизнь с человеком, который так неожиданно вошел в ее жизнь. Любит ли она Глеба Андреева так, чтобы стать его женой? Оля смотрела на свое замужество очень серьезно, знала, что если выйдет замуж, то по ее вине семья никогда не распадется. Потому она так долго и сопротивлялась, что хотела получше узнать, понять Глеба. И надо сказать, сейчас Глеб совсем не такой, каким он ей встретился впервые на улице Маяковского, когда на нее напали хулиганы, – Глеб стал мягче, добрее. И он очень любит ее, Олю. В этом она не сомневалась. Наверное, и она его любит, но ее чувство к нему спокойнее, рассудочнее. Когда она долго не видит Глеба, то начинает испытывать беспокойство, а потом и тоску. Сама звонит ему, велит срочно прийти к ней. Пока верховодит она, Оля, хотя это совсем и не доставляет ей глубокого удовлетворения. Она воспитывалась в окружении мужчин – брата и отца, привыкла не уступать им, иметь свое мнение и сумела заставить их уважать ее принципы. Глеб поначалу заартачился, а потом изменил свое отношение к Оле. Стал видеть в ней не только красивую девушку, но и умного

товарища, который может дать совет, помочь, выручить.

Оля прекрасно знала о домострое, о мнимом превосходстве мужчин над женщинами. И все это ей не нравилось, даже намек на пренебрежение к женщине выводил ее из себя. И в жизни, и в любви Оля считала себя равной мужчине. И в семейной жизни не должно быть никакого неравноправия. Да, она уступила Глебу в том, что согласилась еще до окончания института выйти за него замуж, хотя поначалу и мысли такой не допускала. Но жизнь сама вносит свои поправки в наше существование. Зачем искусственно отодвигать то, что неизбежно должно было случиться? Они с Глебом любят друг друга, значит, должны быть вместе. А упрямылась она лишь потому, что Глеб настаивал. Если бы он молчал, наверное, ее это задело бы. Так стоит ли так уж рьяно отстаивать в семейной жизни свои принципы? Даже в мелочах? Наверное, семейная жизнь – это бесконечные уступки друг другу. И нужно сразу выработать в себе эту терпимость, которая и поможет сохранить семью. Многие ее одноклассницы уже успели повыскакивать замуж и через год-два разойтись и ничуть не сожалели об этом. Детей отдавали родителям, бабушкам, а если их не было, то в круглосуточные детские сады и ясли.

Может, потому Оля и не хотела спешить с замужеством, что не желала создавать скороспелую семью, у которой нет будущего. Сейчас она была уверена в Глебе и в себе. Да, они пара. Глеб всегда будет относиться к ней с уважением. Пусть

он думает, что только благодаря его настойчивости и упорству Оля сдалась... Она-то знает, что это не так. Наверное, в каждой девушке заложено природой кокетство, и желание подразнить любимого, и вызвать у него ревность, и дать понять ему, что за счастье его ожидает в будущем... И что нужно сделать, чтобы эта любовная игра продолжалась и тогда, когда они станут мужем и женой?..

Патрик ткнулся носом Оле в грудь, заглянул в глаза и завертел своим коротким хвостом. За окном снова сияло солнце, от пронесшейся грозы остался лишь волнующий запах свежей земли, аромат липового листа да ощущение легкости и тихого, необъяснимого счастья.

– Гулять пойдем? – спросила Оля.

Патрик спрыгнул с подоконника, помчался в прихожую и притащил в зубах туфлю. Пока Оля надевала, сбегал за второй. Наверное, гроза и на него подействовала: пес суетился, носился от девушки к двери, показывал в своеобразной улыбке белые зубы. Он всегда радовался, когда Оля выводила его на прогулку, но нынче был особенно возбужден. Пока Оля надевала куртку и доставала из шкафа в прихожей зонт, Патрик тыкался носом ей в колени, повизгивал, переводя взгляд с нее на дверь. Лишь они вышли на лестничную площадку, пес стремглав помчался по бетонным ступенькам вниз, не дожидаясь хозяйки. Она слышала, как хлопнула парадная, раздался лай Патрика, – наверное, с ходу бросился за кошкой.

Оля не волновалась: Патрик – умный пес и без нее на проезжую часть не выбежит даже за кошкой, а вот по скверу будет за ней носиться, пока не загонит на дерево. Солнце ослепило ее, едва она вышла из прохладной, сумеречной парадной, пришлось даже прижмурить глаза. Вокруг все сверкало, небольшие лужи, появившиеся на детской площадке, стреляли зайчиками, каждый липовый лист розово светился, с карнизов, ветвей лип срывались сверкающие капли. Асфальт влажно блестел и чуть заметно дымился, песок вокруг деревянных лошадок потемнел, детей еще не было видно на площадке.

Патрик бежал впереди по тротуару и часто оглядывался на хозяйку. Нынче он мельком обследовал деревья, прыгал через лужи, один раз вскочил на серую скамью, в сквере и долго ее обнюхивал. Спрыгнув, снова оглянулся на девушку и еще быстрее потрусил вперед, к проспекту Чернышевского. Прохожие оглядывались на озабоченного пса, улыбались, наверное, многим хотелось погладить веселую длинноухую спаниельку. На шее Патрика поблескивал металлическими бляхами новый ошейник.

В насыщенном влагой и озоном воздухе еще не ощущался привычный запах гари и выхлопных газов. На какое-то время грозовой ливень смыл вместе с пылью следы городского транспорта.

Еще издали Оля увидела, как Патрик бросается на грудь высокого человека в модном светлом плаще. Оля хотела при-

крикнуть на собаку – ведь испачкает одежду, но тут узнала в прохожем Родиона Вячеславовича Рикошетова. Он тоже повернул к ней лицо, улыбнулся. Оля всего три раза в жизни встречала этого человека, и три раза он выглядел по-разному. Сейчас перед ней стоял моложавый, чисто выбритый мужчина с ясными глазами и растроганной улыбкой, которая предназначалась, конечно, Патрику, Длинные темно-русые волосы, зачесанные назад, спускаются на поднятый воротник плаща. Немного удлиненное лицо спокойно, только теперь Оля разглядела, какого цвета у него глаза – серые, с чуть заметными ржавыми пятнышками у зрачков.

– Здравствуйте, Оля, – первым поздоровался Рикошетов. Быстро засунул руку в карман, – Я вам должен три рубля...

Оля вяло запротестовала, но он решительно протянул ей трешку.

– Кажется, это последний мой долг, – засмеялся он и стал еще моложе.

Модно одетый, в новых, с желтым рантом полуботинках Родион Вячеславович походил на именинника или жениха.

– Вы хотите сказать, что я изменился? – взглянул он на девушку своими умными и чуть грустными глазами. – Я тоже хочу так думать. В общем, я бросил пить. И на этот раз окончательно.

– Я рада за вас, – пробормотала она, не отрывая взгляда от Патрика.

Пес вел себя необычно: положив передние лапы на ска-

мью, он, казалось, жадно внимал каждому слову своего бывшего хозяина, наклонял набок голову, оттопыривал длинные уши. Пасть была немного приоткрыта, с красного языка капала слюна. Оля почувствовала неясную тревогу, потянула руку и дотронулась до напряженно изогнутой спины спаниельки. Патрик вздрогнул, бросил на нее быстрый, чуть виноватый взгляд и снова уставился на Рикошетова.

– Ну что ты, Пират? – ласково проговорил тот, глядя Патрика. – Давно не виделись? Как поживаешь, старый бродяга?

Патрик вспрыгнул на скамью, уперев лапами в грудь Родиону Вячеславовичу и заливисто, с какими то рыдающими нотками залаял, Подпрыгнув, он лизнул того в лицо, а Рикошетов подхватил его на руки, иначе пес упал бы. Оказавшись на руках, Патрик стал неистово облизывать хозяина, бурная радость так и выплескивалась из него. Раньше ничего подобного Оля не замечала за ним. Встречая ее из института, он вел себя намного сдержаннее.

– Что это с Патриком? – ревниво вырвалось у нее. – Прямо обезумел.

– Да нет, тут другое... – задумчиво глядя в глаза спаниельке, произнес Родион Вячеславович, – Пират поверил мне...

– В каком смысле? – непонимающе уставилась на него девушка.

– Вы никогда не задумывались, что животные гораздо сообразительнее, чем мы с вами думаем? И они способны чувствовать то, что нам недоступно. Об этом сейчас много пи-

шут. Возьмите хотя бы землетрясения. Животные задолго до толчков ощущают опасность, предупреждают об этом нас, людей, но мы не обращаем внимания! Как же, мы – господа природы! Нам ли прислушиваться к неразумным тварям. А твари-то, оказывается, умнее нас, хотя бы в этом.

– Вы хотите сказать, что Патрик почувствовал, что вы...

– Она запнулась.

– Бросил пить, – подсказал Рикошетов. – Я понимаю, вы мне не верите. Я, наверное, напоминаю вам того самого курильщика из анекдота, который утверждал, что бросить курить – это раз плюнуть, мол, я уже сто раз бросал...

– Я вам верю, – сказала Оля и сама почувствовала, что слова ее прозвучали неубедительно, но Родион Вячеславович, казалось, и внимания не обратил на ее слова.

– Помните, я вам рассказывал про свою жизнь, вернее, свое падение на дно, приводил какие-то аргументы, дескать, то виновато, другое... А на самом деле собака, как говорится, была зарыта в другом: тяжело и тоскливо мне было жить на белом свете, Оля, когда кругом такое творилось!.. Ну как бы мне вам это объяснить? Беспросветность была вокруг, большая скука, как метко выразился один болгарский писатель. Неинтересно жить было. И не только мне, поверьте, – многим, но молчали, топили свой немой протест в вине. Вы еще очень молоды, Оля, жизнь летит мимо вас стремительно, и то, что может сильно ранить людей моего поколения, вас пока мало занимает. Ложь, искажение истории, неподвластные

народному осуждению деятели, игра в демократию, доведенная до абсурда всемогущая бюрократия, нищенский быт, безудержное хамство даже у нас в Ленинграде – городе, славящемся своими высококультурными традициями... Я думаю, пьянство – это не только распущенность, слабоволие, но еще и бегство от себя самого, от лжи и фальши. Я вот сказал «большая скука», а ведь мы десятилетиями жили в ней... Газеты читать не хотелось – одно и то же вранье, мол, у нас все отлично, а «там» – отвратительно. А чего же, спрашивается, «туда» едут евреи?..

– Значит, сейчас все очень сильно изменилось, да? – спросила Оля.

– Да разве вы не обратили внимания на то, что теперь газету купить невозможно, а какими интересными стали телепередачи!.. А журналы? Что ни журнал или еженедельник, то потрясающая статья! Короче говоря, правдой в нашем доме, милая девушка, запахло! Жить-то стало интереснее, честное слово! Захотелось и мне самому что-нибудь полезное сделать. Я ведь еще нестар. А что вы думаете? И сделаю. Скажу вам откровенно, у меня вдруг прозрение какое-то наступило, понимаете? Огромный интерес к жизни пробудился.

– Я очень рада за вас, Родион Вячеславович, честное слово, – искренне сказала Оля.

– А я – за вас, милая Оленька, – улыбнулся Рикошетов. – В новом мире будете жить, в мире правды, а это в жизни человека, пожалуй, самое главное. Ничто так не унижает лич-

ность, как отсутствие достоинства.

Оля ничего не ответила, она смотрела на Патрика, положившего острую морду на плечо Родиона Вячеславовича.

– Шельмец, наверное, увидел во мне прежнего своего хозяина. – Родион Вячеславович передал собаку из рук в руки девушке: – До свидания, Оля, точнее, прощайте! Я сегодня вечером улетаю... Впрочем, какое это имеет значение? Если менять свой образ жизни, так надо менять все: квартиру, работу, город. Смешно, конечно, начинать новую жизнь в пятьдесят лет, но это даже интересно! – Он рассмеялся. – Если бы вы знали, как мне надоело быть Рикошетовым!

– Тогда уж смените и фамилию, – улыбнулась Оля.

– Жалко, очень уж у меня редкостная фамилия.

Родион Вячеславович пожал девушке руку, потрепал по голове Патрика-Пирата и решительно направился к метро. У него даже походка изменилась – держался он прямо, ноги в огромных новых полуботинках ставил твердо, будто печатал каждый свой шаг. Ветер шевелил на его голове густые волосы. Оля с Патриком на руках смотрела ему вслед, про себя она загадала: если Рикошетов, дойдя до газетного киоска, не оглянется, то у него все будет хорошо, а если оглянется...

Родион Вячеславович не оглянулся.

Оля опустила пса на землю, хотела было пристегнуть к ошейнику поводок, но вспомнила, что не взяла его. Патрик не выбегал на проезжую часть, не приставал к собакам и слушался хозяйку. С ним можно было гулять и без поводка. Пес

стоял на протоптанной тропинке посередине сквера и пристально смотрел вслед бывшему хозяину. По его напряженной спине с пятнистой шерстью пробежала легкая дрожь, длинные уши вздернулись и снова опустились, чуть ли не касаясь коричневой бахромой земли.

– Патрик, домой, – негромко произнесла Оля. Пес повернул к ней красивую голову с влажными карими глазами, завилял хвостом, гладкий лоб его собрался складками, пасть приоткрылась, будто он хотел что-то сказать. Опустив голову, подошел к ее ногам, Оля машинально присела перед ним. Патрик осторожно лизнул ее в щеку, нос, издал странный звук, нечто между визгом и лаем, на секунду прижал свой коричневый нос к ее коленям, тяжело вздохнул, отвернул голову от нее, снова посмотрел в сторону удаляющегося Рикшетова и вдруг пружинисто помчался вслед за ним.

– Патрик! Патрик! – с отчаянием в голосе крикнула Оля. На нее оглянулась мать с ребенком в коляске. – Ты не можешь... Патрик?!

Маленький, коричневый с серым клубок стремительно катился по тропинке мимо садовых скамеек, на которых сидели люди и провожали его глазами. Черные липы с мокрой листвой роняли тяжелые капли, одна из них шлепнулась девушке на золотистые волосы, но она даже не почувствовала этого. Молодая, будто подстриженная под гребенку трава вдруг показалась ей нестерпимо ярко-зеленой, на каждой травинке дрожала сверкающая капля, а может, слеза?..

– Патрик... – прошептала Оля.

Как и Рикошетов, пес не оглянулся. Из Дворца бракосочетания повалили молодые нарядные люди, слышались музыка, смех, заурчали моторы белых «волг» с позолоченными кольцами на крышах.

На тропинке, под толстой липой, стояла стройная девушка и смотрела на веселую шумную свадьбу. С длинных ресниц, будто дождевые капли с листьев, срывались и катились по щекам тяжелые крупные слезы.

Конец

Без позолоченных рам...

(О творчестве Вильяма Козлова)

Вильям Федорович Козлов – автор более двадцати разных книг, из которых около половины – для детей. Вхождение его в литературу можно условно датировать 1960 годом – тогда вышел сборник рассказов «Валерка-председатель». Появлению этого сборника сопутствовала обильная читательская почта – письма заинтересованные, благодарные, восторженные.

До этого рассказы В. Козлова печатались в газетах и журналах. Несложный подсчет показывает: каждый год писатель создает по книжке. Много это или мало? Много, если каждая книга – новый шаг по пути постижения жизни, сущности человека, если каждая книга – оттачивание мастерства, поиск новых художественных решений, новых изобразительных средств, открытие новых тем.

Нельзя сказать, что В. Козлов никогда не повторяет однажды найденное, всегда преодолевает себя «прошлого», отталкивается от когда-то открытого. Но он всегда ищет и часто находит новые грани, казалось бы, привычных коллизий, а самое главное – никогда не запирается в уютном писательском кабинете от нашей быстротекущей и быстроменяющейся жизни, которая предоставляет внимательному взору ма-

териала больше чем достаточно.

Герои В. Козлова растут от книги к книге – прежде всего духовно, нравственно. Растет и их автор. В последние годы наряду с произведениями для юного поколения им создано несколько романов, заостренных на проблемах современной жизни.

Однако эволюция, путь писателя – не от «детского» ко «взрослому». И те и другие книги он писал двадцать лет назад, пишет и сейчас. Одно другому не мешает, как не мешало и многим его предшественникам. За примерами далеко ходить не надо: едва ли не вся русская классика отдала дань детской литературе.

Творческий путь В. Козлова соотносим с историей нашего общества – с конца 50-х годов и до последнего времени. Усложнение задач социалистического строительства – прежде всего в сфере духовной – нашло отражение на страницах его книг.

В трудные для страны годы, когда нарастание кризиса в разных сферах жизни было видно всем, кроме тех, от кого в первую очередь зависело воспрепятствовать этому, голос писателя звучал обеспокоенно, тревожно. Не закрывая глаза на все, что происходило вокруг, видя закономерность и систему в, казалось бы, случайных и разрозненных отступлениях от элементарных норм морали, правил порядочности и чести, чувства долга, В. Козлов никогда не паниковал, не озлоблялся, не поддавался безысходности и пессимизму.

Зло в его книгах сильно, но не всеильно, череда несчастий длинна, но не бесконечна, удача, как правило, приходит к тому, кто ее упорно ищет. При этом и силы зла, и силы добра – из нашей с вами жизни. Они персонифицированы в образах всем знакомых, хотя часто и не открытых, не типизированных «большой» литературой.

О чем пишут читатели В. Козлову, что они отмечают в его книгах, что им нравится? Пожалуй, главное то, с чем согласны все, – это *правда* жизни, правдивость писателя. Так следует обозначить основную черту его творчества. Ей он остается верен и в своих «детских» рассказах и повестях, и во «взрослых» романах. Искренность В. Козлова, его органическая неспособность к приукрашиванию, сглаживанию углов, его неумение лгать, даже в малом, ни себе, ни другим привлекают всех. Уже первые его произведения привлекли прямой авторского взгляда.

Правда жизни В. Козлова – это не только фактическая точность деталей, которая свойственна произведениям всех настоящих писателей. Это даже и не глубина постижения жизни, которая присутствует в произведениях многих из них. Понятие «правда жизни» в нашем случае имеет другой оттенок, характер. Ему сопутствует ощущение близости и доверчивости. Это и доскональное знание тех «срезов» действительности, которые не так уж часто освещаются в нашей литературе. В. Козлов берет ситуации, привычные читателям, но не писателям. Это в то же время и умение видеть

необычное в обычном, вечное, непреходящее в повседневном и умение донести это свое видение до читателя. Это и стиль, язык – доступные и понятные.

В. Козлов – писатель не из «ряда». «Сложная простота» его не поддается «типологизированию», ее трудно привязать к каким-либо литературным группировкам, направлениям. В чем-то здесь есть затруднение для критики. О тех, кто входит в «обойму», писать легче: хоть что-то устоявшееся, точно отсчитанное здесь есть, и от этой «печки» можно танцевать.

Отсутствие взвешенной критической оценки мешает и самому писателю. Почему – объяснять не нужно. Хороший взыскательный критик – это тоже читатель, только более искушенный, с развитым вкусом, и помощь его для автора, пишущего о современности, была бы особенно полезна.

Однако есть еще одна, и довольно многочисленная, категория людей, у которых имя В. Козлова весьма популярно, – рядовые читатели. У некоторых из них этот интерес «выходит из берегов»... И здесь тоже есть вина критики.

В. Козлов начинал как детский писатель, и начинал успешно. Одной из больших его удач стала повесть «Президент Каменного острова», неоднократно переиздававшаяся у нас в стране и за рубежом. Долгое время она держит одно из первых мест по числу восторженных читательских отзывов – такая статистика ведется в издательстве «Детская литература».

В «Президенте...», как и в первой книге «Валерка-председатель», В. Козлов еще избегает острой постановки нравственных проблем, что будет характерно для него в дальнейшем. В рассказах господствуют добрый юмор, ирония, легкий гротеск. Но в каждом из них есть небольшой нравственный урок. Писатель выступает не столько в роли учителя, роли наставника, сколько как бы в роли старшего друга, старшего брата. В то же время В. Козлов не проходит мимо тех маленьких драм, которые присутствуют, как мы все по себе знаем, и в жизни детей, подростков.

И наша «школьная» литература слишком долго, может, дольше, чем литература «взрослая», не могла избавиться от рецепций пресловутой «теории бесконфликтности». Многовато было произведений, рисующих школьную жизнь в розовых тонах. В них нельзя было найти ответ на вопрос: а что делать в реальной непростой жизни, в сложной ситуации? Драться? Терпеть? Думать о мести? Самому идти на подлость? Не найдя ответов на такие вопросы, читатель неминуемо терял доверие к книгам. И понятна та радость, с которой были встречены честные рассказы В. Козлова, предварившие появление таких, например, фильмов, как «Чучело», «Чужие письма» и т. п.

Для героя В. Козлова – и его «детских» и «взрослых» произведений – характерна узнаваемость, он оказывается близок и понятен очень многим.

Вот уж к кому, так это к В. Козлову нельзя адресовать

упрек, брошенный нашей современной литературе доктором философских наук В. Толстых: «Литературу заполонили ныне выдающиеся писатели, кинорежиссеры, актрисы, модельеры, дизайнеры, а в самое последнее время – эстрадные певцы и дельтапланеристы». (Литературная газета, 1985, 2 октября, с. 3). Герой Козлова действительно один из нас, «нерепрезентативен» (выражение Л. Латыниной), При чем он может быть и писателем (Вадим Казаков – «Время любить»), и художником («Нежданное наследство»), и директором завода («Приходи в воскресенье»), и простым рабочим («Президент не уходит в отставку» и др.), но ощущения неправдоподобной исключительности ни в одном из этих случаев не возникает. Директор В. Козлова, журналист В. Козлова гораздо ближе, доступнее, понятнее читателям, чем «среднестатистический» директор, журналист нашей литературы (а также и нашего кино, театра). За это писателя любят читатели. Критику же внешняя обыденность героя В. Козлова как бы отталкивает. Не потому ли, что сушит ее тайный голод по пресловутому «дельтапланеристу»? А если рабочий – то непременно металлург, если ученый – то автор эпохальных открытий, если спортсмен – то рекордсмен и т. п. Здесь все на виду, само по себе описание исключительных занятий (не путать с деянием, деятельностью) столь же занимательно, увлекательно, легко и доступно, сколь частенько и поверхностно.

В. Козлов на протяжении долгих лет остается верен одна-

жды счастливо найденной стилевой доминанте своего творчества, которую удобнее, точнее всего обозначить словом *простота*. Простота – в смысле выдержанности формы, акценте на содержании, на характере, проблеме, а не на способах выражения. Вряд ли нужно сейчас доказывать, что глубина осмысления действительности, философская насыщенность могут быть свойственны произведениям, написанным в самой неброской манере.

Творческая манера В. Козлова близка «деревенщикам», хотя он осваивает и другие темы. Его герой – наш современник, понятный и узнаваемый, который не выглядит ни пришельцем из другого мира, ни гостем в собственном доме. Он здесь хозяин, поселившийся надолго, приросший корнями.

Частенько еще у нас психологичность литературы понимается как анализ переживаний, как правило, в сфере сугубо личных отношений. Глубина душевной жизни ассоциируется с амплитудой душевных метаний, сама способность тонко чувствовать – с неспособностью сдерживать внешние проявления своих эмоций. Происходит как бы неявное отрицание психологии у человека сильного, последовательного, широко мыслящего, наконец, просто душевно здорового. Между тем именно в душе личности деятельной, ощущающей необходимость внутреннего развития, и происходит много того, что так трудно выразить на бумаге, происходят сложные и интересные процессы, И как непросто их исследование в литературе!

В романах В.Козлова есть как бы два сюжета. Один – обычный: человек рождается, подрастает, взрослеет, мужает и т. д. Другой – внутренний, описывающий развитие, формирование или деградацию личности.

Одна из составляющих этого углубленно-психологического сюжета у В.Козлова – борьба человека с посредственностью, серостью в себе самом. С посредственностью, как с одной из ипостасей, проявлений эгоизма и себялюбия.

Если говорить о «внутреннем» сюжете, то, конечно, В.Козлов здесь далеко не первооткрыватель. Достаточно вспомнить А.П.Чехова.

У В. Козлова, в отличие от его выдающегося предшественника, всегда есть и внешнее действие, Вообще, он,, как правило, очень интересен для чтения.

«Интересность» далеко не синоним художественности, но одна из ее составляющих. Между тем внешняя занимательность у нас частенько воспринималась и воспринимается как дурной литературный тон, что-то упрощенно-хрестоматийное. Об этом с беспокойством писал еще в конце 90-х годов Н. Асеев в «Ключе сюжета».

«Осенью 1949 года я ехал на крыше пассажирского вагона. Ехал в герод Великие Луки. Впереди, на соседнем вагоне, спина к спине сидели два черномазых парня, Как пить дать, железнодорожные воришки. У одного на голове немецкая каска с рожками» – так начинается роман «Я спешу за счастьем». На читателя сразу пахнуло дымным и свободным

воздухом первых послевоенных лет – времени всеобщего движения и неустроенности, всеобщей радости от Победы, надежд и труда. С годами мы как бы учимся открывать красоту и гармонию в том, что недавно казалось обыденным и приземленным. И слава тому художнику, писателю, кинорежиссеру, музыканту, который умеет схватить приметы уходящего времени и напоить ими образ! Разумеется, не ставя это себе самоцелью, не забывая о решении главных, содержательных проблем.

В.Козлова не назовешь бытописателем, вернее, он не только бытописатель. Но «поймать» время, дух, атмосферу эпохи он умеет. Умеет схватить характерные психологические типы, ситуации времени, делая это ненавязчиво, как бы между прочим, попутно с рассказом об основных событиях.

Таков Максим Бобцов из романа «Я спешу за счастьем». Волею судеб он, юноша, почти подросток, оказывается брошен в самый круговорот кипящей послевоенной жизни и к тому же предоставлен сам себе. Не удастся ему найти и «духовного пастыря», который рассказал бы и показал, «что такое хорошо и что такое плохо». И все же в трудных ситуациях он принимает верное – в нравственном смысле – решение. И как же он не похож при этом на плакатно-правильного и плакатно же безжизненного всезнайку и всеумейку!

Приближенность Максима Бобцова и его друзей ко всем нам, понятность его исканий, борьбы, стремление к красоте и доброте, трудолюбие и искренность – разве это не «идея»

ромаина? Не декларативная, а воплощенная в человеческом характере, типе?

И все же сам писатель с некоторого времени, видимо, стал ощущать художественную неполноту романа-судьбы, романа рассказа об одном герое, его становлении как личности, в последних его произведениях рисуется более широкая картина жизни, показано столкновение многих человеческих характеров, ставятся острые социально-нравственные проблемы *современности*. Таковы «Президент не уходит в отставку» (1979), «Приходи в воскресенье» (1979), «Меленький стрелок из лука» (1981), «Волосы Вероники» (1984).

Именно на исследование современности – только в более масштабных сопоставительных координатах – нацелена и трилогия, которую составили романы «Андреевский кавалер» (1986), «Когда боги глухи» (1987) и заключительная часть – роман «Время любить».

Что отличает все эти произведения? От молодого В.Козлова – злободневность звучания, порою острая публицистичность, страстное неприятие теневых сторон и в общественной жизни, и в каждом отдельном человеке. Герой писателя, в юности и молодости непримиримый ко всякой, часто хорошо замаскированной, фальши, достигнув зрелого возраста, сохранил активность жизненной позиции. Ему приходится нелегко. В современном сложном мире ему трудно не только потому, что зло стало изворотливее, умело драпируется под правду, но и потому, что к добру, субъективно

честному человеку жизнь предъявляет гораздо больше требований

Романы В. Козлова конца 70-х – 80-х годов отразили свое время во всех его сложностях. Граждански непримиримый взгляд писателя вскрыл многие скрытые пороки внешне благополучного периода: эрозию нравственных ценностей, дефицит духовности и настоящей интеллигентности, кризис традиционных форм дружбы, любви, семейных отношений. Герой В. Козлова оказывается здесь перед нелегкими испытаниями.

Писатель никогда не чурался изображения картин повседневной жизни своих персонажей, того, что относится не к их работе, а к сфере быта. Но можно ли назвать это бытописанием в том негативном значении, которое приобрело это слово в некоторых литературоведческих работах прошлых лет? Можно ли поставить это в вину писателю?

Конечно, не тема определяет художественный уровень произведения, его социальную значимость. Бесплезно определять допустимую меру или, хуже того, процент быта, коллизий сугубо личной жизни в том или ином произведении. Может быть, настоящего, хорошего любовного романа нам сейчас как раз и не хватает, как не хватало вызывающего доверие положительного героя. Пафос произведения, авторская позиция и талантливость решают, в конечном счете, все, а они неравнозначны арифметическому отношению плохого и хорошего. Самая черная сатира может вызы-

вать светлые чувства, если зло в ней не только показывается, красочно описывается, но и осуждается, высмеивается, если доказывается его конечная бесперспективность, неминуемо преходящий характер. И вовсе не обязательно противопоставление героя – антигерою, правдолюбца – лицемеру. Саморазоблачение подчас оказывается, убедительнее разоблачения, указующего писательского перста. А легкая ирония (ее недостает в романе В. Козлова «Маленький стрелок из лука») может в корне изменить впечатление от описания самой бездуховной жизни, самой непроходимой обывательщины.

Вряд ли вызовет возражения изображение чисто бытовых подробностей, если они не самоцель автора, если не они все определяют в жизни героя (а автор никак на это не реагирует). Когда же персонаж погружен в быт, живет и дышит только им, чурается любого дела – мы вправе требовать от автора однозначной оценки.

Именно ощущения позиции писателя, видимо, недостает тем читателям, которых так тревожит захлестнувшая нашу прозу волна «быта» (И. Карпова и ее последователи в дискуссии «Литературной газеты» 1985 года «Правда и правдоподобие»).

Категория «позиции» неразрывно связана с категорией «поступка». «Позиция» – как бы потенциальная энергия личности. Она может быть не очень заметна в тихой, повседневной жизни, но неизбежно даст о себе знать в острой си-

туации, в момент *выбора*.

Вот это-то ощущение позиции героя, да и самого автора, господствует при чтении большинства последних романов (да и ранних тоже) В. Козлова.

Так, «Приходи в воскресенье» по многим признакам типичный «производственный» роман, конфликт в нем более чем традиционен – борьба новаторства и рутинерства, новых методов хозяйствования и привычных, но безнадежно устаревающих его форм. Однако угол зрения, ракурс, избранный автором, глубина исследования проблемы содержат элемент новизны.

Замечательно, как писателю удалось предвосхитить, предупредить о необходимости обращения к тем социально-экономическим проблемам, на решение которых нас нацеливают последние решения партии. Среди них – непримиримая борьба со всем в нашей хозяйственной и духовной жизни, не отвечающим запросам времени, внимание к человеку как решающему звену производственного процесса, поощрение инициативы, творческого отношения к труду и умения видеть за сегодняшним днем более дальние цели и задачи, разоблачение всякого приспособленчества, имитации работы, игры правильными словами.

Остропроблемны и романы «Ветер над домом твоим», «Волосы Вероники». В них автор обращается к духовной жизни, духовному состоянию нашего общества.

Размышления о нашем времени, современности с неиз-

бежностью подводят писателя к исследованию генезиса, источника и наших успехов, и наших неудач. Он задумывает большое полотно, действие которого должно охватывать более семидесяти лет.

Составляющие трилогию романы «Андреевский кавалер», «Когда боги глухи» и «Время любить» следует отнести к жанровой разновидности «роман из истории советского общества». Возник он на рубеже 50 – 60-х годов. Именно тогда появились такие масштабные произведения, как «Ястребовы» М. Обухова, «Повитель» А. Иванова и затем его же «Тени исчезают в полдень», «Вишневый омут» М. Алексеева, «Истоки» Г. Коновалова. Тогда же вышел первый том романа В. Закруткина «Сотворение мира», работа над которым была завершена в 1978 году.

Впоследствии появились такие произведения, как «Вечный зов» А. Иванова, «Судьба» и «Имя твое» П. Проскурина, «После бури» С. Залыгина, тетралогия Ф. Абрамова и другие произведения, охватывающие историю нашей страны на значительном промежутке, написанные о недавнем прошлом, повернутые к современности, нацеленные на корневое осмысление проблем сегодняшнего дня. Все они вызвали живой читательский интерес, а экранизации произведений А. Иванова и П. Проскурина – небывалый успех у зрителей.

К этим романам примыкает и трилогия В. Козлова. Ее также отличает стремление проследить те или иные линии развития нашего общества на протяжении многих лет. Ав-

тору тем самым представляется возможность более глубоко, аналитично разобраться и в сложных вопросах современной социальной жизни.

Действие первого романа – «Андреевский кавалер» – разворачивается примерно с 1910 по 1943 год. Место – в основном поселок Андреевка, расположенный на железной дороге из Москвы в Белоруссию. Он назван так по имени своего основателя – Андрея Ивановича Абросимова, поселившегося здесь вместе с семьей.

Автор задался целью показать целый пласт российской жизни в период первой мировой войны, революции и в первые десятилетия Советской власти. Среди героев «Андреевского кавалера» – самые разнообразные люди, представители разных сословий, профессий, имеющие разные убеждения и не имеющие их вовсе, меняющие свои взгляды и остающиеся верными однажды выбранной жизненной концепции. Жизнь взята так, как она есть, – со всеми ее сложностями, противоречиями и кажущимися неувязками.

Роман, как правило, не страдает заданностью. Манера письма В. Козлова – свободная и раскрепощенная.

Основу повествования составляет история становления Советской власти, укрепления социалистических отношений, о которой рассказано на примере небольшого поселка, каких много в нашей стране.

Об этом времени у нас, конечно, писали много. Писали до войны, когда это было современностью. Пишут, часто еще

более заостренно, и сейчас, когда это стало «ближней историей». Естественно, в такой ситуации найти свой ракурс, свою интонацию, свой подход не так-то просто. Но В. Козлову это, бесспорно, удалось.

Роману свойственна та степень историзма, которая возникает только при аналитическом взгляде на события с определенной временной дистанции и с учетом предшествующего опыта художественного осмысления происшедшего. В. Козлов удачно избегает иллюстративности, при которой персонажи становятся воплощением одной из сторон общественной жизни. История, социальность присутствуют в романе, быт их не заслоняет, но они проявляются прежде всего через характеры, образы.

Историзм «Андреевского кавалера» в том, что жизнь показана в нем как изменяющаяся в своем сущностном ядре во времени, развивающаяся. Причем сделано это чисто художественными, литературными средствами.

При чтении романа, особенно его первых двух частей, сопутствует ощущение новизны, свежего, оригинального подхода к материалу. Эта оригинальность отнюдь не сродни нарочитой вычурности. Нет, В. Козлов пишет в простой, неброской манере. Избежать как банальности, вторичности, так и псевдоизысканности, надуманности удается за счет соединения в образе общечеловеческого и обусловленного эпохой, социального и индивидуального.

В. Козлов стремится создавать образы запоминающиеся,

масштабные. Особенно впечатляет фигура главного героя романа – Андрея Ивановича Абросимова. Это настоящий русский богатырь, сильный духом и телом, со своими убеждениями, взглядом на мир. Образ этот – эпический, он свободен от рафинированности, искусственного приукрашивания. Андрей Иванович, как говорится, «не без греха», но доверия к нему мы не теряем.

По-своему впечатляет и Шмелев-Карнаков, дворянин по происхождению. В. Козлов хорошо показывает, как человек, не сумевший понять революцию, понять свой народ, постепенно приходит к сотрудничеству с врагами этого народа. Сильная и волевая натура, Карнаков медленно прозревает, понимая, что он и ему подобные всегда будут для фашистов лакеями.

В интересном освещении предстает под пером В. Козлова период нэпа. К этому сложному периоду он подходит конкретно-исторически, без упрощения и поверхностного социологизирования.

Из бывших нэпманов получились Яков Ильич – жуликоватый начальник столовой, его сын Леонид – уголовник и предатель Родины – и его брат Семен – строитель Комсомольска-на-Амуре, а в годы войны преданный своему народу солдат.

В обрисовке картин нэпа заметна новизна подхода к материалу, отход от традиционных схем письма преимущественно черной краской. Автор стремится здесь посмотреть на ис-

торию прежде всего с позиций человековедения, а потом уже обществоведения.

«Военные» страницы романа написаны в несколько другой манере. Им свойственна острая интрига, выпуклая про-рисовка картин жизни на фронте и в тылу. Если о нэпе В. Козлов писал, основываясь на чужих воспоминаниях, семейных преданиях, то здесь он использует свой собственный немалый жизненный опыт.

В «Андреевском кавалере» писатель рисует достаточно обобщенные картины. Последующим двум романам трилогии свойствен элемент автобиографичности. В то же время и в них прослеживается жизнь одной семьи, корни которой – в небольшом российском поселке Андреевка.

Роман «Когда боги глухи» охватывает промежуток времени с конца 40-х до примерно середины 70-х годов. Его отличают богатство и разнообразие жизненного материала. Среди персонажей – люди самых разных профессий и занятий. Действие происходит в Москве и Ленинграде, в поселке Андреевка и за рубежом – вплоть до далеких тропических островов.

Роман увлекательно построен, читается с большим интересом. Большое место в нем занимает детективная линия. Здесь автору, несмотря на предельную остросюжетность, как правило, удается не выходить из границ правдоподобия, хотя накал страстей нередко достигает критической величины. Авантюрные страницы для В.Козлова не становятся са-

моцелью. Они – одно из звеньев исследования характера, нравственных проблем, порожденных обычной, повседневной жизнью.

Роман созвучен нашему времени, в нем затронут ряд острых вопросов нашей социальной жизни. При этом В.Козлов не избегает однозначных, определенных ответов, когда этого требуют ситуации. Нравственную позицию писателя никак не назовешь релятивистской. Зло и добро, мужество и трусость он всегда называет своими именами. Но добро и зло у В. Козлова не прикреплены к человеку раз и навсегда. Они никогда не смешиваются друг с другом, как масло и вода, но грань между ними очень тонка. Одно-единственное слово, поступок могут переместить человека через эту незримую границу (Игорь Найденов).

В романе пунктиром проходит мысль об ответственности человека за свои поступки. «За все в жизни надо платить» – это высказывание Э. Хемингуэя находит у В. Козлова многократное подтверждение. Платить надо – не всегда это осознает сам человек, так как расчет с жизнью может быть растянут во времени, носить неявный характер. Но он неизбежен.

Герой В. Козлова меньше всего похож на эдакого рафинированного правдолюбца, всегда готового дать окончательный, исчерпывающий ответ на любой вопрос. Это человек действия, порой ошибающийся, но ищущий и находящий. У него большой запас доброты, он мужествен и в то же время

легко раним, порой оказывается – временно – безоружным перед агрессивной силой зла. Таковы в романе Дмитрий Андреевич и Павел Абросимовы, главный герой Вадим Казаков.

В романе «Когда боги глухи» нет больших социальных обобщений, но есть обобщения социально-психологические. Дана реальная картина времени в реальных человеческих типах. При этом в повествовании о событиях 50 – 60-х годов отчетливо ощутима проекция в современность, связь с проблемами сегодняшнего дня.

Автор не на все вопросы ответил, да не на все и можно ответить с исчерпывающей полнотой. Но главное в том, что роман учит нас активно мыслить, отстаивать свои взгляды, не подчиняться давлению извне или стечению обстоятельств. Только таким путем можно прожить жизнь полноценную, насыщенную, достойную звания человека, утверждает В. Козлов.

Заключительная книга – «Время любить» – тесно примыкает к предыдущей части трилогии.

Новое произведение писателя посвящено событиям примерно с 1983 года до самых последних дней. Она охватывает, таким образом, в сравнении с предыдущими двумя, относительно небольшой промежуток времени. Но именно эти годы, особенно в сопоставлении с полутора-двумя десятилетиями, к которым они примыкают, насыщены значительными событиями в жизни страны.

Удалось ли В. Козлову отразить социальную динамику поворотного времени, запечатлеть намечающиеся исторические сдвиги в жизни советского общества? В значительной мере да, хотя, видимо, полностью осмыслить, оценить суть и значение происходящих перемен литературе сегодняшнего дня просто не под силу. Потребуется, наверное, какая-то временная дистанция, чтобы осветить все грани начинающейся перестройки. Это подтверждает и история нашей литературы. Значительные в художественном отношении произведения, как правило, создавались не по «горячим следам» событий, а по прошествии определенного периода времени. Достаточно вспомнить «Войну и мир», «Тихий Дон», «Дело Артамоновых» (ситуация хрестоматийная) и, например, военную прозу 70 – 80-х годов.

Роман «Время любить» заострен на показе противоречивого характера состояния общества в недавнем прошлом и необходимости, неизбежности кардинальных изменений. В нем особенно часто звучит тревожная нота беспокойства, боли за происходящее с нами и вокруг нас.

Роман не только продолжает сюжетные линии, темы, заявленные в первых двух книгах трилогии, но, что важно, повернут к современности, актуален и злободневен. Это следует особо отметить, так как в реальной литературной практике мы часто встречаемся с противным. Писателей, тяготеющих к созданию произведений крупной формы, нередко подводит стремление во что бы то ни стало довести до ло-

гического конца развитие всех намеченных коллизий. Часто заключительные книги разнообразных ди-, три- и тетралогий уступают начальным, что неоднократно замечала критика (А. И. Павловский, А. Бочаров).

Важно отметить, что роману В. Козлова несвойственны поверхностная поспешная эйфория по поводу «отдельных успехов» или же, напротив, одностороннее критиканство. Писатель стремится к глубинному исследованию назревших проблем, пользуясь при этом своими, чисто литературными приемами, отличными от инструментария социологии или журнальной публицистики. Это, конечно, не принижает значимость его поиска.

Достоверности изображаемого, весомости критики способствует хорошее знание описываемых автором сфер жизни. В центре его внимания – мир литературы и искусства, жизнь средних слоев нашей интеллигенции.

Главные герои романа – писатель Вадим Казаков, с которым мы встретились в предыдущей книге трилогии, его сын Андрей, испытывающий и ищущий себя в самых разных сферах жизни, и дочь – студентка театрального института Оля. Казалось бы, отойдя от своего принципа демократизма героя, В.Козлов и здесь ставит членов семьи Казаковых перед такими испытаниями, погружает их в такие водоворот жизни, что ощущения их исключительности при чтении не возникает. Словом и делом своим они ведут борьбу с теми, кто присваивает себе право получать разнообразные приви-

легии за делячество вместе дела и показное глубокомыслие, а на самом деле пустословие «в духе времени» вместо требующей всех без остатка душевных сил творческой работы.

Говоря о сложных проблемах литературной жизни, В.Козлов использует порой полемически заостренную манеру письма, весьма отличную от многого из того, что принято говорить по этому поводу. Пожалуй, «Время любить» здесь можно поставить в один ряд лишь с такими произведениями, как «Чего же ты хочешь?» В.Кочетова, «Годы без войны» А. Ананьева, «Печальный детектив» и Тельняшка с Тихого океана» В.Астафьева.

В целом критический пафос В.Козлова выглядит оправданным. Хорошо известно, что в нашей литературной жизни немало больных мест, – об этом много говорится в печати, на писательских форумах, Очевидно, стремление В.Козлова вскрыть «внутренние», психологические пружины наблюдаемых явлений негативного свойства вполне своевременно. Писателю удалось создать ряд выразительных портретов «литературных» деятелей, «имитаторов», имеющих мало общего с настоящим творчеством.

В романе ведется серьезный разговор о литературных делах. Автор стремится обнажить наболевшее, традиционно замалчиваемое. Делается это последовательно, с честных, принципиальных позиций, хорошо соотносится с тем, что заявлялось в предыдущих романах писателя.

В.Козлов не вдруг присоединился к перестройке. Он при-

надлежит к числу тех, кто готовил общественное сознание к нынешнему обновлению. Достаточно вспомнить его «Приходи в воскресенье», «Волосы Вероники», где затронуты те болезненные вопросы нашей жизни, на которые сейчас нацелено так много публицистических перьев.

Взяты из жизни, узнаваемы в романе «Время любить» директор турбазы и его сверхэнергичная супруга, доходящие до использования наемного труда... своих туристов-постояльцев, хозяйчик Околыч. В обрисовке этих фигур В.Козлов не идет проторенным путем, находит свежие краски. Обличая и негодуя, он ищет в человеке человеческое, остатки совести, достоинства, доброты. Заметно стремление разобраться, как, когда, кем были порождены те или иные уродливые явления, какое их ждет развитие, «будущее». Вполне оправданными художественными задачами, решаемыми автором, здесь оказываются и небольшие гиперболизация, утрирование.

Особенность повествования В.Козлова, как и в предыдущих романах, в том, что он редко использует открыто публицистическое письмо, избегает точной датировки, упоминания о каких-то всем известных событиях, то есть всего неорганичного для данного художественного текста. При этом альтернативой писателя становится исследование времени, состояния общества в других координатах – характера, судьбы, поколения.

Суть творческого кредо В.Козлова – в приближении к

конкретному человеку. Можно сказать, что в стилистике его творчества человеческий фактор имеет преобладающее значение. Приоритет отдается собственно художественному образу. Через него высвечиваются дух времени, ритм эпохи, движение истории.

Д. А. Благов